

ISSN 1995-5634

БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ

ОСНОВАН В 2004 ГОДУ

Выпуск IX

МИНСК

БГУ

2014

В девятом выпуске ежегодного научного сборника представлен широкий спектр материалов по истории России, славянских стран и народов. Исследуются различные темы белорусской истории, которые позволили авторам выйти на концептуально-теоретические обобщения.

Редакционный совет:

- д-р ист. наук, проф. *В. А. Федосик* (председатель; БГУ);
д-р наук, проф. *Дамир Агичич* (Загребский университет, Хорватия);
д-р наук, проф. *Искра Баева* (Софийский ун-т «Св. Климент Охридский», Болгария);
д-р ист. наук, проф. *Д. В. Карев* (ГрГУ имени Янки Купалы);
д-р ист. наук, проф. *Г. Ф. Матвеев* (МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия);
д-р ист. наук, проф. *Радослав Распопович* (Институт истории Черногории);
д-р философии, проф. *Ян Рыхлик* (Карлов университет, Чехия);
д-р habilitovaniy, проф. *Ирена Ставовы-Кавка* (Ягеллонский университет, Польша);
д-р habilitovaniy, проф. *Ромуальд Турковский* (Варшавский университет, Польша);
д-р ист. наук, проф. *Тодор Чепреганов* (Институт национальной истории Македонии);
д-р ист. наук, проф. *М. Э. Чесновский* (БГУ);
д-р ист. наук *А. Л. Шемякин* (Институт славяноведения РАН, Россия);
д-р философии, доцент *Михел Шмигел* (Университет Матии Бела, Словакия)

Редакционная коллегия:

- канд. ист. наук, доцент *А. П. Сальков* (отв. ред.);
канд. ист. наук, проф. *О. А. Яновский* (отв. ред.);
д-р ист. наук, проф. *В. И. Меньковский* (зам. отв. ред.);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *Г. Я. Голенченко*;
д-р ист. наук, проф. *Н. М. Забавский*;
д-р ист. наук, проф. *Г. Г. Лазько*;
д-р ист. наук, проф. *А. Н. Нечухрин*;
канд. ист. наук, доцент *С. Н. Ходин*;
канд. ист. наук *В. В. Репин* (отв. секретарь)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	6

СТАТЬИ

К 80-летию исторического факультета Белорусского государственного университета	9
Баранова Е. В. Роль Владимира Ивановича Пичеты в утверждении в Белорусском государственном университете традиций исторической науки и образования	9
Загорульский Э. М. Место носителей культуры длинных курганов в славянском этногенезе	15
Луговцова С. Л. Кадровая политика российских властей на территории Беларуси после подавления восстаний 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг. (попытка сравнительного анализа)	28
Карлина О. Н. Организация таможенного контроля на западной границе Российской империи в конце XVIII — первой половине XIX в. (на материалах Волынской губернии)	39
Кохнович В. А. Особенности хозяйства и социального состава переселенцев из минской губернии конца XIX в.	50
Сальков А. П. СССР и решение проблемы Верхней Венгрии (Южной Словакии) в период подготовки Парижской мирной конференции (май 1945 — июль 1946 г.)	61

СООБЩЕНИЯ

Орлова Н. Е. Перестройка в СССР в оценках западных политиков	85
Бригадина О. В. Суды чести над советской номенклатурой (1947—1949 гг.)	95
Шило Е. В. Формы и особенности дворянской благотворительности на белорусских землях Российской империи в первой половине XIX в.	101
Гончаров Н. Н. Православно-русская народная концепция «революции справа» начала XX в.	113
Ситкевич Ю. В. Прусский фактор в отношениях Московского государства, Великого княжества Литовского и Короны Польской (конец XV — первая четверть XVI в.)	118
Некрашевич Ф. А. Отдельный литовский корпус в планах тайных обществ декабристов	123

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Ходзін С. М. Д. Ф. Прышчэпаў: гісторыя асобы як гісторыя краіны	131
Козік Л. А. Мечыслаў Францішак Ракоўскі — апошні прэм’ер-міністр Польскай Народнай Рэспублікі	143

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ — ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ

Кёре Софи. Присутствие и отсутствие Советской России в геополитике Центральной и Восточной Европы (1917—1924): политика, пространства и репрезентации	151
Репин В. В. Установление советско-румынских дипломатических отношений в 1934 г. и Франция в контексте проектов европейской коллективной безопасности: цели, ожидания, результаты	161
Леденёв С. С. Экономические аспекты франко-советских отношений в 1930—1937 гг. в контексте интересов Франции и СССР в Центральной и Восточной Европе	168
Пеганов А. О. Советско-французские отношения в контексте проектов реорганизации Средней Европы (1931—1934)	178
Санду Траян. Влияние роста фашизма в Центральной и Восточной Европе в середине 1930-х гг.	189
Буча А. И. Признание Чехословакией Советского Союза в 1934 г. в контексте реализации идеи «Восточного пакта»	198

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ

Яноўскі А. А. Вялікае ў малым, альбо крыніцазнаўчыя аспекты рэцэнзій У. І. Пічэты (1907—1929 гг.)	207
Фядосік В. А. Палемон Пантыйскі і легенда аб Палемоне ў летапісанні Вялікага Княства Літоўскага	219
Максимович А. А. Современный кыргызский взгляд на антисоветские выступления 1920—1930-х гг. в Центральной Азии	230

ПУБЛИКАЦИИ

Польша, Литва и крестоносцы в конце XIV — начале XV в. на страницах мхроники Бернарда Ваповского / Л. Л. Михайловская (сост., предисл., науч. коммент., перевод с польск.)	237

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ	267
Курицын А. И. Идеология русской монархической эмиграции в представлении Н. В. Антоненко	267
РЕЦЕНЗИИ	277
Луговцова С. Л. — Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб. : Алетей, 2013	277

Ершова Э. Б. (ГУУ. Москва). Белорусская историческая наука об элите российского общества IX—XXI вв. (по материалам биографического справочника «Кортеж российской власти IX—XXI века»: в 3 ч. / под ред. профессора О. А. Яновского. Минск : РИВШ. 2013—2014.)	282

КОРОТКО О КНИГАХ	288

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ	303

Чикалова И. Р. Ольга Алексеевна Новикова (1840—1925): «неофициальный агент русского правительства» или тайный агент России в Лондоне	303

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ И ПРОГРАММЫ	312

II Международная научная конференция «История развития северных регионов России: принудительный труд в ГУЛАГе» (Сыктывкар, Воркута, 15—19 октября 2013 г.)	312

Материалы научного круглого стола «Проблемы истории России, Беларуси и Украины XIX — начала XX в.» (Минск, 28 октября 2013 г.)	314

Тезисы выступлений	315

Две белорусско-французские научные конференции по общей проблеме «Средняя Европа между Францией и СССР» (Париж, ноябрь 2013 г.; Минск, октябрь 2014 г.)	328

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОСТЬ	333

Интервью профессора В. И. Меньковского с ведущим специалистом в области исторической демографии и истории европейского севера России Игорем Любомировичем Жеребцовым	333

Жеребцов И. Л. Остров «Архипелага ГУЛАГ» на Европейском Северо-Востоке России	339

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ	347

Хальчак Богдан. Оо происхождении и содержании Синдрома «кресов всходних» в Польше	347

ПРЕДИСЛОВИЕ

Для коллектива исторического факультета БГУ 2014-й год прошел под знаком 80-летнего юбилея. Редколлегия сочла необходимым еще раз обратить внимание читателя на непреложный факт: основы исторического образования и развитие главных научных парадигм в разработке самых различных направлений исследований в области истории были заложены в БГУ, а значит в Беларуси, уже с начала 1920-х гг. Поэтому-то и честь открытия публикаций научного сборника предоставлена Е. В. Барановой, которая в очередной раз акцентирует наше внимание на роли Владимира Ивановича Пичеты в утверждении в Беларуси традиций исторической науки и образования.

Вместе с тем, как это определено публикаторской стратегией редколлегии, в настоящем номере сборника представлен широкий спектр научных тем, хронологических периодов, направлений индивидуальных и коллективных исследовательских интересов историков БГУ, других белорусских научных и учебных институций, зарубежных коллег. Было стремление максимально гармонично не только выдержать такой подход при выборе самого значимого из большого количества полученных редколлгией материалов, но и соблюсти баланс в публикации сюжетов из именно российской и именно славянской истории. При этом важно было как бы синхронизировать (тематически и хронологически) авторские творческие устремления, нацеленные на раскрытие малоисследованных проблем собственно белорусской истории.

Так, как нам кажется, в этом плане проведены исследования Э. М. Загорульского, С. Л. Луговцовой, Е. В. Шилов, Ю. В. Ситкевич и других авторов данного номера научного сборника. В их публикациях рассматриваются различные вопросы, охвачены различные временные отрезки, обращено внимание на масштабные и детальные аспекты прошлого белорусов. Однако работы наших авторов объединяет то, что в них присутствует достаточно широкий общеславянский и российский «фон». Он очевиден и в статье нашего гостя из Украины О. Н. Карлиной, когда вопросы о системе и функционировании таможенного контроля на Волынщине интересны для отечественной историографии. А «фон», на котором проведено оригинальное исследование профессора истфака БГУ В. А. Федосика, в данном смысле вообще можно считать чуть ли не абсолютно широким. Подобные исследования дают возможность расширить наши представления о возможностях познания истории белорусов и побуждать к новым творческим направлениям.

Редколлегия стремилась в присланных материалах найти самые интересные с научной точки зрения подходы, оценки, концептуальные построения и, конечно, определенно эксклюзивные, только что выявленные исторические факты. Важно было отобрать наиболее по научному ценное не только для главных рубрик сборника, но и для таких специфичных, как «рецензии», «приглашение к дискуссии», «научные форумы и программы», «специальный гость» и др. Неким образцом исследовательского диапазона в повседневности историка можно считать творчество все того же В. И. Пичеты (см. статью о нем в рубрике «Источниковедение и историография»). Он придавал огромное значение осмыслению написанного коллегами и определению своей позиции по огромному спектру проблем истории.

Редколлегия

СТАТЬИ





**К 80-летию
исторического факультета
Белорусского государственного университета**

Е. В. Баранова

**РОЛЬ ВЛАДИМИРА ИВАНОВИЧА ПИЧЕТЫ В УТВЕРЖДЕНИИ
В БЕЛОРУССКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ТРАДИЦИЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ**

В статье автор проанализировал вклад первого ректора БГУ В. И. Пичеты в развитие университетской исторической науки. Для этой цели были изучены различные источники по истории университета, воспоминания коллег, учеников и самого Владимира Ивановича, а также научные работы других исследователей, посвященные деятельности БГУ и его первого ректора. Рассматриваются все направления деятельности В. И. Пичеты: подбор профессорско-преподавательского состава, подготовка аспирантов и студентов-историков, организация научной работы студентов (студенческое Краеведческое общество БГУ), составление учебных планов и программ по истории, создание Научного общества БГУ и работа в его социально-исторической секции, установление международных научных связей, участие в работе всесоюзных и международных научных конференций и съездов, подготовка материальной базы университета.

In this article the author analyse a contribution of the first rector of BSU V. I. Picheta to the organization and development of university historical science. For this purpose various sources on the history of the university, the reminiscence of Vladimir Ivanovich, his colleagues and pupils, as well as the scientific works of other researchers devoted to the activity of BSU and its first rector were analysed. All activities of V.I. Picheta in this course are considered: selection of professional and teaching staff, training of graduate students and history students, organization of the scientific work of students (student's Local History Society of BSU), curriculum and programs on history planning, foundation of the Scientific organization of BSU and his contribution to the socio-historical section, establishment of the international scientific relations, participation in the work of all-Union and international scientific conferences and congresses, preparation of university's resource base.

Ключевые слова: ректор, интеллигенция, университет, высшая школа, история, образование, наука, культура, общество.

Keywords: rector, the intellectuals, university, higher school, history, education, science, culture, society.

Поворотным этапом создания белорусской национальной высшей школы и науки стали 20-е гг. XX в. Без преувеличения важнейшая роль в этом принадлежит Белорусскому государственному университету. Становление БГУ происходило в тяжелых послереволюци-

Баранова Елена Валентиновна — старший преподаватель кафедры восточнославянской и российской истории Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова, кандидат исторических наук. E-mail: 123alena@mail.ru

онных и послевоенных условиях благодаря неимоверным усилиям его организаторов, среди которых своей убежденностью и энергией выделялся первый ректор университета — историк с европейской известностью Владимир Иванович Пичета.

Деятельность ученого и организатора в 1920-е гг. была направлена на утверждение принципов учебной и научной работы БГУ, соответствовавших новой эпохе. Среди первоочередных задач было создание основ учебного процесса и организация научно-исследовательской работы университета.

В. И. Пичета много внимания уделял историческому образованию и исторической науке. Необходимо отметить, что в первые годы деятельности БГУ именно история являлась приоритетным направлением развития его учебных и научных функций, хотя исторического факультета в 1920-е гг. в университете не существовало. Однако первые учебные планы гуманитарных факультетов (общественных наук и педагогического) были насыщены историческими предметами.

Так, студентам читался широкий спектр учебных исторических дисциплин: история Западной Европы XVII—XVIII вв., история Запада XIX в., новейшая история Запада, история новых европейских обществ, история народного хозяйства в Западной Европе, история Московского государства XVI—XVII вв., история России XVIII в., история России XIX в., история народного хозяйства России, новейшая история России, древняя история, история Востока, история Греции, история античного искусства, история раннего христианства, история евреев, история древнееврейской литературы и искусства, история средних веков, история средневекового хозяйства, история хозяйства и форм труда, исторический материализм, история пролетарской революции, история революционных движений на Западе, история социализма.

Большое внимание уделялось преподаванию разных курсов по белорусской истории: история Беларуси разных периодов, история белорусской культуры до XIX в., история культурных движений Беларуси XVI—XVIII вв. и др. [1, с. 177, 178]. Уже в первые годы благодаря инициативе Владимира Ивановича в БГУ были заложены основы изучения и преподавания славяноведения. На отделениях ФОНа преподавались курсы истории и этнографии народов России и Беларуси, славянской этнографии и истории славян, истории Польши и польской этнологии, истории Литвы, истории Украины и др. [10, с. 12]. На открывшемся в 1922 г. педагогическом факультете начало действовать социально-историческое отделение, готовившее будущих специалистов-историков.

Для преподавания исторических и сопряженных с историей гуманитарных курсов В. И. Пичета и другие организаторы БГУ приглашали известных ученых из Московского, Казанского, Киевского, Смоленского и других университетов. Отзывались многие, но в Минск смогли приехать лишь те, кто посчитал новый университет тем местом, где в полной мере возможно реализовать свои творческие возможности и планы: Д. А. Жаринов, А. А. Савич и сам Владимир Иванович — по кафедре русской истории, Д. П. Кончаловский и В. Н. Перцев — по кафедре всеобщей истории, С. Г. Лозинский — по кафедре истории еврейского народа, А. Н. Вознесенский — по кафедре русской культуры, В. Н. Дьяков — по кафедре западноевропейского быта и культуры, Н. М. Никольский — по кафедре истории религии и др. [1, с. 175, 176].

Одновременно к работе в университете по приглашению ректора и Наркомпроса республики, по велению своего сердца приступила целая плеяда белорусских научно-культурных деятелей: М. Н. Пиотухович, И. Ю. Лесик, Якуб Колас, М. В. Довнар-Запольский, Д. И. Довгялло, В. Д. Друщиц, В. М. Игнатовский, Ф. Ф. Турук, А. А. Смолич, Н. Н. Щекотихин, Е. Е. Романов, В. У. Ластовский и др. [9, с. 33, 36—38]. Так формировалась белорусская научная историческая школа.

Почти все учебные курсы, которые обеспечивали историки БГУ, сопровождались непрерывной глубокой научной проработкой. Для этого не только университетские профессора, но

и все преподаватели занимались научной работой, отыскивая для нее малейшие возможности в учебный период, а лето, как правило, посвящая научным командировкам в Россию и страны Центральной и Западной Европы. В 1920-е гг. ими было написано и опубликовано большое количество научных работ, среди которых можно выделить следующие: «Введение в русскую историю», «История народного хозяйства России в XIX—XX вв.», «Сельское население в западных частях Беларуси в пореформенное время», «История Беларуси», «История народного хозяйства Беларуси» и др. (В. И. Пичета); «Археология и этнография и их значение для изучения доистории человечества», «Марксизм и социология» (С. З. Каценбоген); «Религия как предмет науки», «Иудейские монархи XVII века» (М. Н. Никольский); «К вопросу об общинной собственности у древних германцев», «Экономическое развитие Англии в XIX в.» (В. Н. Перцев); «Диалектический материализм» (С. Я. Вольфсон); «Гісторыя Беларусі» (М. В. Довнар-Запольский); «Палажэнне Літоўска-Беларускай дзяржавы пасля Люблінскай вуніі» (В. Д. Друшціц); «Кароткі нарыс нацыянальна-культурнага адраджэння Беларусі», «Гісторыя Беларусі ў XIX і пачатку XX стагоддзя» (В. М. Игнатовский); «Очерки культурных движений в Белоруссии и на Украине в XVI—XVII вв.» (А. А. Савич); «Социально-экономическое положение евреев в России в I половине XIX в.» (И. Д. Сосис); «Очерки и исследования по социальной и экономической истории Чехии» (А. Н. Ясинский) и др. [4, с. 13—16; 5, с. 11—15, 20—24; 16].

Труды ученых БГУ не только развивали конкретные направления исторической науки, но и являлись начальным этапом становления в Беларуси новых общественно-гуманитарных наук, таких как социология, политология, религиоведение и ряд других. Принципиальные в научном отношении статьи и сообщения публиковались в созданном по инициативе и самом деятельном участии Владимира Ивановича ежегодном научном периодическом издании университета «Працы БДУ». Всего с 1922 г. по 1930 г., за годы ректорства и преподавания В. И. Пичеты, вышло 25 номеров журнала (с учетом нескольких «сдвоенных» и даже «строенных» выпусков).

Всю учебную и научную работу по истории координировала и направляла созданная в октябре 1921 г. историческая предметная комиссия, объединявшая всех историков университета (председатель Н. М. Никольский). На ее заседаниях рассматривались учебные программы и планы, отчеты преподавателей о проделанной работе, в том числе и научно-исследовательской, темы и порядок защит дипломных работ [9, с. 33]. По инициативе Владимира Ивановича комиссия регулярно обсуждала меры по улучшению методики и практики преподавания исторических дисциплин, организационно-финансовому обеспечению научной работы профессоров и преподавателей. Так, одним из первых было принято решение ввести преподавание истории Беларуси в качестве общеобязательного предмета для всех факультетов университета, расширить преподавание многих других исторических дисциплин [15, с. 30].

Значительное влияние на ход научной работы университета оказывало Научное общество БГУ, организованное в 1921 г. по инициативе ректора. В 1920-е гг. членами Общества были большинство профессоров и преподавателей университета (в 1926 г. — до 250 чел.), в том числе известные ученые с мировым именем. В 1924—1926 гг. председателем Общества избирался сам В. И. Пичета. Научное общество делилось на секции, среди которых выделялась социально-историческая. На протяжении 1920-х гг. членами этой секции были заслушаны доклады по важнейшим проблемам основных научных направлений как белорусской, так и мировой истории [5, с. 44, 45].

Владимир Иванович был одним из основателей и действовавшего в первой половине 1920-х гг. при БГУ Минского общества истории и древностей, объединившего большинство столичных ученых-историков. 28 октября 1922 г. на очередном заседании он нацелил членов Минского общества на создание и концептуальную разработку собственной белорусской

истории: «...беларускім гісторыкам трэба... саўсім іначай аднесціся да гісторыі свае стараны. Разглядаць гісторыю Беларусі як частку гісторыі Маскоўшчыны, Літвы ці Польшчы — цяпер ужо шкодна. Трэба безадкладна будаваць гісторыю Беларускага народу...» [14]. Количество членов и гостей общества в разные годы варьировалось от 30 до 60 человек. В 1920-е гг. членами общества были проведены исторические исследования и сделан ряд ценных научных докладов по разнообразным направлениям белорусской истории разных хронологических периодов. Общество также занималось археологической, этнографической и краеведческой работой [12].

Большое значение Владимир Иванович придавал установлению международных контактов. В целях развития научной работы и совершенствования учебного процесса, а также представления республики и университета на международной научной арене регулярной стала практика творческих командировок профессоров и преподавателей в научно-образовательные центры СССР, а также за границу. В 1920-е гг. ученые БГУ, в том числе историки, посетили ряд стран Европы и Америки, работали в научных библиотеках и архивах, принимали участие в работе всесоюзных и международных научных конференций и съездов, избирались членами союзных и европейских научных обществ.

Большой продуктивностью в научном плане отмечены командировки самого ректора. Так, Владимир Иванович с успехом представлял белорусскую историческую науку на международных съездах историков. В декабре 1925 г. он вместе с другим белорусским историком В. Д. Друщицем принял участие в съезде польских историков в Познани, где в ряде докладов были затронуты темы, непосредственно касавшиеся истории Беларуси [2].

Летом 1928 г. ректор представлял Беларусь на научных исторических конгрессах мирового уровня. Так, в июле он принял участие в работе международного научного съезда в Берлине («Берлинская историческая неделя») и сделал доклад «Аграрная реформа на ўсходняй Беларусі ў канцы XVI — пачатку XVII ст.». В ходе работы съезда Владимир Иванович выступил с приветственной речью, в которой наметил новое направление белорусской исторической науки — изучение истории белорусско-немецких отношений [7]. В августе 1928 г. в составе советской делегации ректор участвовал в VI Международном конгрессе историков в Осло [8]. Благодаря участию В. И. Пичеты в работе этих двух форумов историков белорусская историография впервые обратила на себя внимание как со стороны советского, так и международного научного сообщества.

В кругу первоочередных задач В. И. Пичеты как ректора была подготовка научных кадров для обеспечения преемственности профессорско-преподавательского состава в БГУ. С этой целью по его инициативе в республике была создана аспирантура. В октябре 1927 г. она была официально открыта в БГУ [6, с. 36]. Однако сам ректор-историк начал набирать учеников еще с 1925 г.: ими в «белорусский период» жизни ученого и педагога стали Ф. Забелло, А. Бурдейко, К. Товстолес-Шионек, К. Керножицкий, Т. Степанов, Д. Дудков, В. Скардис. В. И. Пичета возлагал на своих учеников много надежд, стремясь подготовить новую смену именно белорусских по духу и научной квалификации историков. Одновременно молодые научные кадры готовились и другими историками БГУ — В. Д. Друщицем, А. Н. Ясинским [13, л. 5, 6, 8].

В. И. Пичета всемерно способствовал развитию и активизации научной деятельности студентов, стремясь направить ее в русло разработки наиболее актуальных вопросов. Так, на заседаниях предметной комиссии в 1924 г. были утверждены первые темы дипломных работ студентов по истории (научные руководители — В. И. Пичета, Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, И. Д. Сосис, А. А. Савич и др.). Темы первых студенческих работ в значительной степени отражали научные пристрастия руководителей: «Помещичье хозяйство и быт крестьян в XVI в.», «Законодательство Екатерины II и Павла I в Белоруссии», «Люблинская уния 1569 г.», «Государственное право Литовского статута 1588 г.», «Законодательство о крестьянах

времен Николая I», «Национальный вопрос в I Государственной Думе», «Сляды першабытнага грамадзянскага строю у беларускай народнай рэлігіі», «История городской жизни в древнем Израиле», «Развитие еврейского ремесла в Беларуси в XIX и XX вв.», «Общественная роль женщины во Франции в XVII в.» и др. [11, л. 32, 66, 104, 121].

Как видно, студенты-историки нацеливались на разработку тех тем и направлений, когда руководители могли оказать помощь не только советами, но и своим творческим и книжным «багажом». Например, для самого В. И. Пичеты было правилом приглашать своих учеников на ректорскую квартиру для обсуждения творческих успехов и проблем. Так в Минске сформировались известные впоследствии в Московском университете «пичетники».

Одним из проявлений творческой энергии студенческой молодежи стало создание под руководством Владимира Ивановича Краеведческого общества БГУ. Общество было организовано в конце 1925 — начале 1926 г., а в 1928 г. уже насчитывало 258 человек. Были совершены экспедиции в Туровский район Мозырского округа (1926—1927 гг.), в Ушачский район Полоцкого округа, на реку Свислочь (1927—1928 гг.). На заседаниях культурно-исторической секции общества ставились для решения серьезные научные и краеведческие проблемы, среди которых: «Аб раскопках у Заслаўі», «Магілёў і Менск у 1697 г. паводле запісаў стольніка Талстога», «Матар’яльная культура Тураўшчыны», «Рамесніцтва яўрэяў у Беларусі» [3, с. 117, 118].

Таким образом, в 1920-е гг. по инициативе первого ректора В. И. Пичеты БГУ были заложены основополагающие традиции университетской исторической науки. Они с формальной точки зрения были наполнены высоким качеством и глубиной исследований, творческим подходом к преподаванию учебных курсов и написанию научных работ, приоритетом национальной истории среди других направлений исторической науки, стремлением к постоянному совершенствованию педагогической и научной квалификации, открытостью в обсуждении самых острых научных проблем, стремлением к широким международным контактам, заботой, содействием и помощью в научной деятельности студентов, в подготовке собственных научно-исследовательских кадров-историков.

Под руководством Владимира Ивановича происходило становление новых научных направлений университетской исторической науки. Он сам олицетворял в БССР крупнейшего знатока истории Беларуси, России, Украины, западных славян, всеми силами способствовал развитию творческих начал коллег в изучении истории Запада, истории Востока, истории древнего мира, античности, средних веков, археологии, краеведения и др. Именно во многом благодаря ему в Беларуси сформировались научные школы историков разных научных направлений, продолженные уже в деятельности исторического факультета БГУ с момента основания в 1934 г. и свято хранимые сегодня. Не боясь громких эпитетов, можно утверждать, что исторический факультет Белорусского государственного университета в XXI в. является важнейшим в республике центром изучения национальной и мировой истории, продолжая дело своих великих предшественников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Баранова Е. В. В. И. Пичета — организатор исторического образования в Белорусском государственном университете // Працы гіст. фак. БДУ / рэдкал. : У. К. Коршук [і інш.]. Мінск, 2008. Вып. 3. С. 174—180.
2. Звезда. 1926. 6 янв.
3. Игнатова Е. В. В. И. Пичета и проведение белорусизации в Белорусском государственном университете // Романовские чтения-2 : сб. тр. Междунар. науч. конф. / под ред. О. В. Дьяченко. Могилев, 2006. С. 116—118.
4. Каценбоген С. З. Белорусский государственный университет за 1921—1922 академический год. Минск, 1921. 40 с.

5. *Каценбоген С. З.* Белорусский государственный университет в 1922—1923 учебном году (Итоги и перспективы). Минск, 1923. 52 с.
6. *Кожушков А. И., Яновский О. А.* Белорусский университет: хроника событий (1919—1989 гг.) / под ред. *Ф. Н. Капуцкого* [и др.]. Минск, 1990. 236 с.
7. Савецкая Беларусь. 1928. 29, 31 ліп.
8. Звезда. 1928. 31 авг.
9. *Пічэта У. І.* Беларускі Дзяржаўны Універсітэт напярэдадні 10-годдзя Кастрычнікавай Рэвалюцыі // Беларускі Дзяржаўны універсітэт. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай Рэвалюцыі. Менск, 1927. С. 5—46.
10. *Позняк С. В., Яновский О. А.* Преподавание истории славянских стран в Белорусском государственном университете (1921—1997 годы) // Вісник. Історія. 1998. Вип. 37. С. 11—14.
11. Протоколы заседаний деканата, советов отделений и предметных комиссий педагогического факультета. 5 января — 18 декабря 1923 г. // НАРБ. Ф. 205. Оп. 1. Д. 781.
12. Звезда. 1924. 23 февр., 1 марта ; Савец. Беларусь. 1922. 6, 9 снеж. ; Савец. Беларусь. 1923. 8 снеж., 15, 27 сак., 28 крас., 3 мая, 3, 27 кастр., 18 снеж. ; Савец. Беларусь. 1924. 1 сак., 10 крас., 21 мая.
13. Списки аспирантов БГУ и Института белорусской культуры. 1927—1928 гг. // НАРБ. Ф. 42. Оп. 1. Д. 374.
14. Савецкая Беларусь. 1922. 2 лістап.
15. *Яноўскі А.* Гістарычны факультэт БДУ: позірк на мінулае і сучаснае // Беларус. гіст. часоп. 2000. № 1. С. 29—36.
16. *Яноўскі А. А., Зельскі А. Г.* Прафесары і дактары навук Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. 1921—2001. Мінск : БДУ, 2001. 320 с.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2013 г.

Э. М. Загорульский

МЕСТО НОСИТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ ДЛИННЫХ КУРГАНОВ В СЛАВЯНСКОМ ЭТНОГЕНЕЗЕ

Подвергнут анализу материал длинных курганов с целью установления этнического характера носителей этой культуры. На основании сравнительного анализа материалов культуры с материалами синхронной ей славянской культуры пражского типа, а также древнерусскими материалами, которые пришли на смену культуре длинных курганов, автор пришел к ряду выводов. Носители культуры длинных курганов не были славянами. Их культура сформировалась на местной, в основном балтской основе. Длинные курганы появляются уже к VI в., задолго до прихода славян на ту территорию, какую они занимали. Ранние памятники культуры длинных курганов генетически восходят к местным балтским верхнеднепровским культурам, и возникновение их может быть объяснено местным этнокультурным материалом. Как и ее более южные соседи с банцеровской и колочинской культурами, носители культуры длинных курганов были балтами и дожили до прихода славян.

В X в. в длинных курганах появляются типичные славянские сосуды, что свидетельствует о начале смешения носителей длинных курганов со славянами. В тот же период на смену длинным курганам пришли круглые с одиночными захоронениями, типичные и для всех славян Восточной Европы. Этим веком можно датировать окончание функционирования культуры, хотя процесс смешения балтов со славянами мог затянуться и на более длительный срок. Носители культуры длинных курганов были ассимилированы славянами, составив один из субстратов древнерусской народности в северо-западном регионе Руси. Память о них сохранилась в этнониме «кривичи» — славянизированной форме прежнего названия племен с длинными курганами. В этом заключалось их участие в славянском этногенезе.

The present study analyzes the material found in long barrows in order to establish the ethnic background of the bearers of this culture. The author made the following conclusions on the basis of comparative analysis of material of this culture and concurrent Slavic culture of the Prague types and Old Russian materials succeeding the culture of long barrows. The bearers of the culture of long barrows were not Slavs. Their culture was formed on the local (mainly Balt) basis. Long barrows appear by the VIth century, i.e. long before arrival of Slavs to the territory where they were located. Early relics of the long barrows culture are genetically related to local Upper-Dnepr Balt cultures, and their emergence can be explained by local ethno-cultural material. The bearers of the long barrows culture, similarly to their southern neighbours representing Bantser and Kolochinsk cultures, were Balts and lived in the area until arrival of Slavs. In the Xth century typically Slavic vessels start appearing in long barrows — this indicates the beginning of intermixing of the bearers of the long barrows culture and Slavs. Long barrows were succeeded in the Xth century by round barrows with a single burial typical for the rest of Slavic region of Eastern Europe. The end of the culture functioning can be dated to that century, though the process of Balts and Slavs intermixing could last for a longer period. The bearers of the culture of long barrows were assimilated by Slavs and formed a substratum of emerging Old Russian population in the north-west region of Rus. Memory of them is retained in the ethnonym «Krivichi» which is a slavified form of the ancient name of the tribes of the long barrows culture. This reflects their participation in the Slavic ethnogenesis.

Ключевые слова: длинные курганы, этногенез славян.

Keywords: long barrows, ethnogenesis of the Slavs.

Этническая природа носителей культуры длинных курганов и их роль в славянском этногенезе до сих пор определяется в научной и учебной литературе по-разному. Одни считают их славянами, другие — неславянами: балтами, литовцами или финно-уграми [1, с. 102, 103; 2, с. 46; 3, с. 85—113]. До недавнего времени преобладало представление об их славян-

Загорульский Эдуард Михайлович — профессор кафедры археологии Белорусского государственного университета, доктор исторических наук. E-mail: zagor_ed@mail.ru

ской природе. В основе его лежало априорное убеждение в очень раннем заселении славянами Восточной Европы. Их настойчиво искали в местных древностях и еще относительно недавно славянской считали даже финно-угорскую дьяковскую культуру раннего железного века Подмосковья. В пользу идеи раннего пребывания славян на территории средних и северных областей Восточной Европы приводился целый ряд, казалось бы, убедительных аргументов. Исследователи отмечали черты сходства погребального обряда в длинных курганах и в пришедших им на смену в IX—X вв., несомненно, славянских, небольших сферических курганах с одиночными трупосожжениями. Указывали на то, что для тех и других характерны ритуальные кострища, сохранявшиеся в виде зольно-угольной прослойки в насыпи или ямке под основанием кургана. Отмечалось, что культура длинных курганов занимала часть территории будущей Руси и хронологически предшествовала древнерусской эпохе.

Хронологическая сопряженность и территориальное совпадение области длинных курганов с ареалом, куда летописец помещает одну из группировок кривичей, дало основание связывать создателей культуры длинных курганов со славянским племенным союзом кривичей. Однако последующие исследования достоверно славянских памятников, новые данные о времени заселения славянами территории племен длинных курганов, а также о датировке ранних длинных курганов ставят вопрос об этнической принадлежности носителей этой культуры и их отношении к славянскому этносу.

Это тем более важно, что даже в самых последних работах, посвященных появлению городов на территории Беларуси, первыми их славянскими насельниками рассматриваются создатели культуры длинных курганов, на базе древних городищ которых, по мнению некоторых исследователей, формировались первые города — Полоцк, Витебск [4]. Такое представление ведет к ошибочным заключениям о времени появления некоторых городов и об их основателях. С решением вопроса об этническом характере культуры длинных курганов непосредственно связана и проблема начала расселения славян на территории Беларуси.

Проблема начала исследоваться еще в середине XIX в. и рассмотрена достаточно широко. На рубеже XIX—XX вв. курганы изучались такими выдающимися исследователями, как В. И. Сизов и А. А. Спицын [5, 6]. В послевоенные годы к ним подключились М. И. Артамонов, П. Н. Третьяков и И. И. Ляпушкин [7—9]. В 1940—50-х гг. — С. А. Тараканова [10]. В 1950—60-х гг. длинные курганы в юго-восточной Эстонии стали исследовать Х. А. Мора, Э. Д. Шноре, М. Х. Шмидехельм [11, 12]. В 1970-х гг. систематические раскопки длинных курганов в Эстонии проводил М. Э. Аун [13]. Длинными курганами занимались также Я. В. Станкевич [14], Ф. Д. Гуревич [15, с. 54—64].

В конце 1920-х гг. изучение длинных курганов в Полоцко-Смоленском регионе проводилось белорусскими археологами А. Н. Лявданским, И. А. Сербовым и С. А. Дубинским [16, с. 173—176]. В конце 1930-х гг. несколько удлиненных курганов около деревень Поречье и Черневичи были раскопаны Е. и В. Голубовичами. В 1950-х гг. длинные курганы исследовались А. Г. Митрофановым около д. Гуры на р. Сервечь. Позже он исследовал курганы под Полоцком. Несколько длинных курганов раскопал Г. В. Штыхов [17, с. 118—129; 18, с. 41—61; 19, с. 17, 18]. На Смоленщине начиная с 1950-х гг. в течение многих лет большие исследования памятников культуры длинных курганов проводил Е. А. Шмидт [20].

В 1941 г. Н. Н. Чернягиным была опубликована первая сводная археологическая карта длинных курганов [21, с. 93—148]. Особенно много в обобщении результатов исследований культуры проделал В. В. Седов, который особое внимание уделил проблемам происхождения и этнической интерпретации носителей культуры длинных курганов. Результаты и выводы были изложены им в многочисленных работах, в том числе монументальных обобщающих исследованиях [22].

Этническая интерпретация памятников была разная, но некоторые авторы не раз меняли свою точку зрения. С самого начала длинные курганы отождествлялись со славянами не

только потому, что они хронологически предшествуют эпохе Древней Руси и расположены в современном славянском ареале, но и по той причине, что в ряде случаев длинные курганы находятся в одном могильнике вместе с безусловными славянскими сферическими курганами X—XI вв., что давало повод предполагать их генетическую связь и преемственность. К тому же господствовало представление, что славяне были очень древними обитателями Восточной Европы. Носителей культуры длинных курганов отождествляли с летописными кривичами (непременно славянами, хотя следует заметить, что в недатированной древнейшей части «Повести временных лет» первоначально летописец не включал их в число славян).

К середине XX в. представление о славянском характере длинных курганов, как, впрочем, и новгородских курганов-сопок, стало почти всеобщим и вошло во все исторические труды и учебники. Наиболее стойким и последовательным приверженцем представления о славянской принадлежности культуры длинных курганов был В. В. Седов. Он пытался сопоставить ее с другими археологическими культурами посредством сравнительного анализа всех ее элементов, объяснить, как и каким образом этот славянский, по его мнению, народ с культурой длинных курганов смог оказаться в чуждой ему этнической среде. Свою позицию Седов не изменил до конца жизни. И в этом состояла его трагедия. Однако надо отдать должное поразительной работоспособности и умению этого исследователя привлечь разнообразные источники: письменные, археологические, лингвистические, антропологические, этнографические.

В то же время среди ученых оставались и такие, кто сомневался в славянской принадлежности носителей культуры длинных курганов и предлагал иные решения. Среди них — крупные советские исследователи М. И. Артамонов и И. И. Ляпушкин, которые не считали создателей культуры длинных курганов славянами [7, 9]. Последний успешно разрабатывал проблему славянских древностей накануне образования Древнерусского государства. Его научный авторитет был очень высоким, и археологи всегда прислушивались к его мнению. Последующие исследования этногенетических проблем Восточной Европы позволили уточнить период существования культуры длинных курганов в сторону их значительного удрежнения, а также дали иной подход в оценке обстоятельств и хронологии славянского расселения на этой территории. Сравнения материалов длинных курганов с синхронными им подлинно славянскими с одной стороны, и местными предшествующими дославянскими памятниками с другой, побуждают вновь обратиться к вопросу о месте носителей культуры длинных курганов в славянском этногенезе [23—26].

Сейчас уже нет сомнений в том, что область, которую занимала культура длинных курганов, расположена в зоне частично балтского, частично финно-угорского ареала, и предшествовавшие ей культуры принадлежали балтским и финно-угорским племенам. А это означает, что если рассматривать культуру длинных курганов как славянскую, то следует признать, что она не развилась на местной неславянской этнической основе, а была пришлой, вышедшей из славянского мира. Поэтому, чтобы признать ее славянской, необходимо доказать следующее: 1) культура не имеет базовых генетических корней в местном, территориально и хронологически предшествовавшем ей материале, т. е. не выросла на местной почве. Некоторые же черты сходства можно объяснить обычным в таких случаях культурным взаимодействием, причем появившимися у нее спустя какое-то время после расселения носителей этой культуры в новых местах как явления субстратного порядка в результате последующих культурных взаимодействий; 2) она не должна территориально совпадать ни с какой местной культурой; 3) культура длинных курганов хотя бы на начальном этапе должна быть если не совсем тождественна, то очень близка общеславянской культуре пражского типа, с которой славяне начали свою миграцию в Восточную Европу, типологически и хронологически. Заметим, что выход славян за пределы своей прародины и распространение их в лесной зоне Восточной Европы не мог иметь место раньше конца V—VI вв. Более того, лингвистика и археология датируют появление славян в этом регионе еще более поздним временем.

Культура длинных курганов не отвечает ни одному из приводимых условий, доказывающих ее славянский характер. Она занимает территорию среднего течения Западной Двины, смоленское течение Днепра, поречье р. Великой около Псковского озера, восточные области Латвии и Эстонии, где до нее обитали неславянские племена балтов и финно-угров. Если считать ее славянской, то она, естественно, не могла возникнуть и развиваться на местной неславянской основе. Следовательно, сторонники славянской принадлежности носителей культуры длинных курганов должны доказать ее неместный характер, признать ее пришлой, определить место ее первоначальной локализации и проследить ее несомненное перемещение оттуда на описанную территорию. Понимая все это, В. В. Седов, основной исследователь культуры и убежденный сторонник ее славянского характера, пытался ответить на все эти вопросы.

В его представлении данная культура сформировалась первоначально в зоне обитания прибалтийских славян в южной Прибалтике. В качестве доказательства он указывает некоторое сходство керамических типов у западных славян и носителей культуры длинных курганов. Далее, по его мнению, эти племена прошли через Понеманье на территорию Псковщины, куда он относит древнейшие на территории Восточной Европы памятники с длинными курганами, датируя их VII—VIII вв. Потом какая-то часть этих племен начала движение в южном направлении и расселилась в полоцко-смоленском регионе [27]. В качестве доказательства миграции племен культуры длинных курганов из Прибалтики через Понеманье в новую область он приводит наблюдения А. Г. Митрофанова о следах пожаров на городищах со штрихованной керамикой. В. В. Седов истолковывает это как свидетельство разрушения славянами — носителями культуры длинных курганов — местных поселений. Доказательства очень сомнительные. Почему-то, пройдя через эту территорию, носители культуры длинных курганов не оставили никаких собственных памятников. Длинных курганов в Понеманье нет. Исследователь белорусского Понеманья Ф. Д. Гуревич, принявшая одно время за длинные курганы некоторые валовидные всхолмления, имеющиеся в этой области, проведя раскопки, обнаружила, что это не погребения, а естественные насыпи. Впрочем, нет длинных курганов и в южной Прибалтике, откуда В. В. Седов выводит соответствующую культуру. Их отсутствие в исходной области он пытается объяснить тем, что обычай хоронить остатки кремации под длинными курганами эти племена приобрели после расселения в новых местах. Нетрудно заметить, что кроме серий предположений эта гипотеза ничем не располагает. Поиски аналогий в керамике тоже не очень убеждают. Так обстоит дело с попыткой локализовать в Прибалтике исходную территорию носителей культуры длинных курганов.

Возможно, начальная область длинных курганов располагалась в какой-то другой части прародины славян, характеризующейся керамикой пражского типа? Хотя В. В. Седов не указывает ни на какую другую славянскую область, тем не менее он предпринимает попытку доказать сходство культуры длинных курганов с славянской культурой пражского типа, к тому же почти синхронной ей. Надо сказать, что единственной, а не одной из нескольких славянских культур того времени признано считать именно пражскую культуру. Первоначально она занимала область к северу от Карпат между Эльбой и Вислой, которая была исторической прародиной славян и откуда они начали в V—VI вв. свою великую миграцию на восток и на Балканский полуостров [25, с. 170—213]. На востоке племена пражской культуры заняли территории между Днестром и Днепром, что отмечено и письменными источниками (Иордан), и археологическими материалами [28, с. 198]. Славяне Восточной Европы были отделены от носителей культуры длинных курганов широкой полосой балтских культур — банцеровской и колочинской. Поэтому никаких территориальных контактов между славянами Днестро-Днепровского междуречья и носителями культуры длинных курганов не было. Нет данных и о миграции славян с пражской культурой через территорию банцеровской и колочинской культур в полоцко-смоленский и псковский регион. Миграция славян с юга в то время не прослеживается. Ее просто не было.

О позднем распространении славян севернее Припяти убедительно говорят лингвистические материалы. Славянские гидронимы северной и средней Беларуси более молодые, чем гидронимы к югу от Припяти [29, с. 244; 30, с. 270, 273]. Это говорит о более позднем заселении славянами северных районов восточнославянского ареала. Гидронимика свидетельствует, что заселение славянами северной Беларуси и Смоленщины имело место уже после того, как вышедшая из своей Эльбо-Висланской прародины и закрепившаяся на несколько веков в Днепро-Днестровском междуречье группа славян постепенно оформилась в восточных славян. Иными словами, это были не ранние славяне с общеславянским языком, а представители новой сформировавшейся там ветви — восточные славяне. Это предполагает немалый временной период, который потребовался для языковых преобразований. За своими плечами восточные славяне имели целый этап отдельного существования, в течение которого у них успели сформироваться новые лингвистические структуры, получившие отражение в речной номенклатуре Верхнего Поднепровья.

Этот вывод находит подтверждение и в археологических материалах. Судя по ним, расселение славян в средней и северной Беларуси произошло во второй половине X в., до принятия христианства [25, с. 265—286; 31]. Отсутствуют славянские следы древнее X в., как показывают новые хронологические уточнения, и в Новгородской земле. Самые масштабные раскопки в древнем Новгороде, стратиграфия и хронология которого разработаны лучше, чем где бы то ни было, не обнаружили славянских культурных напластований, более древних, чем X в. [32, с. 187]. Другими словами, славяне никак не могли появиться на севере Беларуси, в Смоленщине, Псковщине и более северных и восточных областях будущей Руси раньше, чем они появились в VI в. южнее Припяти с общеславянской культурой пражского типа.

Тем не менее мы не можем игнорировать те сравнения материалов из пражских памятников и длинных курганов, которые предлагает В. В. Седов. Особенно важны сравнения по тем параметрам, которые отражают этнографическую сущность культур. Это керамика, домостроительство, погребальный обряд. Рассмотрим все по порядку.

Погребальные сооружения культуры длинных курганов — невысокие валообразные насыпи, внутри которых или под ними помещались остатки кремации с довольно бедным вещевым инвентарем. Могильные насыпи бывают длинные и удлиненные. Реже встречаются круглые (сферические). Удлиненные курганы представляют собой невысокие, в среднем до 1,5 м, насыпи длиной до 20 м при ширине около 10 м. Под ними, обычно на горизонте, обнаруживаются трупосожжения, совершенные на стороне. Известны находки пережженных костей, сложенных в горшки. В одном из курганов у д. Хотенчицы были найдены пережженные кости коня, высланные в ямку под курганом и накрытые перевернутым сосудом [15]. Длинные курганы имеют вид вала протяженностью до 80—100 м. Ширина их бывает 20 м и больше, высота — 2 м. Курганы длиной свыше 40 м известны в основном на Псковской земле. На Западной Двине и смоленском Поднепровье они сравнительно небольшие.

Число погребений в кургане колеблется от 1 до 22, при этом оно не зависит от длины кургана [33, с. 94]. Обычно сожжение умерших совершалось на стороне. Захоронение остатков кремации производилось по-разному. В одних случаях собранные с погребального костра кальцинированные кости без инвентаря или с поврежденными огнем вещами хоронились в основании кургана (иногда на невысокой подсыпке на ритуальных кострищах). В других — в курганной насыпи на специально выровненной площадке, покрытой тонким слоем красной глины. В третьих — в верхней части курганной насыпи.

Сожженные кости помещались кучкой в ямке от 0,3 до 0,8 м диаметром и от 0,18 до 0,5 м глубиной. Приблизительно половина курганов содержит горшки (урны). В таких курганах остатки сожжения могли быть помещены в урну или в ямку, прикрытую урной. Встречаются и курганы, в которых урна с остатками сожжения перекрыта другим сосудом, поставленным вверх дном, как это было, например, в колочинских бескурганых захоронениях. Отмечены

случаи захоронения в берестяных урнах или прикрытых берестой. Существовало мнение, что длина кургана зависела от количества содержащихся в нем захоронений и соответственно увеличивалась с течением времени. Однако позже В. В. Седовым было установлено, что количество захоронений не определяло длины насыпи. Не было установлено и хронологических различий между длинными и удлиненными курганами, и зависимости их создания от различий в обрядах. Урновые захоронения чаще встречаются на Полотчине и реже на Смоленщине. Удлиненные и длинные курганы весьма бедны находками. Обычно это грубые лепные горшки, мелкие украшения из бронзы и детали костюма: трапецевидные подвески, спиральки, браслеты, бубенчики, пряжки.

Для погребений пражской культуры характерны как бескурганные, так и курганные трупосожжения. Очищенные от погребального кострища кости сожженного на стороне покойника иногда помещались в горшок, иногда ссыпались в могильную яму рядом с сосудом. При этом на раннем этапе культуры преобладали погребения, в которых остатки трупосожжения хоронили в грунтовой ямке без сооружения над ней насыпи. Таких погребений нет в синхронных могильниках культуры длинных курганов. Интересно, что ранние бескурганные захоронения с урнами совершались на территории самих поселков, рядом с жилищами. Погребальная урна иногда перекрывалась другим сосудом или каменной плиткой. Могильные ямки неглубокие, в плане обычно круглые, диаметром 20—80 см. Некоторые урны находятся непосредственно под дерном. В отличие от бескурганных захоронений курганные могильники всегда расположены за пределами поселений, но достаточно близко от них. Длинных курганов на территории пражской культуры нет.

Таким образом, погребальные обряды уносителей пражской культуры и культуры длинных курганов разные и генетической связи не обнаруживают. А ведь это один из важнейших признаков культуры, по которому можно судить об этнической близости племен или ее отсутствии. В VIII в. культура пражского типа развилась в культуру типа Лука-Райковецкая, которая была столь же далека от культуры длинных курганов и несколько не приблизилась к ней.

Теперь сравним между собой поселения и постройки рассматриваемых культур. К сожалению, поселения культуры длинных курганов изучены намного хуже погребений. Сравнительно крупные раскопки были проведены на поселениях, оказавшихся позже в пределах некоторых древних городов (Полоцк, Лукомль, Псков, Изборск). Основным типом поселений в рассматриваемое время почти повсеместно стали селища. Они имеют, как правило, небольшой культурный слой, что свидетельствует о недолговременности их функционирования. Известны также и городища, которые принято рассматривать в качестве убежищ, где жители неукрепленных поселков укрывались в случае угрожающей им опасности. Обычно использовались более древние городища, возникшие еще в раннем железном веке. Чистых раскопанных поселений, не осложненных иными более ранними или более поздними материалами, мы практически не знаем. Об их застройке исследователи вынуждены судить на основании тех материалов, которые подстилают древнерусские городские слои. На подобных памятниках, раскопанных в Беларуси (Полоцк, Лукомль), несмотря на значительность исследованных площадей, убедительных данных о характере застройки этих поселений в период обитания на них населения длинных курганов не получено. По существу описывается только керамический материал. Однако в некоторых городах северной и северо-восточной Руси, подвергшихся крупным и качественным раскопкам, материалы о застройке, связанные с культурой длинных курганов, удалось вычленивать из древнерусского, описать и представить в литературе. К числу таких памятников относятся прежде всего Псков и Изборск.

Обнаруженные постройки, относящиеся к культуре длинных курганов, представлены наземными постройками различного типа, чаще срубной конструкции с глиняным полом. Были и столбовые сооружения. Важно отметить, что в отличие от наземных построек культуры длинных курганов, типичной и устойчивой жилой постройкой славянской культуры праж-

ского типа была землянка с печью-каменкой в углу. Кстати, конструкции печей оказались разными. В Изборске выявлено до 150 печей округлой и овальной формы. В. В. Седов реконструирует их как сводчатые, целиком построенные из глины, не имеющие аналогий в местных дославянских финских древностях. Однако это не совсем так. Шноре прямо писала, что такие печи вполне соответствуют латгальским отопительным конструкциям. Несмотря на стремление В. В. Седова провести знак равенства между печами пражско-корчакского типа и культуры длинных курганов, различие между ними достаточно существенно: славянские печи пражско-корчакской культуры были печами-каменками. Это является одним из важнейших признаков пражской культуры. Среди памятников культуры длинных курганов печей-каменок нет. В постройках Изборска и городища Камно были выявлены также открытые очаги, которые, как признает сам В. В. Седов, принадлежали южно-финскому населению [2, с. 57, 58]. Таким образом, как и погребальные памятники, жилища рассматриваемых культур нельзя признать идентичными.

Обратимся к керамическому материалу, которым чаще всего оперируют археологи при решении этногенетических вопросов. Керамика длинных курганов представлена лепными плоскодонными горшками со стенками, суженными ко дну. Некоторые из них имеют округлые плечики и слегка отогнутый венчик. По своей форме некоторые сосуды имеют аналогии в местном прибалтийско-финском керамическом материале. Значительную группу составляют сосуды баночной формы. Большая часть сосудов не орнаментирована. Среди обширного керамического материала Седов выделяет часть сосудов, у которых максимальная ширина приходится на верхнюю треть его высоты. Такие сосуды он называет пражскими и использует в качестве одного из основных аргументов, свидетельствующих, по его мнению, о славянской принадлежности культуры длинных курганов.

Обратимся к славянской керамике пражской культуры. При анализе ее керамического материала четко выделяется наиболее ранний тип пражского сосуда, характеризующийся удлинёнными пропорциями, сужающимся горлом и немного отогнутым венчиком с максимальным расширением в верхней части тулова. На эту особенность ранних пражских сосудов обратил внимание еще И. Борковский. По мнению И. П. Русановой, практически невозможно установить даты по отдельным типам или вариантам посуды, поскольку почти каждый из них живет долго, и только при статистических подсчетах, показывающих преобладание какого-то из них во всем керамическом комплексе, можно наметить приемлемые даты. Данное наблюдение исследователя заставляет быть крайне осторожным по отношению предлагаемых дат, основанных на единичных экземплярах. Это очень важное заключение, которое следует постоянно иметь в виду при сопоставлении керамических комплексов разных культур. Проанализировав и статистически обработав большой керамический материал и проследив за сосуществованием различных керамических типов, И. П. Русанова пришла к выводу, что развитие пражской керамики шло «от высоких стройных сосудов, имеющих прямой короткий венчик, к сосудам более низким, сильнее профилированным и снабженным удлинённым и отогнутым краем» [28, с. 196].

Совершенно очевидно, что среди большого количества вариаций форм посуды всегда можно обнаружить нетипичные, выпадающие из ряда характерных для той или иной культуры или керамического комплекса и приближающихся по форме к керамике, характерной для другой культуры. Так, вероятно, было и с теми сосудами, которые особо выделяет В. В. Седов. Они не могут изменить сложившегося представления о характерных признаках, присущих основному и совсем не славянскому комплексу, и уходит своими корнями в местные дославянские древности. В. В. Седов полагает, что можно наблюдать эволюционный переход керамики длинных курганов в славянскую посуду из круглых курганов. Однако это может касаться только заключительного периода существования культуры длинных курганов, когда в X в. на ее территорию пришли славяне и началась ассимиляция.

Раскопки памятников культуры длинных курганов имеют уже длительную историю, однако вещевой материал из них не столь обилен. Он представлен керамикой, слитками от стеклянных бус, металлическими пряжками, бронзовыми застёжками, браслетами и перстнями, трапециевидными привесками и височными кольцами, а также бляшками и другими металлическими принадлежностями поясного набора. Орудия труда и предметы вооружения встречаются редко. В основном это ножи, серпы, удила, железные шпоры, наконечники копий и стрел. Глиняные пряслица имеют битрапециодную форму и отверстие большого диаметра. Характерной находкой для смоленско-полоцкого региона являются височные украшения. Чаще других встречаются провололочные кольца с заходящими пластинчатыми концами. В целом вещевой комплекс из длинных курганов специфичен и сильно отличается от набора предметов, характерных для славянской культуры пражско-корчакского типа.

Важным аргументом против отождествления носителей культуры длинных курганов со славянами, является различие в уровнях развития хозяйства у тех и других. У славян утвердилось развитое пашенное земледелие, в области же распространения длинных курганов по-прежнему господствовала примитивная подсека со значительной ролью в экономике присваивающих форм хозяйства. Ценный материал по культуре и отношению ее носителей к славянскому этногенезу предоставляют данные о датировке длинных курганов. Наиболее приемлемым периодом создания курганов считалось время с VII по IX в.

В своей концепции появления культуры длинных курганов роль плацдарма В. В. Седов отводил Псковщине и датировал ее самые ранние памятники VII в. Полагали, что древнейшие длинные курганы на территории Беларуси датируются приблизительно VII в. К этому времени относятся курганы в Будранах на Полотчине, где найден узколезвийный топор, характерный для древностей V—VIII вв. Там же, между д. Машули и д. Шалтени, раскопан длинный курган, датированный В-образными пряжками VI—VIII вв. И когда С. А. Тараканова обнаружила в псковских курганах предметы II—IV вв. и предложила значительно удревнить длинные курганы, ее предложение было встречено оппонентами весьма скептически.

Однако в последующие годы и в других регионах ареала длинных курганов, в том числе и в Беларуси и на Смоленщине, были найдены предметы, которые делают длинные курганы более древними и практически без хронологического перерыва следующими за местными культурами раннего железного века. Так, раскопанный около д. Янковичи в Россонском р-не длинный курган, содержащий три кремированных захоронения, датируется найденными в нем бронзовыми бляшками-скорлупками II—VI вв. К этому же времени относятся и материалы из длинного кургана, раскопанного около д. Дорохи Городокского р-на Витебской области [19, с. 20—22. Рис. 7].

Новые датировки противоречат той схеме последовательности распространения культуры, которую предлагал В. В. Седов, и ставят под сомнение идею о приходе культуры длинных курганов со стороны. Более того, получается, что культура длинных курганов сформировалась и занимала указанную ранее территорию уже тогда, когда славян здесь еще не могло быть. Интересно, что особенно древние находки встречаются в эстонских длинных курганах, которые Седов считает несомненно славянскими, но проникшими в курганы до появления на этой территории самих славян. Довольно странное объяснение. Рассмотренные материалы свидетельствуют о том, что культура длинных курганов начала формироваться задолго до того, как на этой территории появились славяне. Хронологически она как бы продолжает существовавшие здесь местные дославянские культуры раннего железного века.

Верхней датой культуры длинных курганов было принято считать VIII—IX вв. Но в своих последних работах В. В. Седов определяет ее IX в. Думается, что правильнее ее довести по меньшей мере до X в. Сам Седов правильно отмечал находки в длинных курганах древнерусских горшков, которые он датировал X в. Именно в X в., по нашим исследованиям, славяне заселяют лесные области Восточной Европы севернее Припяти [25, с. 265—286].

Иной подход в оценке обстоятельств и хронологии славянского расселения на этой территории, новые сравнения материалов длинных курганов с синхронными им подлинно славянскими и местными предшествующими дославянскими памятниками побуждают вновь обратиться к вопросу о месте носителей культуры длинных курганов в славянском этногенезе.

Абсолютная несхожесть материалов из ранних длинных курганов с синхронными славянскими материалами никак не позволяет отождествлять культуру длинных курганов со славянами. Они свидетельствуют о глубоких местных корнях этой культуры, развившейся на местной балтской и, возможно, финно-угорской основе. На это указывают не только находки в длинных курганах балтских и финно-угорских предметов, например, находки украшений из бронзы с выемчатой цветной эмалью, которые считаются типичными для балтских древностей [33, с. 102; 34, с. 27, 28]. Эти предметы намного древнее появления в этих местах собственно славян и не могут быть объяснены непосредственными культурными контактами.

С балтской или балто-финской традицией прожигания места будущего кургана связывают наличие в длинных курганах слоя золы, помещение урны или остатков погребения в каменном ящике, а также каменные выкладки внутри или вокруг некоторых курганов.

Раскопки Е. А. Шмидтом могильника около д. Акатово на Смоленщине показали генетическую связь длинных курганов VII в. с более ранними грунтовыми погребениями культуры, как он полагал, типа Тушемля-Банцеровщина [3, с. 112, 113].

Отмеченные выше примеры сходства некоторых материалов из длинных курганов с эстонскими и другими финно-угорскими материалами можно объяснить не только тесными культурными взаимодействиями и взаимовлияниями, но и участием какой-то части финно-угорского населения в этногенезе носителей культуры длинных курганов.

Эти наблюдения, а также то обстоятельство, что значительная часть ареала культуры на севере приходится на область с ярко выраженной финно-угорской топонимикой, послужили основанием для некоторых исследователей отнести культуру к финно-угорскому этносу.

Если носители культуры длинных курганов не были выходцами из славянской области, то их следует считать этническими наследниками того населения, которое им предшествовало. Учитывая лингвистическую ситуацию, о которой мы упомянули, может показаться, что носители культуры длинных курганов, как и их предки, были финно-уграми. Однако не все так просто, как кажется. В. В. Седов ошибался, когда полагал, что самые ранние памятники культуры длинных курганов расположены в псковском регионе. В действительности пока самые древние длинные курганы (Дорохи, Янковичи, Акатово), которые датируются временем не моложе VI в., известны в полоцко-смоленском регионе. А этот регион находится в пределах древней балтской лингвистической области. Это обстоятельство позволяет предполагать балтскую принадлежность носителей культуры длинных курганов и последующее расселение их за пределы полоцко-смоленского региона. И хотя исследователи относят их к культуре типа Банцеровщина-Тушемля, может быть, правильнее будет отнести указанные памятники к начальной фазе культуры длинных курганов, поскольку для классической банцеровско-тушемлинской культуры характерны не курганные, а грунтовые захоронения. Этим памятникам здесь предшествовала Днепро-Двинская культура раннего железного века. И это нам представляется очень важным, поскольку именно в ее ареале разовьется вскоре культура длинных курганов. По Е. А. Шмидту, Днепро-Двинская культура в пределах России занимает почти всю Смоленскую область, западные окраины Калужской области, север Брянской и южные районы Псковской и Тверской областей. В Беларуси он включает в ареал культуры северо-восточную часть Могилевской и всю северную часть Витебской областей.

Уточняя ареал культуры, В. И. Шадыро включает в него Освейщину, Миорский и часть Браславского районов и проводит западную границу от Дунилович через Воропаево на Браслав и Краславу (Латвия) [35, с. 106, 107].

Надо заметить, что в Днепро-Двинской культуре очень сильно ощущается финно-угорский субстрат (наличие в течение длительного времени текстильной керамики), который проявил себя и в культуре длинных курганов.

По В. В. Седову, миграция племен с культурой длинных курганов в северном направлении сопровождалась вытеснением некоторой части аборигенного финно-угорского населения к северу [36, с. 361]. Оставшаяся его часть постепенно смешалась с мигрантами.

Впрочем, миксация могла дать и другой результат. Начавшие свое продвижение носители культуры длинных курганов в процессе смешения с местным финно-угорским населением, значительно уступая ему по численности, могли быть поглощены этим этносом. Основания предполагать такой вариант развития событий дает отсутствие данных о распространении в северных областях Восточной Европы балтской топонимики (гидронимики), которую могли бы принести с собой балтские мигранты. Приход новых племен мог ограничиться распространением обряда захоронений в длинных курганах без смены этноса. В таком случае культуру длинных курганов можно было бы определять как полиэтническую: балтскую на юге и финно-угорскую на севере. Археологи прослеживают преемственность в погребальной обрядности носителей культуры длинных курганов и местного финно-угорского населения [37, с. 42—56]. Можно отметить также то, что историческое время застает в северной части ареала длинных курганов финно-угорские народы.

Предположим, что расселение носителей длинных курганов проходило беспокойно и надолго обострило отношения между ними и аборигенами, а позже привело к призыванию в 862 г. сюда варягов. Напомним, что в составе обратившихся к Рюрику были племена именно этой области: чудь, весь, меря, кривичи и, по-видимому, племена новгородских сопок, которых летописец ошибочно называет славянами. Славян там тогда еще не было.

В X в. на смену длинным курганам пришли круглые с одиночными захоронениями, типичные и для всего остального славянского мира Восточной Европы. В длинных курганах появляются славянские сосуды, что свидетельствует о начале смешения носителей длинных курганов со славянами. Этим веком можно условно датировать окончание функционирования культуры длинных курганов, хотя реально процесс смешения балтов со славянами в отдельных местах мог затянуться и на более длительный период. Думается, что во времена Владимира Святославича славянизация племен с длинными курганами еще не завершилась. Летописные кривичи этого времени, а также голядь на Смоленщине были прямыми потомками носителей культуры длинных курганов. В процессе миксации они составили этнокультурный субстрат той группы древнерусской народности, которая расселилась на их территории.

Следует полагать, что летописный этноним «кривичи» является производным от этнонима, которым именовали себя или под которым были известны у соседей носители длинных курганов. Об этом, несомненно, говорит совпадение локализации памятников культуры с той территорией, куда русская летопись помещает кривичей. Не углубляясь в этимологию и истоки происхождения самого начального этнонима, можно считать установленным, что термин «кривичи» является славянизированным названием или самоназванием носителей культуры длинных курганов, к имени которых было добавлено славянское патронимическое окончание *-чи*. Поэтому есть основания говорить о том, что русская летопись сохранила, пусть и в трансформированном виде, имена северных соседей славян, расселившихся в V—VI вв. в Днепро-Днестровском междуречье.

В XI в., когда составлялся летописный свод, этих племен уже не было. Но их имена сохранились в названиях их потомков. Так, практически до XII в. жителей Полоцкой и Смоленской земель летопись нередко называла кривичами. Теперь мы знаем, что славянам в этом регионе предшествовали носители культуры длинных курганов. Население Белорусского Посожья летопись называла радимичами. Им предшествовали здесь носители колочинской культуры. Область между Припятью и Западной Двиной русская летопись отводила

дреговичам. Здесь им предшествовали носители банцеровской культуры. Такое территориальное совпадение летописных этнонимов и археологических культур предшествовавшего Руси периода не могло быть случайным. И хотя названия «кривичи», «радимичи» и «дреговичи» выглядят вполне славянскими, их корневая основа не связана со славянским языком. Понять историю их возникновения позволяют лингвистика и археология.

Лингвисты предложили убедительные объяснения происхождению этих этнонимов. Так, по мнению известного лингвиста Г. А. Хабургаева, специально исследовавшего этнонимистику «Повести временных лет», этноним «дреговичи» представляет собой славянизированную форму имени, которое могла иметь одна из групп древнего балтского населения между Припятью и Западной Двиной. В литовском языке и сейчас много слов с корнем *dregnas* — влажный, *dregme* — сырость, который имеется в этнониме «дреговичи». Имя «радимичи» тоже можно вывести из балтского языка. Близко ему литовское слово «*radimas*» (нахождение), «*radimiete*» (местонахождение) [38, с. 196, 197].

Подобным образом название «кривичи» Б. А. Рыбаков связывал с именем литовского верховного жреца «Кривее» — «Кривейте» [39, с. 106]. По Хабургаеву же, оно связано с особенностями местности — холмистой или «кривой». Это принимает и М. Ф. Пилипенко [38; 40, с. 32—42]. Вероятнее всего, однако, этноним «кривичи» тоже развился из названия местного балтского племени, которое могло носить имя «крив» — «кривас», преобразованное затем славянами в «кривичи» добавлением славянского патронимического суффикса — *ичи*.

Заметим, что сам летописец рассматривал славянские этнонимы «кривичи», «дреговичи», «радимичи» как вторичные, появившиеся после расселения славян в Восточной Европе. Раньше все славяне называли себя одним общим именем — славяне. Весьма вероятно, что славяне, расселившиеся в верховьях Западной Двины и Днепра, вступили в контакт с племенами культуры длинных курганов, которые и называли себя именем с корнем «крив». Славяне стали называть их и их потомков по-своему «кривичами». Позже это название постепенно закрепилось и за самими славянами этой области. Косвенным подтверждением такого предположения может служить то, что латыши до сих пор называют русских именем *krievs*. Это можно рассматривать в качестве указания на то, что сами предки латышей себя так не именовали, а называли этим именем своих восточных соседей, какими и были носители культуры длинных курганов. С появлением на этой территории славян данный термин продолжал обозначать восточных соседей латышей, но теперь уже славян, а позже современных русских. Хотя по одним названиям не всегда можно судить о степени участия населения с культурой длинных курганов в судьбах расселившихся на их территории славян, показателями влияния носителей культуры длинных курганов являются или могут быть признанными некоторые изменения в антропологическом типе славян этой территории. Нельзя не отметить влияния носителей культуры длинных курганов и на материальную культуру славян. Обратим внимание на заимствование славянами местного большого опыта в деревянном строительстве, как и в деревообработке вообще, утверждение срубных построек в качестве основного типа, использование в домостроительстве шул.

Общеизвестно, что при тесных этнокультурных взаимодействиях победу, как правило, одерживает этнос с более высокой культурой. Славяне пришли в рассматриваемый регион с более продвинутой земледельческой культурой, плугом и сохой, оснащенных металлическими наконечниками, с более крупными и совершенными орудиями уборки урожая, с каменными жерновыми мельницами. Однако и у местного населения был накоплен большой опыт в использовании природных ресурсов в условиях лесной зоны: охоте, собирательстве, рыболовстве. Эти достижения в культуре местных племен, несомненно, были восприняты славянами, что обогатило их культуру и может рассматриваться как вклад населения культуры длинных курганов в этнокультурное развитие славян. Наконец, нельзя не учитывать и генетического вклада носителей культуры длинных курганов в славянский этнос, который неиз-

бежен при этнической миксации. Славяне не истребили местное население, а очень быстро смешались с ним. Настолько быстро, что летописцы почти не заметили его. Можно надеяться, что недалеко то время, когда на основе новых геномолекулярных методов мы сможем установить и количественные соотношения славянского и неславянского населения, принявшего участие в миксационных процессах по различным регионам.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М.: Наука, 1970.
2. *Седов В. В.* Восточные славяне в VI—XIII вв. // *Археология СССР*: в 20 т. М., 1982.
3. *Шмидт Е. А.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э. на территории Смоленской области // *Материалы по изучению Смоленской области*. Смоленск, 1963. Вып. 5.
4. *Дук Д. У.* Полацк і палачане (IX—XVIII стст.). Наваполацк, 2010; *Левко О. Н.* Витебск. Древние города Беларуси. Минск, 2010; *Археалогія Беларусі*: у 4 т. Мінск, 2000. Т. III: Сярэднявяковы перыяд (IX—XIII стст.).
5. *Сизов В. И.* Длинные курганы в Смоленской губ. // *Тр. XI Археологического съезда*. М., 1902.
6. *Спицын А. А.* Удлиненные и длинные русские курганы. Записки Отделения русской и славянской археологии Русского археологического общества. СПб., 1903. Т. 5. Вып. 1.
7. *Артамонов М. И.* Вопросы расселения восточных славян и советская археология // *Проблемы всеобщей истории*. Л., 1967.
8. *Третьяков П. Н.* Восточнославянские племена. М., 1953; *Третьяков П. Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966.
9. *Ляпушкин И. И.* Славяне Восточной Европы накануне образования древнерусского государства // *Материалы и исследования по археологии СССР*. № 152.
10. *Тараканова С. А.* Раскопки в псковском кремле // *КСИИМК*. Вып. XXI. М., 1947; *Она же.* Длинные и удлиненные курганы // *СА*. Вып. XIX. М., 1954.
11. *Шноре А. Д.* Асотское городище. Рига, 1961.
12. *Шмидехельм М. Х.* Каменные могилы в северо-восточной Эстонии // *КСИИМК*. Вып. XLII. М., 1952; *Шмидехельм М. Х.* Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955.
13. *Аун М.* Исследование курганов в Пылъваском р-не // *Изв. АН Эстонской ССР. Сер. «Общественные науки»*. № 1. Таллин, 1976; *Он же.* Длинные курганы в Лаоссиа // *Изв. АН Эстонской ССР. Сер. «Общественные науки»*. № 1. Таллин, 1977; *Он же.* Курганный могильник у д. Рысна-Сааре // *Изв. АН Эстонской ССР. Сер. «Общественные науки»*. № 1. Таллин, 1978; *Он же.* Курганные могильники восточной Эстонии во второй половине I тысячелетия н. э. Таллин, 1980; *Он же.* Об исследовании курганного могильника Рысна-Сааре II // *Изв. АН Эстонской ССР. Сер. «Общественные науки»*. № 4. Таллин, 1980.
14. *Станкевич Я. В.* К истории населения Верхнего Подвинья в I и начале II тысячелетия н. э. // *МИА*. Вып. 76. М., 1960; *Он же.* Курганы у д. Полибино на р. Ловати // *Краткие сообщения Ин-та археологии (далее КСИА)*. М.; Л., 1962. Вып. 87.
15. *Гуревич Ф. Д.* О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии // *КСИИМК*. Вып. 72. М.; Л., 1958.
16. *Ляўданскі А. М.* Археалёгічныя досляды ў Полацкай акрузе // *Працы Археалёгічнай камісіі*. Т. II. Менск, 1930.
17. *Штыхов Г. В.* Археология Полоцкой земли за 50 лет // *Древности Белоруссии*. Минск, 1969.
18. *Штыхаў Г. В.* Крывічы. Мінск, 1992.
19. Очерки по археологии Белоруссии. Минск, 1972.
20. *Шмидт Е. А.* Раскопки длинных курганов в Смоленской обл. // *КСИИМК*. М., 1954. Вып. 54; *Он же.* Результаты изучения археологических памятников Смоленской области в 1949—1950 гг. // *Сб. науч. работ Смоленского краеведческого науч.-исслед. ин-та*. Смоленск, 1957. Вып. 1; *Он же.* Археологические памятники бассейна р. Угры в пределах Смоленской обл. // *Сб. науч. работ Смоленского краеведческого науч.-исслед. ин-та*. Смоленск, 1958. Вып. 2; *Он же.* Длинные курганы у д. Цурковки в Смоленском р-не // *СА*. 1958. № 3; *Он же.* Поле погребений и курганы у д. Акатово Смоленской обл. // *СА*. 1962. №. 4; *Он же.* Археологические памятники второй половины I тыс. н. э.

на территории Смоленской обл. // МИСО. Смоленск, 1963. № 5 ; *Он же*. Некоторые археологические памятники Смоленщины второй половины I тыс. н. э. // МИА. М., 1963. № 108 ; *Он же*. Некоторые результаты изучения памятников третьей четверти I тыс. н. э. в Смоленском Поднепровье // Древности Белоруссии: материалы конф. по археологии Белоруссии и смежных территорий. Минск, 1966 ; *Он же*. О смоленских длинных курганах // Славяне и Русь. М., 1968 ; *Он же*. Балтийская культура в верховьях Днепра во второй половине I тыс. н. э. // Acta Baltica Slavica. T. VI. Bialostok, 1969 ; *Он же*. К вопросу об этнической принадлежности женского инвентаря из смоленских длинных курганов // МИСО. Смоленск, 1970. № 7 ; *Он же*. О культуре городищ-убежищ левобережной Смоленщины // Древние славяне и их соседи. М., 1970 ; *Он же*. Об этническом составе населения Гнездова // СА. 1970. № 3 ; *Он же*. Особенности формирования культуры восточнославянского племени кривичей // Actes VII Congres International des Sciences Prehistoriques et Protohistories. Praha, 1971. № 2 ; *Он же*. О некоторых особенностях курганных погребений XI—XIII вв. в земле кривичей // Новое в археологии : сб. ст., посвящ. 70-летию А. В. Арциховского. М., 1972 ; *Он же*. Племена Смоленского Поднепровья и Подвинья в эпоху великого переселения народов // Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск, 1972 ; *Он же*. Верхнее Поднепровье и Подвинье в III—VII вв. н. э. // Тушемлинская культура. Смоленск, 2003 ; *Он же*. Заозерье. Археологический комплекс IV—XII вв. Смоленск, 2008.

21. *Чернягин Н. Н.* Длинные курганы и сопки // МИА. М., 1941. Вып. 6.

22. *Седов В. В.* Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII—XV вв.). М., 1960 ; *Он же*. Финно-угорские элементы в древнерусских курганах // Культура древней Руси. М., 1966 ; *Он же*. Раскопки курганов в Верхнем Поднепровье // КСИА. М., 1971. Вып. 129 ; *Он же*. Длинные курганы кривичей // Свод археологических источников. М., 1974. Вып. Е1-8 ; *Он же*. Раскопки в Изборске в 1971 и 1972 гг. // КСИА. М., 1975. Вып. 144 ; *Он же*. Лепная керамика Изборского городища // КСИА. М., 1978. Вып. 155 ; *Он же*. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982 ; *Он же*. Древнерусская народность. М., 1999.

23. *Загорульский Э. М.* Древняя история Белоруссии. Очерки этнической истории и материальной культуры (до IX в.). Минск, 1977.

24. *Загорульский Э. М.* Этническая атрибуция памятников второй половины I тыс. н. э. на территории Белоруссии // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3. Минск, 1996. № 3.

25. *Загорульский Э. М.* Славяне: происхождение и расселение на территории Беларуси. Минск, 2012.

26. *Загорульский Э. М.* Белая Русь с середины I тыс. до середины XIII века. Минск, 2013.

27. *Седов В. В.* Кривичи // СА. 1960. № 1.

28. *Русанова И. П.* Славянские древности VI—VII вв. (культура пражского типа). М., 1976.

29. *Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.

30. *Трубачев О. Н.* Названия рек Правобережной Украины. М., 1968.

31. *Загорульский Э. М.* Пераадоленне паганства падчас хрысціянізацыі заходніх земляў Русі // Гіст. часоп. Мінск, 2009. № 8.

32. *Колчин Б. А.* Топография, стратиграфия и хронология Неревского раскопа // МИА. М., 1956. Вып. 55.

33. *Седов В. В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970.

34. *Моора Х. А.* О древней территории расселения балтийских племен // СА. 1958. № 2.

35. *Шадыро В. И.* Ранний железный век северной Белоруссии. Минск, 1985.

36. *Седов В. В.* Славяне. Историко-археологическое исследование. М., 2002.

37. *Носов Е. Н.* Некоторые общие вопросы изучения погребальных памятников второй половины I тыс. н. э. // СА. 1981. № 2.

38. *Хабургаев Г. А.* Этнонимика Повести временных лет. М., 1979.

39. *Рыбаков Б. А.* Киевская Русь и русские княжества. М., 1982.

40. *Пилипенко М. Ф.* Возникновение Белоруссии. Минск, 1991.

С. Л. Луговцова

**КАДРОВАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ПОСЛЕ ПОДАВЛЕНИЯ
ВОССТАНИЙ 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг.
(Попытка сравнительного анализа)**

Проанализированы правительственные мероприятия, направленные на замещение должностей благонадежными чиновниками и по назначению, и по выборам после восстаний 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг. Автор приходит к выводу, что в 30—50-е гг. XIX в. участие дворянства белорусских губерний в выборах было значительно ограничено имущественным цензом, запретом для повстанцев, а также ограничением прав не служивших ранее дворян. Политика правительства по привлечению в край чиновников русского происхождения провалилась. В 60-е гг. XIX в. дворянские выборы на территории Беларуси практически перестали проводиться. Правительство предприняло решительные меры для назначения на должности чиновников из внутренних российских губерний. Значительную роль в осуществлении правительственных мероприятий сыграли мировые посредники, деятельность которых повлияла на формирование белорусского общества.

The staff policy of the Russian government towards the officials in Belarus after revolts 1830—1831 and 1863—1864 is considered in the article. The author comes to the conclusion that in the 30—50's of the XIX century the participation of the nobility of Belarusian provinces in the elections was substantially restricted by property qualifications, the prohibition to engage for the insurgents, as well as the limitation of rights for the nobility, which had not previously served. The government's policy to attract the officials of Russian origin failed. In the 60's the nobility elections in Belarus was practically stopped. The Government has taken decisive measures for appointment the officials from domestic Russian provinces. The conciliators, whose activities impact on the formation of the Belarusian society as a whole, have played a significant role in the implementation of government measures.

Ключевые слова: восстание, политика, государственные учреждения, министерства, генерал-губернаторы, дворянство, выборы, льготы.

Keywords: revolt, policy, state institutions, ministries, governor-generals, nobility, elections, privileges.

В исследуемый период должности в государственных учреждениях на территории Беларуси замещались на основании двух принципов: по назначению и в результате выборов (участие в них принимали преимущественно представители дворянского сословия). Рассмотрим правительственные мероприятия, которые были направлены на замещение должностей и по назначению, и по выборам благонадежными чиновниками.

Кадровую политику российского государства осуществлял лично император. Николаем I были решительно пересмотрены взгляды своего предшественника на положение западных губерний. Император считал, что они являются неотъемлемой частью российского государства, и что возвращение их в состав Польши стало бы посягательством на целостность империи. Александр II полностью разделял взгляды отца по этому вопросу.

На высшем уровне власти кадровой политикой занимались следующие учреждения: Комитет министров — Комитет западных губерний (1831—1848) — Западный комитет (1862—1864). Их деятельность рассмотрена в исследованиях М. Д. Долбилова, А. А. Комзоловой, О. В. Лепеш, Д. Сталюнаса [8, 11, 12, 22]. Историки убедительно доказали, что российская

национальная политика в регионе не была цельной, последовательной. Одни представители высшей российской бюрократии придерживались традиционной модели национальной политики, которая опиралась на лояльность политической элиты субъектов империи. Другие пропагандировали радикальную национальную политику, основанную на идеологии этнокультурного национализма; стремились к ассимиляции недоминирующих групп (в частности, белорусов и украинцев) [22, с. 533, 534]. Фактически Комитет западных губерний и Западный комитет превратились в арену противоборства между начальниками края и их оппонентами в Санкт-Петербурге. Сторонники разных линий в осуществлении национальной политики называли друг друга «космополитами» и «патриотами». И хотя спор между ними шел о методах интеграции Западного края, конфликт имел и другой аспект. В теории генерал-губернатор представлял интересы края, а министры — интересы всего государства. В реальности же неотрегулированность законодательства в разграничении их властных полномочий создавала конфликт интересов [11, с. 144]. Мерилом в решении таких конфликтов становилось мнение императора, который, делая выбор между системой управления — эффективной по результатам, но чрезвычайной по мерам исполнения — и системой «легальности», часто склонялся в пользу первой [11, с. 164].

Решения высших государственных учреждений приводили в жизнь центральные органы — министерства (внутренних дел, финансов, др.). В ходе обсуждения правительственных мероприятий по привлечению в северо-западные губернии чиновников русского происхождения главы финансового ведомства Е. Ф. Канкрин (1823—1844) и М. Х. Рейтерн (1862—1878), как правило, высказывались против. Создание льготных условий для русских чиновников требовало значительных финансовых вливаний, а увеличение расходной части государственного бюджета было невозможно по целому ряду объективных причин.

Чрезвычайные полномочия на местах были сосредоточены в руках генерал-губернаторов. К 40-м гг. XIX в. Виленская, Гродненская и Минская губернии находились в ведении Виленского военного губернатора и Гродненского, Минского (1834) и Ковенского (1842) генерал-губернатора. В то же время Витебская и Могилевская губернии подчинялись генерал-губернатору Витебской, Могилевской и Смоленской губерний. Административные единицы Северо-Западного края были объединены под общим управлением только в 1863 г., когда с 1862 г. Виленский генерал-губернатор возглавил одноименный военный округ и гражданское управление. В связи с усилением роли генерал-губернаторов роль гражданских губернаторов на территории Беларуси снизилась. В частности, М. Н. Муравьев добился права их назначения и увольнения по своему выбору, лишь информируя о перестановках Сенат [21, с. 5].

В соответствии с Учреждением о губерниях 1775 г. в местном управлении Российской империи решительное господство было предоставлено дворянству. Высшее сословие избирало своих представителей в большинство губернских и уездных государственных учреждений. Рассмотрим, каким образом было *ограничено выборное начало* в работе местных учреждений на территории Беларуси после восстаний 1830—1831 гг. и 1863—1864 гг.

Манифест 6 декабря 1831 г. значительно ограничил право участия высшего сословия Российской империи в замещении вакантных должностей. Право участвовать в выборах получили только те потомственные дворяне, которые имели не менее 100 душ крестьян или не менее 3 тысяч десятин пахотной земли (пусть и незаселенной). Один разряд дворян имел непосредственное право голоса, другой — голос через уполномоченных (мелкие участки складывались в один таким образом, чтобы их совокупность составляла участок в 100 душ, и выбирали уполномоченного на собрание) [17, т. 6, № 4989]. В результате введения имущественного ценза значительно сократился круг лиц, имевших право участвовать в выборах. В 1836 г. в Гродненской губернии приняло участие в выборах 224 избирателя, что составило 28,9 % от числа избирателей 1830 г. (777 человек). В том же 1836 г. в списки дворян, имевших

право голоса, по Витебской губернии был внесен 271 человек. Если учесть, что в список дворян и чиновников Витебской губернии за тот же год было внесено 3429 человек, то избирателей в их составе оказалось всего 8 % [13, с. 67, 68].

Таким образом, введение имущественного ценза для дворян, желавших участвовать в выборах, было осуществлено в рамках изменения общероссийского законодательства. Однако эта мера наиболее сильно ударила по дворянству западных, в том числе белорусских, губерний — в связи со значительной численностью безземельной и малоземельной шляхты в его составе, а также реализацией в 30-е гг. XIX в. политики «разбора шляхты», исключившей из состава сословия многих его представителей. Кроме изменений в общероссийском законодательстве в Виленской, Гродненской и Минской губерниях по указу от 30 октября 1831 г. председатели уголовных палат и чины земской полиции назначались, а не избирались, как во внутренних губерниях [17, т. 10, № 4894].

Что касается участников восстания 1830—1831 гг., то первоначально Комитет западных губерний разрешил дворянам, которые принимали участие «без поднятия оружия и без подписания возмутительных актов», а затем получили прощение императора, участвовать в выборах. Однако в июле 1836 г. Николай I отменил это решение [11, с. 69]. Дворяне, участвовавшие в восстании, были допущены к выборам под ответственность генерал-губернатора только в 1848 г. [17, т. 23, № 22 652]. Таким образом, 13 лет значительная часть белорусского высшего сословия была лишена активного и пассивного избирательного права.

Добавим, что дворяне, находившиеся под надзором полиции, должны были допускаться к выборам на общих основаниях. На практике это положение не соблюдалось. Так, в 1836 г. Гродненский губернатор не утвердил на должность слонимского уездного предводителя Ефстафия Воловича, хотя тот без замечаний прослужил на выборных должностях 15 лет и имел чин титулярного советника. Однако он находился под надзором полиции, так как был братом участника восстания Михаила Воловича. Министерство внутренних дел разъяснило губернаторам, что даже в случае нехватки в каком-либо уезде дворян для замещения выборных должностей не следует утверждать лиц, находящихся под секретным надзором полиции. В такой ситуации необходимо выбирать кандидатов из другого уезда [13, с. 72]. Таким образом, дворяне, находившиеся под надзором полиции за возможные связи с повстанцами, переписку, также были исключены из числа избирателей. Только в январе 1857 г. они получили право занимать государственные должности как по назначению, так и по выборам [11, с. 21].

В октябре 1835 г. был издан указ, в котором император высказывал озабоченность, что дворянство Виленской, Гродненской, Минской, Волынской, Подольской губерний и Белостокской области упорствует в праздности, избегая службы военной и гражданской. В этих губерниях запрещалось занимать выборные должности дворянам, не прослужившим на государственной службе 10 лет. Исключение делалось лишь для тех, кто уже прослужил два трехлетия по выборам [17, т. 10, № 8463]. Насколько чувствительным этот указ оказался для белорусского дворянства, можно судить по следующему примеру: из 32 дворян, избранных в 1830 г. на разные должности по Ошмянскому уезду, 21 человек или вообще прежде не служили, или имели длительный перерыв по службе [13, с. 68].

В 1836 г. по ходатайству Виленского военного губернатора правила 1835 г. были смягчены в пользу тех, кто остался верен властям в ходе восстания [17, т. 11, № 9197]. На должности уездных предводителей, членов межевых судов и комиссии продовольствия разрешено было выбирать дворян, даже если они не прослужили 10 лет, но имели ранения, служили против «польских мятежников» и получили офицерские чины, занимали штатные должности во время восстания и сохранили верность правительству, были награждены орденами и чинами. С 1842 г. разрешалось занимать выборные должности и тем дворянам, которые прослужили в общей сложности 10 лет на административной службе и по выборам [17, т. 17, № 15673]. На вакантные должности чиновники определялись по распоряжению министра внутренних дел.

Отметим, что перечисленные указы 1835, 1836 и 1842 гг., изданные в царствование Николая I, продолжили целую серию правительственных распоряжений более раннего периода (подготовленных в годы правления Александра I). Все они имели целью приобщить поместное дворянство западных губерний к российской государственной службе. Правительство стремилось замещать выборные должности лицами, имевшими такой опыт. Однако необходимость периодически повторять аналогичные распоряжения свидетельствует о том, что они не выполнялись. И даже решение 1842 г., прямо указывавшее замещать вакантные выборные должности назначенными чиновниками, не изменило ситуацию. Поместные дворяне дорожили своей относительной независимостью от государства и не желали служить.

В результате Николай I решился на жесткие меры. В апреле 1852 г. был принят указ, названный Д. Бовуа «погребальным звоном по splendid isolation польского дворянства» [2, с. 536]. Сыновья помещиков-католиков западных губерний, имевшие в собственности не менее 100 ревизских душ (те, кто согласно имущественному цензу имел право участвовать в выборах), по достижении 18 лет обязаны были служить в российской армии. Причем они получали звание подпоручика или юнкера лишь в случае успешной сдачи экзамена. Если же экзамен не был сдан — отправлялись в армию солдатами, сохраняя дворянское звание. Те, кто выбирал гражданскую службу, должны были отправляться исключительно во внутренние российские губернии [17, т. 27, № 26 190]. Срок обязательной службы не был назван. Действие указа не распространялось на единственного сына в семье и на тех, кто освобождался от службы по состоянию здоровья. Распоряжение не касалось дворянства Витебской и Могилевской губерний. Из текста указа следует, что именно помещики-католики считались наиболее неблагонадежным элементом в крае, их дети должны были слиться с российским дворянством в годы обязательной службы во внутренних губерниях. Вместе с тем не следует упрощать картину (как это нередко делали представители российской администрации), считая православных носителями некой «русскости» в западных губерниях империи. Православные местного происхождения также были носителями ценностей шляхетского мира Речи Посполитой, имели общий круг общения с католиками, употребляли в домашнем обиходе польский язык.

Дворянство всячески уклонялось от реализации указа 1852 г. В ход пошли взятки, протекция важных сановников. Уездные предводители дворянства оттягивали составление списков или таким образом их составляли, что нельзя было понять, кто должен служить [2, с. 537]. Выросло число желающих отдать детей в Полоцкий и Александровский Брестский кадетские корпуса, на содержание которых дворянство «добровольно» жертвовало по 6 коп. серебром с каждой ревизской души [3, с. 38]. Правительство приветствовало эти устремления. Считалось, что закрытые учебные заведения смогут оторвать молодое поколение от влияния родителей. Действие указа 1852 г. было отменено Александром II в 1856 г.

Однако вскоре белорусское дворянство было лишено самой возможности замещать должности в результате выборов. Фактически последние выборы в уездные и губернские дворянские собрания прошли в конце 1858 — начале 1859 г. Следующие должны были пройти в декабре 1861 г. и январе 1862 г., но в 1861 г. в крае начались волнения среди дворянства в связи с событиями в Варшаве. В начале 1861 г. откладывались дворянские выборы в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях в связи с переводом их на военное положение. После начала восстания репрессии в отношении высшего сословия усилились. Так, по указу от 18 апреля 1863 г. в связи с выходом в отставку 28 лиц Гродненской губернии, занимавших должности уездных предводителей дворянства, уездных судей и мировых посредников, эти должности были замещены чиновниками по назначению. В 1867 г. Виленскому генерал-губернатору было дано указание замещать должности предводителей дворянства только лицами русского происхождения. В результате должности заняли либо местные русские помещики, либо чиновники из внутренних губерний империи, которые даже не принадлежали к

дворянскому сословию. Министр внутренних дел вынужден был признать, что они в крае не имели ни влияния, ни авторитета: «Первых местные дворяне под влиянием глухой политической вражды игнорируют, а вторых прямо чужаются» [6, с. 81].

Кроме того, русские землевладельцы часто формально владели землями или не желали служить. В результате должности предводителей стало просто некому замещать. Поэтому 1868 г. Александр II разрешил назначать на должности уездных предводителей дворянства лиц католического вероисповедания. В результате большая часть должностей была занята католиками из среды крупных помещиков. Только в Минской губернии в 1869 г. из 9 уездных предводителей 7 были католиками: Ванькович (Минский уезд), Наркевич-Йодка (Игуменский уезд), Кеневич (Мозырский уезд), Горват (Речицкий уезд), князь Друцкий-Любецкий (Пинский уезд), Войнилович (Слуцкий уезд) и граф о'Рурк (Новогрудский уезд). Ситуация изменилась только во время генерал-губернаторства И. С. Коханова (1884—1893), который к 1888 г. добился увольнения всех предводителей дворянства римско-католического вероисповедания. К концу XIX в. абсолютное большинство предводителей дворянства на территории Беларуси были выходцами из внутренних губерний империи [6, с. 82—83].

Таким образом, после восстания 1830—1831 гг. выборное начало в работе местных государственных учреждений Беларуси было существенно ограничено, как имущественным цензом, так и исключением из числа избирателей участников восстания и лиц, находившихся под секретным надзором полиции. Был также сокращен перечень самих выборных должностей: в Виленской, Гродненской и Минской губерниях председатели уголовных палат и чины земской полиции с 1831 г. назначались губернатором. Мероприятия властей, направленные на замещение должностей по выборам лицами, имевшими опыт российской государственной службы, провалились. Начиная с 1861 г. выборное начало в крае было фактически ликвидировано. Дворянство не имело возможности избирать даже своих сословных представителей — уездных и губернских предводителей. На уездном уровне российская власть отступила от данного ограничения только в 1868 г., однако в исторической ретроспективе отступление оказалось временным (до 1888 г.).

Что касается тех чиновников, которые занимали должности в местных государственных учреждениях Беларуси *по назначению*, то после восстания 1830—1831 гг. в политике российских властей прослеживаются два основных направления: 1) стремление повысить лояльность местного дворянства через службу его представителей в пределах России; 2) попытки привлечь в Северо-Западный край чиновников из внутренних губерний.

С 1835 г. все уроженцы западных губерний при поступлении на службу должны были представлять свидетельство о непричастности к восстанию, которое выдавалось местными губернаторами [17, т. 14, № 8575а]. Согласно указу от 23 января 1837 г. все дворяне католического вероисповедания западных губерний, желавшие стать чиновниками, должны были в течение пяти лет прослужить в великороссийских губерниях «для доставления им большей удобства обучаться русскому языку» [17, т. 12, № 9894]. Отметим, что если поместные дворяне белорусских губерний старались избегать службы по гражданскому ведомству, то мелкая шляхта охотно избирала чиновничью карьеру. В феврале 1839 г. киевский генерал-губернатор Д. Г. Бибииков на заседании Комитета западных губерний просил отменить указ 1837 г., поскольку у обедневшей шляхты не было средств для переселения на новое место службы. Однако Николай I не согласился с этим предложением и оставил указ в силе [2, с. 521].

Для привлечения в край чиновников русского происхождения после восстания 1830—1831 гг. был предпринят ряд мер. В апреле 1832 г. тем, кто избирал в качестве места службы Виленскую и Гродненскую губернии, выдавались средства на проезд в соответствии с чином и расстоянием, а также сверх жалованья сохранялась пенсия [17, т. 7, № 5293]. Однако в том же 1832 г. могилевский гражданский губернатор Г. И. Бажанов сообщал, что чиновники Могилевской и Витебской губерний получали скудное содержание. Поэтому после выхода

апрельского указа они покидали свои места и уезжали в Виленскую и Гродненскую губернии. Для стабилизации ситуации губернатор просил направить в губернскую канцелярию 3 тыс. рублей для губернского правления и 5 тыс. рублей «для удержания чиновников на своих местах» [12, с. 66, 67]. Таким образом, пытаясь привлечь чиновников в одни губернии Северо-Западного края, правительство «оголило» другие, и без значительных финансовых вливаний не могло решить этот вопрос.

В декабре 1832 г. льготы в виде прогонов распространились на учителей и всех служащих Министерства народного просвещения [17, т. 7, № 5861], в августе 1834 г. — на русских чиновников, следовавших в Минскую губернию и Белостокскую область [17, т. 9, № 7353].

В 1838 г. проблема замещения постов политически благонадежными чиновниками обсуждалась членами Комитета западных губерний. Генерал-губернаторы настаивали на предоставлении еще больших льгот для желающих отправиться в западные губернии. Мнение Комитета было однозначным: льгот достаточно. Члены Комитета рекомендовали придерживаться январского указа 1837 г., так как «мера сия гораздо более способна снабдить губернские управления достойными чиновниками, нежели установление исключительных преимуществ, которые, как опыт... доказывает, конечно, прельщают собою временных искателей выгод, но редко полезных и усердных к службе людей». В 1841 г. члены Комитета вновь отвергли притязания местной администрации на перемещение из центра России чиновников в западные губернии [12, с. 67].

Белорусский исследователь А. А. Киселев подсчитал, что в 1845 г. в Виленской, Гродненской, Минской и Витебской губерниях на должностях V класса (вице-губернаторы, председатели казенной, уголовной палат и палаты государственных имуществ) местные уроженцы составляли всего 13 % от общего числа чиновников; на должностях VI класса (советники губернского правления, казенной палаты и палаты государственных имуществ, губернские прокуроры) — 46 %, на постах VII—VIII класса (губернские стряпчие, ассессоры губернского правления, заседатели судебных палат от короны, правители канцелярий губернатора и губернского правления, ассессоры палаты государственных имуществ и казенной палаты) — 62 %. Больше всего местных уроженцев оказалось на секретарских должностях (IX класс) — 89 % [10, с. 77—78, 143—152]. Таким образом, в годы правления Николая I российская власть добилась преобладания приезжих чиновников в белорусских губерниях лишь на уровне должностей V и VI класса. В 1830—1850-е гг. русское присутствие в крае оставалось малозаметным. Правительство не нашло достаточных средств для массового привлечения чиновников из внутренних губерний империи. Других причин для переезда в малознакомый край, с чужими обычаями и языком общения, у русских чиновников не было. Так, М. Л. Песковский вспоминал, что его дядя и брат, по семейным обстоятельствам оказавшиеся на службе в Витебской губернии, должны были учить польский язык, что вызывало их большое недовольство. Особо негодовал дядя, вынужденный учить язык в 50 лет [15, с. 522].

В феврале 1855 г. Николай I предпринял попытку разрубить «гордиев узел» нерешенных в западных губерниях проблем по замещению должностей на гражданской службе: отныне никто из неправославных уроженцев не мог быть определен на службу в крае, если прежде не прослужил 10 лет в Великороссии или в войсках в офицерском чине. Все должности в земской и городской полиции и по ведомству государственных имуществ должны были быть замещены чиновниками русского происхождения. Генерал-губернатор Виленской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний И. Г. Бибииков и его киевский коллега И. И. Васильчиков позволили себе осторожно покритиковать решение императора. Бибииков подчеркнул, что распоряжение невозможно осуществить в сжатые сроки, а Васильчиков обратил внимание на то, «как мало есть людей из русских уроженцев, немного и из местных православного вероисповедания, которые могли бы отвечать назначению своему». В апреле 1855 г. (уже после смерти Николая I) Комитет министров согласился с мнением Бибиикова [8, с. 165—

167]. Сановники постановили, что чиновников из местных уроженцев замещать надо, но делать это следует постепенно, назначая их лишь на вакантные должности, т. е. генерал-губернаторы фактически добились отмены распоряжения императора.

С началом царствования Александра II определяющим в правительственном курсе в западных губерниях стала политика «примирения с поляками». В 1856 г. в крае было снято военное положение, объявлена амнистия участникам восстания 1830—1831 гг. В августе 1856 г. были отменены ограничения для местных уроженцев при поступлении на государственную службу [17, т. 31, № 30 885]. Важным жестом монаршего дружелюбия стало назначение в конце 1855 г. нового генерал-губернатора Виленской, Ковенской и Гродненской губерний — В. И. Назимова, имевшего в крае благоприятную репутацию. Крупным успехом нового управителя стало побуждение виленского, ковенского и гродненского дворянства к выступлению с инициативой отмены крепостного права. Однако первые же открытые проявления сочувствия к идеалу Польши в границах 1772 г. оборвали «роман» Назимова с местной шляхтой. Исследователи сходятся во мнении, что перелом в отношении к «польскому вопросу» наступил не в 1863 г., а в 1861 г., когда проявилось стремление поляков к восстановлению единства Царства Польского с западными губерниями. На осень 1862 г. пришлось два выступления, которые шокировали власть своей «дерзостью». Дворянские собрания Подольской, а затем Минской губерний подписали всеподданнейшие адреса с просьбой об административном присоединении губерний к Царству Польскому (было ясно, что речь идет обо всем Западном крае, так как ни одна из этих губерний не имела с Царством общей границы). На организаторов адресов обрушились репрессии властей [8, с. 177, 178].

Нараставшее противостояние разрешилось в ходе восстания 1863—1864 гг., активное участие в котором приняло и местное чиновничество. Присоединение к повстанцам носило как явный (участие в восстании с оружием в руках), так и скрытый характер. Чиновники содействовали подделке документов (паспортов, свидетельств, ходатайств), укрывали повстанцев, давали ложные показания в пользу земляков, информировали восставших о передвижении войск и действиях властей. Одним из способов демонстрации своей политической позиции в среде чиновников стал саботаж. С целью сорвать работу местных учреждений часть из них подавала коллективные прошения об увольнении, другая часть без разрешения не выходила на работу. Например, в Могилевской губернии только за 5 дней 1863 г. (23—28 апреля) оставил службу 51 человек. Чиновники участвовали также в обеспечении повстанческих отрядов деньгами, провизией, оружием, вели антиправительственную агитацию [20, с. 82—89].

В мае 1863 г. Виленским генерал-губернатором был назначен М. Н. Муравьев. Он предложил жесткую программу «усмирения» края. Нам кажется убедительным мнение, высказанное Д. Сталюнасом, что Муравьев не нашел в крае ни одной социальной группы, на которую он мог бы полностью опереться в реализации своей программы. Соответственно именно чиновники стали его основной опорой в Литве и Беларуси [19]. М. Н. Муравьев предложил немедленно заместить русскими чиновниками высшие должности по всем ведомствам и все «места, имеющие прикосновение с народом», а остальные должности замещать русскими постепенно. 22 мая 1864 г. это предложение было утверждено Александром II. В октябре 1863 г. в Северо-Западном крае на 50 % было увеличено штатное содержание чиновникам русского происхождения Министерства финансов: членам казенных палат и уездных казначейств. В феврале 1864 г. эта мера была распространена на чиновников МВД, Министерства народного просвещения, юстиции и государственных имуществ, почтового и межевого ведомств, служащих строительных и дорожных комиссий. Кроме того, всем выдавались прогонные деньги на место службы и подъемные [11, с. 61]. Если в 1863 г. из 1000 чиновников гражданского ведомства в Виленской губернии 252 человека являлись уроженцами внутренних российских губерний (т. е. на трех чиновников местного происхождения приходился один русский), то в 1864 г. русские уже составляли около половины [5, с. 558, 560].

Содержание вновь прибывших чиновников осуществлялось за счет 10 % сбора с помещиков (в 1864 г. уменьшен до 5 %), сбора с помещичьих имений на содержание сельских караулов, сбора со шляхетских околиц, принявших участие в мятеже, 1 % сбора с домов жителей Вильно, 1 % сбора с жителей уездных городов, сборов штрафных денег за ношение траура [5, с. 559]. Кроме того, генерал-губернатор располагал возможностями по передаче в руки вновь прибывших чиновников конфискованных у участников восстания земель. Так, председатель проверочной комиссии Бобруйского уезда Н. К. Полевой получил от Виленского генерал-губернатора К. П. фон Кауфмана заманчивое предложение о приобретении в собственность конфискованного имения Слуцкого уезда. Имение оценивалось в 100 тыс. руб., но его передавали в собственность за 10 тыс. с уплатою в рассрочку в течение 10 лет [16, с. 17].

В поисках денег и чинов в первый год генерал-губернаторства М. Н. Муравьева в Северо-Западный край прибыло более 3000 человек. По подсчетам П. А. Черевина, около 1000 из них были возвращены обратно за несоответствие требованиям службы по своим деловым и моральным качествам. В сентябре 1864 г. начальник Виленского жандармского управления А. М. Лосев доносил в Петербург: «Большая часть командированных в Вильно на службу русских чиновников низших чинов отличаются дурным поведением. А некоторые из них оказались до такой степени отвратительной нравственности, что никакие меры ближайшего начальства не могли обуздать их; пробовали выдавать им на обратный путь прогонные деньги, но они до выезда успевали их пропить. Чтобы избавиться от подобных представителей русского чиновничества, возмущавших нравственность, другого средства не было, как отправлять их по этапу» [11, с. 62, 63]. М. Н. Муравьев предложил установить обязательный двухлетний срок службы или требовать обратно подъемные деньги. Всего на службу в северо-западные губернии с 1863 по 1867 г. прибыло 5617 чиновников [11, с. 63].

В 60-е гг. XIX в. просматривается и новое явление в среде прибывших чиновников. Кроме искателей денег и чинов, в Северо-Западный край отправились носители «русской идеи» — люди, чувствовавшие личную ответственность за сохранение «русской земли» в составе Российской империи. Они приезжали в составе мировых посредников, желавших освободить местное «русское» крестьянство от влияния «польских» помещиков. Мы пытались обнаружить их идейных представителей в составе русского чиновничества уже в первой половине XIX в. Известно, что 1830—50-е гг. являлись временем подготовки работ Н. Г. Устрялова и М. П. Погодина, которые сформулировали идеи об «исконно русском происхождении» населения присоединенных к империи по разделам Речи Посполитой областей. Такого рода аргументация нашла отражение не только в исторических трудах, но и публицистике. А. С. Пушкин отреагировал на события восстания 1830—1831 гг. одним из наиболее резких своих произведений «Клеветникам России», где для Отечества «озлобленных сынов» увидел место «среди гробов». Однако, на наш взгляд, тезис о бесспорной принадлежности населения «Западного края» к «русской народности» в 1830—50-е гг. XIX в. еще не был усвоен русским обществом. Ситуация изменилась во второй половине XIX в. Примером таких изменений может служить реакция П. А. Вяземского на пушкинские произведения «Бородинская годовщина» и «Клеветникам России». В 1830-е гг. Вяземский был крайне раздражен их появлением: «Для меня назначение хорошего губернатора в Рязань или в Вологду гораздо более предмет для поэзии, нежели взятие Варшавы (да и у кого мы ее взяли, что за взятие, что за слово без мысли)». И в другом месте: «... что за святотатство сочетать Бородино с Варшавою? Россия вопиет против этого беззакония» [4, с. 153, 155]. Однако в 1860-е гг. Вяземский сам напишет крайне резкую брошюру антипольского содержания. После восстания 1863—1864 гг. в Северо-Западный край отправятся носители идей зарождавшегося русского национализма, воспитанные гимназическими учебниками Н. Г. Устрялова и полемическими статьями М. Н. Каткова в «Московских ведомостях» (кстати, любимом издании Муравьева) [14, с. 231]. Среди энтузиастов, откликнувшихся на «муравьевский призыв» отправиться в Северо-За-

падный край, были люди небедные, люди старинных дворянских фамилий. Отец мемуариста Н. К. Полевого таким образом напутствовал сына: «Никаких особенных выгод не можешь получить ты в том краю, но твоя нравственная обязанность ехать туда. Отечество, Россия в опасности» [16, с. 63]. Они ехали служить своему Отечеству. И, как было отмечено выше, в первую очередь в качестве мировых посредников.

На наш взгляд, перед мировыми посредниками в белорусских губерниях стояли наиболее сложные задачи во всей Российской империи, что было обусловлено целым рядом причин. Во-первых, в отличие от губерний Правобережной Украины, на территории Беларуси инвентарная реформа так и не была реализована. Следовательно, не сложилась система соответствия земельных участков фиксированному размеру повинностей. Точное исчисление надела и повинностей должно было произойти при составлении уставных грамот, что входило в обязанности посредников. Предвидя сложность этой задачи, Редакционные комиссии спроектировали учреждение в каждом уезде проверочных комиссий, которые в течение шести лет после утверждения уставных грамот должны были разрешить основные разногласия и споры между помещиками и крестьянами [9, с. 136, 229]. Во-вторых, проверочные комиссии должны были установить, насколько соблюдалось законодательство 19 февраля местными мировыми посредниками, вводившими уставные грамоты в 1861—1862 гг. В-третьих, в 1857—1861 гг. происходило массовое обезземеливание крестьян. Муравьев посчитал необходимым наделить обезземеленное крестьянство землей. Циркуляр от 18 октября 1863 г. вводил дифференцированную систему наделения крестьян землей. Тем, кто лишился ее с 1857 г., возвращались участки в полном объеме, а обезземеленные в период с 1846 г. по 1857 г. должны были получить три десятины [11, с. 89]. Разрешение столь непростых вопросов ложилось на плечи мировых посредников. В-четвертых, сложившееся в Беларуси подворное крестьянское землепользование ставило крестьянина в более зависимое от помещика положение, чем землепользование общинное. Помещик распределял наделную землю без вмешательства и контроля общины. Отстаивать интересы крестьян, частично замещая деятельность последней, также должен был мировой посредник. В-пятых, качество земли на территории Беларуси значительно отличается даже в границах небольших по размерам участков. На протяжении одной версты можно было встретить и суглинистую, и супесчаную, и песчаную почву, что крайне затрудняло ее оценку [16, с. 5]. Наконец, мировые посредники оказывали поддержку крестьянам в деле образования, врачевания, общественного призрения и даже взаимного кредита [15, с. 68]. Исследователи пришли к выводу, что они также приняли на себя хозяйственное и материальное обеспечение школ, т. е. фактически в белорусских губерниях мировые посредники частично компенсировали отсутствие земств, которые решали названные задачи в Центральной России [18, с. 62].

Условия их работы были нелегки. Так, «письмоводитель» мирового посредника Лепельского уезда М. Л. Песковский за три летних месяца 1863 г. провел в месте своего постоянного пребывания, Бешенковичах, не более 10 дней. Все остальное время прошло в сплошных переездах из волости в волость, из села в село [15, с. 65]. Н. К. Полевой отмечал, что вверенные ему участки в Бобруйском уезде были разбросаны по бездорожью на значительном расстоянии [16, с. 5]. В. П. Березин рассказывал, как члены поверочной комиссии Минского уезда странствовали по весеннему «грязному киселю»: «В первые две недели, как нарочно, ежедневно и неустанно шел мелкий дождь... и мы возвращались “домой”, измученные ходьбою и тряскою на лошадях, голодные как волки. Наш обед, служивший и ужином, мы истребляли жадно и быстро» [1, с. 186]. Трехстраничное описание одного из рабочих дней пронизано авторской самоиронией, которая сглаживает картину крайне дискомфортных условий существования [1, с. 187—190]. И, тем не менее, В. П. Березин восклицает: «О прекрасное, чудно прекрасное время моей службы в М., — никогда тебя не забуду!» [1, с. 141]. Не так восторженно по форме, но схоже по содержанию высказываются другие мемуаристы.

А ведь эти люди не только занимались тяжелым физическим трудом. Они ощущали враждебность дворянского общества, неоднозначно оценивались представителями местной власти. Да и среди сослуживцев легко было прослыть «крепостником» в связи с преследованием крестьян за порубки и потравы. Еще легче было получить ярлык «красного» за понижение оценок помещичьей земли, зачисление болот в неудобные земли.

Несмотря на все трудности, «герои» данной статьи не отвернулись от работы «по крестьянскому делу». Наоборот, на долгие годы они связали с ним свою судьбу: Н. К. Полевой после отставки М. Н. Муравьева продолжил работу в Царстве Польском, В. П. Березин длительное время оставался членом поверочной комиссии Минской губернии. Чем же привлекал их крестьянский вопрос, не отпуская от себя в другие сферы деятельности? М. Л. Песковский готовился стать священником. Н. К. Полевого ждали в гвардии, да и на родине, в Вяземском уезде, предлагали быть избранным на должность уездного предводителя дворянства. В. П. Березин мог заняться управлением собственным имением. Поиски ответа на поставленный вопрос приводят к философским размышлениям о человеческом счастье. Перед нами один из его рецептов: максимально честно делай дело, высокое назначение которого осознаешь, и наслаждайся плодами трудов своих. Все авторы с такой неподдельной радостью пишут об успехах в устройстве волостных училищ, проведении справедливых рекрутских наборов, возвращении крестьянам захваченных помещиками земель, что становится ясно — видимые результаты работы воодушевляли их на дальнейшие усилия в избранном направлении.

Вместе с тем вопрос о результатах деятельности мировых посредников на территории Беларуси, на наш взгляд, тесно связан с вопросом о формировании национального самосознания белорусов. Работа земств, несомненно, способствовала росту общественного сознания в Центральной России. Украинский исследователь Я. Грицак считает, что после издания валуевского циркуляра 1863 г. именно земские фельдшеры, агрономы, статистики вели ежедневную незаметную «муравьиную» работу по развитию национального самосознания крестьянства на территории Левобережной Украины [7, с. 207]. Что касается Беларуси, то в Витебской, Могилевской и Минской губерниях земства были учреждены в 1911 г. Практически они не успели в полной мере развернуть свою деятельность до начала Первой мировой войны. В Гродненской и Виленской губерниях российская власть так и не решилась на учреждение земств. Таким образом, в период активного нациестроительства у соседей Беларусь оказалась вне деятельности всесословных организаций. Часть их полномочий легла на плечи мировых посредников в крае. Однако наиболее сознательные и активные посредники в 1860—70-е гг. вели работу в крестьянской среде в интересах *русского дела*. В своей деятельности они опирались на представления о противоположности интересов «русских» крестьян и «польских» помещиков и ксендзов. Внутри белорусского общества отсутствовал опыт практического сотрудничества для реализации неких общих целей, лежащих вне плоскости различных сословных или финансовых интересов.

Последствия сложившейся ситуации — взаимного недоверия в обществе — обнаружились довольно скоро. В 1917 г. законотворческая деятельность Временного правительства превратила бывшую Российскую империю в «самую свободную страну в мире». В июле — ноябре 1917 г. на территории Беларуси проходили первые выборы на основании прямого, равного и тайного избирательного права в городские думы и земские органы. И если в городах выборы в целом состоялись, то земские фактически провалились. Причиной являлась не только сложная внутри- и внешнеполитическая обстановка. Особенность земских выборов состояла в появлении нижнего звена — волостного земства. Всесословный принцип открыл в него двери не только крестьянам, но и служащим, священникам, сельской интеллигенции. Исследователи считают, что именно всесословность новых органов вызвала недоверие со стороны крестьян к новым учреждениям и привела к глухой оппозиции земской реформе. Они не желали допускать «чужаков» к решению своих проблем, не верили в результатив-

ность совместных действий. Большинство крестьян фактически проигнорировало выборы, уклонение от участия в которых достигало 60—90 % [6, с. 479]. Появился ли опыт сотрудничества разных слоев белорусского общества с целью решения совместных проблем на протяжении XIX в.? Ответ на этот вопрос требует самостоятельного исторического исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Березин В. Восемь лет в Северо-Западном крае // Рус. вестн. 1896. № 1—2. С. 139—157; № 3—4. С. 170—180; № 7. С. 185—204.
2. Бовуа Д. Гордиев узел Российской империи: Власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793—1914). М. : Новое лит. обозрение, 2011. 1008 с.
3. Бригадин П. И., Лукашевич А. М. Мятёжный корпус: из истории Александровского Брестского кадетского корпуса (1842—1863). Минск : ГИУСТ БГУ, 2007. 183 с.
4. Вяземский П. А. Записные книжки. М. : Рус. кн., 1992. 379 с.
5. Гісторыя Беларусі ў дакументных і матэрыялах / Акад. навук БССР, Ін-т гісторыі. Менск : Выдава Акад. навук БССР, 1936—1954. Т. 2 (1772—1903 гг.) / пад рэд.: Н. М. Нікольскага, Д. А. Дудкова, І. Ф. Лочмеля. 1940. 938 с.
6. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII — пачатку XXI ст. : у 2 кн. / А. А. Каваленя [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. Мінск : Беларус. навука, 2011. 584 с. Кн. 1.
7. Грицак Я. Нарис історії України: формування модерної української нації XIX—XX ст. Київ : Генеза, 2000. 360 с.
8. Долбилов М. Д. Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II. М. : Новое лит. обозрение, 2010. 1000 с.
9. Западные окраины Российской империи. М. : Новое лит. обозрение, 2007. 608 с.
10. Киселев А. А. Система управления и чиновничество белорусских губерний в конце XVIII — первой половине XIX в. Минск : Воен. акад. Респ. Беларусь, 2007. 171 с.
11. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М. : Наука, 2005. 383 с.
12. Лепеш О. В. Комитет западных губерний: организация и деятельность (1831—1848 гг.). Минск : РИВШ, 2010. 158 с.
13. Луговцова С. Л. Политика российского самодержавия по отношению к дворянству Беларуси в конце XVIII — первой половине XIX в. : дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1999. 134 с.
14. Мосолов А. Н. Виленские очерки, 1863—1865 гг. СПб. : Тип. А. С. Суворина, 1898. 253 с.
15. Песковский М. На рубеже двух эпох // Рус. старина. 1896. № 3. С. 511—533; № 4. С. 57—78.
16. Полевой Н. К. Два года — 1864 и 1865, из истории крестьянского дела в Минской губернии // Рус. старина. 1910. № 1. С. 47—63; № 2. С. 247—270; № 4. С. 3—25.
17. Полное собрание законов Российской империи : в 55 т. СПб. : Тип. II отд-ние. Собств. Его Имп. Вел. Канц., 1830—1884.
18. Сергеенкова В. В., Ершова О. И., Гулюк М. А., Шараева Е. И. Виленский учебный округ: политика российского правительства в области образования (вторая половина XIX — начало XX в.) // Рос. и славян. исслед. : науч. сб. / редкол. : А. П. Сальков, О. А. Яновский (отв. ред.) [и др.]. Минск : БГУ, 2008. Вып. 3. С. 57—75.
19. Сталюнас Д. Этнополитическая ситуация Северо-Западного края в оценке М. Н. Муравьева (1863—1865) // Балтийский архив: Русская культура в Прибалтике. Вильнюс : Русские творческие ресурсы Балтии, 2003. Т. VII. С. 250—271. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.russianresources.lt/archive/Mater/staliunas.html> (дата обращения 16.08.2013).
20. Фірыновіч А. Э. Паўстанне 1863—1864 гг.: вядомыя і невядомыя крыніцы беларускіх архіваў. Мінск : Беларус. навука, 2013. 315 с.
21. Черевин П. А. Воспоминания П. А. Черевина. 1863—1865. Кострома : Костром. науч. об-во по изучению местного края, 1920. 76 с.
22. Staliunas D. Rusinimas: Lietuva ir Balltarusija po 1863 metu; Lietuvos istorijos institutas. Vilnius : Lietuvos istorijos instito leidykla, 2009. 539 p.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2013 г.

О. Н. Карлина

ОРГАНИЗАЦИЯ ТАМОЖЕННОГО КОНТРОЛЯ НА ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В КОНЦЕ XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в. (на материалах Волынской губернии)

Исследуется организация таможенного контроля на западной границе Российской империи в первой половине XIX в. На материалах Радзивилловского таможенного округа, в состав которого входили таможи и заставы по границе от Бреста-Литовского Гродненской губернии до Исаковец Подольской губернии, рассмотрена структура, система управления и развитие таможенной сети. Также освещен вопрос эффективности борьбы с контрабандой в пределах указанного таможенного округа. Прослежен процесс формирования оптимальной организации пограничного и таможенного контроля на западной границе в первой половине XIX в. Раскрыта тесная взаимная связь между деятельностью по охране границы и организацией пропуска через нее людей, товаров и транспортных средств с таможенной политикой государства. Доказано, что политические изменения конца XVIII — начала XIX в. не привели к радикальному прекращению связей различного характера между людьми, оказавшимися в разных государствах, по обе стороны русско-австрийской границы.

The article considers the problems of customs control management on the western frontier of the Russian Empire in the first half of the nineteenth century. The structure of administrative system and the development of the customs network have been analyzed on the materials of the Radzivilovskij customs district, which included the customs posts along the frontier from Brest-Lithuanian Grodno Gubernia to Isakovtsy of Podolskaya Gubernia. The ways and methods of effective struggle with illegal traffic and trade on the territory of the customs district mentioned above are also described in the article. The article considers the process of establishing effective border and customs control on the Western border during the first half of the 19-th cent. The author shed the light on the close relationships between guarding the borders and customs control of people, goods and vehicles and the customs policy of the state. It has been proved that political changes at the late 18-th — early 19-th cent. didn't cause any radical prevention against various relations between people who found themselves in different states on different sides of Russian-Austrian border.

Ключевые слова: Российская империя, Волынская губерния, российско-австрийская граница, таможенный контроль, Радзивилловский таможенный округ.

Keywords: Russian Empire, Volyn Gubernia, Russian-Austrian border, customs control, Radzywilovsky customs district.

В истории Правобережной Украины 90-е гг. XVIII в. были рубежом между двумя эпохами. Более чем двухсотлетнее пребывание края в составе Речи Посполитой, имевшее перво-степенное влияние на все стороны жизни, было прервано вторым и третьим разделами польско-литовского государства. Правобережье вошло в состав Российской империи. На присоединенных землях, которые центральная власть рассматривала своими исконными, как бы всегда входившими в состав Российского государства, сразу было введено общеимперское административное управление — без использования различных временных форм.

Новообразованная Волынская губерния оказалась приграничной: на западе она соседствовала с Австрийской империей, длина государственной границы составляла 210 верст. Для перехода границы в августе 1795 г. были открыты таможи в Волочишке (Староконстантиновский уезд), Радзивилове (Кременецкий уезд) и Владимире-Волынском [32, с. 758]. Через два

Карлина Оксана Николаевна — доцент кафедры всемирной истории Восточноевропейского университета имени Леси Украинки (Луцк, Украина), кандидат исторических наук. E-mail: oksana.karlina@gmail.com

года таможенно с Владимира-Волынского перевели в Рожеямполь (или Устилуг) Владимир-Волынского уезда [21, с. 779]. Эта таможня использовалась только для контроля за прогоном скота на ярмарочную торговлю во Влодаву Брест-Литовского уезда Гродненской губернии. В следующем году таможенно в Устилуге преобразовали в заставу, а в штат Радзивилловской таможни ввели дополнительно одного унтер-офицера и одного писаря. В их функции входил контроль за товарами, которые перемещались через границу в Устилуге [29, с. 590; 18, с. 653]. Ассортимент товаров был небольшим: кроме скота с 1801 г. разрешалось вывозить поташ и ввозить соль, а также проводить экспортно-импортные операции с хлебом и «крестьянскими продуктами», к которым относились пенька, лен, мед, воск, масло конопляное и льняное, сельская домашняя утварь, лес и деревянные изделия [16, с. 662—664]. Порядок прохождения товаров через таможни Волынской и Подольской губернии и уплаты таможенных пошлин определяла инструкция Коммерц-коллегии, изданная в конце декабря 1798 г. [12, с. 507—509].

В конце XVIII в. контроль за перемещением товаров и людей в пределах Волынской губернии осуществляли 4 таможенных контролера и 53 объездчика. Таможенная стража пополнялась только нижними воинскими чинами, которые служили в кавалерии. Казачьи разъезды находились в глубине территории в отдалении 3—5 верст от границы. Чтобы таможенные контролеры, их помощники и объездчики «не могли делать с обывателями знакомств и связей, вредных пользы службы», их следовало переводить каждые полгода с одного места на другое [31, с. 226].

К началу XIX в. система таможенного контроля Российской империи перестала отвечать предъявляемым к ней требованиям, поскольку мало учитывала произошедшие в конце XVIII в. территориальные изменения и общую политическую и экономическую ситуацию в Европе. Процесс реформирования таможенного контроля начался в 1811 г. Для обеспечения таможенной безопасности все протяжение западной границы разделялось на участки длиной 150 верст каждый. Охрана участка поручалась одному казачьему полку, а сам участок разделялся на 15 частей. Каждая сотня располагалась в трех местах так, чтобы для непрерывного объезда 10-верстного расстояния было по 30 казаков [30, с. 508]. В том же 1811 г. на основе манифеста «Учреждение таможенного управления по европейской торговле» на западной границе было образовано одиннадцать таможенных округов, в том числе и Радзивилловский [37, с. 681]. Он включал таможни и заставы от Брест-Литовского до Исаковцов Подольской губернии. Таможни разделялись на главные, обычные и контрольные. Главным разрешался пропуск иностранных товаров. Таможенным округом руководил начальник, который о любом задержании и конфискации товаров, случившимся в его ведомстве, получал рапорты от таможен, застав и таможенной стражи, и вместе со своим решением передавал их главному таможенному начальству [37, с. 683]. Ему подчинялась пограничная таможенная стража в составе одной команды на 15 верст сухопутной границы [37, с. 681, 682]. Поскольку Радзивилловская таможня имела статус главной, то ее штат состоял из начальника таможенного округа, двух его помощников, переводчика, казначея, бухгалтера, пяти писарей, кладовщика, весовщика, штампельмейстера, семи контролеров, двух сторожей — всего 23 человек [10, л. 267].

Важным структурным подразделением таможенной системы была таможенная стража, в задачу которой входило предотвращение контрабанды товаров по всей границе. Стража состояла из отдельных команд по 10 человек рядовых объездчиков. При этом три таких команды подчинялись одному надзирателю. Рядовые члены таможенной стражи обычно набирались из отставных военных. Каждые 15 верст границы обслуживала одна команда таможенной стражи [46, с. 110]. В 1812 г. в каждом таможенном округе были созданы контрольные таможни и заставы. Они базировались на расстоянии 50—100 верст от главных приграничных таможен на больших дорогах, которые шли от границы [2, с. 357—362].

Устилугская таможня возобновила работу в 1818 г. и предназначалась для транспортировки импортных товаров из Одессы до Варшавы, которые до того времени разрешалось перево-

зять через Радзивиловскую таможенную по тарифу 1816 г. [24, с. 667]. Через Волочискую таможенную можно было перемещать товары, которые перед тем перевозились только через Санкт-Петербургскую таможенную и Одесский порт, и взыскивать пошлину по тарифу 1816 г. [15, с. 98—199; 25, с. 449]. Тогда же была открыта таможенная застава в местечке Дружкополь Владимир-Волынского уезда «в облегчение торговых с городом Лембергом [Львовом] сношений». Позже она получила статус коммерческой таможни третьего класса.

С 1 января 1820 г. вошел в действие новый «Таможенный устав по европейской торговле». Через Радзивиловскую таможенную не только можно было перевозить в Россию разрешенные импортные товары, но и всем купцам предоставлялась возможность без уплаты въездного налога их складирования на срок до восьми месяцев, а другим торговым людям — до шести. Такого типа таможни еще назывались «складскими» [36, с. 418]. В 1822 г. Радзивиловская таможня была отнесена к таможням первого класса [20, с. 104—110].

Таким образом, ничем до того времени не приметное местечко Радзивилы на западе Волынской губернии в первой четверти XIX в. превратилось в основной приграничный пункт Российской империи на ее юго-западных рубежах. В нем разместились приграничная стража, таможенная служба, почта, а также цензурное ведомство, открытое в 1796 г. при таможне для контроля ввоза книг в Подольскую, Волынскую и Минскую губернии¹.

В начале XIX в. Радзивилы вместе с несколькими деревнями принадлежал Казимиру Турно, бригадному генералу Великого герцогства Варшавского, участнику наполеоновских войн. Потом местечко унаследовала его вдова с пятью дочерьми. Имение, которое насчитывало всего 832 душ крепостных (по ревизии 1816 г.), было обременено большими долгами: не менее 420 тыс. злотых и 3 тыс. руб. серебром [9, л. 2—5]². Наличие таможни и других государственных служб обусловило увеличение населения и его торговой роли: если в 1798 г. в местечке насчитывалось всего 220 дворов, то через 40 лет — 350 [34, л. 27; 43, л. 151, 152].

Выбор места расположения главной российской таможни на границе с Австрией в Радзивилове не был случайным. На австрийской стороне напротив этого местечка находился г. Броды. Предоставление в 1779 г. Бродам статуса вольного торгового города содействовало экономическому росту и превращению в важный торговый центр Галиции [47, s. 114]. В первой четверти XIX в. население города насчитывало около 25 тыс. человек, из которых более 60 % составляли евреи. В нем имелись склады товаров, торговый суд, была развита торговля лошадьми, кожей, мехами, воском и австрийскими ремесленными изделиями. Бродские ремесленники в своем большинстве были скорняками и ткачами полотна. В городе насчитыва-

¹ В сенатском указе от 16 сентября 1796 г. говорилось, что через таможню в Радзивилове разрешен «привоз иностранных книг по изданному вновь тарифу», а для того «под наблюдением губернских начальств учредить Цензуру, из одной духовной и двух светских особ составляемую». Цензура должна была «наблюдать те же самые правила и в рассуждении привозимых книг из чужих краев, так что никакая книга не может быть вывезена без подобного осмотра, подвергая сожжению те из них, кои найдутся противными Закону Божию, Верховной власти, или же развращающие нравы» [28, с. 61].

² В 1845 г. Волынская гражданская судебная палата провела описание и оценку имения с целью продажи его с публичных торгов для возмещения долгов. До времени продажи половина имения передавалась в ведение уездной дворянской опеки. Доходы с этой половины имения должны были поступать на счет Волынского приказа общественного призрения с целью накопления средств для удовлетворения кредиторов, кроме 1500 руб., которые ежегодно следовало отдавать купцу Лейбе Батю до того тех пор, пока долг семьи Турно перед ним не будет погашен. Вторая часть имения доставалась графине Гелене Турно «на основании пожизненных прав». Через пять лет «имение помещицы Турно Радзивиловскую волость за накопленную недоимку государственных налогов и других сборов не только с вольных людей, но также с крестьян, Кременецкой дворянской опеке поручено взять в административное управление». На то время в имении насчитывалось 874 «ревизских душ», а недоимка по уплате налогов достигла 7500 руб. В 1851 г. в счет уплаты недоимки были зачислены доходы от «питейной аренды» в размере 6172 руб. 66 коп. Кроме того, имение осталось обремененным долгами частным лицам более чем на 300 тыс. руб. серебром [41, л. 78, 79].

лось «еврейских купцов до 30 крупных и более 200 меньших». Во время ярмарок открывался польский или немецкий театр [51, s. 95, 96]. В первой половине XIX в. Броды были вторым по значению городом в Галиции после Львова³.

Россия для защиты интересов своих купцов за границей, борьбы с контрабандой и противодействия политической пропаганде добилась открытия в 1827 г. своего консульства в Бродах. Консул обязан был отслеживать перемещения по российской территории лиц, которым он оформлял документы, и предупреждать других чиновников о возможных их противоправных действиях. Бродовские купцы через своих представителей в Вене домогались открытия в Радзивилов австрийского консульства, но власть проигнорировала их требования [49, s. 49, 50].

Переход границы регулировался указом от 13 февраля 1817 г. и трактатами с Австрией и Пруссией от 21 апреля и 3 мая 1815 г. Он был возможен после предъявления заграничного паспорта, а жителям приграничной семиверстной полосы (кроме евреев) достаточно было свидетельства от земского начальства, евреям — плакатного паспорта (свидетельство на проживание, полученное в уездном казначействе) [42, л. 1, 20, 20 об.].

Таможня, где проверяли паспорта, находилась вблизи Радзивилова, а «рогатка» (таможенный пост) — двумя верстами далее, на самой границе [4, с. 283]. О том, как на практике проходил паспортный контроль на Радзивиловской таможне, путешественники оставили свои впечатления в путевых заметках⁴.

Через Радзивиловскую таможню проходил большой транзитный торговый путь Одесса — Радзивилов — Броды [17, с. 712]. Товары, закупленные в Америке и Азии, поступали в черноморские порты, а отсюда сухопутными дорогами через Радзивилов доставлялись в Австрию и другие страны Западной Европы. Также товары, приобретенные на ярмарках в Лейпциге, транспортировались к австрийско-российской границе, пересекали ее на Радзивиловской таможне, далее доставлялись в Одессу, а отсюда — на Кавказ и в Иран. Таким образом, Радзивилов превратился в узловой пункт торговли между Востоком и Западом.

На протяжении первой половины XIX в. правовые условия функционирования транзита Броды—Одесса существенно менялся несколько раз [5, 6]. В 1804—1810 гг. они содей-

³ Броды имеют свою историографию. Среди последних работ следует выделить исследование австрийского историка Бёрриса Кузмани [48].

⁴ Например, английский врач Эдвард Мортон, который пересекал российско-австрийскую границу в июне 1829 г., записал в путевых заметках «Путешествие в Россию и пребывание в Санкт-Петербурге и Одессе в 1827—1829 годах», что когда он и лица, которые его сопровождали, подъехали к Радзивилову со стороны Дубно, то остановились «приблизительно за четыре версты от города. Как только приблизились, шлагбаум опустился, и казак потребовал наши паспорта, которые мы предъявили. Шлагбаум подняли, а после того, как мы проехали, снова опустили. Нас задержали здесь минут на 15, чтобы просмотреть наши паспорта, а когда их вернули, мы двинулись далее. На окраине Радзивилова мы снова дали паспорта, чтобы их проверили и возвратили, после это мы въехали в город. <...>. Были попытки задержать меня здесь до следующего дня, но мне посчастливилось достать лошадей, чтобы доехать до Бродов (русские почтовые не могут преодолевать большие расстояния). За несколько часов, пока я поменял свои русские банкноты на голландские дукаты, мы двинулись далее. Прибыв на таможню, мы снова прошли таможенный контроль. У нас забрали паспорта, осмотрели мои вещи. После осмотра меня спросили о русских деньгах. У меня их не было. Таможенники поинтересовались, какие деньги я использую для поездки, и я фактически был обязан показать дукаты, какие у меня остались. Все это было создано для того, чтобы помешать вывозу русских банкнот. Почему? Это остается для меня вопросом <...>. Весь осмотр занял приблизительно двадцать минут. И когда мы пересекли границу, я поздравил себя со свободой. Последний шлагбаум задержал меня еще на четверть часа: таможенники просили деньги на выпивку, которые я отказался дать, убеждали, что не могу пройти, пока не сделаю этого. Наконец, когда я решил подчиниться, они пропустили меня, и мы прошли на нейтральную часть между Россией и Австрией. Четырнадцать верст пешаных дорог — и я в Бродах» [50, p. 447—450].

ствовали развитию транзитной торговли, а с 1811 г. по 1818 г. сделали транзит (но не формально) запрещенным. После 1831 г. юридические ограничения обусловили выход транзитной торговли за пределы империи. Попытки ее реанимировать в 1840-е гг. не имели большого успеха, поскольку стимулирующие действия носили половинчатый и непоследовательный характер.

Следующим шагом на пути усиления контроля за перемещением товаров и людей на западной границе стало принятие в 1827 г. «Положения об устройстве пограничной таможенной стражи» [1, с. 645—648]. Основным смысл этого документа сводился к необходимости приближения создаваемой стражи к «воинскому порядку». Пограничная таможенная стража (с 1835 г. — пограничная стража) состояла из нескольких подразделений, в числе которых была Волынская бригада в составе четырех рот, поделенных на отряды. Непосредственно на местах пограничная стража подчинялась таможенным округам, т. е. возглавлялась гражданскими чиновниками. Главной задачей пограничной стражи была борьба с контрабандой. Ряд нормативных документов и служебных инструкций, вышедших в этот период, способствовал расширению прав пограничных командиров, более действенной борьбе с нарушениями таможенных правил. Важное значение имело принятие в 1829 г. «Правил для употребления оружия таможенною стражею по европейской границе» [23, с. 173, 174]. Тогда же штат таможенной стражи Радзивиловского таможенного округа был увеличен на 316 человек (за счет объездчиков и стражников), в несколько раз больше, чем в других округах на западной границе [3, с. 8, 9]. В конце 1820-х гг. зеленый цвет окончательно утвердился в качестве отличительного признака обмундирования таможенных чиновников и служащих [18, с. 691, 692].

Во второй половине 30-х гг. XIX в. на российско-австрийской границе работали пять таможен: Радзивиловская (1-го класса), Волочискская и Дружкопольская (3-го) в Волынской губернии, Гусятинская (1-го) и Исаковецкая (3-го) в Подольской губернии, а также шесть застав [43, л. 174, 174 об.]. В экспортно-импортных операциях ведущее место занимала Радзивиловская таможня: в 1839—1847 гг. через нее перемещалось 70—80 % транспортных с экспортными и 80—90 % с импортными товарами [подсчитано автором по: 45, л. 141; 39, л. 2, 2 об.]. В денежном выражении через эту таможню вывозилось в Австрию более 80 % всех товаров и ввозилось почти 100 % [подсчитано автором по: 39, л. 2 об.—4 об.]. Остальные таможни не играли существенной роли в торговле с Австрией.

Принятие в середине 1843 г. решения о выселении евреев с 50-верстной полосы вдоль границы России с Австрией и Пруссией резко отрицательно сказалось на количестве товаров, которые шли через Радзивиловскую таможню. Начальник таможенного округа докладывал генерал-губернатору о том, что в сентябре 1843 г. таможня практически не работала [38, л. 39 об. — 40]. Он подчеркивал, что выселение евреев с приграничной полосы приведет к полному упадку товарообмена с Австрией и немецкими государствами, который ведется только евреями. Вследствие этого государство может недополучить дохода в виде таможенного сбора на сумму 700 тыс. руб. в год. В общей сумме доходов трех таможен, работавших в пределах Волынской губернии, Радзивиловской принадлежало 99 % [подсчитано автором по: 39, л. 2].

На протяжении первой половины XIX в. тарифная политика государства создавала предпосылки для широкого размаха контрабанды. Кроме того, прохождение российско-австрийской границы через села и местечки или поблизости их, а также отсутствие во многих местах

⁵ В 1838 г. из-за распространения слухов о возможном вторжении в приграничные уезды Волынской губернии вооруженных польских повстанцев из Галиции адъютант генерал-губернатора Дмитрия Бибикова подготовил для него докладную записку, в которой детально описал систему первой и второй линии охраны границы. Среди другой интересной информации в этом документе содержится указание на места удобного перехода границы, о помещиках, заподозренных в содействии контрабандистам, о населенных пунктах, имевших славу контрабандистских [43].

природных преград (болот, глубоководных рек, непроходимых лесов)⁵ не создавали особых трудностей для незаконного пересечения границы. Да и земли некоторых помещиков (как российских, так и австрийских) располагались по обе стороны границы, поэтому крестьяне обеих сторон для выполнения полевых работ пользовались правом перехода границы.

Нелегальное пересечение границы на гужевом транспорте с контрабандным товаром казалось делом, за которое стоило взяться. Не будет преувеличением сказать, что в противоправную торговлю были втянуты почти все жители приграничных уездов Волынской губернии разного социального статуса: мещане, крестьяне и даже помещики. Те, кто должен был задерживать контрабандный товар, не забывали о своих интересах. Чиновники также занимались контрабандой, иногда на губернском уровне, как это было при губернаторстве Михаила Комбурлее. Еще в 1812 г. граф Александр Ланжерон, который после подписания Бухарестского мира с турками направился с воинскими подразделениями к западным границам империи, чтобы, соединившись с армией генерала Тормасова около Луцка, преградить путь Наполеону для отступления из России, докладывал императору, что через Волынскую губернию проходит значительное количество контрабанды и даже ввозятся фальшивые ассигнации. Сенатор Федор Сиверс, направленный в 1815 г. в Волынскую губернию для ревизии и проведения следствия относительно М. Комбурлея, допускал возможную связь многих чиновников с контрабандистами [13]. Ситуацию обостряли очень напряженные отношения между губернатором и графом Яковом Булгари, начальником Радзивиловского таможенного округа (таможенное управление подчинялось не губернскому начальству, а департаменту внешней торговли Министерства финансов). Еще во второй половине 1814 г. Комитет министров поручил специальной комиссии расследовать взаимные обвинения чиновников Волынской губернии, однако она так и не смогла сделать окончательных выводов. Комитет требовал тщательно провести расследование. Местные евреи обещали указать на подкупленных чиновников в том случае, если их контрабандные товары не будут конфискованы. Убедительные доказательства вины губернатора и других чиновников были представлены Борухом Вейтманом. Он предъявил бумаги, в которых содержались данные о перевозке контрабандных товаров, список подарков, переданных высшим губернским чиновникам [35, с. 439—441].

Через российско-австрийскую границу нелегально ввозили преимущественно товары, пользующиеся широким спросом — ткани, вина, табак, кофе, чай, предметы женского гардероба. Вывозились же русские медные и серебряные монеты, крупный рогатый скот, лесоматериалы. Около 55 % случаев контрабанды, зафиксированных в 1829—1837 гг. на всех пяти таможах, приходилось на Радзивиловскую таможню [43, л. 21 об.]. Поставщики контрабанды чаще всего не имели достаточно денег, чтобы покупать большие партии товаров, поэтому стоимость конфискованного товара колебалась в пределах 150—400 руб. ассигнациями (в среднем на Радзивиловской таможне — 200 руб., Дружкопольской — 244 руб., Волочиской — 142 руб. [подсчитано автором по: 43, л. 24]. Иногда деньги для этих целей поступали от заказчиков товаров — местных купцов. Например, 2 августа 1832 г. был задержан крестьянин с. Литовеж Владимир-Волынского уезда Прокоп Тихинчук за перевозку контрабандных товаров из Австрии для владимирского купца Айзика Блатера [7, л. 362, 363].

Схема доставки контрабанды была отработана годами: импортный товар к границе поставляли австрийские подданные, как правило, крестьяне приграничных сел. За пределами таможенного перехода («рогатки») в удобном месте они передавали его волынским крестьянам для сохранения или нелегального сбыта [7, л. 247]. Для предупреждения конфискации контрабандных товаров им находили самые разнообразные укрытия. В случае опасности быть пойманным перевозчик бросал товар и его собственника не находили.

Через границу пересылались деньги за уже реализованный товар или для его покупки в соседнем государстве [7, л. 153, 154], письма, в которых указывалось количество и ассорти-

мент нужных товаров, места удобного пересечения границы [7, л. 108, 108 об.], частные письма и запрещенная литература [7, л. 373—376]. Бывали случаи контрабанды фальшивых бумажных денег, напечатанных в соседней Галиции. Расследование таких дел затягивалось, не всегда оно было результативным и требовало помощи со стороны австрийских чиновников [8, л. 11].

В материалах уездных судов и магистратов имеются сведения о существовании организованных групп мещан из приграничных городов и местечек, которые занимались не только перевозкой товаров, помогали желающим пересечь границу в обход таможенных переходов, но и складированием, скупкой и последующей продажей контрабанды [40].

Наказание за контрабанду было тяжелым. Пойманный на незаконной транспортировке товаров должен был заплатить денежный штраф, установленный таможней. Его размер был таким значительным, что нередко приводил к разорению контрабандиста. Например, в конце 1829 г. дом Дубенского купца 3-й гильдии Кельмана Маршалковича решением Волынского губернского правления местный магистрат взял в административное управление с целью взыскания штрафа в размере 5 385 руб. 79 1/2 коп. за контрабанду товаров [11, л. 110]. Кроме того, контрабандист должен был провести в местной тюрьме от нескольких месяцев до двух лет. Если он был схвачен во второй раз, то суд наказывал его высылкой в Сибирь на поселение или отдачей в рекруты (в случае пригодности к военной службе) [7, л. 46 об.].

Размах контрабанды свидетельствовал о несовершенстве системы охраны границы, недостатках в таможенном законодательстве, а втягивание большого количества жителей приграничных уездов в незаконную деятельность — о слабой социально-экономической политике государства в этот период.

С целью недопущения ввоза контрабандных товаров еще в 1811 г. законодательно был установлен порядок вознаграждения за их задержание. В награду предназначалось 80 % суммы от реализованной стоимости конфискованных товаров и штрафов, остальные 20 % поступали в накопительный пенсионный фонд для сотрудников таможен. Первая часть суммы делилась таким образом: две трети получали те, кто задержал контрабанду (начальник, который принимал участие в задержании, получал в полтора-два раза больше остальных участников задержания, между которыми оставшаяся сумма делилась поровну) и треть предназначалась высшему начальству (начальнику округа, управителям, чиновникам таможен). Если в задержании принимали участие военные или полицейские чины, то и они получали свою часть. Кроме того, 4 % ежегодного дохода таможни шло на премирование чиновников таможни. Списки достойных награды таможенных служащих министр финансов регулярно передавал императору [37, с. 684]. Денежные вознаграждения, выданные за раскрытие контрабанды на западной границе Российской империи в первой трети XIX в. в Радзивилловском таможенном округе, были в несколько раз большими, чем в других округах, что также свидетельствует о размахе контрабанды на российско-австрийской границе. Например, в 1824 г. в Радзивилловском таможенном округе сумма вознаграждения составила 180 197 руб. 61 коп. ассигнациями, а в Гродненском — 35 034 руб. 7 коп.; в 1833 г., соответственно, 132 325 руб. 61 коп. и 63 122 руб. 23 коп. [43, л. 22 об. — 23].

Во второй половине 1830-х гг. был предпринят ряд мер с целью пресечения контрабанды и нелегального перехода границы. В 1836 г. Бердичевская складская таможня была закрыта в связи с переводом Гусятинской таможни с третьеклассной в первоклассную. Для контроля за незаконной торговлей импортными товарами в Бердичеве — самом крупном в то время торговом центре юго-западных губерний — был назначен «особый чиновник» от Министерства финансов с жалованием в 1500 руб. [14, с. 220]. Эта должность была ликвидирована только в декабре 1852 г. [26, с. 747]. Также усилилась охрана государственной границы. Волынская бригада приграничной стражи Радзивилловского таможенного округа была размещена в две линии, из которых первая тянулась на 525 верст 125 сажень, а вторая — на 336 верст 94 сажни.

По данным на 1837 г., на первой линии охранную службу несли 12 вахмистров, 434 объездчика, 260 стражников (всего 706 человек), на второй — 6 вахмистров, 160 объездчиков, 46 стражников (всего 212 человек) [подсчитано автором по: 43]. В пределах Волынской губернии границу охраняли шесть отрядов, в составе каждого было по 1—2 вахмистра, 30—40 объездчиков и 16—17 стражников. Вдоль границы находилось 100 таможенных постов на расстоянии 1—5 верст один от другого, на один отряд приходилось 13—17 постов. С 1 ноября 1838 г. были выделены дополнительно один полк 9-й пехотной дивизии и четыре орудия 8-й полевой артиллерийской бригады. Военные, разделенные на 36 вооруженных отрядов, расположились вдоль всей границы — от Литовежа на севере до Исаковцов на юге. Каждый отряд насчитывал 40 рядовых, 4 унтер-офицера и одного обер-офицера, а в Радзивилове была расквартирована рота в полном составе [43, л. 151, 152]. Батальонные штабы полка разместились в приграничных местечках: Берестечко, Дружкополь, Радзивилы, Волочиск, Милятин, Новый Опалин, Ожиговцы и Крупец.

Как было указано в отчете волынского губернатора за 1837 г., торговля на Волыни несколько пришла в упадок в том году «вследствие уменьшения тайного перевоза через границу иностранных товаров, по этой причине приметное увеличение привоза в Волынскую губернию отечественных изделий, и мануфактурные предприятия, которые здесь существуют, увеличили свои объемы [продажи]» [33, л. 22]. Оценка надежности работы чиновников Радзивилковского таможенного округа и охраны границы также дана в отчете чиновника особых поручений Меера фон Гильденбранта, который по поручению киевского генерал-губернатора исследовал состояние дел на русско-австрийском приграничье летом 1839 г. [44, л. 8—18 об.]. Собрав информацию от чиновников и местных помещиков, которые заслуживали доверия, он сделал вывод о преданности таможенных служащих порученному делу и недостаточной охране границы. На первой линии расстояние между постами в три и даже четыре версты охраняли только два конных объездчика и один пеший стражник, что, по мнению М. фон Гильдебранта, было недостаточно. Поэтому нелегального перехода границы и контрабандного ввоза товаров не удалось пресечь.

В 1840-е гг. было обращено внимание на необходимость усиления требований к качеству отбора в пограничную стражу личного состава, особенно нижних чинов. Устанавливалась личная ответственность командиров полков за комплектование пограничной стражи [22, с. 595]. Статус пограничной стражи постепенно приближался к статусу армии, а с 1846 г. он стал практически идентичным армейскому, так как были утверждены правила получения званий командным составом стражи, аналогично званиям в драгунских полках [27, с. 437—439]. В следующем году появился указ о замене в пограничной страже всех гражданских чиновников-надзирателей и их помощников офицерами. Так как многие надзиратели и их помощники были офицерами запаса, то им восстановили офицерские звания, а тех, кто никогда не служил, уволили или перевели в таможни.

Таким образом, приграничные пункты и таможни на российско-австрийской границе появились в конце XVIII в. В первой половине XIX в. шел поиск оптимальной структуры пограничного и таможенного контроля на границе. Расположение на западной границе казачьих полков в канун вторжения французских войск имело целью не только усиление охраны границы, но и непосредственное участие в контроле за ее пересечением во взаимодействии с таможенными учреждениями и стражей. Усиление таможенной (пограничной) стражи армейскими частями и подразделениями осуществлялось также и в дальнейшем в целях противодействия вооруженным контрабандистам. Наблюдалась тесная взаимная связь таможенной политики с деятельностью по охране границы и организации пропуска через нее людей, товаров и транспортных средств. Практически все протекционистские решения российских властей вызывали рост контрабанды и влекли за собой меры по укреплению охраны границы и усилению пограничного и таможенного контроля.

Политические изменения конца XVIII — начала XIX в. не привели к полному прекращению связей различного характера между людьми, оказавшимися по обе стороны русско-австрийской границы, особенно между Радзивиловом и Бродами. Слабая подконтрольность границы содействовала контрабанде и политической пропаганде, создавала серьезные проблемы не только непосредственно в приграничных уездах, но и для государства в целом. Каждая из этих проблем подталкивала центральную власть к принятию мер, направленных на усиление приграничной стражи. Российское государство, проводя протекционистскую экономическую политику, стремилось интегрировать новоприобретенные земли во внутриимперские экономические связи в направлении нового для них центра — Петербурга.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Высочайше утвержденное положение об устройстве пограничной таможенной стражи. 1827. Августа 5 // ПСРИ-2 : [С 12 декабря 1825 года по 28 февраля 1881 года] : [В 55-ти т. с указ.]. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1885. Т. II: 1827. 1830. № 1282.
2. Высочайше утвержденное учреждение контрольного таможенного управления по сухопутной западной границе с приложением штатов оного. 1812. Июня 17 // ПСРИ-1. С 1649 по 12 декабря 1825 г. : в 45 т. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXXII: 1812—1814. 1830. № 25 146.
3. Высочайше утвержденный дополнительный штат о числе чинов, прибавляемых в таможенную стражу, и сумм, на ежегодное содержание их потребной. 1829. Марта 29 // ПСЗ РИ-2. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1885. Т. IV: 1829. 1830: Штаты и табели. № 2779.
4. [Глаголев А. Г.] Записки русского путешественника А. Глаголева с 1823 по 1827 год : [В 4 ч.]. СПб. : Тип. Император. Рос. Акад., 1837. Ч. 1 : Россия. Австрия. 286 с.
5. Гончарук Т. Г. Транзит Броди — Одеса в першій половині XIX ст.: історико-правовий аспект // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. Київ : Ін-т історії України НАН України, 2006. Вип. XII. С. 95—102.
6. Гончарук Т. Г. «Одесько-кавказький транзит» у 1820—1850-х рр.: правовий аспект // Зап. іст. фак. Одес. нац. ун-ту ім. І. І. Мечникова. Одеса : Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова, 2005. Вип. 16. С. 107—113.
7. Державний архів Волинської області. Ф. 359. Оп. 1. Спр. 118.
8. Державний архів Волинської області. Ф. 368. Оп. 1. Спр. 86.
9. Державний архів Житомирської області. Ф. 17. Оп. 4. Спр. 148.
10. Державний архів Житомирської області. Ф. 486. Оп. 1. Спр. 23.
11. Державний архів Рівненської області. Ф. 567. Оп. 1. Спр. 157.
12. Инструкция из государственной коммерц-коллегии учрежденным в Новгородской, Выборгской, Литовской, Волынской, Подольской и Новороссийской губерниях пограничным таможням и заставам. 1798. Декабря 31 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXV: 1798—1799. 1830. № 18 807.
13. Маркевич О. В. Феномен М. І. Комбурля або хроніка правління волинського губернатора // Проблеми історії України XIX — початку XX ст. Київ : Ін-т історії України НАН України, 2011. Вип. 19. С. 59—72.
14. О возведении Гусятинскую третьеклассную таможду в первый класс. Именной [указ], данный Сенату, распубликованный 14 апреля. 1836. Марта 18 // ПСЗ РИ-2. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1885. Т. XI. Отд-ние первое: 1836. 1837. № 8 997.
15. О восстановлении Волочической таможи. Высочайше утвержденный доклад министра коммерции. 1802. Июля 22 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXVII: 1802—1803. 1830. № 20 338.
16. О дозволении жителям присоединенных от Польши губерний вывозить за границу поташ через Рожеямпольскую пограничную заставу. Высочайше утвержденный доклад Сената. 1801. Мая 30 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXXVI: 1800—1801. 1830. № 19 895.

17. О дорогах, назначенных для Одесского транзитного торго. Именной [указ], данный министру коммерции графу Румянцеву. 1804. Ноября 25 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXVIII: 1804—1805. 1830. № 21 530.

18. О мундирах для таможенных чиновников. Сенатский [указ] с прописанием Высочайшего повеления. 1827. Августа 23 // ПСЗ РИ-2. СПб. : тип. II отд-ния собственной Е. И. В. канцелярии, 1830—1885. Т. II: 1827. Отд-ние второе. 1830. № 1 317.

19. О назначении пограничной стражи в Литовской, Волынской и Подольской губерниях для надзора за провозом товаров по случаю уничтожения там некоторых таможен. Высочайше утвержденный доклад Сената. 1799. Мая 16 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXIV: С 6 ноября 1796 по 1798. 1830. № 18 969.

20. О новом тарифе по европейской торговле. Манифест. 1822. Марта 12 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXXVIII: 1822—1823. 1830. № 29 964.

21. О переводе таможен в губерниях Подольской и Волынской. Именной [указ], данный президенту коммерц-коллегии Соймонову. 1797. Октября 25 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXIV: С 6 ноября 1796 по 1798. 1830. № 18 219.

22. О порядке назначения нижних чинов в пограничную стражу. Именной [указ], объявленный в приказе военного министра. 1843. Октября 9 // ПСЗ РИ-2. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1885. Т. XVIII: 1843. Отд-ние первое. 1844. № 17 215.

23. О правилах для употребления оружия таможенной стражею по европейской границе. Высочайше утвержденное мнение Государственного совета. 1829. Марта 20 // ПСЗ РИ-2. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1885. Т. IV: 1829. 1830. № 2 754.

24. О прекращении действия Рожеямпольской заставы и об учреждении и открытии Устилужской таможи. Сенатский [указ]. 1818. Июня 20 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXXV: 1818. 1830. № 27 388.

25. О разрешении с 1 сентября сего года привоза на Радзивилловскую таможенную всех товаров, дозволенных по тарифу 1816 года. Именной [указ], данный Сенату. 1818. Августа 14 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXXV: 1818. 1830. № 27 477.

26. О упразднении должности особого чиновника министерства финансов, наблюдающего за недоворением контрабанды в г. Бердичеве и о назначении в распоряжение начальника Юрбургского таможенного округа двух особых чиновников для преследования контрабанды. Высочайше утвержденное положение комитета министров, объявленное Сенату управляющим министерством финансов. 1852. Декабря 2 // ПСЗ РИ-2. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1885. Т. XXVII: 1852. Отд-ние первое. 1853. № 26 830.

27. О устройстве пограничной стражи по европейской границе. Высочайше утвержденная докладная записка министра финансов. 1846. Ноября 24 // ПСЗ РИ-2. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1885. Т. XXI: 1846. Отд-ние второе. 1847. № 20 636.

28. Об ограничении свободы книгопечатания и ввоза иностранных книг; об учреждении на сей конец Цензур в городах: Санкт-Петербурге, Москве, Риге, Одессе и при Радзивилловской Таможне, и об упразднении частных типографий // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXV: 1798—1799. 1830. № 18 367.

29. Об уничтожении некоторых таможен и застав в Литовской, Волынской и Подольской губерниях. Именной [указ], данный Сенату. 1799. Марта 19 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXV: 1798—1799. 1830. № 18 896.

30. Об устройстве военной стражи на границах западных губерний. Высочайше утвержденный доклад военного министра. 1811. Января 4 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXXI: 1810—1811. 1830. № 24 480.

31. Об устройстве таможенной стражи по сухопутной европейской границе. Высочайше утвержденная записка министра финансов. 1822. Июня 9 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXXVIII: 1822—1823. 1830. № 29 067.

32. Об учреждении таможен в Брацлавском наместничестве в городе Ямполье, в Подольском в местечках Жванце, Волочиске и Радзивилове, и в Волынской губернии в городе Владимире и между ими двух таможенных застав в городе Могилеве и селе Гусятине в об устроении при таможнях Ямпольской и Жванецкой двух карантин. С приложением штатов. Именной [указ], данный Сенату. 1795. Августа 8 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXIII: с 1789 по 6 ноября 1796. 1830. № 17 373.

33. Российский государственный архив. Ф. 1281. Оп. 3. Д. 92.
34. Российский государственный военно-исторический архив. Д. 18 653. Ч. 6.
35. Середонин С. М. Исторический обзор деятельности комитета министров. СПб., 1902. Т. 1: Комитет министров в царствование императора Александра Первого (1802 г. сентября 8 — 1825 г. ноября 19). 1902. [4], X, 608.
36. Таможенный устав по европейской торговле. 1819. Декабря 14 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отделения Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830—1851. Т. XXXVI: 1819. 1830. № 28 030.
37. Учреждение таможенного управления по европейской торговле. Манифест. 1811. Июня 24 // ПСЗ РИ-1. СПб. : Тип. II отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830—1851. Т. XXXI: 1810—1811. 1830. № 24 684.
38. Центральний державний історичний архів України, м. Київ (далее — ЦДІАК України). Ф. 442. Оп. 1. Спр. 2174.
39. ЦДІАК України. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 6 903.
40. ЦДІАК України. Ф. 442. Оп. 1. Спр. 8 424.
41. ЦДІАК України. Ф. 442. Оп. 74. Спр. 122.
42. ЦДІАК України. Ф. 442. Оп. 195. Спр. 673.
43. ЦДІАК України. Ф. 442. Оп. 788 «А». Спр. 164.
44. ЦДІАК України. Ф. 442. Оп. 789 «А». Спр. 177.
45. ЦДІАК України. Ф. 442. Оп. 799 «А». Спр. 215.
46. *Adelsgruber P., Cohen L., Kuzmany B.* Getrennt und doch verbunden: Grenzstädte zwischen Österreich und Russland. 1772—1918. Wien — Köln — Weimar : Böhlau, 2011. 316 s.
47. *Barącz S.* Wolne miasto handlowe Brody. Lwów : nakładem autora, 1865. 198 s.
48. *Kuzmany B.* Brody. Eine galizische Grenzstadt im langen 19. Jahrhundert. Wien — Köln — Weimar : Böhlau, 2011. 406 s.
49. *Lutman T.* Studja nad dziejami handlu Brodów w latach 1773—1880. Lwów, 1937. 364 s. (Badania z dziejów społecznych i gospodarczych / pod red. prof. F. Bujaka. № 26).
50. *Morton E.* Travels in Russia, and a residence at St. Petersburg and Odessa in years 1827—1829; intended to give some account of Russia as it is and as it is represented to be &c. by Edward Morton. London : printed for Longman, Rees, Orme, Brown and Green paternoster-row., 1830. XI, 486 p.
51. *Plater S. H.* Geografia wschodniej części Europy czyli opis krajów przez wieloraki narody słowiańskie zamieszkanym obejmujący Prussy; Xięstwo Poznańskie, Szląsk Pruski, Galicyę, Rzeczpospolitą Krakowską, Królestwo Polskie i Łtwę. Wrocław : [s. n.], 1825. 300 s.

Статья поступила в редакцию 12 января 2013 г.

В. А. Кохнович

ОСОБЕННОСТИ ХОЗЯЙСТВА И СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ ИЗ МИНСКОЙ ГУБЕРНИИ КОНЦА XIX в.

Представлены аспекты изучения переселенческого движения в Минской губернии в конце XIX в. На примере крестьян, беднейшей части дворян и мещан из разных уездов губернии рассмотрена структура собственности, хозяйства и семьи переселенцев. Отмечены важные локальные отличия переселенческого движения, роль местной администрации в ограничении потока переселенцев. Проведена дифференциация экономико-социального облика различных групп, желающих переселиться: крестьян, мелких дворян, мещан.

This article presents the main problems in the study of the resettlement movement in Minsk province in the late XIX century. On the example of the peasants, the poorest part of the nobility and the commoners from different counties of the province examined the structure of ownership, economy and displaced families. The author came to the conclusion that the desire to resettle concerned mainly the poor nobility and the middle class, as well as more widely embraced the peasantry. There were significant differences between the local resettlement movement. Played a huge role aspiration of the local administration to restrict the flow of immigrants. The differentiation of the economic and social fabric of the various groups that want to move: the peasants, petty nobles, burghers.

Ключевые слова: колонизация, крестьянские переселения, сельское хозяйство, ограничительное законодательство, структура собственности, демография, государственная политика, история региона, социальная дифференциация, крестьянство, мелкая шляхта, аграрное мещанство.

Keywords: colonization, peasant resettlement, agriculture, restrictive legislation, ownership structure, demography, public policy, history of regions, social differentiation, the peasantry, the petty nobles, commoners agrarian.

Переселенческие процессы в Новое время стали для Европы отличительным признаком. Тех бурных социальных, экономических и политических процессов, которые меняли ее лицо. Огромное внимание колонизации в истории России уделяли С. М. Соловьев, В. О. Ключевский, М. К. Любавский, А. П. Шапов. Всплеск интереса к переселенческому движению на восток страны существовал в России на рубеже XIX—XX вв., что было связано с аграрным кризисом и реализацией Столыпинских реформ. О данной проблеме писали чиновники Переселенческого управления и других ведомств (А. В. Кривошеин, Я. Ф. Ставровский, И. Ф. Крюков, А. В. Вознесенский и др.), земские деятели (Н. М. Никольский, А. Л. Новиков), представители ученой среды (А. А. Кауфман, Ф. М. Уманец, В. В. Кирьяков). В последующем проблему разрабатывали В. Е. Глуздовский, Н. Б. Архипов, М. Г. Штейн, Н. И. Рябов, В. В. Покшишевский, В. Г. Горюшкин, В. Г. Тюкавкин, В. И. Венецкая, А. В. Минжуренко, Е. И. Соловьева, Л. Ф. Складов, В. А. Степынин, С. М. Дубинин, Л. Б. Белявская и др. Теме крестьянских переселений и поселенцев в Сибири и на Дальнем Востоке посвящали работы В. И. Шадурский, П. П. Вибе, В. А. Зверев, К. А. Чуркин, М. К. Чуркин, В. А. Липинская и др. Актуальности вопросу прибавляет то, что современное исследование проблемы тесно связано с полемикой вокруг концепции Л. В. Милова «о географическом детерминизме» в историческом развитии. Милов с опорой на работы А. Н. Лебедева, А. Ю. Егорова указал на неправомерность сравнения экономических и социально-политических институтов России и сходных по условиям местности стран (Швеция, Канада). Он определял при-

Кохнович Виктор Адамович — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: Esperovic@mail.ru

родно-климатические условия как решающие для истории России [14, с. 555; 17, с. 5]. Оппоненты (Б. Н. Миронов, Ю. Н. Тихонов и др.) упрекают такой подход в спекулятивном характере, однако для современных сибирских исследователей (В. А. Зверев, К. А. Чуркин, О. Н. Шелегина, Б. Е. Андриусев) чрезвычайно актуально «месторазвитие»¹ — тесная и нередко прямая связь социально-культурной адаптации со средой обитания, что было показано ими в ряде исследований² [17, с. 6, 7, 34, 35].

В несравненно меньшей степени данное явление затрагивалось различными авторами в отношении Беларуси (В. Розенберг, Н. Г. Постнев, М. В. Довнар-Запольский). В 1920—30-е гг. вслед за формированием белорусской историографии было актуально изучение народных масс, крестьянства как важнейшего народообразующего начала, но вопрос о крестьянских переселениях из Беларуси затрагивался авторами бегло (С. Х. Агурский, Д. А. Дудков, В. К. Щербаков, П. Паниматко). Например, Д. А. Дудков в работе о Столыпинской реформе в Витебской губернии упоминает (ссылаясь на «Нашу Ниву») лишь о том, что 25 лет крестьяне из Витебщины «шли» в Петербург и Сибирь, затем «тысячи» их поехали в Сибирь, но вскоре поток крестьян значительно уменьшился и многие поехали трудиться как батраки и рабочие на кирпичные заводы в Курляндии и Эстляндии [12, с. 106]. В дальнейшем вопрос получил развитие у Т. И. Солодкова, который привлек архивные материалы; затем — затрагивался А. И. Кожушковым, Л. П. Липинским, С. М. Самбук, В. П. Панютинем, Б. В. Тихоновым, А. А. Раковым. Особое место в изучении проблемы в белорусской историографии принадлежит П. Д. Верещагину [1]. На современном этапе тему белорусских переселенцев XIX—XX вв. в Сибирь и на Дальний Восток охватывают отдельные статьи [15, 11], затрагивается она также в работах общего плана [2, с. 350, 358].

Изначально важнейшей проблемой в данных работах было выяснение условий и причин переселенческого движения. Так, Ф. М. Уманец (1884) оспаривал распространенное в его время мнение о решающей роли государственного пособия переселенцам и говорил о необходимости направляемого государством массового переселения («идти стеной») — как о военно-политической акции [16, с. 22, 33—35, 45, 86]. Полемику вызывало его суждение о том, что проблемы крестьянского хозяйства в России следуют из относительного многоземелья: при ограниченности физических возможностей крестьянина («30 верст за сохой, 11 000 взмахов косы и 25000 ударов серпа в день») и крестьянской семьи страдало качество обработки земли [16, с. 91—94]. Этот тезис оспаривали целый ряд авторов, начиная от М. В. Довнар-Запольского, Н. Г. Постнева и их современников, которые отстаивали убеждение об экономических причинах переселения крестьян. Так, Довнар-Запольский называл главной причиной «слабую интенсивность крестьянского земледелия», что в условиях советской историографии потребовало уточнения относительно того, что крестьяне были вынуждены прибегнуть к переселению по экономическим мотивам (безземелье, малоземелье, нищета, голод) [1, с. 4—12]; П. Д. Верещагин обозначил определяющей ролью как «пережитки крепостничества»: крестьяне уходили на новые земли «из-за натиска капитализма, не выдержав его» [1, с. 127].

Не отвергая выводов предшественников, обозначим те моменты, которые придают теме актуальность. Во-первых, обобщение материала шло на уровне губерний, поэтому и важно обратиться к источникам процесса, касаясь отдельного крестьянского хозяйства. Во-вто-

¹ Термин «месторазвитие» предложен Б. Е. Андриусевым («Традиционное сознание крестьян-старожилв Приенисейского края 60-х гг. XVIII — 90-х гг. XIX вв.: опыт реконструкции». Красноярск, 2004).

² Важнейшее место в обобщении аргументации в пользу указанной выше связи принадлежит работе О. Н. Шелегиной «Адаптация русского населения в условиях освоения территории Сибири» (М., 2001).

рых, интересно сравнить хозяйство переселенцев — крестьян и дворян, так как последние не подвергались отдельному рассмотрению. В третьих, достаточно подробное описание хозяйств крестьян, которые через местные учреждения власти возбуждали ходатайства о переселении, — уникальный материал для выяснения социально-экономического облика крестьянского хозяйства в белорусской пореформенной деревне, поскольку альтернативных источников подобной информации в Беларуси не было из-за отсутствия земств. В четвертых, актуально проводить сопоставления региональных и локальных социальных процессов в прошлом, для расширения информационной базы современной науки.

В фонде Минского губернского присутствия (фонд 1595, опись 1 — Распорядительное отделение) и Минского губернского по крестьянским делам присутствия (фонд 242, опись 1) НИАБ сосредоточены дела, отражающие переселение жителей губернии в другие регионы. Среди всех дел фондов встречаем немалый массив документов, касающихся крестьянских переселений в Сибирь, Приморье, на Кавказ и в Заволжье. Первый из них (в составе фонда Минского губернского по крестьянским делам присутствия) относится к августу 1872 г.: крестьяне д. Вульки Пинского уезда Харитон Клецевич и Мирон Лобко подали прошение о переселении их семей в Самарскую губернию на свободные казенные земли [3, л. 2]. Характерно, что инициатива крестьян получила самое пристальное внимание со стороны чиновников: из Губернского Правления прошение было передано с обширными комментариями в 4-й департамент Министерства внутренних дел (МВД). В письме же минского гражданского губернатора министру внутренних дел от 10 января 1883 г.¹ указывалось, что стремление крестьян к переселению обнаружило себя в 1868 г. Тогда, после циркуляра МВД от 13 апреля 1868 г., 571 крестьянская семья высказала желание переселиться в Оренбургскую и Самарскую губернии [5, л. 24 об.].

Если ранее крестьяне губернии, по словам губернатора действительного статского советника А. И. Петрова (1879—1886), не обнаруживали стремления к переселению, то летом 1868 г. наблюдался своеобразный «взрыв», неравномерно охвативший губернию: 93 % (531 семейство) — из Борисовского уезда, 4,7 % (27) — Минского, 1,4 % (8) — Игуменского, 0,9 % (5) — Бобруйского. Среди причин к переселению губернатор назвал «легкость порядка переселения», а также «надежду избавиться от значительных недоимок», накопившихся у крестьян к тому моменту по выкупным платежам, мирским и земским сборам. Лишь в конце этого перечня стояла еще одна причина, которой вскоре суждено было возобладать среди аргументов местной администрации против переселения крестьян и мещан из Минской губернии в другие регионы империи — «ложные слухи о выгодах переселения, льготах и денежных вознаграждениях переселенцам» [5, л. 24]. При более детальном рассмотрении выясняется, что ни указанной легкости порядка переселения из губернии, ни существенных недоимок у крестьян губернии, желавших переселиться, не было. Также проясняется ситуация и с «ложными слухами», которые при всем желании местной администрации упрощенно и негативно интерпретировать побудительные мотивы местных жителей к переселению, не выглядят убедительными и меркнут на фоне разнообразных ухищрений губернских и уездных властей удержать податное население в пределах губернии [13].

П. Д. Верещагин в работе 1978 г. относит начало переселения крестьян из Минской губернии на свободные земли на востоке империи к 1861 г., когда им было обнаружено первое датируемое мартом 1861 г. прошение крестьянской семьи из д. Нижовки Слуцкого уезда о переселении в Ставропольскую губернию [1, с. 61]. Материалы фондов НИАБ содержат массивы дел о переселении крестьян, мещан и дворян губернии в Сибирь, Приморье, Степной край и на Кавказ, которые отражают непрерывный процесс (с разной степенью интенсивности) с 1888 по 1905 гг., далее последовал перерыв и продолжение в 1908—1913 гг. [13].

¹ Здесь и далее в тексте следуют даты по старому (юлианскому) стилю.

Для рассматриваемого нами этапа (1880—90-е гг.) поток переселенцев из Минской губернии, как и вообще из Беларуси, не был значительным: до 1895—1897 гг. из 5 западных губерний в Сибирь, Туркестанский край и на Дальний Восток прибыло менее 1 % всех переселенцев. При этом Минская губерния значительно уступала Витебской, ощутимо — Могилевской и Гродненской. Среди уездов губернии (1897—1900 гг.) вначале выделялись Игуменский, Борисовский и Минский, но с 1899 г. на первое место по числу переселенцев выдвинулся Бобруйский уезд. Заметное число, и притом возрастающее, переселенцев следовало из Речицкого уезда: постепенно он догнал Борисовский и Минский уезды, где показатели очень колебались из года в год. Менее значим был Новогрудский уезд, поток колонистов из других уездов был мизерным [13].

Кроме того, выясняется, что зафиксированное число переселенцев намного уступает числу ходатайств о переселении: минский губернатор — князь Н. Н. Трубецкой — определял число возможных просителей о переселении в Сибирь на 1898 г. в 25 тыс. чел. (2500 семей), из которых только 5280 чел. (660 семей), или 21,1 % могли, по сведениям губернатора, уехать «окончательно» [6, л. 226]. Соотнеся данное указание со сведениями губернского по крестьянским делам присутствия, выясняется, что количество переселенцев составило лишь 12,7 % от прогнозируемой цифры. Это происходило на фоне более сильных миграционных потоков из украинских губерний, так как местная администрация сильно противодействовала переселенческому движению. Интересно, что при этом далеко не всегда работал аргумент об экономической несостоятельности хозяйств, заявлявших желание переселиться [12]. Так, в мае 1886 г. МВД отказало в переселении на Амур четырем крестьянам д. Малоборы (Никифор Тимофеевич Герасимов, Игнатий Викентьевич Арцишевский, Афанасий Викентьевич Арцишевский, Аверий Прокофьев Романовский) и одному крестьянину с. Лапич (Борис Емельянович Уснич). Однако по свидетельству минского губернатора эти крестьяне были зажиточными и имели формальные основания к переселению [5, л. 165 об.].

Нами ранее была показана решающая роль местной администрации, настроенной против переселенческого движения в отношении подобных случаев. Это объяснялось желанием сохранять налогоплательщиков на местах. Более того, местные власти даже влияли на решения вышестоящих инстанций, которые относились к переселенцам более лояльно [13]. Так, в письме минского губернатора от 10 января 1883 г. к министру внутренних дел: «Стремление крестьян великороссийских губерний к переселению, вызываемое экономическими причинами, до настоящего момента совершенно не коснулось Минской губернии» [5, л. 23 об.]. В конфиденциальном обращении минского губернатора к министру внутренних дел от 24 декабря 1894 г. тот писал в том же духе, что и прежде: «... переселения не только не могут быть поощряемы в Минской губернии, но, напротив, их следует по возможности притеснять и устранять как явление, чуждое действительным потребностям здешнего края», — и как в этом, так и в ряде таких же случаев все объяснялось «ложными слухами о выгодах переселения» [6, л. 21 об.]. Характерно, что циркуляр МВД от 15 ноября 1894 г. являлся официальным признанием основательности аргументов Правления Минской губернии [13]. Таким образом, еще раз заявляет о себе актуальность изучения хозяйства крестьян и некрестьян — переселенцев из Минской губернии.

Находим ряд свидетельств, вступающих в явное противоречие с заявлениями губернской администрации. Например, крестьяне, ходатайствующие о переселении в Борисовском уезде, присутствием по крестьянским делам характеризовались как «находящиеся в весьма незавидном положении», вследствие чего не могли на свои средства добраться к месту назначения [4, л. 302 об.]. Подобным же образом описывалось имущественное положение многих иных ходатаев о переселении: 28 семейств крестьян Бродницкой волости Игуменского уезда в июле 1890 г., 43 семей из Беличанской волости Игуменского уезда в марте 1890 г., 52 семьи

из Якшицкой, Погостской, Юревичской, Должанской и Бродецкой волостей того же уезда в феврале 1890 г. и др. [4, л. 323, 364 об., 418].

К подобным выводам приводит изучение экономического положения 39 крестьянских хозяйств (224 души) из Игуменского уезда Юревичской, Погостской и Бродичской волостей (1890 г.): они имели всего 171 десятина земли или же 4,4 десятины на одно хозяйство в среднем. Однако у шести хозяйств (15 %) не было земли, скота и иного имущества. Только одна семья (лесного сторожа и поденщика Нестеровича Ивана Константиновича, восемь душ) имела хлипкий дом стоимостью в 9 руб. Из этой же группы один глава семьи (Гулейко Сидор Карпович, шесть душ) занимался сапожничеством, еще один (Писецкий Федор Адамович, 6 душ) занимался поденными работами и сплавом леса. Семижон Андрей Алексеевич не имел своей земли и арендовал 9 десятин, владел одной лошастью, двумя коровами, тремя свиньями и шестью овцами, но не имел никаких построек. Также у одного хозяйства (Мелецкий Николай Антонович, шесть душ) было 20 десятин, также — одна лошадь, две коровы, дом (оценивался в 50 руб.), сарай и гумно. Еще у трех хозяйств было по 10 десятин земли, но зато — никаких построек. С учетом приведенных выше хозяйств на оставшиеся 28 приходится по 4,3 десятины на хозяйство [4, л. 411—417 об.]. Обратим внимание также на то, что земля ходатайствующих оценивалась в 5027 руб. и составляла их основное достояние (76 % от ценности всего недвижимого имущества в 6606 руб.). Характерно, что у стремящихся к переселению было всего лишь три дома, три сарая, два гумна и одна «варивня», а капитальная стоимость построек оценивалась невысоко (199 руб.). Немного было у крестьян и скота (30 лошадей, 47 коров, 4 вола, 5 телят, 78 свиней и 85 овец), стоимость которого оценивалась в 2054 руб. Причем скота не было у 11 семей, еще у одной («огородника» Жуковского Федора Борисовича, три души с 0,5 десятины земли) была лишь одна свинья стоимостью 2 руб. (средняя стоимость свиньи у крестьян группы — 3,2 руб.). Обобщив, получим, что земля представляла собой 58 % ценности имущества этих крестьян, скот — 23,7 %, жилые и хозяйственные постройки — всего 2,3 %. Из отчета же уездных властей об имущественном положении крестьян узнаем, что никто из перечисленных крестьян не имел наличных денег. Никакого имущества не было у четырех семей, земли не было у семи семей. В итоге ясно, почему губернатор отказал крестьянам в переселении «в виду слабости их хозяйств» [13].

Рассмотрим также хозяйство семи семей, подавших прошение о переселении в 1897 г. из Минского уезда [9, л. 1, 2]. Всего насчитывалось 60 человек, или 8,6 человек на одно хозяйство. Мужчин было 29 душ (48 %), а женщин — 31 душа (52 %), причем рабочего возраста насчитывалось 26 членов семей или 43 %. На одно хозяйство приходилось 4,4 десятины земли или всего 31 десятина. При этом у одного хозяйства (14 %) было 15 десятин, еще у одного — земли не было, и таким образом у пяти остальных хозяйств было лишь по 3,2 десятины. Одно безземельное хозяйство было также и безлошадным. Всего 7 хозяйств обладали 8 лошадьми, 21 головой крупного и 41 мелкого скота. Вся собственность их оценивалась в 3856,8 руб., из которых земля составляла 36 %, движимое имущество (в основном скот) — 42 %, зато группа располагала 840 руб. наличных денег (22 %). Последнее обстоятельство не было характерным для переселенцев в целом — можно обратиться к представленным выше данным о крестьянах из Игуменского уезда, у которых наличных денег не было. Примечательно, что именно у безземельного и безлошадного хозяйства почти не было движимого имущества, но имелось 200 руб. наличных денег. Ответ в данном случае видим в том, что эти крестьяне проживали рядом с губернским центром — Минском — и могли зарабатывать в нем. В итоге крестьянам было отказано в удовлетворении ходатайства о переселении по причине бедности и малого числа работников в хозяйствах [9, л. 3, 4].

Подобную же ситуацию видим у 43 крестьянских хозяйств Беличанской волости Игуменского уезда и 52 крестьянских семей Якшицкой и Бродецкой волостей (деревни Городища, Горяшки, Симоновичи, Устряшки, Перевоз) того же уезда за 1890 г. В пояснении к спискам

этих крестьянских хозяйств сообщается о «незавидном имущественном положении, недостаточном для переселения и обустройства в Сибири». Также там называется причина крестьянского желания к переселению — «ложные слухи», которые распространяют дворяне околицы Володуть Беличанской волости Игуменского уезда Антон Бобровский, Петр Моравский, Виктор Скуратович. Здесь же содержится глухой намек на последствия инициативы: исправник докладывал о своей убежденности в том, что «таковые действия ведут крестьян к разорению и нищенству», а также жаловался в губернскую канцелярию на неудачу его «разъяснений» крестьянам [4, л. 355—366, 370—383].

Уникальную возможность дает нам сохранившийся документ Игуменского уездного присутствия о 43 семействах, что ходатайствовали о переселении в Томскую губернию в феврале 1890 г. [4, л. 180—193]. Здесь помимо крестьян представлены дворяне, мещане и отставные солдаты [4, л. 191], в том числе семьи трех упомянутых выше «возбудителей ложных слухов». Это позволяет провести подробное сопоставление этих хозяйств. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что среди желающих переселиться здесь преобладают дворяне: 52 % (213 чел.) из всех 415 чел. и 42 % (18 : 43) от всех хозяйств (семейств), что подали прошение о переселении. Сопоставимы были по числу ходатаев мещане и крестьяне (11 и 12 семей и 94 и 93 чел. соответственно). Последнее, как уже видели выше, было нетипично, поскольку преобладали среди переселенцев именно крестьяне. Наоборот, среди рассмотренных документов случаи обращений от дворян и мещан были редки (не более десятка ходатайств). Следует обратить внимание на половой и возрастной состав ходатаев. Примечательно, что именно у дворян и мещан семьи были больше, чем у крестьян, что нехарактерно для общей ситуации в стране в то время: 12,1 — 8,5 — 7,8 чел. на 1 семью. Закономерно для условий Беларуси того времени, что 77 % дворян составляли католики, а 77 % крестьян — православные, и наоборот — по 23 % составляли православные среди дворян и католики среди крестьян. Любопытна ситуация с мещанами: 23 % — православные и 68 % — католики, 8 чел. лютеран — из семьи Крита Петровича Гринопа из г. Игумен¹.

Поскольку средний возраст глав семейств и их домочадцев важен для выяснения вопроса о часто фиксируемом в делопроизводстве эпохи отказе в переселении из-за малого числа рабочих рук в хозяйствах ходатаев — обратимся к данному аспекту. Во-первых, выявляется расхождение в численности у общего списка и посемейного списка у дворян: не 18, а 19 семейств — по главам фамилий, также не 11, а 10 обнаруживается семейств у мещан. При изменении фактических данных, соотношения сохраняются при пересчете посемейных списков: дворян — 199 чел. (54 %), мещан — 77 чел. (21 %), крестьян — 80 чел. (22 %), отставных солдат — 12 чел. (3,3 %), а всего 368 чел. Средний возраст у глав семей у дворян составляет 52 года, их супруг — 37 лет, у мещан — 44 и 44 года соответственно, у крестьян — 45 и 38 лет, у отставных солдат — 43 и 35 лет. Средний возраст у членов фамилий: у дворян — 25 лет, у мещан — 23 года, у крестьян — 22 года, у отставных солдат — 22 года. Причем заметна тенденция к более высокому возрастному цензу у католиков: для 15 дворянских католических семейств он составляет 25,1 год, для трех же православных дворянских семей — 23,8 года. Но если для мещан эта тенденция почти незаметна (21,5 и 21,9 лет соответственно), то еще более значима для крестьян (26,2 и 20,9 лет).

Обращает на себя внимание большая гендерная диспропорция, в отношении чего расхождений в источнике не выявлено: если в среднем характерно отношение: один мужчина к девяти женщинам, то для дворян она выше — 1 : 11,5. Для мещан она составляет 1 : 7,3, для крестьян — 1 : 6,7, для отставных солдат — 1 : 4,6. Если сопоставим данную ситуацию, например, с той, которая наблюдается для упомянутых выше 39 крестьянских хозяйств Игумен-

¹ Гриноп Крит Петров (65 лет), его жена Либа Крошева (50 лет), их сын Франц (30 лет), его жена Мита Кришева (26 лет) и дочь Павлина (2 года), его братья Вислей (27 лет) и Карл (19 лет) [4, л. 184].

ского уезда, то получим соотношение 1,2 : 1, для упомянутых же выше 7 хозяйств Минского уезда — соотношение 1 : 1,1. Путем сопоставления выявляется исключительная ситуация для 43 фамилий.

Также обращает на себя внимание то обстоятельство, что относительно невелико было число иждивенцев (младше 16 и старше 60 лет — при всей условности такой градации): 53 % у дворян, 54 % у мещан, 51 % у крестьян, 64 % у отставных солдат. Причем наблюдались значительные разбежки по отдельным семьям. Специфической чертой дворянских семей было значительное число «побочных членов» в составе фамилий (неженатых братьев и дядей, незамужних сестер, овдовевших родственников и т. п.) — 44 %. К примеру, у мещан подобных было 23 % от всего списочного состава фамилий, у крестьян — 19 %, а у отставных солдат в семьях вовсе не было таковых. Замечено, что иждивенцы среди этих «побочных» элементов фамилий (не главы семей и не их дети и внуки) составляли у дворян 47 % (45 из 95 чел.), у мещан — 27 % (6 из 22 чел.), у крестьян — 39 % (7 из 18 чел.). Причем если у крестьян «побочными» были преимущественно холостые братья и сестры глав фамилий, то у дворян и в меньшей степени у мещан среди таковых находим как стариков, так и «побочные семьи» женатых, но не владеющих собственным хозяйством родственников.

Возможно сравнить эту ситуацию с данными 28 крестьянских хозяйств (семьями) Ухвальской волости Борисовского уезда, в 1890 г. ходатайствовавших о переселении в Семипалатинскую область [4, л. 79—94]. Всего насчитывалось 233 души или 8,6 чел. на семью. Гендерное соотношение составляло 1,2 : 1, что соотносимо с таким же показателем по Игуменскому уезду. Средний возраст глав семей составлял 43 года, их супруг — 37 лет, средний возраст членов семей — 19,3 года (при значительном размахе значений по отдельным семьям — от 15 до 35 лет). Иждивенцы составляли 55 % (свыше 95 % из них дети; стариков всего 6 чел.). «Побочные» члены фамилий составляли 17,6 % (41 чел.), из которых иждивенцы — 37 % (15 чел., в том числе три старика). Таким образом, в отношении предыдущей партии переселенцев из 43 семей разных сословий из Игуменского уезда обнаруживается явная специфика, тогда как рассмотренные 28 семей из Ухвальской волости можно принять за норму, близкую к среднему показателю типичных переселенцев из Минской губернии в конце XIX в. Так, в 1901 г. по 23 крестьянским хозяйствам Пинского уезда гендерное соотношение составляло 1,4 : 1, число иждивенцев — 50,2 % (119 к 237) [8, л. 2 об. — 9].

Обращаясь к облику хозяйства у обозначенных выше переселенцев 1890 г. из Игуменского и Борисовского уездов, отметим фрагментарный характер полученных результатов. Создание масштабной базы данных (БД) по отдельным уездам за различные годы позволит представить полную и наиболее репрезентативную, динамичную картину переселения. Однако такой масштабный проект не отменяет возможностей предваряющего выборочного анализа сведений. В любом случае следует учесть, что за каждой цифрой здесь стоят люди, наши предки.

Из 19 дворянских хозяйств из Игуменского уезда числилась в собственности земля лишь у трех хозяйств: Абрамовича Ефима Францевича (10 десятин), Дубовского Антона Иполитовича (20 десятин), Константиновича Адольфа Ивановича (3,5 десятины) — всего 33,5 десятины [4, л. 180—193]. В то же время 16 хозяйств арендовали землю (369,5 десятины) — в среднем по 23,1 десятины на хозяйство за 2,14 руб. за 1 десятину в год. Совсем безземельным было только 1 хозяйство (Белиновича Леонида Лукьяновича), оно же было единственным безлошадным, хотя владело 12 овцами. Выясняется, что Белинович работал на фабрике деревянных гвоздей с окладом в 81 руб. ежегодно. Во всех хозяйствах был скот: 28 лошадей, 10 волов, 46 коров и 8 телят, 34 свиньи, 22 овцы. Ни у одного хозяйства не было никаких построек. Вся собственность данных дворян оценивалась в 3501,55 руб., из которых 56,3 % (1971 руб.) приходилось на скот, 25,7 % (900 руб.) землю, 12 % (420,55 руб.) зерно. Три семьи обладали наличными деньгами — 210 руб. или 6 % имущества. Примечательно, что упомянутые выше «возмутители» (Бобровский Антон Фомич, Моравский Петр Иванович, Скуратович Виктор

Адамович) недвижимой собственности и зерна не имели, арендовали землю (20, 24 и 12 десятин соответственно), зато у двух из них были наличные деньги (у Бобровского 90 руб. и Скуратовича 60 руб.). В целом это были средние хозяйства в ряду тех 19, что ходатайствовали в 1890 г. о переселении. Мотивация их к активной агитации в пользу переселения не ясна. Возможно, ситуация — как у Скуратовича Антона и Скуратовича Доминика: ранее они приобрели землю, но не могли оформить на нее купчую, так как, скорее всего, были вольными чиншевиками, и помещик стал передавать их участки в аренду иным лицам [4, л. 189 об. — 190]. Вместе с тем полицейский источник сообщал, что Антон Бобровский в компании с евреями Диепфильцем и Ровматом распространяют «ложные слухи», чтобы подбить соседей к переселению, и взимают за оформление ходатайств от 0,5 до 12 руб. с лица или семейства [4, л. 192 об.].

Из 10 мещанских хозяйств той же выборки 8 арендовали землю (125 десятин или 15,6 десятины на одно хозяйство за 2,26 руб. за одну десятину в год. 2 хозяйства (Булгак Казимир Рафаилович, Кимбар Иосиф Казтанович) землю не арендовали и скотом, кроме одной коровы у Булгака, не обладали. Было три безлошадных хозяйства, все же владельцы имели: 10 лошадей, 2 вола, 13 коров и 8 свиней. Ни одно хозяйство не имело построек. Среди мещан был машинист (Николай Базант), механик (Казимир Булгак) и ткач (Розалия Чеховец), хотя больше никто ремеслами не владел. Вся собственность данных мещан оценивалась в 1032 руб., из которых 52,4 % (540,6 руб.) составлял скот, 19,4 % (200,1 руб.) земля — наследная доля в 15,6 десятины Кимбара Иосифа, 12 % (200,1 руб.) зерно, наличные деньги — 221,2 руб. или 21,4 % имущества. Из сообщений источника известно, что: «...хозяйство просителей, дворян и мещан, пришло в весьма печальное положение (...) дворяне и мещане окончательно распродали имущество» [4, л. 191 об.].

Из 10 крестьянских хозяйств той же группы у половины не было земли, но 3 хозяйства ее арендовали: 44 десятины или по 14,7 десятины на хозяйство за 2,4 руб. в год за одну десятину. В то же время у 6 хозяйств наделной земли было 49,2 десятины или 8,2 десятины на хозяйство, с уплатой за нее 0,71 руб. выкупного взноса ежегодно с одну десятину. Сопоставим это с показателями 28 упомянутых выше крестьянских хозяйств Ухвальской волости: безземельных хозяйств было лишь 3 (ок. 11 %), из которых тяглого скота не было у двух и у одного не было скота вообще. Остальные 25 хозяйств владели 201 десятиной наделной земли или 8,04 десятины на одно хозяйство, в то же время выкупные платежи продолжали выплачивать только девять хозяйств (72,24 руб. за 59 десятин или 1,2 руб. за одну десятину в год). Исходя из этого можно заключить, что владение наделной землей было, по крайней мере, в два раза выгоднее аренды угодий.

Если группа крестьян из Игуменского уезда, подобно дворянам и мещанам из той же местности, почти не обладали недвижимостью (кроме 44 десятин земли у них было два дома и один сарай со средней стоимостью в 30 руб.), то у крестьян из Борисовского уезда недвижимость была. Так, из 28 хозяйств у семи построек не было, в т. ч. у трех безземельных. Остальные же 21 хозяйство располагали 28 домами (средняя стоимость 24,5 руб.), 23 амбарами, 48 сараями и 23 гумнами, 15 «варивнями» и тремя навесами. Также у двух хозяйств было 13 ульев. К сожалению, в данном случае оценка собственности по категориям в источнике не приводится. Известно, что наличных денег у этих хозяйств не отмечалось, а также то, что 8 из них (29 %) занимались вырубкой и вывозом леса, причем два хозяйства (Титовец Филимон Адамов, Титовец Кузьма Иван) — с немалой выгодой для себя. В то же время у трех хозяйств имелись недоимки — всего 144,05 руб.¹ По всей видимости, их следует отнести не на счет выкупных платежей (лишь на хозяйстве Василия Невядомского лежали выплаты по 1,25 руб.

¹ Общая недоимка составляла стоимость 5—6 обычных крестьянских домов или 7 обычных зимних заработка на вывозе леса (20 руб. за сезон).

за одну десятину в год или 8,14 руб. за 6,5 десятины), но казенных и мирских повинностей. Для Невядомского они составляли, например, 14 руб. в год, для остальных двух — 42,4 руб.: в среднем для 24 хозяйств, которые их уплачивали, недоимки составляли 12,3 руб. в год [4, л. 79—94].

Возвращаясь к 12 ранее упомянутым крестьянским хозяйствам из Игуменского уезда, по сведениям на февраль 1890 г., отметим характер их собственности. Всего имущества у них было на 1173 руб., из которых на скот приходилось 59,3 % (696 руб.), на зерно 6,5 % (76 руб.), на землю — у одного лишь хозяйства — 8,5 % (100 руб.), на строения — у двух хозяйств — 10,2 % (120 руб.), наличные деньги составляли (у четырех хозяйств) 15,4 % (181 руб.). Среди них трое крестьян занимались поденным наймом и один работал на фабрике деревянных гвоздей с заплатой 81 руб. в год [4, л. 180—193].

Подобный «малоземельный» характер собственности находим, например, у 11 крестьянских хозяйств Плещеницкой волости Борисовского уезда в 1895 г. Так, совокупно они владели 53,63 десятины земли или на одно хозяйство приходилось 4,9 десятины [7, л. 345—345 об.]. Сведения по 23 хозяйствам из Пинского уезда (села Парахонск и Доброславка, деревни Малая и Великая Гать, Стошаны, Вулька, Турная, Долгое, Почапово, Заозерье, Высокое) на 1901 г. дают подобную картину [8, л. 2 об. — 9]. Безземельных хозяйств здесь было два (Чуйко Матвея и Корзона Фомы) или 9 %. Эти же хозяйства были безлошадными. Вообще хозяйств без лошадей стало больше — 6 (26 %). На Пинщине количество земли на одно хозяйство колебалось сильно: от 0,7 десятины у Старика Андрея из Доброславки до 42,7 десятины у Каленика Попичица из Стошан. Из той же деревни происходил Семен Бобрик, владелец 35,3 десятины земли. За исключением безземельных и перечисленных выше владельцев на 18 хозяйств приходится по 7,1 десятины. Если сопоставить этот показатель с теми, что были рассмотрены ранее, то замечается тенденция к уменьшению размера надела. Это согласуется с общими тенденциями в крестьянском надельном землевладении той эпохи, но может оказаться и местной спецификой. Стоимость движимого имущества (преимущественно скота) составляет у здешних крестьян 36 %, земля — 57 %, наличные деньги — 8 %.

За тот же 1901 г. обнаружено прошение от 9 дворянских семей Пинского уезда о переселении в Сибирь [11, л. 2—4]. Всего насчитывалось 73 чел. в составе 9 семей или 8,1 чел. на семью, что вполне согласуется со сведениями о дворянах из Игуменского уезда в 1890 г. Гендерное соотношение составляло 1 : 1,04, иждивенцев насчитывалось 49,3 %. Из общего числа дворянских хозяйств, заявивших желание переселиться, два были безземельными (Карпович Андрей Викторович, Баранцевич Игнатий Викентьевич). На остальные семь хозяйств приходилось в среднем 6,9 десятины земли. Из 7876 руб. имущества на землю приходилось 50 %, на движимое имущество (скот: 15 лошадей, 59 голов крупного и 72 мелкого рогатого скота) — 41 %, наличные деньги — 9 %. Отличительная особенность: наличные средства были запасены каждым хозяйством потенциального переселенца. Несмотря на то, что эти просители относительно других были лучше обеспечены материально и трудом, им было отказано в переселении «...ввиду того, что закон не получил распространения на Минскую губернию» [11, л. 6]. Подобная тенденция просматривается и в отношении крестьян и мещан в начале XX в., несмотря на упразднение в 1896 г. временных ограничений по циркуляру 15 ноября 1894 г. на переселение крестьян и других желающих из Минской губернии [13]. Так, в январе 1900 г. безо всяких объяснений было запрещено переселяться мещанам г. Речица Василию Сташуку, Федору Тихоновичу и др. [10, л. 20, 20 об.].

Опираясь на представленную выше выборку хозяйств, можно прийти к следующим выводам. Первое: крестьяне, а также дворяне и мещане, заявившие желание переселиться не отличались экономическим благополучием. Подтверждается положение П. Д. Верещагина, что «переселенцы были заметно беднее крестьянства в целом»: надел на 2/5 меньше (6,1 и 9,1 десятины по Минской губ.), а безземельных на 1/3 больше (10,5 и 8,3 %) [1, с. 105]. Речь

идет о различиях, но в целом социальный облик переселенца шел вслед за общей структурой крестьянства. Так, ниже среднего по губернии был надел у крестьян-«переселенцев» Плещеницкой волости Борисовского уезда (4,9 дес.), ряда волостей Игуменского уезда и Минского в 1890 г. (4,4 десятины). Также была значима доля безземельных (и, как правило, безлошадных) хозяйств среди ходатаев о переселении: от 9 % в Пинском уезде (1901 г.) и 11 % в Ухвальской волости Борисовского уезда (1890 г.) до 20 % и 15 % для крестьян из Юревичской, Погостской, Бродичской и Беличанской волостей Игуменского уезда (1890 г.). За исключением Новогрудского уезда, для губернии действовало правило: где наделы были меньше, там больше сказывалось стремление к переселению. Структура их имущества не вполне отчетливо показывает нам бедность крестьян: земля составляла свыше 1/2 стоимости их имущества, движимая собственность (почти исключительно скот) — около 1/3, постройки — около 1/10. Наоборот, недоимки среди переселенцев были редким явлением, а если и формировались — то из-за казенных и мирских податей и повинностей, а не выкупных платежей.

Второе: очень редко у крестьян, как впрочем и у некрестьян, были наличные деньги. Последнее опровергает заявления местной администрации о том, что распространители «ложных слухов» побуждали людей распродавать свое имущество ради переселения. Также следует, исходя из структуры собственности, что дворяне и мещане из «переселенцев» были формально беднее крестьян: на первом месте среди их имущества был скот (около 1/2 собственности), земля (1/4) и зерно (1/8). При этом у них также редко, как и у крестьян, встречались наличные деньги (обычно в каждом 6—7-м хозяйстве). Следует отметить аренду земли как важную сферу для сельских хозяев из дворян. У них было относительно много скота, и возможно — начатки торгового скотоводства, к тому же должен был побуждать их более высокий уровень культуры. Однако отсутствие земли (на примере Скуратовичей) делало шляхтичей очень зависимыми.

Третье: имеется достаточно свидетельств об экономической слабости желающих переселиться, и это действительно служило оправданием для ограничительной политики местных властей в отношении переселенцев. При этом установлено, что местная администрация в большей степени сдерживала переселенческий поток безземельного и малоземельного местного дворянства, а также мещан, чем крестьян. Видна некоторая мобильность хозяйств, которая имела ряд проявлений (преобладание мужчин над женщинами, создание запасов наличных денег, отсутствие недоимок по платежам у большинства ходатаев) — это говорит о желании многих крестьян (дворян, мещан) переселиться и соответствовать формальным правилам переселения, которые все это предполагали. Однако местные власти не спешили отпускать население из податного оклада.

Четвертое: по своим социальным и экономическим признакам дворяне и мещане, ходатаевавшие о переселении, были сопоставимы с крестьянами, и были заняты в аграрной сфере. Заметим, что последнее касалось мещан в одинаковой мере. Были обнаружены и отличия: так, у дворян и части мещан семьи были больше и сложнее по своему устройству, высока была доля «побочных» членов семьи. Последнее можно объяснить традициями вечночиншевого держания и, возможно, майоратным наследованием. Также дворянские и мещанские семьи были старше по возрастному составу, хотя в целом облик переселенцев на 1/2 формировали дети и подростки, а средний возраст членов переселенческих семей составлял 20—22 года. При этом наблюдался огромный размах возрастных величин. Характерным для переселенцев было также небольшое преобладание мужчин над женщинами, что задавало определенную динамику в переселениях. Отличительной чертой у желающих переселиться дворян было относительно большее число лиц старшего поколения, выше был и средний возраст у глав семейств и их супруг.

Пятое: обнаруживается ряд локальных и значительных отклонений от нормы. Так, крестьяне в Ухвальской волости Борисовского уезда были заметно состоятельнее среднего хода-

тайствующего о переселении, имели немало строений, земли (8 десятин) и имели возможность получать доход от лесоразработок. Наоборот, ощутимо беднее и по имущественному положению ближе к представленным выше несостоятельным дворянам из Игуменского уезда были крестьяне Минского уезда. В то же время среди хозяйств переселенцев нередко встречались и крепкие (их, как и безземельных, было около 10 %), хотя в целом преобладали относительно слабые экономически хозяйства. Однако, несмотря на бедность, кажутся более подготовленными к миграции крестьяне из Минского и Пинского уездов. Все это требует внимания к локальным и географическим аспектам исторического развития («месторазвития»), к региональным различиям в адаптации крестьянского и некрестьянского хозяйства к капитализму.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Верещагин П. Д.* Крестьянские переселения из Белоруссии (вторая половина XIX в.). Минск : Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1978. 143 с.
2. *Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.].* Мінск : Экаперспектыва, 2005. Т. 4 : Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII — пачатак XX ст.) / М. Біч, В. Яноўская, С. Рудовіч [і інш.]. 519 с.
3. НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 1533 — Дело по ходатайству крестьян деревни Вульки Пинского уезда о разрешении переселиться в степные губернии России.
4. НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2100 — Дело о рассмотрении прошений крестьян Борисовского, Бобруйского, Игуменского и Новогрудского уездов о переселении в Сибирь.
5. НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2101 — Дело о рассмотрении прошений крестьян Бобруйского, Игуменского и Речицкого уездов о переселении в Сибирь и на Кавказ.
6. НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2458 — Материалы по переселению крестьян на казенные земли.
7. НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2625 — Дело по прошению крестьян Минской губернии о переселении их на казенные земли в Сибирь.
8. НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2643 — Списки переселенцев в Сибирь по Пинскому уезду.
9. НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2720 — Сведения о семейном и имущественном положении крестьян, ходатайствующих о переселении в Сибирь по Минской губ. За 1897 г.
10. НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2745 — Дело по жалобе мещан гор. Речица на неразрешение им переселиться на казенные земли в Сибирь.
11. НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 2989 — Сведения о дворянах Пинского уезда, изъявивших желание переселиться в Сибирь.
12. *Дудкоў Д. А.* Сталыпінская рэформа ў Віцебскай губерні. Мінск : Беларус. Акад. навук, Ін-т гісторыі, 1931. 122 с.
13. *Кохнович В. А.* Крестьянское переселенческое движение в Минской губернии в конце XIX столетия // П. А. Столыпин и его государственная деятельность в контексте модернизационных процессов в России : материалы Междунар. науч.-практ. конфер. к 150-летию со дня рождения П. А. Столыпина и 100-летию Воронеж. гос. аграр. ун-та им. императора Петра I ; г. Воронеж, 20—25 апр. 2012 г. / под общ. ред. В. Н. Плаксина. Воронеж : ФГБОУ ВПО Воронеж. ГАУ, 2012. С. 205—209.
14. *Милов Л. В.* Великороссийский пахарь и особенности российского исторического процесса. М. : РОССПЭН, 1998. 573 с.
15. *Навіяйка Н. М.* Сталыпінская аграрная рэформа на Гродзеншчыне // Гродна і гродзенцы: дзесяць стагоддзяў гісторыі (да 880-годдзя горада) : матэрыялы Міжнар. навук. канф., г. Гродна, 10—11 крас. 2008 г. / нав. рэд. І. П. Крэнь. Гродна : ГрДУ, 2008. С. 202—206.
16. *Уманец Ф. М.* Колонизация свободных земель России. СПб. : [Б. и.], 1884. [4], 243 с.
17. *Чуркин М. К.* Переселения крестьян Черноземного центра Европейской России в Западную Сибирь во второй половине XIX — начале XX в.: детерминирующие факторы миграционной мобильности и адаптации : автореф. ... дис. д-ра ист. наук : 07.00.02. Омск. 2007. 41 с.

Статья поступила в редакцию 17 ноября 2013 г.

А. П. Сальков

СССР И РЕШЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ ВЕРХНЕЙ ВЕНГРИИ (ЮЖНОЙ СЛОВАКИИ) В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ПАРИЖСКОЙ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ (май 1945 — июль 1946 г.)*

Решения Потсдамской конференции и подготовительная работа к I сессии Совета министров иностранных дел дали важный результат. Чехословакии не удалось избавиться от венгерского меньшинства репрессивными методами. Основным способом решения проблемы становился обмен населением, хотя ситуация осложнялась пятикратным превосходством численности венгров в Словакии над словаками в Венгрии. Двусторонние переговоры об обмене (декабрь 1945 и февраль 1946 г.) привели к заключению 27 февраля 1946 г. соглашения о равноценном обмене населением. В это время шла подготовка текста мирного договора с Венгрией. Используя данное обстоятельство, Прага потребовала от Будапешта принять сверх квоты по соглашению еще 200 тыс. словацких венгров, что завело ситуацию в тупик. Обе стороны рассчитывали на поддержку Москвы. Однако в канун открытия Парижской мирной конференции стало ясно, что СССР полностью поддерживает планы Праги по выселению всех венгров из Словакии.

Decisions of the Potsdam Conference and the preparatory work for the I-th session of the Council of Ministers of Foreign Affairs gave an important result. Czechoslovakia failed to get rid of the Hungarian minority using repressive methods. The main way to solve the problem became the population exchange, although the situation was complicated by a five-fold superiority of the Hungarians in Slovakia over the Slovaks in Hungary. Bilateral negotiations on the exchange (December 1945 and February 1946) led to the agreement of February 27, 1946 on equivalent exchange of population. At this time, during the preparation of the text of the peace treaty with Hungary, Prague, using this circumstance, demanded from Budapest to accept over the quotas additional 200 thousands of the Slovak Hungarians that lead the situation to a deadlock. Both sides were hoping for the support of Moscow. On the eve of the opening of the Paris Peace Conference, it became clear that the USSR fully supports Prague with a plan of the deportation of all the Hungarians from Slovakia.

Ключевые слова: Словацко-венгерский конфликт, трансфер венгров из Словакии.

Keywords: Slovak-Hungarian conflict, transfer of Hungarians from Slovakia.

На Парижской мирной конференции 1919 г., вопреки продекларированным этническим принципам, в состав Чехословакии (ЧСР) были включены обширные земли с почти миллионным венгерским населением, которое компактно проживало в Южной Словакии и Подкарпатской Руси. Это обстоятельство стало одной из предпосылок весьма осмотрительного венгерского ревизионизма, направленного в межвоенный период против Чехословакии. Однако вследствие аншлюса Австрии в марте 1938 г. и нарастания кризиса в Судетской Богемии ситуация изменилась. Бледские протоколы (август 1938 г.), по мнению Венгрии, не распространяли принципы ненападения на ЧСР, так как с ней не было заключено соглашение о статусе национальных меньшинств. После Мюнхенской конференции Будапешт

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2011—2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (ГПНИ «История, культура, общество, государство»).

предъявил Праге ультиматум о передаче Венгрии без переговоров районов с преобладающим мадьярским населением. В условиях политического кризиса в Чехословакии и появления автономий в Словакии и Подкарпатской Руси события все же привели к двусторонним переговорам. Они состоялись 9—13 октября 1938 г. в Комарно, но, несмотря на ряд словацких уступок, закончились провалом. Советская дипломатия, продолжая находиться под впечатлением мюнхенских решений, не смогла отделить их долговременных последствий от самостоятельных политических результатов переговоров в Комарно. Следующим этапом решения проблемы стал Венский третейский суд 2 ноября 1938 г. Его решением Венгрии передавались 10,3 тыс. км кв. словацкой территории с населением численностью более 850 тыс. чел., 59 % которого составляли венгры. Советская оценка первого Венского арбитража, который квалифицировался как естественное следствие Мюнхенского договора, сводилась к порицанию Венгрии и моральной поддержке Чехо-Словакии («Второй республики»). Констатировался тот факт, что Германия не допустила создания общей венгеро-польской границы. Новая же венгеро-словацкая граница де-факто Москвой была признана. Демаркация новой границы возлагалась на венгеро-чехо-словацкую делимитационную комиссию, работа которой привела к подписанию 7 марта 1939 г. протокола о линии границы. Другой орган — общая миноритарная комиссия — пыталась выработать нормы по защите словацкого и венгерского меньшинств. Ограниченным результатом ее работы стал договор 18 февраля 1939 г. об обмене населения переданных территорий и предоставлении гражданства. Однако на этом фоне неконтролируемо развивались два встречных миграционных потока, преобладающим из которых был поток беженцев и переселенцев в Словакию с арбитражной территории, отошедшей к Венгрии. В результате острейшего политического кризиса середины марта 1939 г. Словакия провозгласила независимость, Германия оккупировала чешские земли, объявив создание Протектората Богемия и Моравия. Венгрия же оккупировала словацкую Карпатскую Украину (переименованная 30 декабря 1938 г. Подкарпатская Русь), что создало общую венгеро-польскую границу, которую давно жаждали и в Будапеште, и в Варшаве [1].

Германо-словацкий Охранный договор (18—23 марта 1939 г.) и словацко-венгерская война (23—26 марта 1939 г.) привели к оккупации Германией обширной зоны в Западной Словакии и очередной аннексии Венгрией части Восточной Словакии (Собранецкий округ). Влияние Германии в регионе существенно возросло, она получила возможность манипулировать и Братиславой, и Будапештом, регулируя их ревизионистские устремления друг против друга. В условиях начавшейся Второй мировой войны Берлин сделал спор между Словакией и Венгрией объектом политического торга. Это стало одной из причин присоединения данных стран к Тройственному пакту. Попытки Румынии втянуть Словакию в антивенгерский блок внутри фашистской «оси» реальных результатов не принесли. Важным фактором посылки словацких и венгерских войск на советско-германский фронт стало стремление политических элит двух стран заполучить лучшие позиции в послевоенном переустройстве. После Сталинградской битвы и Венгрия, и Словакия начали искать пути выхода из войны на стороне Германии и способы решения взаимных территориальных претензий. Однако в октябре 1944 г. обе страны были оккупированы Германией, что лишило их возможности бороться за реализацию ревизионистских программ.

С началом Второй мировой войны проблема возврата утраченных Словакией в пользу Венгрии территорий перешла в плоскость отношений чехословацкого эмигрантского правительства с западными странами. Э. Бенеш сформулировал принципы непрерывности правового существования чехословацкого государства и непризнания решений Мюнхенского соглашения и Первого Венского арбитража. Из этого вытекала реставрация предвоенной территории Чехословакии и идея трансфера населения. В рамках антигитлеровской коалиции началось формирование первых представлений о будущей чехословацко-венгерской границе. Причем Бенеш начал связывать проблему границ с возможностью выселения из

ЧСР национальных меньшинств. Венцом идеи восстановления Чехословакии в ее старых границах стал советско-чехословацкий договор 12 декабря 1943 г. и устные договоренности с И. В. Сталиным о возможности выселения немцев и венгров. Важнейшим результатом визита Э. Бенеша в Москву в марте 1945 г. стало согласие советского руководства на трансфер из ЧСР немецкого и венгерского населения. С принятием Кошицкой программы 5 апреля 1945 г., заложившей принципы этнической чистки, возникли споры о компетенции центральных и словацких властей. Однако еще с осени 1944 г. начали реализовываться постановления Словацкого национального совета, предусматривавшие дискриминационные и репрессивные меры по отношению к венграм. В выступлении Э. Бенеша 9 мая 1945 г. в Братиславе впервые напрямую была связана оценка судетских немцев и словацких мадьяр. Это привело к вспышке антивенгерских настроений в Словакии и подготовило драматический процесс изгнания части венгров и жесткой дискриминации оставшихся [2].

Начало явочной реализации чехословацких планов массового выселения словацких венгров (май — сентябрь 1945 г.). Возвратив утраченную в 1938—1939 гг. территорию, Чехословакия получила и многочисленное мадьярское население. По венгерским оценкам — 650 тыс. венгров в Словакии, по чехословацким — 500 тыс. [3, л. 137, 140]. Президент ЧСР Эдуард Бенеш, развивая поворотные в судьбе венгерского меньшинства оценки своего братиславского выступления от 9 мая 1945 г., сделал новое публичное заявление. 16 мая, в день возвращения в Прагу, он выступил на Староместской площади, назвав в числе ближайший задач выселение немцев и венгров из ЧСР в целях создания единого национального государства чехов и словаков [4, с. 119].

Последовала вспышка антивенгерских настроений. Развернулась акция по конфискации квартир и домов этнических венгров, в то время как сами они помещались в лагеря для интернированных лиц. Начавшись именно с Братиславы, она быстро распространилась на всю Словакию. Лагеря интернирования были учреждены в Братиславе-Петржалке, Кошице, Лученеце, Левице, Велке Иде, Нитре, Рожняве, Середи и других местах, где содержались более 20 тыс. венгров. В результате этих событий весной — летом 1945 г. в Венгрию устремился из Словакии поток беженцев, составивший около 40 тыс. человек [5, с. 109].

Всей полнотой власти в Словакии в этот период обладал Словацкий национальный совет (СНС), сформированный двумя региональными партиями — демократической и коммунистической. Главное внимание этот орган уделял урегулированию чешско-словацких отношений. Однако во имя классового подхода к решению национального вопроса СНС отказался от своего первоначального требования федеративного построения государства. Поэтому центральные власти, и раньше характеризуя СНС, по словам Э. Бенеша, «больным ребенком в Чехословакии» [6, док. 55, с. 186], были не прочь предоставить словакам максимальную свободу по отношению к венгерскому меньшинству. Оно было лишено всяких культурно-национальных прав, подвергалось беспощадным преследованиям и массовым депортациям, что считалось заслуженным возмездием. Причем под репрессивные антивенгерские акции начала подводиться нормативная база.

В указе СНС № 33 о наказании фашистских преступников и предателей от 15 мая 1945 г., который являл собой масштабный документ, использовались весьма расплывчатые формулировки. Так, фашистскими оккупантами, кроме прочих, считались и те, «кто находился на службе хортистской Венгрии» (§ 1), а предателями народа — «граждане ЧСР, которые поддерживали хортистскую Венгрию» (§ 2) [7, док. № 4. 3, с. 263, 264]. Декрет президента № 5 «О недействительности имущественно-правовых актов периода оккупации и национализации имущественных ценностей немцев, венгров, коллаборантов» от 19 мая 1945 г. объявлял недействительными все сделки с движимым и недвижимым имуществом, заявлял о конфискации имущества, приобретенного у «государственно неблагонадежных личностей». К последним были приравнены «особы венгерской национальности» и те, кто «каким-либо способом

поддерживал немецких и венгерских оккупантов» (§ 1—2, 4). Заметим, что сразу возникал вопрос, кого же считать венграми. Декрет давал ответ — таковыми считались лица, которые «на какой-либо переписи населения, начиная с 1929 г., заявили о своей венгерской национальности» или являлись постоянными членами венгерских партий и организаций (§ 6). Интересно, что декрет был задуман как общегосударственный, однако позже не удалось достигнуть согласия с СНС по способам его реализации [7, dok. č. 3 a pozn. 2, s. 235, 236, 241]. На 21-м заседании правительства 23 мая 1945 г. была создана комиссия для подготовки выселения меньшинств, которая должна была определить категории выселяемых, способы и средства выселения. На комиссию возлагалось учреждение особого ведомства ЧСР по выселению немцев и венгров [8, dok. č. 18.2, s. 323].

Майские публичные выступления Э. Бенеша и особенно его декрет № 5 от 19 мая подхлестнули антивенгерскую активность словацких властей и одновременно показали его зависимость от этого «больного ребенка». Данные обстоятельства не были случайными. Весной 1945 г. Бенеш получал информацию и о наличии выраженных антивенгерских настроений в словацком обществе, и об определенном недоверии к нему самому со стороны ряда ведущих словацких политиков. Поэтому для укрепления своего влияния в их среде он шел на все большие уступки СНС по проблеме венгерского меньшинства [9, с. 542, 543].

В этой обстановке представители венгерского меньшинства, не получившие ответа на свой «Меморандум» от 19 апреля, подали в начале июня 1945 г. словацким властям новый документ — «Описание положения венгров Словакии». В нем содержался анализ развития проблемы за последние шесть лет. Упоминалось о преследовании венгров-антифашистов в тисовской Словакии (более 10 тыс. их находилось в «словацком гестапо»); позиции Венгерской партии, которая боролась против нацизма и в отличие от Глинковской словацкой народной партии не обвинялась в коллаборационизме; участии словацких венгров в партизанском движении и Словацком национальном восстании; говорилось о начавшихся гонениях против венгерского меньшинства (депортация венгров даже из пролетарских районов Братиславы и высылка мадьяроязычных евреев) [10, с. 227—229].

В рамках постановления СНС «О национальной администрации» от 5 июня 1945 г. наконец хоть как-то была нормирована принадлежность к категории врагов и неприятелей словацкого народа (в данном документе — «политически неблагонадежных») и к национальным меньшинствам. К политически неблагонадежным относились венгры, которые не доказали своего участия в антифашистской борьбе, способствовали поражению ЧСР, поддерживали фашистский режим (§ 4). При определении венгерской или немецкой национальности назывался ряд признаков в интересной приоритетности: «решающим является язык, употребляемый в семье; принадлежность к немецкой или венгерской политической партии после 6 октября 1938 г.; признание соответствующей национальности в ходе последней переписи населения» (§ 6) [11, dok. č. IV/5, s. 159 160]. Неконкретность и расплывчатость дефиниций и критериев по-прежнему оставляла широкий простор для злоупотреблений и произвольных административных решений.

Центральные чехословацкие власти в свою очередь развернули подготовку к проведению локальных пограничных мер. В июне министерство национальной обороны ЧСР разработало проект решения по упорядочению границ с Германией и Венгрией, к которому Э. Бенеш сделал ряд замечаний. Правительство подготовило проект ректификации границ в пользу ЧСР и создания оккупационных зон, доверенных чехословацким властям в германских землях. Данный проект был направлен советским властям. Причем все эти пограничные меры неизбежно увязывались с проблемой конфискации имущества и трансфера [12, dok. č. 27, 28, s. 66—68].

Декрет президента № 12 «О конфискации и ускоренном разделе земли немцев и венгров, предателей и врагов чешского и словацкого народов» от 21 июня 1945 г. предписывал конфис-

ковать без компенсации земельную собственность всех венгров вне зависимости от гражданства. Реализация этого декрета в Словакии привела в ряду казусов ввиду использования языкового критерия. Так, конфискационная комиссия считала венграми всех, кто дома говорил по-венгерски, и не принимала в расчет то обстоятельство, что многие словацкие евреи пользовались венгерским языком. Поэтому у данной категории лиц во время войны земельные наделы были отобраны как у евреев, а на основании данного декрета не были возвращены как венграм [7, dok. č. 5 a pozn. 2, s. 271, 276].

25 июня 1945 г. в Москве было получено правительственное заявление из Праги о необходимости выселения немцев и венгров из Чехословакии. В нем содержалась просьба о советской поддержке и о возможности их выселения в советские оккупационные зоны в Австрии, Германии и Венгрии еще до заключения соглашений с союзниками [12, dok. č. 30, s. 71, 72]. Уже с июня 1945 г. политорганы командования советских войск начали направлять в ОМИ ЦК ВКП(б) информационные сообщения об антивенгерской политике чехословацких властей. Так, в донесении «О мероприятиях, направленных против венгров в Словакии» от 19 июня говорилось о положении 750—800 тыс. венгров (в основном малоземельных крестьян, батраков и рабочих). Против них начали применяться запреты говорить по-венгерски, организовывались провокационные инциденты, звучали шовинистические лозунги, началось переселение в Венгрию в течение суток с правом взять лишь то имущество, которое можно унести с собой. Эти действия не согласовывались с советскими комендатурами, шли вопреки их распоряжениям и даже вызвали противодействие красноармейцев [6, док. 75, с. 224, 225]. Очевидно, что в данный период советские инстанции осуждали лишь способы и методы антивенгерской политики в Словакии, не подвергая сомнению ее актуальность. Венгерское коммунистическое руководство делало попытки влиять на процесс. Генсек ЦК КПВ Матьяш Ракоши (Розенфельд), выступая в ОМИ ЦК ВКП(б) 23 июня 1945 г. с развернутым сообщением о положении в Венгрии, уделил внимание и словацкому вопросу [13, примеч. 3 к док. 57, с. 204]. Он предположил, что Э. Бенеш, начав жесткое давление на венгров, стремился отвлечь общественное внимание в своей стране от решения сложных внутривнутриполитических проблем: «Он организует кампанию нападков на немцев и венгров, а у словаков поддерживает преследование венгров. Надеясь на то, что словаки в таком случае будут предъявлять меньше требований к чехам» [14, л. 222].

Реальные факты свидетельствовали о том, что подготовка массового выселения венгров шла полным ходом. Однако у Зденека Фирлингера на встрече с И. В. Сталиным 28 июня 1945 г. состоялся примечательный диалог. Премьер-министр ЧСР спросил, будто обращаясь за санкцией: «Как быть с выселением немцев и венгров из Чехословакии?». И получил желанный и при этом недифференцированный касательно двух нацменьшинств ответ: «Мы мешать Вам не будем. Прогоняйте их. Пусть испытают на себе, что значит господство над другими». Однако Фирлингеру и этого было мало. Он попросил дать указание советским военным инстанциям об активном содействии выселению, но Сталин перевел разговор на чехословацко-польский конфликт вокруг Тешенской области, что и было главным предметом встречи, фактически игнорируя последнюю просьбу [6, док. 77, с. 232].

Неким промежуточным этапом для массового выселения венгров стали меры по их расселению во все регионы страны. Эти меры были сформулированы в декрете президента № 27 «О едином руководстве внутренней колонизацией» от 17 июля 1945 г. (в первый день работы Потсдамской конференции), который через механизм заселения земли имел целью «возвратить все области ЧСР автохтонному славянскому населению» [8, dok. č. 18, s. 318, 319]. Интересно, что проект декрета был предложен МВД и обсужден в правительстве еще в середине июня. Однако тогда проблематика выселения была устранена и из названия, и из содержания документа, что было мотивировано непредсказуемостью на тот момент решения великих держав в Потсдаме. Тем не менее уже предусматривалось создание Выс-

шего совета по выселению и внутренней колонизации (заселению), председателем которого являлся премьер-министр, а членами — министры иностранных дел, обороны и внутренних дел [8, dok. č. 18.1, s. 320].

Заручившись в целом поддержкой Москвы, чехословацкое правительство направило 3 июля 1945 г. специальную ноту великим державам, поставив вопрос о депортации из страны 2—2,5 млн немцев и «около 400 000 венгров». По этой причине на Потсдамской союзнической конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) просьба ЧСР о выселении немцев, и венгров рассматривалась одновременно и взаимосвязанно, однако были приняты разные решения. Касательно немцев в итоговом документе — «Сообщении о Берлинской конференции трех держав» — говорилось о перемещении «организованным и гуманным способом» на послевоенную территорию Германии «немецкого населения или части его, оставшегося в Польше, Чехословакии и Венгрии». Реализовать это решение в Чехословакии и Польше должны были их правительства, а в Венгрии — Союзная контрольная комиссия (СКК) во главе с маршалом К. Е. Ворошиловым [15, dok. 159, s. 497].

Интрига же выселения в Венгрию мадьярского меньшинства из Словакии получила в Потсдаме иное развитие. Из-за противодействия США и Великобритании не удалось добиться решения, аналогичного решению о немцах. Конференция отвергла пожелание Праги полностью избавиться от венгров. Было предложено урегулировать проблему через механизм чехословацко-венгерских переговоров, исходя из принципа обмена населением. В Чехословакии, с одной стороны, зрело желание дождаться начала работы Парижской мирной конференции и обсуждения на ней мирного договора с Венгрией с целью реализации давно вынашиваемых планов. С другой стороны — немедленно и сепаратно начать массовое выселение венгров [16, s. 159—164]. Министр иностранных дел Венгрии Янош Дьёндьёши (с 22 декабря 1944 по 31 мая 1947 г.) уже 4 июля 1945 г. дал ответ в публичном заявлении о том, что Венгрия никогда не предлагала депортировать или выселять население и могла бы на это пойти только на основе международного соглашения. При этом Будапешт не против добровольного отъезда словаков из Венгрии [17, s. 136]. Руководство компартии Венгрии (КПВ) тоже надеялось улучшить положение мадьяр в Словакии, пытаясь повлиять на своих чехословацких товарищей в ходе переговоров в Москве в июле 1945 г. Однако чехословацкие коммунисты без тени сомнения прикрылись личной поддержкой И. В. Сталина и В. М. Молотова идеи выселения венгров. На этом фоне у М. Ракоши даже возникли опасения, что Румыния и Югославия могут последовать примеру ЧСР и тоже выселить свои венгерские меньшинства [17, s. 136, 137].

В Венгрии заседания и итоги Потсдамской конференции были восприняты как передышка перед началом переговорного процесса. Однако передышки не случилось. Еще в начале работы Потсдамской конференции декрет президента Э. Бенеша № 28 «О заселении сельскохозяйственной земли немцев, венгров и других неприятелей и врагов государства чешскими, словацкими и другими славянскими крестьянами» от 20 июля предписывал конфискованную землю передавать в Национальный земельный фонд, а затем распределять среди подробно расписанных в декрете категорий граждан, которые имели преимущественные права на землю [7, dok. č. 7, s. 306—308]. В день завершения заседаний в Потсдаме в Праге был издан конституционный (!) декрет президента № 33 «Об оформлении чехословацкого гражданства лицам немецкой и венгерской национальности» от 2 августа 1945 г. Им лишалось чехословацкого гражданства, наряду с немецким, практически все венгерское население (по последним венгерским оценкам, оно насчитывало тогда 691,6 тыс. чел.). Чехословацкие венгры, получившие венгерское гражданство решением оккупационных властей, тем же днем теряли гражданство ЧСР (§ 1, п. 1), остальные чехословацкие венгры лишались гражданства на день вступления в силу данного декрета (§ 1, п. 2). Правда, в документе была прописана призрачная возможность ходатайствовать о восстановлении гражданства [7, dok. č. 8, s. 314, 315]. Положения этого декрета, имевшего наиболее тяжелые

последствия для венгерского меньшинства, лишенного права на медицинское обслуживание, пенсионное обеспечение и другие социальные блага, можно расценивать как довольно дерзкий ответ Праги на отказ великих держав в Потсдаме поддержать ее просьбу о том, чтобы приравнять словацких мадьяр к судетским немцам. Уже 13 августа 1945 г. государственный секретарь по внешним делам ЧСР (заместитель министра иностранных дел) Владимир Клементис обсуждал с советским послом в ЧСР В. А. Зориным практические вопросы вывоза немецкого и венгерского населения [12, dok. č. 45, s. 108].

2 августа член ЦК КПВ Эрнё Герё (Зингер) направил докладную записку И. В. Сталину и наркому иностранных дел СССР В. М. Молотову, касающуюся намерения Праги опубликовать в ближайшее время декрет о лишении гражданства всех проживающих в ЧСР венгров (о чем руководство КПЧ известило М. Ракоши) и выдвинуть предложения об обмене чехословацких венгров на венгерских словаков. Герё обратил внимание на риторику чехословацкой стороны и сделал заключение: «...по этому вопросу они зашли так далеко, что отступить уже не могут». Он сообщал, что в Чехословакии имеется 500—600 тыс. венгров, «в большинстве своем крестьян, живущих там спокон веку». В Венгрии же словаков — менее 100 тыс., в основном тоже крестьян. Причем компактной массой проживают в области Бекеш только 30—40 тыс. словаков. Остальные распылены по всей Венгрии, где им созданы все условия, и они не собираются переселяться в Словакию. В то же время в Словакии развернуты гонения на венгров — им запрещено говорить на родном языке, нет ни одной венгерской школы или газеты, венгров заставляют носить нагрудную нашивку с буквой «М» (т. е., мадьяр. — *A. C.*) и «без разбора массами заключают в концлагеря, либо высылают в Венгрию» [18, л. 85]. Герё делал в записке широкие далеко идущие выводы — упомянутые явления представляют собой лишь подготовку к выселению всех венгров из ЧСР под предлогом обмена населением; может произойти усиление реакционных элементов в Венгрии; появится новый повод для Ю. Маниу развернуть шовинистическую кампанию в Румынии и вновь потребовать выселения 1,2 млн венгров из Трансильвании; аналогичные антивенгерские тенденции могут проявиться в югославской Воеводине. В заключении Герё просил советское руководство помочь «в правильном разрешении» болезненного вопроса [18, л. 86, 87].

Руководители КПВ неоднократно и в разных форматах обращались к Москве за помощью, не получая никакого ответа. Их попытки прийти к какому-то соглашению с руководством КПЧ также не имели успеха. Чехословацкие власти были уверены в советской поддержке и не желали идти на уступки венгерской стороне, наращивая давление на словацких венгров. Декретом президента № 71 от 19 августа 1945 г. вводилась трудовая повинность для лиц, лишенных чехословацкого гражданства. Мужчины в возрасте от 14 до 60 и женщины от 15 до 50 лет (§ 2, п. 1) должны были за вознаграждение выполнять любую предложенную им работу в любом месте [7, dok. č. 9, s. 350, 351].

Летом 1945 г. в рамках подготовительной работы к I сессии СМИД разворачивался начальный этап послевоенного международно-правового урегулирования. В частности, в Комиссии по вопросам мирных договоров и послевоенного устройства при НКВД СССР (Комиссия Литвинова) завершалась разработка Основных положений проекта мирного договора с Венгрией. Документ предусматривал восстановление венгеро-чехословацкой границы, существовавшей на 1 ноября 1938 г., т. е. до первого Венского арбитража [19, л. 1]. Особенно интересна объяснительная записка М. М. Литвинова к этому документу по разделу «Границы» (датирована 1 сентября 1945 г. по входящему номеру НКВД). В ней особо подчеркивалась «существенность вопроса о границах Венгрии», которые предполагалось оставить в том виде, как они сложились по Трианонскому мирному договору. Однако «во избежание упоминания и как бы подтверждения этого договора, мы взяли за исходную дату 2 ноября 1938 г., когда начался, при содействии Гитлера и Муссолини, пересмотр трианонских границ, т. е., когда состоялся так называемый первый Венский арбитраж, изменивший словацко-венгерскую

границу в пользу Венгрии» [19, л. 4]. В записке, кроме того, допускалась возможность требований со стороны ЧСР ректифицировать границу с Венгрией. Указания на это содержались в представленной в НКВД чехословацкой карте с территориальными претензиями к соседям (по границе с Венгрией они касались расширения, так называемого, Братиславского предместья на правом берегу Дуная). Однако в сопроводительном меморандуме говорилось о границах с Польшей, Германией и Австрией, но Венгрия пока не упоминалась [19, л. 7].

Встречные, пока осторожные, предложения об изменении границы в свою пользу стали выдвигаться с лета 1945 г. и венгерским правительством Белы Миклоша (функционировало 22 декабря 1944 — 15 ноября 1945 г.). Еще в конце мая 1945 г. Дьёндёши поручил дипломату Иштвану Киртесу сформировать и возглавить отдел МИД по подготовке к мирной конференции («отдел мирной подготовки»). 2 июля в отделе был составлен меморандум, в котором перечислялись венгерские требования и интересы. 25 июля этот документ был передан политическому советнику СКК в Венгрии Г. М. Пушкину. В меморандуме, наряду с прочим, говорилось о притеснениях мадьяр в Словакии и предлагалось советское вмешательство в этот процесс (п. 2), указывалось на необходимость проведения будущих границ Венгрии на основе этнических и экономических факторов (п. 3) [17, с. 138, 144].

14 августа 1945 г. Я. Дьёндёши разослал представителям союзных держав новый меморандум (который, правда, не был утвержден правительством). В нем предлагалось реализовать этнический принцип при проведении границ, допускать обмен населением только для малочисленных и удаленных групп нацменьшинств, обеспечить охрану их прав [17, с. 145]. Как следует из информации советских армейских политуправлений за август, Дьёндёши, говоря о конфликтных последствиях как выселения венгров из Словакии, так и оставления их там, заявил: «Гораздо проще несколько передвинуть на север границу Венгрии, и вся проблема будет решена. Ведь венгры в Словакии, в основном, живут компактными массами» [13, док. 70, с. 227, 228]. В личном письме Дьёндёши Г. М. Пушкину (датировано 14 августа) были изложены в шести пунктах венгерские взгляды на общие принципы послевоенного переустройства. Среди них выделялось предложение об установлении «новых государственных границ на основе этнографического принципа и учета воли заинтересованного населения». При встрече с Дьёндёши в сентябре 1945 г. Пушкин попросил конкретизировать указанное предложение, что и было сделано: «постановка вопроса об этнографических границах вызвана тем, что чехословацкое правительство решило избавиться от венгерского нацменьшинства, живущего вдоль нынешней границы Венгрии». При этом венгерский министр заявил о своей отрицательной позиции касательно принудительного обмена населением, считая приемлемым лишь частичное перемещение «этнографических групп, которые живут разбросанно» [20, док. 89, с. 346, 347]. Пушкин, сообщая в НКВД о письме, сделал заключение, что Венгрия «поставила вопрос о ревизии границ, хотя и в общей и в завуалированной форме» [21, л. 1, 2].

Накануне открытия I сессии СМВД был разработан проект предложений советской делегации по мирному договору с Венгрией (датирован 4 сентября 1945 г.). В нем излагался подход, вытекавший из разработки Комиссии Литвинова: «взять за основу принцип, отмеченный в соглашении о перемирии с Венгрией, по которому границы Венгрии должны оставаться такими, какими они существовали на 31 декабря 1937 г.» [19, л. 16]. В Венгрии 19 сентября было проведено совещание основных политических партий с целью выработки общей платформы для мирных переговоров. Было решено не предлагать исправления границ с Югославией и СССР (при этом представитель социал-демократов выражал надежду, что в будущем СССР в знак доброй воли вернет Венгрии Чоп), но требовать проведения этнических границ с Чехословакией и Румынией [17, с. 148]. I сессия СМВД была открыта 11 сентября, но уже 2 октября 1945 г. прервала работу из-за разногласий между участниками, не приняв конкретных решений.

Венгеро-чехословацкие переговоры и соглашение об обмене населением (сентябрь 1945 — февраль 1946 г.). Двусторонние переговоры фактически инициировал чехословацкий дипломат в Будапеште генерал Ф. Дастич. 3 сентября 1945 г. он предложил в два этапа избавиться от словацких венгров — вначале через процедуру обмена, затем — путем одностороннего перемещения оставшихся в Венгрию. При этом генерал категорически отрицал возможность передачи словацких венгров вместе с территорией, на которой они компактно проживали, оставаясь на позиции нерушимости трианонских границ. Однако позиция венгерского правительства Белы Миклоша оставалась неизменной — оно не было готово к переговорам о приеме большого количества венгров из Словакии. Министр иностранных дел Венгрии Янош Дьёндьёши на данном этапе категорически не принимал идею обмена [10, с. 241]. Его реакция на инициативу генерала Дастича отразилась 3 сентября в разговоре с главой чехословацкой миссии в Будапеште Далибором Крно, который сообщил о принятом решении выселить словацких мадьяр по соображениям государственной безопасности. Дьёндьёши отклонил саму идею обмена населением, указав также и на то, что «нам нечем меняться — как обменять 600 тыс. словацких мадьяр на 60 тыс. венгерских словаков? Если Словакия хочет избавиться от своих мадьяр, то надо всего лишь исправить границу». Крно ответил, что такое предложение его не интересует, а Дьёндьёши парировал, что его не интересует переселение [22, 176—179. old.].

К тому времени началось урегулирование советско-венгерских отношений. На ответственную должность венгерского посланника в СССР был выдвинут видный венгерский историк Дьюла Секфью. 5 октября 1945 г. был сделан запрос об агремане Москвы, а 13 октября согласие за подписью К. Е. Ворошилова было получено [23, док. 70, с. 125]. С 15 октября Секфью числился чрезвычайным посланником, однако ввиду его болезни временным поверенным в делах Венгрии в СССР являлся Иштван Гомбо (до 16 марта 1946 г.). Видимо, территориальная проблематика была столь болезненной и актуальной, что одно из первых своих сообщений из Москвы Гомбо посвятил полному перечислению всех советских территориальных приращений в результате войны [24, Bevezető. 5. old.; 1. dok., 15, 16. old.].

Необходимо заметить, что готовившиеся двусторонние переговоры не выглядели как локальное мероприятие. Они были тесно связаны с нараставшими по объему и жесткости чехословацкими мерами, касавшимися конфискации имущества венгров, а также решения проблемы их гражданства и выселения. На этом фоне развивалась внешнеполитическая интрига, связанная с подготовкой и Праги, и Будапешта к мирной конференции, разработке и заключению мирного договора с Венгрией. Так, в связи с обсуждением проекта декрета о конфискации неприятельского имущества в чехословацком правительстве шли жаркие дебаты по всем указанным вопросам. На 66-ом заседании правительства ЧСР 4 октября 1945 г. в полной мере проявилась роль внешнего фактора в организации выселения и обмена населения. Министр внутренних дел И. Петор заявил, что его «единственная надежда на успешное выселение венгров из Словакии» была связана с помощью СССР. Произошедшее же установление нормальных советско-венгерских отношений, как он считал, «может иметь негативные последствия для решения данного вопроса». Госсекретарь В. Клементис сообщил, что советский посол в ЧСР В. А. Зорин посоветовал ему съездить для консультаций в Будапешт к К. Е. Ворошилову, после чего начинать переговоры с венгерским правительством, имея в виду активное вмешательство американского посла в Венгрии в ход событий. Далее Клементис отметил, что венгерские власти проводят анкетирование своих словаков с вопросом: хотели бы они переехать в Словакию «на тех же условиях, на которых венгры переселяются из Словакии, то есть взяв с собой только 30 кг багажа и ничего больше», что, разумеется, влекло отрицательный ответ. Клементис предложил, чтобы венграм, добровольно выезжающим в Венгрию в порядке обмена на венгерских словаков, можно было «вернуть все или часть имущества» [7, dok. č. 12.4, s. 380—382].

На 70-м заседании правительства 6 октября 1945 г., где продолжилось обсуждение того же декрета, разгорелась дискуссия касательно трансфера венгерского населения. Речь вновь зашла об освобождении от конфискации имущества венгров, запланированных для обмена. Были выработаны две формулировки: одна общая, касающаяся всех меньшинств, вторая — относящаяся только к венграм. На последней настоял Клементис, считавший, что главное — это не реакция великих держав, а паническое поведение венгров в Словакии, которые боятся лишиться всей своей собственности. Министр внешней торговли Губерт Рипка выступил решительно против второй формулировки из опасений, что «в международном сообществе сразу же появятся стремления, которые приведут и к обмену немцев». В итоге решили утвердить первую формулировку, но после выхода декрета члены кабинета должны были в публичных выступлениях разъяснить, что исключение из обязательной конфискации касалось только словацких венгров, обмениваемых на венгерских словаков [8, dok. č. 37.10, s. 876, 877].

Напряженное обсуждение декрета о конфискации завершилось только на 95-м заседании правительства 25 октября. Была утверждена отсрочка конфискации для указанной категории венгров. Списки таких лиц определялись районными национальными комитетами [8, dok. č. 37.12, s. 880]. В тот же день, после месячного обсуждения, был подписан декрет президента № 108 «О конфискации неприятельского имущества и Фонде национального восстановления», по которому собственности лишались юридические и физические лица венгерской национальности, за исключением «оставшихся верными Чехословацкой республике» [7, dok. č. 12, s. 363, 364]. Поскольку крупные и средние землевладения были конфискованы еще мартовским (1945 г.) решением уполномоченного СНС, данный декрет забрал землю у венгерских крестьян и рабочих в Словакии.

Проблема венгерского меньшинства приобрела общенациональный масштаб, поэтому ей было уделено значительное внимание в послании президента Э. Бенеша Временному народному собранию 28 октября 1945 г. В нем подчеркивалось, что данная проблема будет решена не путем простого выселения, а на основе обмена населением. Однако «венгров у нас немного больше, чем словаков в Венгрии. Мы настроены на достижение договоренности с Венгрией об обмене». Вместе с тем Бенеш ставил проблему гораздо масштабней, в региональном аспекте, предлагая урегулирование вопроса национальных меньшинств между Венгрией и всеми ее соседями. Его видение сводилось к следующему: «Все меньшинства из современных границ этих государств (соседних с Венгрией. — А. С.) должны быть передвинуты в свои национальные государства... Меньшинства, которые не захотят возвращаться в свое национальное государство, будут окончательно подвергнуты национальной ассимиляции со стороны государства, в котором они останутся». Акцентируя проблему и нагнетая напряженность, Бенеш заявил, что «в некоторых кругах современной Венгрии уже снова готовится новое ревизионистское движение» [8, dok. č. 45.3, s. 962].

После образования в Венгрии коалиционного кабинета Золтана Тилди (функционировал 15 ноября 1945 — 1 февраля 1946 г.) Будапешт в условиях нараставшего еще с октября советского и американского давления принял предложение Праги о переговорном процессе. Тем самым Венгрия взяла на себя обязательства участвовать в переговорах об обмене населением. Я. Дьёндёши, который был вынужден изменить свою первоначальную позицию, хотя по-прежнему предлагал «поправить линию границы», исходил из добровольного характера обмена и недопустимости административного выдворения венгров из Словакии [5, с. 82—90].

На 71-м заседании правительства Венгрии 27 ноября 1945 г. (пункт 9 повестки дня), где остро обсуждался этот вопрос, Дьёндёши пытался обусловить возможность участия в переговорах в Праге прекращением преследования венгров чехословацкими властями. Он даже предложил З. Тилди направить Д. Крно протест против следующих мер чехословацкой стороны: принятия декрета от 25 октября о конфискации всего имущества венгров; трудовой по-

винности для словацких мадьяр (мужчин с 14 до 60 лет, женщин — с 15 до 50 лет); приравнивания их к иностранцам с позволением проживать в Братиславе только по специальному разрешению; запрета для мадьяр на получение государственных удостоверений в Словакии; запрет на смешанные браки между словаками и мадьярами; запрет для мадьяр учиться в чехословацких университетах. Тем не менее, правительство дало согласие на заключение соглашения об обмене, в том числе, по мнению Дьёндьёши, и для того, чтобы показать статистическую диспропорцию между этническими группами, планируемыми к обмену [22, 146—150. old.].

Переговоры проходили 3—6 декабря 1945 г. в Праге. Чехословацкая сторона, чью делегацию возглавлял В. Клементис, исходила из равного обмена населением — добровольного перемещения словаков из Венгрии и вынужденного перемещения такого же количества венгров из Словакии. Оставшиеся словацкие венгры подлежали насильственному выселению с полной конфискацией собственности. Венгерская делегация под руководством Я. Дьёндьёши даже обмен считала негуманным, но соглашалась провести его под англо-американским и советским контролем, аннулировав дискриминационные чехословацкие декреты. Оставшиеся же после обмена венгры должны были получить права в самой Словакии. Дьёндьёши заявил, что Венгрия может принять и их, но лишь вместе с территорией, на которой они живут [10, с. 242—245]. Кроме того, венгерская сторона вполне обоснованно апеллировала к недавнему участию Словакии в фашистском блоке: «...поведение Венгрии (во время войны. — А. С.) не было ни на йоту худшим, чем поведение тисовцев. В Венгрии был Стояи, в Словакии — Тисо. В Венгрии были нилашисты, в Словакии Глинковская гвардия, которая теперь изгоняет венгров». Дьёндьёши также указал на нелепость и ошибочность представлений словацких политиков о том, что все венгерские граждане, обозначившие свое владение словацким языком, являются словаками с сильным национальным самосознанием и хотят переселиться в Словакию. Из-за этого, по его мнению, численность венгерских словаков была преувеличена более чем на 200 тыс. чел. [25, с. 289, 290].

В итоге на переговорах обе стороны твердо настаивали на своих позициях. Ввиду их непримиримости переговоры зашли в тупик и были отложены. Дьёндьёши сделал 10 декабря 1945 г. на 74-м заседании венгерского правительства (пункт 46 повестки дня) отчет о переговорах. Он отметил, что будет разрешен выезд из Венгрии всем желающим словакам, а ЧСР выселит в Венгрию равное им количество словацких мадьяр, включив в их число ранее выселенных. При этом Прага пообещала к 31 января 1946 г. завершить свои антивенгерские меры. Однако если соглашение об обмене населением не будет подписано венграми, то эти меры продлятся. Дьёндьёши указал, что ЧСР отказывается «передавать мадьяр вместе с их землей». Поэтому Будапешту остается только обратиться за международным решением этого вопроса [22, 259—261. old.].

Несговорчивость Праги объяснялась ее надеждами на сепаратную договоренность с руководителем СКК в Венгрии маршалом Ворошиловым о трансфере еще 200 тыс. венгров из Словакии. Кроме того, задача гомогенизации населения Чехословакии оставалась для Э. Бенеша исключительно важной. Выступая с речью в Карловом университете 15 декабря 1945 г., он выделил четыре области проведения революционных преобразований общества. Первой из них была названа перестройка национальных основ государства как переход от концепции «государства национальностей» к концепции «национального» государства чехов и словаков [26, с. 393].

Тем временем продолжалась выработка международных принципов мирного урегулирования. На Совещании министров иностранных дел СССР, Великобритании и США (Москва, 16—26 декабря 1945 г.) была обсуждена подготовка мирных договоров с пятью сателлитами фашистской Германии. По оценке В. М. Молотова, Э. Бевин и Д. Бирнс «согласились с предлагаемой советской стороной процедурой составления договоров» [6, док. 122, с. 337].

Для Венгрии это означало подтверждение в очередной раз мнения Москвы о восстановлении венгеро-чехословацкой границы, существовавшей до первого Венского арбитража.

В январе 1946 г. Я. Дьёндёши направил главе советской миссии в Венгрии (с октября 1945 г.) Г. М. Пушкину еще два письма. В них, по мнению последнего, критиковался Трианонский договор 1920 г. и излагались общие позиции Будапешта в вопросе заключения нового мирного договора. Пушкин отмечал также, что «как и в первом письме (от 14 августа 1945 г. — А. С.), Дьёндёши и в этом случае проводит идею ревизионизма» [21, л. 2].

В конце декабря 1945 г. венгерский МИД, находясь под сильным внешним, в том числе и советским, давлением, решился на возобновление переговоров по обмену населением и выработал обновленный вариант своих предложений. В январе 1946 г. они должны были начаться, но до этого дело не дошло. Причем В. Клементис еще и считал, что венгры умышленно затягивают их начало [12, dok. č. 84, s. 184]. Между тем, Я. Дьёндёши на 80-м заседании венгерского правительства 16 января 1946 г. (пункт 3 повестки дня) сообщил о перипетиях возобновления переговоров. В начале января Венгрия предложила начать их в Будапеште, но чехословацкий кабинет из-за врачебного запрета Клементису предпринимать дальние поездки вновь выдвинул Прагу местом встречи. Венгерская сторона согласилась с этим. Премьер-министр З. Тилди подчеркнул, что проблема словацких мадьяр это часть общевенгерского вопроса [22, 536, 537. old.].

В ходе подготовки к переговорам было выработано предложение МИД Венгрии по содержанию соглашения об обмене населением от 30 января 1946 г. Оно включало следующие положения: венгерские словаки могут при желании переселиться в ЧСР и получить ее гражданство; Венгрия примет равное число словацких мадьяр, которые потеряют чехословацкое гражданство; процедурой переселения займются совместные чехословацко-венгерские комиссии, а Будапешт направит в Братиславу своего специального наблюдателя; будут продолжены переговоры об оставшихся в ЧСР венграх; Чехословакия остановит депортацию венгров [22, 649—641. old.]. Казалось, что проблема идет к своему разрешению. 31 января Я. Дьёндёши, считая, что документ согласован и выработан, запросил на 83-м заседании правительства (пункт 30 повестки дня) полномочия на подписание соглашения и получил их [22, 617. old.].

Второй раунд венгеро-чехословацких переговоров состоялся 6—10 февраля 1946 г. в Праге. Только там венгерской делегации стало известно, что чехословацкая сторона намерена отклонить новый пакет ее предложений, где шла речь о совместных комиссиях для подбора переселенцев и участия в процедуре обмена представителей союзных держав. Однако переговоры, инициаторами которых, в отличие от первого тура, были венгры, все же начались. Клементис опять заявил о стремлении решить проблему венгерского меньшинства полностью и окончательно, а обсуждение вопроса об обмене населением явилось бы лишь первым шагом к тому. Дьёндёши, строго следуя формату переговоров, ответил, что имеет полномочия только для обсуждения равного обмена населением. Обсуждение было трудным. Венгерская делегация в итоге согласилась с отбором вынужденных переселенцев из Словакии местными органами власти. В последний день переговоров был составлен общий проект договора об обмене венгерским и словацким населением [10, с. 248, 249].

27 февраля 1946 г. венгеро-чехословацкое соглашение о равноценном обмене населением в 14 статьях было подписано В. Клементисом и Я. Дьёндёши в Будапеште. Его содержание ознаменовало некоторое смягчение максималистских позиций чехословацкой стороны. Оно означало возможность сохранения венгерского меньшинства в Словакии, по крайней мере, до мирной конференции, так как вводились известные правовые нормы вместо произвольной депортации. Так, венгры, добровольно согласившиеся на обмен, могли продать свою недвижимость или получить за нее компенсацию. Движимое имущество они могли взять с собой или обменять его на имущество словаков, переселяемых из Венгрии. Венгры, которые

не соглашались на обмен, относились к разряду выселяемых, кроме тех, кто смог или захотел получить чехословацкое гражданство. Получить же его могли те венгры, которые не имели вины перед ЧСР или решились на ресловакизацию [11, dok. č. III/4, s. 133–141]. Протокол к соглашению предусматривал приостановку выселения словацких мажар в Венгрию и их переселения по Чехословакии, а также конфискацию принадлежащего им имущества [27, 14. dok., 69–77. old.]. Подписывая это соглашение, новое правительство Ференца Надя (функционировало 4 февраля 1946 — 31 мая 1947 г.) стремилось предотвратить еще более серьезный ущерб венгерской нации. В кругах венгерской оппозиции оно получило самые резкие оценки. Правый депутат парламента, лидер Партии свободы Дежё Шуйок отметил в своих мемуарах, что соглашение было «пощечиной венгерской нации», полностью подчиняло ее интересы «коммунистическому чехословацкому империализму и превращало венгров во второстепенную нацию по отношению к словакам» [5, с. 109].

Начало реализации соглашения об обмене населением накануне Парижской мирной конференции (февраль — июль 1946 г.). Проблема венгерского миноритета в Чехословакии оставалась нерешенной. Прага и Будапешт должны были искать дальнейшего согласия, в противном случае оставляли за собой право вынести вопрос на рассмотрение мирной конференции. Однако согласия пока не предвиделось.

Тем временем в феврале — апреле 1946 г. в Лондоне в формате Совещания заместителей министров иностранных дел великих держав проходило дальнейшее согласование и подготовка текстов мирных договоров с сателлитами Германии. В этой связи Г. М. Пушкиным была разработана справка «О подготовке Венгрии к мирному договору» от 19 февраля 1946 г. В ней обращалось внимание на то, что венгерское правительство в основу своей политики по территориальным вопросам и проблеме положения венгерского меньшинства в соседних странах поставило «принцип этнических границ в надежде, что он гарантирует от обвинений в ревизионизме» [21, л. 6]. По мнению Пушкина «пределом венгерских территориальных требований может быть область, отошедшая от Чехословакии к Венгрии по так называемому первому Венскому арбитражу. Но на такое решение вопроса венгры не рассчитывают». Поэтому Венгрия «удовлетворилась бы вполне» получением Житного острова, заселенного преимущественно венграми. В этом случае Венгрия, сообщил Пушкин, могла бы «пойти на уступки Чехословакии относительно предоставления ей плацдарма на правом берегу Дуная в районе Братиславы и предоставления ей территории, правда, незначительной в других пунктах, чего Чехословакия добивается». По заявлению Дьёндёши, в случае таких территориальных изменений венгерский вопрос в Чехословакии утратил бы свою актуальность [21, л. 7]. Пушкин также сообщал, что в отличие от Трансильвании ни англичане, ни американцы не обещают поддержки венграм на Парижской мирной конференции в деле «отторжения части территории от Чехословакии» [21, л. 9].

Решением политбюро ЦК ВКП(б) от 21 марта 1946 г. были утверждены директивы для советской делегации на совещании заместителей министров иностранных дел «О мирном договоре с Венгрией», которые практически повторяли предложения для I сессии СМВД [6, док. 138, с. 392]. Однако вскоре появились «Дополнения к директивам от 21 марта 1946 г. по мирному договору с Венгрией». Ими советской делегации предписывалось поддержать дополнительное переселение 200 тыс. венгров, однако не рекомендовалось соглашаться на лишение их прав меньшинств. На этом фоне Прага, не ставя в известность Будапешт, разработала специальный меморандум к великим державам, который был передан их представителям 3 апреля. В нем излагалась фактически заявка Чехословакии на получение пяти сел на венгерском берегу Дуная, трансфер (сверх квоты по договору о переселении) 200 тыс. и ресловакизацию 250 тыс. словацких венгров [10, с. 260–262].

В Чехословакии для придания большей политической легитимности декретам президента все они, в том числе и касающиеся венгерского меньшинства, были подняты в правовом

статусе и объявлены законами, что произошло согласно конституционному закону № 57 от 28 марта 1946 г. [7, dok. č. 16, s. 409]

Требование Чехословакии, чтобы Венгрия подписала еще одно соглашение о дополнительном принятии 200 тыс. словацких венгров, усугубляло положение. Если же новое соглашение не было бы заключено, Прага грозила лишить оставшихся венгров всех прав меньшинств и расселить их по стране для ускоренной ассимиляции. Так, 2 апреля 1946 г. Вышинский принял министра транспорта ЧСР Губерта Рипку и чехословацкого посла в Москве Йиржи Горака. Рипка сообщил, что Будапешт требует от Праги выселения в Венгрию «излишка» в 150—200 тыс. словацких мадьяр «вместе с землей», квалифицировав это как попытку изменения границ ЧСР. Далее он злорадно заметил: «В крайнем случае, Венгрия хочет, чтобы СССР, США и Англия дали ей соответствующий совет» [28, л. 51, 52]. В информационной телеграмме Горака от 4 апреля по итогам встречи акцентировалась настойчивость их просьбы о советском содействии в деле трансфера 150—200 тыс. венгров. Горак также обратил внимание, что Вышинский отзывался о Венгрии более жестко, чем прежде, и именовал ее правительство кабинетом «модных демократов» [12, dok. č. 95, s. 202].

Прага искала и находила партнеров по антивенгерской политике. Еще в июле 1945 г. в Венгрии весьма оптимистично воспринималась перспектива развития отношений с Югославией. Это выразилось в положительной оценке местных выборов в Воеводине, в результате которых мадьяры получили несколько должностей в местном самоуправлении этого югославского края. В сентябре 1945 г. Будапешт решил поддержать Югославию в ее борьбе за Триест, надеясь на ответную помощь в нормализации венгеро-чехословацких отношений [17, s. 134, 135]. В беседе с Молотовым 28 марта 1946 г. Г. Рипка обмолвился, что «чехи и югославы детально договорились» об общей позиции в вопросе о выселении венгерского меньшинства [6, док. 139, с. 398]. 23 апреля чехословацкий и югославский послы в СССР Й. Горак и В. Попович предприняли на приеме у Вышинского совместный чехословацко-югославский демарш о трансфере венгров из ЧСР. Вышинский поддержал его, считая, что «с выселением венгров необходимо решить проблему раз и навсегда», нужно лишь найти «правильные технические подходы и решения» [12, dok. č. 104, s. 225]. После утечки информации сведения об этой активности дошли до Парижа. Венгерский посланник во Франции Пал Ауэр, который координировал подготовку Венгрии к мирной конференции, сообщал 4 мая 1946 г. в свой МИД (вся венгерская шифропереписка конспиративным образом была известна Москве), что ему советуют в местных дипломатических кругах согласиться на мотивированные претензии Чехословакии в том случае, если «наши претензии будут признаны и тогда можно будет разговаривать о взаимном исправлении границы» [21, л. 66].

Поэтому венгерские дипломаты в Москве кроме историко-правовой аргументации и обстоятельств целесообразности активно задействовали и эмоциональный фактор, на что в сложившейся ситуации вполне имели право. Венгерский поверенный в делах в СССР Иштван Гомбо на встрече с заместителем наркома иностранных дел В. Г. Деканозовым 12 марта 1946 г. обсудил подробности проходящего обмена населением и передал масштабный меморандум, в котором были особо каталогизированы «венгерские обиды» [24, 3. dok., 19—30. old.]. Дьюла Секфью, приступивший вскоре к обязанностям посланника, в ходе первого протокольного визита 29 марта 1946 г. акцентировал внимание А. Я. Вышинского на том, что «Венгрия пережила великий кризис в своей истории» [23, док. 84, с. 135].

В Венгрии весной 1946 г. каждая из коалиционных партий, входивших в правительство З. Тилди, выработала свои предложения касательно содержания мирного договора. Независимая партия мелких хозяев считала единственным возможным выходом для урегулирования пограничных отношений с ЧСР внесение поправок в существующие границы. Социал-демократическая партия, напротив, не видела возможности для пересмотра границ. Компартия Венгрии выступила с внешнеполитической инициативой проведения советско-венгерских

переговоров по проблемам мирного урегулирования, включая положение венгров в ЧСР. Гражданская демократическая партия, не питая иллюзий по поводу мирного договора, не отвергла, но фактически поддержала требование изменения границ. Для Венгерской радикальной партии главным было предусмотреть в мирном договоре защиту прав трех миллионов венгров, оказавшихся миноритерами в соседних странах [5, с. 103—104]. Большинство политических сил Венгрии сходились во мнении, что определяющим в решении ее проблем является советский фактор.

9—18 апреля 1946 г. в Москве находилась венгерская правительственная делегация во главе с премьер-министром Ференцем Надем, имевшая задачу обеспечить свое участие в подготовке мирного договора и обсудить положение венгров в Словакии. На первом же приеме у Молотова 9 апреля Я. Дьёндёши буквально сразу после приветственных фраз заявил, что соглашение об обмене населением «решает лишь одну часть проблемы, ибо число чехословаков, желающих добровольно переселиться в Венгрию, составляет 50 тыс. чел., а количество венгров, проживающих в Чехословакии, по чехословацким данным, равно 650 тыс.». Дьёндёши считал, что после предполагаемой ресловакизации 200 тыс. словацких венгров и переселения еще 50 тыс. в Венгрию по соглашению в Чехословакии останется 400 тыс. мадяр. По его мнению, им угрожала опасность выселения или переселения в другую часть ЧСР. Судя по протоколу беседы, Молотов интересовался лишь арифметикой подсчетов, но не уделил внимания принципам обмена. Поэтому Дьёндёши сообщил Молотову о своей позиции на переговорах в Праге, где он указывал: «если выселить из Чехословакии всех венгров, то правительство Чехословакии должно дать им землю». При этом он убеждал Молотова, что это предложение «нельзя рассматривать как стремление к территориальной ревизии». Однако внятной реакции советского министра не прозвучало [6, док. 141, с. 403, 404].

Во время приема Сталиным 10 апреля всей венгерской делегации Ф. Надь заявил, что «Чехословакия хотела ликвидировать национальные меньшинства средствами, до сих пор неизвестными». Реально же он видел два способа решения проблемы словацких венгров — наложить на Чехословакию обязательство «обеспечить для венгерского меньшинства условия равноправия» или часть чисто венгерских областей с компактным венгерским населением «вернуть Венгрии с тем, чтобы в случае дальнейшего стремления Чехословакии ликвидировать национальные меньшинства иметь возможность разместить это население». Сталин, предлагая венграм стать на путь обмена населением, заметил, что «при обмене дело не в количественном равенстве». При этом он дал своеобразное объяснение словацко-венгерского конфликта, фактически выгораживающее Прагу: «чехи хотят удовлетворить все просьбы словаков, которые неохотно остались в составе Чехословакии. Словаки хотят расправиться с венграми, а чехи не противодействуют этому». Поэтому для Венгрии лучше получить из ЧСР венгров по обмену, так как там они будут денационализированы [6, док. 142, с. 413, 414].

В беседу активно и напористо включились и другие члены венгерской делегации. Я. Дьёндёши подчеркнул, что соглашение об обмене населением построено на принципах добровольности и паритетности. Однако к концу широкой пропагандистской кампании, проводившейся в Венгрии чехословацкой комиссией, стало ясно, что вместо ожидаемых 150—200 тыс. венгерских словаков согласятся на переселение в Чехословакию не более 50—60 тыс. Остальные же не захотят покинуть Венгрию, так как «привязаны к своей земле больше, чем к своему языку». Имея в виду очевидное намерение Чехословакии «перебросить венгров в Венгрию», Дьёндёши твердо заявил о необходимости создать для них экономические условия жизни. Это могло быть достигнуто «лишь путем передачи Венгрии части территории и экономической компенсации лиц, которые будут переселены». Заместитель премьер-министра, генсек социал-демократической партии Венгрии Арпад Сакашич заметил, что сотни тысяч оставшихся в ЧСР бесправных венгров «будут носителями ирредентизма и ревизионизма, как это уже имело место в Трансильвании». Выслушав все аргументы, Сталин кон-

статировал безжалостные выводы — венгры хотят включить в мирный договор вопрос о положении венгерского национального меньшинства, с Прагой по этой проблеме договориться не удалось, чехословаки не согласятся уступить Венгрии территорию. Обещание Сталина «постараться уладить это дело» было тут же совершенно нивелировано его указанием на то, что «чехи боятся словаков и уступают им по всем вопросам, в том числе и по этому вопросу» [6, док. 142, с. 414, 415]. В чешской литературе имеется мнение о стремлении венгерской делегации максимально использовать на переговорах влияние венгерских коммунистов-членов делегации, что не принесло ощутимых результатов [16, с. 195—201].

Наивные в политическом отношении иллюзии венгерского руководства касательно позиции Москвы все еще не были изжиты. 24 апреля 1946 г. Я. Дьёндёши заявил на заседании Комитета по иностранным делам венгерского парламента, что СССР поддерживает Венгрию против ЧСР [17, с. 220]. 2 мая Ф. Надь сделал в парламенте доклад о результатах переговоров. Он заявил, что мирные цели Венгрии направлены главным образом на защиту интересов венгров, живущих вне границ Венгрии, но они, «естественно, также включают территориальные требования, которые неизбежны для выживания венгерской нации для ее будущего развития». Однако в ходе дебатов по докладу никто из представителей коалиционных партий, на удивление, не затронул этого последнего требования [5, с. 104].

В рапорте Д. Секфью от 3 мая 1946 г. о пребывании в Москве делегации во главе с Надем есть важное сообщение, касающееся беседы Секфью с югославским послом В. Поповичем. Представляют интерес два сюжета этой беседы — Попович, который имел хорошие отношения с рядом высоких советских руководителей, уверил Секфью, что после аграрной реформы, национализации крупных предприятий и чистки госаппарата в Венгрии у Москвы есть к ней доверие. Кроме того, он сообщил, что советская сторона «будет препятствовать преследованию венгров в Чехословакии». Однако принято считать, как был убежден Попович, что советское руководство отвергало саму возможность постановки вопроса о территориальных требованиях Венгрии к Чехословакии [24, 8. dok. és 6. jegyzetek, 42, 43. old.].

Бесправные и гонимые словацкие венгры не имели возможностей для политической самоорганизации. Лидер Венгерской партии в первой Словацкой республике Янош Эстерхази был в конце войны объявлен в розыск гестапо за спасение евреев и словаков, но в итоге оказался арестованным советскими военными властями после прихода Красной Армии в Братиславу, затем осужден в СССР, позже выдан Чехословакии, где умер в тюрьме в 1957 г. Поэтому единственным проявлением общественного самовыражения стали подготовленные венгерскими интеллектуалами из Словакии политико-публицистические меморандумы, в которых содержались исторические ретроспективы отношений между венграми и словаками, описывался трагизм положения гражданского венгерского населения в послевоенной Словакии. Одним из первых был меморандум Режю Пеири (1904—1977) «О ситуации венгров в Словакии» (октябрь 1945 г.). В 1946 г. стали известны меморандумы Режю Салатнаи (1910—1977) «Венгры на территории ЧСР в 1938—1945 гг.» и Режю Пеири «Богатый урожай семи бедных лет: Уроки для венгров в Словакии из второго миноритарного периода (1938—1945)». Наиболее масштабным и влиятельным явился документальный меморандум-обращение Золтана Фабри (1897—1970) «Слово обвиняемого: Документы из истории венгров в Словакии, адресованные чешской и словацкой интеллигенции» (май 1946 г.), который представлял собой внушительного объема брошюру из 14 разделов [29, с. 707—859]. К сожалению, приходится констатировать, что меморандумы, как способ и форма самовыражения словацких мадьяр, не оказали заметного воздействия на реальный ход событий.

Реализация венгеро-чехословацкого соглашения от 27 февраля 1946 г. о равноценном обмене населением была осложнена диаметрально противоположными позициями сторон. Прага хотела путем обмена населения превратить районы компактного проживания венгров в новые словацкие этнические зоны. Будапешт же отказывался принимать такое количество

переселенцев, какое предлагали словацкие власти. Поэтому соглашение фактически не выполнялось, принося новые конфликты. Так, Прага, стремясь ускорить переселение в Венгрию словацких мадьяр, в ответ на отказ Будапешта принимать транспорты с переселенцами, запретила пропуск через свою территорию потока венгерских немцев, направлявшихся в советскую зону оккупации Германии. Несмотря на неудобства, причиняемые Москве чехословацко-венгерским противостоянием, она обретала в этих условиях выгодную роль арбитра. Обнадеживая то одну, то другую сторону конфликта, советское руководство разыгрывало «национально-территориальную карту» для усиления своего влияния на политические процессы в обеих странах и укрепления позиций коммунистов в их властных системах [9, с. 545, 546]. Однако эти действия больше походили на рефлекторные движения политического гегемона, который предусмотрительно опасался прямого дирижирования и настойчиво подталкивал процесс урегулирования к формату двусторонней схватки.

Анализ обстоятельств чехословацко-венгерского конфликта и поиск политически небескорыстных способов его урегулирования приобрел самый широкий характер и шел во всех основных центрах международной политики. Так, В. М. Молотов, находившийся в Париже в связи с открытием II сессии СМВД (25 апреля — 6 мая и 15 июня — 12 июля 1946 г.), принял 30 апреля 1946 г. представителя чехословацкого правительства Вавро Гайду по вопросу переселения словацких венгров. Им было еще раз авторитетно подтверждено, что в Венгрии проживало всего лишь 100 тыс. словаков и после претворения в жизнь соглашения 27 февраля число венгров в Чехословакии уменьшилось лишь на 100 тыс. Поэтому начала проводиться политика денационализации (ресловакизации) венгров в расчете сократить их число еще на 100 тыс. человек (реально к концу 1948 г. только 20 тыс. венгров отказались от своей национальности). Но и после всех этих мер и расчетов оставалось еще 200 тыс. венгров, которые представляли собой «угрозу внутренней и внешней безопасности» Чехословакии и выступали как «враги создания чехословацкого национального государства». Поэтому Прага не усматривала «никакой другой возможности, кроме постановки этого вопроса (трансфера словацких венгров в Венгрию. — А. С.) на мирной конференции». Молотов же советовал договориться с венграми «на той базе, на которой СССР договорился с Польшей о переселении населения (имелись ввиду достигнутые договоренности, вскоре воплотившиеся в Советско-польское соглашение об обмене населением от 6 июля 1946 г. — А. С.)». Правда, Молотов сделал оговорку касательно словацко-венгерской проблемы, однако весьма легковесную и неконкретную: «Здесь есть некоторые трудности, но их можно преодолеть». Далее, выпытывая у Гайду информацию о негативном отношении англо-американцев к проблеме выселения венгров, Молотов заключил беседу упреком: «надо было более энергично действовать сразу после окончания войны. Трудно ставить такой вопрос на мирной конференции» [28, л. 58—64; 6, док. 147 и примеч. 4, с. 429, 431—433].

9 мая 1946 г. А. Я. Вышинский встретился в Париже с чехословацким послом во Франции Вацлавом Носеком и В. Гайдю. Последний резко обозначил проблему — прямые переговоры с Венгрией безрезультатны и в последнее время она сводит вопрос к обсуждению прав венгров в ЧСР. Вышинский, явно поддразнивая чехов, напомнил, что Будапешт готов принять пресловутые 200 тыс. словацких мадьяр, но с землей, что вызвало бурные аргументы Носека и Гайдю о достаточном количестве земли в Венгрии в связи со значительным сокращением ее населения. Далее чехи принялись обвинять соседнюю страну в намерении использовать остающихся в ЧСР венгров как предлог для ревизии в будущем границы двух стран [28, л. 68, 69].

Высокую активность в продвижении интересов Праги развил чехословацкий посол в Москве Й. Горак. На приеме у В. М. Молотова 22 мая 1946 г. он жаловался на невыполнение венгерской стороной соглашения об обмене населением от 27 февраля, сообщил о чехословацкой ноте протеста Будапешту по этому поводу [28, л. 84; 13, док. 100, с. 302]. 13 июня Й. Горак направил Молотову памятную записку по проблеме трансфера. В ней приводился

прихотливый аргумент — хотя в Чехословакии и насчитывается 500 тыс. венгров, из них «настоящими венграми являются лишь 200—250 тыс., а остальные были записаны в венгры немцами». На приеме у заместителя министра иностранных дел СССР С. А. Лозовского 21 июня Й. Горак обыгрывал новое обстоятельство — Венгрия не желает производить обмен населением, ссылаясь на перенаселенность, но у нее имеется 900 тыс. га свободной земли, с которой «венгерское правительство не знает, что делать». Он также выдвинул новые обвинения в адрес венгерского меньшинства, которое «насуточно необходимо выселить»: несмотря на все льготы межвоенного периода, «это нацменьшинство предало свою вторую отчизну при первой же возможности. Чехословацкое правительство и народ не хотят больше повторения Мюнхена» [28, л. 92—95; 13, док. 102, с. 307, 308]. Такую напористую линию поведения продолжил и госсекретарь по внешним делам ЧСР В. Клементис на приеме у А. Я. Вышинского 1 июля, где он остро поставил вопрос о том «как быть дальше и как воздействовать на венгров», чтобы вынудить их произвести полный обмен населением. Однако Вышинский мог лишь посоветовать «пытаться найти согласованное с венграми решение», что соответствовало уже высказанным в апреле рекомендациям Сталина и Молотова [13, док. 105, с. 314]. Горак на встрече с Вышинским 16 июля 1946 г. вновь говорил о «по меньшей мере, 700—900 тыс. га свободной земли», появившейся после земельной реформы в Венгрии, на которой можно расселить всех «венгров, выдворяемых из Чехословакии» [28, л. 108].

Процесс размежевания по национальному признаку резко обозначился даже в среде словацких коммунистов. 2 июля 1946 г. состоялась беседа руководства Словацкой компартии (генсека Мошковича и начальника партийных кадров Бецилека) с делегацией из пяти словацких коммунистов венгерского происхождения. Мошкович заявил, что партия «не нуждается в тех венгерских антифашистах, которые не принимают словацкого гражданства». Было также заявлено, что независимо от решений ПМК словацкое правительство «желает, чтобы все учили словацкий язык, а лица, не изучающие его, будут выселены в Венгрию или расселены в словацких провинциях». Все заинтересованные стороны оценили важность прозвучавших заявлений. Отчет о содержании беседы был сделан и в письме Союза венгерских антифашистов М. Ракоши, и в рапорте советского посланника в Венгрии Г. М. Пушкина заместителю министра В. Г. Деканозову [30, л. 130].

Будапешт в это же время пытался найти хоть какую-нибудь поддержку у Запада, что выразилось в июне 1946 г. в дипломатическом круизе высокопоставленной венгерской делегации в составе премьер-министра Ф. Надя, министра иностранных дел Я. Дьёндёши, лидера КПВ М. Ракоши, видного социал-демократического деятеля и министра юстиции Иштвана Риеша и экономического эксперта (с августа 1946 г. — министр финансов) Енё Раца. В США состоялись их встречи с президентом Г. Трумэном и госсекретарем Джеймсом Бернсом. Были обсуждены экономические вопросы, но проблема границ не поднималась. В ходе следующего визита в Великобританию Надь был уже менее сдержан. Он заявил, что если Чехословакия продолжит выселять мадьяр, то пусть выселяет их с землями. На что получил отрезвляющий ответ англичан: «Мы, после Мюнхена, таких советов чехам давать не будем». Во время визита во Францию выяснилось, что ее правительство не желает формулировать и занимать решительную позицию по интересующим Венгрию проблемам. В Париже Надь вновь встретился с находившимся там главой Форин офис Эрнстом Бевином. На просьбу Надя поднять в очередной раз в СМИД вопрос о Трансильвании и проблему обеспечения прав мадьяр в Чехословакии Бевин ответил отказом [17, s. 238, 240, 241, 243]. Очевидно, что масштабная внешнеполитическая акция Будапешта не принесла никакого результата.

Между тем II сессия СМИД к концу своей работы разработала проект мирного договора с Венгрией. В нем имелось существенное примечание: «Настоящий текст должен рассматриваться как условно принятый до тех пор, пока правительства Чехословакии и Венгрии не будут иметь возможность изложить Мирной конференции или СМИД свои точки зрения по этому

вопросу» [31, л. 3]. Однако Дьёдьёши не стал ждать и направил в секретариат СМИД письмо о бедственном положении словацких мадьяр, которым было предложено либо письменно заявить о своем словацком происхождении, либо, сохранив венгерскую национальность, лишиться всего имущества и быть отправленным к венгерской границе для депортации. Советская делегация 17 июля официально получила это письмо из секретариата [32, л. 72].

В преддверии ПМК Будапешт стремился разобраться в общих направлениях советской внешней политики и особенно ее венгерском векторе. Интерес к этим проблемам прослеживается в письме генсека ЦК КПВ Матьяша Ракоши (Розенфельда) Сталину 2 июля 1946 г. [33, 95—98. old.] Обширный рапорт на эту тему был подготовлен 8 июля 1946 г. секретарем венгерского посольства в Москве Ференцем Кименьи [24, 18. dok., 61—75. old.]. Неутешительный для Будапешта вывод касательно позиции Москвы по отношению к Венгрии позже сформулировал Ф. Надь в своих мемуарах, отметив, что СССР не хотел поддерживать государство, которое он не мог полностью контролировать [17, s. 244].

Что касается чехословацкого руководства, то оно накануне мирной конференции обобщило и суммировало свои претензии к Будапешту и просьбы к Москве в ходе визита в СССР 20—25 июля 1946 г. Так, 22 июля К. Готвальд, Я. Масарик, В. Клементис, Й. Горак на встрече с Молотовым, Вышинским, Микояном и Зориным вручили «Чехословацкие примечания к проекту мирного договора с Венгрией». Были также обсуждены ключевые для Праги положения: использование формулировок, исключающих возможность возрождения венгерского ревизионизма; обещание Молотова внести этот пункт на обсуждение Комиссии по политическим и территориальным вопросам для Венгрии; просьба Праги к СКК для Венгрии принудить Будапешт к полному исполнению положений договора об обмене населением от 27 февраля. При этом Молотов заверил чехов о твердой поддержке советской делегацией на ПМК идеи дополнительного трансфера [12, dok. §. 113, s. 249]. В тот же день советский посол в Праге И. А. Чичаев (еще с мая 1945 г. — резидент советской внешней разведки в Чехословакии) незамедлительно сообщил Вышинскому свои выводы об этих примечаниях: Будапешт должен отказаться от «идеи Великой Венгрии и всех территориальных требований, которые могли бы быть на основании Короны Св. Стефана применимы в ущерб Чехословакии» [21, л. 53].

В Венгрии шла напряженная работа по выработке концепции ведения мирных переговоров. 19—24 июля 1946 г. проблема горячо обсуждалась во Внешнеполитическом комитете венгерского парламента. Член политбюро ЦК КПВ Йожеф Реваи считал правильным выдвинуть территориальные требования не только к Румынии, но и к Чехословакии, однако уже не на этнической, а на экономической базе. Он предлагал требовать возвращения Рожнявы и Елшавы — двух городов в Словацком Рудогорье, а также района Спишско-Гемерского Карста — одного из горных хребтов Словацкого Рудогорья Внутренних Западных Карпат. В результате обсуждения были согласованы позиции для мирных переговоров и утвержден объемный проект меморандума, составленный отделом подготовки к мирной конференции МИД Венгрии. В проекте подчеркивалось очевидное противоречие между двумя базовыми концепциями Праги — ЧСР должна быть национальным государством чехов и словаков, ЧСР должна существовать в границах 1938 г. Указывалось, что Венгрия не имела претензий к СССР и Югославии. Касательно Чехословакии говорилось, что, уступив Советскому Союзу Закарпатскую Украину, она добровольно отказалась от принципа своей территориальной целостности в довоенных границах и «встала на путь самоопределения народов». Проект содержал вывод: «Нет никакой причины и нравственной основы не применить принцип самоопределения и в венгерском вопросе. Чехословакия не может настаивать на старых границах, если она не намерена сама разрешить вопросы о правах венгерского меньшинства». Исходя из этого предлагался серьезный шаг: «Провести венгерско-чехословацкую границу в соответствии с этнографическим принципом», присоединив как можно больше мадьяр к Венгрии, по возможности сократив их численность за границей [17, s. 248, 249].

Прямо в дни парламентских дискуссий в Будапеште 1 Главное управление МГБ СССР направило 22 июля Вышинскому данный проект меморандума. В сопроводительном документе отмечалось, что «документ получен неофициальным путем» и еще в конце июня был в целом одобрен Внешнеполитическим комитетом венгерского парламента [21, л. 72]. Содержание проекта, поступившего в МИД из МГБ, было идентично тексту, обсуждавшемуся в Будапеште [21, л. 73—85].

Многочисленные венгерские обращения к советскому руководству в 1945 г., а также обеспокоенность по поводу методов выселения венгров из Словакии и пропорций готовившегося обмена населением, высказанная на переговорах в апреле 1946 г., вовсе не получали ответа Москвы или сопровождалась ее расплывчатыми успокоительными обещаниями. Тем не менее у Будапешта сохранялись некоторые надежды и иллюзии. Поэтому безоговорочная поддержка советским руководством чехословацких планов выселения мадьяр из Словакии на переговорах в июле 1946 г. расценивается в новейшей венгерской историографии как проявление двуличия [17, s. 219].

29 июля 1946 г. открылась Парижская мирная конференция, которую с надеждой ожидали и в Чехословакии, и в Венгрии. Ее решения и их реализация ознаменовали заключительный этап в урегулировании затяжного словацко-венгерского конфликта.

Выводы. События мая — сентября 1945 г., связанные с антивенгерскими акциями в Словакии, потсдамскими решениями и подготовительной работой к I сессии СМВД, свидетельствовали о важном рубеже. Чехословакии не удалось явочным образом реализовать свои намерения полностью избавиться от венгерского меньшинства с использованием административных и репрессивных методов. В качестве основного способа решения проблемы стал вырисовываться обмен населением, однако вовсе не такого масштаба, как предполагала Прага, постоянно преувеличивавшая в своих аргументах численность словаков в Венгрии. Очевидным оставался факт примерно пятикратного превосходства численности словацких венгров над венгерскими словаками, зафиксированный материалами еще чехословацкой и венгерской переписей населения 1930 г. — соответственно свыше 500 тыс. венгров и около 100 тыс. словаков.

Готовившиеся двусторонние переговоры об обмене населением были тесно связаны с нараставшими по жесткости чехословацкими мерами касательно конфискации имущества венгров и проблемы их гражданства. Переговоры проходили в два этапа в Праге. На первом этапе 3—6 декабря 1945 г. чехословацкая сторона исходила из равного обмена населением — добровольного трансфера словаков из Венгрии и вынужденного трансфера такого же количества венгров из Словакии. Остальные словацкие венгры подлежали насильственному выселению с конфискацией всей их собственности. Венгрия даже обмен считала негуманным, но соглашалась провести его под англо-американским и советским контролем. Оставшиеся после обмена венгры должны были получить права в самой Словакии. Венгрия высказывала готовность принять и их, но лишь вместе с территорией, на которой они проживают. Ввиду абсолютной непримиримости сторон переговоры зашли в тупик и были отложены. Несговорчивость Праги объяснялась ее надеждами на содействие СССР. Кроме того, гомогенизация населения Чехословакии оставалась для Э. Бенеша важнейшей целью. Именно в это время он выдвинул задачу перехода от концепции «государства национальностей» к концепции «национального» государства чехов и словаков. Одновременно союзники в ходе выработки международных принципов мирного урегулирования согласились с мнением Москвы о восстановлении венгеро-чехословацкой границы, существовавшей до первого Венского арбитража.

На втором раунде венгеро-чехословацких переговоров 6—10 февраля 1946 г. чехословацкая сторона отклонила новый пакет венгерских предложений, где шла речь о совместных комиссиях для подбора переселенцев и участия в процедуре обмена представителей союз-

ных держав. Венгерская делегация в итоге согласилась с отбором вынужденных переселенцев из Словакии местными органами власти. В последний день переговоров был согласован проект документа об обмене населением. 27 февраля 1946 г. венгеро-чехословацкое соглашение о равноценном обмене населением было подписано в Будапеште. Его содержание означало даже некоторое смягчение максималистских позиций Праги. Оно означало возможность сохранения венгерского меньшинства в Словакии, по крайней мере, до мирной конференции, так как вводились известные правовые нормы вместо произвольной депортации. Однако на деле проблема венгерского меньшинства и его положения в ЧСР оставалась нерешенной, а соглашение нуждалось в реализации.

В первой половине 1946 г. шло согласование и подготовка текста мирного договора с Венгрией. В этих обстоятельствах Прага потребовала от Будапешта дополнительного (сверх квоты по договору о переселении) принятия еще 200 тыс. словацких мадьяр. Венгрия вновь готова была принять и их, но только «вместе с землей», на которой они проживали, что в ЧСР квалифицировали как попытку изменения границ. Стремление венгерской дипломатии получить поддержку или хотя бы понимание у советской стороны и в ходе визита венгерской делегации в Москву в апреле 1946 г., и во время встреч с руководителями советской внешней политики в Париже в рамках II сессии СМВД не принесли ожидаемых результатов. Однако обещания и недомолвки Москвы сохраняли у Будапешта некоторые иллюзии. Они рассеялись по результатам визита в СССР чехословацкой делегации как раз накануне открытия Парижской мирной конференции — Москва полностью поддержала планы ЧСР по выселению всех венгров из Словакии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Сальков А. П. Проблема границ и национальных меньшинств в чехословацко-венгерских отношениях (ноябрь 1918 — март 1939 г.) // Рос. и славян. исслед. Минск : БГУ, 2012. Вып. VII. С. 9—28.
2. Сальков А. П. Словацко-венгерский национально-территориальный конфликт и международные отношения в Карпато-Дунайском регионе (март 1939 — май 1945 г.) // Рос. и славян. исслед. Минск : БГУ, 2013. Вып. VIII. С. 68—96.
3. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 432 (Парижская мирная конференция, 1946 г.). Оп. 1. П. 1. Д. 2 — Стенограммы пленарных заседаний. Ч. 2.
4. Серапионова Е. П. Эдуард Бенеш: планы послевоенного развития Чехословакии и реальность // Тоталитаризм: Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом / В. В. Марьина (отв. ред.). М. : Наука, 2002. С. 113—132.
5. Ижак Лайош. Политическая история Венгрии. 1944—1990. М. : ИРИ РАН, 2006. 320 с.
6. Восточная Европа в документах российских архивов. 1944—1953 гг. : в 2 т. / Г. П. Мурашко (отв. ред.) [и др.]. М. : Новосибирск : Сибирский хронограф, 1997—1998. Т. 1 : 1944—1948 гг. 1997. 985 с.
7. Němci a Maďari v dekretch prezidenta republiky: Studie a dokumenty 1940—1945 / uspořádal Karel Jech, autoři studií Jan Kuklík jr. a Vladimír Mikule. Brno : Ústav pro soudobé dějiny ČR : Doplněk, 2003. 688 s.
8. Dekrety prezidenta republiky 1940—1945: Dokumenty. Druhé vydán / k vydán připravili Karel Jech a Karel Kaplan. Brno : Doplněk : Ústav pro soudobé dějiny ČR, 2002. 1067 s.
9. Мурашко Г. П. Судьбы венгерского меньшинства в Словакии после Второй мировой войны. Переселение или словакизация? (Трансформация позиций Москвы) // Славян. мир в эпоху войн и конфликтов XX века / Е. П. Серапионова (отв. ред.). СПб. : Алетейя, 2011. С. 540—552.
10. Желички Б. Й. Проблема выселения венгров из Чехословакии // Нац. политика в странах формирующегося советского блока. 1944—1948 / В. В. Марьина (отв. ред.). М. : Наука, 2004. С. 211—284.
11. Nemci a Maďari na Slovensku v rokoch 1945—1953 v dokumentoch / príprava a výber dokumentov: Soňa Gabzdilová-Olejníková, Milan Olejník; úvodná štúdia: Štefan Šutaj. Prešov : Universum, 2005. 259 s.
12. ČSR a SSSR. 1945—1948: Dokumenty mezivládních jednání / k vydání připravili Karel Kaplan a Alexandra Špiritová. Brno : Ústav pro soudobé dějiny ČR : Doplněk, 1997. 540 s.

13. Советский фактор в Восточной Европе. 1944—1953 гг. Документы : в 2 т. / Т. В. Волокитина (отв. ред.). М. : РОССПЭН, 1999—2002. Т. 1 : 1944—1948 гг. 1999. 687 с.
14. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17 (ЦК ВКП(б)). Оп. 128. Д. 750 — Визиты и переговоры, материалы и переписка Отдела международной информации (ОМИ).
15. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941—1945 гг. Сборник документов : в 6 т. / А. А. Громыко (гл. ред.). М. : Политиздат, 1978—1980. Т. 6 : Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав (17 июля — 2 августа 1945 г.). 1980. 551 с.
16. *Irmanová Eva*. Maďarsko v éře sovětizace: Mezinárodní a politické aspekty. Ústí nad Labem : Albis international, 2008. 378 s.
17. *Romsics Ignác*. Parížska mierová zmluva z roku 1947. Bratislava : Kalligram, 2008. 360 s.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 716 — Записки Отдела международной информации в ЦК ВКП(б). Материалы и переписка ОМИ.
19. АВП РФ. Ф. 0431/1 (I сессия СМД в Лондоне, 1945 г.). Оп. 1. П. 7. Д. 41 — Объяснительные записки к Основным положениям проекта мирного договора с Венгрией. Проект мирного договора с Венгрией, поступивший из Комиссии Литвинова.
20. Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940—1946 гг. Документы российских архивов / Т. М. Исламов (отв. ред.). М. : РОССПЭН, 2000. 456 с.
21. АВП РФ. Ф. 077 (Референтура по Венгрии). Оп. 26. П. 118. Д. 26 — Дипломатическая переписка, справки, материалы к Проекту мирного договора с Венгрией.
22. *Tildy Zoltán kormányának minisztertanácsi jegyz könyvei*. 1945. november 15 — 1946. február 4 / szerk. G. Vass István. Budapest : Magyar Országos Levéltár, 2005. 724. old.
23. Советско-венгерские отношения. 1945—1948 гг. Документы и материалы / Л. Ф. Ильичев (совет. отв. ред.), К. Эрдеи (венг. отв. ред.). М. : Политиздат, 1969. 356 с.
24. *Lázár György*. Szekf Gyula követ és moszkvai magyar követség jelentései (1946—1948) / Lajos Gecsenyi (szerk.). Budapest : Magyar Országos Levéltár, 1998. 210. old.
25. *Носкова Х.* Венгерское меньшинство в Чехословакии и словацкое — в Венгрии: решение участи // Нац. политика в странах формирующегося совет. блока. 1944—1948 / В. В. Марьина (отв. ред.). М. : Наука, 2004. С. 285—309.
26. *Марьина В. В.* Второй президент Чехословакии Эдуард Бенеш: политик и человек. 1884—1948. М. : Индрик, 2013. 488 с.
27. *Izsák Lajos, Nagy József*. Magyar Történeti dokumentumok 1944—2000. Budapest : Nemzet Tankönyvkiadó, 2004. 614. old.
28. АВП РФ. Ф. 0138 (Референтура по Чехословакии). Оп. 27. П. 135. Д. 7 — Дневниковые записки Молотова, Вышинского, Лозовского, Деканозова по проблеме чехословацко-венгерской и чехословацко-польской границы.
29. *Dodatok. Memorándá // Vadkerty Katalin*. Ma arská otázka v Československu 1945—1948. Dekréty prezidenta Beneša a ich dôsledky na deportácie a reslovakizáciu: Trilógia o dejinách ma arskej menšiny. Bratislava : Kalligram, 2002. Str. 707—859.
30. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 124 — Документы, справки, переписка ОМИ о положении в Венгрии и Чехословакии.
31. АВП РФ. Ф. 0431/II. Оп. 2. П. 6. Д. 27 — Предложения, замечания и справки членов и экспертов Советской делегации на II сессии СМД по венгерско-чехословацкой границе.
32. АВП РФ. Ф. 138. Оп. 26. П. 45. Д. 33 — Разработки, замечания и справки референтов и экспертов Советской делегации на II сессии СМД.
33. *Moszkvának jelentjük... Titkos dokumentumok, 1944—1948 / Izsák Lajos és Kun Miklós (szerk.)*. Budapest : Századvég, 1994. 292. old.

Статья поступила в редакцию 23 июня 2014 г.

СООБЩЕНИЯ





ПЕРЕСТРОЙКА В СССР В ОЦЕНКАХ ЗАПАДНЫХ ПОЛИТИКОВ

Анализируются кардинальные перемены в Советском Союзе во второй половине 1980-х гг. Рассматривается влияние перестройки в СССР на мировую обстановку, на конфигурацию международных отношений. До сих пор разброс в оценках перестроечного процесса в Советском Союзе очень велик, что обусловлено неоднозначностью этого события в Новейшей истории. Вместе с тем представители политических и общественных кругов Запада перестройку в СССР оценивают в целом положительно. Во многом это объясняется тем, что мировое сообщество с перестройкой связывало демократизацию Советского Союза, окончание холодной войны, реальное сокращение вооружений и избавление человечества от угрозы мировой термоядерной катастрофы, объединение Германии.

Cardinal changes in the Soviet Union in the second-half of the eighties — perestroika, glasnost, democratization, were answer to the ripened needs of Soviet society with its problems and unsolved contradictions. Under the conditions of globalization perestroika in the USSR had an enormous influence on world situation, after changing entire configuration of international relations. In turn the process of reforming the Soviet society underwent the noticeable action of foreign- policy factor. The spread in the estimations of the process of perestroika in the Soviet Union is very great until now. It is caused, first of all, by the ambiguity of this event in the contemporary history. At the same time the representatives of the political and public circles of the West perestroika in the USSR as a whole positively evaluate. In many respects this explains by the fact that the world community with perestroika connected the democratization of the Soviet Union, the end «Cold War», the real reduction of armaments and the deliverance of humanity from the threat of world thermonuclear catastrophe, the association of Germany, i. e., all those positive changes, which it greeted.

Ключевые слова: перестройка, процесс реформирования, демократизация, советское общество, Запад, международные отношения, мировое сообщество, холодная война.

Keywords: perestroika, process of reforming, democratization, Soviet society, the West, international relations, the world community, Cold War.

Кардинальные перемены в СССР во второй половине 1980-х гг. — перестройка, гласность, демократизация — были ответом на назревшие потребности советского общества с его проблемами и неразрешенными противоречиями. В условиях глобализации перестройка оказала огромное влияние на мировую обстановку, изменив всю конфигурацию международных отношений. Одновременно реформирование советского общества испытывало на себе воздействие внешнеполитического фактора, который во многом предопределил его дальнейшую судьбу. В соответствии с «новым политическим мышлением» советское руководство внесло существенные коррективы в основополагающие принципы советской внешней политики. Концепция «нового мышления» была озвучена М. С. Горбачевым на сессии генеральной Ассамблеи ООН в декабре 1988 г. Ее основные положения, в частности,

предусматривали: отказ от вывода о расколе мира на две враждующие политические системы; провозглашение невозможности решения международных противоречий силовыми методами; признание главенства общечеловеческих ценностей над классовыми, национальными, идеологическими, религиозными и иными [7, с. 527]. Таким образом, советская внешнеполитическая концепция была принципиально скорректирована в духе «нового мышления». Определяющей чертой международной деятельности СССР во второй половине 1980-х гг. стала ее направленность на новую практическую политику, конкретные договоренности. И в этом контексте важнейшей внешнеполитической инициативой Советского Союза была программа полной ликвидации ядерного оружия во всем мире до конца XX в.

«Теперь не то время. Та эпоха ушла». Страны Запада с большим интересом отнеслись к переменам в советском государстве, с их стороны также наметилось встречное движение. Известно, что в послевоенный период международная обстановка во многом зависела от отношений между СССР и США. Реакция США на происходившие в Советском Союзе изменения имела решающее значение в создании благоприятного международного климата для советской перестройки. Отношения с США для нового советского руководства были во многом определяющими. Данный фактор усиливал непростую ситуацию в американо-советских отношениях, сложившуюся к 1980 г., когда американским президентом стал лидер крайне консервативных кругов Р. Рейган. Он сразу открыто заявил о своем полном неприятии «безбожной доктрины коммунизма», о необходимости ликвидации «империи зла» в виде СССР. В начале правления Р. Рейгана США открыто отказались от политики разрядки, взяли курс на прямую конфронтацию с Советским Союзом, на его изматывание в гонке вооружений. Выступая в июне 1982 г. в британском парламенте, президент США призвал Запад к «крестовому походу» против коммунизма. Для первого периода президентства Рейгана характерным было его заявление по поводу невозможности вести переговоры с Советским Союзом: «Нельзя идти на компромиссы с людьми, отрицающими существование души, потустороннего мира и Бога» [6, с. 528]. Стремясь истощить до крайности советскую экономику непомерными военными расходами, Соединенные Штаты приступили к размещению в Западной Европе ракет средней дальности, объявили о крупных ассигнованиях на разработку новых видов вооружений, начали работу по программе «стратегической оборонной инициативы» (СОИ). Несмотря на сложную экономическую ситуацию в стране, СССР вынужден был принять ответные меры, что поставило мир на грань ядерной войны. Диалог, который прежде вели между собой страны, был фактически прерван.

Первые симптомы отхода Рейгана от однозначно жесткого антисоветского курса относятся к 1983—1984 гг. Подобная переориентация США определялась рядом обстоятельств. В правящих кругах США росло убеждение в бесперспективности гонки ракетно-ядерных вооружений. К тому же к этому времени США уже достигли определенных преимуществ в Европе. Осознание опасных последствий неконтролируемой гонки вооружений все шире распространялось и в массовом сознании американцев. Подобные настроения в американском обществе вынуждали Рейгана смягчить свои внешнеполитические установки и повернуть к большему реализму. В целях сохранения своих политических позиций во время президентской кампании 1984 г. он особый упор делал на необходимости поиска путей решения международных проблем путем переговоров. В своей второй инаугурационной речи Рейган заверил слушателей, что намерен «встречаться с Советским Союзом, надеясь, что сможет договориться о путях избавления мира от угрозы ядерного уничтожения» [6, с. 534].

Однако реальные сдвиги в советско-американских отношениях стали заметны лишь в 1985 г. с приходом к власти в СССР нового руководства. М. С. Горбачев сразу же начал активный поиск путей прекращения гонки вооружений и достижения соглашений с США. Уже в своей первой речи на пленуме ЦК правящей партии (март 1985 г.) он предложил заморозить ядерный арсенал и прекратить дальнейшее развертывание ракет. С этого времени

наметились положительные сдвиги в советско-американских отношениях, началось взаимодействие в целях выработки баланса интересов. В течение второго срока президентства Рейгана произошло пять встреч политических лидеров двух держав. Фактически они проходили ежегодно: ноябрь 1985 г., в Женеве; октябрь 1986 г., в Рейкьявике; декабрь 1987 г., в Вашингтоне; май — июнь 1988 г., в Москве. Во время переговоров в этот период был подписан ряд соглашений, охватывавших чуть ли ни весь комплекс проблем. Встреча глав двух стран в Вашингтоне, во время которой было подписано соглашение о ликвидации наземного ядерного оружия ближнего и среднего радиуса действия, показала широкие перспективы в советско-американских отношениях. Таким образом, дело разоружения сдвинулось с места, обозначилось стремление сторон к укреплению международной безопасности. Подобные достижения в двусторонних отношениях свидетельствовали о принятии американским руководством политики перестройки и повышении уровня доверия между странами.

В этот период Рейган проявлял к советской перестройке особый интерес. Ему импонировали такие ее аспекты, как борьба с бюрократией и излишней государственной централизацией, что было созвучно его настроениям. Визит в Москву еще больше изменил его представления. Когда его спросили, продолжает ли он считать Советский Союз «империей зла», он ответил: «Нет. Теперь не то время. Та эпоха ушла» [11, с. 161]. Возросшее доверие Рейгана к советскому руководству и его поддержку перестроечным процессам отмечает американский дипломат, посол в СССР в 1987—1991 гг. Дж. Ф. Мэтлок: «На Рейгана произвело впечатление то, что Горбачев пошел на соглашение об уничтожении ядерных ракет средней дальности и на шаги, позволившие открыть советские средства массовой информации для серьезных дискуссий... И хотя некоторые советники говорили Рейгану, что Горбачев хочет реформировать Советский Союз только для того, чтобы сделать его сильнее и эффективнее в проведении своей традиционной внешней политики, Рейган понимал, что новый Советский Союз, пусть даже более сильный, не будет представлять угрозы для США или для своих соседей, а, скорее, станет партнером в деле экономического развития и сохранения мира» [11, с. 161].

Особую роль в достижении взаимопонимания между странами в данный период сыграли непосредственно личные контакты между Р. Рейганом и М. С. Горбачевым. Американская пресса отмечала: «Михаил Горбачев сам стал любимым учителем Рейгана» [12, с. 82]. При всей нелюбви к чтению Рейган внимательно изучил книгу Горбачева «Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира». Данный фактор особо подчеркивал и французский журналист Ж.-М. Гонен: «“Суровый” Рональд Рейган был настолько восхищен новым советским лидером, что его советники одно время сильно беспокоились, не слишком ли легко Рейган расстается с ядерным оружием» [3].

Однако Рейган не во всем приветствовал политику советской перестройки. Он понимал, что в конечном счете она была нацелена на укрепление общественно-политической системы, категорически неприемлемой для него. Во многом это объясняет его далеко не полный отказ от антисоветских убеждений и ставки на военную силу. И хотя советское руководство шло на значительные уступки, Рейган остался верным своему любимому детищу — программе СОИ, нацеленной на слом военно-стратегического паритета между СССР и США. До конца пребывания Рейгана у власти конструктивных сдвигов в советско-американских отношениях не произошло. Ряд членов администрации (например, министр обороны К. Уайнбергер) оказывали серьезное сопротивление нормализации отношений с СССР. В определенной степени это обуславливалось и сохранявшимся недоверием к политике перестройки: слишком большое количество мирных инициатив со стороны советского руководства в области сокращения вооружений вызывали подозрение у американской администрации, усматривавшей в этом тайное стремление СССР добиться преимуществ в гонке вооружений. В своих воспоминаниях Рейган писал: «К началу 1986 г. мы все больше убеждались в том, что советская экономика находится в состоянии развала... Именно программа СОИ заставила

Советский Союз пойти на переговоры в Женеве и Рейкьявике... Программа СОИ — это страховой полис, гарантирующий, что Советы будут выполнять свои обязательства, взятые Горбачевым и мною в Рейкьявике...» [17, с. 267]. Данное высказывание, возможно, раскрывает истинную суть отношения Рейгана к СССР вообще и к советской перестройке в частности. В нем отражено его недоверие к Советскому Союзу и прежняя приверженность политике «с позиции силы». Однако здесь появляется и новый момент — видение СССР как уже более слабого партнера, на которого можно «нажать». Подобная позиция Рейгана во многом объясняется его буквальной ненавистью к «безбожному коммунизму», а с другой стороны — убежденностью в особой миссии США и верой в американскую исключительность.

Пожалуй, более активную и выразительную позицию к советской перестройке занял преемник Рейгана Дж. Буш. И не случайно в своей внешнеполитической деятельности отношения с СССР, а затем и с Россией, он поставил на первое место. В инаугурационной речи, обозначая внешнеполитические ориентиры, новый американский президент конкретно назвал только одну страну — Советский Союз. Он заявил о преемственности своей политики: «...мы вновь продолжим сближение с Советским Союзом в полном соответствии с нашей безопасностью и прогрессом» [6, с. 539]. Дж. Буш использовал все достижения своего предшественника в развитии политического диалога с Советским Союзом в выгодном для США русле. Намеченная Рейганом линия на переговоры с позиции силы была закреплена им в качестве наиболее разумной. Как и прежде встречи между странами на высшем уровне были ежегодными: декабрь 1989 г., на Мальте; май-июнь 1990 г., в Вашингтоне; июль 1991 г., в Москве. Кульминации взаимоотношения между странами достигли в декабре 1989 г. во время встречи Дж. Буша и М. С. Горбачева на Мальте. Здесь американскому президенту удалось добиться твердого заверения советского лидера о невмешательстве Советского Союза в политический процесс, развернувшийся в Восточной Европе. Это открыло дорогу распаду СЭВ, ОВД и, в конечном счете, способствовало полному уходу СССР из региона.

В период президентства Буша произошли кардинальные события, существенно изменившие развитие международных отношений и расстановку сил на мировой арене: советская перестройка переживала серьезные трудности, Коммунистическая партия Советского Союза утратила контроль над страной, начался распад социалистической системы, произошло объединение Германии. Администрация Буша стремилась максимально использовать в свою пользу происходившие перемены. В условиях кризиса политики перестройки от советского руководства Дж. Буш ожидал тех или иных уступок. Это во многом объясняет его большую заинтересованность в сохранении у власти М. С. Горбачева, связывая с ним продолжение выгодного для США процесса перемен в Советском Союзе. Об этом свидетельствует выдержка из аналитической записки Совета по национальной безопасности от 14 марта 1989 г., которую в своей книге «На самом высоком уровне» приводят американские исследователи М. Беншлосс и С. Тэлботт: «Соединенные Штаты должны попытаться придать необратимый характер реформам в Советском Союзе... Перестройка в наших интересах: новый подход Горбачева дает нам в руки рычаг воздействия, которым восемь лет назад мы не обладали... Политика США должна быть нацелена не на то, чтобы помочь Горбачеву, а скорее на то, чтобы умело бросить вызов Советам и, таким образом, направить их на развитие в нужное нам русло» [1, с. 45]. Таким образом, руководство США стремилось использовать слабость Москвы в своих интересах и обеспечить полное превосходство над бывшим противником.

Вместе с тем нельзя отрицать и то, что в определенной степени администрация Буша была заинтересована в реальном успехе советской перестройки в интересах стабильности и безопасности мира. Так, в своем выступлении в мае 1989 г. президент отмечал: «...Соединенные Штаты выдвигают в качестве своей цели гораздо больше, чем простое сдерживание советского экспансионизма. Мы стремимся к интеграции Советского Союза в сообщество наций... И не стоит сомневаться в нашем искреннем желании надеяться на успех перестрой-

ки... И мы ждем, когда последуют обнадеживающие и прочные перемены в экономике и политике...» [5, с. 92]. В этом же духе звучало и высказывание Буша во время советско-американской встречи на Мальте в 1989 г., первым пунктом которой было отношение к перестройке: «Мир станет лучше, если перестройка увенчается успехом. Еще некоторое время тому назад в США было много сомневающихся на этот счет... Но можно со всей определенностью говорить, что серьезные, думающие люди в США подобных взглядов не поддерживают... Вы можете быть уверены в том, что имеете дело с администрацией США, а также с конгрессом, которые хотят, чтобы ваши преобразования увенчались успехом» [20, с. 122, 123]. Подобную позицию выражал и госсекретарь США Дж. Бейкер. Накануне встречи на Мальте он посетил Москву и понял серьезность перемен в Советском Союзе. В своих мемуарах по этому поводу Бейкер отмечал свое осознание того, что «перестройка это не очередной трюк Кремля», чтобы усыпить бдительность Запада, что игнорировать стремление советского руководства к глубоким переменам в стране и в мире — ошибка. И далее он сделал заявление: «Провал перестройки — не в наших интересах. В самом деле — мы хотели бы увидеть успех перестройки» [20, с. 118]. Однако и в этом случае развитие советской перестройки виделось американской администрации как контролируемый и направляемый в выгодное для нее русло процесс: в сторону создания монополярного мира с единым центром — США.

«Мы сможем работать вместе». Как известно, основным западноевропейским партнером США традиционно являлась Великобритания. Укрепление тесного союза и «особых отношений» с США — одно из приоритетных направлений ее внешней политики. В свое время тандем Рейган—Тэтчер способствовал формированию всеми странами НАТО достаточно жесткой, бескомпромиссной позиции в отношении СССР. Более того, взаимоотношения Восток—Запад занимали в 1980-е гг. важное место во внешнеполитической стратегии Великобритании. Лондон традиционно стремился играть роль координатора и проводника согласованной политики Запада в отношении Советского Союза. И потому отношение британского руководства к советской перестройке играло немаловажную роль в формировании позиции к ней со стороны западных стран.

Придя к власти, Маргарет Тэтчер взяла курс на укрепление военно-политического сотрудничества с США и НАТО, выступила активной сторонницей мер по «довооружению» Западной Европы [13, с. 70]. Правительство тори присоединилось к объявленному Рональдом Рейганом «крестовому походу против коммунизма». В начале 1980 г. М. Тэтчер призвала Европу к пересмотру всего комплекса отношений в свете событий в Афганистане, затем и к бойкоту летней Олимпиады 1980 г. в Москве. Для британской политики в отношении СССР были характерны негативные, нередко враждебные тенденции. При этом большую роль играла личная позиция британского премьер-министра, которая обличала социалистическую систему в СССР и экспансионистский курс советских лидеров.

В конце своего первого премьерства М. Тэтчер стала постепенно отходить от бескомпромиссной позиции по отношению к СССР. Тогда это был для нее скорее вынужденный шаг, обусловленный прежде всего достижением предельного уровня гонки ракетно-ядерных вооружений, вызвавшим изменения в общественном мнении. Об этом свидетельствует следующий факт: Великобритания стала первой из западноевропейских стран НАТО, где с ноября 1983 г. началось размещение американских ядерных ракет средней дальности. Газета «Таймс» сообщала, что в кругу своих советников после выборов 1983 г. премьер-министр бросила фразу, что никогда не отправится в Москву [10, с. 120].

Первым позитивным шагом во взаимоотношениях между Востоком и Западом стал визит советской парламентской делегации во главе с М. С. Горбачевым в Великобританию в декабре 1984 г., предпринятый по инициативе британской стороны. Новым был сам тон дискуссий — откровенный и заинтересованный. Выступая перед представителями деловых кругов, Горбачев указал на необходимость выведения отношений между странами на новый пози-

тивный путь. По окончании встречи с советским лидером М. Тэтчер заметила: «Мне понравился Горбачев. Мы сможем работать вместе» [2, с. 400]. Британский премьер первой среди западных политиков еще до прихода Горбачева к власти, объявила, что ему «можно верить» [18, с. 4]. Обращает на себя внимание удивительный факт — за довольно короткий срок принципиально изменился характер отношений британского премьера к советскому лидеру. Здесь видится единственное объяснение — проявление «фактора Горбачева».

М. Тэтчер первая среди политических лидеров стран Запада по достоинству оценила огромное значение перемен в СССР и активно поддержала их, в то время как еще многие политики не осознали сущности советской перестройки и сомневались в ее реальности. Даже лидер английских социал-демократов лейборист Д. Оуэн критиковал главу кабинета за ее поддержку перестроечных процессов в СССР, заявляя, что премьер-министр стала «жертвой пропаганды КГБ» [14, с. 126]. Однако М. Тэтчер была уверена в своей правоте, отмеченные процессы она напрямую связывала с проблемами безопасности в Европе и мире: «Мир движется к тому, чтобы стать более безопасным местом, и если реформы осуществлять, то холодная война подойдет к концу» [15, с. 389]. В советской перестройке она видела отход страны от социализма, признание и доказательство того, что коммунистическая система не может обеспечить «тот уровень и качество жизни, которые существуют в свободных демократических обществах Запада» [4, с. 234]. М. Тэтчер не скрывала своих надежд на то, что перестройка и гласность в СССР окажут влияние и на страны Восточной Европы, рассчитывая на их отход от социализма. Таким образом, она быстро уловила новые веяния в настроениях советского руководства, умело использовала «фактор Горбачева» в интересах своей страны и Запада в целом [2, с. 401].

Со своей стороны Советский Союз отношения с Великобританией вывел на первый план. Для М. С. Горбачева, начавшего кардинальное реформирование советской системы, было очень важно, чтобы Запад поддержал перестройку. И его выбор остановился на М. Тэтчер в качестве посредника неслучайно: традиционно жесткая позиция Великобритании в отношении Советского Союза делала поддержку курса Горбачева более ценной и служила хорошим примером для других западных лидеров. И особенно важным для Горбачева было влияние «железной леди» в Вашингтоне [2, с. 400].

О серьезном отношении британского руководства к перестройке в СССР свидетельствуют весьма конструктивные англо-советские встречи во второй половине 1980-х гг.: визит в СССР британской парламентской делегации в мае 1986 г.; официальный визит в Лондон министра иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе в июле 1986 г.; первый за 12 лет официальный визит в СССР премьер-министра Великобритании в конце марта — начале апреля 1987 г.; официальный визит в Великобританию М. С. Горбачева в апреле 1989 г.; визит М. Тэтчер в СССР в 1990 г.

В ходе этих встреч члены делегаций — и тори, и лейбористы, и либералы — высказывались за сотрудничество двух стран и активизацию диалога между Западом и Востоком. Их результатом было подписание важнейших документов: программы об экономическом и промышленном сотрудничестве на 1986—1990 гг.; соглашения о предотвращении инцидентов на море; меморандума о намерениях сторон развивать отношения по линии культуры, науки, техники, образования, информации (первый такого рода в отношениях СССР с западными странами); соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений; соглашения о создании консорциумов и содействии деловому предпринимательству; программы развития экономического и промышленного сотрудничества на 1991—2001 гг. Впечатляет уже только один перечень принятых документов, не говоря о их содержательной части.

Особое значение имел официальный визит в СССР премьер-министра Великобритании весной 1987 г. В своих мемуарах М. Тэтчер отмечала, что это была ее «самая важная зарубежная поездка». Ее визиту предшествовала встреча британского премьера с президентом Фран-

ции Ф. Миттераном и канцлером ФРГ Г. Колем, на которой была выработана общая позиция в отношении СССР [2, с. 401]. Это говорило о ведущей роли Великобритании в отношениях Восток—Запад и о выражении британским руководством единой точки зрения стран Западной Европы по отношению к Советскому Союзу. Весьма плодотворными были итоги и визита М. Тэтчер в СССР в 1990 г., во время которого она объявила в Москве о создании в британских университетах 10 новых кафедр по изучению СССР. Таким образом, во второй половине 1980-х гг. советско-английские контакты заметно расширились по всем направлениям, что свидетельствовало о позитивном отношении британского руководства к перестройке в СССР.

Активный политический диалог способствовал созданию благоприятной атмосферы для расширения отношений в других областях. О доверии британских деловых кругов к перестроечному процессу в СССР свидетельствовал широкий отклик английских фирм на участие в Национальной выставке в Москве в 1989 г. [10, с. 121]. Во второй половине 1980-х гг. заметно оживились культурные связи: стала регулярной практика проведения телемостов.

Если внутренние процессы в СССР одобрялись М. Тэтчер почти безоговорочно, то внешнеполитические концепции Советского Союза далеко не всегда ею разделялись. Премьер-министр по этому поводу отмечала: «Во внешней политике картина менее ясная» [16, с. 397]. Похвалы в адрес отдельных внешнеполитических шагов Советского Союза сочетались у нее с заявлениями об опасности для Великобритании, исходящей со стороны СССР. Во многом это обуславливалось различием подходов к проблеме разоружения — центральной в политическом диалоге Восток—Запад. Переговоры между советским и британским лидерами подтвердили наличие весьма глубоких расхождений. Так, если М. С. Горбачев высказывался за полное уничтожение ядерного оружия, то М. Тэтчер неоднократно заявляла, что британское правительство не согласится на его полную ликвидацию в Европе. Хотя в некоторых вопросах британская и советская позиции сблизились (по ракетам средней дальности; необходимости ликвидации химического оружия; по основным аспектам урегулирования германской проблемы, за исключением вопроса о включении объединенной Германии в НАТО). Все это говорило о принятии британским руководством отдельных направлений новой внешнеполитической концепции Советского Союза [2, с. 400].

Несмотря на сохранившееся недоверие английского консервативного руководства к СССР, в целом оно оставалось благоприятным. М. Тэтчер, став одним из главных сторонников Горбачева среди мировых лидеров, положила начало его признанию западными политиками. Именно британский премьер, считавшая себя «крупнейшим западным экспертом по Горбачеву», сыграла эффективную роль посредника в отношениях между СССР и США [2, с. 403]. А тот факт, что она, будучи одной из главных «запевал» в холодной войне и гонке вооружений, стала также и одним из главных инициаторов ее прекращения, более всего свидетельствовал о реальном доверии к советской перестройке со стороны британского лидера.

Активная поддержка советской перестройки в немалой степени скрывала за собой политический расчет английского премьер-министра. Во-первых, тесные отношения М. Тэтчер с М. С. Горбачевым прежде всего давали ей возможность поставить себя в центр отношений Восток—Запад, что соответствовало внешнеполитической стратегии британского лидера, направленной на возрождение статуса Великобритании как великой державы. Диалог двух лидеров способствовал созданию условий, когда «британские взгляды снова обретали вес, а страна особый статус среди своих союзников в Западной Европе» [2, с. 400]. В целях наибольшего влияния на европейском континенте британское руководство было также заинтересовано в ослаблении зависимости стран Восточной Европы от СССР. Оно рассчитывало, что со временем перестройка перебросятся и на других участников советского блока. Во-вторых, здесь присутствовал и внутривнутриполитический мотив — конструктивные контакты британского лидера с советским руководством существенно увеличивали шансы консервативной партии на парламентских выборах, как это было в 1987 г. Кроме того, советскую перестройку М. Тэт-

чер в определенной степени сравнивала со своей реформаторской деятельностью, тем самым создавая ей большую привлекательность в глазах английского общества.

«Он идет в нашу сторону. Вот и пусть идет». Спустя годы большой интерес западных специалистов и политиков к советской перестройке сохранился. Оценки данного процесса стали более взвешенными и в определенной степени откровенными. И при всей своей неоднозначности в целом они остались положительными. В своей книге «Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира» М. Тэтчер уделила особое внимание проблеме перестройки в СССР и ее инициатору М. С. Горбачеву. Анализируя причины неудач реформаторской деятельности советского лидера, она, в частности, отмечает: «Программа гласности и перестройки господина Горбачева были задуманы как взаимодополняющие, но добиться этого не удалось... Как бы то ни было, основой Советского Союза все еще оставалась коммунистическая партия..., а партия не могла просто так поступиться тем, что она ценила превыше всего — властью. Это объясняет личную трагедию Михаила Горбачева, которого приветствовал Запад — совершенно оправданно, надо заметить, — но отвергли и осудили соотечественники. Несмотря на все разговоры о необходимости “нового мышления”, в конечном итоге он так и не смог воплотить его в жизнь» [20, с. 101]. М. Тэтчер прямо утверждает, что политика М. С. Горбачева, по ее мнению, «оправданно» поддерживалась западными странами, и она косвенно возлагает вину за ее неудачи на «соотечественников». Далее она недвусмысленно признается: «Мне очень хотелось, чтобы Михаил Горбачев получил признание и поддержку. Именно поэтому, несмотря на трудность, добивалась присоединения Советского Союза/России к странам «большой семерки» (М. Тэтчер отмечает, что данное предложение содержалось в ее выступлении в Верховном Совете СССР в Москве 28 мая 1991 г.) С нескрываемым сожалением бывший британский лидер констатирует: «С началом 1991 года советское руководство практически отказалось от идеи политического и экономического реформирования и встало на курс, завершившийся путчем в августе 1991 года» [20, с. 107]. Действительно, британское руководство до конца поддерживало центральную власть, которую персонифицировал Горбачев, считая ее более приемлемой и предсказуемой, чем руководство РСФСР во главе с Борисом Ельциным [2, с. 405]

М. Тэтчер, осмыслив советскую перестройку, сохранила к ней и ее лидеру М. С. Горбачеву позитивное отношение. Но если прежде она верила в успех перестроечного процесса и возлагала на него определенные надежды, о чем свидетельствовала решительная поддержка британским руководством процесса нормализации международных отношений, то при спокойном размышлении откровенно признала нереальность кардинального реформирования всей советской системы. В этом М. Тэтчер увидела «личную трагедию» М. С. Горбачева. По мнению же известного российского специалиста-международника А. А. Громыко, «...Тэтчер оказалась неспособной реалистично оценить последние годы правления советского руководителя, когда он стремительно терял общественную поддержку в своей стране» [2, с. 404].

Таким образом, отношение руководства западных стран к перестройке в СССР было противоречивым. В результате Запад не использовал имевшуюся у него возможность оказать перестройке реальную поддержку. Политические лидеры стран Запада ориентировались на защиту собственных интересов, поэтому поддержка реформ в Советском Союзе с их стороны не вышла за пределы политического диалога. Во многом подобная позиция стран Запада была обусловлена, как уже отмечалось, их недоверием к политике советского руководства — либо по причине сомнений в его реформаторских способностях, либо ввиду подозрений в скрытых замыслах. Так, Дж. Буш неоднократно заявлял о полной поддержке перестройки в СССР. Однако сам не сделал никаких практических шагов в этом направлении и удержал своих партнеров от оказания действенной помощи, о которой настойчиво просил М. С. Горбачев. По свидетельству М. Бэншлосса и С. Тэлботта, Г. Коль и Ф. Миттеран убеждали глав правительств западных стран предоставить СССР в виде помощи от 15

до 20 млрд долл. США в знак доверия Западу Горбачеву и его реформам. Однако Дж. Буш утверждал, что до тех пор, пока советская экономика не будет преобразована, а военные расходы и иностранная помощь — сокращены, Горбачев не сможет разумно распоряжаться деньгами. В результате руководители западных стран вместо реальной помощи ограничились посланием М. С. Горбачеву письма с обещанием ускорить международное изучение советской экономики [1, с. 202]. Пожалуй, лучше всего позицию западных стран выразил госсекретарь США Дж. Бейкер, который утверждал, что положительная реакция на действия Горбачева вовсе не требует того, чтобы пройти полпути ему навстречу: «Он идет в нашу сторону. Вот и пусть идет» [1, с. 35]. Такая позиция Запада во многом предопределила судьбу перестройки и советского лидера.

Однако в позитивном отношении к перестроечному процессу в СССР со стороны руководства Запада в целом присутствовал не только прагматизм. Одним из важнейших факторов были непосредственно инициативы нового руководства — провозглашение им неординарных подходов в мировой политике и в международных отношениях. Немаловажным обстоятельством был и собственно «фактор Горбачева». Ключевая в международных отношениях проблема Восток—Запад советским руководством зачастую успешно решалась, прежде всего, в процессе личного общения М. С. Горбачева с западными лидерами. Данный факт отмечали и советские издания: «Существенно меняется к лучшему облик СССР в глазах мировой общественности. Исключительно высока за рубежом популярность советского руководителя» [11, с. 6]. Для западных политиков новый советский лидер виделся прежде всего реформатором. Именно с появлением М. С. Горбачева на международной арене начали реально меняться отношения Востока и Запады.

В годы перестроечного процесса обозначилась и тенденция позитивного восприятия Советского Союза общественным мнением стран Запады. Причем немаловажное значение в этом процессе имел все тот же «фактор Горбачева»: популярность советского лидера росла. Вначале европейцы, а затем и американцы поверили в перестройку. Так, с 1987 по 1989 г. благожелательное отношение к СССР выросло в США с 25 % до 62 % [17, с. 360].

После распада СССР российский фактор уже не играл для стран Запады такой важной роли, как в 1980-х гг. На этот факт обращает внимание бывший премьер Великобритании лейборист Т. Блэр: «... когда Россия была Советским Союзом, хотя она имела неправильную экономическую систему и систему управления, она была сильной — к ней относились с уважением, даже боялись. С ней считались». За годы же перестройки «она потеряла свое положение в мире» [8, с. 203]. Судя по всему, британский политик стремился быть объективным и, абстрагируясь от интересов стран Запады, дал в большей степени негативную оценку перестроечному процессу с точки зрения национальных и геополитических интересов Советского Союза. При этом основным мотивом подобного мнения о перестройке являлись ее катастрофические последствия — ослабление и распад СССР. Блэр, как и другие западные политики, в своих констатациях сожалеет об этом.

Тем не менее в истории не происходит случайных событий, особенно масштабного характера. В период перестройки был накоплен достаточно позитивный опыт в отношениях Восток—Запад, который в дальнейшем был использован преемниками. Так, сменивший М. Тэтчер Дж. Мейджор стремился сохранить и развить тот положительный опыт, который был накоплен в отношении России благодаря активной деятельности его предшественницы. В свою очередь, Дж. Буш использовал уже накопленный опыт после распада СССР, активно развивая контакты с новым правительством России.

До сих пор разброс в оценках перестроечного процесса в СССР очень велик, что обусловлено противоречивостью и неоднозначностью этого события в Новейшей истории. Вместе с тем если среди многих российских политиков и рядовых россиян преобладают негативные мнения о перестройке, то представители политических и общественных кругов Запады в

целом оценивают ее положительно. Это объясняется тем, что мировое сообщество с перестройкой связывает демократизацию СССР, окончание «холодной войны», реальное сокращение вооружений и избавление человечества от угрозы мировой термоядерной катастрофы, объединение Германии — т. е. все те позитивные сдвиги, которые оно приветствует. По мнению Дж. Ф. Мэтлока, «...было бы неверно считать распад Советского Союза провалом перестройки... Этот процесс продолжился во многих бывших советских республиках... Перестройка оказалась более длительным и более трудным процессом, чем вначале думали ее авторы. Но ее основные идеи сохранили свою значимость...» [12, с. 173]. Американский политик видит в перестройке СССР закономерный и сложный процесс, до сих пор не исчерпавший свой потенциал. Возможно, должно пройти еще время для определения более сбалансированной оценки столь неординарного и сложного события в мировой истории.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бенилосс М., Тэлботт С. На самом высоком уровне. М. : Алгоритм, 1994. 364 с.
2. Великобритания: эпоха реформ / под ред. А. А. Громыко. М. : Весь мир., 2007. 536 с.
3. Гонен Жан-Марк // Le Figaro. 2009. 2 нояб. / <http://www.inopressa.ru/> 2011/ 12/26/ (дата обращения: 26.12.2011).
4. Замятин Л. М. Горби и Мэгги. Записки посла о двух известных политиках Михаиле Горбачеве и Маргарет Тэтчер. М. : ВИНГИ, 1995. 340 с.
5. Золов А. В. США: борьба за мировое лидерство (К истории американской внешней политики. XX век): в 2 ч. Калининград : Изд-во КГУ, 2000. Ч. 2. 129 с.
6. Иванян Э. А. История США : пособие. М. : Дрофа, 2004. 576 с.
7. История России. XX век : учеб. пособие / О. А. Яновский [и др.] ; под ред. В. И. Меньковского и О. Я. Яновского. Минск : РИВШ, 2005. 704 с.
8. Капитонова Н. К. Путешествуя с Тони Блэром по страницам его мемуаров // Новая и новейшая история. 2001. № 5. С. 185—207.
9. Лебедев А. А. Очерки британской внешней политики. 60—80-е годы. М. : Междунар. отношения, 1988. 304 с.
10. Матвеев В. А. Британия вчера и сегодня. М. : Междунар. отношения, 1989. 256 с.
11. Международный ежегодник: Политика и экономика / Ан СССР, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений ; гл. ред. О. Н. Быков. М. : Политиздат, 1988. Вып. 1988. 304 с.
12. Мэтлок Дж. Ф. Перестройка как она виделась из Вашингтона (1985—1991). Прорыв к свободе: о перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 436 с.
13. Никонов В. А. Рональд Рейган // Вопр. истории. 1989. № 2. С. 60—83.
14. Перегудов С. П. Маргарет Тэтчер // Вопр. истории. 1988. № 10. С. 60—82.
15. Попов В. Маргарет Тэтчер, человек и политик (взгляд советского дипломата) // МЭМО, 1990. № 12. С. 125—132.
16. Попов В. И. Маргарет Тэтчер: человек и политик. М. : Наука, 1991. 431 с.
17. Прорыв к свободе: О перестройке двадцать лет спустя (критический анализ). М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. 436 с.
18. Рейган Р. Жизнь по-американски. М. : Новости, 1992. 749 с.
19. Тэтчер М. Мы сможем вести откровенный диалог // Правда. 1987. 1 апр. С. 4.
20. Тэтчер М. Искусство управления государством. Стратегия для меняющегося мира. М. : Альпина Паблишер, 2003. 504 с.
21. Черняев А. С. Горбачев — Буш: встреча на Мальте в 1989 // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 117—129.

Статья поступила в редакцию 30 мая 2013 г.

О. В. Бригадина

СУДЫ ЧЕСТИ НАД СОВЕТСКОЙ НОМЕНКЛАТУРОЙ (1947—1949 гг.)

В статье анализируются меры советской власти и лично Сталина в первые послевоенные годы по восстановлению идеологического контроля в стране. В условиях холодной войны акцент был сделан на борьбу с антипатриотизмом и «преклонением» перед Западом. Одним из методов пропагандистской работы стали суды чести в министерствах и центральных ведомствах. Был использован опыт дореволюционной России по организации офицерских судов чести. Однако в СССР для усиления воспитательного эффекта объектами критики стали ученые, творческая интеллигенция, военные, руководство страны. Суды чести были созданы в 82 министерствах и ведомствах и стали начальным этапом борьбы с «космополитами» в СССР. Предпосылки, организационные мероприятия и результаты деятельности судов чести — предмет исследования автора данной статьи.

The article reviews the measures of the Soviet government and of Stalin personally to restore the ideological control of the country in the early post-war. With the cold war the focus was on the fight against anti-patriotism and «adoration» of the West. Among the methods of propaganda were the courts of honor in ministries and central agencies. The experience of pre-revolutionary Russian officers on the organization of courts of honor was employed. However, in the Soviet Union the object for criticism were scientists, intellectuals, military people, leaders of the country. Courts of honor were created in 82 ministries and departments and became the initial stage of the struggle against «cosmopolitanism» in the USSR. Background, organizational activities and performance of the courts of honor are the subject of research of the author.

Ключевые слова: суды чести, номенклатура, космополитизм, советский патриотизм, буржуазное влияние.

Keywords: courts of honor, nomenclature, cosmopolitanism, Soviet patriotism, bourgeois influence.

Великая Отечественная война оставила в массовом сознании глубокий нравственный след, возродила надежды на лучшую жизнь. Среди солдат, возвращавшихся в разоренные деревни, ходили упорные слухи, что колхозы распустят и землю отдадут крестьянам, что снизят налоги и выдадут на руки паспорта. Эти общественные настроения вызывали у властей серьезное беспокойство, росло недоверие к собственному народу, к бывшим военнопленным, к эмигрантам, вернувшимся на родину, к солдатам, которые прошли почти всю Европу. Нуждались, по мнению партаппарата, в усиленной теоретической подготовке даже коммунисты, вступившие в партию в годы войны. Под пристальным контролем находились не только те отрасли науки, которые работали на «оборонку», но и любые другие, где предполагалось даже малейшее отклонение от генеральной линии: биология, генетика, социология, кибернетика. Катастрофические последствия имело вмешательство партийно-государственного аппарата в гуманитарные науки. За послевоенные годы не появилось ни одного значительного достижения в этой области знаний.

«Не смей думать, что попало...»: первое предупреждение. И. В. Сталин понимал, что война духовно раскрепостила людей. Идеологическая обработка охватила все сферы общества. Цель — поддержать непрерывное напряжение, создать обстановку потенциально возможной новой войны. Кульминацией идеологической работы стала развернувшаяся в стране кампания борьбы с космополитами, направленная в первую очередь против интеллигенции. В «безродном космополитизме» были обвинены многие ученые, писатели, деятели культуры.

Бригадина Ольга Васильевна — доцент кафедры истории России Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук. E-mail: brigadinaol@mail.ru

Началась критика известного советского экономиста Е. С. Варги, который, изучая экономическую эволюцию в мире, пришел к выводу, что система капитализма способна приспосабливаться к изменяющимся условиям и противостоять кризисам. Была сделана попытка обвинить в антипатриотизме и преклонении перед западной наукой академиков А. Ф. Иоффе и П. Л. Капицу. Однако их работы в значительной мере касались военной тематики, что спасло ученых от травли. В августе 1946 г. появилось разгромное постановление ЦК ВКП(б) о журналах «Звезда» и «Ленинград». Основными объектами для критики были избраны два популярных в стране писателя — сатирик М. Зощенко и поэтесса А. Ахматова. М. Зощенко критиковали за то, что он осмелился показать социальные проблемы, которые поразили общество: приспособленчество, мещанство, страх. Страх порождает двойную жизнь: одну — естественную, личную; другую — официальную, превращавшую людей в послушные «винтики». А. Ахматова в качестве объекта для критики также была выбрана неслучайно. Независимая, талантливая, пользующаяся не санкционированными властью уважением и популярностью, поэтесса была чужой и даже опасной для аппарата. Постановление «О журналах «Звезда» и «Ленинград» стало началом новой, послевоенной волны «разоблачений» и преследований творческой интеллигенции. Вслед за литературой аналогичные меры были приняты в области кино, музыки, театрального искусства.

Под особым контролем у Сталина и органов НКВД находилась военная элита страны — генералитет. Война не могла не усилить роль армии в жизни общества. В советской политической реальности это означало ослабление партийного руководства. По мнению историка Р. Г. Пихои, «военным Сталин не доверял никогда... НКВД вели слежку практически за каждым крупным военачальником... Особое внимание уделялось маршалу СССР Г. К. Жукову... Огромная популярность Жукова в армии и среди населения вызывала зависть Сталина. Он, а также партийный аппарат, в том числе и в самой армии, не простили независимости, славы самого знаменитого военачальника Красной армии времен Отечественной войны... Его побед, его славы ему не простили» [1, с. 44]. Однако воспользоваться «сценарием 1937 года» для расправы над маршалом не представлялось возможным, по крайней мере в тех формах, которые применялись в конце 1930-х гг. Требовалась более основательная, систематическая дискредитация Г. К. Жукова. В 1946 г. было сфабриковано «дело авиаторов». Арестованные главнокомандующий ВВС СССР Главный маршал авиации А. А. Новиков и командующий 12-й воздушной армией маршал авиации С. А. Худяков в ходе следствия под пытками вынуждены были дать показания против Г. К. Жукова и других лиц, казавшихся опасными для Сталина. В настоящее время документально доказано, что «все обвинительные показания были получены в результате самооговоров арестованных», однако в 1946 г. следствие докладывало Сталину, что Жуков «очень хитро и в осторожной форме... пытается умалить руководящую роль в войне Верховного Главнокомандующего» [1, с. 47, 48].

По стратегическому замыслу, одобренному Сталиным, следствие по «делу военных» должно было выполнить три задачи: собрать компрометирующие данные на маршала Г. К. Жукова; выявить «вредителей» в военной авиации и военной промышленности; установить связь между военными и партийно-государственным руководством страны. Министерство государственной безопасности, возглавляемое В. С. Абакумовым, вело систематическую слежку за высшим руководством и периодически докладывало о своих наблюдениях Сталину.

В 1946 г. была введена новая номенклатура должностей, включавшая ответственных работников министерств и ведомств, директоров предприятий, членов Ученых советов вузов, высший состав Вооруженных Сил СССР, дипкорпус, членов Правления творческих союзов, руководство общественных организаций. В 1943—1954 гг. служащих более чем 20 министерств можно было отличить по специальной форме и значкам. Характер их труда «отличался чрезвычайщиной, пик деловой активности приходился на вечернее время и продолжался до 2—3 часов ночи. Ночью работал Сталин, который мог лично позвонить и срочно потребовать

справку или отчет» [2, с. 163—164]. Роль и количественный состав советской номенклатуры постоянно росли, она обретала стабильность и устойчивость, стала превращаться в замкнутую касту. Уровень жизни номенклатурных работников был самым высоким в стране. Для высшего и среднего звена продолжала действовать введенная в 1930-е гг. практика «пакетов» — денежных выплат дополнительно к основному заработку, не проходивших по финансовым ведомостям [2, с. 164]. Высокий жизненный уровень поддерживался за счет системы спецраспределителей, медицинского обслуживания, санаторно-курортного лечения и т. д. Сталин отчетливо осознавал общественную значимость и влияние этого социального слоя в жизни страны и стремился «привести в чувство работников госорганов, которые оторвались от родной почвы и пресмыкаются перед заграницей» [3, с. 254]. Репрессивная практика была неприемлема, поэтому он согласился с предложением секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Жданова создать по образцу дореволюционной России в министерствах и ведомствах суды чести, сделав акцент на общественное влияние.

Суды чести в России и «Дело КР» (Клюевой и Роскина). В советской России товарищеские суды чести командного состава РККА были восстановлены по приказу № 8 наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова 17 января 1939 г. Члены судов из 7—9 человек избирались тайным голосованием на два года и действовали в соответствии с Положением об офицерских товарищеских судах чести в Вооруженных Силах СССР [4]. Поводом для восстановления судов чести стало «дело» члена-корреспондента Академии медицинских наук СССР Н. Г. Клюевой и профессора кафедры гистологии МГУ Г. И. Роскина. К весне 1946 г. эти советские ученые завершили работу и подготовили к изданию свою рукопись «Биотерапия злокачественных опухолей». Н. Г. Клюева 13 марта выступила с докладом на заседании АМН об итогах работы по созданию нового, как казалось, эффективного препарата против рака. Отчет был опубликован в газете «Правда» и очень заинтересовал иностранных ученых. Посол США в СССР У. Смит с согласия Министерства здравоохранения СССР лично посетил лабораторию Н. Г. Клюевой, предложил ученым совместную работу над проектом и достойное финансирование. С санкции МИД и Минздрава СССР академик-секретарь АМН СССР В. В. Парин доставил в США рукопись монографии, некоторые ученые разработки и 10 ампул препарата «для информирования сотрудников Национального ракового института США и возможного издания на английском языке» [3, с. 255]. В условиях «холодной войны», как считает исследователь В. Д. Есаков, этот эпизод был использован для начала массовой идейно-политической кампании против «тлетворного» влияния Запада. На заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 17 февраля 1947 г. основные обвинения были предъявлены министру здравоохранения СССР Г. А. Митереву, был санкционирован арест В. В. Парина и принято решение об издании в СССР монографии Н. Г. Клюевой и Г. И. Роскина, которая была сразу выдвинута на соискание Сталинской премии. Что касается самого Сталина, то по выводам историка советской науки С. Э. Шноля, «когда ему доложили — он рассвирепел. Как только Парин прилетел в Москву, 17 февраля 1947 г., его вызвали в Кремль. Были вызваны также Роскин и Клюева... Сталин держал в руках книгу с множеством пометок. Он был страшен...» [5, с. 226]. Академик В. В. Парин был осужден на 25 лет, освобожден в октябре 1953 г., министр здравоохранения Г. А. Митерев был уволен с поста, а супругам-биологам профессорам Клюевой и Роскину суд чести Минздрава СССР в июле 1947 г. объявил общественный выговор.

Идея Сталина—Жданова о судах чести казалась перспективной. Дело было даже не в физическом истреблении людей, а в моральном унижении человека. Нельзя не согласиться с выводом В. Д. Есакова: «конечно, приструнить слишком самовольничающих министров, их замов и прочих номенклатурщиков полезно... Теперь же им грозит не просто снятие, а публичное разбирательство и поношение» [3, с. 255]. Как следствие, опасаясь риска оказаться «чужими среди своих», номенклатура резко переориентировалась на выполнение директив, стала более осторожной в своих действиях, избегала самостоятельных решений, которые

могли быть поняты и оценены иначе. К тому же в стране начиналась настоящая эпидемия шпиономании. Ведь сам Сталин предостерегал: «буржуазные государства постоянно засылают друг другу массу шпионов. Поэтому нет оснований полагать, что к нам засылают шпионов меньше. Наоборот, буржуазные государства к нам засылают шпионов в два-три раза больше, чем в любую буржуазную державу» [1, с. 43].

Требовалось «покончить с беспечностью и ротозейством, а тем более с низкопоклонством в отношении приезжающих иностранцев» и обеспечить соблюдение государственной тайны. Правительственные директивы требовали от местных властей «обеспечить через соответствующие организации слежку за пребыванием иностранцев в республике, крае, городе, с тем, чтобы знать о каждом их шаге и предупреждать возможность их встреч с людьми болтливыми перед иностранцами и другими нежелательными для нас элементами». 8 июля 1947 г. принято постановление СМ СССР «Об установлении перечня сведений, составляющих государственную тайну», а также указ Президиума Верховного Совета СССР об ответственности за разглашение государственной тайны. Политбюро ЦК ВКП (б) 10 июня 1947 г. утвердило список иностранных ученых для избрания в состав АН СССР: из него были исключены предложенные Президиумом АН СССР американские, английские и мексиканские ученые. Было прекращено издание в СССР на иностранных языках журналов АН СССР: «Докладов Академии наук СССР», «Физико-химического журнала» и «Журнала по физике». Якобы их издание наносило серьезный ущерб советскому государству в связи с утечкой информации. Покупку-продажу литературы на иностранных языках можно было осуществлять только в магазинах «Академкнига» в Москве и Ленинграде. Каждый выезжающий из страны советский гражданин обязан был следовать установленным обязательствам, разработанным 25 июля 1947 г. постановлением СМ СССР о въезде-выезде [3, с. 257].

Для усиления воспитательного эффекта 16 июля 1947 г. в первичные парторганизации было направлено «Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой — Роскина». Вопрос о ходе обсуждения «закрытого письма» регулярно рассматривался в течение второй половины 1947 — начале 1948 гг. на заседаниях секретариата ЦК, трижды — на заседаниях Оргбюро ЦК. Реакция на местах была неоднозначной. Как свидетельствуют архивные материалы «Об итогах обсуждения закрытого письма ЦК ВКП(б) о деле профессоров Ключевой и Роскина на собраниях парторганизаций Могилевского педагогического и Белорусского ордена Трудового Красного Знамени сельскохозяйственного институтов», «участники собрания начали сомневаться в деловых качествах заведующих кафедр и даже политической благонадежности студентов. Было решено провести сплошную проверку научных работников и студентов, а также создать новую партийную группу [7, с. 22, 23].

С другой стороны, по информации секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова, «... в реализации закрытого письма ЦК мы встречаем сопротивление, ... мы встречаем сопротивление и со стороны партийных руководителей, и со стороны хозяйственных руководителей..., они сопротивляются той новой форме воспитания интеллигенции, которую установил ЦК..., но мы обязаны сохранить секретность..., ударить по болтливости, мы обязаны болтливых людей судить в Судах чести, — пусть остальные учатся» [3, с. 261].

В 1948 г. режиссером А. Ромом по сценарию А. Штейна был снят фильм «Суд чести», который в 1949 г. был удостоен Сталинской премии. Сюжет основан на реальных событиях, связанных с судом чести над микробиологами Н. Г. Ключевой и Г. И. Роскиным. По официальным данным картину в 1949 г. посмотрело 15 млн 200 тыс. зрителей. В аннотации отмечалось, что это фильм «о борьбе с проявлениями низкопоклонства перед буржуазной наукой, о воспитании чувства высокого общественного долга, преданности интересам советского государства и о национальном достоинстве советских людей [4].

Организация судов чести. 28 марта 1947 г. было принято постановление СМ СССР и ЦК ВКП(б) «О судах чести в министерствах и центральных ведомствах». В нем предписывалось

организовать суды чести в Министерстве здравоохранения, Министерстве торговли, Министерстве финансов [6, с. 135]. Создавались суды для «воспитания работников государственных органов в духе советского патриотизма и преданности интересам советского государства, ... для борьбы с проступками, роняющими честь и достоинство советского работника». На этот выборный орган из 5—7 человек, решения которого не подлежали обжалованию, возлагались задачи: «рассмотрение антипатриотических, антигосударственных и антиобщественных проступков и действий, совершенных руководящими, оперативными и научными работниками министерств СССР и центральных ведомств, если эти проступки и действия не подлежат наказанию в уголовном порядке». Состав суда избирался тайным голосованием на общем собрании коллектива. Министры и другие первые лица не могли являться членами суда, однако «решение вопроса о направлении дела в суд принадлежит либо министру, либо руководителю ведомства, либо профсоюзной или партийной организации» [6, с. 135].

Первоначально деятельность судов чести не распространялась на высшее руководство страны, однако 7 апреля 1948 г. Политбюро ЦК партии приняло решение о создании судов чести при СМ СССР и ЦК ВКП(б). Под юрисдикцию судов могли попасть секретари компартий союзных республик, министры союзных министерств, председатели комитетов при СМ СССР и другие ответственные работники высокого ранга. Однако привлечь к суду ответственных работников высшего ранга можно было только по решению Политбюро ЦК ВКП(б) и личному согласию Сталина. На практике к суду они почти не привлекались, т. е. «замысел, — как констатировала историк Е. Ю. Зубкова, — оказался значительно шире его практической реализации» [8, с. 100, 101].

По итогам 1947 г. суды чести были созданы в 82 министерствах и центральных ведомствах. Суды избирались сроком на 1 год, поэтому специальным постановлением СМ СССР и ЦК ВКП(б) от 7 июля 1948 г. их деятельность была продлена еще на один год. По официальным данным за 1947—1948 гг. было рассмотрено более 50 дел, в том числе в министерствах и ведомствах состоялось 12 заседаний судов чести [9, с. 61].

«Приговор окончательный и обжалованию не подлежит...»: человеческие судьбы. Несмотря на незначительное количество судебных заседаний, общественный резонанс был высоким. Собственно, к этому и стремились организаторы. В закрытом письме ЦК ВКП(б) по делу профессоров Ключевой и Роскина отмечалось: «... широкая публичность судов чести придавала огромную моральную силу судебному процессу и делала из судов чести мощный рычаг нашего политического воздействия, с которым не могли сравниться пропагандистские кампании общего, отвлеченного типа» [9, с. 61]. Эффект был достигнут. На долгие годы осужденные судами чести превращались во врагов, шпионов, отступников. Н. Г. Ключева и Г. И. Роскин писали Н. С. Хрущеву: «Вынесенный нам приговор несправедлив... За общественной дискредитацией последовала и научная дискриминация... В разных формах и на разных этапах нам в течение 11 лет приходится доказывать, что мы не “сомнительные граждане”, а научные работники, посвятившие себя полезному для больных и научно честному делу» [9, с. 61]. Они были реабилитированы в 1959 г., их исследования позднее были признаны перспективными. Академик В. В. Парин был освобожден в 1953 г., реабилитирован в 1959 г.

В Политехническом музее в Москве 21—22 ноября 1947 г. в присутствии около 1000 зрителей состоялся суд чести Министерства высшего образования СССР над президентом АН БССР, профессором А. Р. Жебраком. Его «вина» заключалась в том, что он сотрудничал с западными коллегами, а в 1945 г. в американском журнале «Science» подверг «унижению и охаиванию передового советского ученого, известного всему культурному человечеству своими трудами в области физиологии и генетики, академика Т. Д. Лысенко». Суд объявил А. Р. Жебраку общественный выговор за попытку «опорочить своих теоретических противников перед лицом зарубежной научной общественности, а в газете “Правда” появилась статья, в которой ученый был обвинен в “низкопоклонстве” перед западной наукой» [10].

Поиски «безродных космополитов» продолжались в других организациях. Суду чести подвергли министра путей сообщения СССР И. В. Ковалева, министра пищевой промышленности В. П. Зотова, начальника Гидрометеорологической службы страны, генерал-лейтенанта, Героя Советского Союза Е. К. Федорова. Генерала обвинили в том, что он в 1944 г. передал английским и американским военным секретные карты лоций северных морей. Попытка доказать на суде, что эти карты были необходимы союзникам для успешной проводки караванов судов, доставлявших по ленд-лизу в СССР вооружение и продовольствие, не имела успеха: приговор суда — общественный выговор. Наиболее суровое решение было принято судом чести в отношении четверых адмиралов. Сталин 13 декабря 1947 г. подписал постановление о передаче суду Н. Г. Кузнецова — бывшего наркома ВМФ СССР, Л. М. Галлера — его заместителя, В. А. Алфузова — бывшего начальника Главного морского штаба и контр-адмирала Г. Л. Степанова. Их обвинили в незаконной передаче союзникам в годы войны проектной документации на парашютную торпеду, которая использовалась для поражения кораблей противника, а также «в благодушии и низкопоклонстве перед иностранщиной» [4]. Обвиняемые документально доказали абсурдность обвинения, однако суд чести принял решение передать дело в Военную коллегия Верховного суда СССР. На закрытом заседании Военколлегии 2 февраля 1948 г. на основании статьи 193-17п УК РСФСР («злоупотребление властью, ее превышение и халатное отношение к службе») В. А. Алфузов и Г. Л. Степанов были приговорены к 10 годам лишения свободы, Л. М. Галлер — к 4 годам (скончался в тюремной больнице в 1950 г.). Н. Г. Кузнецов за личные заслуги в организации ВМФ СССР был оправдан, однако понижен в звании. В 1953 г. все осужденные были реабилитированы с восстановлением воинских званий и правительственных наград [4].

Безусловно, некорректно даже сравнивать масштабы потерь 1930-х гг. и количество осужденных судами чести в 1947—1949 гг. Суды чести стали инструментом внедрения в сознание людей сталинского понимания патриотизма и борьбы против западного влияния.

Это привело к расколу общества на «обвиняемых» и «судей», к осуждению не только инакомыслия, но любой научно-обоснованной или гражданской позиции. Непродолжительный период деятельности судов чести стал прелюдией к широкомасштабной «борьбе с космополитами».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Пихоя Р. Г. Советский Союз: история власти. 1945—1991. М. : Изд-во РАГС, 1998. 736 с.
2. Соколов А. К., Тяжельников В. С. Курс советской истории. 1941—1991. М. : Высш. шк., 1999. 414 с.
3. Есаков В. Д. Сталинские суды чести: масштаб и последствия // Тр. ИРИ РАН. М. : Наука, 2008. Вып. 7. 428 с.
4. Пилипчук А. Советские суды чести и их метастазы // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravo.ru/process/view/5-762> (дата обращения: 25.09.2013).
5. Шналь С. Э. Герои и злодеи российской науки. М. : КРОН-ПРЕСС, 1997. 464 с.
6. Мурич Ю. Суды чести // Изв. ЦК КПСС. 1990. № 11. С. 135—137.
7. Хрестоматия по истории Беларуси : учеб. пособие : в 2 ч. / сост. Я. И. Трищенко и [др.]. Минск : Изд. центр БГУ, 2012. Ч. 2, кн. 2. 1946 — начало XXI в. 439 с.
8. Зубкова Е. Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС (1949—1953) // Свободная мысль. 1999. № 4. С. 96—109.
9. Кутузов В. А. «Суды чести» в СССР во второй половине 1940-х гг. // Клио. 2012. № 12. С. 60—61.
10. Жуков И. Мифы «о борьбе против космополитизма» в СССР // [Электронный ресурс]. URL: <http://www.apn.ru/publications/print19894.htm> (дата обращения: 25.09.2013).

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2013 г.

Е. В. Шило

ФОРМЫ И ОСОБЕННОСТИ ДВОРЯНСКОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ НА БЕЛОРУССКИХ ЗЕМЛЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

На примере дворянских филантропических объединений в Бресте, Новогрудке, Гродно, Минске и Слуцке автор исследует вопрос общественной благотворительности в Российской империи в первой половине XIX в., выявляет наиболее популярные формы ее существования в западных губерниях государства, затрагивает проблему взаимоотношений власти и общественных объединений в сфере благотворительности. Делается вывод об особенностях дворянской общественной благотворительности на белорусских землях в рассматриваемый период времени.

The author investigates the question of a public charity in Russian empire in the first half of XIX century on the base of nobility charity associations in Brest, Novogrudok, Grodno, Minsk and Sluck, brings out the most popular forms of charity's existence in the western provinces of the state, concerns relationships between the authority and public associations in the charity sphere. The conclusion is about peculiarities of a nobility public charity on Belarusian territory in the period, which is being investigated.

Ключевые слова: общественные объединения, дворянство, дворянская благотворительность, Российская империя, первая половина XIX в., западные губернии, белорусские земли.

Keywords: public associations, nobility, nobility charity, Russian empire, the first half of XIX century, western provinces, Belarusian territories.

Любовь к ближнему является одной из самых значимых ценностей христианства и определяющей чертой духовной сущности человека. Наивысшая степень проявления этой любви — помощь страждущим (нищим, калекам, сиротам, больным). Долгое время забота о них была долгом государства либо частной инициативой отдельных лиц. И только с течением времени обязанности по призрению нуждающихся стали возлагаться на разнообразные общественные объединения филантропического характера. Их появление в Российской империи являлось одним из признаков возросшей активности российского общества, в частности дворянства. Это дает возможность изучить генезис гражданского общества.

Первые негосударственные благотворительные объединения в России возникли в Остзейских губерниях: примером может служить Либавское общество для призрения вдов и сирот. Известное еще с 1796 г., оно создавалось с целью предоставления материальной помощи родственникам умерших членов данного объединения [1, с. 39]. В 1807 г. благодаря усилиям епископа Яна Коссаковского было учреждено Виленское человеколюбивое общество. Его филантропическая и новаторская для начала XIX в. деятельность стала широко известной в империи. Призванное «подавать руку дряхлым, увечным и вообще неспособным снискивать себе пропитания, обремененным большим семейством и стыдящимся просить подаяния; доставлять приличную работу тем, кои в состоянии трудиться; пользоваться больных, не имеющих средств платить за лечение; воспитывать бедных сирот, сообразно их званию, полу и возрасту; примирять ссорящихся», благотворительное объединение в Вильно сразу же получило широкую поддержку местного населения и государственные дотации в размере 10 000 руб. ассигнациями [2, с. 12]. Общество занималось тем, что раздавало хлеб и румфордский

суп (суп из костей, крови и других дешевых продуктов, впервые приготовленный англичанином Румфордом. — *Е. III.*) нищим, определяло нуждающихся и способных работать в домах трудолюбия, оказывало бесплатную медицинскую помощь беднякам [3, с. 10, 11]. Новационная деятельность данного объединения определялась его методами борьбы с оспой путем прививки ее по Дженнеру (первая эффективная вакцина от оспы, изобретенная английским сельским врачом Э. Дженнером (пациенту вводился неопасный вирус коровьей оспы. — *Е. III.*)), основанием образцовых образовательных учреждений взаимного обучения — Ланкастерских школ, постройкой дешевых квартир для особо нуждающихся лиц [3, с. 11]. Виленское человеколюбивое общество объединяло в своих рядах высокопоставленных лиц, мелких чиновников, деятелей науки и образования, обычных жителей города. Его членами были литовский военный губернатор А. М. Римский-Корсаков, митрополит С. Сестренцевич-Богуш, ректор Виленского университета С. Малевский и многие другие [2, с. 27—29].

На протяжении первой половины XIX в. частные объединения благотворительного характера стали возникать по всей Российской империи. Наибольшее их сосредоточение наблюдалось в западных губерниях. Так, в 1809 г. было образовано Общество помощи в Пернове, в 1815 г. — Ревельское общество благодарности, в 1819 г. — Женское общество вакцинации в Россиенах, в 1821 г. — Якобштадтское женское благотворительное общество, Общество вспомоществования недостаточным ученикам Виленского университета, Общество для вспоможения вдовам и сиротам в Пернове, в 1822 г. — Дерптское общество помощи, 1826 г. — Общество друзей бедных в Пернове, в 1829 г. — Одесское женское благотворительное общество, в 1836 г. — Митавское общество для призрения беспомощных детей, в 1837 г. в том же городе — Общество для вспомоществования неимущим больным евреям [1, с. 15—41]. За исключением последнего абсолютное большинство членов этих обществ составляли дворяне.

С начала XIX в. общественная благотворительность охватила привилегированное сословие белорусских земель. Наиболее приемлемой формой организации своей филантропической деятельности местное дворянство выбрало официально дозволенное общество. Отличительными чертами данной организационной формы являлось наличие уставного документа, цели, правления, института действительных, почетных членов, членов-соревнователей или сотрудников, проведение регулярных собраний, а самое главное — правительственное признание и утверждение его деятельности силой закона. Получив высочайшее разрешение на право существования, официально дозволенные общества переходили в ведомство Министерства внутренних дел, которому представляли подробные отчеты о своих действиях, сведения о капитале, доходах и расходах, имуществе, количестве населения, получивших помощь. Обычно учреждавшееся благотворительное общество содержало за свой счет заведение по призрению нуждающегося населения. В этом случае ответственными за деятельность благотворительных заведений государственными организациями становились губернские приказы общественного призрения, появившиеся в Российской империи в 1775 г. [4]

На белорусских землях первым возникло благотворительное общество в Бресте. Его основание следует относить к 1808 г. В 1809 г. был опубликован устав данного объединения, где оно именовалось как Товарищество Брестское доброты [5, л. 47—55]. В архивных документах, касающихся первых десятилетий существования объединения, встречается и другое его название — Брестское товарищество о пособии неимущим [6, л. 1].

Благотворительное общество в Бресте создавалось по аналогии с Виленским человеколюбивым обществом, что весьма отчетливо прослеживается по уставам обоих объединений. Так, согласно своему уставному документу, Брестское товарищество о пособии неимущим главными задачами деятельности видело призрение лиц, не способных самостоятельно обеспечивать себя пропитанием; нахождение способов заработка для особ, которые еще в состоянии работать; помощь больным, не имеющим средств для оплаты своего лечения [5, л. 47]. Структура общества предусматривала два отделения: первое из них занималось удовлетво-

нием первейших жизненных нужд, второе — примирением ссорящихся, спасением больных [5, л. 48]. Во главе каждого отделения стоял президент и его заместитель. Непосредственно общество возглавлялось председателем и состояло из действительных членов, вносящих ежегодно в кассу объединения 12 руб. серебром и занимавшихся его текущими делами. В него входили почетные члены, жертвующие еще большую сумму, приходские опекуны, являвшиеся попечителями определенных районов города, и так называемые «члены, помогающие обществу» [5, л. 49]. Последние в уставах более поздних благотворительных объединений известны как «сотрудники или соревнователи» [7, с. 245]. Кроме того, в обществе имелись должности секретаря, казначея и директора благотворительного заведения.

Со времени своего основания Брестское благотворительное общество возглавил Войцех Косаковский, казначеем и директором благотворительного заведения был избран Якуб Масюкевич, секретарем — Ян Витановский, президентом первого отделения общества — Е. Рачинский, второго — А. Пюзе. Было 3 приходских опекуна, 14 действительных членов и столько же почетных членов [5, л. 50—55]. О количестве лиц, призреваемых Брестским благотворительным обществом неимущих, больных, сирот в первой половине XIX в., свидетельствуют следующие данные (представлены на конец каждого года): 1816 г. — 76, 1817 — 54, 1818 — 53, 1819 — 76, 1820 — 67, 1821 — 76, 1822 — 48, 1823 — 31, 1824 — 28, 1825 — 32, 1826 — 35, 1827 — 32, 1828 — 49, 1829 — 54, 1831 — 31, 1832 — 29, 1833 — 35, 1835 — 26, 1836 — 22, 1838 — 21, 1839 — 34, 1840 — 43, 1841 — 44, 1842 г. — 37 [8, л. 20; 6, л. 3; 9, л. 3, 22, 23, 32, 49, 57, 69, 114, 124—125, 132, 141, 161, 169, 272; 10, л. 27; 11, л. 5, 6; 12, л. 7, 8; 13, л. 9, 10, 21; 14, л. 19, 20; 15, л. 3 4; 16, л. 19—22; 17, л. 12, 14; 18, л. 16, 17].

Благотворительное общество в Бресте имело три главных источника своего существования: проценты от сумм недвижимых имений, ежегодные пожертвования, единовременные пожертвования [14, л. 19]. К числу недвижимых имений объединения относились два дома (один из них являлся фундушевым, другой — купленным). В них содержались больные, проживал лекарь и размещалась амбулатория [9; л. 3]. Самыми крупными пожертвованиями в первой половине XIX в. были взносы по завещанию Д. Шамбеяна, К. Шемета [19, с. 178]. Финансовое положение Брестского благотворительного общества видно из табл. 1.

Таблица 1

Движение денежных средств в Брестском благотворительном обществе *

Год	Приход, серебром		Расход, серебром		Остаток, серебром		Капитал, серебром	
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.
1817	893	94	891	50	2	44	5283	—
1821	711	21	637	29	73	92	8665	65
1826	206	60	205	53	1	7	8700	—
1831	545	18	493	41,5	51	77,5	8515	—
1836	1937	5,5	1931	93,5	5	12	—	—
1841	634	52,5	557	58,5	76	94	8400	—

* Составлена автором по данным источников: [6, л. 3; 9, л. 49, 124, 125; 10, л. 27; 13, л. 9, 10, 21; 17, л. 12, 14].

В актах Новогрудского уездного суда 17 декабря 1809 г. было утверждено постановление об учреждении помещиками Новогрудского уезда благотворительного общества [5, л. 7]. Таким образом, в Гродненской губернии возникло еще одно объединение филантропического характера. В феврале 1810 г. оно получило разрешение на существование у гродненского

гражданского губернатора В. С. Ланского, а 16 марта провело первое заседание и 22 марта составило свой уставной документ, получивший высочайшее утверждение 2 июня 1810 г. [5, л. 7, 8; 1, с. 14]. Объединение носило название «Новогрудское товарищество (общество) добротинности» [6, л. 1; 1, с. 13]. На его печати было вырезано «Провидение, под кровом коего основывается попечение» [5, л. 24]. В основу устава объединения был положен устав Виленского человеколюбивого общества. Именно этим объясняется идентичность целей, структуры и направлений деятельности данных организаций. Разница состояла лишь в масштабах их функционирования. С момента своего учреждения Новогрудское товарищество добротинности находилось под покровительством новогрудского уездного предводителя дворянства Иосифа Корбута. В объединении он занимал должность президента второго отделения [5, л. 11, 25]. Непосредственно товарищество основал и возглавил писарь бывшей Литовской военной комиссии, член Эдукационной комиссии Юрий Бялопетрович [5, л. 24; 20, с. 470]. Известно, что в 1821 г. руководство принадлежало Томашу Дубовскому [20, с. 470].

Особенностью благотворительного объединения в Новогрудке было то, что первое и второе отделения общества составляли преимущественно судьи, а директором благотворительного заведения, состоявшего при объединении, являлся адвокат Франц Тераевич [5, л. 24, 25]. Общество воспользовалось данной особенностью, и в своем уставном документе акцентировало внимание на такое направление в своей деятельности, как примирение ссорящихся и разрешение тяжб между помещиками: «Если кто из помещиков обратится к благотворительному обществу и кто кого из достойных уже членов оного изберет для себя посредником или судьей примирения, без сомнения найдет для себя безвозмездную в деле своем помощь и справедливость» [5, л. 20]. Что касается третьего отделения, то оно состояло исключительно из врачей и «членов медицинской части» — уездного врача И. Вольфа, докторов медицины Ф. Эме и И. Ясинского [5, л. 20, 25].

В 1810—1811 г. благотворительное общество в Новогрудке насчитывало 20 действительных членов, обязанных ежегодно жертвовать в кассу 20 руб. серебром, и 9 почетных членов (в основном крупных помещиков) [5, л. 24, 25]. Среди них был Гродненский гражданский губернатор В. С. Ланской, князь А. Радзивилл, граф А. Поцей и др. Женщины, вносящие денежные пособия или занимающиеся сбором пожертвований в пользу общества, записывались в особой книге под названием «Вспомогательные лица общества» [5, л. 18].

Подобно Виленскому человеколюбивому обществу благотворительное объединение в Новогрудке организовало 19 приходов. Они находились под надзором 23 опекунов [5, л. 25, 26]. Задачей последних являлся учет и составление именных списков лиц своего прихода, которым требовалась помощь. Приведем количество лиц, призываемых Новогрудским товариществом добротинности в первой половине XIX в. (данные представлены на конец каждого года с учетом лиц, получавших помощь на дому): 1816 г. — 38, 1817 — 51, 1818 — 36, 1819 — 41, 1820 — 0, 1821 — 34, 1822 — 44, 1823 — 38, 1824 — 55, 1825 — 54, 1826 — 50, 1827 — 29, 1828 — 26, 1829 — 23, 1831 — 35, 1832 — 32, 1833 — 32, 1835 — 26, 1836 — 32, 1838 — 21, 1839 — 23, 1840 — 15, 1841 — 26, 1842 г. — 27 [8, л. 21; 6, л. 9; 9, л. 9, 10, 25, 26, 50, 51, 59, 73, 74, 104, 105, 119, 120, 147, 148, 170, 171, 261, 262; 10, л. 9, 10; 21, л. 2, 3, 24; 11, л. 15, 16; 12, л. 4, 5; 13, л. 2, 3, 23; 14, л. 2, 3; 15, л. 11, 12; 16, л. 15, 16; 17, л. 4, 7, 8; 18, л. 3, 5, 6].

Благотворительная деятельность Новогрудского товарищества добротинности осуществлялась за счет добровольных пожертвований членов общества, единовременных пожертвований, собранных в разное время, а также капиталов по завещанию различных благотворителей [5, л. 23, 24]. Сумма добровольных пожертвований в пользу общества была весьма незначительной по причине небольшого количества его участников. После войны 1812 г. количество членов объединения уменьшилось, а приходские попечители и вовсе прекратили свою деятельность [5, л. 8]. Тем не менее общество продолжало функционировать. Для привлечения большего количества участников в свои ряды товарищество снизило вступитель-

ный взнос с 20 до 10 руб. серебром [5, л. 8, 11]. Также оно провело реорганизацию своей внутренней структуры. Вместо трех отделений, предусмотренных уставом, было образовано одно [5, л. 8]. Качественные изменения внутри самого общества, а также приток добровольных пожертвований обеспечили продолжение деятельности на протяжении первой половины XIX в. Финансовые возможности общества представлены в табл. 2.

Несмотря на то, что некоторые исследователи обозначают 1821 г. началом деятельности благотворительной организации в Гродно, имеются сведения, которые говорят о более раннем основании и функционировании данного объединения [22, с. 20]. Согласно «Dzieje dobroczynności» за 1820—1822 гг., Гродненское благотворительное общество возникло еще в 1819 г., а его учреждение было приурочено ко дню рождения императора Александра I — 12 декабря [20, л. 2—10]. Высочайшее разрешение на свою деятельность оно получило у Александра I 8 августа 1821 г. [7, с. 244]. Непосредственным стимулом к образованию благотворительного объединения в Гродно стала успешная деятельность того же Виленского человеколюбивого общества, а инициатива его открытия принадлежала губернатору М. Андржейковичу. Объединение возникло на основе уже существовавшего в городе Дома благотворительности. Это заведение было создано после событий 1812 г. и размещалось в костеле Святого Духа, разрушенного в результате военных действий [7, с. 244]. На ремонт здания губернатору М. Андржейковичу император Александр I выделил 10 тыс. руб. [7, с. 244]. Благодаря этой сумме, а также добровольным пожертвованиям Литовского военного губернатора и жителей Гродненской губернии, в здании бывшего костела был проведен ремонт, создано благотворительное объединение из дворян. А строение с размещенным в нем Домом благотворительности перешло в непосредственное владение образовавшегося объединения [7, с. 244; 20, с. 10].

В основу устава созданного в Гродно благотворительного объединения был опять положен устав Виленского человеколюбивого общества. Поскольку объектами призрения стали неимущие, больные, увечные, одряхлевшие и неспособные к труду люди, а также сироты и подкидыши, то помощь всем этим категориям населения осуществлялась путем обеспечения их одеждой, денежными пособиями, бесплатными лекарствами и обедами, помещением их в богадельни, госпитали, приюты или школы [7, с. 245]. Руководство Гродненским благотворительным обществом реализовывалось Правлением, избираемым на три года. Во главе стоял Председатель, имевший двух заместителей. В штате числились секретарь (заведовал канцелярскими делами) и казначей (отвечал за финансы). Проводились регулярные собрания. Действительными членами общества являлись те лица, которые либо платили ежегодно членский взнос в размере 5 руб., либо внесли единовременное пожертвование в сумме не менее 60 руб., либо оказали обществу полезные услуги в деле благотворительности (например, бесплатно лечили бездомных больных) [7, с. 245]. В первые годы своего существования (1819—1820) число действительных членов не превысило 8 человек, все принадлежали к дворянскому сословию [20, с. 13]. К числу почетных членов общества относились лица, сделавшие крупные пожертвования либо оказавшие значительные услуги. Членами-соревнователями (или сотрудниками) считались лица, вносившие менее 5 руб. в год или помогающие действительным членам общества в выполнении их обязанностей [7, с. 245].

Для учета нуждающихся члены общества организовали 6 попечительств, за которыми были закреплены определенные районы города [7, с. 245]. Поскольку медицинская помощь была самой востребованной, то в практику вошло бесплатное лечение больных. Например, в 1820 г. на закупку лекарств обществом было потрачено почти 72 руб. ассигнациями. Больные помещались в лазареты за счет объединения либо получали безвозмездную врачебную помощь от члена общества — доктора медицины А. Черетовича [20, с. 7, 9]. Особо нуждающимся общество выдавало денежные пособия. Обычно их выдача приурочивалась к какому-либо знаменательному событию, например, дню рождения императора. Так, 12 декабря 1819 г.

бедное население Гродно получило денежное пособие общей суммой в 180 руб. серебром [20, с. 9]. В функции благотворительного общества в Гродно входило обеспечение одеждой арестантов и особо нуждающихся людей, а также погребение умерших [20, с. 9]. Кроме того, устраивались бесплатные обеды для нищих. Для этого, например, с одним из мещан Гродно был заключен договор, что он за назначенное обществом жалование обязывался готовить обед для нищих, состоявший из полутора фунта хлеба и полгарца супа и порции свежего мяса или свиного сала в воскресенье или праздничные дни [20, с. 8].

Гродненское благотворительное общество оказывало помощь населению как в стенах принадлежавшего ему Дома благотворительности, так и лицам, непосредственно не являвшимся призреваемыми данным заведением, выдавая им денежные пособия или обучая их за свой счет в местных школах или училищах. Приведем количество лиц, призреваемых Гродненским благотворительным обществом в первой половине XIX в. (данные представлены на конец каждого года с учетом лиц, получавших помощь вне Дома благотворительности): 1823 г. — 96, 1826 — 60, 1827 — 63, 1828 — 84, 1829 — 94, 1831 — 56, 1832 — 50, 1833 — 49, 1835 — 57, 1836 — 73, 1838 — 50, 1839 — 69, 1840 — 52, 1841 — 68, 1842 г. — 60 [9, л. 111, 112, 122, 123, 138, 139, 172, 173, 267, 268; 10, л. 18, 19; 21, л. 15, 16, 21; 11, л. 13, 14; 12, л. 10, 11, 18; 13, л. 6, 7, 18, 19; 14, л. 7—9; 15, л. 17, 18; 16, л. 3, 7; 17, л. 17—19; 18, л. 10—12].

Источниками существования Гродненского благотворительного общества были регулярные членские взносы, доходы от капиталов и имуществ, сборы по подписным листам и книжкам, прибыль от организации благотворительных балов, театрализованных спектаклей, суммы, полученные от продажи лотерейных билетов, а также единовременные частные пожертвования [19, с. 178]. К числу крупных благотворителей следует отнести губернатора и председателя организации М. Андржейковича, пожертвовавшего 5000 руб. ассигнациями, и других [20, с. 3]. Масштабы финансовой деятельности общества представлены в табл. 3.

В Минской губернии первое схожее общество было создано в самом Минске. Инициатива принадлежала Якубу Дедерко — епископу Минской епархии. В 1810 г. Я. Дедерко обратился к местным жителям с речью о необходимости основания госпиталя, деятельность которого состояла бы в оказании помощи неимущим больным, призрении детей, рожденных вне брака или «в грехе разврата», призоре и нравственном воспитании бедных сирот, воспитании дочерей бедных родителей [24, с. 4].

Предложение епископа было одобрено населением Минска, что позволило ему составить смету в 30 тыс. руб. на постройку будущего госпиталя и заняться вопросом получения официального разрешения на открытие благотворительного заведения [3, с. 6]. В Минске 5 марта 1811 г. Я. Дедерко собрал заседание, состоявшее из 11 человек: 5 духовных и 6 гражданских лиц [24, с. 5]. На заседании он сообщил о получении официального разрешения на основание в столичном городе Минской губернии госпиталя, а также на учреждение здесь благотворительного общества, ведавшего бы постройкой и содержанием данного заведения. Я. Дедерко призвал всех присутствующих «совместными силами» разработать устав общества [24, с. 5]. Этот день считается днем основания первого благотворительного объединения в Минске, известного как «Благотворительное общество шпиталья “Милосердие”».

Цель благотворительного объединения заключалась в «призрении больных и престарелых людей бедного состояния, лишенных средств к снисканию себе пропитания собственными трудами» [25, с. 1]. Непосредственное управление обществом осуществлялось Советом в лице председателя и избираемых на три года четырех действительных членов, а заведывание госпиталем лежало на попечителе, содействие которому оказывали эконо и врач. Эконом занимался хозяйственной частью госпиталя, вел приходе-расходные книги, составлял ведомости для ежемесячного и годового отчета о приходе и расходах заведения. В помощь врачу назначался еще и опытный фельдшер. Все члены объединения разделялись на действительных, почетных и членов-благотворителей. Помимо того, общество имело секретаря, писцов и

Таблица 2

Финансовое состояние Новоградского товарищества добротчинности в первой половине XIX в.

Год	Приход			Расход			Остаток			Капитал		
	золото- том	серебром (руб., коп.)	ассигна- циями	золото- том	серебром	ассигна- циями	золото- том	серебром	ассигна- циями	золото- том	серебром	ассигна- циями
1817	176	515 руб. 51 коп.	35 руб.	114	437 руб. 75 коп.	—	62	77 руб. 76 коп.	35 руб.	—	—	—
1821	63	414 руб. 3 коп.	180 руб.	49	249 руб. 40 коп.	—	14	164 руб. 63 коп.	180 руб.	753	194 руб. 92 коп.	—
1826	42	90 руб. 23 коп.	—	42	86 руб. 63 коп.	—	0	3 руб. 60 коп.	—	753	194 руб. 92 коп.	—
1831	132	2504 руб. 75 коп.	—	—	2415 руб. 95 коп.	—	132	88 руб. 80 коп.	—	100	4119 руб.	—
1836	74	625 руб. 71 коп.	—	—	290 руб. 90 коп.	—	74	334 руб. 87 коп.	—	100	3700	—
1841	99	815 руб. 78 коп.	—	63	341 руб. 50 коп.	—	36	474 руб. 28 коп.	—	100	4237	—

* Составлена автором по данным источников: [6, л. 9; 9, л. 50. 51, 119, 120; 10, л. 9, 10; 13, л. 2, 3, 23; 17, л. 4, 7, 8].

Таблица 3

Финансовое Состояние Гродненского благотворительного общества в первой половине XIX в.

Год	Приход			Расход			Остаток			Капитал		
	золотом	серебром	ассигнация- ми	золотом	серебром	ассигнациями	золотом	серебром	ассигнациями	золотом	серебром	ассигнациями
1827	23	853 руб. 74 1/2 коп.	2436 руб. 53 коп.	10	811 руб. 75 коп.	2078 руб. 7 коп.	13	41 руб. 99 коп.	358 руб. 46 коп.	1366	1912 руб. 5 коп.	13515 руб.
1831	65	126 руб. 97 коп.	414 руб. 24 коп.	43	113 руб. 37 коп.	414 руб. 24 коп.	22	13 руб. 59 коп.	—	331	6659 руб. 77 коп.	12 784 руб. 80 коп.
1836	80	815 руб. 79 коп.	3044 руб. 84 коп.	47	749 руб. 42 коп.	2445 руб. 3 коп.	33	66 руб. 37 коп.	599 руб. 81 коп.	100	4337 руб. 70 коп.	11000 руб.
1840	33	904 р. 15 коп.	2165 руб. 10 коп.	17	868 руб. 2 коп.	1658 руб. 9 коп.	16	36 руб. 13 коп.	507 руб. 1 коп.	100	3100 руб.	12000 руб.
1844	14	1053 руб. 98 коп.	—	14	869 руб. 6 коп.	—	—	184 руб. 91 коп.	—	—	6380 руб.	2000 руб.

* Составлена автором по данным источников: [9, л. 138, 139; 10, л. 18, 19; 13, л. 6, 7, 18, 19; 16, л. 3, 7; 23, л. 12—14].

собственную печать с изображением всевидящего ока и надписью «Минское благотворительное общество» [25, с. 1—10].

Я. Дедерко являлся и первым председателем благотворительного объединения в Минске. Эту должность он занимал до 1813 г. Когда началась война 1812 г., епископ поддержал Наполеона. Данный факт, а также его активное участие в жизни униатской церкви, привели к ссылке в Олыку (там он умер в 1829 г.). В дальнейшем (вплоть до конца первой половины XIX в.) руководили Минским благотворительным обществом представители духовенства [24, с. 15, 16]. Его действительными членами являлись те лица, которые помимо уплаты ежегодных взносов занимались также делами общества. В основном это были крупные чиновники губернских учреждений, высшее епархиальное духовенство, богатые помещики-землевладельцы и промышленники. По сословному признаку преобладали дворяне. Почетными членами объединения были Виленский военный губернатор, Гродненский, Минский и Ковенский генерал-губернатор, начальник Минской губернии, местные епархиальные епископы православного и римско-католического вероисповеданий, минский губернский предводитель дворянства, городской голова Минска, а также лица, сделавшие обществу крупное единовременное пожертвование либо выплачивавшие в пользу общества постоянные ежегодные взносы не менее 5 руб. серебром [25, с. 1—3].

За 1811—1846 гг. (период, ограниченный рамками действия первого устава) инициатива благотворительного объединения в Минске, по сути, не выходила за границы содержания госпиталя для бедных и больных. Его постройка началась на Троицкой горе еще в 1811 г. и затянулась более чем на 10 лет первоначально по причине войны 1812 г., затем — ссылки инициатора и председателя общества, позже — противодействий со стороны православного духовенства [24, с. 5—7]. Точкой отсчета деятельности госпиталя можно считать 16 июня 1822 г. [24, с. 8]. Уже за первый год (1822—1823) благотворительное заведение в Минске оказало помощь 174 лицам, приютило 5 подкидышей, 5 инвалидов и старушек [24, с. 17]. Присмотр за больными, уход за детьми и престарелыми людьми осуществлялся, как и было задумано основателем общества Я. Дедерко, сестрами милосердия из Ордена святого Винсента де Поля, прибывшими в Минск из Вильно в 1825 г. [24, с. 8]

Если в первый год своей деятельности благотворительное заведение в Минске оказало помощь 174 больным, то в 1843 г., по данным Министерства внутренних дел, эта цифра увеличилась до 396 [1, с. 27]. В этом же году госпиталь призрел 11 старых и немощных человек, 16 сирот и подкидышей, содержал на воспитании 63 девочки. В 1846 г. количество больных, получавших помощь в госпитале, составило 266 человек [24, с. 18].

Призрение больных, сирот и подкидышей, также как и воспитание девушек, осуществлялось обществом за счет постоянного дохода от капитала объединения и принадлежавшей ему недвижимости, а также непостоянного дохода от призываемых, поступления членских взносов и единовременных пожертвований. До 1846 г. недвижимое имущество общества состояло из дома на Троицкой горе, аптеки, купленной обществом в 1824 г. у доктора Габриеля Гольца из Слуцка за 3600 руб. серебром, и трех земельных участков: фермы Голубовка, фермы Сухая Гора и сенокоса [24, с. 5, 9, 14, 15]. Ферма Голубовка, равная почти 83 десятинам, отошла к обществу в 1828 г. по завещанию помещицы Пфефферкорн. В 1831 г. помещица Станишевская отдала обществу ферму Сухая Гора в 140 десятин, а сенокос был пожертвован епископом Равой [24, с. 14, 15]. Самые крупные единовременные пожертвования за первый период деятельности общества были сделаны епископом Я. Дедерко, а также митрополитом С. Сестренцевичем-Богушем, отдавшим в 1812 г. объединению в банк под проценты 1000 руб. Кроме того, в 1830 г. по приказу великого князя Константина Павловича в кассу Минского благотворительного общества был перечислен капитал общей суммой в 1 769 руб., оставшийся от ранее существовавшей в Минске масонской ложи [3, с. 21—23; 24, с. 14, 15]. По данным Министерства внутренних дел за 1843 г., доходы благотворительного общества в Минске

составили 3634 руб. 94 3/4 коп. серебром, расходы — 3079 руб. 69 коп. серебром, а капитал — 64 748 руб. 67 3/4 коп. серебром [1, с. 27].

Вторым по значимости благотворительным объединением Минской губернии стал Попечительный о бедных комитет в Слуцке. Инициатива его учреждения принадлежала графу С. Шантырю и слущкому уездному предводителю дворянства А. Непокойчицкому. Станислав Шантырь являлся прелатом и старшим ассессором в Санкт-Петербургской духовной римско-католической коллегии. В 1815 г. С. Шантырь был назначен настоятелем Слуцкого прихода, где вместе со слущким уездным предводителем дворянства А. Непокойчицким занялся активной общественной деятельностью. Именно они составили проект благотворительного объединения в Слуцке и представили его на рассмотрение Главному Попечителю Императорского человеколюбивого общества князю А. Н. Голицыну, который, в свою очередь, добился высочайшего разрешения на учреждение комитета в Слуцке [26, с. 358].

Как и многие другие филантропические общества, благотворительное объединение в Слуцке было сформировано на основе уже действующего здесь благотворительного заведения — Дома Милосердия, основанного в 1818 г. С. Шантырем [27, с. 152]. Есть основания полагать, что вокруг данного заведения в том же году было составлено благотворительное объединение, однако тогда оно еще не получило разрешения от правительства на свое функционирование. В 1821 г. С. Шантырь предал огласке сведения о приходе и расходах Дома Милосердия, о количестве населения, уже получившего помощь от данного заведения, опубликовав эту информацию в «*Dzieje dobroczynności*». Так, приход Дома Милосердия в 1821 г. составил 37 291 злотых, расход — 37 174 злотых. Количество призываемых в заведении в том же году равнялось 60 человек, 18 человек получило медицинскую помощь в стенах Дома Милосердия, 103 человека — на дому. Кроме того, на попечении Дома Милосердия в 1821 г. находились 2 воспитанницы, 4 сироты, 5 старушек, 3 студента и 96 учеников, получавших образование в церковно-приходских школах Слуцка, Копыля и Уречья [20, с. 691—699]. Вероятно, небольшое количество участников благотворительного общества при Доме Милосердия в Слуцке заставили его основателя искать помощи у правительства. В итоге данное объединение было принято в ведомство Императорского человеколюбивого общества, учрежденного еще в 1802 г., и стало именоваться Слуцким Попечительным комитетом о бедных [26, с. 358].

Особенностью данного объединения являлся его статус государственной организации при явно выраженных признаках негосударственного благотворительного общества. Комитет был образован по инициативе частных лиц, имел устав, утвержденный Советом Императорского человеколюбивого общества 2 февраля 1822 г., где были прописаны цели его создания [26, с. 358]. Они заключались в оказании помощи пострадавшим от пожара и других несчастных случаев; оказании помощи при выдаче замуж бедных девушек; предоставлении пособий на погребение умерших бедняков; призрение больных, дряхлых, увечных и нетрудоспособных; воспитании беспомощных малолетних детей и обучении их наукам и ремеслам, соответственно их статусу и способностям; предоставлении, по возможности, рабочих мест безработным, а также снабжении материалами бедных тружеников и сбыте их изделий [28, с. 5, 6]. Вместо института действительных и почетных членов комитет имел институт попечителей и институт членов-благотворителей. Управление комитетом осуществлялось Председателем, которого выбирали на три года из своего числа попечители. Помимо того, общество имело секретаря и казначея для заведования канцелярскими делами и кассой, проводило регулярные заседания с частотой два раза в месяц (1 и 15 дня месяца) [28, с. 15].

Открытие Слуцкого Попечительного комитета о бедных произошло 23 апреля 1822 г. в доме уездного предводителя А. Непокойчицкого. С момента образования должность председателя комитета занимал А. Непокойчицкий, а после его отъезда из Слуцка в 1832 г. и до 1847 г. — граф С. Шантырь. Согласно уставу комитета общее количество попечителей составляло 15 человек [28, 18, 19]. Среди них были действующие офицеры и офицеры в отстав-

ке, служкие чиновники, настоятели церквей, деятели науки и местные жители — преимущественно дворяне.

К реализации поставленных целей благотворительное общество в Слуцке приступило немедленно. Уже в день своего открытия в Доме Милосердия, учрежденном прелатом С. Шантырем и предназначенном к передаче его в введение комитета, был дан обед 75 нищим, после которого бедное население получило пособие в соответствии с нуждами и состоянием каждого из них [26, 359]. Дальнейшая деятельность объединения была связана с действиями, прежде всего, его основателей, попечителей и заведений, принадлежавших комитету. Для выявления нуждающегося населения попечители комитета разделили между собой Слуцк и весь Слуцкий уезд. В своем районе они искали нищенствующее население, докладывали в комитет об их положении, посещали страждущих, вносили добровольные пожертвования, увеличивали количество членов-благотворителей [26, с. 358]. Большого внимания заслуживает деятельность так называемых Дам благотворительности («*Dam dobroczynnych*»), в обязанности которых входил сбор денежных средств с населения на нужды Дома Милосердия. Их усилиями в 1820 г. была собрана сумма, равная 2207 червонцам [27, с. 151, 152].

Средствами, на которые осуществлялась деятельность комитета, были доходы от недвижимого имущества, ему принадлежавшего, а также добровольные пожертвования попечителей, членов-благотворителей и всех сочувствующих деятельности данного объединения. Так, первыми жертвователями в пользу комитета были его учредители С. Шантырь и А. Непокойчицкий, от которых в кассу объединения поступило 5220 руб. ассигнациями [26, с. 359–360]. Что касается императорских дотаций, то при открытии благотворительного объединения в Слуцке они составили 2000 руб. [26, с. 360]. По данным МВД за 1842 г., доходы Слуцкого попечительного о бедных комитета составили 27 153 руб. 45 коп. серебром, расходы — 1553 руб. серебром, количество призываемых — 393 человека. [26, с. 368, 369].

Деятельность Слуцкого Попечительного о бедных комитета можно разделить на несколько периодов. Первый (1822—1847) связан с успешной деятельностью комитета благодаря авторитету и активным действиям его учредителей. В 1832 г. А. Непокойчицкий уезжал из Слуцка, а в 1847 г. умер граф С. Шантырь (по другим данным, около 1840 г.). С его смертью в истории объединения наступил второй период, когда деятельность комитета пришла в упадок, и в 1853 г. Совет Императорского человеколюбивого общества поставил вопрос о его ликвидации. Но затем, после обновления личного состава комитета, благотворительная деятельность была возобновлена и продолжалась до 1917 г. [26, с. 360, 361].

В благотворительных обществах Бреста, Новогрудка, Минска, Слуцка и Гродно по словесному признаку преобладали дворяне. Филантропия была для них одним из способов приобретения социального престижа, нередко сопровождавшаяся материальным и должностным поощрением со стороны власти. Ярким примером тому может служить Я. Дедерко, получивший от Александра I орден св. равноапостольного князя Владимира II-й степени за проявленную им инициативу в деле общественной благотворительности [3, с. 7, 8]. К концу первой половины XIX в. в личном составе объединений наблюдается размывание сословных рамок. Например, в именном списке членов Брестского благотворительного общества за 1840 г. значился купец по фамилии Штреер, занимавший должность вице-президента общества, а директором Дома призрения являлся священник Долинский. Среди действительных членов этой организации были также аптекари, лекари, мелкие чиновники [16, л. 5].

С момента возникновения объединения филантропического характера получили поддержку со стороны государства. Однако события в Западной Европе и Российской империи 1819—1825 гг. изменили отношение власти ко всем общественным организациям. Убийство агента Российской империи писателя А. Коцебу в студенческих союзах Германии, смерть герцога Беррийского, заговор Тистельвуда в Англии, революции в Испании, Неаполе, Португалии, греческое восстание, расстрел английских радикалов под Манчестером, карлсбад-

ский конгресс Священного союза и, наконец, Семеновский бунт — все эти события «побудили императора видеть и подозревать везде деятельность какого-то революционного комитета, который, как полагали, распространял из Парижа свою деятельность по всей Европе с целью низвергнуть существующие правительства и ввести свойственные революции формы и деспотизм» [30, с. 411]. В итоге 1 августа 1822 г. был издан указ, направленный на уничтожение деятельности масонских лож и других тайных обществ [31]. Благотворительные организации в это время пока еще не встретили препятствий со стороны власти, однако реакция государства на процесс общественной самоорганизации стала очевидно настороженной.

С приходом к власти Николая I положение негосударственных легальных объединений еще более ухудшилось. В 1826 г. император подтвердил указ 1822 г., обязав всех лиц, находившихся на государственной службе, давать подписку о непринадлежности к тайным обществам [32]. В 1827 г. был принят устав о предупреждении и пресечении преступлений. Данным законодательным актом запрещалось образовывать какие-либо частные общества без высочайшего разрешения [22, с. 27, 28]. Поэтому ряд благотворительных объединений был взят под покровительство царствующих особ. Так, с 1846 г. покровительницей Минского благотворительного общества стала принцесса Мария Александровна [3, с. 15].

В апреле 1831 г. последовало еще одно высочайшее повеление, касающееся в большей мере благотворительных организаций. Было объявлено всем генерал-губернаторам и военным губернаторам, управляющим гражданской частью, «чтобы они сами собою не утверждали правил для каких бы то ни было обществ или для управления какими либо заведениями, без предварительного о том сношения с Министерствами по принадлежности» [33, л. 2]. А в марте 1848 г. Николай I вообще запретил образовывать новые благотворительные общества, заявив о том, что «всякий имеет возможность оказывать пособие бедным личным подаванием либо через посредничество приказов общественного призрения» [22, с. 41].

Таким образом, дворянская филантропия, превратившись в одну из самых распространенных и популярных составляющих общественных объединений, в первой половине XIX в. прошла путь от частной инициативы к созданию многочисленных объединений негосударственного характера. В конце первой половины XIX в. волей государства она вновь была поставлена на позиции частной инициативы, дополнявшейся участием дворянства в объединениях, стоявших под началом двора. Особенности дворянских благотворительных объединений на белорусских землях были: явная ориентация на Виленское человеколюбивое общество; попытка решения вопросов, напрямую не связанных с благотворительностью (например, разбирательство судебных тяжб благотворительным обществом в Новогрудке); размытые сословные рамки в составе объединений при доминировании дворянского элемента.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Фролов Г. И. Частные благотворительные заведения и общества в империи // Журн. М-ва внутренних дел. 1845. Кн. 10. С. 3—42.
2. Ustawy Wilenskiego Towarzystwa Dobroczytnosci. W Wilnie : u Alexandra Zołkowskiego w drukarni. 1817. 34 s.
3. Минское Благотворительное Общество, 1811—1911 гг. Минск : Тип. И. Каплан, 1911. 29 с.
4. Учреждения для управления губерний Всероссийския Империи, 7 нояб. 1775 г. // ПСЗ Рос. империи. Собр. 1-е : в 40 т. СПб., 1830. Т. 20. С. 229—304.
5. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1 (Канцелярия гродненского губернатора). Оп. 20. Д. 875 — Копии уставов и правил благотворительных обществ губернии.
6. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1208 — Переписка с Министерством полиции о доставлении сведений о действии Брестского товарищества в оказании помощи бедным.
7. Улейчик Н. Благотворительные общества в Гродненской губернии в первой половине XIX в. // Шлях да ўзаемнасці: польска-беларускія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі :

матэрыялы XV міжнар. навук. канф. (Гродна, 13—14 ліст. 2008 г.) / рэдкал. : І. Крэнь [і інш.]. Гродна, 2009. С. 244—248.

8. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1104 — Сведения о расходе денежных сумм Брестским товариществом добротчина на больных и неимущих.

9. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1342 — Отчеты благотворительных обществ по Гродненской губернии о их деятельности.

10. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 27. Д. 200 — Отчеты о приходе и расходе денежных средств по благотворительным обществам губернии.

11. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 27. Д. 640 — Отчеты о деятельности благотворительных обществ в губернии.

12. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 19. Д. 968 — Отчеты о деятельности Новоградского, Брестского и Гродненского благотворительных обществ за 1835 г.

13. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 19. Д. 1501 — Ведомости о состоянии благотворительных обществ.

14. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 19. Д. 1706 — Ведомости о состоянии благотворительных обществ по Гродненской губернии за 1838 г.

15. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 20. Д. 392 — Отчеты о состоянии Благотворительных домов в Гродненской губернии за 1839 г.

16. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 20. Д. 393 — Отчеты о состоянии Благотворительных домов в Гродненской губернии за 1840 г.

17. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 20. Д. 871 — Отчеты о состоянии Благотворительных домов в Гродненской губернии за 1841 г.

18. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1067 — Отчеты о деятельности благотворительных обществ губернии за 1842 г.

19. *Омелько С.* Отображение сословной благотворительности в фондах Национального исторического архива Беларуси в г. Гродно (конец XVIII — первая половина XIX в.) // Шлях да ўзаемнасці: [польска-беларускія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі] : матэрыялы XV міжнар. навук. канф. (Гродна, 13—14 лістап. 2008 г.) / рэдкал. : І. Крэнь [і інш.]. Гродна, 2009. С. 175—180.

20. *Dzieje dobroczynnosci krajowej i zagranicznej z wiadomosciami ku wydoskonaleniu jej sluzacemi.* Wilno : Typografia A. Marcinowskiego, 1821. 2300 s.

21. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 27. Д. 406 — Статистические отчеты и ведомости о состоянии Брестского, Новоградского и Гродненского благотворительных обществ за 1832 г.

22. *Соколова М. А.* Общественные объединения и движения в Беларуси в конце XVIII — начале XX века: проблемы становления гражданского общества. Минск : Беларус. наука, 2002. 134 с.

23. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 20. Д. 1149 — Финансовые отчеты Брестской и Гродненской комиссий благотворительных обществ за 1841 г.

24. *Offenberg J.* Z dziejow Minskiego Towarzystwa Dobroczynnosci: (z powodu otwarcia nowego szpitala. Wilno : Drukarnia A.G. Syrkina, 1906. 23 s.

25. Устав Минского Благотворительного общества. Б. м., 1846. 16 с.

26. *Троицкий В.* Исторический очерк Совета Императорского Человеколюбивого общества и подведомственных ему благотворительных учреждений. СПб. : Гос. типография, 1898. 456 с.

27. *Dzieje dobroczynnosci krajowej i zagranicznej z wiadomosciami ku wydoskonaleniu jej sluzacemi.* Wilno : Typografia A. Marcinowskiego. 1823. T. 3. № 9—12.

28. *Ustawa Sluckiego Komitetu opiekunczego ubogich Imperatorskiego czlęko-lubnego Towarzystwa.* W Wilnie : w drukarni A.Marcinowski. 1822. 19 s.

29. Состояние Императорского человеколюбивого общества за 1842 год // Журн. М-ва внутренних дел. 1844. Кн. 2. С. 368—369.

30. *Бокова В. М.* Эпоха тайных обществ. Русские общественные объединения первой трети XIX в. М. : Реалии-Пресс, 2003. 656 с.

31. О уничтожении Массонских лож и всяких тайных обществ, 1 августа 1822 г. // ПСЗ Рос. империи. Собр. 1-е : в 40 т. СПб., 1830. Т. 38. С. 579—580.

32. О истребовании от чиновников обязательств о несостоянии в тайных обществах // ПСЗ Рос. империи. Собр. 2-е : в 55 т. СПб., 1830. Т. 1. С. 390—391.

33. НИАБ в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 20. Д. 631 — Циркуляр Министра Внутренних Дел о порядке учреждения обществ и заведений.

Н. Н. Гончаров

ПРАВОСЛАВНО-РУССКАЯ НАРОДНАЯ КОНЦЕПЦИЯ «РЕВОЛЮЦИИ СПРАВА» НАЧАЛА XX в.

Монархическое движение разделялось на дворянско-аристократическое и народно-крестьянское направления. Идеологическим ориентиром народно-крестьянского монархизма была надежда на социальные преобразования в народных интересах. Под идеологию «революции справа» подводилась православно-русская религиозная основа. Элементами православно-русской народно-крестьянской концепции социальной борьбы являлись идеологемы — «Помазанник Божий», призванный воплотить в жизнь «народную правду»; «земля Божия»; «черный передел». Концепция «революции справа» отражала цивилизационные особенности восточных славян и народную реакцию на буржуазные реформы по западноевропейскому образцу в Российской империи начала XX в.

Monarchic movement was divided into the noble aristocratic and national directions. Ideological reference point of national and country monarchism was the hope of social transformations in national direction. Under ideology «revolutions on the right» the Orthodox-Russian religious basis was brought. Elements of the orthodox-Russian national concept of social fight: «The God's anointed sovereign», urged to embody «the national truth» in public life; «God's Earth»; «Black repartition». The orthodox-Russian national concept «revolutions on the right» reflected civilization features of east Slavs and national reaction to bourgeois reforms on the West European sample in the Russian Empire the XX century beginnings.

Ключевые слова: православно-русская концепция, «народная правда», «революция справа», правый радикализм, народно-крестьянский монархизм, «земля Божия», «черный передел».

Keywords: Orthodox-Russian concept, «the national truth», «revolutions on the right», right radicalism, national and country monarchism, «The God's earth», «Black repartition».

Современное общество на постсоветском пространстве развивается в русле интенсивных модернизационных процессов, которые влекут системную дифференциацию и глубокие контрасты. Исторические параллели тенденций модернизации актуализируют вопрос о социальной справедливости в контексте отечественной истории начала XX в. Новые факты из архивных фондов свидетельствуют о привнесении крестьянскими низами идей, аналогичных социал-демократическим идеологическим установкам, в политическую практику периферийных отделов монархических организаций. Под народные представления о справедливости в крестьянской среде подводилась православно-русская религиозная основа, приводящая в систему идеалы «народной правды», что позволяет обозначить их совокупность термином «православно-русская народная концепция социальной борьбы». В статье употребляется бюрократическая терминология начала XX в. для обозначения официальной конфессионально-этнической принадлежности активистов монархических организаций. Правые партии стали первой политической школой для патриархальных слоев населения в их борьбе за свои сословные интересы. В публикации термины «правый радикализм» и «революция справа» используются как синонимы.

Раскол черной сотни на течения дворянско-аристократического и народно-крестьянского монархизма. По воспоминаниям современников, вертикаль власти опасно балансировала между «революционерами слева» и «революционерами справа» (не признававшими общественного строя, основанного на буржуазных стандартах), раскачивавшими государственный ко-

Гончаров Николай Николаевич — аспирант кафедры славянской истории и методологии исторической науки Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка. E-mail: n-n-goncharov2014@yandex.ru

рабь и одинаково способными на провокацию социального взрыва. Экстремистскими акциями, направленными на силовое удержание от трансформаций традиционного общественного строя в России начала XX в., крайние монархисты заслужили от современников ярлык «революционеров справа» [10, с. 43; 16, с. 149]. Силовое подавление официальными и нелегальными методами либеральных и революционно-демократических тенденций в общественной жизни с целью сохранения системы составило сущность дворянско-аристократического направления черносотенной «революции справа». Незученным остается народно-крестьянское движение в черной сотне, преследовавшее почти те же цели, что и социал-демократия: подрыв дворянского землевладения, передача земли крестьянам, сохранение крестьянской общины. Отличие народного монархизма заключается в воплощении идеи социальной справедливости в религиозную православно-русскую форму и в наивной надежде на реализацию «народной правды» самим монархом.

Классовую базу крайне правых организаций составили патриархальные сословия. Партийное руководство осуществляли представители вышестоящих социальных слоев: дворянства, духовенства, отставного офицерства, чиновничества, мещанства. Аристократические круги в правых партиях пытались низвести крестьянство до уровня пассивной массы. Однако крестьяне активизировались в периферийных отделах монархических организаций с целью реализации своих сословных интересов, заключавшихся в «земле и воле». Дворяне стремились играть руководящую роль в «черной сотне» в лице Объединенного дворянства — организации, созданной в Петербурге 21—28 мая 1906 г. на I съезде уполномоченных дворянских обществ [1, с. 186; 12, с. 12, 160, 402, 404].

Даже в главном совете «самой “демократичной” черносотенной организации — СРН», 17 из 34 членов принадлежали к дворянскому сословию. Среди 45 председателей губернских отделов СРН было 29 дворян [13, с. 85, 90, 93]. Дворянское руководство встречалось и на уездном уровне: председателем пинского объединенного отдела Союза русского народа и Союза русских людей (СРН-СРЛ) был дворянин В. В. Казаринов. Однако чем ближе к «почве», тем динамичнее был социальный состав актива. В 1908 г. Совет Витебского губернского отдела СРН состоял из 6 дворян, 1 священника, 7 мещан; Совет уездного отдела СРН (г. Себеж Витебской губ.) — 1 дворянин, 1 священник, 1 купец, 1 мещанин, 8 крестьян; Совет отдела СРН в посаде Должицы Витебской губ. — 11 мещан, 1 крестьянин; Совет подотдела СРН с. Телятино той же губернии — 1 дворянин, 1 священник, 12 крестьян [15, с. 143].

Сохранились имена представителей интересов социальных низов в монархической среде Минской губернии в 1907 г.: председателем отдела СРН в с. Дерновичи Речицкого уезда был Никита Шороп, председателем отдела СРН в с. Червищи Пинского уезда — Михаил Приходько. Партийный актив отдела СРН с. Луинец Пинского уезда был представлен председателем Сергеем Радюком, Герасимом Голубевым, Петром Ельским и неграмотными крестьянами Евстафием Голубевым и Петром Голубевым [8, л. 42, 43, 516, 544, 544 об.].

По мере увеличения численности крестьян в низовых структурах СРН повышалась социальная радикализация черносотенных объединений. Крайне правые стремились играть на традиционализме православно-русского крестьянства [14, с. 191]. По программе СРН коррективировка общественного строя праворадикалами предусматривалась с жесткой ориентацией на цивилизационные особенности России, за которой признавалось «всемирно-христианское призвание», олицетворяемое православным царским самодержавием [3, с. 139, 141].

Последовательная социальная модернизация по западноевропейским стандартам буржуазного индивидуализма воспринималась крайне правыми враждебно. Ультраправые утопически стремились воплотить в социальной жизни синтез буржуазной частной инициативы со свойственным русским народным массам общинным коллективизмом. Проявленные частью монархистов симпатии к крестьянской общине в определенной мере (как и политический экстремизм) роднили «революционеров справа» с «революционерами слева». Так, Столыпин-

ские реформы в направлении социальной модернизации подвергались резкой критике на страницах печатного органа СРН «Русское знамя». Разрушение сельской общины подавалось как катастрофа, о чем выходили публикации и после гибели П. А. Столыпина. В 1912 г. «Русское знамя» освещало безнадежную борьбу крестьян-общинников в белорусских губерниях, в частности писало о «ходатайстве крестьян-ходоков Гродненской губ. об отмене хуторского землевладения» [7, с. 657]. Интенсивность критики аграрной реформы не снижалась и позже: в публикации «Русского знамени» «Как выделяются хутора» от 18 августа 1913 г. раскрывались причины крестьянского недовольства: «...В нашей местности выход одного крестьянина на отруб или хутор влечет за собою разгром целого общества... выделенный кусок, да еще хорошей земли, включает в себя полосы многих крестьян...» [7, с. 663, 664].

Столыпинское правительство вело напряженную и одновременно тонкую борьбу с черносотенными публикациями: выход изданий приостанавливался, по истечении времени арест с издания снимался, но информация при этом уже теряла свою актуальность. В частности, телеграммой минскому губернатору от министра внутренних дел П. А. Столыпина от 13 апреля 1907 г. приказывалось наложить арест на № 84 газеты «Русское знамя». В этот же день указание было исполнено, о чем свидетельствует «циркуляр минского губернатора полицеймейстерам и уездным исправникам» от 13 апреля 1907 г. Процесс же снятия ареста с печатного органа затягивался. Циркуляр Главного управления по делам печати минскому губернатору от 27 апреля 1907 г. предписывал отмену ареста в отношении № 84 «Русского знамени». Однако на местах это происходило гораздо позже. Только через две недели «циркуляр минского губернатора полицеймейстерам и уездным исправникам» доводил до сведения структур местной власти отмену ареста на это издание. Те же санкции касались и № 190 и 223 «Русского знамени». С момента ареста до его отмены проходил месяц. Сохранялось ли в этот срок само издание — вопрос. В этом была своя логика: потеря времени — утрата актуальности темы печатного материала, поддержание стабильности без репрессивных мер в отношении своих же «строптивых сторонников» царского режима [4, л. 1, 2, 49, 52, 52 об.; 11, л. 412].

Ультрарправые и «мужицкий демократизм». Праворадикалы, соприкоснувшиеся с волной «крестьянского гнева» против социального неравенства, вынуждены были учитывать этот фактор. Однако, несмотря на эти позитивные тенденции в монархическом сознании, значительным изъяном в политической практике правых оставался крайний национализм, от которого патриархальные массы не могли сразу избавиться. Непримиимые монархисты, неспособные интегрироваться в многоэтничное и поликонфессиональное общество Северо-Западного края, были вынуждены оставить его. В 1906 г. из-за крестьянского и национального вопросов потерял поддержку в своей монархической организации (в лице предводителя дворянства в Пинском уезде барона Гревеница) и скрылся от судебного преследования лидер пинского отдела СРН-СРЛ дворянин В. Казаринов (на нелегальном положении он сменил не менее пяти городов, в одном только Петербурге поменял три адреса проживания). Партийная «правая рука» В. Казаринова в социальных низах — крестьянин Г. Колошвин был отдан властями в солдаты (за пределы Северо-Западного края) за попытку объединить монархический популизм с распространением антипомещичьих социал-демократических прокламаций под многообещающим для крестьян названием «Революция, а не грабеж» [5, л. 2, 3, 15]. В 1912 г. вынужден был выехать в центральные губернии лидер гомельской черносотенно-экстремистской группировки реакционного дубровинского направления А. Давыдов, позиционировавший себя в качестве народного борца против еврейской буржуазии.

В деятельности низовых структур СРН-СРЛ в Пинском уезде социально-классовый фактор был определяющим. Чиновники минской губернской администрации, отстранившие В. Казаринова от должности земского начальника 4-го участка Пинского уезда, в «Выписке из переписок о земском начальнике Казаринове и председательствуемом им пинском отделе Союза русского народа» эмоционально отмечали, особо указывая на сложность поверить

в прокрестьянскую деятельность В. Казаринова — надворного советника, отставного офицера и дворянина: «Это обстоятельство подтверждает член союза Антончик... На... собраниях Казаринов... возбуждал крестьян... и убеждал их не работать на помещиков за 30 к. в день, а требовать рубль, а с лошастью два руб. Можно бы было не поверить словам Антончика, если бы они постоянно не подтверждались фактами. Так, земский начальник Левшин, заведывающий участком Казаринова, выезжавший туда по случаю небольшого волнения крестьян, передавал... предводителю дворянства, что когда он убеждал крестьян в том, что непомерное увеличение заработной платы и незаконные захваты чужой собственности не входят в программу Союза РН, — крестьяне высказали ему, что тогда “на что им и Союз”» [6, 30 (об.)].

После бегства лидера пинских правых В. Казаринова от судебного преследования представитель крестьянских низов в пинском отделе СРН Г. Колошвин вышел из-под контроля и проявил крайности, превзошедшие радикализм самого В. Казаринова. В соответствии с «Делом по жалобе крестьян д. Бережного...», заведенным и рассмотренным в Минском губернском присутствии 24 октября 1906 г., «делопроизводитель Столинского вол. Суда Колошвин... явился в их деревню и приказал старосте собрать сход, на котором читал... Союз и говорил, что если у них будет Союз, то они смогут отнять землю от помещика и при этом дал две медали, одну сельскому старосте, а другую крестьянину Архипу Сопану и две прокламации под заглавием “Революция, а не грабеж”. На другой день после этого сельский староста пошел по деревне и говорил... чтобы не ходили на работу к помещику и гнали скот на помещий попас» [5, л. 4]. Земский начальник Левшин, которому было поручено рассмотреть дело, в донесении от 30 октября 1906 г. подтвердил тот факт, что Г. Колошвин крестьян «склонял к вступлению в Союз русского народа». Губернские и уездные чиновники инцидент постарались скрыть, все обстоятельства дела свели к недоразумению, а уникальному патриотизму Г. Колошвина нашли применение на армейской службе «по слухам» в солдатских рядах в Петербурге [5, л. 3, 16].

Православно-русская аксиологическая основа народно-крестьянской концепции «революции справа». Социально-классовая радикализация низовых ячеек крайне правых партий и репрессивные меры администрации в отношении монархистов из народа свидетельствовали о неизбежности революционного взрыва в Российской империи, продвигавшейся по капиталистическому пути развития и ориентировавшейся в социальной модернизации на западноевропейский образец, не соответствующий цивилизационным особенностям восточных славян.

По определению философа Н. А. Бердяева, «Ко времени революции старый режим совершенно... исчерпался и выдохся...» [2, с. 109]. Основными нерешенными проблемами оставались «земля и воля». Народная концепция «черного передела», как совокупность направлявших классовую борьбу социальных идей (о «Божией земле», о социальной справедливости и об отце-правителе — «Помазаннике Божиим», «Царе-батюшке», призванном воплотить в жизнь народную правду), крестьянами облекалась в религиозную православно-русскую форму. В этом контексте показательное свидетельство все того же Н. А. Бердяева: «Это даже гораздо более психологический и моральный вопрос, чем чисто экономический. Русским крестьянам всегда были чужды понятия римского права о собственности. Крестьяне считали, что земля Божия, т. е. ничья в человеческом смысле. Присвоение земли помещиками-дворянами крестьяне всегда считали такой же неправдой, как и крепостное право... Крестьяне мечтали о “черном переделе”... Раньше верили даже, что это сделает царь» [2, с. 111, 112].

Первым в отечественной историографии акцентировал внимание на влиянии религиозного мировоззрения на концептуальное обоснование социальной борьбы в крестьянской среде доктор исторических наук М. С. Корзун, открывший истоки народной православно-русской концепции «черного передела» (для которой была характерна «связь наивного монархизма с господствующим православием») в XVIII в. [9, с. 131, 132]. С возникновением в начале XX в. правых партий, включавших десятки тысяч крестьян, социальные низы не стали терять новой возможности реализовать вековое стремление к социальной справедливости.

ности с религиозной надеждой на «Помазанника Божиего». О религиозном авторитете в патриархальных массах не только царя, но и представителей императорской фамилии свидетельствует обращение неграмотного белорусского крестьянина Минской губернии села Михалюк А. Теслюка за «крестом благословения» через минского губернатора к «Ее Императорскому Величеству Государыне Императрице Марии Феодоровне» в 1906 г. [8, л. 414].

Выводы. На этапе первой русской революции формировавшееся классовое сознание патриархальных слоев населения воплощалось в религиозной форме православно-русской народной концепции «революции справа». Крайне правые организации стали первой политической школой для патриархальных низов в борьбе за свои классовые интересы. В радикализации монархического движения и в его социально-классовой дифференциации на народно-крестьянское и дворянско-аристократическое направления проявилась неизбежность социального взрыва начала XX в. в России, продвигавшейся в модернизации общества по капиталистическому пути и ориентировавшейся на западноевропейский вариант социальных реформ, чуждый в цивилизационном отношении для восточнославянских народов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Беларусь ў складзе Расійскай імперыі // Беларус. энцыкл. : у 18 т. / Анофранка Н. В. [і інш.]; рэдкал. : Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. Мінск : БелЭн, 2004. Т. 18, кн. 2. С. 166—194.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Наука, 1990. 224 с.
3. Бондаренко К. М., Лавринович Д. С. Русские и белорусские монархисты в начале XX века: монография. Могилев : МГУ имени А. А. Кулешова, 2003. 212 с.
4. Дело об аресте изданий (13 апреля 1907 г. — 8 декабря 1907 г.) // Нац. ист. архив Беларуси. Ф. 295. Оп.1. Д.7679 б.
5. Дело об устранении от должности делопроизводителя Столинского волостного суда Колошвина за распространение листовок «Революция, а не грабёж» и агитацию крестьян к захвату помещичьей земли // НИАБ. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 972.
6. Дело по жалобе бывшего земского начальника Минской губернии В. Казаринова об устранении его от должности по ложному докладу неперменного члена г. Щепотьева и невыплате ему жалования // НИАБ. Ф. 1595. Оп. 1. Д. 858.
7. Документы и материалы по истории Белоруссии (1900—1917 гг.) / Ин-т истории Акад. наук БССР ; редкол. : В. Н. Перцев [и др.]. Минск : Изд-во АН БССР, 1953. Т. 3. 1020 с.
8. Жалобы на полицейских чиновников и переписка с уездными исправниками о политической благонадежности разных лиц // НИАБ. Ф. 295. Оп. 1. Д. 7694.
9. Корзун М. С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов: X век — 1917 год. Минск : Беларусь, 1984. 255 с.
10. Мережковский Д. С. Грядущий Хам // «Большая Россия». Избранное ; сост. д-р филос. наук С. Н. Савельев. Л. : Изд-во Ленинград. ун-та, 1991. С. 11—110.
11. Наряд корреспонденции, письмам и статьям, напечатанным в газете «Витебский голос» // НИАБ. Ф. 1416. Оп. 6. Д. 820.
12. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906—1913 гг.: в 3 т. / редкол. В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. М. : РОССПЭН, 2001—2002. Т. 1 : 1906—1908 гг. 926 с.
13. Омелянчук И. В. Социальный состав черносотенных партий в начале XX века // Отечественная история / Рос. акад. наук, Ин-т рос. истории ; редкол. : С. В. Тютюкин (гл. ред.) [и др.]. 2004. № 2. С. 84—95.
14. Правые партии : док. и материалы : в 2 т. / сост. : Ю. И. Кирьянов ; редкол. : В. В. Шелохаев (отв. ред.) [и др.]. М. : РОССПЭН, 1998. Т. 1 : 1905—1910 гг. 720 с.
15. Степанов С. Черная сотня: монография. 2-е изд. М. : Эксмо : Яуза, 2005. 544 с.
16. Федотов Г. П. Революция идет // Судьба и грехи России : избр. ст. по философии рус. истории и культуры : в 2 т. СПб. : София, 1991. Т. 1. С. 127—173.

**ПРУССКИЙ ФАКТОР В ОТНОШЕНИЯХ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА,
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО
И КОРОНЫ ПОЛЬСКОЙ
(конец XV — первая четверть XVI в.)**

Рассматривается влияние прусского фактора на отношения между Великим княжеством Литовским, Коронай Польской и Московским государством в конце XV — первой четверти XVI в. Основное внимание акцентируется на изучении изменений во внешнеполитическом положении Тевтонского ордена после заключения в 1466 г. Второго Торуньского мира. На основании анализа развития дипломатических отношений между Тевтонским орденом, Московским государством, Коронай Польской и ВКЛ было установлено, что Орден являлся особым рычагом давления со стороны московского великого князя на польского короля и великого князя литовского и был фактором, который дестабилизировал обстановку в Восточной Европе в первой четверти XVI в.

This article discusses problem of the influence of the Prussian factor on the relationship between the Grand Duchy of Lithuania, the Polish Kingdom and Grand Duchy of Lithuania at the end of XV — the first quarter of the XVI century. Main focus of work is accented on the study of changes in the foreign policy position of the Teutonic Order after the conclusion in 1466 of the Second Peace of Torn. Based on the analysis of the development of diplomatic relations between the Teutonic Order, the Grand Duchy of Moscow, the Polish Kingdom and the Grand Duchy of Lithuania was found that the Order was the factor that destabilized the situation in Eastern Europe in the first quarter of the XVI century and was a special instrument of pressure from the Grand Prince of Moscow to the Polish King and Grand Duke of Lithuania.

Ключевые слова: Московское государство, Великое княжество Литовское, Корона Польская, Тевтонский орден, Второй Торуньский мир, Восточная Европа.

Keywords: the Grand Duchy of Moscow, the Grand Duchy of Lithuania, Eastern Europe, the Polish Kingdom, The Second Peace of Thorn, the Teutonic Order.

В конце XV в. Корона Польская и Великое княжество Литовское являли собой значимую силу на европейской политической арене. Священная Римская империя и Папская курия стремились использовать их возможности в самых различных политических комбинациях и активно вовлекали в основные перипетии международной жизни Восточной, Центральной и Юго-Восточной Европы. К этому времени определились и основные направления и задачи внешней политики молодого Московского государства. Особое внимание московская дипломатия уделяла западному вектору, что было связано с возросшими претензиями Ивана III на как бы исконно принадлежавшие московским владикам «дедины и отчины» в масштабах чуть ли не всей древней Руси. Для этого в качестве приоритетной ставилась задача на международной арене закрепить за собой титул «Государя всея Руси».

Разумеется, в первую очередь эти намерения московского государя затрагивали суверенные права великого князя литовского Александра Казимировича. Признание им данного титула восточного соседа подтверждало бы законность притязаний Ивана III на огромные территории ВКЛ, удовлетворение которых даже в этом случае могло быть реализовано только на полях сражений. Но Москва не дожидалась дипломатических решений столь острого вопроса и методично устремлялась к цели военными методами. Периодически повторяющи-

Ситкевич Юлия Владимировна — аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета.

еся военные столкновения стали неотъемлемой частью отношений Московского государства с ВКЛ и Коронай Польской. Новый импульс во взаимоотношениях должен был придать заключенный в 1494 г. брачный союз великого князя литовского Александра с Еленой — дочерью великого князя московского Ивана III. Союз был заключен на условиях «вечного мира, братских отношений и взаимопомощи против общих недругов» [5, с. 122, 123].

В тогдашней политической ситуации данный союз между царскими особами не мог достичь поставленной цели — согласия непримиримых соседей. Иван III упрекал Александра в принуждении его дочери Елены принять католичество [5, с. 304] и в неприятии признания за ним столь желанного титула [5, с. 206]. Великий же князь литовский вменял в вину своему визави незаконное присвоение земель, входивших в состав ВКЛ, и принятие на службу беглых литовских князей [5, с. 282]. Взаимные притязания стали поводом к началу новой войны между союзниками ВКЛ и Коронай Польской и Московским государством, которая захватила начало нового столетия (1500—1503). Даже последовавшая вскоре смена монархов на престолах враждующих стран не смогла изменить характер дипломатических отношений. Уже в 1512 г. московский великий князь Василий III развернул новое наступление на ВКЛ, превратившееся в очередную затяжную войну (1512—1522).

В этой войне великий магистр Тевтонского ордена должен был оказать поддержку польскому королю, так как с 1466 г. являлся его вассалом. Еще перед началом военных действий (6 июля 1511 г.) новым великим магистром Тевтонского ордена был избран Альбрехт Бранденбург-Ансбахский. Его избрание во многом определялось родством с польским королем [8, с. 177]. Матерью нового магистра была София — дочь Казимира IV, польского короля и великого князя литовского. Правление Альбрехта внесло радикальные изменения в 300-летнюю историю Тевтонского ордена и знаменовало переход к светскому государству [9, с. 55]. В отдаленном прошлом силы Ордена значительно подорвала Тринадцатилетняя война с Польшей 1454—1466 гг. С тех пор польский король (он же великий князь литовский) стремился по возможности ослабить некогда грозного соседа, в том числе и изнутри. Так, Казимир IV пообещал польские вольности дворянству и горожанам орденского государства, которые образовали Прусский союз и впоследствии обратились за помощью к польскому королю в борьбе против тевтонцев. Война закончилась заключением Второго Торуньского мира в 1466 г. и превращением Тевтонского ордена в вассала польского короля. Заключение мира вызвало ослабление как внешнеполитического, так и внутривнутриполитического положения орденского государства. К Короне Польской отошла западная часть его владений: Гданьское Поморье, земли Хелминьская и Михаловская, Эльблонг и княжество-епископство Вармия. Также была потеряна и столица — Мариенбург [4]. Орден был обязан в оговоренных случаях оказывать помощь королю польскому и изменить свою внутреннюю структуру, чтобы членами Тевтонского ордена могли становиться не только германские рыцари, но и выходцы из самой Пруссии. Это обстоятельство стало впоследствии одной из причин падения орденского государства (к началу XVI в. Орден на 50 % состоял из поляков) [8, с. 177].

Великий магистр Альбрехт, как и его предшественники, хотел избежать присяги на верность польскому королю [9, с. 96]. Он считал, что имперский князь не должен быть вассалом чужеземца и поэтому искал союзника не только в лице Папы римского и императора Священной Римской империи германской нации, но и со стороны московского великого князя. Важным условием налаживания взаимоотношений было получение от Москвы дипломатических поминок: они посылались суверенным монархам, а прусскому магистру отправлялось лишь «жалованье» как свидетельство вассального положения Тевтонского ордена [12, с. 53]. Но даже в подобной ситуации великий магистр Альбрехт стремился к получению помощи со стороны Василия III для борьбы с польским королем и великим князем литовским Сигизмундом I Старым.

Предпосылкой к орденско-московскому союзу стал Венский конгресс 1515 г. Подписанный трактат предусматривал возобновление и подтверждение дружбы и братства между Сигизмундом I и Максимилианом I (в скором времени это позволило Габсбургам с помощью заключенных на конгрессе брачных договоров завладеть Чехией и Венгрией: после того как их король Лайош II из династии Ягеллонов погиб в битве с турками под Мохачем в 1526 г.). Опосредованным результатом трактата стало то, что великий магистр Тевтонского ордена обязывался светским покровителем Тевтонского ордена, императором Максимилианом I, принести польскому королю и великому князю литовскому Сигизмунду I клятву в покорности и точном соблюдении договора 1466 г. Решения Венского конгресса ознаменовали крупный поворот в отношениях между империей Габсбургов и Ягеллонами. Священная Римская империя германской нации освободилась от необходимости борьбы с Коронай Польской и от тесных контактов с Московским государством.

Тем не менее 14 декабря 1515 г. Дитрих Шонберг и великий магистр Альбрехт составили документ, в котором излагались конкретные шаги на пути к установлению сотрудничества между Тевтонским орденом и Московским государством [6]. Основная цель прусской дипломатии заключалась в привлечении московского великого князя к военно-политическому союзу с целью сокрушения польского короля для обретения полной независимости, а также возвращения тех земель, которые интересовали как тевтонского магистра, так и Василия III [1, л. 15]. Те же устремления со стороны московского государя можно обнаружить в грамоте, посланной вместе с Дмитрием Загряжским в Пруссию [1, л. 38].

В феврале 1517 г. в Москву прибыло первое орденское посольство во главе с Дитрихом Шонбергом [1, л. 5]. Уже 10 марта был заключен союзный договор. Василий III обязался передать Альбрехту денежные средства для найма 10 000 пехотинцев и 2000 всадников, после чего они должны были совместно атаковать территории Короны Польской и Великого княжества Литовского. Великий князь московский брал Тевтонский орден под свою защиту [2, л. 94]. В условиях продолжавшейся войны с Коронай Польской и ВКЛ для Москвы этот договор имел стратегическое значение, так как означал для Сигизмунда I Старого начало войны на два фронта со всеми вытекающими последствиями.

Изменения в Восточной Европе наложили свой отпечаток и на дипломатические шаги, которые предпринимались со стороны Священной Римской империи германской нации и Папской курии под предлогом урегулирования конфликта между воюющими соседями. Максимилиана I, с одной стороны, устраивала война, которая велась между Московским государством и Коронай Польской и ВКЛ: за ее счет император стремился добиться баланса сил в Восточной и Центральной Европе. До момента проведения Венского конгресса 1515 г., на котором были решены вопросы о Венгрии и Чехии, Максимилиан I был активным организатором создания антиягеллонской коалиции в Европе. В 1514 г. он заключил с Василием III союзный договор, по которому признал за московским государем титул царя и его притязания на земли бывшей Киевской Руси [13, с. 237, 238; 14, с. 98]. Это признание подняло международный престиж московского государя, хотя для императора договор был лишь частью дипломатической игры. В ней следовало учитывать «османский фактор» — нависшую над Европой угрозу со стороны турок-османов. А для ее предотвращения нужно было примирить соседей — Москву и Вильно. Для этих целей и были налажены посольства Сигизмунда Герберштейна (1517 г. и 1526 г.), а также посольство Франческо да Колло и Антонио де Конти в 1518 г.

Посредничество Папы и императора в урегулировании конфликта между Коронай Польской, ВКЛ и Московским государством не увенчалось успехом. Перемирие не было заключено, так как венгерский король Лайош II (племянник Сигизмунда I Старого) по совету дяди-короля в 1519 г. заключил договор с турками [3, л. 79]. В целом же расклад сил в Восточной и Центральной Европе занимал особое место в дипломатии Папской курии. Очевидно, что Папа стремился использовать магистра Тевтонского ордена с целью примирения

короля и великого князя с московским властелином для создания широкой антитурецкой коалиции из европейских государств. Необходимость и пользу этого союза для московского великого князя папские посланники обосновывали следующими аргументами: «великий князь всегда борется против неверных, то папа желает, чтобы он был в общем союзе государей — от победы над турками великому князю будут большие выгоды как наследнику константинопольской отчины» [2, л. 78]. Папа выразил намерение вести диалог о воссоединении церквей с одновременным возведением московского митрополита в сан патриарха. К тому же, что наиболее важно, было высказано согласие на коронацию великого князя московского как христианского государя [2, л. 80]. Однако последнее предложение было встречено Василием III без энтузиазма, так как в уже утвердившейся политической идеологии его власть расценивалась как дарованная Богом. А поэтому ни Папа, ни император не могли венчать его на царство.

Кульминационным моментом в обострении отношений между Коронай Польской, ВКЛ и Орденом стал 1519 год. В сентябре этого года Василий III велел доставить деньги из Пскова магистру Альбрехту для того, чтобы тот смог начать военные действия. В этом противостоянии с Тевтонским орденом Сигизмунд I рассчитывал на содействие со стороны папского престола. В конце 1519 г. польский король и великий князь литовский добился в Риме подтверждения условий Торуньского договора 1466 г., хотя дальше формальной его ратификации дело не пошло. А 2 декабря 1519 г. Сигизмунд I прибыл с войсками в Торунь и потребовал от великого магистра Альбрехта принесения присяги, однако тот отказался [6]. Таким образом, для Короны Польской и ВКЛ началась война на два фронта.

Угроза со стороны Османской империи в начале 20-х гг. XVI в. формировала основные тенденции в развитии международных отношений среди стран Центральной и Восточной Европы. Император Священной Римской империи германской нации Карл V призвал прекратить войну между Тевтонским орденом и Коронай Польской. Подписание между ними 5 апреля 1521 г. перемирия проходило в условиях вторжения турок-османов в Венгрию.

Огромное значение в деле ослабления позиций Московского государства и ВКЛ сыграло Крымское ханство, вассал Османской империи с 1478 г. Поход крымских татар на Москву в 1521 г. был самым тяжелым за годы правления Василия III [10, с. 116]. Василий III, потеряв союзника в лице магистра Альбрехта и не имея возможности воевать на два фронта, подписал перемирие с королем польским и великим князем литовским Сигизмундом I.

Анализ исторических фактов говорит о том, что в конце XV — начале XVI в. Орденское государство не обладало таким могуществом и силой, как веком ранее. Причины упадка государства Тевтонского ордена кроются во внутреннем его устройстве: узкокорпоративность рыцарского объединения; в управлении государством участвовали только представители рыцарского сословия (новые его представители набирались лишь из германских рыцарей при игнорировании местного рыцарства), местное бюргерство и купечество от него были отстранены (это было одной из причин образования в 1440 г. Прусского союза и войны 1454—1466 гг. между Коронай Польской, ВКЛ и Тевтонским орденом). К тому же само существование Орденского государства в Пруссии в XIII—XV вв. основывалось на идее необходимости борьбы с неверными в защиту христианства. Однако к началу Нового времени язычество почти утратило свое влияние в Европе, и тем самым подрывались концептуальные основания необходимости существования Орденского государства. Поэтому Тевтонский орден в связи с ослаблением своего внутреннего положения не смог внести кардинальные изменения в отношения ВКЛ, Короны Польской и Московского государства. С самого начала войны с Коронай Польской в 1519 г. сказались и вовсе прозаические затруднения — нехватка денег, солдат и провианта [6, 11].

Но все же можно утверждать, что отношения Московского государства и Тевтонского ордена развивались в рамках обоюдных интересов: территориальных и политических пре-

тензий к сопернику — королю и великому князю. Орден стал особым рычагом давления со стороны Василия III на своего оппонента на западных рубежах Московии. Одновременно собственные интересы рыцарского государства обостряли конфликтность ситуации между обладателями «русского наследия», что объективно еще больше дестабилизировало обстановку в Восточной Европе в первой четверти XVI в. Реалии этого сложного времени продемонстрировали пагубность стремлений магистра Альбрехта добиться полной независимости в условиях наступления турок-османов в Центральную Европу. Великий магистр не мог рассчитывать на поддержку в войне со стороны императора Карла V и Папы римского. Выход из положения он нашел в секуляризации Ордена, который объявлялся светским герцогством в Пруссии, вассальным по отношению к Польше. Сам великий магистр Альбрехт становился наследственным правителем герцогства Прусского. Была принята и новая государственная религия — протестантизм лютеранского направления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. ГАКО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 1.
2. ГАКО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАКО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 3.
4. Второй Торуньский мир 1466 г. / [Электронный ресурс]. URL: http://www.runivers.ru/doc/d2.php?SECTION_ID=6322&CENTER_ELEMENT_ID=147511&PORTAL_ID=6322 (дата обращения: 18.10.2013).
5. Памятники дипломатических сношений Московского государства с польско-литовским (с 1487 по 1533 год) // Сб. Император. рус. ист. общества. 1882. Т. 35. 831 с.
6. Балязин В. Н. Русско-пруссские хроники // Русско-пруссские хроники [Электронный ресурс]. 2012. URL: <http://litrus.net/book/read/486?p=21> (дата обращения: 15.05.2013).
7. Бахтин А. П. Немецкий орден как фактор становления Московского государства // Калининградские архивы : материалы и исслед. Калининград, 2001. Вып. 3. С. 323—335.
8. Бокман Х. Немецкий орден. М. : Ладомир, 2004. 272 с.
9. Гаузе Ф. Кёнигсберг в Пруссии. История одного европейского города / пер. с нем. В. Херд, Н. Конрад. Реклингхаузен, 1994. 316 с.
10. Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XV—XVI вв. / под ред. И. Б. Грекова. М. : Наука, 1984. 226 с.
11. Урбан В. Тевтонский орден [Электронный ресурс]. 2007. URL: <http://lib.rus.ec/b/95262/read#t14> (дата обращения: 07.08.2013).
12. Юзефович Л. А. «Как в посольских обычаях ведется...». Русский посольский обычай конца XV — начала XVI в. М. : Междунар. отношения, 1988. 219 с.
13. Kämpfer F. Die Ratifizierung des ersten deutsch-russischen Vertrages von 1514 // *Studia philologica slavica: Festschrift für Gerhard Birkfellner zum 65. Geburtstag gewidmet von Freunden, Kollegen und Schülern* Symanzik, Bernhard. 2006. S. 237—244.
14. Üebersberger H. Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts. Wien und Leipzig, 1906. 608 s.

Статья поступила в редакцию 10 декабря 2013 г.

Ф. А. Некрашевич

ОТДЕЛЬНЫЙ ЛИТОВСКИЙ КОРПУС В ПЛАНАХ ТАЙНЫХ ОБЩЕСТВ ДЕКАБРИСТОВ

Отдельный Литовский корпус являлся частью российской армии с 1817 по 1831 гг. Данное воинское подразделение комплектовалось уроженцами западных губерний. Создание Отдельного Литовского корпуса воспринималось как важный шаг на пути к получению автономии для территории бывшего ВКЛ. Российские декабристы в своих планах уделяли большое внимание данному воинскому соединению. Они пытались основать в Отдельном Литовском корпусе тайное общество с целью увеличить свое влияние в российской армии. Тем не менее декабристам не удалось добиться серьезного успеха.

Independent Lithuanian corps was a part of Russian army from 1817 till 1831. This military unit was consisted of soldiers and officers from western gyuberniyas. The foundation of the Independent Lithuanian corps was taken up as an important step on the path to the autonomy on the territory of the former Grand Duke of Lithuania. Russian Decembrists attached great importance to this military unit. They tried to establish a secret society in the Independent Lithuanian corps in order to increase their influence in Russian army. However, Decembrists didn't have much success in this enterprise.

Ключевые слова: декабристы, воинские формирования, восстание, тайные общества, Российская империя, Королевство Польское, конституционные проекты.

Keywords: Decembrists, military formations, riot, secret societies, Russian Empire, Polish Kingdom, constitutional projects.

После окончания наполеоновских войн в Российской империи оживилась общественно-политическая жизнь. Российская военная молодежь, недовольная консервацией в стране феодальных отношений, стала объединяться в тайные общества, которые впоследствии получили название декабристов. Одной из главных причин недовольства декабристов политической российской правительством было его отношение к «польскому вопросу». Создание Королевства Польского с собственной конституцией и армией было неоднозначно воспринято в российском обществе. Однако император Александр I на этом не остановился и пообещал в будущем присоединить к Королевству Польскому западные губернии империи.

Дальнейшие события, казалось, подтверждали это: 1 июля 1817 г. император подписал указ о создании Отдельного Литовского корпуса. Отличительной его особенностью было то, что он комплектовался уроженцами западных губерний (Виленской, Волынской, Гродненской, Минской, Подольской, а также Белостокской области). Воинское формирование состояло из 27-й (Брестский, Белостокский, Виленский, Литовский пехотные, 47-й и 48-й егерские полки), 28-й (Волынский, Житомирский, Минский и Подольский пехотные, 49-й и 50-й егерские полки) пехотных и Литовской уланской (Волынский, Литовский, Польский и Татарский уланские полки) дивизий, а также некоторых небольших армейских подразделений. С началом войны 1830—1831 гг. в Польше, Литве и Беларуси корпус был расформирован [1, с. 172].

Создание корпуса оказало существенное влияние на формирование декабристских организаций. Отдельный Литовский корпус воспринимался многими будущими декабристами как первый шаг правительства к присоединению западных губерний к Королевству Польско-

му [2, т. I, с. 52; Т. XVII. с. 136]. В политике Александра I заговорщики видели угрозу целостности Российской империи. Некоторые декабристы высказывали и более радикальные суждения. Так, А. Н. Муравьев считал, что монарх, создавая армию Королевства Польского и Отдельный Литовский корпус, желает тем самым заручиться военной поддержкой поляков на случай сопротивления русского народа политике правительства по учреждению военных поселений [2, т. III, с. 52]. Настроения декабристов подогревал тот факт, что на руководящие должности в Отдельном Литовском корпусе не были назначены генералы, занимавшие антипольскую позицию. Так, части 1-й бригады 2-й уланской дивизии вошли в состав Литовской уланской дивизии. Однако сам командир бригады, будущий декабрист генерал-майор С. Г. Волконский, не получил назначения в Отдельный Литовский корпус. Причиной этого послужила дуэль между бригадным командиром и волынским гражданским губернатором В. К. Гижицким. Оскорбленный отсутствием нового назначения, С. Г. Волконский подал в отставку [3, с. 348—355].

Следует отметить, что недовольство офицеров среднего звена разделяли и многие высокопоставленные российские генералы, например А. А. Закревский и М. С. Воронцов [4, с. 90]. Узнав о создании Отдельного Литовского корпуса, группа генералов во главе с генерал-майором М. Ф. Орловым, одним из основателей тайных обществ, подала императору особое представление. В нем они пытались описать все негативные последствия учреждения корпуса. В числе генералов, согласившихся подписать представление, был генерал-адъютант И. В. Васильчиков. Впоследствии он испугался собственной смелости, донес императору о недовольстве военных и назвал всех своих сообщников [5, с. 108, 109]. В результате император отдалил от себя М. Ф. Орлова, назначив его начальником штаба 4-го пехотного корпуса.

Легальные средства борьбы с «польской» политикой императора были исчерпаны, и офицеры перешли к нелегальным методам, развернув деятельность тайных обществ. Лишь некоторые декабристы, например Н. Тургенев, считали, что либеральные реформы Александра I могут принести пользу империи [6, с. 50].

Отдельный Литовский корпус занимал особое место в планах декабристских организаций. Части корпуса квартировали в Виленской, Гродненской, Минской, Волынской губерниях и в Белостокской области. И хотя основными центрами декабристского движения являлись Санкт-Петербург, Москва и Киевская губерния, в которой квартировал 3-й пехотный корпус, Отдельному Литовскому корпусу уделялось огромное внимание. В частности, план восстания декабристов Южного общества предполагал агитацию в частях 3-го пехотного корпуса (Киевская губерния) с целью привлечения военнотружущих на сторону восставших. В случае успеха планировался поход на Москву через Киев и Бобруйск [2, т. V, с. 55]. В этих условиях от позиции Отдельного Литовского корпуса зависела судьба восстания: он мог остановить марш повстанцев на Москву. Поэтому руководство Южного общества было заинтересовано в том, чтобы это воинское формирование поддержало восставшие части 3-го пехотного корпуса [7, с. 190].

Среди декабристов члены Южного общества занимали наиболее прогрессивную позицию по национальному вопросу. В отличие от участников Северного общества, выступавших за сохранение целостности Российской империи, руководитель Южного общества П. И. Пестель высказывался за создание независимого Польского государства. В своих многочисленных законопроектах он указывал, что конечной целью преобразований должно стать создание моноэтнического государства. Народы, населявшие Российскую империю, должны были рано или поздно принять православие и освоить русский язык. Исключение делалось лишь для «польского народа», за которым признавалось право на создание независимого государства [2, т. VII, с. 123]. Гродненскую, Виленскую, Волынскую, Минскую губернии и Белостокскую область, жителями которых комплектовался Отдельный Литовский корпус,

П. И. Пестель признавал неотъемлемой частью будущего Польского государства [2, т. VII, с. 125, 126]. После победы восстания декабристов он планировал провести реорганизацию российской армии. Поэтому уроженцы российских губерний, которые служили в Отдельном Литовском корпусе, должны были переводиться в другие соединения [2, т. VII, с. 332]. Таким образом, руководители Южного общества признавали Отдельный Литовский корпус «иностранном» соединением, расквартированным на территории будущего независимого Польского государства. Эти идеи П. И. Пестеля определили позицию Южного общества относительно корпуса.

Деятельность тайных обществ по агитации военнотружущих Отдельного Литовского корпуса имела свои особенности. Создание декабристами тайных обществ в крупных воинских соединениях велось по строго определенному плану. Для организации успешного выступления в корпусах необходимо было заручиться поддержкой командиров на всех уровнях: от обер-офицеров до командиров полков и бригад. Каждый член тайного общества вел агитацию офицеров на своем командном уровне (так, полковник агитировал других полковников, корнет — других корнетов и т. д.). Это позволяло надеяться на то, что всё воинское соединение, следуя за своими авторитетными командирами, поддержит вооруженное выступление. Декабристы вначале пытались заручиться поддержкой полковых командиров [2, т. IV, с. 112, 113], чтобы те могли вовлечь в тайное общество подчиненных им высших офицеров. Создание тайного общества начиналось с командира соединения и заканчивалась обер-офицерами [2, т. XIII, с. 138]. Таким образом, декабристы при создании тайных обществ большое значение придавали авторитету начальства и желанию подчиненных продвинуться по службе за счет тесных связей со своими командирами [8, с. 426, 427]. Примером эффективности подобной схемы может служить восстание Черниговского пехотного полка [9].

Однако в Отдельном Литовском корпусе подобный план был трудно применим. Рядовой и обер-офицерский составы корпуса состояли из уроженцев западных губерний, а высший офицерский состав — из уроженцев великороссийских губерний и иностранцев на российской службе [10, с. 730—771]. Поэтому декабристы могли вести агитацию только среди представителей высшего командного состава корпуса. В свою очередь члены польского Патриотического общества рассчитывали в основном на поддержку обер-офицеров корпуса.

Это и предопределило тесные взаимоотношения Южного и Патриотического обществ. Первые переговоры между их представителями прошли в 1824 г. в Киеве [7, с. 94]. Декабристы, признавая Отдельный Литовский корпус сферой влияния «поляков», не планировали создавать в нем тайное общество. Однако они опасались, что формирование корпуса может воспрепятствовать планам Южного общества. Поэтому «поляки» брали на себя обязательство нейтрализовать корпус и не допустить его вмешательства в планы декабристов [2, т. IX, с. 133]. Впрочем, Патриотическое общество было не в состоянии выполнить свои обязательства: его влияние в корпусе в то время было невелико. Так, в 1823 г. его участники всерьез обсуждали план захвата Виленского арсенала. Примечательно, что в этой операции должны были участвовать исключительно студенты Виленского университета, а не солдаты и офицеры Отдельного Литовского корпуса [11, с. 212].

На следующей встрече представителей обществ, которое состоялось в январе 1825 г. в Киеве, было принято решение о совместной работе по созданию тайной организации в Отдельном Литовском корпусе. Поскольку корпус был укомплектован «польскими» (согласно терминологии Южного общества) и русскими офицерами, предполагалось, что подпольную работу будут вести оба общества. Стороны договорились о выделении по одному представителю для агитации в Отдельном Литовском корпусе. Южное общество поручило это полковнику И. С. Повало-Швейковскому, Патриотическое — графу П. И. Мошинскому [12, с. 115]. Обе организации должны были поддерживать между собой постоянную связь и информировать о ходе работы [2, т. IV, с. 116].

Деятельность Южного и Патриотического обществ проявилась в попытке создания тайной организации в Минском пехотном полку 1-й бригады 25-й пехотной дивизии Отдельного Литовского корпуса. 25-я пехотная дивизия была расквартирована недалеко от 3-го пехотного корпуса. В Дубно, где располагалась дивизионная квартира, находился и центр одной из управ Патриотического общества. Между И. С. Повало-Швейковским и П. И. Мошинским было установлено четкое разграничение действий: первый должен был привлечь на свою сторону командование полка, второй — его обер-офицеров. Выступление целого полка было возможно лишь в том случае, если им руководил высокопоставленный офицер. Но он должен был разделять идеи декабристов и пользоваться непререкаемым авторитетом среди солдат. Такими качествами, по мнению декабристов, обладал полковник Минского пехотного полка Ермолов 3-й [2, т. IX, с. 87]. Он был популярен среди солдат полка, поскольку удовлетворил все денежные претензии нижних чинов, возникшие в результате халатности прошлого руководителя. Ермолов 3-й проявлял большую заботу о материальном обеспечении нижних чинов и смог довести хозяйственную часть до значительной степени совершенства [13, с. 100]. Однако переговоры с ним завершились безрезультатно [2, т. IX, с. 87]. Отметим, что вскоре после воцарения императора Николая I Ермолов 3-й был смещен с поста командира Минского пехотного полка и отправлен в отставку [2, т. XII, с. 197].

Деятельность Патриотического общества в Отдельном Литовском корпусе была более успешной. П. И. Мошинскому удалось создать небольшую организацию в Минском пехотном полку. В ее состав входили лишь обер-офицеры [2, т. X, с. 126]. Тот факт, что организацию удалось создать представителю именно Патриотического общества, говорит о том, что в ее состав входили представители литвинской и польской шляхты. Однако отсутствие в тайной организации кого-либо из командного состава привело к тому, что заговорщики не смогли поднять мятеж и оказать реальную помощь декабристам.

Открытым остается вопрос о деятельности Южного общества в других частях Отдельного Литовского корпуса. Во время проведения следствия одни декабристы указывали, что Южное общество, возможно, имеет большое количество сторонников в корпусе [2, т. XII, с. 169]. Однако абсолютное большинство подсудимых, в том числе и П. И. Мошинский, предпочло не выдавать своих союзников [2, т. XVI, с. 265].

Политическая программа Северного общества по «польскому вопросу» отличалась консервативностью. Конституционный проект Н. М. Муравьева предполагал превращение России в федеративное государство, хотя в него и не включалась «Польша». Она должна была получить государственную самостоятельность. Однако Н. М. Муравьев отказался от идеи включения земель бывшего Великого княжества Литовского в состав «Польши» [14, с. 100, 101]. Члены Северного общества, в отличие от П. И. Пестеля, не стремились отдавать Отдельный Литовский корпус в сферу влияния Патриотического общества, а предприняли попытку установить контакты с его офицерами. Поскольку большинство участников Северного общества были гвардейскими офицерами и служили в Санкт-Петербурге, было принято решение послать в Отдельный Литовский корпус своего представителя. 20 января 1819 г. на службу в чине ротмистра был вновь принят видный декабрист М. С. Лунин. Он получил направление в Польский уланский полк, расквартированный в Слуцке, и прослужил здесь с января 1822 г. по май 1824 г. Затем его перевели в Варшаву с назначением командиром 4-го эскадрона лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. Здесь, в чине подполковника, декабрист и прослужил вплоть до своего ареста [15, с. 57].

На допросах М. С. Лунин утверждал, что главной причиной его перевода на службу в Отдельный Литовский корпус было желание покинуть Санкт-Петербург, чтобы самоустраниться от деятельности Северного общества [2, т. III, с. 126]. Следствию так и не удалось доказать противозаконность его деятельности в период службы в Слуцке и Варшаве. Более того, он был на хорошем счету у цесаревича Константина Павловича [16, с. 53]. Однако не

исключено, что М. С. Лунин был связан с тайными обществами корпуса, поскольку Польский уланский полк входил в состав Литовской уланской дивизии. Офицеры этой дивизии составили тайное «Общество друзей» [17]. Здесь же служили 43 представителя масонских лож [18]. А так как М. С. Лунин состоял в масонской ложе «Трех Добродетелей», то он мог войти в контакт с представителями местных лож. С другой стороны, возможной его целью мог быть не Отдельный Литовский корпус, а цесаревич Константин Павлович. По данным следствия по делу декабристов, заговорщики планировали устранить всю царскую семью. Устранение Константина Павловича возлагалось на М. С. Лунина. Однако приблизиться к цесаревичу было не так просто. Войска под его командованием (Польская армия, Отдельный Литовский и Резервный корпуса) комплектовались в основном уроженцами Королевства Польского и западных губерний. Подбором высших офицеров руководил лично Константин Павлович. М. С. Лунин долгое время находился в отставке и имел репутацию очень эксцентричного и вольнодумного офицера [16, с. 50, 51]. Поэтому сразу попасть на службу в элитные гвардейские части Резервного корпуса, которые охраняли цесаревича в Варшаве, не представлялось возможным. Гвардия Резервного корпуса комплектовалась в основном из числа наиболее способных военнослужащих Отдельного Литовского корпуса [16, с. 23, 24]. Чтобы попасть в гвардию цесаревича, М. С. Лунину необходимо было проявить себя на службе в Отдельном Литовском корпусе. Усердная служба в Польском уланском полку позволила ему попасть в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк. Таким образом, Отдельный Литовский корпус стал для М. С. Лунина своеобразным трамплином для поступления на службу в гвардию цесаревича.

На запрос следственной комиссии о поведении подполковника М. С. Лунина Константин Павлович предоставил блестящую характеристику своего подчиненного, отмечая его отличную службу и отсутствие каких-либо подозрительных политических связей [2, т. III, с. 115]. Это говорит о том, что офицер не стремился создать в Отдельном Литовском и Резервном корпусах крупную организацию, которая неминуемо привлекла бы внимание варшавской тайной полиции. Его главной целью было поближе подобраться к цесаревичу, чтобы в нужный момент устранить претендента на трон. Для выполнения этой цели М. С. Лунину было вполне достаточно завербовать в тайное общество лишь несколько человек. Так, согласно показаниям декабристов, устранить цесаревича должен был один из офицеров Конной артиллерии Резервного корпуса [2, т. I, с. 199]. Возможно, он был принят в тайное общество как раз М. С. Луниным.

Помимо планов восстания декабристы пытались использовать Отдельный Литовский корпус и в чисто пропагандистских целях. Так, во время выступления на Сенатской площади руководители восстания выдвигали откровенно популистские и не соответствовавшие действительности лозунги: утверждали, что военнослужащие под командованием Константина Павловича получают гораздо большее жалование, чем в других частях российской армии [2, т. I, с. 18]. Кроме того, чтобы убедить солдат в силе своего заговора, декабристы распространяли слух, что к Санкт-Петербургу уже движется Константин Павлович со всей своей армией [2, т. III, с. 46, 115].

Таким образом, Отдельный Литовский корпус дислоцировался в стратегически важном регионе, что и обусловило внимание к нему российских тайных обществ. Это проявилось в попытке создания в нем тайных организаций. Южное и Патриотическое общества установили тесные связи для координации деятельности по созданию антиправительственной организации. Однако основать в Отдельном Литовском корпусе тайное общество не удалось, поскольку политические интересы уроженцев западных губерний существенно отличались от планов декабристов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Швед В. В.* Паміж Польшчай і Расіяй: грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі. Гродна : ГрДУ, 2001. 416 с.
2. Восстание декабристов : в 21 т. / редкол. : М. Покровский (гл. ред.) [и др.]. М. ; Л. : Гос. изд-во [и др.], 1925—2001. Т. 21.
3. *Волконский С. Г.* Записки. Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1991. 508 с.
4. *Давыдов М. А.* Оппозиция Его Величества. СПб. : Ассоц. «История и компьютер», 1994. 197 с.
5. *Якушкин И. Д.* Статьи, документы. Иркутск : Вост. -Сиб. кн. изд-во, 1993. 399 с.
6. *Тургенев Н.* Россия и русские. М. : ОГИ, 2001. 742 с.
7. *Ольшанский П. Н.* Декабристы и польское национально-освободительное движение. М. : Соцэкгиз, 1959. 225 с.
8. *Волкова Л.* Русская армия в русской истории: армия, власть и общество: военный фактор в политике Российской империи. М. : Эксмо, 2005. 639 с.
9. *Киянская О. И.* Южный Бунт. Восстание Черниговского пехотного полка, 29 декабря 1825 — 23 января 1826 г. М. : РГГУ. 188 с.
10. Список генералам, штаб- и обер-офицерам всей Российской Императорской армии, с показанием чинов, фамилий и знаков отличия. СПб. : Воен. тип. Главного штаба Е. И. В., 1828. 1042 с.
11. *Коробка Н. И.* Польские общества 20-х годов и декабристы // О минувшем. 1909. С. 189—220.
12. Декабристы: биогр. справ. / М. В. Нечкина [и др.]. М. : Наука, 1988. 446 с.
13. *Любавский П.* Памятка 54-го пехотного Минского полка : в 2 т. Кишинев : Тип. П. Ф. Галантера. 1907. Т. 2: Приложение к краткому историческому очерку боевой деятельности 54-го пехотного минского Его королевского Высочества князя болгарского Фердинанда полка за 100 лет существования. 180 с.
14. *Букчин С.* К мечам рванулись наши руки... Минск : Юнацтва, 1985. 304 с.
15. *Окунь С. Б.* Декабрист М. С. Лунин. Л. : ЛГУ, 1985. 279 с.
16. *Елец Ю. Л.* История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка : в 2 т. СПб. : Тип. В. С. Балашева, 1890. Т. 1: 1824—1865. 444 с.
17. *Ланда С. С.* У истоков «Оды к Юности» // Лит. славян. народов. 1956. С. 40—61.
18. *Соколовская Т.* Материалы по истории масонства в прежней русской армии // Рус. старина. 1907. № 6. С. 659—668 ; № 7. С. 197—216 ; № 8. С. 405—432 ; № 9. С. 643—653.

Статья поступила в редакцию 1 марта 2013 г.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ





Д. Ф. ПРЫШЧЭПАЎ: ГІСТОРЫЯ АСОБЫ ЯК ГІСТОРЫЯ КРАІНЫ

Артыкул прысвечаны жыццю і дзейнасці наркома земляробства БССР (1924—1929 гг.). Д. Ф. Прышчэпава. У артыкуле прысутнічае імкненне прасачыць ідэі і накіраванасць палітыкі беларускіх савецкіх улад у 1920-я гг. Праз жыццё асобы вызначаецца спецыфіка аграрнага развіцця Беларусі, яе разуменне Д. Ф. Прышчэпавым; фактары, якія паўплывалі на светаўспрыманне і прафесійную дзейнасць Д. Ф. Прышчэпава. Даследуюцца асноўныя заканадаўчыя дакументы, што акрэслівалі развіццё беларускай вёскі ў міжваенны перыяд (з 1921 па 1939 г.). Дзейнасць Д. Ф. Прышчэпава пазначана ў параўнанні з іншымі кіраўнікамі Наркамата земляробства 1920-х гг.

The article covers the life and work of the known Belarusian activist, Commissar of Agriculture of the BSSR (1924—1929) — D. F. Pryshchepau. The article has a desire to follow the ideas and policies of the Belarusian Soviet authorities in the 1920s through the life of this person. The features of the agricultural development of Belarus, its understanding by D. F. Pryshchepau, the factors that colored his philosophy and professional activities are determined. The basic legislative documents that describe the development of the Belarusian village in the interwar period (from 1921 to 1939) are studied. D.F.Pryshchepaus' activities compared with the other leaders of The National Commissariat of Agriculture in the 1920s of the 20th century.

Ключавыя словы: Беларуская вёска ў 1920-я гг., Наркамат земляробства БССР, Дзмітрый Філімонавіч Прышчэпаў, Адам Сямёнавіч Славінскі, Стэфан Лявонавіч Гельтман, зямельныя кодэксы БССР, Аляксандр Васільевіч Чаянаў, выбар сялянствам форм землекарыстання, М. Д. Кандрацьеў.

Keywords: Belarusian village in the 1920s, the National Commissariat of agriculture of the BSSR, Dmitry Filimonovich Pryshchepau, Adam Syamyenavich Slavinsky, Stephen Lyavonovich Geltman, Land codes of the BSSR, Alexander Vasilyevich Chayanov, the choice of the peasantry forms of land, M. D. Kondratyev.

Савецкі перыяд гістарыяграфіі не садзейнічаў развіццю біяграфічнага жанру. За постацямі дзеячоў партыі, рабочага класа і калгаснага сялянства засталіся незаўважнымі, забытымі многія выдатныя людзі Беларусі. Аднак некаторыя з такіх асоб сталі вядомы дзякуючы падручнікам па гісторыі КПСС і тым абвінавачванням, якія былі вылучаны супраць іх. Адной з такіх постацяў з'яўляецца Дзмітрый Філімонавіч Прышчэпаў. У 2014 г. спаўняецца 90 гадоў з таго часу, калі ён быў прызначаны наркамам земляробства Беларусі. У 1924 г. пачаўся перыяд у развіцці сельскай гаспадаркі Беларусі, які нават ворагі называлі яго імем, «прышчэпаўшчынай». Паводле тагачасных партыйных ацэнак «асноўныя ідэі яе тэорыі і практыкі ўвасабляліся ў развіцці хутарскай сістэмы і абароне інтарэсаў кулацкіх гаспадарак, падпарадкаванні кааперацыі, сельгаспадарчага крэдыту, падаткавай палітыкі патрэбам заможных пластоў вёскі, згортаванні калгаснага і саўгаснага будаўніцтва». Гістарыяграфія дзейнасці Д. Ф. Прышчэпава налічвае каля васьмі дзесяцігоддзяў. Тэрмін «гістарыяграфія» мы ўжыва-

ем ў шырокім сэнсе, вызначаючы ў якасці гістарычных крыніц першыя ацэнкі, якія прагучалі напачатку яго дзейнасці («гістарыяграфічныя факты») і сучасныя даследаванні («гістарыяграфічныя крыніцы»), якія пачалі вызначацца з публіцыстычнага жанру на мяжы 80—90-х гг. XX ст. [1]. Заўважна, што ў крыніцах, якія фарміраваліся ў пэўны час, у дакладных палітычных і эканамічных умовах, пад уплывам той ці іншай ідэалогіі знайшлі адбітак перыядычныя змены ў ацэнках Д. Ф. Прышчэпава пры неістотным прырашчэнні факталагічнага матэрыялу.

«Поспехі» калектывізацыі, што быццам вызначыліся падчас «вялікага пералому» з восені 1929 г. у БССР, кіраўнікі бальшавікоў Беларусі Б. Гамарнік і М. Галадзед вызначалі як факт, што абвяргае «бухарынскія і яго вучня Д. Прышчэпава» погляды на шкоднасць высокіх тэмпаў калектывізацыі. У газеце «Звязда» (19 лістапада 1930 г.) Я. Сякерская змясціла артыкул: «Беларускі нацыянал-дэмакратызм і вялікарасійскі шавінізм на ідэалёгічным фронце БССР». У лагер ідэолагаў беларускага «нацдэмакратызму» Я. Сякерская, акрамя гісторыка Усевалада Ігнатаўскага, залічыла кіраўніка Белдзяржвыдавецтва Зміцера Жылуновіча (літаратурны псеўданім Цішка Гартны), былых наркамаў: асветы БССР — Антона Баліцкага і земляробства — Дзмітрыя Прышчэпава. Дзмітрыю Філімонавічу Прышчэпаву ўвогуле як нікому з былых кіраўнікоў БССР «пашанцавала» на колькасць розных ярлык: ворага народа і шкодніка, памочніка і абаронцы кулакоў, насаджальніка варожых сацыялістычнаму землекарыстанню хутароў і пасёлкаў, правага апартуніста, сабатажніка, агента кулацтва ў партыі бальшавікоў, шкодніка калгасна-саўгаснага ладу, нацдэма, контррэвалюцыянера, шпіёна. Адразу за крытыкай з партыйных кабінетаў і выданняў вызначыліся адмоўныя ацэнкі ў навуковай літаратуры [2].

Дзмітрый Філімонавіч Прышчэпаў нарадзіўся 9 (21) лістапада 1896 г. у вёсцы Калодніца Сенненскага пав. Магілёўскай губерні (цяпер Крупскі раён Мінскай вобласці). Вяскоўцы ўжо з маленства прымалі пасільны ўдзел у гаспадарцы. М. В. Доўнар-Запольскі, характарызуючы ўдзел дзяцей у працы ў залежнасці ад узросту і полу, пісаў: «Дзеці з ранніх гадоў выконваюць тыя або іншыя гаспадарчыя абавязкі, і чым меншая сям'я, тым раней сялянскі падлетак знаёміцца з суровай працай. З пяці гадоў дзіця няньчыць сваіх маленькіх братоў і сяспёр, з 7—8 — ён ужо пастух, ідзе за возам і інш., з 12 гадоў для хлопчыка пачынаюцца пешыя практыкаванні ў земляробстве: ён заграбае сена, барануе, з 15 гадоў бярэцца за цэп, касу, а яшчэ гады праз два і за саху, так што да 20 гадоў ён ужо хлебароб, які прайшоў усе акадэмічныя курсы сялянскай гаспадаркі» [3, с. 24]. Такім чынам, непасрэдным ўдзел у тых альбо іншых сельскагаспадарчых працэсах, назіранне за жыццём вяскоўцаў фарміравала ў Д. Прышчэпава свой уласны досвед. Пры гэтым ён атрымаў надзіраную для тых часоў адукацыю. Вучыўся ў царкоўнапрыходскай школе, скончыў земскую школу ў Чарэі (цяпер Чашніцкі раён Віцебскай вобласці), экстрэнам здаў экзамен на званне народнага настаўніка.

У 1915 г. Беларусь стала зонай ваенных дзеянняў, а Віцебшчына — прыфрантавай тэрыторыяй. Вайна таксама паўплывала на лёс Дзмітрыя Філімонавіча. Напрыканцы 1915 г. ён быў мабілізаваны ў царскую армію. У 1916 г. прайшоў паскораны курс Віленскага ваеннага вучылішча і, атрымаўшы чын прапаршчыка, быў адпраўлены спачатку ў запасны полк, а праз некаторы час — на Заходні фронт камандзірам роты 698-га Шыргародскага палка. Да моманту Кастрычніцкай рэвалюцыі салдаты абралі яго камандзірам палка і старшынёю палкавага ваенна-рэвалюцыйнага камітэта. Урэшце, калі разумець, што салдаты — учарашнія маладыя сяляне, улічыць харызму і адукацыю Д. Ф. Прышчэпава, то гэта акалічнасць не здзіўляе. Можна меркаваць, што разам з імі Д. Ф. Прышчэпаў прайшоў складаны шлях выбару паміж супрацьстаячымі бакамі: з пачатку 1918 г. Дзмітрый Філімонавіч — у Чырвонай арміі, камандаваў 2-м Смаленскім палком, які ахоўваў дэмаркацыйную лінію.

Узброенае супрацьстаянне адбывалася і па-за лініяй фронту. Сацыяльныя супярэчнасці пры наяўнасці не толькі зброі, але і былых салдат-сялян, у тым ліку дэзерціраў, стваралі спрыяльныя

ўмовы для стварэння рознага кшталту ўзброеных фарміраванняў, што кіраваліся рознымі мэтамі: палітычнымі, сацыяльна-эканамічнымі, а найчасцей — уласнымі, эгаістычнымі. Аднак адна акалічнасць выяўлялася даволі выразна: яны не прыўносілі спакою ў жыццё вяскоўцаў, якія стаміліся ад вайны і імкнуліся адраджаць сваю гаспадарку. Крыніцы перыяду 1918—1921 гг. утрымліваюць супярэчлівую інфармацыю аб часе і яго людзях, у тым ліку аб Д. Ф. Прышчэпава, што дало падставу асобным гісторыкам сцвярджаць аб удзеле Дзмітрыя Філімонавіча ў паўстанні сялян супраць харчовай развёрсткі. Гэты падыход рэалістычны ў кантэксце чорна-белай гісторыі, аднак, на наш погляд, нескладана абвяргаецца. У 1937 г., калі ў дачыненні да Д. Ф. Прышчэпава вылучаліся розныя абвінавачванні, такога кшталту факт з біяграфіі наўрад ці быў бы забыты. Іншая справа — узначальваючы Веліжскі рэўкам і Камісію па барацьбе з бандытызмам, з’яўляючыся намеснікам Старшыні Сенненскага павятовага камітэта, ён мог заняць пазіцыю падтрымкі сялянства ў такім складаным пытанні, як харчразвёрстка, дзеля хутчэйшага завяршэння канфлікту. З вясны 1921 г. паступова фарміруюцца мірныя ўмовы для працы вяскоўцаў і самога Д. Ф. Прышчэпава. У 1922—1923 гг. ён працуе старшынёй Аршанскага павятовага выканкама, на пачатку 1924 г. пераводзіцца на пасаду намесніка старшыні Віцебскага губвыканкама, з’яўляецца членам Часовага Беларускага бюро ЦК РКП(б). 27 лютага 1924 г. на пасяджэнні СНК БССР Дзмітрый Філімонавіч Прышчэпаў быў зацверджаны членам калегіі Наркамзема БССР як загадчык Віцебскага губернскага зямельнага аддзела [4].



У сакавіку 1924 г. Д. Ф. Прышчэпава выклікалі ў Мінск і прапанавалі пасаду намесніка народнага камісара земляробства. 16 красавіка 1924 г. датуецца выписка з пратакола пасяджэння СНК БССР аб прызначэнні Дзмітрыя Філімонавіча намеснікам наркама земляробства БССР [5]. Менавіта падчас працы ў кіраўніцтве Наркамата земляробства выявіліся ў поўнай ступені арганізатарскія здольнасці Дзмітрыя Філімонавіча, уменне працаваць з людзьмі, бачыць і разумець іх запатрабаванні і памкненні. На той час старшынёй Цэнтральнага выканнаўчага камітэта Беларусі з’яўляўся Аляксандр Рыгоравіч Чарвякоў, а старшынёй Савета Народных Камісараў — Іосіф Аляксандравіч Адамовіч. Напярэдадні (у сакавіку 1924 г.) Дзмітрый Філімонавіч разам з І. А. Адамовічам падпісаў акт пра далучэнне Віцебскай губерні да БССР. Афіцыйнае прызначэнне Д. Ф. Прышчэпава наркамам земляробства БССР адбываецца ў снежні 1924, адначасова ён узначаліў сельска-гаспадарчую секцыю Інбелкульта. Дзмітрый Філімонавіч разам з сям’ёй жыў у знакамітым будынку — «1-м Доме Саветаў», узведзеным у 1911 г. банкірам і аматарам спорту Эмануілам Абрампальскім. На адной з паштовак, якія захаваліся, мы можам бачыць найбліжэйшы да касцёла святых Сымона і Алены дом (над ім відаць адну з вежаў касцёла). У 1930 г. у гэтым доме Дзмітрый Прышчэпаў і быў арыштаваны, як пасля і намеснік наркама земляробства Аскар Сапрыцкі, сакратар ЦВК БССР Максім Ляўкоў, шэраг іншых вышэйшых партыйных і гаспадарчых кіраўнікоў, культурных і грамадскіх дзеячаў БССР [6, с. 25].

Да Прышчэпава Наркамат земляробства ўзначальваў Аляксандр Антонавіч Андрэеў — член Часовага Урада Беларусі па справах земляробства (04.01.1919—?1919), Усевалад Макаравіч Ігнатоўскі (?1919—19.09.1920), Адам Сямёнавіч Славінскі (19.09.1920—19.03.1924), Стэ-

фан Лявонавіч Гельтман (19.03.1924—12.12.1924). З пералічаных толькі Усевалад Макаравіч сваім паходжаннем з вёскі. Аднак адзначым, што ўсе яны (за выключэннем А. А. Андрэева, аб кім ведаем няшмат) былі яркімі асобамі, мелі ґрунтоўную адукацыю: У. М. Ігнатоўскі закончыў Юр’еўскі ўніверсітэт, С. Л. Гельтман — Кракаўскі.

Наркам земляробства У. М. Ігнатоўскі ў 1920 годзе выступаў на пасяджэнні Рабоча-Сялянскай Інспекцыі аб стане калектыўнай гаспадаркі ў Мінскай губерні [7]. У 1921 г. ён прызначаецца наркамам асветы, а вызваленую пасаду займае А. С. Славінскі (сапраўднае імя Качароўскі) — палыманы рэвалюцыянер, які паходзіў з сям’і спадчыннага рабочага і абмежаваўся чатырохкласным рамесным вучылішчам. На лёс А. С. Славінскага выпаў перыяд адраджэння разбуранай працяглай вайной сельскай гаспадаркі. Адраджэнне вёскі рухалася вельмі складана, сялянства захоўвала істотны недавер да палітыкі ўлады. Вайсковы вопыт А. С. Славінскага быў запатрабаваны ў барацьбе з узброенымі фарміраваннямі. Пры яго падтрымцы 7 лістапада 1922 г. быў адкрыты Беларускі дзяржаўны інстытут сельскай і лясной гаспадаркі (дзейнічаў таксама Горацкі інстытут), які ў маі 1925 г. выпусціў першых аграномаў і лесаводаў. Разам з тым перакананні А. С. Славінскага сталі адной з прычын таго, што палітыка «ваеннага камунізму» ў Беларусі на пэўны час затрымалася. Між іншым час патрабаваў новых падыходаў. «Па стану здароўя» Адам Сямёнавіч папрасіўся на іншую працу. Апошняе пасяджэнне Наркамзема пад сваім кіраўніцтвам ён правёў 19 сакавіка 1924 г. у прысутнасці прызначанага новага наркама С. Л. Гельтмана [8, с. 62].

Аб Стэфане Лявонавічы Гельтмане мы ведаем у асноўным дзякуючы працы М. І. Іосько [9]. Ён найперш акрэслівае дзейнасць С. Л. Гельтмана як удзельніка польскага сацыялістычнага руху. Стэфан Лявонавіч з’яўляўся адным з арганізатараў польскага сацыялістычнага аб’яднання (ПСА), старшынёй праўлення яго мінскай групы ў 1917—1918 гг., з 1919 па 1927 г. (з невялікім перапынкам) — членам Польбюро ЦК РКП(б), з 1927 г. узначальваў польскі сектар Інстытута беларускай культуры. Разам з тым С. Л. Гельтман да сярэдзіны 1920-х гг. ужо меў вопыт кіравання сельскай гаспадаркай. У 1919 г. ён працаваў намеснікам наркама земляробства і лясной гаспадаркі ЛітБел. ССР, загадчыкам аддзела земляробства Мінскага губрэўкама, з’яўляўся аўтарам шэрагу публікацый па аграрным пытанні ў Беларусі («Нацыяналізацыя зямлі на Беларусі» і інш.), летам 1920 г. узначальваў зямельны аддзел Польшрэўкома ў Беластоку [10, 11, л. 5; 12, с. 504—505]. Урэшце менавіта дзейнасць С. Л. Гельтмана як наркома земляробства (1924—1925) папярэднічала працы на гэтай пасадзе Д. Ф. Прышчэпава. Можна заўважыць: Стэфан Лявонавіч толькі невялікі час працаваў без Дзмітрыя Філімонавіча (шэраг дакументаў за подпісам Д. Ф. Прышчэпава датаваны чэрвенем 1924 г.), што дазваляе вылучыць гіпотэзу аб усвядомленасці такога кроку кіраўніцтва БССР. Прычыны можна бачыць як у рэалізацыі нацыянальнай палітыкі, імкненні аб’яднаць прадстаўнікоў розных рэгіёнаў Беларусі, так і ў асабістай пазіцыі С. Л. Гельтмана і З. Ф. Прышчэпава. Вядома, што не без уплыву Наркамзема ЛітБел (дзе С. Л. Гельтман працаваў намеснікам наркама) рэалізоўвалася ў 1919—1920 г. на неакупаванай польскімі войскамі тэрыторыі палітыка насаджэння на вёсцы камун і саўгасаў. На барацьбу з падзелам маёнткаў арыентавала і II канферэнцыя Кампарты Літвы і Беларусі ў лютым 1919 г. Большасць маёнткаў аддавалася пад саўгасы і калектыўныя гаспадаркі [13, с. 71—73, 96, 145, 148—149]. У Наркамземе Літоўска-Беларускай ССР быў створаны пададдзел абагулення сельскай гаспадаркі. Арганізоўваліся таксама рабочыя камітэты садзейнічання арганізацыі сацыялістычнай сельскагаспадарчай вытворчасці [14, л. 1—2]. Варта звярнуць увагу на тое, што памылковасць такой палітыкі ўжо тады ўсведмлялася асобнымі работнікамі камісарыята земляробства ЛітБел. «Ставячы сабе на словах шырокія задачы насаджэння сацыялізму, — гаворыцца ў адным з дакументаў, — мы адмаўляем у задавальненні надзённых патрэб беднага насельніцтва» [15, л. 10]. У адпаведнасці з «Палажэннем аб сацыялістычным упарадкаванні зямлі і мерах пераходу да сацыялістычнага земляробства» (1919 г.) «усе наогул зямлі, да часу ўступлення ў сілу гэтага становішча яшчэ не размеркаваныя ў ад-

наасобнае карыстанне» перадаваліся для арганізацыі савецкіх гаспадарак. На «ўсе віды аднаасобнага землекарыстання» было прапанавана «глядзець як на часовыя і аджываючыя» [16, л. 81, 82]. Палітыка «насаджэння камун і саўгасаў» шырока праводзілася ва Украіне, у Прыбалтыцы, Туркестане [17, с. 37—42].

Д. Ф. Прышчэпаў, наадварот, імкнуўся забяспечыць усе магчымасці для выбару сялянствам форм землекарыстання. У кастрычніку 1924 г. Д. Ф. Прышчэпаў (яшчэ намеснік наркама), адстойваючы неабходнасць паглыблення новай эканамічнай палітыкі на вёсцы, на з'ездзе ўпаўнаважаных сельскагаспадарчых калектываў падкрэсліваў: «Вы бачылі развіццё нэпа ў горадзе і што ж, хіба ад гэтага пацярпела наша палітыка, пацярпелі рабочыя? Вядома, не. І цяпер нам трэба даць магчымасць развівацца нэпу на вёсцы» [18, л. 152]. Аналізуючы дакументацыю Наркамзема, актыўнасць выступленняў і публікацый, можна сцвярджаць: у 1924/25 гаспадарчым годзе рэалізоўвалася пазіцыя Д. Ф. Прышчэпава. 27 лістапада 1924 г. на пасяджэнні СНК БССР Д. Ф. Прышчэпаў афіцыйна прызначаецца наркамам земляробства БССР [19, л. 31] (Статус наркама земляробства БССР Д. Ф. Прышчэпава быў пацверджаны Прэзідыумам ЦВК 12 снежня 1924 г. а таксама на 1-й сесіі ЦВК VII склікання 9 мая 1925 г. [20, с. 2]). На наступны дзень, змяніўшы У. М. Ігнатоўскага, ён становіцца членам калегіі па землеўпарадкаванню працоўных яўрэяў пры Прэзідыуме ЦВК БССР [21, л. 13]. С. Л. Гельтман на тым жа пасяджэнні СНК 27 лістапада 1924 г. прызначаецца намеснікам Старшыні СНК БССР, Старшынёй Эканамнарады БССР і Старшынёй Дзяржплана БССР [22, л. 31, 41]. 30 верасня 1925 С. Л. Гельтман займае яшчэ і пасаду рэктара Камуністычнага ўніверсітэта імя У. І. Леніна, захоўваючы пасаду намесніка Старшыні СНК і Старшыні Эканомнарады [23, л. 4, 8; 23]. Можна заўважыць, што Стэфан Лявонавіч засяродзіўся пераважна на працы рэктара і загадчыка кафедры эканомікі і палітыкі Камуністычнага ўніверсітэта ў Беларусі ў Мінску. Для разумення далейшага ходу падзей пазначым, што С. Л. Гельтман прымаў удзел у дзейнасці таварыства гісторыкаў-марксістаў БССР, а ў 1930-я гг. працаваў у Наркаматах земляробства і зернесаўгасаў СССР.

Пачынаючы з 1922 г. бальшавіцкае кіраўніцтва паступова арыентавала мясцовыя арганізацыі на разуменне неабходнасці развіцця рыначных адносін. XI партканферэнцыя прапаноўвала зыходзіць з наяўнасці рынку: улічваючы яго законы, авалодаць ім, і шляхам сістэматычных, дакладна прадуманых і пабудаваных на выразным уліку працэсу рынку эканамічных мерапрыемстваў узяць у свае рукі рэгуляванне рынку, у тым ліку грашовага абарачэння [24, с. 588]. Між тым погляд на новую эканамічную палітыку ў дадзены перыяд прадугледжваў адмову ад непасрэднай калектывізацыі як «слупавой дарогі да сацыялізму». «Цалкам не трэба бян-тэжыцца тым, што справа пачынаецца не з вытворчасці, а з абарачэння, — адзначаў у 1926 г. М. І. Бухарын. — Логіка рэчаў абавязкова прывядзе да таго, што ўслед за каапераваннем у галіне абарачэння непазбежна будзе ісці рознымі шляхамі і каапераванне вытворчае» [25, с. 142—144]. Падобную пазіцыю можна прасачыць і ў І. В. Сталіна [26, с. 17, 68].

Неабходна асобна спыніцца на той ідэалогіі, якой кіраваўся Наркамзем РСФСР і ўплыў якой адчуваўся нават пасля абвяшчэння незалежнасці БССР, а таксама тагачасных вядучых эканамістаў і сялянзнаўцаў. Нагадаем, што станаўленне Д. Ф. Прышчэпава як кіраўніка ў галіне сельскай гаспадаркі адбывалася у той час, калі Віцебская губерня ўваходзіла ў склад РСФСР. А. В. Чаянаў, як і Л. Д. Кандрацьеў, М. П. Макараў, А. М. Чэлінцаў ставілі на мэце паляпшэнне сялянскай працоўнай гаспадаркі на аснове рацыянальнай арганізацыі вытворчасці, яе інтэнсіфікацыі за кошт перадавой тэхналогіі, кааперавання збыту і перапрацоўкі сельгаспрадукцыі. М. Д. Кандрацьеў сцвярджаў эканамічную безперспектыўнасць як буйных капіталістычных, так і дробных сялянскіх гаспадарак. Перспектывы развіцця сельскай гаспадаркі ён бачыў на шляху да кааперавання. Менавіта кааперацыя здольна, на яго погляд, пераадолець недахопы як капіталістычнага (акцэнт на дабавачным кошце як мэце вытворчасці), так і дробнага (адсутнасць умоў да павышэння вытворчасці працы і ўкаранен-

ня дасягненняў тэхнічнага прагрэсу) спосабаў гаспадарання. Напачатку 1920-х гг. Кандрацьеў — начальнік Упраўлення сельскагаспадарчай эканоміі і планавых работ Наркамзема РСФСР, прадстаўнік Наркамзема ў сельгассекцыі Дзяржплана, вядомы ўжо як аўтар кнігі «Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции». Яна была выдадзена ў 1922 г. (2000 экз.), але ў сувязі з арыштам аўтара ў 1930 г. і вызначэннем «варожага» зместу яго выданняў да 1980-х гг. у публічных зборах засталася толькі два тамы [27].

Цэнтральнай праблемай манаграфіі М. Д. Кандрацьева з’явілася даследаванне сістэмы забеспячэння ва ўмовах разгляду рыначных адносін з прычыны нармальных народнагаспадарчых умоў, немагчымасці функцыяніравання рынку ва ўмовах вайны і рэвалюцыйных пераўтварэнняў грамадства. М. Д. Кандрацьеў яшчэ напачатку 1920-х гг., аналізуючы ўмовы 1914—1916 гг., прадказваў праблему, якая склалася праз 5—6 гадоў. Ён падкрэсліваў, што ўзвышэнне спажывання хлеба сялянамі і памяншэнне вытворчасці высокатаварных «уладальніцкіх» (памешчыцкіх) гаспадарак здольна выклікаць крызіс хлебнага рынку. Заўважым, што так надалей і адбылося. Высокатаварныя памешчыцкія гаспадаркі ў Беларусі не былі заменены іншымі формамі буйной сельскагаспадарчай вытворчасці, ва ўмовах драблення сялянскіх гаспадарак узростаў узровень іх спажывання. Ужо з 1926 г. БССР увозіць значную колькасць збожжа. З пачатку 1927/28 гаспадарчага года ў СССР у цэлым выявіліся крызісныя рысы, звязаныя з рэзкім зніжэннем паставак збожжавай прадукцыі на рынак. У гэтым сэнсе паўтарыліся тыя ж прычыны, што сфарміравалі папярэдні хлебны крызіс 1916 г., але ў мірных умовах, калі істотна ўзрастала даходная частка бюджэту сялянства ў параўнанні з расходнай і памяншалася ўдзяленне тых аспектаў, якія стымулявалі сялянства на продаж хлеба (у Беларусі — нізкі кошт збожжа на рынку пры высокім сабекошце ўласнай вытворчасці, развіццё мяса-малочнай жывёлагадоўлі, выдаткаванне збожжа на корм жывёле).

Шэраг даследчыкаў, у тым ліку такіх вядомых, як В. П. Данілаў, бачаць прычыну несуразмернасці і дыспрапорцыі далейшага развіцця СССР у пачатку ЦСУ пры падліку ўраджаю 1927 года. Аднак яшчэ напачатку 1920-х гг. М. Д. Кандрацьеў сцвярджаў, што вырашальнае значэнне для цэнаўтварэння маюць сапраўдныя, а не магчымыя прапановы і спажывецкі попыт, разыходжанне паміж якімі выходзіць на першы план і становіцца вырашальным фактарам узвышэння цэн. Сялянства не складала высокакультурную масу, не мела належнага даверу да ўлад, не было схільна да высокай самаахвярнасці. Да такой высновы Кандрацьеў прыйшоў з прычыны асэнсавання адмоўнага вопыту, што набыў падчас працы ў складзе Часовага урада. Яму, відаць, не давала спакою думка, чаму тэорыя не заўсёды спрацоўвала на практыцы. Апынуўшыся ў Бутырскай турме (рукапіс напісаны галоўным чынам у 1931 г.), шукаў тлумачэння. Разважанні вывелі яго на неабходнасць больш глыбокага вивучэння грамадства і разумення прычын марудных зменаў у яго развіцці. Эканоміка, па меркаванні Кандрацьева, па-за сувяззю з грамадствам і чалавекам — голая тэорыя. Прырода выстаўляе быццам бы максімальныя і мінімальныя абмежаванні для культуры, для ўплыву грамадскіх умоў на чалавека і адпаведна для амплітуды хода самога грамадскага жыцця [28, с. 32].

Яшчэ адным цікавым выданнем 1990-х гг. з’явілася публікацыя выбраных прац выдатнага расійскага сяляназнаўцы Аляксандра Васільевіча Чайнава (выдадзеная ў серыі «Эканамічная спадчына»). Сярод артыкулаў і аб’ёмам, і зместам вызначаецца кніга «Арганізацыя сялянскай гаспадаркі» (1925). З 1919 г. А. В. Чайнаў працаваў ў Наркамзе земляробства РСФСР. У лютым 1921 г. ён быў зацверджаны членам калегіі Наркамзема і ажыццяўляў яго прадстаўніцтва ў Дзяржплане, у красавіку таго ж года — намеснікам старшыні Эканамічнай нарады пры планавай камісіі Наркамзема. Менавіта ён 23 лістапада на аб’яднаным пасяджэнні прэзідыуму Дзяржплана сельскагаспадарчай секцыі Дзяржплана і прадстаўнікоў Наркамзема прачытаў даклад «Генеральны план Наркамзема на 1921—1922 гг.». А. В. Чайнаў сцвярджаў, што сялянская сям’я, якая не валодае дастатковым запасам зямлі і сродкаў вытворчасці для поўнага выкарыстання сваёй працы ў сельскагаспадарчым прадпрыемстве,

размяшчае лішак сваёй працы ў іншы від гаспадарчай дзейнасці (у прыватнасці, промыслы) [29, с. 278]. На Беларусі спроба пераадолець аграрную перанаселенасць выяўлялася і ў пашырэнні больш працаёмкіх культур — бульбаводства, льнаводства і інш.

Прафесар А. В. Чаянаў, услед за А. М. Чэлінцавым, даследуючы суадносіны паміж цэнамі на мяса і корм жывёле, прышоў да высновы, на першы погляд парадаксальнай — гэтыя цэны зваротна прапарцыянальныя: чым даражэй корм, тым танней мяса. Бо жывёла з дагістарычных часоў магла прымаць характар запаснога капіталу. У гады няўраджаяў і іншых катаклізмаў сяляне запускаялі ў свае статкі вялікую колькасць маладняка, каб у складаны для сябе час выкарыстаць такога кшталту запасны фонд [29, с. 358]. У Беларусі на гэтыя працэсы паўплывалі чуткі аб магчымай вайне, абясцэньванне грошай і ўзрастанне кошту збожжа і бульбы. Менавіта бяднейшае сялянства і частка сярэднякоў у выніку шмат страцілі падчас «хлебнага крызісу». Павышэнне цэн на збожжа ў 1927—1928 гг. выклікала пэўную паніку на мясцовым рынку. У выніку ўжо ў 1928 г. толькі пагалоўе свіней у БССР зменшылася ў параўнанні з 1927 г. амаль на 20 % і склала 93 % ад узроўню 1925 г. Закупачныя цэны на свініну кааперацый і дзяржавай вызначаліся занадта нізкія, прыватнік перахапіў ініцыятыву ў яе нарыхтоўцы і, па-сутнасці, дыктаваў рыначныя цэны [30, л. 10]. Так фарміравалася значная сацыяльная база для незадаволенасці і агітацыі з боку заможных гаспадароў вёскі.

Неабходна прыняць пад увагу інерцыйнасць і палярызаванасць грамадскай думкі ў сярэдзіне 1920-х гг. У БССР у гэты час на ўсіх узроўнях гаварылі аб новай эканамічнай палітыцы ў параўнанні з папярэдняй. А «ваенны камунізм» асацыяваўся пераважнай большасцю насельніцтва савецкай часткі Беларусі з камунамі і арцелямі. Улічваючы бюракратычныя структуры ў кааператывных органах і органах зямельнага кіравання, можна сцвярджаць, што погляд на калгасы як на нешта другое не мог не адбіцца адмоўна на стаўленні да калектывных гаспадарак на месцах. Гэта спараджала ў шэрагу выпадкаў разрыв паміж словам і справай, звязанне прынятых рашэнняў да ўзроўню дэкларатывных. Тэхнічны Савет Гомельскага губернскага зямельнага кіравання ў снежні 1924 г. ахарактарызаваў ільготы, якія прадстаўляюцца калгасам, як «папяровыя стымулы» [31, л. 45]. Нягледзячы на шматлікія пастановы Белсельсаюза, кіраўніцтва акруговых саюзаў сельскагаспадарчай кааперацыі не здолела арганізаваць неабходнага абслугоўвання калектывных гаспадарак і разглядала іх як «дадатковы цяжар» [32, л. 4]. Многія савецкія і зямельныя органы на месцах, не маючы ў сваім складзе работнікаў, дастаткова кампетэнтных у пытаннях калгаснага будаўніцтва, не абгрунтавана ліквідавалі калектывныя гаспадаркі, затрымлівалі для іх выдзяленне зямлі, не адпускаялі лесаматэрыялы для рамонту і г. д. [33, л. 25, 26]. Камісія Рабоча-сялянскай інспекцыі, якая абследавала ў 1926 г. калектывныя аб'яднанні, канстатавала: «Калгасы пакінутыя на волю лёсу. І калі яны існуюць у такіх умовах, то цалкам даказалі сваю жыццёвасць, а роўна і тое, што з іх выйдуць магутныя арганізацыі, калі ім будзе нададзена ўвага не ў рэзальюцыях і пастанавах, а на справе» [34, л. 225].

Можна заўважыць адсутнасць якога-небудзь колькаснага росту калектывных гаспадарак па БССР, створаных на надзельнай зямлі ў 1924—1927 гг. У кастрычніку 1924 г. на 2-м з'ездзе ўпаўнаважаных сельскагаспадарчай, крэдытнай і саматужна-прамысловай кааперацыі Беларусі адзначаліся факты захаплення шэрагу работнікаў зямельных упраўленняў хутарызаваных і разгортваннем калектывных гаспадарак на хутары. Прысутным на нарадзе Д. Ф. Прышчэпавым (у той час яшчэ в. а. намесніка наркама земляробства БССР) было дадзена абяцанне звярнуць больш увагі на развіццё калектываў [35, л. 152]. З пачатку 1925 г. разгортваецца барацьба з «хутараманіяй», якая выявілася ў працы Віцебскага акруговага зямельнага кіравання. Гэтае пытанне спецыяльна разглядалася на IV сесіі Цэнтральнага Выканаўчага Камітэта БССР 6-га склікання. Яна канстатавала сярод насельніцтва пералом да пасялковай формы землекарыстання і даручыла Віцебскаму акрвыканкаму «правесці шырокую тлумачальную кампанію для замацавання гэтага кірунку». Сесія таксама адзначыла, што «да гэтага часу з боку

нізаваго савецкага апарата не надаецца дастатковай увагі калгасам», і вызначыла мерапры-
емствы па ўмацаванню іх гаспадарча-фінансавага становішча [36, с. 3, 13]. Была прынята
пастанова Наркамзема БССР, згодна з якой толькі ў асаблівых выпадках, калі «тапаграфіч-
ныя ўмовы або размяшчэнне ўгоддзяў» абумоўлівалі найбольшую рацыянальнасць хутарско-
га або адрубнага землекарыстання, або калі насельніцтва ўпарта аддавала перавагу апошнім
формам, дапушчалася ўтварэнне хутароў і адрубоў [37, с. 71]. Шэраг работнікаў зямельных
органаў, аднак, лічыў гэта парушэннем рашэння III з'езда Саветаў (май 1925 г.) «Не ставіць
адміністрацыйных перашкод вылучэнню на адрубы і хутары» [38, с. 85]. Адказваючы сваім
апанентам на 2 Сесіі ЦВК БССР VII склікання, Д. Ф. Прышчэпаў між тым падкрэсліваў, што,
прызнаючы за сялянінам права выбару, «дзяржава не можа цалкам адмовіцца ад права заах-
вочваць тую ці іншую форму землекарыстання» [39, с. 119]. У Перспектывным плане развіцця
сельскай і лясной гаспадаркі БССР на 1925/26—1929/30 гг. пазначалася, што менавіта пасял-
ковая форма землекарыстання з агульным шматпольным севазваротам і без яго «адказвае
асноўнай мэце НКЗ — абагуленню сельскай гаспадаркі шляхам кааперавання (у асаблівасці
вытворчага) земляробчага насельніцтва» [40, с. 136].

Неабходна адзначыць пазіцыю Народнага Камісарыята земляробства БССР і яго кіраў-
ніцтва ў дачыненні да ліквідацыі калектывных гаспадарак. Калі ў ліпені 1924 г. без якіх-
небудзь тлумачэнняў была ліквідавана арцель «Новы шлях» Дудзіцкай воласці, намеснік
наркама Д. Ф. Прышчэпаў тэлеграфаваў Чэрвеньскаму павятоваму зямельнаму кіраванню
пра неабходнасць прыпыніць ліквідацыю калектыву і старання разабрацца ў гэтым пытанні
[41, л. 60—61]. У красавіку 1925 г. НКЗ Беларускай ССР прапанаваў усім акруговым зямель-
ным органам сумесна з акрсельсаюзамі «разгледзець кожны з распадаў калгасаў у асобнасці
і высветліць, ці ёсць у іх члены, якія жадаюць весці гаспадарку калектывна» [42, л. 21]. Разам
з тым Наркамзем БССР у жніўні 1926 г., зацвердзіўшы пастанову Магілёўскага акрвыканка-
ма аб ліквідацыі часткі сельгасарцелей, указаў на неабходнасць правядзення абследаванняў
усіх калектывных аб'яднанняў на прадмет выяўлення іх жыццяздольнасці. [43, л. 257].

Шырока вядомы заклік Д. Ф. Прышчэпава пераўтварыць Беларусь у другую Данію. Але ў
большай ступені ён быў вылучаны супраць тых, хто гаварыў аб перспектывах адсталасці
аграрнага развіцця, маючы на ўвазе, што Вялікабрытанія гэтак жа залежыць ад Даніі, як
Данія ад каралеўства. Дзмітрый Філімонавіч — дзяржаўная асоба, ён не мог не бачыць, што
Беларусь у першую чаргу можа разлічваць на ўласныя сілы і рэсурсы. Бясспрэчны факт:
індустрыялізацыя ў класічным сэнсе пачалася ў БССР толькі пасля Перамогі ў Вялікай
Айчыннай вайне. Мадэрнізацыя эканомікі, па меркаванні наркама земляробства Д. Ф. Пры-
шчэпава, зразумела, павінна была пачынацца з вёскі. Пры гэтым у якасці кірункаў такой
мадэрнізацыі ён разумеў не толькі выкарыстанне трактарнай тэхнікі. Ва ўмовах спецыяліза-
цыі сельскай гаспадаркі ў напрамку мяса-малочнай галіны, бульбаводства, тэхнічных куль-
тур гэта не вырашала праблемы. Пospех Д. Ф. Прышчэпаў бачыў у прымяненні новых дасяг-
ненняў навукі, перапрацоўцы сельскагаспадарчай прадукцыі, меліярацыі. Ён спадзяваўся
на істотныя чалавечыя рэсурсы вёскі і працавітасць беларускага сялянства, ствараючы для
лепшых гаспадарнікаў лепшыя ўмовы. Разам з тым Д. Ф. Прышчэпаў заўважаў, што сялян-
ства ўсё ж недастаткова рэагуе на новыя выклікі. Зразумела, ён змагаўся за пашырэнне
паўнамоцтваў БССР у справе вызначэння самастойнай крэдытнай, падатковай палітыкі для
ўліку спецыфікі Беларусі. Але адначасова, як сялянін і разам з сялянамі, упэўніваўся, што ва
ўмовах тагачаснага СССР палепшаныя спосабы гаспадарання можна больш эфектыўна
ўжываць у калектывных гаспадарках. Падчас, калі адсутнічала і тэхніка, і стымулы для
аграмаджвання мяса-малочнага статку, Д. Ф. Прышчэпаў бачыў перспектыву ў інтэграцыі
пэўнай колькасці калектывных гаспадарак з вакольнымі індывідуальнымі сялянскімі гаспа-
даркамі ў галіне насенняводства, племянной жывёлагадоўлі, перапрацоўкі сельскагаспадар-
чай прадукцыі. У 1928 г. Д. Прышчэпаў у сваім артыкуле «Задачы рэканструкцыі сельскай

гаспадаркі ў сёлетнюю пасеўкампанію» пісаў: «...і для кожнага рабочага і селяніна павінен зьяўляцца аксіомай той прасты факт, што дробная індывідуальная сялянская гаспадарка, як такая ня можа зьяўляцца сталай базай для развіцця нашае сацыялістычнае індустрыі і ня будзе сталай падставай наогул для нашага сацыялістычнага будаўніцтва. Ужо цяпер патрабуецца карэнная рэарганізацыя індывідуальнай сельскай гаспадаркі на новай тэхнічнай базе і ў новых формах. Такія формы зьяўляюцца калектывізацыя бядняцка-серадняцкіх індывідуальных гаспадарак і ўцягненне іх у розныя віды каапэрацыі, асабліва вытворчай. Сама індывідуальная сельская гаспадарка зьяўляецца ў сучасны момант прычынай, якая тармозіць палепшанне ўсяе сельскай гаспадаркі» [44, с. 54]. Такім чынам, абвінавачванне кіраўніцтва Наркамзема БССР, і ў прыватнасці Д. Ф. Прышчэпава ў насаджэнні хутароў, у стрымліванні калгаснага будаўніцтва ўяўляецца пазбаўленым пераканаўчых аргументаў (як, дарэчы і адваротнае). Гаворка можа ісці толькі пра розныя трактоўкі кіраўніцтвам БССР і СССР, КП(б)Б прынцыпаў класічнага нэпа і аб прычынах адыходу ад яго ў канцы 1920-х гг.

Да заслуг Д. Ф. Прышчэпава неабходна аднесці і ўдзел у распрацоўцы зямельных кодэксаў БССР 1924 і 1925 гг. У адрозненне ад РСФСР у цэнтральнай частцы БССР абшчына ў яе класічнай форме з ураўняльнымі пераdzеламі адсутнічала. Новы Зямельны кодэкс БССР 1924 г. распрацоўваўся менавіта з улікам гэтай акалічнасці. Сярод спосабаў землекарыстання абшчынны адсутнічаў увогуле. Наркамат земляробства мог устаўляць максімальныя і мінімальныя нормы для гаспадарак з улікам наяўнасці працоўнай сілы. У любы час кожны мог выйсці з грамады. У параўнанні з зямельным кодэксам РСФСР, беларускі кодэкс дазваляў арэнду толькі з выкарыстаннем працоўнай сілы гаспадаркі, але павялічваў тэрмін арэнды пры прымяненні шматпольных севазваротаў і палепшаных спосабаў апрацоўкі глебы. Уз'яднанне усходняй часткі Беларусі («узбуйненні БССР» 1924 і 1926 гг.) пазначыла неабходнасць задачы вяртання традыцый землекарыстання, якія, па меркаванні Прышчэпава, вызначыліся раней. У 1927 г. ён пісаў: «Калі мы ў нас правядзем абшчынны парадак землекарыстання, мы адразу прыдушым гаспадарчую ініцыятыву сялянства, пры якой цяпер досыць шпарка праходзіць перабудова сельскай гаспадаркі... Прыклад некаторых губерняў РСФСР нам сведчыць аб тым, што яны доўгі час прасядзелі на абшчыне і акрамя пераdzелаў зямлі нічому новаму не навучыліся... Дробна-буржуазную вёску і належны настрой сялянства мы ліквідуем не абшчынным пераdzелам зямель, а моцным развіццём сельскай гаспадаркі, яе пагалоўным вытворчым каапераваннем і індустрыялізацыяй» [45].

Крызісныя з'явы ў сельскагаспадарчай вытворчасці, перш за ўсё ў галіне нарыхтоўкі збожжа, далі падставу аграрнікам-марксістам, якія групаваліся вакол Л. М. Крыцмана, паставіць пытанне аб здольнасці «буржуазнай» прафесуры даць адказ на актуальныя пытанні сучаснасці. У 1928 г. пачаліся аргвывады — А. В. Чаянаў пакінуў пасаду дырэктара заснаванага ім Інстытута сельскагаспадарчай эканоміі, а сам інстытут быў пераўтвораны ў НДІ буйной сацыялістычнай гаспадаркі, дзе пэўны час Чаянаў працягваў працаваць. Ён паспрабаваў і гэтую практыку паставіць на навуковую аснову. Але падрыхтаваная ім манаграфія «Арганізацыя буйной гаспадаркі эпохі сацыяльнай рэканструкцыі земляробства» так і не ўбачыла свет. Спрабаваў скарэктаваць сваю пазіцыю і Д. Ф. Прышчэпаў. Развіццё і ўмацаванне калгаснага руху паслужыла прадметам спецыяльнага абмеркавання на IV (Юбілейнай) сесіі ЦВК БССР VIII склікання. На ёй былі падведзены вынікі развіцця народнай гаспадаркі за 10 гадоў і падкрэслена, што «генеральнай лініяй на другое дзесяцігоддзе» з'яўляецца «ўстаноўка на калектывізацыю» [45, с. 30]. У справаздачу сесіі змешчаны даклад наркама земляробства БССР, дзе ён адзначаў у якасці асноўнай задачы «далейшае паглыбленне аграрнай рэвалюцыі непасрэдна ў самой сельскагаспадарчай вытворчасці» і замену «буржуазнай сельскай гаспадаркі новым, калектывным сацыялістычным земляробствам» [46, с. 258]. XII з'езд КП(б)Б, які адбыўся 5—16 лютага 1929 г., паставіў задачу ўзбуйніць калгасы, давесці памеры іх пасяўных плошчаў да канца пяцігодкі да 12 % ад усяй пасяўной

плошчы рэспублікі [47, с. 105]. На з'ездзе прагучалі чарговыя абвінавачванні Д. Ф. Прышчэпава ў правым ухіле. Рашэннем Прэзідыума ЦВК БССР 6 сакавіка 1929 г. Дзмітрый Філімонавіч вызваляецца ад абавязкаў наркама земляробства БССР [48, л. 135]. Пасаду наркама земляробства праз месяц (6 красавіка 1929 г.) займае Г. М. Рачыцкі [49, п. 58].

Новы наркам земляробства ў дакладзе на II сесіі ЦВК БССР IX склікання па праблемах калектывізацыі тлумачыў слабое вытворчае каапераванне ў рэспубліцы няправільнай палітыкай папярэдняга кіраўніцтва Наркамата земляробства на чале з Д. Прышчэпавым, якое быццам бы не садзейнічала калгаснаму будаўніцтву, а замаруджвала яго, аддаючы перавагу хутарам, дробным пасёлкам і нормам землекарыстання [50, с. 230]. Па сведчанню Сымона Кандыбовіча, такая пазіцыя была выклікана хутчэй імкненнем захаваць апарат Наркамзема ад рэпрэсій, чым імкненнем зрабіць кар'еру [51, с. 112]. 3 мая 1929 г. Прышчэпаў займае пасаду намесніка старшыні Дзяржаўнай планавай камісіі, з'яўляецца членам Эканамічнай нарады БССР, з мая да верасня 1929 г. — намесніка старшыні Дзяржаўнай планавай камісіі БССР. 14 верасня 1929 г. ён вызваляецца ад абавязкаў намесніка старшыні Дзяржаўнай планавай камісіі і члена Эканомнарады БССР [52, п. 141], а літаральна праз месяц накіроўваецца на пасаду загадчыка Палесскай станцыі. У верасні 1929 г. Прышчэпаў выключаецца з партыі. Згодна з ацэнкай бюро ЦК КП(б)Б, ён праводзіў варожую справе сацыялізму палітыку («прышчэпаўшчына»), якая выяўлялася ў патуранні кулацтву, прымусовай хутарызацыі і падпарадкаванні сельгаскааперацыі і сельгаскрэдыту інтарэсам заможнага сялянства.

З кастрычніка 1929 г. Д. Ф. Прышчэпаў загадваў у Скрыгалаве (цяпер у Мазырскім раёне Гомельскай вобласці) Палескай даследчай станцыяй [53, л. 170]. 19 ліпеня 1930 г. ён быў арыштаваны па справе «Саюза вызвалення Беларусі» і асуджаны калегіяй АДПУ 18 сакавіка 1931 г. за «дапамогу кіраўніцтву “СВБ” у правядзенні контррэвалюцыйных мерапрыемстваў» да 10 гадоў ППК. Адбываў пакаранне на Беламорска-Балтыйскім канале, потым быў этапаваны ў Паўночна-Усходні канцлагер НКУС Далёкаўсходняга краю. 5 красавіка 1937 г. быў арыштаваны С. Л. Гельтман. Прышчэпаў, наадварот, 27 чэрвеня 1937 г. вызвалены. Ці ёсць сувязь паміж гэтымі падзеямі? Менавіта падчас, калі Гельтман знаходзіўся пад следствам, 13 жніўня 1937 г. Прышчэпаў зноў арыштаваны ў Магадане. У хуткім часе Гельтман быў асуджаны Ваеннай калегіяй Вярхоўнага суда СССР і расстраляны ў Маскве 20 верасня 1937 г. (рэабілітаваны 31 сакавіка 1956 г.). Прышчэпаў у студзені 1939 г. этапіраваны ў Мінск і 20 лістапада 1939 г. Ваенным Трыбуналам Беларускай ваеннай акругі таксама прысуджаны да выключнай меры пакарання. Згодна з дакументам, ён памёр у турэмнай бальніцы 31 студзеня 1940 г., па заключэнні дактароў ад параліча сэрца (хварэў на сухоты). Па першым прыговору Прышчэпаў рэабілітаваны Вярхоўным судом БССР 14 чэрвеня 1988 г., па другім — у 1956 г.

Аўтары, якія імкнуліся абвінаваціць Д. Ф. Прышчэпава, пісалі аб ім, як «беларускім Сталыпіне», ці «чырвоным» Сталыпіне. Дзмітрый Філімонавіч сапраўды разглядаў захаванне абшчынных адносін на вёсцы як пэўны перажытак часу, садзейнічаў землеўпарадкаванню. Аднак ён не ідэалізаваў хутарскую форму, як і калектывнае гаспадаранне. Прышчэпавым, перакананым ў векавой устойлівасці індывідуальнай гаспадаркі (таксама як і многімі іншымі тэарэтыкамі і практыкамі), безумоўна, у гэтым напрамку былі зроблены пэўныя памылкі. Аднак Дзмітрый Філімонавіч быў здольны іх заўважаць і па-сялянску грунтоўна, няспешна выпраўляць. Усёй сваёй дзейнасцю Д. Ф. Прышчэпаў вызначаў імкненне ісці наперад у развіцці сваёй дзяржаўнасці, нацыянальнай годнасці, не ўпадаючы ў крайнасці, але ўсё ж дамагаючыся адзіна прымальнага выніку. Нават яго публікацыі паказваюць імкненне ахапіць усе бакі развіцця вёскі, садзейнічаць яе мадэрнізацыі з улікам беларускай спецыфікі [54]. Дзмітрый Філімонавіч Прышчэпаў застанецца ў нашай гісторыі прыкладам годнага кіраўніка і адказнага грамадзяніна.

Паштоўка (1934 г.) з калекцыі лекара Васіля Іванавіча Каляды (1914—1995) падпісана: «Мінск. 1-ы Дом Саветаў». І цалкам лагічна, што за «1-ы Дом Саветаў» увесь час прымалі

будынак на пярэднім плане (цяпер — Савецкая, д. 19). Аднак даследаванні паказалі, што «1-ы Дом Саветаў» — будынак, узведзены ў 1911 г. банкірам і аматарам спорту Эмануілам Абрампальскім, змешчаны за домам на пярэднім плане і найбліжэйшы да касцёла святых Сымона і Алены (над абодвума дамамі відаць адну з яго вежаў). Далей, за дрэвамі, правы бок Дома Урада. У 1930-х гг. у доме жылі і былі арыштаваны наркам земляробства Дзмітрый Прышчэпаў, яго намеснік Аскар Сапрыцкі, сакратар ЦВК БССР Максім Ляўкоў, шэраг іншых вышэйшых партыйных і гаспадарчых кіраўнікоў, культурных і грамадскіх дзеячаў БССР.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. Кузняцоў М. Першы наркам земляробства // Голас Радзімы. 1989. № 31; Шуман Л. «Плуг» наркома: о наркоме земледелия Белоруссии // Сельская газета. 1990. 2 июня: Ходин С. Н. Вернуться к цветному изображению: еще раз о наркоме земледелия Д. Ф. Прищепове // Политический собеседник. 1991. № 12. С. 43—44; Акишевский И. Он любил эту землю: повесть о наркоме. М., 1991. Он же. Судьба наркома // Беларус. думка. 1993. № 7. Он же. Он любил эту землю // Неман. 1994. № 4.
2. Бусько В. Н. Экономическая мысль Беларуси в период НЭПа (1920-е годы). Минск: Право и экономика, 2000. 280 с. С. 158—159, 175, 177—178, 181—182, 192—193, 196, 214, 223—224, 227—230, 232, 237—238; Он же. Экономическая наука Беларуси в 30-е годы XX в. Минск: Право и экономика, 2005. 298 с. С. 51—52, 95, 128, 182—183, 186—187, 197; Лыч Л. М. Дзве іпастасі «Звядзды»: выкрывальніца нацэмакратызму і заступніца беларусізацыі // Звезда. 7 лют. 2009. № 23 (26401).
3. Довнар-Запольскій М. Очерки обычного семейственного права крестьянъ Минской губернии. М., 1897. С. 24.
4. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей — НАРБ). Ф. 7. Воп. 1. Спр. 16. Л. 3.
5. НАРБ. Ф. 265. Воп. 1. Спр. 1396. Л. 14.
6. Маракоў Л. Галоўная вуліца Мінска. 1910—1940. Мінск, 2012.
7. НАРБ. Ф. 101. Воп. 1. Спр. 4. Л. 101.
8. Досин М. И., Селиванов П. А. А. С. Славинский: страницы биографии. Минск: Беларусь, 1989.
9. Иоско М. И. К. Маркс, Ф. Энгельс и революционная Белоруссия. 2-е изд. Минск, 1985.
10. Heltman S. Chłopskie paractwo czy gospodarka społeczna. Sprawa rolna podczas rewolucji. Minsk, 1920; Heltman S. Nacjonalizacja ziemi na Białej Rusi. М., Госиздат, 1921. 62 с.; Heltman S. Robotnik polski w rewolucji paździenikowej na Białorusi. Minsk, 1927.
11. НАРБ. Ф. 8. Воп. 1. Спр. 10. Л. 5.
12. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. Т. 2: Беліцк — Гімн / Беларус. Энцыкл.; рэдкал. Г. П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]; маст. Э. Э. Жакевіч. Мінск: БелЭн. 1994. 537 с. С. 504—505;
13. Революционные комитеты БССР (ноябрь 1918 г. — июль 1920 г.): сб. докл. и материалов. Минск, 1961. С. 71—73, 96, 145, 148—149.
14. НАРБ. Ф. 677. Воп. 1. Спр. 6. Л. 66; Д. 7. Л. 12.
15. НАРБ. Ф. 677. Воп. 1. Спр. 7. Л. 10.
16. Расійскі дзяржаўны архіў эканомікі (РДАЭ) Ф. 478. Воп. 1. Спр. 851; Ф. 478. Воп. 5. Спр. 1866. Л. 81—82.
17. Кабанов В. В. Аграрная революция в России // Вопр. истории. 1989. № 11. С. 37—42.
18. НАРБ. Ф. 334. Воп. 1. Спр. 51. Л. 152.
19. НАРБ. Ф. 7. Воп. 1. Спр. 54. Л. 31.
20. СУ БССР. 1925. № 22. С. 2.
21. НАРБ. Ф. 11. Воп. 1. Спр. 1. Л. 13.
22. НАРБ. Ф. 7. Воп. 1. Спр. 54. Л. 31, 41.
23. НАРБ. Ф. 7. Воп. 1. Спр. 154. Л. 4, 8; Сов. Белоруссия. 1925. 20 кастр.
24. Рэзалюцыя XI партканферэнцыі «Очередные задачи партии в связи с восстановлением народного хозяйства» // КПСС в резолюциях... Ч. 1. С. 588.
25. Бухарин Н. И. О новой экономической политике и наших задачах // Избр. произв. М.: Политиздат, 1988. С. 142—144.
26. Сталин И. В. Крестьянский вопрос: статьи и речи. М.; Л., 1926. С. 17, 68.

27. Кондратьев Н. Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции / отв. ред. академик Л. И. Абалкин. М. : Наука, 1994. 487 с.
28. Кондратьев Н. Д. Основные проблемы экономической статистики и динамики: предварительный эскиз / авт. статей о Кондратьеве и его творчестве. Ю. Н. Давыдов, Ю. Б. Кочеврин, В. В. Симонов. Сер. «Социологическое наследие». М. : Наука. 1991. 576 с.
29. Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство // Избр. тр. / Редкол. серии : Л. И. Абалкин (пред.) [и др.]. М. : Экономика. 1989. 492 с. (Экон. наследие).
30. НАРБ. Ф. 18. Воп. 3. Спр. 21. Л. 10.
31. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці (ДАГО). Ф. 13. Оп.1. Д. 315. Л. 45.
32. НАРБ. Ф. 48. Воп. 1. Спр. 2885. Л. 4.
33. НАРБ. Ф. 334. Воп. 1. Спр. 753. Л. 25, 26.
34. НАРБ. Ф. 101. Воп. 1. Спр. 2598. Л. 225.
35. НАРБ. Ф. 334. Воп. 1. Спр. 51. Л. 152.
36. Стенографический отчет IV сессии Центрального Исполнительного Комитета Б. С. С. Р. VI созыва. Минск, 1925; СУ БССР. 1925. №8. С. 3, 13.
37. Бонч-Осмоловский Р. Земельная площадь в БССР и ее распределение // Сов. строительство. 1926. № II. С. 71.
38. Съезды Советов в документах. 1917—1936. Т. 3. С. 85.
39. 2-я сессия ЦИК БССР VII созыва. Витебск, 1925. С. 119.
40. Перспективный план развития сельского и лесного хозяйства БССР на 1925/26—1929/30 гг. (Утвержден Правительством). Минск, 1927. С. 136.
41. НАРБ. Ф. 48. Воп. 1. Спр. 2060. Л. 60—61.
42. НАРБ. Ф. 48. Воп. 1. Спр. 2135. Л. 21.
43. НАРБ. Ф. 48. Воп. 1. Спр. 2881. Л. 257.
44. Прышчэпаў Зьм. Задачи рэканструкцыі сельскай гаспадаркі ў сёлетнюю пасеўкампанію // Савецкае будаўніцтва. 1928. № 3—4. С. 54.
45. Прышчэпаў Зьм. Зямельная палітыка на далучанай тэрыторыі і нашы задачы // Звязда. 1927. № 170—171.
46. Цэнтральны Выканаўчы Камітэт Беларускай ССР. IV (Юбілейная). Сэсія VIII склікання: Стэнаграфічная справаздача. Менск, 1929. С. 30.
47. КПБ в резолюциях... Т. 2. С. 105.
48. НАРБ. Ф. 34. Воп. 1. Спр. 692. Л. 135.
49. Сборник законов БССР. 1929. Адд. 3. П. 58.
50. Бусько В. Н. Экономическая наука Беларуси в 30-е годы XX в. Минск, 2005. 298 с.
51. Кандыбовіч С. Разгром нацыянальнага руху ў Беларусі. Менск : БГА, 2000. 160 с.
52. Сборник законов БССР. 1929. Адд. 2.20. П. 141.
53. НАРБ. Ф. 48. Воп. 1. Спр. 3709. Л. 170.
54. Сельское хозяйство Белорусской ССР и мероприятия по его восстановлению / И. Кисляков, [и др.]; под ред. Д. Прищепова. Минск : НКЗБ. 1925. 77 с. ; *Ён жа*. Аб зямельным кодэксе БССР // Звязда. 1924. № 164 ; *Он же*. Крестьянка в сельском хозяйстве. Минск, 1925. 20 с. ; *Ён жа*. Сельская гаспадарка і сялянка. Мінск : Белдзяржвыд., 1927. 83 с. ; *Он же*. Земельная политика на присоединенных территориях // Звязда. 1927. № 170, 171 ; *Ён жа*. Аб НДІ // Сельская і лясная гаспадарка. Мінск, 1927. Кн. 1; Беларускі навукова-даследчы ін-т сельскай і лясной гаспадаркі імя У. І. Леніна (Мінск). Першы год працы, 1927 / Беларус. навук.-даслед. ін-т сел. і ляс. гасп-кі імя У. І. Леніна пры СНК БССР; склад. : З. Х. Прышчэпаў [і інш.]. Мінск, 1927 ; *Он же*. Мероприятия по восстановлению сельского хозяйства Белоруссии // Вперед. 1924. № 2. С. 52—58 ; *Ён жа*. Аб зямельным кодэксе БССР // Звязда. 1924. № 164 ; *Ён жа*. За калектывізацыю, за ўздрым ураджайнасці // Сельское и лесное хозяйство. Мінск, 1928. № 5—6. С. 11—41 ; *Ён жа*. Аб НДІ // Сельское и лесное хозяйство. Мінск, 1927. Кн. 1. С. 2—6 ; *Ён жа*. Дыферэнцыяцыя беларускай вёскі // Большевик Белоруссии. 1927. № 11. С. 13—25 ; *Ён жа*. Задачи рэканструкцыі сельскай гаспадаркі // Сов. строительство. 1928. № 3—4. С. 53—59.

Статья поступила в редакцию 12 октября 2013 г.

Л. А. Козік

МЕЧЫСЛАЎ ФРАНЦІШАК РАКОЎСКІ — АПОШНІ ПРЭМ'ЕР-МІНІСТР ПОЛЬСКОЙ НАРОДНАЙ РЭСПУБЛІКІ

Мечыслаў Францішак Ракоўскі быў апошнім прэм'ер-міністрам Польскай Народнай Рэспублікі і першым сакратаром Польскай аб'яднанай рабочай партыі. У артыкуле даецца біяграфічны нарыс дзеяча, у якім асноўная ўвага засяроджваецца на журналісцкай працы, у першую чаргу на пасадзе галоўнага рэдактара часопіса «Палітыка», і палітычнай кар'еры, характарызуецца яго «Палітычны дзённік», напісаны ў 1958—1990 гг. Дзейнасць Ракоўскага паказана на фоне палітычных падзей у краіне ў 1950—1980-я гг., што дазваляе выявіць цяжкасці і дасягненні ў працы журналіста і палітыка, акрэсліць яго стаўленне да апазіцыі і ўвядзення ваеннага становішча ў Польшчы, усведамленне неабходнасці правядзення рэформ у сацыяльна-эканамічнай і палітычнай сферах.

Mieczysław Frantyszek Rakowski was the last prime-minister of the Polish People's Republic and the last leader of the Polish United Workers' Party. His biography is considered in the article. The author depicts his work as a journalist and the editor-in-chief of the magazine «Polityka», pays attention to his political career, characterizes «Political diaries», written in 1958—1990. Rakowski's activity is shown in the larger historical context. It helps to reveal the difficulties and the achievements in his work as a journalist and a politician, his attitude to the opposition and role in the decision-making about the declaring martial law in Poland. The author describes how Rakowski comes up to necessity of the social, economical and political reforms.

Ключавыя словы: М. Ф. Ракоўскі, часопіс «Палітыка», Польская Народная Рэспубліка, апошні прэм'ер-міністр, Польская аб'яднаная рабочая партыя

Keywords: M. F. Rakowski, magazine «Polityka», Polish People's Republic, the last prime-minister, Polish United Workers' Party

У 2014 г. мінае 25 год з моманту правядзення ў Польшчы «Круглага стала» — перамоў прадстаўнікоў улады, апазіцыі і Касцёла, якія сталі пераломнай з'явай у развіцці краіны. Адным з палажэнняў падпісанага бакамі пагаднення было правядзенне парламенцкіх выбараў, удзел у якіх прымуць прадстаўнікі апазіцыі. Як вядома, па іх выніках новы дэмакратычны ўрад сфарміраваў прадстаўнік прафсаюза «Салідарнасць» Т. Мазавецкі. Дзейнасці яго кабінета, як і самому Мазавецкаму прысвечана шмат даследаванняў, на фоне якіх асоба яго папярэдніка — апошняга прэм'ер-міністра і першага сакратара Польскай аб'яднанай рабочай партыі (ПАРП) М. Ф. Ракоўскага незаслужана знаходзіцца ў цені. У гэтай працы мы паспрабуем пазнаёміць чытачоў з яго біяграфіяй.

Шлях у палітыку. Нарадзіўся М. Ракоўскі 1 снежня 1926 г. у вёсцы Кавалеўка Познаньскага ваяводства ў сям'і заможнага селяніна. Яго бацька валодаў 20 га зямлі, якія дасталіся яму ад выехаўшага ў Германію пасля абвяшчэння ў 1918 г. Польскай рэспублікі немца. Старэйшы Ракоўскі быў палітычна ангажаваным чалавекам. Некаторы час ён займаў пасаду солтыса, потым войта, быў прыхільнікам пілсудчыкаўскага Беспартыйнага блоку супрацоўніцтва з урадам, а потым Лагера нацыянальнага адзінства [1, s. 8, 10].

У верасні 1939 г. бацька Ракоўскага быў арыштаваны, а потым расстраляны немцамі дзесьці пад г. Быдгашч. Яго сям'я была выселена, а таму 13-гадовы Мечыслаў быў вымушаны працаўладкавацца памочнікам токара на рамонтны завод чыгуначных саставаў у По-

знані. Менавіта ў гады вайны ён захапіўся сацыялістычнымі ідэямі, што паўплывала на яго далейшы лёс. У 1945 г. Ракоўскі запісаўся добраахвотнікам у Войска Польскае, адкуль быў накіраваны ў аддзел вайскавай інфармацыі, дзе ў 1946 г. уступіў у Польскую рабочую партыю. Да 1949 г. ён быў палітруком у арміі, а наступныя восем год працаваў з перапынкамі ў аддзеле прэсы і прапаганды Цэнтральнага камітэта (ЦК) ПАРП. Увесь гэты час яго характарызавалі як партыйна бескампраміснага афіцэра з правільным класавым падыходам. Маючы за плячамі толькі чатыры класы пачатковай школы, у 1952 г. Ракоўскі паступіў у Інстытут грамадскіх навук пры ЦК ПАРП, дзе ў 1957 г. абараніў кандыдацкую дысертацыю на тэму «Нямецкая сацыял-дэмакратычная партыя ў пасляваенны перыяд» [1, s. 12; 2, s. 12].

Значны ўплыў на фарміраванне светапогляду маладога чалавека аказала яго першая жонка — сусветна вядомая скрыпачка В. Вілкамірская і яе творчае асяроддзе. Пад іх уздзеяннем адбыліся не толькі ўнутраныя, але і знешнія перамены пачынаючага партыйнага дзеяча: ён навучыўся ўсміхацца, стаў стыльна апранацца і змяніў прычоску [2, s. 12; 3, s. 325].

Ракоўскі-журналіст. У 1951 г. Ракоўскі ўступіў у Саюз польскіх журналістаў, дзе ў 1958—1961 гг. займаў пасаду старшыні Галоўнага праўлення. Менавіта журналісцкая дзейнасць стала найбольш знакавай у яго жыцці. У 1957 г. ён пачаў «доўгі раман» з часопісам «Палітыка», які разам з газетай «Трыбуна людю» быў афіцыйным органам ПАРП.

З’яўленне ў лютым 1957 г. штотыднёвіка «Палітыка» было ўспрынята ў польскім грамадстве як сведчанне адыходу першага сакратара ПАРП У. Гамулкі ад абвешчаных у 1956 г. рэформаў. Падставамі для такога меркавання былі папярэдні ціск і ганенні з боку партыйна-дзяржаўных органаў на крытычныя ў дачыненні да палітыкі ўлад выданні (у першую чаргу гэта датычылася штотыднёвіка «Папросту»), а таксама склад рэдкалегіі новага часопіса. У яе вайшлі вядомыя партыйныя дзеячы і прапагандысты: пісьменнік Е. Путрамент, кіраўнік аддзела прапаганды ЦК ПАРП А. Вэрблян, галоўны марксісцкі ідэолаг А. Шафф, супрацоўнік аддзела прапаганды М. Ракоўскі, які на працягу года быў намеснікам галоўнага рэдактара — міністра вышэйшай адукацыі С. Жулкеўскага. Пачатковую пазіцыю часопіса акрэсліў працяглы канфлікт з «Папросту», закрыццё якога восенню 1957 г. «Палітыка» патлумачыла не адыходам улады ад заваў польскага Кастрычніка 1956 г., а адсутнасцю разумення палітычнай сітуацыі і працягам папярэдняй лініі супрацоўнікамі гэтага выдання [4, s. 8—13].

У 1958 г. галоўным рэдактарам «Палітыкі» быў прызначаны Ракоўскі. Свае абавязкі на гэтай пасадзе ён выконваў на працягу 25 год. Менавіта дзякуючы яму часопіс набыў папулярнасць і аўтарытэт у польскім грамадстве, а потым доўгі час лічыўся лепшым паміж Эльбай і Уладзівастокам. Працу на пасадзе галоўнага рэдактара «Палітыкі» Ракоўскі пачаў з падбору новай каманды, якая павінна была вывесці штотыднёвік на якасна новы ўзровень. Знакавай падзеяй у гэтым напрамку стала публікацыя ў маі 1961 г. прызнанняў нямецкага злачынцы А. Эйхмана, які быў выкрадзены ізраільскімі спецслужбамі ў Аргенціне і асуджаны ў Ізраіле. Яны былі запісаны ў выглядзе размовы з двума журналістамі ў 1956—1957 гг. у Буэнас-Айрэсе. Машынапіс гутаркі быў выкрадзены антыфашыстамі ў адваката Эйхмана ў Вене і невядома якім чынам трапіў у варшаўскае выдавецтва «Кніга і веды». Супрацоўнік «Палітыкі» Д. Пасэнт змог атрымаць гэты тэкст, а рэдакцыя вырашыла яго надрукаваць [4, s. 20]. 21 мая Ракоўскі занатаваў у дзённіку: «Мы не памыліліся. Першую частку прызнанняў Эйхмана лічаць сенсацыяй. У Варшаве «Палітыка» разышлася маланкава» [5, s. 289].

Варта адзначыць, што з 1958 па 1990 г. Ракоўскі вёў тайны палітычны дзённік, які выдаў у 1998—2005 гг. У ім ён занатаўваў свае размовы, перажыванні, думкі і разважанні, ацэнкі сітуацыі ў краіне і свеце ў цэлым. Яго «Дзённікі» сталі выключнай крыніцай па гісторыі ПНР. Параўнаўшы арыгінал запісаў з іх кніжным выданнем, польскі гісторык А. Пачкоўскі заўважыў у апошнім больш інфармацыі за кошт уключаных дакументаў і больш лагодныя характарыстыкі некаторых дзеячаў, але пры гэтым ён лічыць «Дзённік» унікальнай крыніцай, да якой, як і да іншых дакументаў, трэба падыходзіць крытычна і разважліва [6].

Ва ўмовах закуліснай барацьбы ў ПАРП, рос- та напружанасці ва ўзаемаадносінах улады і інтэ- лігенцыі, роса нацыяналізму Ракоўскаму давод- зілася лавіраваць і прыкладаць значныя намаганні, каб утрымацца на плаву. Не аднойчы над галавой галоўнага рэдактара хадзілі хмары. Прычынай гэ- тага было ўсё большае разыходжанне ў поглядах Ракоўскага і Гамулкі па пытанні шляхоў далей- шага развіцця ПНР. «Палітыка» ў другой палове 1960-х гг. становілася ўсё больш тэхнакратычнай, у той час як улада — кансерватыўнай. Сведчан- нем розніцы ў падыходах былі, напрыклад, «палітычна няправільныя» артыкулы з крытыкай смяротнага пакарання, жартам з якой-небудзь ня- значнай падзеі, якая штучна раздмухалася ўла- дамі розных узроўняў. Нават простае параўнанне «Палітыкі» з нямецкім часопісам «Шпігель» ства- рала галоўнаму рэдактару непрыемнасці [4, s. 30].



Сам Ракоўскі за час сваёй працы ў часопісе «заслужыў» негатыўныя як ва ўмовах сацыялі- стычнай Польшчы характарыстыкі — ліберал, рэвізіяніст, касмапаліт, менеджар.

У сярэдзіне 1960-х гг. у польскіх эшалонах улады з'яўляецца «група партызан», аб'яднаная вакол міністра ўнутраных спраў М. Мочара. Яна стаяла на выразна нацыяналістычных пазі- цыях і спрычынілася да антысяміцкай (а фактычна — антысеміцкай) кампаніі 1967—1968 гг. у Польшчы. «Партызаны» безвынікова імкнуліся здабыць сабе ў «саюзнікі» Ракоўскага і яго часопіс. «Палітыка» змагла супрацьстаяць рознага кшталту ціску і захаваць нейтральнае становішча, што ў значнай ступені было заслугой яе галоўнага рэдактара.

У 1970-я гг. — перыяд праўлення Э. Герэка — павялічваецца роля прапаганды ў грамадскім жыцці ПНР. Яе асноўнай задачай з'яўлялася адлюстраванне станоўчых пераменаў у жыцці краіны, якія адбываліся дзякуючы заходнім крэдытам. Але, як вядома, эйфарыя скончылася ўжо ў сярэдзіне 1970-х гг., калі «дасягненні» абярнуліся сур'ёзнымі сацыяльна-эканамічнымі пра- блемамі і рабочымі хваляваннямі. У гэтых умовах рэдакцыі «Палітыкі» даводзілася балансаваць на мяжы афіцыйна дазволенага ў адлюстраванні і крытыцы польскай рэчаіснасці.

Будучы галоўным рэдактарам уплывовага часопіса, Ракоўскі шмат разоў выяджаў за мяжу, дзе сустракаўся з вядомымі палітыкамі і грамадскімі дзеячамі. Вынікі такіх паездак, а галоў- нае — назіранняў, знаходзілі адлюстраванне ў яго артыкулах і кнігах. Аднак галоўным выні- кам яго сустрэч можна лічыць паляпшэнне і нармалізацыю польска-нямецкіх адносін.

Шлях у вялікую палітыку. З сярэдзіны 1960-х гг. М. Ракоўскі ўсё больш ангажуецца ў партыйную і палітычную дзейнасць. У 1964 г. ён стаў кандыдатам, а ў 1975 г. членам ЦК ПАРП, у сувязі з чым усё часцей у рэзанансных справах прымаў бок улады. Прыкладам гэтага з'яўляецца яго рэакцыя і пазіцыя ў сітуацыі вакол «Ліста 34-х», судовых працэсах М. Ваньковіча і Я. Н. Мілера. Падчас студэнцкіх хваляванняў 1968 г., выступаючы ў Вар- шаўскім універсітэце, Ракоўскі не пагадзіўся з прапановай на той час студэнта А. Міхніка выступіць у абарону пераследуемых у СССР дысідэнтаў. Ён рашуча выказаўся за захаванне існуючага становішча, папярэдзіўшы прысутных, што «не трэба мядзведзя дражніць» [7].

У другой палове 1960-х гг. Ракоўскі аддаліўся ад палітыкі У. Гамулкі, чалавекам якога лічыўся, і зрабіў стаўку на Э. Герэка, які ў хуткім часе стаў новым лідарам краіны і прапана- ваў рэформы. Такая змена пазіцыі галоўнага рэдактара адбілася і на часопісе, які ў пачатку 1970-х гг. зменшыў градус крытыкі палітыкі, якую праводзілі ўлады. У 1972 г. Ракоўскі ўпер- шынню быў абраны дэпутатам Сейма. Можна падавацца, што ён цалкам перайшоў на пазіцыю

ўлады. Аднак гэта не так. Ракоўскі, які публічна заўсёды выступаў у абарону сацыялізму і звяртаў увагу сваіх падначаленых на тое, што журналіст павінен быць адначасова палітыкам і менавіта з пункту гледжання палітычных прыярытэтаў і наступстваў думаць і пісаць, прызнаваў у прыватных размовах, што ў ПНР не хапае дэмакратыі [8, s. 100, 187]. У «Дзённіку» ж ён занатоўваў: «Ніколі не трэба забываць, у якой краіне жывеш» [4, s. 47].

У 1976 г. вера Ракоўскага ў рэформы Герэка скончылася. Прычынай гэтага стала павышэнне коштаў і рабочыя выступленні. Ён разумеў, што краіне неабходны ґрунтоўныя пераўтварэнні. Але як спалучыць свае адчуванні з палітыкай партыі і дзейнасцю галоўнага рэдактара аднаго з папулярных выданняў? Зразумела, што для Ракоўскага гэта быў няпросты выбар, тым больш пасля атрымання Дзяржаўнай узнагароды. Толькі ў 1979 г. ён напісаў артыкул «Людзі і гаспадарка», у якім фактычна выступіў за хуткае правядзенне рэформаў. Аднак іншы яго матэрыял пад назвай «Удасканальваць і змяняць», дзе прыводзіўся пералік недахопаў у гаспадаранні і выказвалася меркаванне аб правядзенні тэрміновых зменаў сістэмы кіравання, быў напачатку 1980 г. зняты цэнзурай [4, s. 61; 8, s. 202].

Канец 1970-х — пачатак 1980-х гг. быў складаным часам у гісторыі Польшчы. У краіне назіралася пагаршэнне сацыяльна-эканамічнага становішча насельніцтва, частка якога адкрыта выказвала сваю незадаволенасць у выглядзе забастовак і дэманстрацый. Адміністрацыйны ціск на працоўных прывёў, з аднаго боку, да зніжэння іх актыўнасці, а з другога — даў штуршок да ўзнікнення праваабарочных арганізацый (Камітэт абароны працоўных, Камітэт грамадскай самадапамогі і інш.). Іх з'яўленне сведчыла пра ўзнікненне, а потым замацаванне саюзу інтэлігенцыі і працоўных. Варта адзначыць, што Ракоўскі, як і большасць партыйна-дзяржаўных функцыянераў, сур'ёзна не ўспрымаў праваабарончыя арганізацыі. Напачатку 1990-х гг. ён узгадваў, што ў ПАРП святы верылі ў тое, што праўда на яе баку. Партыйнае кіраўніцтва было ўпэўнена, што падчас праўлення Герэка грамадства атрымала ад дзяржавы значна больш, чым разлічвала, а таму «некалькі дзесяткаў прафесійных апазіцыянераў» і іх дзейнасць не могуць стварыць пагрозу існуючаму ладу [9, s. 48, 49].

Аднак сітуацыя ў Польшчы ў гэты час складвалася не на карысць улады. Рабочыя выступленні летам 1980 г. вымусілі яе пайсці на падпісанне так званага «жнівеньскага пагаднення», адным з пунктаў якога была афіцыйная рэгістрацыя Незалежнага самакіруемага прафсаюза «Салідарнасць» на чале з Л. Валенсам. Становішча ў краіне знайшло адлюстраванне ў такіх артыкулах Ракоўскага, як «Людзі і палітыка», «Верагоднасць», «У коле супярэчнасцей, але і надзей» і інш. У іх ён папярэджаў пра магчымасць дэстабілізацыі сітуацыі ў ПНР, што ў сваю чаргу можа прывесці да напружанасці на міжнароднай арэне, зазначаў, што з самога факта забастовак партыйна-дзяржаўнае кіраўніцтва павінна зрабіць правільныя высновы як у пытаннях сацыяльна-эканамічнай палітыкі, так і метадаў ажыццяўлення ўлады ў краіне [10, s. 661, 666, 684]. Аднак гэта не азначала, што журналіст сімпатызаваў «Салідарнасці» і яе прыхільнікам.

Зорны час Ракоўскага на палітычным небасхіле пачынаецца ў лютым 1981 г., калі старшыня ўрада генерал В. Ярузэльскі прапанаваў яму пасаду свайго намесніка. Папярэднічала гэтаму публікацыя артыкула «Шанаваць партнёра» ў «Палітыцы». У ёй галоўны рэдактар заклікаў уладу да цяплення і большага разумення супрацьлеглага боку, бо менавіта па прычыне парушэння інтарэсаў працоўных і бюракратычна-тэхнакратычнай інтэрпрэтацыі сацыялістычнай дэмакратыі ўзніклі незалежныя прафсаюзы [4, s. 62, 63; 10, s. 696].

На новай пасадзе Ракоўскі адказваў за вядзенне перамоў з «Салідарнасцю». На сустрэчах з яе прадстаўнікамі ён паводзіў сябе высакамерна, часам нахабна, а ў якасці асноўнага аргумента выкарыстоўваў альбо пагрозы аб прымяненні сілы, альбо «савецкі фактар», калі заяўляў, што ў выпадку зрыву перамоў у Польшчу будуць уведзены савецкія войскі [11, s. 158; 10, s. 735]. Разам з тым, як адзначае польскі даследчык А. Фрышке, ужо вясной 1981 г. польскія ўлады сур'ёзна разглядалі магчымасць канфрантацыі з «Салідарнасцю». Аднак

нае рашэнне не было прынята толькі таму, што падчас сакавіцкіх перамоў абодва бакі перавысілі свае паўнамоцтвы і прыйшлі да пагаднення [12, s. 389]. Але ўлада адступіць не збіралася: 13 снежня 1981 г. у ПНР было ўведзена ваеннае становішча. Ракоўскі прымаў удзел у распрацоўцы гэтага рашэння і цалкам яго падтрымаў. У гэты час ён з'яўляўся адным з вострых крытыкаў «Салідарнасці», да партнёрскіх адносін з якой яшчэ нядаўна заклікаў.

Згаданыя факты, а таксама змена ў паводзінах Ракоўскага (высакамернасць, нахабства) адварнулі ад яго частку творчага асяроддзя. У 1981 г. адбыўся раскол у рэдакцыі «Палітыкі», калі група журналістаў выступіла на баку пераследуемай «Салідарнасці». Нават прадпрымаемыя Ракоўскім спробы вызваліць з месцаў інтэрніравання некаторых дзеячаў культуры не змянілі пераважна негатыўнага стаўлення да яго. Не паўплывала на пазіцыю творчых колаў і яго другая жонка — актрыса Э. Кемпінская. Дадатковым ударам для палітыка і яго кар'еры стала рашэнне былой жонкі В. Вілкамірскай і двух ужо дарослых сыноў ад першага шлюбу застацца ў эміграцыі.

У 1985 г. пад уплывам сітуацыі ў ПАРП і краіне было прынята рашэнне аб стварэнні новага кабінета міністраў на чале са З. Меснерам. Ракоўскаму ў ім месца не знайшлося. Некаторыя лічаць, што прычынай гэтага, сярод іншага, была і пазіцыя Масквы, дзе палітыка не любілі. Негледзячы на такі паварот лёсу, Ракоўскі застаўся верным генералу В. Ярузэльскаму і яго палітыцы. Сваеасаблівай платой за гэта стала яго абранне ў 1987 г. членам Палітбюро ЦК ПАРП. Фактычна гэта азначала вяртанне ў вышэйшыя эшалоны ўлады.

Летам 1987 г. сітуацыя ў польскім грамадстве абвастрылася. Прычынай гэтага стала чарговае павышэнне коштаў. Супраць такога кроку ўрада на шэрагу прадпрыемстваў былі арганізаваны забастоўкі. Выйсць з крызісу Ярузэльскі бачыў у адстаўцы ўрада Меснера і стварэнні новага кабінета. Адным з кандыдатаў на пасаду прэм'ер-міністра быў Ракоўскі. Як адзначаў адзін з дарадцаў Ярузэльскага падпалкоўнік В. Гурніцкі, яго кандыдатура мела як станоўчыя, так і адмоўныя моманты. Да першых Гурніцкі залічаў добрае ўспрыняццё Ракоўскага на Захадзе, у сродках масавай інфармацыі, блізкіх да М. Гарбачова колах. Дадатным, на яго думку, было і тое, што прызначэнне палітыка прэм'ерам магло выклікаць замяшальніцтва сярод апазіцыі, якая мела з ім дачыненні яшчэ ў 1981 г. Што тычыцца асабістых якасцей, то тут Гурніцкі звярнуў увагу на здольнасць Ракоўскага да кампрамісаў і добрае здароўе. Сярод адмоўных рысаў палітыка былі названыя эгаізм, схільнасць да снабізму, адсутнасць грунтоўных ведаў па эканамічных праблемах [13].

Яшчэ ў 1987 г. Ракоўскі распрацаваў праграму рэформ, якую пасля правак падтрымаў В. Ярузэльскі. У сваёй запісцы (хаця цяжка назваць запіскай дакумент у 60 старонак) будучы прэм'ер-міністр звяртаў увагу на тэхналагічнае і інфармацыйнае адставанне краін сацыялістычнага блоку, неэфектыўнасць дзейнасці СЭУ; выступаў за наданне большай увагі праблемам адукацыі, навукі і культуры, адзначаў павелічэнне ролі Касцёла, які фактычна выступаў за знішчэнне камунізму ў польскім грамадстве; прапаноўваў праводзіць больш жорсткую палітыку ў дачыненні да апазіцыі. Дарэчы, гэта праявілася і падчас першага выступлення новага прэм'ер-міністра ў Сейме ў верасні 1988 г. Ён заявіў: «Наша пазіцыя зразумелая. Праўда — так! Партнёрства — так! Крытыка — так! Кампраміс — так! Але аслабленне канстытуцыйнага парадку, выкарыстанне [апазіцыяй фінансавых сродкаў] з чужых крыніц, дэмагогія, ціск — не!» [13]. Ракоўскі планаваў уключыць у склад свайго кабінета прадстаўнікоў так званай канструктыўнай апазіцыі. Такім чынам ён разлічваў заявіць пра існаванне ўрада шырокай кааліцыі, якая нясе адказнасць за правядзенне эканамічных рэформаў, і пазбегнуць неабходнасці весці перамовы з Валенсам. Аднак планы палітыка не спраўдзіліся: ніхто з мяркуемых саюзнікаў не пагадзіўся ўвайсці ў склад урада.

Першыя рашэнні аб правядзенні рэформ былі прынятыя кабінетам Ракоўскага, а фактычна кіраўніцтвам ПАРП, у снежні 1988 г. Яны былі накіраваныя на лібералізацыю эканомікі, увядзенне свабодных коштаў, пашырэнне канкурэнцыі, ліквідацыю прадуктовых

картак. Ракоўскі разумеў, што гэтыя крокі адмоўна будуць успрыняты насельніцтвам і прывядуць да падзення папулярнасці партыі, але з іншага боку ён добра ўсведамляў, што без эканамічных пераўтварэнняў палітычную сітуацыю ў краіне не выправіш. Пачатыя ім рэформы заклалі падмурак для будучай «шокавай тэрапіі» Л. Бальцэровіча. Разумеючы непазбежнасць кампрамісу з апазіцыяй, прэм'ер-міністр падтрымаў і ідэю правядзення афіцыйных перамоў з ёй.

Па выніках парламенцкіх выбараў 1989 г. Ракоўскі не прайшоў у склад Сейма, што стала фармальнай падставай для адстаўкі яго кабінета. Але гэта не азначала заканчэння палітычнай кар'еры. Пасля абрання Ярузэльскага прэзідэнтам Польшчы паўстала пытанне аб выбарах новага першага сакратара ПАРП. Такім чалавекам у ліпені 1989 г. стаў М. Ракоўскі. Аднак на гэтай пасадзе ён быў нядоўга — праз паўгады ПАРП была распушчана.

У 1990-я гг. — пачатку XXI ст. Ракоўскі не прымаў чыннага ўдзелу ў палітычным жыцці краіны. Пасля роспуску ПАРП ён уступіў у створаную на яе аснове Сацыял-дэмакратыю Рэспублікі Польшча, аднак у 1993 г., пасля закрыцця следства, якое вялося супраць яго¹, адыйшоў ад актыўнага палітычнага жыцця. Тым не менш для левых сіл да самай смерці ён быў свайго рода гуру, да меркавання якога заўсёды прыслухоўваліся.

Не забываў Ракоўскі і сваё журналісцкае мінулае. У 1990—2008 гг. ён выдаваў часопіс «Dziś. Przegląd społeczny», а ў 2003—2004 гг. вёў перадачу на адным з польскіх тэлеканалаў. Але асноўныя сілы аддаваў Ракоўскі барацьбе з цяжкай хваробай, ад якой памёр у 2008 г.

БІБЛІАГРАФІЧНЫЯ СПАСЫЛКІ

1. *Rakowski M. F.* Jak to się stało? Warszawa : Polska Oficyna Wydawnicza «BGW», 1991. 264 s.
2. *Wieczorkiewicz P., Błażejowska J.* Od Kani do Rakowskiego // *Newsweek*. Październik 2006. Nr 41. Dodatek «Zeszyt Historyczny». Nr 3. 15 s.
3. *Koper S.* Kobiety władzy PRL. Warszawa : Czerwone i Czarne, 2012. 367 s.
4. *Władyka W.* Polityka i jej ludzie. Warszawa : Polityka, 2007. 194 s.
5. *Rakowski M. F.* Dzienniki polityczne : w 10 t. Warszawa : Iskry, 1998—2005. T. 1 : 1958—1962. Warszawa, 1998. 518 s.
6. *Paczkowski A.* Pułapki «Dzienników» Rakowskiego [Электронны рэсурс]. URL: <http://www.polityka.pl/historia/1540031,1,co-rakowski-dopisał-w-dziennikach.read> (дата звароту 20.08.2013).
7. *Janicki M., Władyka W.* Pierwszy i ostatni [Электронны рэсурс]. URL: <http://polityka.pl/kraj/273296,1,pierwszy-i-ostatni.read> (дата звароту: 20.08.2013).
8. *Krajewski A.* Między współpracą a oporem. Twórcy kultury wobec systemu politycznego PRL (1975—1980). Warszawa : Wydawnictwo TRIO, 2004. 540 s.
9. *Rakowski M. F.* Zanim stanę przed trybunałem / Z Mieczysławem Rakowskim rozmawia D. Szymczycha. Warszawa : Polska Oficyna Wydawnicza «BGW», 1992. 155 s.
10. *Fik M.* Kultura polska po Jałcie. Kronika lat 1944—1981. London : Polonia, 1989. 835 s.
11. Krajowa Komisja Porozumiewawcza NSZZ «Solidarność». Posiedzenie 9—10 kwietnia 1981 r. / Do druku przyg. B. Kopka. Warszawa : Niezależna Oficyna Wydawnicza NOWA, 1996. 334 s.
12. *Friszke A.* Polska. Losy państwa i narodu. 1939—1989. Warszawa : ISKRY, 2003. 519 s.
13. *Kowal P.* Mietek, to nie czas. 25 lat temu Rakowski został premierem [Электронны рэсурс]. URL: <http://www.polityka.pl/historia/xxwiekpol1945/1557473,1,25-lat-temu-rakowski-zostal-premierem.read> (дата звароту: 20.08.2013).

Артыкул поступіў у рэдакцыю 15 верасня 2013 г.

¹ У 1990 г. супраць Ракоўскага распачалося следства па справе т. зв. «маскоўскай пазыкі». Гаворка ішла пра 1,2 млн долараў, якія кіраўніцтва КПСС перадала ПАРП па просьбе апошняй. Палітыка абвінавачлі ў валютных махінацыях. Следства было спынена ў 1993 г., калі да ўлады ў Польшчы прыйшоў Саюз дэмакратычнай левіцы.

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОБЫТИЕ — ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ





ПРИСУТСТВИЕ И ОТСУТСТВИЕ СОВЕТСКОЙ РОССИИ В ГЕОПОЛИТИКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1917—1924): ПОЛИТИКА, ПРОСТРАНСТВА И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Фокусируясь на событиях 1917—1924 гг., выделены элементы политической и «ментальной» картографии, стремившихся вписать Центральную и Восточную Европу в состав противостоящего Советской России «Запада». Антикоммунистическая политика и воображение, как и восприятие идеологической опасности, создали «двойную границу» даже внутри демократических и капиталистических государств Западной Европы, которую можно сравнить с ролью антибольшевизма при создании национальных государств Центральной Европы. С исчезновением военного интервенционизма после разгрома Красной армии в Польше Советская Россия начала осуществлять политику мирного сосуществования, которая опиралась на гуманитарную, культурную и политическую дипломатию «мягкой силы». Предлагаются различные варианты осмысления места московской модели внутри бойцовского интернационализма первых коммунистов Центральной Европы.

Focusing on the years 1917—1924, this paper proposes an assessment of the construction of the political and “mental” maps, which tend establish Central and Eastern Europe as the “West” against Soviet Russia. Anticommunist policies and representations, perceptions of an ideological threat build a “double border” from within the democratic and capitalist States themselves, comparable with the role played by antibolshevism in the construction of Central-European state-nations. After the Red Army’s defeat in Poland, the Soviet military interventionism evolves in a peaceful coexistence policy, which relies on a humanitarian, cultural and politic soft-power. The paper concludes by opening reflection on the beginning of internationalism and communist commitment in Central and Eastern Europe.

Ключевые слова: Центральная Европа, советская дипломатия, ментальные карты, антикоммунизм, санитарный кордон.

Keywords: Central Europe, Soviet diplomacy, mental maps, anti-communism, the cordon sanitaire.

Целью конференции явилось стремление представить коллективный взгляд на место Центральной Европы в отношениях между Францией и СССР. Первые доклады были посвящены общим вопросам их билатеральных отношений. Далее были рассмотрены вопросы

В разделе «Историческое событие — Личность в истории» представлены в виде статей выступления участников I белорусско-французской научной конференции «Центральная Европа в советско-французских отношениях в межвоенный период и дипломатическое признание центральноевропейскими государствами Советского Союза в 1934 г.» (Париж, 29 ноября 2013 г.). Научный форум был организован силами исследователей лаборатории «Идентичность — Культура — Территория» Университета Дени Дидро (Париж-7), межуниверситетского центра хунгаристских и финских исследований Университета Новая Сорбонна (Париж-3), кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета при поддержке Франко-белорусского центра европейских исследований, Парижского фонда «Дом наук о человеке» и Венгерского института в Париже.

Кёре Софи — профессор Университета Дени Дидро (Париж-7). E-mail: sophie.coeure@univ-paris-diderot.fr

признания СССР в 1934 г. Румынией, Чехословакией и Венгрией. Таким образом, мы не рассматриваем напрямую такой широкий вопрос, как само определение «Центральной и Восточной», «Центрально-Восточной» или «Срединной» Европы [1, 2]. Кроме того, имеется ряд публикаций исследовательской группы «Познание Срединной Европы»; GDRCEMSNRS 3067, Paris. Мы, в свою очередь, дополняем эти размышления через анализ Центральной Европы как субъекта и объекта международных отношений в период между двумя мировыми войнами [3]. Речь идет о Европе «Центральной» или «Промежуточной» (чья идентичность долгое время была неосмысленна, а потом, в рамках доминирования национальных государств, оспорена), о пространстве, по выражению Поля Градволя, сведенном в транснациональный регион [4]. Наша задача — вписаться в научную традицию, анализирующую геополитику великих и малых держав по отношению к Центральной Европе, соотнося взаимосвязь национальных интересов, внешней политики, понятия «системы» и делая главный акцент на отношениях Франции и СССР (которые обрамляли данный регион с Запада и Востока континента), не забывая о других заинтересованных государствах, в первую очередь Польше, Германии, Великобритании, США [5—7].

Сменяющиеся историографии данного сюжета были отмечены, видимо, более чем другие, их эпохой. В западной историографии доминировало чувство входа в новую эру, где идеология хаотически вплелась в стратегические и экономические государственные интересы. Животрепещущий вопрос «двойных стандартов» внешней политики советского партийного государства обсуждался постоянно, отделяя коммунистическую идеологию от государственных национальных интересов и унаследованной Москвой полной или частичной опекой территории бывшей Российской империи, не смешивая реальные интересы и риторику. Такой подход позволял ретроспективно использовать понятия «холодная война» или «разрядка» применительно к началу 1920-х гг. [8, 9].

Советская историография долгое время продолжала отрицать проблему «двойных стандартов» Кремля, заменяя память о ревизионизме СССР против версальской системы на понятие коллективной безопасности, связывая изоляцию Советского Союза с агрессивными капиталистами, дискредитируя революционное движение 1920-х гг. как «крайне левое», и, в конце концов, принижая роль Коммунистического Интернационала. Такая интерпретация относительно недавнего прошлого применялась начиная со второй половины 1930-х гг. и еще прочнее утвердилась в 1950-е гг., когда СССР одним махом удалил наследие буржуазной и фашистской дипломатии в Центральной Европе и рассадил по Европе властителей режимов народной демократии — выходцев из московской ветви Коминтерна. Закрытость советских архивов еще более упрощала дело, позволяя трактовать минувшие события достаточно свободно.

Российские и русскоязычные историки значительным образом освоили и по-новому оценили в конце первого десятилетия XXI в. корпус архивных документов. В этом плане выразим особое уважение нашему коллеге из Санкт-Петербурга Олегу Николаевичу Кену, который так рано ушел из жизни в 2007 г. [10—12]. Открытие архивов в 1990-е гг. позволило сделать более тонким анализ процессов принятия решений и внутренней борьбы властных руководителей советского государства и коммунистической партии, а также изучение взаимосвязей внутренней политики с зарубежьем. Исследования Олега Кена характеризуются также детальной работой над связующими линиями между идеологией, практикой и пространственным воображением. Фактически привлечение новых источников, возвращение биографического подхода, а также несомненный успех американского концепта «мягкой силы» после 1989 г. толкнули историков не искать признаки «планов» или «систем», а интересоваться опытом исторических деятелей и их ментальными картами [13]. Мы подходим к тому, чтобы усвоить самое широкое понимание термина «признание», под которым подразумевается «знание» и «принятие».

В конце концов крах коммунизма в Центральной и Восточной Европе поставил под вопрос принятую периодизацию. Первоначальное и необходимое понимание истории международных отношений касательно сюжетов нашего круглого стола берет за отправную точку систему союзов и договоров России с западными великими державами, ликвидированную в Брест-Литовске в 1918 г., и частичное возвращение Советской России в международную дипломатическую игру в Генуе и Рапалло в 1922 г., а также две волны юридического признания СССР в 1924 и 1934 гг. Понятие «послевоенного периода» эволюционировало в сторону понятия «период выхода из войны», которое подразумевает, например, согласно Джорджу Моссу, длительные последствия конфликта [14]. Однако если историки спрашивают о моменте перехода в другую эпоху, то это будет или 1945 г. (у Тони Джадт), или 1956 г. (у Андреа Грациози) [15, 16]. Мы можем подчеркнуть, что советский подход остается завязанным на мировых войнах и на предложенном или навязанном из Москвы миру порядке. Также, в свете событий 1989–1990 гг., начал проявляться интерес к эпохе формирования наций в Центральной Европе в XIX — начале XX в. Принижение 1917 года как точки отсчета новой эры привело Питера Холквиста к выдвиганию понятия «континуума кризисов», растянувшегося между мировыми и гражданскими войнами и революциями. Это понятие мне представляется весьма полезным для того, чтобы обратиться к периоду 1914–1921 гг. и даже включить в него первую половину 1920-х гг. [17].

Несмотря на столько расхождений между историографиями, в действительности их представители долгое время забывали об этих спорах. В результате их примирения триумфально утвердилась некая реалистическая парадигма, постепенно передавшая концепцию «революции» в эксплуатацию советской империи. Не имея возможности войти в очень насыщенную хронологию, я бы хотела наметить ниже несколько элементов, позволяющих интерпретировать включение политической карты Центральной Европы, с ее хрупкой «системой» Малой Антанты, в состав противостоящего СССР «Запада», в то время как Советская Россия была исключена из процесса европейской реконструкции, проводимой победителями мировой войны. Речь идет не о том, чтобы противопоставить прагматический (вопросы территорий и экономики) и идеологический подходы и не о том, чтобы четко отделять внешнюю от внутренней политики, но о том, чтобы задуматься о распределении практик и представлений различных акторов, с их субъективным и географическим представлениями, которые структурировали их видение мира и создавали их пространственные референции.

Роль Франции в формировании антикоммунизма в политике и восприятии. Понятие «санитарного кордона» четко отмечает первые годы истории Европы после заключения мирных договоров. Очень важно рассмотреть именно этот отрезок времени, особенно через эволюцию доступной актерам через прессу информации, данные дипломатии, полученные по витиеватым траекториям из-за разрыва отношений с Россией, свидетельства первых эмигрантов из России или отправившихся туда западных путешественников [9, 18]. Представления о большевистской угрозе в разных странах Европы развивались, имея разные стартовые позиции. Нам известно, что знание географии среди гражданского или военного французского руководства (Ф. Фош, Ж. Клименсо) превосходило уровень Д. Ллойда Джорджа, который добровольно признал в 1920 г., что карта Центральной Европы была ему совершенно не знакома [19].

Провал дипломатических шагов Л. Д. Троцкого по выводу России из войны весной 1918 г. привел к организации франко-британской интервенции (к которой присоединились Соединенные Штаты и Япония) в Сибири и на Кавказе, совпавшей с решением СНК о капитуляции в Брест-Литовске в марте 1918 г. Исключение Советской России из Версальской Европы оказалось результатом процесса прогрессивной трансформации целей войны — победить центральные империи — в цель выхода из войны, в которой желание предотвращения любого ревизионизма пораженных государств было дополнено страхом Европы перед заражением

большевизмом. Таким образом, советское правительство после Брест-Литовска не участвовало в переговорах о мирных договорах, которые навязывались пораженным государствам или согласовывались с новыми государствами, появившимися в результате распада империй — государствами восстановленными (Польша), увеличенными (Румыния) или созданными (Чехословакия). В то же время на этих переговорах проблема России и большевиков явно присутствовала. Пресса и протоколы дебатов заседаний мирных конференций показывают на сочленение вопросов идеологии и прагматизма в 1918—1919 гг. Изначально Франции и Великобритании казалось возможным скомбинировать эти два подхода, рассчитывая на перерождение большевизма в «стабильный» режим в России не только политически, но и экономически. Досье французских военных и дипломатов показывают, что гипотеза небольшевистской России продолжала серьезно расцениваться и в течение первой половины 1920 г., даже после репатриации французских военных и дипломатических миссий. Эта гипотеза поддерживалась благодаря заявлениям представителей промышленности и торговли, а также ученых и белой эмиграции.

Французский опыт взаимодействия с большевизмом формировался на фоне конфликта, который развивался на нескольких фронтах. В Париже конфликт ангажировало Министерство иностранных дел и высшее военное командование. В зонах боевых действий были задействованы как военные — рядовые и офицеры, так, например, и журналисты. Французы присутствовали в Сибири, в Украине, на Кавказе, в Крыму, где они помогли при эвакуации частей генерала Врангеля в 1920 г. Также французские военные миссии были задействованы против Венгерской Советской Республики Бела Куна и оказали помощь в Словакии чехословацкой армии, и в качестве опоры румынских войск в Будапеште. Французские офицеры, среди которых присутствовал, как мы знаем, капитан Шарль де Голль, участвовали в советско-польской войне. Годом позже французы и британцы детально разрабатывали последний проект интервенции с целью оказания помощи восстанию на Кронштадте весной 1921 г. [6, 8, 20, 21].

Антикоммунизм французских элит опирался на конкретный опыт Центральной и Восточной Европы, на опыт, который передавался свидетельствами антибольшевистской эмиграции, а также на идеологическое неприятие. Известные весьма неопределенно замыслы и прокламации новых властителей в Москве создавали образ государства нового типа, идеологической опасности, которая доминировала над национальными интересами и идеей «родины». Все это выработало чувство какой-то внутренней опасности, которую я назвала раньше «вторым фронтом», связанного с присутствием Французской коммунистической партии — красным анклавом внутри Третьей Республики [22]. Страх вражеского вторжения и заражения большевизмом широко доминировал над четким пониманием парадипломатических механизмов оказания влияния, задействованных одновременно Народными комиссариатами и Коммунистическим Интернационалом. Можно вспомнить, например, журналиста Камий Эмар, симпатизирующего фашизму и предлагающего в своем памфлете 1925 г. «Большевизм или фашизм, французы, пора выбирать!» опираться на фашизм против «большевистской волны».

Однако при анализе отношения французских элит к Советской России и к европейским фашистским государствам как в начале 1920-х гг., так и в последующие годы идеологический фактор не должен переоцениваться. Так, перцепция опасности заражения из-за непосредственного контакта, чрезвычайно ощущаемая благодаря метафоре вируса, по мере создания «санитарного кордона» и заключения двухсторонних альянсов Франции со странами Центральной и Восточной Европы, появления Малой Антанты и особенно развития антифашистского движения, постепенно исчезает. Писатель и журналист, сотрудничавший с «Аксьон франсэз», Жак Бэнвиль, который в коллекции своих статей 1937 г. под названием «Россия и восточный барьер» неустанно продолжал предупреждать своих читателей о реальной

угрозе возможного сговора России и Германии, большевиков и бошов, оставался неслышанным.

Нам известно, что именно Великобритания и США, выступив против Франции и Италии, предотвратили реализацию в 1919 г. проектов маршала Фоша о создании силовым путем из прибалтийских государств, Польши и Румынии «барьера» против большевистской инфильтрации. Однако Франция начала переговоры с Советской Россией не только из-за своей неспособности действовать на такой большой дистанции. На самом деле контакты с советскими эмиссарами никогда и не прерывались. Внешнеполитическая антигерманская одержимость, разумеется, доминировала над реалистической французской дипломатией, которой приходилось учитывать устойчивость социалистического режима в России. В этом случае имперское воображение в Париже заигрывало с идеей, что Россия естественным образом будет склонна доминировать на своем европейском и азиатском пространстве. Поэтому французские лидеры (и Эдуард Эррио в первую очередь) делали совершенно иные выводы из советско-германского сближения в Рапалло, нежели Жак Бэнвиль, и вновь начинали ценить старую формулу обратного союза (фр. «alliance de revers») между Францией и Россией.

Экономическая мотивация тоже играла роль вместе с надеждой на восстановление связей, способных помочь не потерять французские промышленные и финансовые инвестиции, вложенные в Россию до 1917 г., а также на получение выгод от НЭПа, снова разрешавшего иностранные инвестиции в СССР. Вспомним Анатоля де Монзи, выполнявшего во Франции функцию посредника и переговорщика по вопросу российских долгов. С 1922 г. в Париже обосновывается представитель Народного комиссариата по иностранным делам. Одновременно мы можем выдвинуть предположение, что идеологический фактор не был оставлен, но был реинтерпретирован такими людьми, как Эррио и Монзи, которые всегда надеялись, что советский режим смягчится благодаря контактам со старой Европой, придаст цивилизованную форму своей политике и даже своим ценностям [18].

Центральная и Восточная Европа как «восточный барьер». Возвращаясь к вопросу об антибольшевизме в конструкции национальных государств Центральной Европы, который станет отправной точкой для последующих докладов, посвященных 1930-м годам, необходимо осмыслить роль советско-французских отношений в процессе национально-государственного строительства. Этот процесс развивался под сильным влиянием актуальных проблем безопасности, суверенитета, исторической и современной легитимности. Нам известно, что работа экспертов в области географии и этнографии на мирных конференциях проходила под давлением как «французских интересов», так и представителей Прибалтики и Центральной Европы, которые были задействованы Антантой с начала Первой мировой войны. Нам также известно, благодаря работам Балажа Аблонци о Пале Телеки, что иногда политики и ученые были одними и теми же людьми [23]. Эти эксперты часто использовали старую и порой противоречивую информацию об этническом и лингвистическом разделении населения приграничных зон. Например, в то время как по российской статистике румыноязычные составляли 46 % населения Бессарабии, по румынской статистике — уже 66 % [24]. Государственные образования, созданные на базе мирных договоров, оказались гетерогенными, нестабильными и спорными. Как продемонстрировал Траян Санду, «система» Малой Антанты была быстро подорвана из-за сложного характера соседства и отношений, особенно экономических, между ее членами и Германией, что часто оказывалось важнее их отношений с Францией или СССР [25, 26].

При этом Румынию, Венгрию и Польшу объединяло то, что они были частично построены на принципах антибольшевизма. Сочленение враждебности к российской мощи и коммунистической идеологии было настолько сильным, что оно, например, подавляло экономическую заинтересованность от налаживания отношений с российским рынком [27, 28]. Конф-

ронтация с режимом Бела Куна, советско-польская война, долгий пограничный конфликт между СССР и Румынией, восприятие идеологической угрозы, постоянно дополняемой территориальным давлением (что не угрожало Франции), складывались вместе с легитимизацией цивилизационного барьера. Как результат, Центральная и Восточная Европа была представлена фронтом европейского и христианского Запада против большевистской и атеистической Азии. При этом следует учитывать присутствие белой эмиграции в Болгарии и особенно в Чехословакии. «Чешские легионы» воевали на стороне Антанты в годы Первой мировой войны во Франции, в Италии и в России. Весной 1918 г. несколько тысяч чешских солдат пересекли Сибирь с боями против Красной армии, идя к порту Владивостока с желанием дойти морем до Западного фронта. Этот опыт сыграл фундаментальную роль, так как первые набранные высшие воинские чины и дипломаты чехословацкого государства оказались проникнуты духом антибольшевизма [29, 30].

Чехословацкое государство решило не вмешиваться в российскую гражданскую войну и это «демократическое невмешательство» позволяет говорить о том, что идентичность национальных государств Центральной Европы строилась одновременно во взаимодействии с той повесткой дня на Западе, которую пыталась навязать Франция. Постоянно подозреваемые в использовании антибольшевизма в целях внутренней политики и ревизии границ, новые властители Центральной Европы были вынуждены часто прогибаться под стратегические и экономические приоритеты Западной Европы. По своему выбору они, интегрируясь в современный мир европейской социальной и политической демократии, пожелали дистанцироваться от коммунистической России, отброшенной к отсталости и «азиатской» анархии. В 1920-е гг. Эдвард Бенеш теоретически обосновывал особое место «малых государств» и «маленьких людей» Центральной Европы в этой конструкции [31]. Региональная идентичность Центральной и Восточной Европы строилась через принятие парламентского режима и уважения к малой земельной частной собственности, а также через обхождение с этническими меньшинствами в рамках предложенных Лигой Наций практик и ценностей. Речь не идет о каком-то простом применении предложенных западных моделей, но об общем результате, над воплощением которого работали как центральноевропейские, так и французские элиты.

Советская Россия: дипломатия вмешательства, дипломатия сосуществования и дипломатия влияния. Советская Россия, преобразованная в СССР в 1922 г., проводила внешнюю политику, опиравшуюся на продуманную В. Лениным, Л. Троцким и Н. Бухариным версию марксистского понимания мира, которое базировалось на экономических структурах и классовых отношениях. Применяя дипломатию вмешательства, дипломатию сосуществования и дипломатию влияния, СССР, очевидно, играл возрастающую роль в Европе. Внешнеполитическая деятельность НКВД исходя из перспектив научно доказанной законами истории неизбежной мировой революции сочленяла глобальные, интернациональные и прогрессивные контексты с локальной перспективой, которая менялась день ото дня, а также с чувством чрезвычайной национальной хрупкости. В худший момент гражданской войны, когда более двадцати правительств боролись между собой, советское правительство не контролировало более 10 % территорий бывшей Российской империи. Травматизм гражданской войны оставался чрезвычайно силен, и нам, например, известно, что он повлиял на представления И. Сталина о связях между внутренней и внешней угрозами.

В 1918—1924 гг. Советская Россия была только региональной державой, вне зависимости от своих глобальных амбиций. Однако, как показал Олег Кен, понятие империализма позволило дать особую территориальную трактовку политической мысли марксизма-ленинизма, которая в итоге оправдала такую пограничную дипломатию, что рассматривалась за рубежом как хищническая. Эта дипломатия представлялась советской историографией наизуворот — как оборонительная, пацифистская и коллективная политика, перенося на 1917—1921 гг.

предложенную Лениным в 1921 г. концепцию «мирного сосуществования» между государствами с разными социальными укладами [24]. Советская дипломатия одновременно представлялась как целостная политика. С другой стороны, историки, имевшие доступ в архивы внешней политики Российской Федерации, настаивают на методичном и конфликтном устройстве заграничной деятельности Кремля [10, 32–35]. Следует ли в ней скороспело различать два лагеря или два течения — прагматиков НКВД (особенно Л. Троцкого, Г. Чичерина и М. Литвинова) и Коммунистический Интернационал, для которого мировая революция заслоняла другие цели? Кажется, что «соседи» НКВД были действительно многочисленны. Помимо Коминтерна собственную внешнеполитическую программу имели также Реввоенсовет, Иностранный отдел ЧК-ГПУ и Разведывательное управление Красной армии (с 1926 — ГРУ). Также кажется бесспорным, особенно благодаря работам Сабин Дюллен, что грамматика политики народного комиссариата и близких к нему групп становилась все сложнее [36]. Задача мировой революции (в которой Германия стояла на кону как главная ставка до 1923 г., после чего она уступила место Азии) исчезновения созданных капиталистической системой антинародных государств не была оставлена, но отложена на будущее. Это верно для политики как Ленина, так и Сталина, идеологическое отступление которого никогда не было полным. Добавим, что внешнюю политику большевиков следует понимать под углом взаимоотношений «центр — периферия» внутри строившегося СССР, учитывая трения между Москвой и руководителями советской Украины и Беларуси.

Кроме того, большевистские лидеры готовились с 1916–1917 гг. открыто бороться против твердой оппозиции капитализма, без колебаний используя его внутренние противоречия. Для них традиционный дипломатический репертуар (официальные представительства, переговоры и соглашения, особый символ — черные фраки, надетые на Генуэзской конференции 1922 г.) был полезен, но не обязательно легитимен. От этого репертуара можно было уклоняться или дополнять его другими модальностями действий, которые ставили под вопрос границы между законностью и незаконностью, между открытыми и конспиративными операциями, служащими источниками жизненно важной информации в пору, когда Советы еще не имели собственных представителей в крупнейших зарубежных столицах. После того как безрезультатные требования Москвы принять участие в мирных переговорах были оставлены в феврале 1919 г., перед угрозой франко-британской интервенции народный комиссариат выработал теорию исключения новой России из версальской системы, представленной как часть капиталистического миропорядка, и заботливо подчеркивал, что он добивался от великих держав принятия в расчет существования и мощи советского режима, даже временно изолированного и ослабленного. Первоначально эта политика проводилась как политика соседства, которая не была целенаправленно специфицирована для Центральной Европы. Таким образом, СССР все больше относил Центральную Европу в подкатегорию «Запада». В результате сектор НКВД «Срединная Европа» исчез, как и Школа кадров коммунистических партий Центральной и Восточной Европы в Москве, которая была преобразована в Коммунистический университет национальных меньшинств Запада [37].

Если говорить о политике, охватывающей весь «Запад», то следует учитывать фактор границ бывшей Российской империи. Москва использовала послевоенную нестабильность (бессарабский, а также литовский вопросы), играла с ревизионизмом, одновременно заключая договоры о мире и разоружении со своими прибалтийскими, финскими, польскими и турецкими соседями. Таким образом, СССР фактически присутствовал в Центральной Европе задолго до его признания большинством региональных государств в 1934 г. Игорь Зубачевский показал на примере неопубликованной корреспонденции, что в 1920 г. М. Литвинов приветствовал образование Малой Антанты, тем более находившейся в руках «русофила» Э. Бенеша, до тех пор, пока та блокировала появление новой коалиции против Советской

России. Также он предсказывал, что Малая Антанта будет вести все более и более независимую политику от Франции (что и произошло). В 1921 г. НКВД приостановил, несмотря на позицию К. Радека и М. Литвинова, кампанию Коммунистического Интернационала против Малой Антанты, пробуя предотвратить рост антикоммунистической паники во Франции и Великобритании. Задача возвращения в дипломатическую игру с другими великими державами была реализована и стала приоритетной сразу же после Генуи и Рапалло. Несмотря на противоречивые призывы Коммунистического Интернационала (и особенно его 4-го конгресса в 1922 г.) против созданной империалистами в Центральной Европе «дамбы государств-вассалов», НКВД рассматривал французскую внешнюю политику не только исходя из позиции «осажденной крепости».

В Центральной и Восточной Европе первый коммунистический активизм складывался под влиянием прямого контакта с московской моделью. Данный регион предоставил международному коммунистическому движению своих первых лидеров — бывших военных Германской и Австро-Венгерской империй, переобученных в 1918—1920 гг. в Москве. Биографический подход, представленный, например, работами Анн Кригель и Стефана Куртуа о Эужене Фриде, позволяет приступить к анализу транснациональной истории коммунизма и Коминтерна [38—40]. Для того чтобы охватить всю сложность переработки коммунистическим движением идей интернационализма, надо учитывать его сложные [41], комплексные отношения, с одной стороны, с французскими и германскими социал-демократическими моделями, и, с другой стороны, с процессом создания или восстановления национальных государств на руинах империй, в зонах конфликтов и полиэтнических границ.

Советскую внешнюю политику нельзя понять, не учитывая проведения одновременной парадипломатии влияния. Она разворачивалась в более широких, нежели Центральная Европа, рамках, и задействовала в начале 1920-х гг. гуманитарную дипломатию, политическая составляющая которой недооценивалась ни членами Американской администрации помощи (приехавшей бороться с голодом в Центральной Европе и Советской России), ни НКВД, ни Коминтерном. Открытые в 1990-е гг. архивы в Москве показали, насколько прямо были связаны интернациональная мобилизация против голода в России и советские культурные «общества» за границей: ВОКС и массовые организации Коминтерна, особенно МОПР [18, 42]. После дипломатического признания режима большевиков западными странами эта дипломатия влияния еще более искусно играла в «невмешательство» социалистического государства в «дружественное» отношение коммунистических партий к СССР, действующих якобы совершенно независимо, одновременно проводя подпольные политические или разведывательные операции.

Итак, между 1917 и серединой 1920-х гг. московская модель была навязана всему коммунистическому движению на Западе, включая Центральную и Восточную Европу. В то же время центральноевропейские национальные государства, сконструированные при поддержке «буржуазных» стран, никогда не прерывали контактов со своим восточным соседом. В результате было построено коммуникационное пространство нового типа, в котором, несмотря на то, что восприятие территориальности и соседства оставалось центральным фактором, таким же как оно было начиная с XIX в., идеология и прагматизм сочетались друг с другом в неизвестной доселе манере, реагируя на вызов интернационального революционного большевизма. Все это повлекло трения и противоречия, которые проявились во второй половине 1930-х гг.

Перевод с французского языка аспиранта кафедры истории южных и западных славян БГУ А. О. Пеганова

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Histoire de l'Europe du centre-est. Paris : PUF, 2004. 997 p.
2. *Marès Antoine*. La Tchécoslovaquie, sismographe de l'Europe au XXe siècle. Paris : Institut d'études slaves, 2009. 290 p.
3. L'URSS et l'Europe dans les années 1920 / Eds. Narinski Mikhail, Du Reau Elisabeth, Soutou Georges-Henri, Tchoubarian Alexandre. Paris : PU Paris-Sorbonne, 2000. 184 p.
4. L'Europe médiane au XXe siècle. Fractures, décompositions — recompositions — surcompositions / Ed. Gradwohl Paul. Prague : CEFRES, 2011. 285 p.
5. Les conséquences des traités de paix en Europe centrale et sud orientale / Ed. Aycoberry Pierre. Strasbourg : PU de Strasbourg, 1987. 400 p.
6. *Davion Isabelle*. Mon voisin, cet ennemi. La France face aux relations polono-tchécoslovaques entre les deux guerres. Bruxelles : Peter Lang, 2009. 471 p.
7. *Hogehuis-Seliverstov Anne*. Les relations franco-soviétiques, 1917–1924. Paris : Publications de la Sorbonne, 1981. 262 p.
8. *Carley Michael Jabara*. Episodes from the Early Cold War : Franco-Soviet Relations, 1917–1927 // Europe-Asia Studies, 2000. Vol. 52, Issue 7. P. 1275–1305.
9. *Ватлин А. Ю.* Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М. : РОССПЭН, 2008. 374 с.
10. *Кен О.Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920–1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб. : Европейский дом, 2000. Ч. 1: 1928–1934. 701 с.
11. *Кен О. Н.* System Error? Москва и западные соседи в 1920-е — 1930-е годы // Неприкосновенный запас. 2002. № 4 (24). С. 29–35.
12. *Ken Oleg*. L'URSS comme «zone frontalière» La formation et la projection vers l'intérieur du discours et des méthodes de contrôle territorial dans l'URSS des années 1920 et 1930 // Coeuré Sophie, Dullin Sabine. Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin. Paris : La Découverte, 2007. P. 313–335.
13. Mental maps in the era of two world wars. New York : Palgrave Macmillan, 2008. 256 p.
14. Sortir de la Grande Guerre. Le monde et l'après — 1918. Paris : Tallandier, 2008. 511 p.
15. *Graziosi Andrea*. Guerra e rivoluzione in Europa, 1905–1956. Bologne : Il Mulino, 2001. 327 p.
16. *Judt Tony*. Après-guerre, une histoire de l'Europe depuis 1945. Paris : Armand Colin, 2007. 1023 p.
17. *Holquist Peter*. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Harvard UP, Cambridge, 2002. 373 p.
18. *Coeuré Sophie*. La grande lueur à l'Est. Les Français et l'Union soviétique (1917–1939). Paris : Seuil, 1999. 358 p.
19. *Marks Sally*. David Lloyd George // Mental maps in the era of two world wars/ ed. Casey Stephen, Wright Jonathan. New York : Palgrave Macmillan, 2008. P. 21–37.
20. *Delmas Jean*. La paix de Brest-Litovsk et le maintien en Russie de la mission militaire française // Aux vents des puissances. Hommage à Jean-Claude Allain / ed. Jean-Marc Delaunay. Paris : Presses de la Sorbonne nouvelle, 2009. P. 209–228.
21. *Guelton Frédéric*. Le capitaine de Gaulle et la Pologne (1919–1921) // Charles de Gaulle, la jeunesse et la guerre 1890–1920. Paris : Plon, 2001. P. 242–259.
22. *Ablonczy Balázs. Pál Teleki*. The Life of a Controversial Hungarian Politician. Wayne : Hungarian Studies Publications, 2007. 338 p.
23. *Coeuré Sophie*. Endiguer le bolchevisme? La frontière dans le répertoire de l'anticommunisme, 1917–1941 // Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin. Paris : La Découverte, 2007. P. 42–63.
24. *Tomachevski Dimitry*. Relations entre l'Union soviétique et les pays occidentaux et principe de Coexistence pacifique // Tiers-Monde. 1968, tome 9. № 35–36. Coexistence pacifique. P. 595–612. URL: http://www.persee.fr/web/revues/home/prescript/article/tiers_0040-7356_1968_num_9_35_2454
25. Illusions de puissance, puissance de l'illusion: historiographies et histoires de l'Europe centrale dans les relations internationales de l'entre-deux-guerres. Paris : Cahiers de la Nouvelle Europe. 2005. 292 p.

26. *SanduTraian*. Le système de sécurité français en Europe centre-orientale, l'exemple roumain (1919 à 1933). Paris : L'Harmattan, 1999. 495 p.
27. *KrasznaiZoltán*. Idéologie, propagande et diplomatie en Hongrie : la région frontière de la Subcarpatie dans l'entre-deux-guerres // Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin. Paris : La Découverte, 2007. P. 144—164.
28. *Kriegel Annie, Haupt Georges*. Les groupes communistes étrangers en Russie et la Révolution mondiale (1917—1919). Etat des travaux // Revue d'Histoire moderne et contemporaine. Vol. 10, octobre — décembre 1963. P. 289—300.
29. *Marès Antoine*. L'espace tchécoslovaque comme passerelle de civilisation entre l'Est et l'Ouest (1918—1948) : entre géopolitique et idéologie // Revue d'Histoire diplomatique, 2009. № 2. P. 143—162.
30. Europe médiane. Aux sources des identités nationales / eds. Marès Antoine, Delaperrière Maria, Lory Bernard. Paris: Institut d'études slaves, 2005. 479 p.
31. *Crampton Richard*. Edvard Benes // Mental maps in the era of two world wars. New York : Palgrave Macmillan, 2008. P. 135—156.
32. *White Stephen*. The Origins of Detente: The Genoa Conference and Soviet-Western Relations, 1921—1922. Cambridge, 1985. 257 p.
33. *Зубачевский В. А.* Политика Советской России в Центральной Европе в начале 1920-х годов (по новым документам) // Отеч. история. 2003. № 2. С. 86—101.
34. *Зубачевский В. А.* Советская политика на Северо-Востоке Центральной Европы в начале 1920-х годов. // Отеч. история. 2004. № 3. С. 116—127.
35. *Зубачевский В. А.* Политика Советской России на востоке Центральной Европы в 1923 году (по архивным документам) // Вопр. истории. 2005. № 9. С. 40—56.
36. *Dullin Sabine*. Des hommes d'influences. Les ambassadeurs de Staline en Europe, 1930—1939. Paris : Payot, 2001. 383 d.
37. *Fišera Vladimir-Claude*. Les communistes et la paix de Versailles : les pays slaves // Les conséquences des traités de paix en Europe centrale et sud orientale. Strasbourg : Presses universitaires de Strasbourg, 1987. P. 371—384
38. *Courtois Stéphane, Kriegel Annie*. Eugen Fried le grand secret du PCF. Paris : Seuil, 1997. 445 p.
39. *Миронова И. М., Стручков А. А., Устинов В. М.* Интернациональные группы РКП(б) и воинские формирования в Советской России (1918—1920 гг.) // Ист. архив. 1957. № 4. С. 3—36.
40. *Turcanu Florin*. Roumanie, Bessarabie, Transnistrie. Représentations d'une frontière contestée (1916—1944) // Frontières du communisme. Mythologies et réalités de la division de l'Europe de la révolution d'Octobre au mur de Berlin. Paris : La Découverte, 2007. P. 118—143.
41. Политбюро ЦК РКП(б)—ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923—1939 / ред. Г. М. Адибеков. М. : РОССПЭН, 2001. 398 p.
42. *Fayet Jean-François*. La VOKS : la société pour les échanges culturels entre l'URSS et l'étranger // Relations internationales, 2003. № 114/115. Ё. 411—423.

Статья поступила в редакцию 28 декабря 2013 г.

В. В. Репин

УСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКО-РУМЫНСКИХ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1934 г. И ФРАНЦИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТОВ ЕВРОПЕЙСКОЙ КОЛЛЕКТИВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ЦЕЛИ, ОЖИДАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТЫ

Неурегулированная бессарабская проблема предопределила во второй половине 1920-х — середине 1930-х гг. особенности диалога СССР и Румынии по вопросу формирования системы коллективной безопасности в Европе. Стремление двух государств укрепить свои позиции в европейской политике и посредничество французской дипломатии обусловили временное сближение Москвы и Бухареста в период руководства румынской дипломатией Н. Титулеску (1933—1936 гг.), который заключил «джентльменское соглашение» с главой НКВД СССР М. М. Литвиновым об исключении советских претензий на Бессарабию из обсуждения. Однако дальнейшая дипломатическая тактика Н. Титулеску, нацеленная на получение советского признания власти Бухареста над спорной Бессарабией, не удалась и вновь привела к реанимации бессарабской проблемы.

Unresolved status of the Bessarabian problem predetermined the features of the dialog between USSR and Romania on the issue of formation of a collective security system in Europe during the second half of the 1920s — mid 1930s. The wishes of the two countries to strengthen their position in European politics and mediation of French diplomacy resulted in temporary rapprochement between Moscow and Bucharest during the leadership of the Romanian diplomacy Nicolae Titulescu (1933—1936), who has concluded «gentleman's agreement» with the head of the NKVD of the USSR M. Litvinov on exclusion of the Soviet claims on Bessarabia from the discussion. However, further diplomatic tactics of Titulescu, aimed at obtaining of the Soviet recognition of the Romanian sovereignty over Bessarabia, failed and led to the reanimation of the Bessarabian problem.

Ключевые слова: советско-румынские отношения, бессарабская проблема, Конвенция об определении агрессора 1933 г., соглашение Литвинова-Титулеску 1933 г.

Keywords: soviet-romanian relations, bessarabian problem, Convention for the Definition of Aggression 1933, Agreement Titulescu-Litvinov 1933.

Годовщина установления советско-румынских дипломатических отношений стала одним из сюжетов белорусско-французской конференции. Данному частному сюжету европейской дипломатии в исследованиях советской историографии особое внимание уделял А. А. Шевяков [1]. В то же время румынские историки периода социализма, активно продвигавшие идеи о миротворческой миссии румынского дипломата Николае Титулеску, оставляли за скобками сюжет советско-румынского дипломатического диалога в 1930-е гг., чтобы не касаться табуированной проблемы Бессарабии. В перестроечный и послеперестроечный период археографическая и исследовательская деятельность российского историка О. Н. Кена позволила комплексно раскрыть сюжеты советско-румынского взаимодействия в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Его перу принадлежит и скрупулезный биографический очерк о деятельности первого полномочного представителя СССР в Румынии М. С. Островского (1934—1938 гг.) [2—4].

* Статья выполнена в рамках Государственной программы научных исследований на 2011—2015 гг. «Гуманитарные науки как фактор развития белорусского общества и государственной идеологии» (ГПНИ «История, культура, общество, государство»).

Сюжет дипломатического взаимодействия в треугольнике «Москва — Париж — Бухарест» интересует также и современных французских историков дипломатии: Траяна Санду и Фредерика Дессберга, чьи работы освещают тонкости дипломатического партнерства СССР со своими западными лимитрофами накануне Второй мировой войны [5].

Сюжет установления дипломатических отношений между Румынией и СССР 9 сентября 1934 г. является многоплановой темой истории межвоенной европейской дипломатии. В то же время за этим формально дипломатическим актом скрывалась сложная комбинация внешнеполитических интересов, устремлений и расчетов дипломатов Москвы, Бухареста и Парижа. Каждая из этих сторон имела свою долгосрочную стратегию для ключевого вопроса советско-румынских отношений — территориального спора о Бессарабии, возникшего после оккупации бывшей губернии Российской империи Румынией в январе 1918 г. С той поры Бессарабия стала интегральной частью Румынского королевства, и это событие сразу же стало острой проблемой на юго-западной границе СССР.

В условиях постоянно меняющейся внешнеполитической конъюнктуры в 1930-е гг. произошли значительные трансформации в формах дипломатического урегулирования советско-румынского конфликта, инициированные Францией, стремившейся к включению СССР в систему коллективной безопасности в Европе, а по сути, в антиревизионистский союз.

Бессарабия и проблема мира на румынских границах во внешнеполитических концепциях Москвы и Бухареста. Можно утверждать, что советское руководство всегда стремилось использовать бессарабский спор как претензию не только к Румынии, но и ко всей Версальской системе. В 1917—1919 гг. Советская Россия надеялась экспортировать через Бессарабию мировую революцию на Балканы, и эта идея оставалась актуальной и для коминтерновской дипломатии в 1920-е гг. Лишь из-за гражданской войны в 1921 г. на прелиминарной советско-румынской конференции в Варшаве НКВД едва не оступился и не пошел на скандальное взаимопризнание СССР и Румынии. Согласно этому проекту примирения стороны должны были взаимокompенсировать претензии (СССР — на Бессарабию, а Румыния — на румынский золотой запас, исчезнувший в большевистской России) и установить дипломатические отношения. Впоследствии в результате острых дискуссий в советском руководстве к советско-румынской конференции в Вене в марте — апреле 1924 г. была выработана строгая линия на отказ признания румынского суверенитета над Бессарабией. Эта стратегия четко соблюдалась весь последующий период до начала Второй мировой войны. В качестве способа урегулирования конфликта СССР требовал проведения плебисцита в Бессарабии, на что Румыния никогда бы не согласилась.

В размышлениях И. В. Сталина содержится немало указаний на временный характер потерь западных окраин Российской империи [6, с. 102; 7, с. 298]. Советский Союз готовился к войне с буржуазными странами. Как показывают исследования историка О. Н. Кена, в начале 1930-х гг. Россия последовательно выполняла реформирование и развитие армии, чтобы иметь количественный перевес над армиями всех своих лимитрофов. В официальной пропаганде тезис обороны советской власти от буржуазных агрессоров сочетался с идеей возможной успешной наступательной войны. Само собой, что Бессарабия декларировалась как одна из потенциальных целей «освобождения» [3, с. 264—266].

Милитаристская пропаганда внутри страны, впрочем, спокойно сочеталась с декларированием принципов миролюбия на дипломатической арене. Руководитель советского НКВД с 1929 по 1939 г. М. М. Литвинов прагматично считал, что Советский Союз должен принимать участие в дипломатических играх в Европе, чтобы не только усилить свое влияние, но и изолировать потенциальных противников. Известны его слова об относительности всяких договоров и пактов, которые касались и бессарабского спора [8, л. 22—33]. В ситуации, когда и Румыния, и СССР заявляли свои права на Бессарабию, возможность дипломатического урегулирования конфликта отсутствовала.

Румыния, в свою очередь, считала, что владение Бессарабией гарантировано Парижским протоколом от 28 октября 1920 г. (подписали Англия, Франция, Италия и Япония, но из-за нератификации последней он не вступил в силу). В реалиях 1920-х гг. Румыния не видела ценности в урегулировании спора с восточным соседом — международным изгоем. Установление дипломатических отношений с СССР в 1920-е гг. для политиков Бухареста было синонимично открытию границы для коммунистов и террористов [9, с. 142, 143, 151—156]. Заняв такую высокомерную позицию, румыны теряли пространство дипломатического маневра. Советская дипломатия едва не предотвратила ратификацию протокола Италией в 1925 г. и смогла это сделать в отношении Японии. Румыния входила в Малую Антанту, имела оборонительный антисоветский союз с Польшей. В 1929 г. Румыния в числе других советских лимитрофов присоединилась к инициативе НКВД о досрочном введении в действие Пакта Бриана-Келлога об отказе от войны как средства политики. Это позволило Бухаресту заявлять, что тем самым де-факто СССР признал Бессарабию за Румынией.

Советско-румынский диалог под наблюдением Парижа. Московский протокол открыл дорогу для обсуждения серии двусторонних пактов о ненападении между СССР и его соседями. Однако Москва не выражала интереса к подобному пакту с Румынией, ставя первоочередной целью усилить свой международный авторитет, заключив пакты с прибалтийскими странами и Польшей. Румыния же оставалась безликим вектором советской внешней политики.

К началу 1930-х гг. Париж показал готовность рассматривать СССР как партнера и союзника против германского ревизионизма, а не как разжигателя красного пожара в Европе. Франция поддерживала традиционно союзные отношения с Румынией и выступала за нерушимость ее границ. Однако на Ке д'Орсэ фактор того, что сталинская дипломатия будет стремиться к восстановлению западных границ Российской империи, не воспринимался как актуальный. Но неурегулированные конфликты между французскими сателлитами — Румынией и Польшей — и Советским Союзом нарушали логику потенциального франко-советского сближения. Франция стремилась употребить весь свой авторитет для поощрения и принуждения Варшавы и Бухареста вступить на путь переговоров о пакте о ненападении с Москвой. В отношении Румынии это оказалось сделать сложнее. Румынская дипломатия, находившаяся все 1920-е гг. под крылом Франции, проявила значительную инертность. Внутри румынских элит сохранялся открытый антисоветизм и назревала сложная дилемма о переориентации на Германию, которая, однако, еще не взяла вверх.

В итоге именно Франция и Польша заставили Бухарест направить делегатов на переговоры о пакте о ненападении, которые состоялись в январе 1932 г. в Риге. Ни Москва, ни Бухарест не строили иллюзий насчет возможности договориться, ибо бессарабский спор был более важным сюжетом, чем переговоры о пакте. Однако от исхода советско-румынского урегулирования косвенно зависели и советско-французское, и советско-польское соглашения, а также отношения между Бухарестом и его союзниками.

Повторюсь, что повод, по которому возобновился советско-румынский диалог в 1932 г., был формальный, и, несмотря на четыре раунда переговоров, длящихся весь год, стороны не смогли договориться о пакте о ненападении. Но неуспех этих переговоров не помешал заключению советско-французского договора о ненападении 29 ноября 1932 г. и советско-польского договора о ненападении 25 июля 1932 г., которые стали более реальными каркасами франко-советского проекта европейской безопасности. В то же время советско-румынский диалог в течение 1932 г. определил новые подходы Москвы и Бухареста к неурегулированной бессарабской проблеме [4, с. 354].

Во-первых, в ходе четырех раундов, организованных при посредничестве Франции и Польши, советские и румынские дипломаты стали системно и регулярно встречаться, обсуждая острые международные проблемы, что формировало зачатки доверия между Москвой и Бухарестом.

Во-вторых, стороны неоднократно искали компромиссную формулировку, соответствующую советскому желанию зафиксировать наличие бессарабского спора в документе и румынскому желанию исключить повод для советских претензий. При посредничестве юристов французского МИД и польских дипломатов стороны несколько раз подступались к разрешению этой сложной юридической задачи [4, с. 328]. Литвинов имел строгие инструкции зафиксировать наличие территориального спора в той или иной формулировке. В то же время он проявлял большую гибкость, стремясь путем уступок подловить румын на более мягком и завуалированном признании претензий СССР. Румыны же чуть было не оступились во время раунда переговоров в октябре, и лишь известный демарш имевшего влияние на королевский двор румынского дипломата, представителя Бухареста при Лиге Наций Николае Титулеску, угрожавшего своей отставкой, остановил их в шаге от подписания [10, л. 119].

Прагматичный Литвинов признавал, что переговоры о пакте не должны были сводиться к спору о словах, поскольку «вопрос о Бессарабии не будет решаться на основании пакта о ненападении или того или иного его истолкования» [4, с. 98]. Более важным он считал «политический эффект от пактов с Румынией, Польшей, а в особенности с Францией» [4, с. 353]. О. Кен отмечает, что сталинское Политбюро «при решении международных вопросов делало ставку на то, что жесткостью своей позиции СССР добьется либо однозначной дипломатической победы, либо, при срыве пакта, усугубит противоречия между Румынией и ее союзниками — Францией и Польшей» [4, с. 325, 326].

И в-третьих, факт переговоров придал новый импульс румынской дипломатии в лице ее нового лидера — Николае Титулеску, возглавившего МИД в октябре 1932 г. Этот политик пользовался большим доверием Кароля I и сумел убедить короля предоставить ему свободу дипломатического маневра. Титулеску взял на себя задачу совершить максимально сложный дипломатический маневр, чтобы урегулировать бессарабскую проблему с СССР. Он рассчитывал на поддержку Франции, сам был готов оказать максимальное содействие Парижу в деле вовлечения СССР в европейские дела. Титулеску рассчитывал, что именно СССР как наследник имперской России не только способен поддерживать мир в Европе, но и помогать Румынии в острых территориальных спорах с Венгрией и Болгарией. В 1933 г. Титулеску сам пошел навстречу Литвинову, когда возник вопрос об очередной советской внешнеполитической инициативе — «Конвенции об определении агрессора», подписанной в Лондоне 4 июля 1933 г. Титулеску сумел быстро организовать присоединение к этому международно-правовому акту своих партнеров по Малой Антанте, в итоге оказав услугу и советской, и французской дипломатиям. Терминологический вопрос о статусах пограничных территорий каждого государства решался формулировкой «под властью», которая не означала никакого упоминания о наличии или отсутствии территориального спора. Известно, что во время переговоров в июле 1933 г. произошел обмен мнениями между Литвиновым и румынским министром [9, с. 413]. Нарком по итогам подписания, как известно, сказал: «Подписав это, я подарил Вам Бессарабию», на что Титулеску ответил: «Бессарабия нам подарена не Вами, а Богом» [11, р. 104—108]. Именно тогда и были заложены принципы «джентльменского соглашения» между Литвиновым и Титулеску, которое предполагало новый, миротворческий подход и этап в истории бессарабской проблемы. Она изымалась из дипломатического обсуждения и не фиксировалась ни в одном из официальных документов. Конвенция 1933 г. устраняла главное препятствие на пути советско-румынского сближения, однако установление дипломатических отношений затянулось еще на один год. Причиной этого была несрочность подобного акта и поиск румынами более выгодной дипломатической комбинации [4, с. 101].

Джентльменское соглашение Титулеску — Литвинова по Бессарабии: перспективы и реальность. Следует понимать, что карт-бланш, который имел Титулеску, имел и Литвинов, отошедший от советской догматической линии требования возвращения Бессарабии. Несомненно, именно Политбюро давало зеленый свет любым демаршам Литвинова. В то же время

советское коммунистическое руководство не придавало такого значения нормализации отношений с Бухарестом, какое придавал ей Титулеску. Он строил всю свою внешнеполитическую стратегию на плане долгосрочного сотрудничества с СССР, представленным «человеческим лицом» наркома Литвинова. Однако необходимым условием сохранения мира в советско-румынских отношениях оставалось требование, что СССР и Коминтерн не будут использовать умиротворение для расширения большевистской агитации в Румынии.

Титулеску взял на себя миссию поддерживать советские внешнеполитические инициативы в европейских делах. Целью Титулеску было убедить Москву в своей лояльности и получить советские письменные гарантии восточных границ Румынии, для которой это автоматически стало бы гарантией всех ее границ, поскольку данный документ минимизировал бы территориальные претензии Венгрии и Болгарии. В первой половине 1934 г. Румыния активно участвует в переговорах в рамках Малой Антанты для установления дипломатических отношений СССР с ее участниками. Параллельно Титулеску вынашивает план Восточного Пакта, который должен был стать еще одной гарантией румынских границ. Ради этого Титулеску форсирует установление дипломатических отношений с СССР в июне 1934 г. [1, с. 99, 100; 9, с. 441—445; 11, р. 109—111; 12, с. 270—274; 13, р. 131].

Нормализация отношений с малыми странами Центральной Европы и Балкан, установление с ними дипломатических отношений были, во-первых, актами, декларативными для СССР. Москва не имела большого опыта дипломатической игры со странами этого региона, традиционно антисоветски настроенного [4, с. 86]. Однако советское политическое и военное командование в условиях 1934—1935 гг. считало наиболее потенциальным противником Польшу, которая в эти годы проявляла курс на сближение с Германией. Опасения, что Франция попытается переориентировать немецкий ревизионизм на Восток, заставляли Кремль принимать сближение с Румынией как необходимый тактический ход. По существу, политика Титулеску разрушала традиционный польско-румынский союз, разрушала «санитарный кордон» на западных границах СССР.

Показательно постановление Политбюро, касающееся установления дипотношений с Румынией, принятое накануне, 8 июня 1934 г.: «В крайнем случае, считать возможным при восстановлении дипломатических отношений умолчать о спорных вопросах» [14, л. 87]. Это означало, что тень Бессарабии продолжала определять решения Москвы.

Последующий ход советско-румынского дипломатического диалога известен. Титулеску в течении 1934—1936 гг. пытался вовлечь СССР в какую-либо дипломатическую комбинацию, в которой Москва бы признала реку Днестр румынской границей, обещая за это союзнические отношения [12, с. 147]. Продолжало действовать и влиять на обстановку джентльменское соглашение Титулеску — Литвинова. Пресса двух стран прекратила взаимные нападки. Советский посланник, бывший сотрудник советского торгпредства в Париже, М. С. Островский был очень приветливо встречен в Бухаресте и, проникнувшись идеями Титулеску, стал одним из его самых активных соратников. Несмотря на все усилия, Титулеску не смог склонить Литвинова к подписанию желаемого договора о взаимной помощи [2, с. 336—360]. Не реализовав свой внешнеполитический проект, в условиях обострения политической ситуации в Румынии в ноябре 1936 г. Титулеску ушел в отставку. Тем самым закончился краткий период советско-румынского сотрудничества и прекратило действие джентльменское соглашение.

Вышеизложенные факты позволяют сделать ряд выводов, в частности, в отношении их влияния на развитие проектов европейской безопасности в 1930 г. Известно, что фигура Титулеску категорически не устраивала Германию, Италию, Польшу и они немало сделали для дискредитации министра на его родине за дипломатические заигрывания с Москвой. Антисоветизм объединял румынскую политическую элиту гораздо больше, чем ее разъединяли франкофильские и германофильские устремления, и румынский министр постоянно ис-

пытывал отсутствие поддержки среди политиков, от чего его спасало только доверие короля Кароля I. В частности, Титулеску был вынужден давать обещания Германии, бывшей главным экономическим партнером Бухареста, что территория Румынии никогда не будет использоваться для транзита советских войск в случае оказания помощи Чехословакии. Любые проекты советско-румынского и франко-советского сближения находились под пристальным наблюдением ревизионистски настроенных стран-конкурентов, которые хотели их расстроить или использовать для своих политических манипуляций.

Титулеску был эффективным посредником, способным связать СССР с дипломатиями западных демократий и балканских стран. Еще в декабре 1934 г. замнаркома Н.Н. Крестинский писал полпреду Островскому: «Нас с Румынией связывают, главным образом, общие цели во внешней политике... Под углом зрения этих целей обе стороны, я надеюсь, не будут стараться обострять разногласия по неурегулированным спорным вопросам». Однако Политбюро превыше ставило тактический момент: в ноябре 1935 г. Литвинов так объяснял советскую позицию затягивания инициатив Титулеску: «До ратификации франко-советского пакта и выяснения отношений с Францией мы вообще не можем входить в какое-либо соглашение со странами Малой Антанты». Он подчеркивал в письме к Островскому, что в Кремле «вопрос о пакте с Румынией мною не ставился и моим правительством не обсуждался». В документах Политбюро подтверждается крайне низкий интерес советского руководства к дипломатическим проектам Титулеску. Несмотря на активные намеки Титулеску на протяжении 1935—1936 гг. о желании посетить Москву, они были оставлены без ответа.

В то же время при Титулеску было начато строительство северо-буковинской железной дороги, которая и должна была обеспечить транзит советских войск в Чехословакию в обход Польши. Финансировала этот проект Прага. Отметим, что даже после ухода Титулеску продолжалось ее активное строительство, хотя румыны скрывали этот факт, чтобы не злить Берлин. В итоге в дни Чехословацкого кризиса сентября 1938 г. оставались недостроенными всего 10 км железнодорожных путей, что не позволило реализовать переброску Красной армии в Чехословакию. Однако сам проект, который Румыния выполнила, мог стать реальным инструментом функционирования европейской системы коллективной безопасности [15, с. 31—43].

Таким образом, установление дипломатических отношений между СССР и Румынией в 1934 г. было точкой наибольшего сближения двух стран в 1930-е гг. Оно было основано на двусторонней договоренности Литвинова и Титулеску о неупоминании ключевого бессарабского вопроса двусторонних отношений. Международный контекст 1930-х гг. показал, что СССР искренне не стремился к заключению реальных эффективных соглашений для укрепления Версальской системы на востоке Европы. В частности, ни проект пакта о ненападении в 1932 г., ни проект договора о взаимной помощи в 1935—1936 гг. не были реализованы, и главной причиной была осторожность и незаинтересованность Политбюро, которое давало им второстепенное значение, не забывая о бессарабской проблеме.

Если говорить о роли Франции, то она несомненно являлась важным катализатором советско-румынского диалога в начале 1930-х гг., однако в отношении Румынии она уже не занимала настолько покровительскую позицию, как в отношении Чехословакии. Даже профранцузская дипломатия Титулеску была вынуждена балансировать на немецком и советском фронтах. Можно ставить вопрос, не доверял ли Кремль Бухаресту, потому что не доверял Парижу и наоборот. Франция была силой сближения, влиявшей на эволюцию румынской дипломатии в сторону диалога с СССР, но она была слаба в попытках влияния на СССР и не смогла поддержать советско-румынский статус-кво после ухода Титулеску.

Известно, что в период социализма в Румынии, фигура буржуазного министра Титулеску была реабилитирована в 1960-е гг., и стала символом независимой внешней политики Бухареста [16, р. 341]. При всех внутренних противоречиях Румыния в 1930-е гг. рассматривалась

как дружественная страна по отношению к будущим союзникам по антигитлеровской коалиции. Но ни вызовы мирового коммунизма, ни угроза фашизации Европы, ни союзные отношения с западными странами не смогли подчинить себе курс Титулеску. В его основе была прагматичная защита национальных интересов малого государства.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Шевяков А. А.* Советско-румынские отношения и проблема европейской безопасности. 1932—1939. М. : Наука, 1977. 382 с.
2. *Кен О. Н. М. С.* Островский и советско-румынские отношения (1934—1938 гг.) // Россия в XX веке : сб. ст. к 70-летию со дня рождения чл.-корр. РАН проф. В. А. Шишкина / под ред В. М. Ковальчука. СПб. : Нестор-История, 2005. С. 336—360.
3. *Кен О. Н.* Мобилизационное планирование и политические решения. Конец 20-х — середина 30-х гг. СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2002. 469 с.
4. *Кен О. Н., Рупасов А. И.* Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами (конец 1920—1930-х гг.): Проблемы. Документы. Опыт комментария. СПб. : Европейский дом, 2000. Ч. 1 : 1928—1934. 704 с.
5. *Dessberg Frédéric.* La Roumanie et la Pologne dans la politique soviétique de la France : la difficulté d'établir un «front uni» // *Revue historique des armées.* 2006. Numéro 244. P. 60—72.
6. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х гг. : в 2 ч. / под ред. Р. П. Гришиной. М. : РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 2 : Июнь 1924 — декабрь 1926 гг. 2003. 688 с.
7. Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) и Европа. Решения «особой папки», 1923—1939 : сб. док-тов / редкол. : Г. М. Адибеков. М. : РОССПЭН, 2001. 398 с.
8. РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8 (Материалы о государственной деятельности М. М. Литвинова, 1920—1942 гг. Взаимоотношения РСФСР—СССР с зарубежными странами, Р—Ю).
9. Советско-румынские отношения. 1917—1941. Сб. док. : в 2 т. / редкол. : А. А. Авдеев, М.-Р. Унгуриану. М. : Междунар. отношения, 2000. Т. 1 : 1917—1934. 456 с.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 13 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б). № 106 оп. — 121 оп. 25 июня — 1 сентября 1932 г.
11. *Titulescu Nicolae.* Documente Confidențiale / ed., Ingr. studiu introd. și note de Ion Grecescu. Buc. : Editura Academiei Române, 1992. 175 p.
12. Документы внешней политики СССР / редкол. Г. К. Деев [и др.]. М. : Политиздат, 1971. Т. XVII : 1 января — 31 декабря 1934 г. 879 с.
13. *Mitrasca M.* Moldova: A Romanian province under Russian rule : diplomatic history from the archives of the Great Powers. NY : Algora Publishing, 2002. 439 p.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16 — Внутренняя опись копий протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б). № 1 оп. — 11 оп. 14 февраля — 5 августа 1934 г.
15. *Морозов С. В.* К вопросу о роли так называемой буковинской железной дороги в развитии Мюнхенского кризиса // *Славяноведение.* 2010. № 1. С. 31—43.
16. *Meurs W. van.* The Bessarabian Question in Communist Historiography: Nationalist and Communist Politics and History-Writing. Boulder, Colo. : East European Monographs, 1994. 458 p.

Статья поступила в редакцию 19 декабря 2013 г.

С. С. Леденёв

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФРАНКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ В 1930—1937 гг. В КОНТЕКСТЕ ИНТЕРЕСОВ ФРАНЦИИ И СССР В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Рассматриваются некоторые экономические аспекты отношений между СССР и Францией в 1930-е гг., затрагивающие взаимодействие этих стран в Центральной и Восточной Европе. Изложены основные этапы франко-советского сближения, в указанный период получившего свое воплощение в виде нескольких двусторонних договоров (советско-французский Пакт о ненападении 1932 г., торговый договор 1934 г. и франко-советский Пакт о взаимопомощи 1935 г.). Автором предпринимается попытка изучения экономических интересов и внешней политики Франции и СССР в отношении Центральной и Восточной Европы. Советские и французские внешнеэкономические стратегии в нефтяной промышленности и сфере железнодорожного транспорта используются в качестве примеров, иллюстрирующих неэффективность вышеозначенных двусторонних договоров.

The present paper deals with some economic aspects of Franco-Soviet relations in the 1930s in regard to French and Soviet policies in Central and Eastern Europe. After a brief summary of the alliance between the two countries, implemented in a series of bilateral treaties (Franco-Soviet Non-Aggression Pact, 1932; Commercial Treaty of 1934, and Franco-Soviet Treaty of Mutual Assistance, 1935), an attempt is made to point out the economic policies of both countries in Central and Eastern Europe. A case study of French and Soviet strategies in the oil industry and in the railway sector is proposed to specify the divergence factors accounting for the inefficiency of the above-mentioned framework agreements.

Ключевые слова: советско-французские отношения в 1930-е гг., внешняя торговля СССР, внешняя торговля Франции.

Keywords: Soviet-French relations in the 1930s, Soviet foreign trade, French foreign trade.

Предмет настоящей статьи — экономические аспекты дипломатического сближения между Францией и СССР в начале и середине 1930-х гг., закреплённого в серии двусторонних договоров (Пакт о ненападении от 29 ноября 1932 г., Торговый договор от 11 января 1934 г. и франко-советский Пакт о взаимопомощи от 2 мая 1935 г.). Изучение экономической подоплёки этого сближения на примерах проектов, реализованных или предложенных к осуществлению правящими кругами Франции и СССР в странах Центральной и Восточной Европы, позволит выделить французские и советские интересы в регионе и сделать выводы об их совместимости, а также выявить проблемы, возникавшие при попытках практической реализации указанных договоров.

Хронологические рамки исследуемого явления включают период с октября 1929 г., когда правительство Франции издало декрет, ограничивающий советский экспорт во Францию и обозначивший начало антидемпинговой политики (1929—1931 гг.), имевшей ярко выраженную антисоветскую направленность [1, с. 164—168], по 1937 г., отмеченный складыванием и укреплением оси Париж — Лондон и проведением политики умиротворения, встретившей глубокое разочарование в Москве [2, с. 85]. Чтобы проследить истоки изучаемых проблем, мы будем обращаться также к событиям 1920-х гг. Интерес к Центральной и Восточной Европе в рамках данной темы объясняется двумя факторами: во-первых тем, что рассматриваемое политическое сближение между Францией и СССР было связано с

проектом Восточного пакта, который задумывался как система коллективной безопасности в регионе (в данном аспекте стоит рассматривать дипломатическое признание СССР Венгрией, Румынией, Чехословакией и Болгарией в 1934 г.), во-вторых тем, что экономические и политические императивы подталкивали как Францию, так и СССР к усилению своего присутствия в регионе.

Историография франко-советских отношений межвоенного периода, затрагивающая поднятые вопросы, включает как обзорные работы российских и французских авторов, так и работы, посвященные отдельным аспектам или этапам франко-советских отношений этого периода. К первой группе можно отнести монографию Максима Мурена [1], рассматривающего франко-советские отношения на более широком отрезке между 1917 и 1967 гг., а также сборники статей «СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы» под редакцией А. Ю. Мельвиля, М. М. Наринского и А. О. Чубарьяна [2] и «Объединение Европы и Советский Союз, 1919—1932» под редакцией А. В. Загорского, М. М. Наринского и А. О. Чубарьяна [3]. К специализированным работам относятся монография И. А. Челышева, посвященная отношениям между СССР и Францией в 1938—1941 гг. [4], работа Сабин Дюллен о советской дипломатии сталинского времени [5], а также статьи, затрагивающие аспекты рассматриваемых отношений, например, статья Матье Буадрона о разработке Восточного пакта [6].

Отсутствие работ, посвященных экономическим аспектам франко-советских отношений в 1930-е гг. и взаимодействию интересов обоих государств в Центральной Европе, обуславливает актуальность данного исследования. Основными источниками для его проведения послужили документальные материалы Национальных архивов Франции, освещающие франко-советскую торговлю, в частности, торговлю нефтью [7], а также проекты сотрудничества между Францией и СССР в сфере железнодорожного и авиационного транспорта [8], созданные в администрации железных дорог под руководством Рауля Дотри и нашедшие свое отражение также в отдельных документах Совнаркома, находящихся на хранении в ГА РФ [9, л. 2]. Помимо архивных документов, для освещения отдельных сторон отношений между СССР и Францией были использованы опубликованные документы; представляет особый интерес серия докторских диссертаций по праву, защищенных в конце 1920-х — начале 1930-х гг. на юридическом факультете Парижского университета авторами, стоявшими на просоветских позициях (пример такой диссертации — работа Анри Хаима Словеса [10], посвященная франко-советской торговле). Наличие подобных публикаций свидетельствует о том, что советское торгпредство во Франции опиралось на просоветские круги в среде французских юристов, обращаясь к ним для налаживания деловых контактов, а также в случае арбитражных разбирательств; это подтверждается и документами французского Министерства финансов [7].

Использование означенных документов позволяет разделить работу на три части: после общего обзора франко-советских отношений в 1932—1937 гг. мы проанализируем два частных случая: во-первых, торговлю нефтью между Францией и СССР и связанные с ней интересы обеих стран в отношении Центральной и Восточной Европы, во-вторых, проекты сотрудничества в транспортной сфере, представляющие собой инициативы по практической реализации франко-советского Пакта от 2 мая 1935 г.

Обзор франко-советских отношений в 1930—1937 гг. Проблемы отношений между Францией и СССР в начале и середине 1930-х гг. неразрывно связаны с двумя факторами, определившими международную обстановку данного периода: подъемом правого радикализма в странах Европы и усилением в них экономического кризиса, сопровождавшегося крахом экономического либерализма [11, с. 107]. Таким образом, при изучении этих отношений необходимо принимать во внимание как их торгово-экономическую составляющую, так и политическое лавирование советского и французского правительств в нестабильной обстановке десятилетия.

С точки зрения франко-советской торговли пиковыми годами стали 1929 и 1930 гг., после чего ее объемы резко упали в связи с антисоветским поворотом французской внешней политики, провозгласившей советский демпинг угрозой для французского сельского хозяйства и экономики в целом. Антидемпинговая кампания 1929—1930 гг. во французской прессе и сопровождавшие ее ограничения на ввоз советских товаров во Францию привели к ответным ограничительным мерам со стороны СССР, в результате чего не только экономические, но и дипломатические отношения между двумя государствами резко ухудшились. Максим Мурен объясняет антидемпинговые ограничения в отношении СССР внутривнутриполитическими проблемами Франции [1, с. 167], мы можем добавить, что они были вызваны также отрицательным для Франции сальдо торгового баланса с СССР [12].

Большое значение для двусторонних отношений в этот период имели и другие проблемы, не получившие разрешения с момента признания СССР Францией в 1924 г., в первую очередь, вопрос статуса советского Торгпредства в Париже. Франция не признавала принятый в СССР принцип монополии внешней торговли, согласно которому советские торговые представительства за рубежом пользовались дипломатической неприкосновенностью. В отсутствие таких гарантий действия Торгпредства подчинялись французскому гражданскому и административному праву, что могло повлечь судебное решение об аресте имущества Торгпредства в случае иска с французской стороны, и такие случаи имели место [13, с. 424]. Самым большим камнем преткновения оставался вопрос русских долгов перед французскими частными и государственными кредиторами, связанный с отказом советского правительства принять на себя обязательства по выплате задолженностей по многочисленным ценным бумагам, подписанным частными, муниципальными и государственными компаниями в России в период франко-русского сближения в конце XIX — начале XX в.; межправительственные совещания, проведенные по этому вопросу СССР и Францией в 1926 и 1927 гг., не дали никакого результата [10, с. 51—70].

Пагубность антидемпинговых мер для франко-советских отношений стала очевидна после того, как объемы торговли между двумя государствами сократились с 57,9 млн рублей в 1930 г. до 25,9 млн в 1932 г., согласно советским статистическим данным [14, с. 9], причем французский экспорт пострадал в большей степени, нежели советский, поскольку основу последнего составляли нефтепродукты, не затронутые французскими ограничительными мерами. В сложившихся обстоятельствах антидемпинговые меры со стороны Франции были отменены к середине 1931 г. Дальнейшие шаги к сближению были предприняты в ходе выработки Пакта о ненападении, подписанного 29 ноября 1932 г. и провозгласившего принцип взаимного невмешательства во внутренние дела СССР и Франции; в частности, активная антисоветская деятельность белой эмиграции во Франции была поставлена вне закона, а отмена ограничительных мер во франко-советской торговле была закреплена окончательно [1, с. 176].

Несмотря на это, объемы торговли продолжали падать, пока к 11 января 1934 г. не был выработан и подписан торговый договор между СССР и Францией, предложивший компромиссное решение проблемы статуса советского Торгпредства, а также гарантировавший оплату советских заказов во Франции при помощи средств, предназначенных для оплаты советской нефти. Указанный механизм франко-советской торговли просуществовал до Второй мировой войны, позволив советскому Торговому представительству значительно увеличить закупки во Франции. Необходимо отметить, что франко-советские экономические отношения в 1930-е гг. не ограничивались собственно торговлей: с началом индустриализации распространение получили договоры технической помощи, заключаемые с французскими компаниями от имени советских предприятий и трестов в различных отраслях промышленности. При помощи французской технической помощи было налажено советское производство алюминия, был построен завод по производству киноплёнки в Шостке (будущая «Све-

ма»), фирмой «Шлюмберже» производилась нефтеразведка на Кавказе и в прикаспийском регионе; к 1937 г., около трети всех контрактов по линии наркомата оборонной промышленности были заключены с французскими фирмами [15, л. 10].

В отношении создания франко-советского политического союза в середине 1930-х гг. необходимо отметить, что основной предпосылкой послужил, безусловно, приход национал-социалистов к власти в Германии, заставивший как Францию, так и СССР пересмотреть свою европейскую политику [6, с. 23—25]. Французская внешняя политика определялась в этот период следованием принципу коллективной безопасности в Европе, что заставляло Францию, согласно исследованию Ж.-А. Суту, укреплять свои позиции в рамках сложившейся системы договоров. Главными из них являлись Локарнские соглашения и Устав Лиги Наций. Однако необходимо принимать во внимание двусмысленность этих текстов, особенно в отношении обязательств, которые Франция должна была взять на себя в Восточной Европе. По мнению Ж.-А. Суту, «настоящая слабость франко-советского договора (Пакта о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. — С. Л.) была не столько в его содержании, сколько в его имплицитной связи с системой Локарно, в особенности в том, что (...) Лондон мог давать другую оценку ситуации», отличавшуюся от французской [16, с. 31]. Советская же внешняя политика в указанный период определялась принципом «мирного сосуществования», практическая реализация которого в 1930-е гг. связана с именем М. М. Литвинова — наркома иностранных дел СССР в 1930—1939 гг., маневрировавшего между противоположными интересами западных стран. Переформатирование политических альянсов в середине — второй половине 1930-х гг. свидетельствует как о нестабильности Версальско-Вашингтонской системы в целом, так и о недостатках принципов коллективной безопасности, заложенных в Локарнских соглашениях.

В данных условиях решением, отвечавшим как советским, так и французским устремлениям, стал проект Восточного пакта, который обеспечил бы коллективную безопасность в Восточной Европе. Проект Восточного пакта появился в результате инициатив со стороны глав внешнеполитических ведомств СССР и Франции М. Литвинова и Л. Барту. Основы соглашения были заложены на их встрече в Женеве 18 мая 1934 г.: предполагались совместные действия в случае несоблюдения Германией обязательств по Локарнским соглашениям. Ключевым условием жизнеспособности нового соглашения должно было стать присоединение к нему стран Центральной и Восточной Европы: Польши, Чехословакии, Финляндии и стран Балтии. Несмотря на поддержку, оказанную проекту со стороны Великобритании, Чехословакии и прибалтийских государств, у Восточного пакта нашлись противники в лице Польши, находившейся в орбите немецкого влияния, что предопределило провал многостороннего соглашения [6, с. 28—36].

Непосредственным результатом подготовительных мер стали присоединение СССР к Лиге Наций (18 сентября 1934 г.) и выработка нового проекта двустороннего франко-советского соглашения о взаимопомощи, подписанного 2 мая 1935 г. и дополненного аналогичным договором между СССР и Чехословакией от 16 мая того же года. Основным фактором, предопределившим неприменимость франко-советского Пакта о взаимопомощи, стало условие французского вмешательства в случае немецкой агрессии в Чехословакии, без которой СССР не мог осуществить свое вмешательство, а также отсутствие общей границы между СССР и Чехословакией. Дальнейшие события — переход Франции и Британии к политике умиротворения и подписание Пакта Молотова — Риббентропа — продемонстрировали несостоятельность и недостаточность франко-советского соглашения, достигнутого в 1935 г.

Таким образом, отношения между СССР и Францией в начале и середине 1930-х гг. прошли путь от кризиса в 1930—1931 гг., вызванного неразрешенностью противоречий, накопившихся с момента дипломатического признания, усиленных экономической рецессией во Франции, до сближения в 1932—1937 гг. Важную роль сыграло в этом сближении достиже-

ние договоренности по экономическим вопросам, свидетельствующее, во-первых, о желании французских деловых кругов усилить свои позиции в СССР, во-вторых, о важности нефтяного фактора во франко-советской торговле, в-третьих, о том, что вопрос русских долгов к середине 1930-х гг. утратил свое первоначальное значение во франко-советских отношениях. Последовавшее политическое сближение, каким бы бесперспективным оно ни оказалось на практике, проиллюстрировало важность Центральной и Восточной Европы во внешнеполитических стратегиях СССР и Франции. Связав воедино экономические и политические императивы, стоявшие перед советской и французской дипломатией, мы постараемся проанализировать, насколько совпадали действительные интересы обеих держав в этом регионе, взяв в качестве примера две стратегически важные экономические отрасли — нефтеторговлю и транспортную инфраструктуру.

Нефтяной фактор и интересы Франции и СССР в Центральной и Восточной Европе в 1930-е гг. Торговля нефтью и нефтепродуктами в международных отношениях в 30-е гг. XX в. еще не приобрела той геополитической составляющей, которую она имеет в наши дни, однако стратегическая роль нефти представлялась очевидной в связи с распространением автомобильного транспорта и ускоренного Первой мировой войной перевода флотов с угольной тяги на мазутное топливо. Не обладая собственными запасами нефти, Франция создала в середине 1920-х гг. ряд государственных ведомств по мониторингу нефтяных рынков, централизованному управлению национальным снабжением и прикладным исследованиям в области нефти. В 1924 г. была создана Французская нефтяная компания (*Compagnie française des pétroles*) — общество с участием частного и государственного капитала, получившее в свое распоряжение долю в 23,75 % в международном консорциуме *Turkish Petroleum Company* (с 1927 — *Iraq Petroleum Company*); эта доля была передана Франции немецкими концессионерами в качестве послевоенных репараций. Несмотря на участие в данном консорциуме, Франция вынуждена была искать дополнительные источники снабжения. Луи Пино, директор Национального топливного управления, отмечал в марте 1925 г. нехватку горюче-смазочных материалов, в особенности мазута [17, с. 13, 19].

Нехватка топлива и зависимость от английских и американских нефтяных корпораций вынуждали французское руководство предпринимать самостоятельные шаги, направленные на эксплуатацию месторождений собственными силами. Основными направлениями экспансии французского капитала стали месторождения Румынии и Галиции, находившейся в межвоенный период в составе Польши. Восточноевропейский вектор развития был связан, прежде всего, с послевоенным ослаблением Германии, чьи концессии и разработки в этих регионах были переданы Франции по результатам Первой мировой войны, несмотря на сопротивление бывших владельцев, предпринимавших безуспешные попытки вернуть контроль над месторождениями.

В 1922 г. для защиты французских интересов в Галиции и предоставления французскому капиталу режима наибольшего благоприятствования была подписана франко-польская Нефтяная конвенция. Эксплуатация месторождений Галиции в межвоенный период была, таким образом, закреплена за французским капиталом, однако данные месторождения не могли покрыть потребности Франции в нефтепродуктах. На протяжении 1930-х годов производство нефти в Галиции постоянно падало: в декабре 1936 г. торговый атташе при посольстве Франции в Польше отмечал, что «приближается день, когда нефти, добытой в Галиции, будет недостаточно для собственных нужд (Польша. — С. Л.), и представляется невозможным увеличение объемов добычи или хотя бы приостановка текущего их падения, даже если значительные капиталы будут инвестированы в разведочное бурение» [12].

Ситуация в Румынии с точки зрения объемов производства была более благоприятной: после Первой мировой войны, согласно цитированному отчету Луи Пино, французский капитал поставил под свой контроль одну из крупнейших нефтедобывающих компаний стра-

ны, кроме того, были приобретены доли в нескольких менее крупных компаниях. Парализованная войной и разрушениями отрасль постепенно восстанавливалась, и объемы добычи быстро росли: составляя в 1919 г. приблизительно 1 млн тонн сырой нефти в год, к 1930 г. румынская нефтедобыча достигла рубежа в 5 млн тонн; пик добычи (свыше 8 млн тонн) пришелся на 1936—1937 гг. Однако многочисленны были и претенденты на румынскую нефть, и французскому капиталу приходилось конкурировать с крупнейшими нефтяными компаниями: англо-голландской «Роял Датч Шелл» под управлением Генри Детердинга, а также с двумя филиалами американской «Стандард Ойл» [18].

Зависимость Франции от крупных нефтяных компаний, поделивших к этому моменту рынок нефти между собой, стала основным стимулом для поиска других поставщиков и послужила причиной введения государственных квот на импорт нефти из различных регионов. В русле этой политики развивался импорт советской нефти во Францию, ставший к началу 1930-х гг. определяющим фактором для франко-советской торговли: так, французский военно-морской флот в период с 1927 по 1930 г. закупал в СССР почти две трети от общего количества необходимого ему мазута, а доля нефти и нефтепродуктов в общем объеме советского экспорта во Францию росла до 1932 г, составив 34 % в 1930 г., 55 % в 1931 г. и 67 % в пиковом 1932 г. [10, с. 89].

Советская политика в отношении торговли нефтью, сформированная в эпоху НЭПа, заключалась в стимулировании экспорта по каналам сформированного в июле 1922 г. Нефтесиндиката, обладавшего монополией на сбыт нефти и нефтепродуктов в СССР и за рубежом. Наибольшей интенсивности экспорт советской нефти достиг к началу 1930-х гг. Продажи осуществлялись как через сеть собственных представительств Нефтесиндиката, так и путем заключения контрактов с крупными нефтяными компаниями. Во Франции монополия на импорт советских нефтепродуктов была предоставлена филиалу бельгийской группы «Петрофина», объединившему мелких импортеров.

Отличительной чертой советского нефтеэкспорта периода НЭПа является ожесточенная борьба руководителя «Роял Датч Шелл» Генри Детердинга против советской нефти. До национализации 1918 г. Детердингу принадлежало большинство месторождений Кавказа, являвшегося на тот период единственным регионом в СССР с большим объемом разведанных запасов и промышленно налаженной добычей. Попытки Детердинга дезорганизовать франко-советскую торговлю нефтью прослеживаются в архивах французских государственных ведомств [7]. Это, в первую очередь, кампания в прессе, инициированная в 1927 г. и призывающая к бойкоту советской нефти. Кроме того, Детердинг лично вел переговоры с Луи Пино, с представителями группы «Петрофина» и с другими компаниями, заключившими контракты с Нефтесиндикатом. Эти меры ни к чему не привели: продаваясь по заниженным ценам, советская нефть без труда находила покупателей, в том числе и — с ведома Детердинга — среди подконтрольных ему фирм.

Экспорт советской нефти во Францию до 1932 г. представлял собой исключительно продукты нефтепереработки; договор на сырую нефть, заключенный в этом же году, так и не получил должного развития. Достигнув своего пика в 1932 г., экспорт советских нефтепродуктов стал неуклонно снижаться, что было связано с возрастающим внутренним спросом и с изменениями мировой конъюнктуры: спрос и цены на нефть падали в результате мирового кризиса, кроме того, семь крупнейших нефтяных компаний, объединившихся в международный нефтяной картель, вели борьбу с представителями советского Нефтесиндиката за рубежом. Вплоть до 1932 г. основной советской тактикой, сформулированной наркомом внешней торговли А. П. Розенгольцем, было наращивание экспорта, что приводило к еще большему снижению цен и в конечном итоге перестало устраивать советское руководство. А. А. Иголкин цитирует письмо Сталина Л. М. Кагановичу по данному вопросу: «Директива Розенгольца (...) исходит не из учета сил, а из максималистских требований, не подкреплен-

ных силой. Так соглашения не строят. Нефтяная группа сильнее нас экономически. Она всегда может помешать нашему нефтеэкспорту, может сбить цены и вогнать нас в большие убытки, если даже предположить, что бросовой нефти для экспорта будет у нас все больше и больше. Но дело в том, что бросовой нефти у нас не будет больше, и наш экспортный нефтяной фонд будет уменьшаться ввиду колоссального и всерастущего спроса на нефтепродукты со стороны водного и железнодорожного транспорта, грузовой и автомобильной промышленности, тракторной и авиационной промышленности» [19, с. 140]. Таким образом, уже к 1934 г. экспорт советских нефтепродуктов во Францию упал настолько, что был едва в состоянии выполнять функцию гарантии платежей по советским заказам, возложенную на него торговым договором от 11 января 1934 г., а после 1937 г. «Петрофина» столкнулась с дальнейшим сокращением поставок советских нефтепродуктов до минимальных значений — 185,4 млн тонн в 1938 г., 70,6 млн тонн в 1939 г., при объеме в 719,2 млн тонн в 1933 г. [14, с. 32].

В свете роста советского нефтеэкспорта до 1932—1933 гг. советские интересы в Восточной Европе заключались в закреплении за собой рынков лимитрофных государств, в которых отсутствовали собственные месторождения. Примером может послужить прибалтийский рынок нефти, где в межвоенный период советская нефть успешно конкурировала с немецкими и английскими сбытовыми конторами; так, советско-латвийская «Ларунафта», фактически контролируемая советской стороной, обеспечивала две трети всех поставок нефтепродуктов в Латвию в 1928 г. [12]. В сложившихся условиях правительства прибалтийских государств ставили своей целью ослабление зависимости от советской нефти. Например, в Эстонии с 1931 г. началась активная разработка горючих сланцев, что позволило этой стране не только покрыть собственные нужды, но и наладить экспорт. В Латвии и Литве были приняты законы, обязывающие импортеров бензина смешивать его с этанолом, производство которого было налажено в промышленных масштабах из местного картофельного сырья. В полученной смеси, получившей название «Латол», содержание спирта доходило до 30 % (1939 г.), однако эта доля и объемы производства смешанного топлива были поставлены в зависимость от урожаев картофеля.

Приведенный краткий обзор советских и французских национально-государственных интересов, а также позиций обеих стран на нефтяных рынках Центральной и Восточной Европы позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, Франция и СССР имели общие интересы, проявившиеся в налаживании торговли кавказской нефтью, но эти интересы были исключительно экономическими и их наличие не определяло направлений франко-советского сближения в 1932—1937 гг. Импорт советской нефти вписывался во французскую политику квотирования, направленную на ослабление зависимости от английских и американских компаний, а также в советскую внешнеэкономическую стратегию эпохи НЭПа, заключавшуюся в укреплении курса червонца на внутреннем и внешнем валютном рынке посредством валютных интервенций [20]. Отказ от НЭПа и переход к форсированной индустриализации означали, в частности, изоляцию советской валюты от мировых валют и изоляцию советской экономики от мировой экономики в целом, однако экспорт нефти рос до 1932—1933 гг., став одним из источников иностранной валюты, вкладываемой в реализацию пятилетнего плана.

Во-вторых, интересы советской и французской нефтяных отраслей в Центральной и Восточной Европе фактически не соприкасались: французский капитал стремился поставить под контроль нефтедобычу Галиции и Румынии, тогда как для СССР Восточная Европа была второстепенным рынком сбыта, на котором советская нефть занимала доминирующее положение в силу его ограниченности. Таким образом, в межвоенный период нефтяной фактор не играл ключевой роли в формировании внешнеполитических стратегий СССР и Франции в период их сближения 1932—1937 гг., а находившийся под контролем «семи сестер» мировой рынок нефти сокращался в объемах в результате экономического кризиса. В качестве при-

мера народнохозяйственной отрасли, где стратегические соображения находили применение наравне с экономическими, можно привести железнодорожный и воздушный транспорт. Здесь французской железнодорожной администрацией в середине 1930-х гг. был создан ряд проектов, которые должны были перевести в практическую плоскость договоренности о взаимопомощи от 2 мая 1935 г.

Взаимодействие Франции и СССР в сфере железнодорожного и воздушного транспорта в Центральной и Восточной Европе. Основным источником для изучения французских проектов сотрудничества с СССР в области транспорта является личный архивный фонд Рауля Дотри, главы национальной железнодорожной администрации с 1928 по 1937 г.; в частности, его переписка с русским эмигрантом Кириллом Пешковым, руководителем компании «Москва — Виндава — Рыбинск». История этой компании представляет собой пример проникновения французского капитала в экономику стран-лимитрофов в межвоенный период и заслуживает краткого изложения.

После признания Латвии Францией в январе 1921 г. латвийское правительство предприняло попытку выйти как из советской, так и из немецкой сферы влияния, пригласив французских специалистов для модернизации своей железнодорожной сети, импортируя французское оборудование и локомотивы. Этот шаг вызвал недовольство со стороны России и Германии, ускорив советско-германское сближение и подписание Раппальского договора [8]. Для осуществления модернизации и для дальнейшего управления латвийской железнодорожной сетью была создана компания «Москва — Виндава — Рыбинск». Помимо этого, руководитель компании Кирилл Пешков занимался вопросом железнодорожных займов царского правительства, полагая, что вероятность вернуть часть денег выше, если обратиться к правительствам стран-лимитрофов, чем в случае переговоров с советским руководством, принимая во внимание тот факт, что значительная часть железнодорожной сети в Польше и прибалтийских государствах была построена за счет этих займов. Эти надежды потерпели поражение в 1930-е гг.: деятельность компании была свернута в связи с экономическим кризисом и общим ослаблением французского экономического и политического влияния в Прибалтике после прекращения выплаты репараций Германией. С середины 1930-х гг. попытки добиться выплат по железнодорожным займам были прекращены; несмотря на это, французский капитал вкладывался в расширение восточноевропейской железнодорожной сети. Так, польская железнодорожная отрасль финансировалась посредством французских кредитов, и к 1936 г. в Восточной Европе действовали совместные франко-польские и франко-латвийские железнодорожные сервисные компании, а также существовали планы открытия аналогичной компании в Румынии.

Новым стимулом для расширения французского присутствия в железнодорожной отрасли Центральной и Восточной Европы стал франко-советский Пакт о взаимопомощи от 2 мая 1935 г. Условия соглашения предполагали возможную переброску советских войск в Чехословакию в случае конфликта, что обусловило необходимость обеспечения транзита на советской, румынской (через Бессарабию) и чехословацкой территориях. Таким образом, требовалась модернизация и унификация железнодорожных сетей означенных стран; планировались также поставки французского оборудования, локомотивов и предоставление кредитов. Согласно предположениям Рауля Дотри, вопрос кредитов позволил бы Франции вернуться к вопросу долгов царского правительства, отошедшему на второй план после переговоров 1926—1927 гг., и потребовать выплаты долга как от правительств государств-лимитрофов, так и от СССР. Данный проект не получил практического воплощения и был окончательно заброшен после переориентации французской и советской внешней политики в отношении Германии в конце 1930-х гг., хотя поездки французских железнодорожных специалистов в СССР с целью оказания технической помощи имели место в период франко-советского сближения [9, л. 2].

По мере утраты практического значения франко-советским Пактом о взаимопомощи проекты ведомства Рауля Дотри становились более амбициозными и менее реалистичными. Среди прочего в июне 1937 г. возникла идея обеспечить воздушное сообщение между СССР и городами Центральной Европы (в проекте речь шла о Белграде, Бухаресте, Праге, Варшаве, Таллине и Львове). Это сообщение обеспечивалось до 1937 г. самолетами «Люфтваффе», однако по мере ухудшения отношений с Германией немецкие самолеты были вытеснены из СССР [3]. Франция не смогла закрепить за собой эту линию авиасообщения, и она перешла под контроль советско-чехословацкого предприятия. В числе масштабных, но трудноисполнимых проектов французского железнодорожного ведомства была линия авиасообщения Омск — Урумчи — Ланьжоу — Ханой и железнодорожная линия Рига — Саратов — Эмба — Бухара.

Война внесла свои коррективы в политические настроения чиновников железнодорожного ведомства. Незадолго до начала европейского блицкрига, 12 января 1940 г., Рауль Дотри обсуждает послевоенное устройство Европы в беседе с депутатом Полем Беназе, сторонником объединения Европы, исходя из неизбежности англо-французской победы при поддержке США. Главным вопросом послевоенного устройства, согласно Раулю Дотри, должны стать западные границы СССР. Он видел два возможных решения этого вопроса: согласно первому варианту, на западных границах Советского Союза должна была быть сформирована Европейская федерация, согласно второму варианту — Россия и национальные государства на окраинах бывшей Российской империи допускались в «европейский концерт». Какими бы ни были послевоенные границы, Дотри полагал неизбежным рост французского влияния в послевоенной Восточной Европе, замедлившийся с середины 1930-х гг., а также считал необходимым возврат к вопросу царских долгов [8].

Таким образом, железнодорожная отрасль была в глазах французских функционеров значительно более политизирована, нежели торговля нефтью. Наиболее вероятная причина этой политизации — связь между железнодорожным транспортом и стратегическими соображениями, касающимися переброски войск и закрепленными во франко-советском Пакте о взаимопомощи. Малая эффективность приведенных проектов и позиция, занятая их автором сразу после начала Второй мировой войны, свидетельствуют о временном характере франко-советского сближения 1932—1937 гг.: декларативность франко-советского Пакта о взаимопомощи и неготовность сторон принять действенные подготовительные меры, в том числе экономического характера, предопределили переход Франции к политике умиротворения и двустороннее урегулирование советско-германских отношений.

Центральная и Восточная Европа в межвоенный период рассматривалась Францией как сфера своего влияния, в первую очередь политического: пытаясь сохранить закрепленное Версальским договором соотношение сил, французская дипломатия в межвоенный период разработала ряд проектов военно-политических союзов в регионе (Малая Антанта, Балканская Антанта), однако жизнеспособность этих проектов оказалась невелика в свете усиления позиций Германии. С экономической точки зрения французские позиции в странах Центральной и Восточной Европы, усилившиеся по результатам Версальского договора, были ослаблены мировым кризисом и постепенным возвращением стран региона в орбиту немецкого влияния. Неудачу франко-советского Пакта о взаимопомощи можно объяснить также тем, что Франция и СССР не имели общих экономических интересов в Центральной и Восточной Европе: для СССР страны этого региона являлись второстепенными торговыми партнерами, к тому же советская программа индустриализации предполагала усиление замкнутости советской экономики, что иллюстрируется примером советского нефтяного экспорта. В этих условиях у советской стороны не было действительных причин поддерживать французские попытки вовлечения Центральной и Восточной Европы в сферу своего политического и экономического влияния.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Mourin Maxime*. Les relations franco-soviétiques, 1917—1967, Paris, Payot, 1967. 372 p.
2. *Наринский М. М.* Отношения между СССР и Францией, 1933—1937 годы // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы / ред. : А. Ю. Мельвил, М. М. Наринский, А. О. Чубарьян. М. : МГИМО, 2003. С. 69—87.
3. Объединение Европы и Советский Союз, 1919—1932: материалы междунар. colloquium / ред. : А. В. Загорский, М. М. Наринский, А. О. Чубарьян. М. : МГИМО, 1999. 210 с.
4. *Челышев И. А.* СССР — Франция: трудные годы (1938—1941). М. : Ин-т рос. истории РАН, 1999. 367 с.
5. *Dullin Sabine*. Des Hommes d'Influences : les Ambassadeurs de Staline en Europe. Paris : Payot, 2001. 384 p.
6. *Boisdrion Matthieu*. Le projet de pacte oriental (février 1934 — mai 1935), Guerres mondiales et conflits contemporains, 4/2005 (n° 220). P. 23—43.
7. Centre des archives économiques et financières, B 32023 (F30 1112) — Renseignements économiques sur l'U.R.S.S. : Pétrole : dossier général, documentation. 1919—1934; B 32025 (F30 1114) — Relations commerciales entre l'U.R.S.S. et la France.
8. Archives nationales, 307AP 84 Fonds Raoul Dautry, Directeur des chemins de fer de l'État. Dossier Cyrille Pechkoff.
9. Главный архив Российской Федерации. Ф. 5446 (Совнарком). Оп. 15 а. Д. 1003 — Об оплате приглашенных Цудортрансом французских инженеров Пуайе и Пилье, июль — сентябрь 1934.
10. *Slovès Henri*. Les relations commerciales entre la France et l'Union des Républiques soviétiques socialistes, thèse pour le doctorat. Paris : Librairie L. Rodstein, 1935.
11. *Хосбаум Э.* Эпоха крайностей. Короткий двадцатый век. М. : Независимая газета, 2004. 632 с.
12. Archives nationales, série F12 Carburants. Informations sur les pays, 11753 (Pologne), 11749 (Japon, Lituanie, Lettonie, Mandchoukouo).
13. *Jeannesson Stanislas*. La difficile reprise des relations commerciales entre la France et l'URSS (1921—1928), in: Histoire, économie et société, 2000, 19e année, n°3. P. 411—429.
14. Внешняя торговля СССР за 1918—1966 годы (стат. сб.). М. : Междунар. отношения, 1967. 241 с.
15. Российский государственный архив экономики. Ф. 7297 (НКТП). Оп. 38. Д. 330 — Письмо в ЦК ВКП(б), переписка с Главнефтью о расширении договора с фирмой «Шлюмберже», октябрь 1937 — август 1938.
16. *Суту Ж.-А.* Франко-советские отношения в 1932—1935 гг. // СССР, Франция и эволюция Европы в 30-е годы. М. : МГИМО, 2003. С. 4—40.
17. *Pineau Louis*. Conférence faite au Conservatoire National des Arts et Métiers le 1 mars 1925, Annales de l'Office national des combustibles liquides. Paris : Société d'éditions techniques, 1926.
18. *Muntele Ionel*. Iacu Corneliu, Géohistoire du pétrole roumain, Ясский университет. http://archives-fig-st-die.cndp.fr/actes/actes_2007/iatu/article.htm, проверено 25.01.2014.
19. *Иголкин А. А.* «Советский нефтяной экспорт в годы предвоенных пятилеток», М. : Нефтяное хозяйство. № 9. 2006. С. 139—141.
20. *Левичева О.* Проблемы денежного обращения СССР в середине 20-х годов. М. : Вестн. Банка России. № 70. 2005. С. 27—36.

Статья поступила в редакцию 29 декабря 2013 г.

А. О. Пеганов

СОВЕТСКО-ФРАНЦУЗСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТОВ РЕОРГАНИЗАЦИИ СРЕДНЕЙ ЕВРОПЫ (1931—1934)

Анализируются взаимоотношения между Францией и СССР в 1931—1934 гг. Особое внимание уделяется советской реакции на французские планы переустройства Дунайского бассейна. Основные источники — опубликованные материалы Кэ д'Орсэ и НКВД.

This paper investigates the relationships between France and the USSR in 1931—1934. Special attention is paid to the Soviet reaction on French plans to reorganize the Danube basin. This analysis is based on published Soviet and French diplomatic documents.

Ключевые слова: Франция, СССР, внешняя политика, аншлюс, план Тардьё, Пакт четырех, Восточное Локарно.

Keywords: France, USSR, foreign policy, Anschluss, plan of Tardieu, Four Power Pact, Eastern Locarno.

В первую половину XX в. Среднюю Европу, в ее самом широком смысле — как зону между Францией и Россией, можно назвать ключевым театром стратегического противостояния в Старом Свете. Первая мировая война, закончившаяся коллапсом Германской, Австро-Венгерской и Российской империй, создала предпосылки для закрепления ведущей роли Франции в данном регионе с помощью заключения военно-политических союзов с Польшей, а также Чехословакией, Румынией и Югославией (объединившихся в блок «Малая Антанта»). Наиболее амбициозные французские планы консервации версальского порядка на континенте проявились в 1929 г. через проект Паневропейской унии.

Средняя Европа в политике Парижа и Москвы — общие данные. Между тем с начала 1930-х гг. в Средней Европе начал набирать вес германский, а за ним и советский факторы. Роль Парижа сокращалась, скатившись в 1938—1940 гг. до минимума. Советская инфильтрация на запад шла по нарастающей и, с перерывом в 1941—1944 гг., завершилась к концу 1940-х гг. переносом сферы влияния сталинской империи до линии «Штеттин-Триест».

Межвоенная Франция, стремясь упрочить свою «систему безопасности» перед Германией на севере и Италией на юге, отдавала приоритет стратегическим союзам в Средней Европе. Параллельно Париж старался минимизировать связи региона с Германией. На фоне отстранения Лондона от проблем Европы в 1930-е гг. Париж начал попеременно склоняться к кооперации то с Римом, то с Москвой, надеясь на создание «приемлемого кондоминиума» в Средней Европе. Привлечение советского фактора было постепенным. Пробный камень был запущен в 1931 г. Однако, по большому счету, НКВД продолжали держать в стороне от важнейших центральноевропейских инициатив вплоть до 1934 г. Свой вынужденный изоляционизм большевики недружелюбно комментировали фразой «без нас — следовательно, против нас» [1, с. 226—227].

В советском видении Средней Европы можно выделить два аспекта. Во-первых, послеоктябрьская Россия была неудовлетворена своими западными границами. Список претензий НКВД к версальскому устройству 1924 г. требовал соблюдения советских интересов и прав в Восточной Галиции, Северной Буковине, Бессарабии, Аландских островах и Мемеле [2, с. 417—426]. Учитывая позыв большевиков к экспорту революции, нет ничего удивитель-

ного в том, что, например в 1931 г. британский МИД рассматривал «границы между СССР и Средней Европой» как одну из шести самых опасных конфликтогенных зон в мире [3]. Во-вторых, с точки зрения кремлевской геополитики Средняя Европа делилась на две неравнозначные зоны — Северную (Балтийскую) и Южную (Балкано-Дунайскую) [4]. В то время как Северная зона находилась под пристальным фокусом, Южная была отодвинута на периферийный план. Различие значимости двух зон можно проиллюстрировать хронологией налаживания двухсторонних связей: к концу 1924 г. Москва установила прямые отношения со всеми балтийскими государствами, в то время как большинство балкано-дунайских государств признали СССР в 1934 г.

Франко-советские отношения, между их нормализацией в 1924 г. и расторжением в 1941 г., прошли тернистый путь. Несмотря на пересекающиеся страхи перед чрезмерным усилением Германии в Европе, ни для Кремля, ни для Елисейского дворца другая сторона не вызывала достаточно доверия. Оба видели друг в друге скорее потенциальных противников: Париж с опаской воспринимал рапальское советско-германское сближение и международную деятельность Коминтерна, а Москву беспокоило покровительство Кэ д'Орсэ над Польшей и Румынией. Советско-французский Договор о ненападении в 1932 г. и вступление СССР в Лигу Наций в 1934 г. снизили взаимное недоверие. Однако последовавший Пакт 1935 г. о взаимопомощи, опиравшийся на чехословацкую смычку и ставший кульминацией галло-большевистского тандема, все же оказался неиспользованным инструментом в 1938 и 1939 гг.

Проект таможенной унии Австрии и Германии — импульс к франко-советскому сближению (март — сентябрь 1931 г.). Центральный элемент средневропейской доктрины Франции сводился к недопущению блокирования Австрии и Германии. Париж старался охладить пан-германские настроения в Вене финансовыми дотациями и поддержкой «легитимистов», чья программа включала не только сохранение независимости Австрии, но и восстановление монархии Габсбургов [5]. В начале 1930-х гг. легитимисты стали крупнейшей франкофильской группой в Венгрии [6, 7, 8, с. 171]. Предполагалось, что реставрация Габсбургов и воссоединение Австрии и Венгрии могли окончательно снять угрозу аншлюса. Однако в заигрывании с монархическими идеями Кэ д'Орсэ был вынужден постоянно оглядываться на реакцию Чехословакии и Югославии, которые придерживались установки «скорее аншлюс, чем Габсбург».

Неожиданный договор 21 марта 1931 г. о создании таможенной унии Австрии и Германии всколыхнул Европу. Париж однозначно трактовал эту инициативу как первый шаг к аншлюсу и созданию «Mitteleuropa». Между тем союзники Франции реагировали менее однозначно. В глазах Белграда и Бухареста перспектива расширения экономического влияния Германии представляла выгоды. Варшава, заняв критичную позицию, могла изменить свою точку зрения в случае признания Берлином окончательного характера польско-германской границы [9, р. 192—195]. Тем не менее французские контрмеры смогли «похоронить» цоллунию к маю 1931 г., а в сентябре 1931 г. Международный суд в Гааге объявил объединение таможенного пространства Германии и Австрии нелегальным. В Елисейском дворце вынесли два вывода из шумихи вокруг цоллунии: 1) самый действенный способ предотвратить аншлюс — объединить Австрию с другими дунайскими государствами; 2) ни Малая Антанта, ни Польша не были принципиально заинтересованы в сохранении независимости Австрии. В итоге Кэ д'Орсэ приступило к поиску альтернативной комбинации союзов к востоку от Германии. Первым кандидатом на роль нового дунайского редута в анти-германском бастионе стала Венгрия [10, о. 519, 520].

В 1931—1932 гг. франко-венгерские отношения приобрели особую сердечность [7]. Летом 1931 г. МИД Венгрии зафиксировал информацию о том, что Париж выступил за создание таможенного союза Австрии, ЧСР и Венгрии [8, с. 168]. В конце апреля 1931 г. Кэ д'Орсэ содействовал началу венгеро-чехословацких торговых переговоров [10, о. 529], в августе вы-

делил Венгрии кредит в 5 млн фунтов [11, о. 125], а в сентябре заключил соглашение о скупках венгерского зерна.

Осенью 1931 г. началось закулисное обсуждение создания единого блока Австрии, ЧСР и Венгрии. Инициатива переговоров исходила из Праги, которая, якобы, даже соглашалась отказаться от Кошиц в пользу Венгрии [12]. Со стороны Будапешта в эти неофициальные переговоры были вовлечены видные легитимисты — Г. Грац и И. Фридрих. Однако в конце 1931 г. министр иностранных дел Чехословакии Э. Бенеш отказался от данного проекта. Возвращавшемуся из Парижа Грацу он передал 13 декабря 1931 г., что не пойдет на сотрудничество с Австрией и Венгрией в ущерб политико-экономического единства Малой Антанты [13, с. 180, 181]. В феврале 1932 г. венгерские «паневропейцы» (под руководством П. Ауэра — юрконсультанта французской миссии в Будапеште) выдвинули на обсуждение проект австро-венгеро-чехословацкой экономической унии с перспективой присоединения к ней Румынии и Югославии [14, р. 362]. Проект австро-венгеро-чехословацкого треугольника базировался на идее использования его как дамбы против Германии. В то же время дистанцирование Парижа от Бухареста и Белграда открывало дорогу для франко-советского и франко-итальянского сближения.

Весной 1931 г. начала теплеть атмосфера между Елисейским дворцом и Кремлем. Невзирая на идущую с октября 1930 г. франко-советскую торговую войну и советские обвинения Франции в подготовке интервенции в СССР [15, с. 123—129, 146—149, 155], 20 апреля 1931 г. Кэ д'Орсэ предложило НКВД заключить обеим странам Пакт о ненападении и Торговый договор [15, с. 252—254]. Москва откликнулась [15, с. 290] и в июле 1931 г. СССР и Франция сняли взаимные запреты с импорта товаров [15, с. 427, 432], а 10 августа парафировали договор о ненападении [15, с. 452—456]. Параллельно Москва активизировала свою позицию в вопросе интеграции Европы. Невзирая на прежде отрицательное отношение к данному проекту, 19 мая 1931 г. Политбюро ЦК ВКП (б) одобрило участие наркома М. М. Литвинова в работе паневропейской комиссии при Лиге Наций [16, с. 248, 249]. На ее заседании 23 мая М. Литвинов констатировал «клиническую смерть» таможенного сценария Берлина и Вены [15, с. 346—348]. На июльской встрече комиссии советская делегация раскритиковала проекты создания преференциальных режимов в Средней Европе как форму дискриминации и настаивала на привлечении СССР к обсуждению вопросов международных преференций. НКВД опасался, что введение торговых преференций могло затруднить советский экспорт в Австрию, Чехословакию, Германию и Италию, с которыми СССР ранее заключил торговые договоры [15, с. 415—420]. В августе 1931 г. Москва раскритиковала предоставление немецких торговых льгот Румынии, Венгрии и Болгарии [15, с. 464—466] и итальянских льгот Австрии и Венгрии [15, с. 479]. Советская позиция отвечала французским интересам по недопущению экономической переориентации дунайских стран на Германию и Италию.

Однако осенью 1931 г. франко-советское сближение начало буксовать: 23 сентября Елисейский дворец сообщил, что советско-французскому Пакту о ненападении должен сопутствовать договор о ненападении между СССР и Польшей [15, с. 535—537], а 25 сентября Москва неожиданно отказалась от участия в осенней сессии паневропейской комиссии [16, с. 261]. Начавшиеся советско-польские переговоры застопорились на малоприемлемом для Москвы требовании Варшавы о заключении Союзом ССР договоров о ненападении со всеми своими европейскими лимитрофами [15, с. 647—650].

Активы от франко-советской «весны» 1931 г. можно зачислить в пользу Кэ д'Орсэ. По наблюдению полпреда в Берлине Л. М. Хинчука, Аусамт в течение 1931 г. отводил большое значение советскому противостоянию германскому экономическому проникновению на Балканы. Немецкая пресса видела подоплеку кокетничества между Парижем и Москвой в поисках большевиками кредитов во Франции и попытках Кэ д'Орсэ изолировать Германию. В итоге французское влияние победило в Венгрии и Австрии [15, с. 749—754].

Советско-французское отдаление и дунайский план А. Тардьё (январь — май 1932 г.). Возможность подписания советско-французского Пакта о ненападении не стала более реальной после того, как Польша парафировала с СССР текст договора о ненападении 25 января 1932 г. В начале 1932 г. глава правительства Франции и одновременно шеф Кэ д'Орсэ Пьер Лаваль, а также сменивший его на обоих постах Андрэ Тардьё уточнили, что достижение аналогичного соглашения между Москвой и Бухарестом стало обязательным для подписания франко-советского договора [17, с. 55—57, 69]. После встречи с А. Тардьё в Женеве в марте 1932 г. М. Литвинов пребывал под впечатлением, что улучшение отношений с СССР не входило в ближайшие цели Елисейского дворца [17, с. 213, 214].

Возобновление Парижем политики опеки над Румынией и проблематизация сотрудничества с Москвой оказались элементами нового французского дипломатического наступления в Средней Европе. Несмотря на то, что Кэ д'Орсэ больше склонялся к поощрению экономического сближения Австрии, Венгрии и ЧСР, А. Тардьё поддержал проект более широкого объединения дунайских государств, включая государства Малой Антанты, Австрию и Венгрию [9, р. 222]. 2 марта 1932 г. Тардьё ознакомил представителей Италии и Великобритании со своим планом установления взаимных преференциальных торговых режимов в Дунайском бассейне. Италия (безрезультатно) предложила привлечь к обсуждению этого вопроса СССР [17, с. 227, 228]. Прошедшая 6—8 апреля 1932 г. в Лондоне конференция представителей четырех великих держав констатировала расхождение их мнений: французы и англичане поддерживали интеграцию пяти дунайских стран, немцы выступили против, а итальянцы заняли сдержанную позицию. План экономической санации на Дунае повис в воздухе и после отставки А. Тардьё в мае 1932 г. был убран в стол.

Кремль, очевидно, к задумке Тардьё не питал симпатий. Полпред в Вене К. К. Юренев, комментируя этот проект, писал, что он был не выгоден Советскому Союзу как экономически, так и политически. «...Нам опасна всякая, хотя бы частичная стабилизация капиталистических государств, особенно если она совершется под руководством Франции», — указывал полпред. Суть французского проекта, по Юреневу, сводилась к следующему — опираясь на легитимистов Австрии и Венгрии, ослабить связи Вены с Берлином и осуществить сближение дунайской «пятерки» под контролем Франции [17, с. 194—199, 728, 729]. Полпред в Праге А. Я. Аросев оценивал план Тардьё в похожем ключе. Он считал, что создание средне-европейской федерации укрепит боеспособность Румынии (и Польши) против СССР, поскольку она (и Чехословакия) не могла выступить, пока ей не был обеспечен тыл с Венгрией. Сглаживание конфликтов на Дунае привело бы к укреплению Малой Антанты на случай ее конфликта с СССР [18, с. 56, 57]. Неудивительно, что рупор ФрКП «L'Humanité» видел в плане Тардьё намерение создать «международную белую армию» [23, р. 43].

Отсутствие приглашения для СССР на переговоры по дунайской интеграции не могло не оставить осадка у большевиков. По наблюдениям британских военных, осенью 1932 г. Советский Союз поставил свои дипломатические гири на сторону итало-германского блока, направленного против Франции и ее союзников [19]. Действительно, накануне сентябрьской конференции в Стресе 1932 г., где элементы плана Тардьё могли всплыть, советские органы попросили представителей Италии и Германии защищать интересы СССР от возможных нападков Польши и Малой Антанты [17, с. 497, 498]. Взяв слово на заседании паневропейской комиссии 1 октября 1932 г., М. Литвинов осудил как исключение СССР из обсуждения средне- и восточноевропейских дел, так и принятие преференций дунайскими государствами в ущерб СССР [17, с. 547, 548].

В целом с 1932 г. Кремль начал уделять больше внимания происходящему в дунайском бассейне. Были сделаны попытки оживить контакты с Венгрией — потенциальным союзником СССР в войне с Румынией и партнером против панрегиональных амбиций Малой Антанты. Вероятно, Москву и Будапешт сближало неприятие плана Тардьё. Венгерский по-

сланник в Праге С. Маширович, реагируя на анонс проекта Тардье, писал в Будапешт, что французские стремления сохранения европейского мира означали «могилу для исторической Венгрии» [20]. Советско-венгерская реанимация началась еще в январе 1932 г. торговыми переговорами в Берлине. Весной Венгрия приняла советскую торговую делегацию и параллельно создала при своей миссии в Берлине агентство для облегчения экспорта в СССР [21, с. 111, 112].

Разогретый интерес Кремля к Средней Европе подтверждает создание по инициативе Политбюро ЦК ВКП (б) весной 1932 г. новой секретной структуры — «Бюро международной информации». В задачи БМИ входил сбор и обработка информации по ряду международных вопросов, а среди приоритетных направлений оказались три международных треугольника: германо-польско-советский, франко-центральноевропейско-советский и японо-американо-советский. Как показал О. Н. Кен, по первому направлению в 1932—1934 гг. глава БМИ К. Радек вел параллельную НКВД тайную дипломатию и пытался улучшить связи Москвы с Варшавой на базе общего противостояния Германии [22, с. 148, 154—170]. Касаясь балкано-дунайских стран, Политбюро интересовало их отношение к «проблеме войны с СССР» и роль Франции [16, с. 281—283].

Кремль и политика «картеля левых» в Средней Европе — поиск компромисса (июнь — декабрь 1932 г.). С победой на парламентских выборах во Франции «второго картеля левых» и формированием 3 июня 1932 г. кабинета под руководством Эдуарда Эррио, советско-французские отношения получили новый импульс. В августе 1932 г. был заключен крупный контракт о поставках во Францию советской нефти [17, с. 518], и Э. Эррио заявил парижскому полпреду В. С. Довгалевскому, что не хочет подчинять советско-французский Пакт советско-румынскому. Более того, касаясь последнего, Париж одобрял упоминание наличия территориального спора между СССР и Румынией, что начисто отвергалось в Бухаресте и дискредитировало французскую подпись под Бессарабским протоколом 1920 г. [17, с. 488—490, 502, 503, 513—515]. Франко-советский Пакт о ненападении был подписан 29 ноября 1932 г. [17, с. 637—640].

Касаясь Средней Европы, подход «картеля левых» значительно отличался от подхода А. Тардье. Уже во время парламентской кампании лета 1932 г. видные социалисты и радикалы (А. Монзи, Э. Эррио, Э. Даладье, П. Кот) поддерживали лозунги ревизии Версальских мирных договоров [9, р. 235, 236]. По информации МИД Венгрии, суммарно внешняя политика Э. Эррио строилась на желании укрепления связей с СССР, отказе от военных договоров с Польшей, Румынией и Югославией и поддержке сближения Австрии, Венгрии и ЧСР [8, с. 175].

«Картель левых» активизировал также апеннинское направление французской дипломатии. В октябре 1932 г. Б. Муссолини предложил французам политический компромисс на базе закрепления французской сферы влияния в Северной Африке и итальянской в Средней Европе [23, р. 71]. На публичное предложение Б. Муссолини в Турине создать «концерт» Франции, Италии, Англии и Германии, Э. Эррио ответил речью в Тулузе о необходимости сближения с Италией [24, р. 235].

С целью закладывания франко-итальянской антанты Кэ д'Орсэ назначил в Рим нового посла — Анри де Жувереля. Париж был готов поощрять кооперацию Италии с Австрией, Венгрией (и ЧСР), чтобы враждебность между ними и Малой Антантой исчезла. Более того, Париж был готов абстрагироваться от признания независимости Албании (в пользу Рима) и даже рассмотреть опцию итальянской экспансии в Малой Азии [25, р. 609—614]. «Миссия Жувереля» дала старт началу широкомасштабных франко-итальянских переговоров.

Таким образом, осенью 1932 г. Париж добавил в свой средневропейский пасьянс колоду с итальянской рубашкой. Проект верхнедунайского треугольника был реабилитирован, но в перспективе передавался под протекцию Рима. Одобряя кооперацию с Веной и Римом, французский посланник в Будапеште Л. дэ Вьен в декабре 1932 г. рекомендовал премьер-министру Венгрии Дюле Гёмбёшу идти на сближение и с Чехословакией. Он многообещающе

добавлял, что примирение Венгрии с ее соседями приближало ревизию Трианона [25, р. 138—142].

Умеренные ревизионистские симпатии Кэ д'Орсэ заставили нервничать его союзников в Средней Европе. Французский посланник в Праге Л. Ноэль отмечал, что, реагируя на советско-французский Пакт и озвученные в Турине намерения Б. Муссолини, Малая Антанта решила сплотиться [25, р. 298, 299]. Обеспокоенные территориальными претензиями Италии и Венгрии лидеры Малой Антанты ставали в позу, заявляя, что «ревизия — это война» [25, р. 365]. 16 февраля 1933 г., невзирая на французские предостережения о возможном итальянском недовольстве, ЧСР, Румыния и Югославия подписали Организационный пакт, амбициозно преобразовывающий Малую Антанту в «более высокий международный орган».

Франко-советские переговоры в контексте подготовки «Пакта четырех» (март — октябрь 1933 г.). В начале марта 1933 г. франко-итальянские переговоры конкретизировались: Б. Муссолини предложил признать за Венгрией, Австрией и Болгарией равноправие в вооружениях, а также осуществить ревизию границ в пользу Венгрии и Германии. Попутно Муссолини настаивал на решении проблемы безопасности на Адриатике (подчинение Албании и распад Югославии). 18 марта 1933 г. Б. Муссолини направил Франции, Великобритании и Германии предложение сформировать вместе с Италией «директорию», которая примет на себя решение международных проблем в Европе [26, р. 15, 16].

Кэ д'Орсэ, несмотря на боязнь скомпрометировать себя перед своими средневропейскими союзниками [26, р. 21—25], принял участие в переговорах по «Пакту четырех». Члены французского правительства разношерстно реагировали на ревизионистский посыл Б. Муссолини: премьер Э. Даладье (вместе с Э. Эррио и лидерами оппозиции А. Тардьё и П. Лавалем) был против, министры А. Монзи («мотор Пакта четырех внутри правительства») и П. Кот были за, в то время как шеф дипломатии Ж. Поль-Бонкур колебался [1, с. 223—225; 27, р. 256—272].

Позиция Франции оказалась несколько двусмысленна. Так, А. Жувенель легко согласился с принципом равноправия в вооружениях для Австрии, Венгрии и Болгарии [26, р. 297, 298], а сторонники «пакта четырех» в Париже не отвергали возможность передать польский коридор Германии и Подкарпатскую Русь Венгрии. Все это настораживало Польшу и Малую Антанту. В ответ министр иностранных дел Румынии Н. Титулеску шантажировал Париж тем, что при переходе Франции на сторону ревизионистов, Малая Антанта сблизится с Германией [27, р. 256—272].

После трехмесячных консультаций, обеззубленный и приведенный в соответствии с Уставом Лиги Наций «Пакт четырех» был парафирован 7 июня и подписан 15 июля 1933 г. в Риме. Ревизия границ была снята с повестки, и основной фокус франко-итальянской кооперации был переведен на недопущение аншлюса. При этом Рим предлагал укрепить независимость Австрии через ее сближение с Венгрией и Италией, в то время как Париж больше желал видеть кооперацию Австрии не только с Венгрией, но и членами Малой Антанты [26, р. 701—705]. В качестве уступки Ж. Поль-Бонкур предложил подключить к этой группе и Италию [26, р. 728—730]. 12 июля 1933 г. Б. Муссолини и А. Жувенель согласовали детали франко-итальянской программы: оба государства признавали, что у них не было территориальных аспираций в Европе; поддерживали независимость Австрии; не одобряли создание новых блоков в Средней Европе; указывали, что экономическая кооперация региона должна осуществляться на базе «абсолютного равноправия» [26, р. 885—887].

НКВД к проекту «Пакта четырех» отнесся холодно. Прежде всего СССР был задет тем, что его не пригласили в новообразуемый «клуб» великих держав. В то же время кремлевская оценка отдельных пунктов «Пакта четырех» дифференцировалась. 10 апреля 1933 г. М. Литвинов, встречаясь с французским послом в Москве Ф. Дежаном, указал, что к изменению границ на Южной Балтике Советский Союз не мог относиться «безучастно». Его беспокоило, что при передаче данцингского коридора Германии Варшава в качестве компенсации утвер-

дит свое доминирование в Литве или всей Прибалтике. С другой стороны, нарком сообщил, что изменение границ Венгрии с Малой Антантой или Италии с Югославией не затрагивало советские интересы. Также Литвинов отметил, что новые обстоятельства создавали платформу для сотрудничества СССР с Малой Антантой [1, с. 225, 226; 26, р. 206, 207].

Французские дипломаты отмечали возросшую стратегическую обеспокоенность Москвы. Зажатый между «директорией четырех» в Европе и японским милитаризмом на Дальнем Востоке СССР, по наблюдению поверенного в делах Франции Ж. Пайара, был вынужден занять дипломатическую оборону на всех фронтах и перейти в лагерь «антиревизионистов». По мнению Пайара, Кремль тревожило, что «Пакт четырех» повлечет за собой раздел сфер влияния в Средней Европе между Берлином и Римом. При этом Германия направит свою экспансию в Польшу, Прибалтику и Украину, что может привести к территориальным ампутациям у Советского Союза и потере его выхода к Балтийскому морю. Распространение влияния Италии на Балканах также угрожало советским морским коммуникациям на юге [26, р. 630—636].

Угроза диктата «концерта четырех» сближала СССР и Малую Антанту. В марте 1933 г. Э. Бенеш предложил СССР заключить пакт о ненападении и установить дипломатические отношения. Учитывая нерешенный статус Бессарабии, он, в первую очередь, апеллировал к нормализации отношений между Москвой, Прагой и Белградом [1, с. 166, 167]. НКВД попытался извлечь капитал из изоляции Малой Антанты и предложил ей подписать пакт о ненападении, признав наличие территориального спора между СССР и Румынией [1, с. 174]. Однако Малую Антанту это не заинтересовало [1, с. 221—223]. Елисейский дворец приветствовал идею пакта Малой Антанты с СССР, но предостерегал Кремль, что постановка бессарабского вопроса сорвет переговоры [1, с. 226—228]. 16 июня 1933 г. Кремль переформулировал свое прежнее предложение Малой Антанте, дополнив его пунктом о нормализации отношений [1, с. 351, 352]. Это предложение М. Литвинов передал Э. Бенешу в Женеве. Однако чех упрямо предлагал «урегулировать» вопрос о Бессарабии. Нарком его «нелепое предложение» отклонил [1, с. 355—357].

Внезапно 3—5 июля 1933 г. Москва пошла на непредвиденные уступки. Отказавшись от завязывания дипломатических отношений и упоминания «спорных вопросов», СССР подписал в Лондоне с членами Малой Антанты (и Турцией) конвенцию об определении агрессии. Аналогичные документы были подписаны СССР с Финляндией, Прибалтикой, Польшей, Персией и Афганистаном. Конвенции фактически приравнивались к пакту о ненападении. Признав нелегальным эвентуальную попытку СССР силой вернуть Бессарабию, М. Литвинов передал Н. Титулеско, что бессарабский вопрос закрыт [27, р. 275—277].

6 июля 1933 г. М. Литвинов встретился в Париже с Ж. Полем-Бонкуром и Э. Даладье. Французам было предложено присоединиться к Лондонской конвенции и заключить секретный договор с СССР об обмене информацией. В свою очередь Поль-Бонкур, приветствуя сближение Малой Антанты с СССР, предложил содействие Кэ д'Орсэ в восстановлении дипломатических отношений между ними. Между тем Кремль рассчитывал на помощь Франции не только в Средней Европе. В Париже М. Литвинов обратил внимание прессы, что интересы СССР не сталкиваются с интересами Франции ни в каком пункте земного шара. За закрытыми дверями советские дипломаты давали понять, что Москва была обеспокоена ростом мощи Японии в Азии [1, с. 416, 417; 28, р. 425]. Дальневосточный вопрос, — передал полпред в Риме В. Потемкин А. Жувенелю 17 июля 1933 г., — мог стать сердцевиной советско-французского Пакта [28, р. 9, 10].

Однако Кэ д'Орсэ постепенно отклонило большинство советских предложений: присоединение к Лондонской конвенции оценивалось позитивно [26, р. 877, 888], но не было реализовано; о договоре об обмене информацией указывалось, что он мог разозлить Великобрита-

нию, «союз с которой является базой всей французской политики» [28, р. 32, 33]; антияпонская кооперация на Дальнем Востоке также не была одобрена [1, с. 576—578, 582, 583].

Сохраняя отрицательное отношение к «Пакту четырех», советские дипломаты приветствовали улучшение франко-итальянских отношений [28, р. 773, 774]. Параллельно начала закладываться новая база советско-итальянского сотрудничества. 28 мая 1933 г. Б. Муссолини предложил СССР заключить с Италией политический договор [1, с. 316—322]. 2 сентября 1933 г. советско-итальянский договор о дружбе, ненападении и нейтралитете был подписан [1, с. 494—496]. Потеплевшая атмосфера между Москвой и Римом повышала советский авторитет на Дунае. Премьер-министр Венгрии Д. Гёмбёш передал в Рим, что он также был готов развивать экономическую кооперацию с СССР [29, о. 111].

И хотя французское руководство ограниченно воспринимало СССР как инструмент противостояния Германии, среди сотрудников Кэ д'Орсэ были и другие мнения. Новый посол Франции Шарль Альфан бомбардировал Ж. Поль-Бонкура предложениями по расширению отношений с Советским Союзом и созданию блока из Франции, Польши, Малой Антанты, СССР и Турции [28, р. 427—433; 30, р. 169—171.].

Призывы Ш. Альфана были услышаны в Париже после того, как в октябре 1933 г. Германия покинула конференцию о разоружении в Женеве и объявила о выходе из Лиги Наций. «Пакт четырех» потерял актуальность. Елисейский дворец, активизируя свои контакты с Кремлем, поднял два вопроса: пакт о взаимопомощи и Лига Наций. 31 октября 1933 г. Ж. Поль-Бонкур встретился с М. Литвиновым и, предлагая продумать контрмеры против Германии, несколько раз упомянул о принятии обязательств по взаимопомощи [1, с. 595, 596]. 19 ноября 1933 г. Ж. Поль-Бонкур передал В. Довгалеvскому, что присоединение к Лиге Наций Советского Союза приобрело также особое значение [1, с. 682—685]. 29 ноября Кремль признал «дискутабельными» вопросы о Лиге Наций и взаимопомощи [1, с. 695]. Касаясь Германии, Кэ д'Орсэ интересовало как присоединение Москвы к эвентуальным санкциям против Берлина, так и антигитлеровская «боеспособность» немецкого пролетариата [1, с. 696].

Восточный пакт и советский дипломатический прорыв в Средней Европе (декабрь 1933 г. — сентябрь 1934 г.). На Рождество 1933 г. СССР раскрыл свои карты перед Францией. 19 декабря 1933 г. Политбюро ЦК ВПК(б) определило условия вступления СССР в Лигу Наций и подписания договора о взаимопомощи против агрессии Германии. Касаясь Лиги Наций, Кремль выставлял ряд требований, в том числе настаивал, чтобы ее члены завязали с СССР дипломатические отношения. Региональный пакт о взаимопомощи должен был включать прежде всего СССР, Францию и Польшу, но мог распространяться и на Бельгию, Чехословакию, Литву, Латвию, Эстонию и Финляндию [16, с. 305—307]. 28 декабря и 4 января В. Довгалеvский передал кремлевские пожелания руководству Кэ д'Орсэ. В. Довгалеvский пояснял, что предлагаемый состав членов договора о взаимопомощи оправдывался намерением придать договору антигерманскую направленность. При этом Югославия и Румыния не были приглашены, чтобы не вовлекать Францию и СССР в эвентуальные итало-югославский и венгеро-румынский конфликты. Советский проект также предполагал, что стороны будут оказывать друг другу дипломатическую, моральную и материальную помощь даже в случае агрессии вне Европы. Довгалеvский официально уточнил, что Москва руководствовалась желанием изменить проводимую Францией политику нейтралитета на Дальнем Востоке [30, р. 402—405]. Первый зондаж дал следующие результаты: Ж. Поль-Бонкур позитивно воспринял идею установления отношений между членами Лиги Наций и СССР. Касаясь региональной взаимопомощи, он считал, что самое существенное — участие СССР, Франции, Польши и ЧСР. Участие Прибалтики он также приветствовал, но сомневался касательно Бельгии. «Пункт о помощи в случае других конфликтов» Бонкур не одобрил. В заключение Бонкур сообщил Довгалеvскому, что «...мы с вами начали сегодня делать историю» [1, с. 772—774; 30, р. 402—405]. После этого обмена мнений Москва приняла за основу проект взаимопомощи между

СССР, Францией, Польшей, ЧСР и Прибалтикой [31, р. 258—261]. 11 января 1934 г. Франция и СССР подписали торговое соглашение. Несмотря на многообещающее начало, эти переговоры были продлены только весной 1934 г.

Одновременно НКВД продолжал политику сближения с Италией. 4 декабря 1933 г. М. Литвинов, посещая Б. Муссолини в Риме, с удовольствием отметил, что дуче, сетуя на японскую угрозу Италии, признавал, что СССР был необходимым участником разрешения международных проблем. Муссолини, передав, что Франция приняла итальянский подход к разрешению дунайских вопросов, поставил вопрос о восстановлении отношений СССР с Венгрией. Литвинов указал, что СССР был готов установить отношения со всеми государствами, в том числе и Венгрией. Нарком добавил, что на Балканах СССР особых интересов не преследовал, но считался с интересами Турции. При этом Болгария и Югославия, не признавая СССР, рассчитывать на его дружбу не могли [1, с. 712—714; 29, о. 129].

Готовя мажорское яблоко на итальянском блюде, Б. Муссолини надеялся урезать свободу маневрирования Малой Антанты. С одной стороны, уже 5 декабря 1933 г. дуче передал полпреду В. Потемкину, что сближение между Турцией и Малой Антантой задерживало нормализацию отношений между СССР и Венгрией [1, с. 721]. После того, как в Будапеште согласились на начало переговоров с НКВД, посол Италии в Москве Б. Аттолико объяснял М. Литвинову проволочки их начала опасениями перед сближением СССР и Малой Антанты. Однако Литвинов отклонил предложение Аттолико никогда не признавать Малую Антанту как политическую единицу [32, с. 43, 44].

Благодаря интенсивному итальянскому посредничеству 22 января — 6 февраля 1934 г. в Риме состоялись венгеро-советские переговоры о восстановлении нормальных отношений. При этом итальянцы периодически подталкивали венгров к уступкам, объясняя, что Будапешт должен был опередить Малую Антанту в признании де-юре СССР [29, о. 142; 32, с. 71—74]. В итоге 6 февраля 1934 г. в Риме произошел обмен нот об установлении нормальных советско-венгерских отношений [33, с. 28; 32, с. 106—109]. Франция, поглощенная острейшим внутривластным кризисом, как кажется, не придавала большого значения советско-венгерской нормализации. Официоз «*Les Temps*» констатировал, что Венгрия, помимо надежд на получение выгод от торговли с СССР, пошла на этот шаг из-за боязни быть обойденной Малой Антантой [34].

К концу января 1934 г. политический отдел Кэ д'Орсэ, проанализировав рождественские предложения В. Довгалевского, указал, что без вступления СССР в Лигу Наций Франция, учитывая обязательства по Локарнскому пакту, практически не сможет оказать ему помощь против Германии. Поэтому в сложившейся ситуации Кэ д'Орсэ мог предоставить свое посредничество в заключении пактов о взаимопомощи между СССР, Польшей и Малой Антантой. Далее Франция могла присоединиться к договору о консультациях, который бы дополнял пакты о взаимопомощи [30, р. 535—542, 677—679].

30 марта 1934 г. Кэ д'Орсэ разработало новый эскиз «пакта о взаимопомощи». Его основой стали два союза: польско-чехословацкий и польско-советский. В пакт предполагалось также пригласить Германию и страны Прибалтики. Контрагенты обязывались бы взаимно воздерживаться от агрессий и предоставлять помощь соседнему государству-члену пакта против нападения любого другого участника пакта [30, р. 133—135]. Этот проект был вновь дополнен 28 апреля 1934 г. конвенцией, по которой Третья республика и Советский Союз взаимно гарантировали бы друг другу помощь при нарушении Германией Локарнского или Восточного пакта [30, р. 376, 377].

20 апреля новый министр иностранных дел Франции Луи Барту, вызвав советского поверенного в Париже М. И. Розенберга, передал ему, что готов к продолжению начатых ранее переговоров. При этом Л. Барту загадочно добавил, что Н. Титулеско также хотел заключить с СССР «пакт» [32, с. 279—280]. Строя догадки, 25 апреля поверенный писал в НКВД, что

Малая Антанта, вероятно, попытается присоединиться к взаимопомощи и обязать СССР стартовать ее от Венгрии и Италии, «которые нам ничем не угрожают» [32, с. 299—301].

Тем не менее когда 18 мая 1934 г. Л. Барту и М. Литвинов встретились в Женеве, вопрос присоединения Малой Антанты к Восточному пакту не поднимался. Зато Барту отметил, что Малая Антанта двигалась в сторону признания СССР. Два министра также одобрили приглашение в пакт Германии и Финляндии и неучастие Бельгии [31, р. 496—502].

Переговоры о Восточном пакте шли «рука об руку» с подготовкой нормализации между СССР и Малой Антантой. Однако 7 июня стало известно, что югославский король Александр I отказался от установления отношений с СССР [32, с. 378, 379]. Монарх требовал гарантии Кремля по невмешательству во внутренние дела королевства (особенно касаясь белоэмигрантов) и прекращение советского натравливания Болгарии на Югославию [31, р. 913, 914]. 8 июня М. Литвинов встретился с Л. Барту в Женеве. Француз передал проект Восточного пакта и рекомендовал Литвинову далее начать самостоятельные переговоры с Германией и Прибалтикой. Франция при этом обязывалась продолжать переговоры с Польшей. Переданный Барту проект включал два договора — о взаимопомощи (Германия, Польша, ЧСР, СССР, Прибалтика и Финляндия) и советско-французский. В тот же день М. Литвинов встретился Э. Бенешем, который дал категорическое согласие на участие ЧСР в Восточном пакте [32, с. 378, 379; 31, 655, 656]. 8 июня Политбюро ЦК ВПК (б) одобрило установление отношений с ЧСР и Румынией [16, с. 313]. В итоге 9 июня Н. Титулеско, Э. Бенеш и М. Литвинов обменялись в Женеве нотами об установлении нормальных отношений Румынии и ЧСР с СССР [32, с. 379—381].

Несмотря на летний виток франко-советского сближения, Кремль не хотел терять благосклонность Италии и союзников. 17 июня 1934 г. М. Литвинов заверил венгерского посланника в Москве М. Арноти, что СССР не поддерживал политические амбиции Малой Антанты и не намеревался вмешиваться в ее отношения с Венгрией. Касаясь изменения статус-кво в Средней Европе, нарком пояснил, что Москва, выступая против аншлюса, занимала нейтральную позицию по венгерскому ревизионизму. Литвинов добавил, что пока Римские протоколы, подписанные в марте 1924 г. как союз Италии, Венгрии и Австрии, не дискриминировали СССР, он был не против этого блока [29, о. 191, 192; 32, с. 399, 400]. В конце июня М. Литвинов поручил заверить Б. Муссолини, что Москва стояла за сохранение дружественных отношений с Римом. В подтверждение Литвинов указывал, что он отверг предложение Турции по объединению Восточного пакта и Балканской Антанты и не пошел на восстановление отношений с Югославией, что должно было удовлетворить Палаццо Киджи [32, с. 410—417]. Вскоре еще два балканских государства установили дипломатические отношения с СССР: 23 июля 1934 г. — Болгария [32, с. 401, 405, 494], а 17 сентября 1934 г. — Албания [32, с. 592, 593]. Таким образом, опираясь на помощь Франции и Италии, СССР смог в течение 1934 г. нормализовать отношения с большинством государств Средней Европы. Венцом дипломатических усилий Кремля по международному признанию СССР стало вступление СССР в Лигу Наций по приглашению 31 члена Лиги Наций, в т. ч. — всех государств Средней Европы [32, с. 588—591].

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Документы внешней политики СССР (далее — ДВП). М. : Политиздат, 1970. Т. 16 : 1 января — 31 декабря 1933 г. 920 с.
2. ДВП. М. : Госполитиздат, 1963. Т. 7 : 1 января — 31 декабря 1924 г. 740 с.
3. Public Record Office. 24/225/1. Memorandum «Changing conditions in British Foreign Policy», John Simon, 26.11.1931. CP 301 (31). P. 16—17. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7728913#imageViewerLink> (дата обращения: 01.08.2014).
4. Кен Олег. Советская политика в двух измерениях: страны Центрально-Восточной Европы в дипломатии и военной стратегии СССР, 1925—1939 гг. // Communisme. 2003, № 74/75. P. 45—70.

5. *Holmes Blair R.* The Austrian Monarchists, 1918—1938: Legitimism versus Nazism // *Conquering the Past: Austrian Nazism Yesterday and Today* / ed. F. Parkinson. Wayne : Sate UP, 1989. P. 91—109.
6. *Becsi Zoltan.* Les légitimistes hongrois et la question de l'Europe central, 1929—38 // *European Review of History.* 2004. Vol. 11, № 3. P. 365—382.
7. *Horel Catherine.* Une brève idylle dans les relations franco-hongroises au début des années trente // *Illusions de la puissance, puissance de l'illusion. Historiographies et histoire de l'Europe centrale dans les relations internationales de l'entre-deux-guerres.* Paris : CIEH, 2005. P. 111—125.
8. *Пушкаш А. И.* Внешняя политика Венгрии: Апрель 1927 г. — февраль 1934 г. М. : Ин-т славяноведения РАН, 1995. 317 с.
9. *Wandycz Piotr Stefan.* The Twilight of French Eastern Alliances, 1926—1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton : Princeton UP, 1988. 537 p.
10. *Iratok az ellenforradalom történetéhez. K. IV. A magyar ellenforradalmi rendszer külpolitikájá.* 1927. 1 január — 1931. 24 augusztus / Sz. Karsai Elek. Budapest : Szikra, 1967. 622 o.
11. *Juhász Gyula.* Magyarország külpolitikája. 1919—1945. Budapest : Kossuth, 1988. 486 o.
12. *Diószei László.* Benes terve Csehszlovákia, Ausztria és Magyarország gazdasági együttm működésére // *Magyarságkutatás. A Magyarságkutató csoport évkönyve.* Budapest : Magyarságkutató csoport, 1987. O. 65—74.
13. *Edvard Beneš.* Cirkulárn telegramy. 1920—1935. Přípr. Jindřich Dejmeš. Praha : Eva-Milan Nevoli, 2002. 277 s.
14. *Horel Catherine.* Cette Europe qu'on dit centrale : des Habsbourg à l'intégration européenne, 1815—2004. Paris : Beauchesne, 2009. 483 p.
15. ДВП. М. : Политиздат, 1968. Т. 14 : 1 января — 31 декабря 1931 г. 872 с.
16. Политбюро ЦК ВПК (б) и Европа. Решения «особой папки». 1923—1939. М. : РОССПЭН, 2001. 400 с.
17. ДВП. М. : Политиздат, 1969. Т. 15 : 1 января — 31 декабря 1932 г. 867 с.
18. *Кен Олег.* Чехословакия в политике Москвы, 1932—1936 гг. // *Россия 21 века.* 1996. Вып. 7—8. С. 62—86.
19. PRO.CAB 24/234/12. Memorandum by the secretary of State for war. CP 362 (32). A military appreciation of the present world situation. 28.10.1932. P. 4. URL: <http://discovery.nationalarchives.gov.uk/details/r/D7729433#imageViewerLink> (дата обращения: 01.08.2014).
20. *Magyar Országos Levéltár, K. 63, cs. 5, 1932—2—16. 68.pol. 1932.* Beszélgetés Addison angol követtel a Dunamedencét illet gazdasági tervekr l. Masirevich. 1932.03.31. O. 5—8.
21. *Seres Attila.* A magyar-szovjet diplomáciai és kereskedelmi kapcsolatok f bb problémái 1922—1935. Doktori disszertáció. Budapest : ELTE BTK, 2006. 234 o.
22. *Кен Олег.* Карл Радек и Бюро международной информации ЦК ВКП (б), 1932—1934 гг. // *Cahiers du monde russe, soviétique et post-soviétique.* 2003. Vol. 44. No. 1. P. 135—177.
23. *Duroselle Jean-Baptiste.* Politique étrangère de la France. La Décadence : 1932—1939. Paris : Hérissé, 1983, 568 p.
24. *Manigand Christine.* Henry de Jouvenel. Limoges : PULIM, 2000. 322 p.
25. Documents diplomatiques français. 1932—1939. 1re série, 1932—1935 (далее — DDF). Paris : Impr. Nationale, 1966. T. 2 : 15 novembre 1932 — 17 mars 1933. 876 p.
26. DDF. Paris : Impr. nationale, 1967. T. 3 : 17 mars — 15 juillet 1933. 928 p.
27. *La grande Roumanie alliée de la France: une péripétie diplomatique des années folles, 1919—1933* / Ed. Traian Sandu. Paris : l'Harmattan, 1999. 279 p.
28. DDF. Paris : Impr. nationale, 1968. T. 4 : 16 juillet — 12 novembre 1933. 788 p.
29. *A Palazzo Chigi és Magyarország. Olasz diplomáciai dokumentumok Magyarországról. A Gömbös-kormány id szakában 1932—1936. K. I / Sz. Réti György.* Budapest : Fischer kiadó, 2003, 516 o.
30. DDF. Paris : Impr. nationale, 1970. T. 5 : 13 novembre 1933 — 13 mars 1934. 970 p.
31. DDF. Paris : Impr. nationale, 1972. T. 6 : 13 mars — 26 juillet 1934. 1089 p.
32. ДВП. М. : Политиздат, 1971. Т. 17 : 1 января — 31 декабря 1934 г. 879 с.
33. *Колонтари Амтила.* Переговоры по установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и Венгерским Королевством в 1934 году // *Славяноведение.* 2010/1. С. 19—30.
34. *Hongrie.* Les relations avec URSS // *Le Temps.* 09.02.1934. № 26 461. P. 4.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2013 г.

Траян Санду

ВЛИЯНИЕ РОСТА ФАШИЗМА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ В СЕРЕДИНЕ 1930-х гг.

В статье рассматривается два аспекта феномена фашизма в 1930-е гг. Первый касается межгосударственных отношений, в рамках которых импульс внешнеполитической инициативы смещался от Италии к Германии на фоне растущей зависимости малых аграрных государств Центральной и балканской Европы от все более настойчивых авторитарных амбиций нацистской Германии. В идеологическом аспекте подчеркивается стремление Италии и Германии усилить вмешательство в жизнь центрально-европейских государств путем слияния близких Риму и Берлину профашистских движений с другими партиями правого спектра. Такая политика редко достигала успеха и не способствовала усилению влияния автохтонных фашистских движений, в то время как традиционные консервативные элиты стремились подавить и маргинализировать фашистские движения, особенно в период до начала Второй мировой войны.

Fascist phenomenon covers at least two aspects as far as international relations in the thirties are concerned. First are the inter-state relations with the slow shift of Fascist Italy from the occidental powers to Nazi Germany, as well as a growing polarization of the small agrarian countries from Eastern Europe by the autarchy politics of the second industrial world power, mainly after the remilitarization of the Rhineland in March 1936. But ideological dynamics adds a transnational convergence between far-right movements, Italy and mostly Germany trying to intervene on the inner political scenes of the Central European States in favor of the merging of the political right and thus acquiring a lever in these countries. Nevertheless, such policies were seldom successful and rarely benefitted to the main Fascist autochthonous movement, but rather to more obedient far right parties. Moreover, they had a contrary effect on the traditional conservative elites in charge with power, and the fascist defy often turned to harsh repress which marginalized them until the beginning of the war.

Ключевые слова: фашизм, ревизионизм, коллективная безопасность, фашистские движения.

Keywords: fascism, revisionism, collective security in Europe, fascists movements in Europe.

Самым затруднительным термином в названии статьи, очевидно, является «фашизм», который проявляется в двух случаях. Во-первых, если рассматривать фашизм только как идеологию радикального национализма и экстремизма во внутренней политике, жестокости внешней политики, различия одних стран от других в способности вести реалистичную политику, в том числе против другого фашистского государства, примером чего является сюжет итальянско-немецкой напряженности в отношении Италии в июле 1934 г.

Во-вторых, если мы станем рассматривать сходящиеся определения «фашизмов» в духе новых теорий тоталитаризма, выводящих генезис фашизма из транснационального духовного кризиса современности, как замещающую политическую религию (по Эмилио Жантилио) [1, 2], и надежд на революционную регенерацию, захватывающего индивидуума и социум для осуществления коллективного проекта (концепция палингенного ультранационализма Р. Гриффина [3, 4]). Таким образом, представляется, что не только состоявшиеся фашистские режимы, но также и фашистские движения в Центральной Европе, в Румынии, в Венгрии и в Хорватии создали новый вид этоса, который запрещал им вносить свой вклад в полный и окончательный неуспех «братского» режима или политического движения. Конечно, при таком подходе следует избегать утверждений о неизбежности формирования оси Рим — Берлин или, если выйти за рамки рассматриваемого периода, сотрудничества сторонников

жесткой линии во время финального кризиса европейского фашизма в 1944 г. Однако в 1930-е гг. конвергенция фашизма определяла взаимодействие «множественных фашизмов», которое следует принимать во внимание для реалистичного изучения истории международных отношений.

Таким образом, в статье будут проанализированы три подхода к теме. Первый подход: межгосударственные отношения, далее — влияние Германии и Италии на фашистские движения центральноевропейских стран (за исключением движений немецкого меньшинства в Центральной Европе) как фактора воздействия на внешнюю политику своих стран, и, наконец, геополитическое переопределение центральноевропейского пространства в этом быстром меняющемся международном контексте.

Фашизм в Европе как движущая сила быстрых стратегических реконфигураций. При рассмотрении фашизма с точки зрения международного конфликта поствестфальских государств именно Германия и Италия стремились к осуществлению ревизионистской программы, бывшей следствием их империалистического экспансионизма, активной политики вооружения, и провоцированию потрясений в международном порядке еще до прихода к власти А. Гитлера в Германии в январе 1933 г. В первой половине 1930-х гг. риск, а потом и реальность прихода Гитлера к власти вызывает сближение между Францией и СССР, которое далее переконфигурируется в альянсы между Парижем и странами Центрально-Восточной Европы, уменьшая эффект франко-немецкого примирения в Локарно и Итальянский фактор на Балканах, бывший проблемой конкуренции для французской дипломатии во второй половине 1920-х гг. [5, р. 87—121, 139—142; 6, р. 249—267; 7, р. 117—147; 8]. Эти изменения происходят в попытке интеграции данных стран оси «Париж — Москва». Однако в середине 1930-х гг. укрепление потенциала немецкой армии и ремилитаризация Рейна, изолировавшие страны Центральной Европы от Франции и Англии, сузили возможность дипломатического выбора для стран, расположенных между Германией и СССР.

После прихода Гитлера к власти Париж тщетно пытался привести центральноевропейских партнеров в антинемецкие комбинации. Три основных фактора предопределяли моделирование отношений между Францией и Центральной Европой. Первым фактором стало распространение экономического кризиса в Европе: аграрная Центральная Европа страдала от падения цен на сельскохозяйственную продукцию и нуждалась в возможности выйти на рынки более индустриализированных стран, где крестьяне могли продать свои излишки хлеба за справедливую цену; и только Германия была в этом заинтересована из соображений политической конъюнктуры, чтобы ослабить шансы на интеграцию Австрии в Содружество дунайских государств, над которым финансово доминировала Франция, чья экономика еще не вошла в состояние кризиса до конца 1931 г. [6, р. 361—400].

Второй фактор был определен динамичным ростом влияния фашизма в европейской политике, который угрожал Франции и странам Центральной Европы, где фашистские идеологии не стали мейнстримными и были слабо представлены в политической палитре. Германия оказывала давление на Францию в вопросе прав на ревооружение, а Италия продолжала поддерживать территориальные претензии Венгрии, что стало комплексным инструментом давления на Малую Антанту. Советский Союз занял промежуточное положение в новом витке дестабилизации в Европе, отказавшись от планов силовой ревизии западных границ, но вплоть до подписания лондонской Конвенции об определении агрессора в июле 1933 г. не признавая их неприкосновенность. Кризис и угроза ревизионизма в странах Центральной Европы привели к усилению правых авторитарных режимов, которые допускали возможность заигрывания с Римом, для смягчения опасности территориальных ревизий. Это идеологически отдаляло их от Парижа и нарушало единство подходов к проблеме безопасности.

Третьим фактором франко-центральноевропейских отношений был посыл перестроить конфигурацию безопасности так, чтобы заново интегрировать ослабевающую, радикализи-

рующуюся и подверженную фашистскому давлению Центральную Европу, страны которой в конечном итоге теряли доверие к Парижу.

Инициативы франко-центрально-европейской безопасности до прихода к власти Гитлера были отмечены увеличением участия Советского Союза. Рубеж 1932—1933 гг. был отмечен наибольшим ухудшением международной ситуации в регионе со времен 1919 г., поскольку усиление Германии принудило Францию вернуться к поиску новых путей обеспечения безопасности. Бухарест заставил Кэ д'Орсэ задержать подписание Пакта о ненападении с Москвой до конца ноября 1932 г., когда было уже слишком поздно адекватно реагировать на давление со стороны западных держав на начавшееся перевооружение побежденных (*Gleichberechtigung* декабря 1932 г.¹). Титулеску, представляя всю Малую Антанту, аналогично пригрозил Кэ д'Орсэ в апреле 1933 г. совершить переориентацию этого блока на нацистскую Германию, если Франция будет настаивать на поддержке проекта Муссолини по созданию проревизионистского Пакта четырех (в составе Великобритании, Франции, Италии и Германии), по которому дуче рассчитывал укрепить позиции фюрера в обновленном концерте европейских держав, а Англия и Франция вознаграждали Рим в Центральной и Балканской Европе за добрую волю в отношении к вовлечению гитлеровской Германии в архитектуру европейской безопасности (6, р. 431—440). Этот последний франко-центрально-европейский кризис ставил СССР перед необходимостью уступить в бессарабском вопросе, чтобы избежать изоляции, которой ему угрожал вышеупомянутый пакт. Так, СССР и Румыния подписали Конвенцию об определении агрессора в июле 1933 г. в Лондоне, что означало обращение Титулеску к новой модели безопасности, которая стала намечаться с февраля 1933 г., как конкурент проекта Пакта четырех и была основана на принципе обратных связей: Москва заменяла место Франции и становилась краеугольным камнем блока, которые Польша и Малая Антанта так и не смогли сформировать еще с 1919 г.

С 1933 г. вплоть до ремилитаризации Рейна в марте 1936 г. ось Париж — Москва в Центральной Европе несла постоянную тень фашизма — либо со стороны Италии, которая продолжала искать союза с Францией, планируя создать конкуренцию линии Париж — Москва, либо со стороны Германии, которая находилась под пристальным наблюдением всех европейских держав. В новой дипломатической и военной конфигурации только Румыния могла обеспечить геостратегическую непрерывность (через Чехословакию) франко-советского военного союза против Германии, который Варшава отвергала, главным образом из договора с Берлином от января 1934 г. [9, р. 154, 156, 157; 10, р. 115—119]. Умело действуя, немецкий ревизионизм осторожно проявлял себя по отношению к трансильванскому вопросу, позволяя развиваться проблемам, которые возникали впоследствии интегрирования хунгарофильской Италии во французскую систему безопасности — с одной стороны, и дебатам о проходе советских войск через Буковину и Бессарабию — с другой, что также осложнялось территориальным спором с СССР, памятью о русской оккупации XIX в., Первой мировой войне и риском революционного мессианизма большевистской России [11].

Трансформация системы безопасности в 1930-е гг. была затруднена следующей несовместимостью: оживление союза с Польшей не могло работать в сближении участников оси Париж — Москва. Советско-французский союз наносил ущерб румынско-чехословацкому союзу, ориентированному против Венгрии, так как Польша пыталась ангажировать Будапешт

¹ После того как в июле 1932 г. Германия, потребовав «равенства в вооружениях», заявила о своем отказе участвовать в дальнейшей работе Женевской конференции по разоружению, подготовительная работа к которой началась еще в декабре 1925 г., министр рейхсвера К. фон Шляйхер добился от четырех держав (Англия, Франция, США, Италия) подписания 11 декабря 1932 г. декларации о признании принципа равноправия Германии в вопросе о вооружениях («равноправие в рамках системы безопасности, одинаковой для всех стран») (*прим. переводчика*).

и Софию для создания антисоветского кордона от стран Прибалтики до Болгарии, разрезая этим два других региональных союза, ведомых Румынией: Малую Антанту, направленную против Венгрии и Болгарии, и Балканский пакт, заключенный в феврале 1934 г. и обращенный против Болгарии. Югославия также подрывала ось Париж — Москва и Малую Антанту своей враждебностью по отношению к СССР, она разрушила Балканскую Антанту сближением с Софией и осложняла политику Франции симпатией по отношению к Германии.

Признание Советского Союза странами Малой Антанты 9 июня 1934 г. вбило клин в отношения между участниками Балканской Антанты. В более широком масштабе разделение в рамках этой региональной организации являлось попыткой сохранить нейтралитет в условиях поляризации сил на европейской сцене. Это означало, что время маленьких требовательных «клиентов» еще не завершилось: центральноевропейские страны должны были искать способ лучше адаптироваться к возобновившимся конфликтам между Лондоном, Парижем, Берлином и Москвой.

К примеру, Малая Антанта, и особенно Югославия, с удовлетворением приняла заверения Геринга, что Берлин не поддерживает венгерский ирредентизм [10, р. 161]; это было благоприятно для межрегионального соглашения, представленного на конференции Малой Антанты и Балканской Антанты, состоявшейся в Белграде в октябре 1934 г. [12, D. n°334 d'Ormesson du 1er novembre 1934, Z Roumanie 179, f. 43, 44]. Берлину ничего не стоило сделать подобное заявление, раз Италия поддержала венгерский ирредентизм, одновременно выступив против аншлюса Австрии в июле 1934 г. и приняв участие в союзе, заключенном во время конференции в Стресе в апреле 1935 г. с Францией и Великобританией против Германии (фронт Стрезы). Берлин подтолкнул Варшаву скомпрометировать себя перед Бухарестом улучшением отношений с Будапештом, так как сближение Румынии с СССР ослабило старый польско-румынский союз [12, D. n°224 d'Ormesson du 3 septembre 1934, Z Roumanie 179, f. 12—16]. Авторитарные Польша во главе с полковником Ю. Бекем и Венгрия под руководством Г. Гёмбёша приветствовали сближение Берлина и Рима после напряженности в вопросе аншлюса Австрии, надеясь «разомкнуть тиски» советско-французских союзов с центральноевропейскими странами.

Частичная реабилитация Германии на международной арене подтолкнула Румынию и Югославию продемонстрировать Франции их недоверие к Италии, поскольку после убийства адепта сохранения мира в Европе — французского министра иностранных дел Л. Барту хорватскими уставами в Марселе, курс нового министра П. Лаваля склонялся к ослаблению обязательств по договору с Москвой в пользу заключения нового договора с Римом.

Реакция Берлина заключалась в наращивании путей проникновения в билатеральные отношения третьих стран, создавая параллельные дипломатические комбинации. В марте Гитлер восстановил обязательную военную службу, и фронт Стрезы обязал французов и англичан оказать поддержку ревизионизму Италии, направленного против сближения Германии и Румынии. Уступки Германии приняли ограниченную форму соглашения о преференциальных условиях торговли в июне 1935 г., став частью автаркического проекта Германии, нуждающейся в дешевом румынском хлебе. Эта уступка была компенсирована предшествующей румынской интеграцией в рамках франко-советской оси. Так, советско-чехословацкий Договор 16 мая 1935 г. наряду с франко-советским 2 мая 1935 г. предполагали советско-румынские переговоры о проходе советских войск. И все же Титулеску хотел дипломатично согласовать нюанс о Бессарабии до подписания, а Литвинов не был готов выйти за рамки уступок, заключенных в ноте об установлении дипломатических отношений в июне 1934 г. [12, D. n°265 de Charles Alphand, ambassadeur à Moscou, du 30 juin 1935, Z Roumanie 196, f. 144].

Полемика с Польшей, регулярно посещаемой Герингом, ожесточалась на протяжении всего конца 1935 г. Польский посланник в Бухаресте, реакционер М. Арцишевский, сообщил 19 октября начальнику генерального штаба Румынии генералу Н. Самсоновичу, что

Польша не согласилась бы на переход советских войск через Румынию, а вскоре и что генеральный инспектор польской армии генерал Э. Рыдз-Смигла ему угрожал 24 октября разрывом польско-румынского союза, заключенного еще в 1921 г. [13, р. 124—126].

В период с октября 1935 г. по март 1936 г. торможение румынско-советского сближения складывалось синергически. Титулеску просил у Франции разъяснений касательно ратификации Парижем договора с Советским Союзом [12, D. n°451 d'Ormesson du 16 novembre 1935, Z Roumanie 196, f. 188—190]. Он пытался заставить Францию связать себя обязательствами содействовать эвакуации советских войск после оказания военной помощи Чехословакии. Это положение существовало в советско-чехословацком Договоре и Бухарест желал получить от Парижа дополнительную страховку на случай возможного дележа сфер влияния в Центральной Европе между Францией и СССР после победы над Германией [10, р. 185].

Другая неоднозначность румынской дипломатии заключалась в улучшении отношений с Польшей. Эта уступка Титулеску по отношению к правым партиям требует определенного пояснения: «Он считает, что Румыния, сохраняя достигнутое соглашение с Россией, должна приблизиться к блоку Германии и Польши и искать согласия с ними таким образом, чтобы от этого получать гарантии, в которых она нуждается, в случае возможных конфликтов в Восточной Европе. В случае расширения конфликта на другие территории положение было бы совершенно другим, так как Румыния может только оставаться верной договорам, которые связывают ее с Малой Антантой», — писал Титулеску из Гааги 2 декабря 1935 г. [12, D. n°623 du ministre à La Haye du 2 décembre 1935, Z Roumanie 179, f. 238, 239].

Эта попытка равноудаления и проведения противоречивой стратегической линии, стремящейся одновременно поддерживать берлинско-варшавский и француско-советский векторы, казалась настолько бессвязной, что потенциальным противником Румынии в случае возможной локальной войны оказывалась бы Москва, которая была бы главным союзником Бухареста в случае глобальной европейской войны.

Начавшаяся в октябре 1935 г. итапо-эфиопская война ослабила западный фронт Стрезы, а также Лигу Наций, которая пыталась поддержать франко-советское сотрудничество, с тех пор как Германия там была заменена Советским Союзом. В начале 1936 г. Франция испытала значительное охлаждение отношений с Англией и Италией, одновременно ослабло и взаимодействие с СССР. Этот нестабильный момент был выгоден для Германии, чтобы безнаказанно поставить мир перед актом насилия, осуществив ремилитаризацию Рейнской области в марте 1936 г. Отсутствие реакции Парижа вызвало разочарование Москвы, Чехословакии и Румынии [10, р. 158]. Ремилитаризация помешала Франции занять Рейн и сконцентрировать силы там, чтобы развернуть наступление на Германию в то время как с востока должны были начать наступление советские и чехословацкие войска. Восточные союзники Франции оказались оставлены один на один с Германией, в то время как Франция сосредоточилась на укреплении своих оборонных мощностей на линии Мажино.

В этой ситуации советско-румынские двусторонние переговоры по вопросу пропуска советских войск не имели более смысла. Тем не менее 21 июля Титулеску парафировал с Литвиновым в Монтре текст, который включал возможность прохождения советских войск по территории Румынии, но их эвакуацию по просьбе правительства Румынии и особенно осуществления этого пункта при единственном условии, что Франция непосредственно вступит в войну. Литвинов не был согласен с этой последней оговоркой, тем не менее содержащейся в второй статье Договора [15, р. 152—154]. Подписание парафированного текста должно было состояться в сентябре, но 29 августа Титулеску был отправлен в отставку [16].

Влияние транснациональных фашистских сетей на дипломатию в Центральной Европе. В ходе переговорного процесса, предшествующего акту насильной ремилитаризации Рейна, влияние Берлина и Рима на европейские движения правой направленности способствовало формированию общественного мнения, что именно эти движения могут взять на себя мобилизи-

рующую роль в обществе. Однако в странах, где традиционные политические элиты еще сохраняли рычаги формирования внешней политики, влияние фашистских движений создавало соперничество с классическими правыми партиями, которые собственно и формировали систему власти и управления. Рим и Берлин же часто делали ставку именно на последних, особенно на этапах до начала Второй Мировой войны.

Пока немецко-итальянская доминанта в Центральной Европе еще не сложилась в ось «Рим — Берлин», влияние фашизма распространялось в странах региона посредством механизмов внутривластной борьбы. Интриги Берлина и Рима состояли в том, чтобы содействовать консолидации правых партий в странах региона и не допустить политической изоляции местных фашистских партий. В реальности оказалось достаточно сложно манипулировать претендующими на автономию и массовую репрезентативность радикальными политическими движениями, которые, выступая «от имени всего народа», просто не могли компрометировать себя, подчиняясь «пожеланиям» каких бы то ни было иностранных опекунов.

Например, румынская фашистская Железная гвардия, сохраняя независимость от фашистских моделей Италии и Германии, не скрывала связи с немецким антисемитизмом, на что указывал один из ее лидеров Ион Моца в Монтре 16—17 декабря 1934 г. на учредительном съезде «Комитетов действия за универсальность опыта Рима» (КАУР) — международной организации, созданной Б. Муссолини для объединения различных европейских политических движений, поддерживающих модель итальянского фашизма. Итальянские фашисты дистанцировались от Железной гвардии по двум причинам: итальянская политика была гораздо более провенгерской, чем, например, немецкая, и в то же время не была столь же антисемитской. Так как нацистская Германия не была представлена на съезде в Монтре, Моца плодотворно использовал антисемитскую риторику, чтобы привлечь внимание Берлина. Немцы не были в ладах с итальянцами со времен австрийского кризиса июля 1934 г., и Моца таким образом подверг критике итальянскую модель, недружественную к немецкому антисемитизму [17, р. 74—78]. Второй аспект ориентации Железной гвардии на Берлин сформировался как раз после этой оказанной услуги. Иону Моце пришлось оправдаться перед своими немецкими покровителями за отказ легионеров Железной гвардии выполнять рекомендацию Гитлера о примирении с другими правыми партиями и движениями для реализации общего проекта фашистской революции и радикального вооруженного массового движения против режима румынского королевства [17, р. 50].

Специалист по истории итало-румынских отношений середины 1930-х гг. Франческо Гида отмечал аналогичную незаинтересованность Рима по отношению к Железной гвардии: «Я думаю, мы должны подчеркнуть ключевую причину разрыва правительства Муссолини с праворадикальными движениями в Европе, особенно в Румынии. Он выступал в качестве главы правительства и в качестве представителя национальных интересов в геополитике и экономике, и фашистское движение со временем потеряло ту разрушительную и маргинальную силу, которая возникла накануне марша на Рим в 1922 г. и сохранялась в последующий за этим период [...]. Фашизму никогда не удалось бы трансформироваться в идеальный тоталитаризм так, чтобы он потерял типичный заряд палингенетических радикальных режимов правого типа, как, в сущности, и левого также» [18, р. 82, 83].

Очевидный выбор в пользу оси Берлин — Рим определился после ремилитаризации Рейнской области и казавшейся неизбежности подписания советско-румынского договора. Корнелиу Кодряну, лидер Железной гвардии, выступил с критикой румынской дипломатии, находящейся в «очень хилых руках Титулеску»; сближение с Россией подвергалось беспрецедентному осуждению безотносительно важности для Бухареста антиревизионистской политики оси Париж — Москва и конкуренции великих держав. Тон заявления Кодреану, содержащий угрозы по отношению к самому королю, который также надеялся с помощью

дипломатических маневров сблизиться с Германией, говорит скорее о желании лидера Железной гвардии воспользоваться изменением сил на европейской дипломатической карте, чтобы переориентировать Румынию на ось Рим — Берлин, которая была близка идейно [19, р. 74, 75]. Таким образом, внешняя политика стала мощной силой на внутренней арене.

Легионеры, желающие сближения с Берлином, создавали препятствия для подписания советско-румынского соглашения, в то время как практически все румынские правые партии и так относились к этой политике с недоверием. Король Кароль II, узурпировавший внешнюю политику после отставки Н. Титулеску, высказался в своем дневнике 30 марта 1937 г.: «Для нас СССР по-прежнему является слабым местом. Все, начиная с меня, и за исключением нескольких национал-царанистов и Титулеску, категорически против слишком тесного сближения с ним. Но при таком раскладе мы хотя бы можем рассчитывать на определенное спокойствие в отношении с СССР, если не на дружбу. Если, как это желают некоторые, мы приблизимся к Германии и Италии, положение по отношению к СССР становится ненадежным, и наши другие союзы также» [20, р. 160, 161]. Когда Титулеску огласил отсутствие какого-либо соглашения с Советским Союзом в декабре 1935 г., он вызвал одобрение широкого политического спектра — от правоцентристских аграриев-царанистов до правых националистических партий [12, D. n°313 d'Ormesson du 13 décembre 1935, Z Roumanie 196, f. 191].

На момент ремилитаризации Рейнской области Венгрия еще находилась в эпохе Гилья Гёмбёша, пытавшегося установить тоталитарный режим без привлечения массовой партии, которая могла бы позволить навязать его в структурах власти и получить поддержку в традиционалистски ориентированной социальной среде венгерской аристократии, находящейся в союзе с крупной еврейской буржуазией, которую защищал режим М. Хорти. Как отмечает эксперт в данном вопросе Й. Воньо, во-первых, аналогично другим фашистским лидерам, Гёмбёш всегда заявлял о своей независимости взглядов в попытке тоталитарной организации венгерского государства: «Гёмбёш — хотя он открыто признал Муссолини в качестве образца — все же неоднократно протестовал против сравнений себя с ним. Он часто настаивал, что его политика не подражала иностранным моделям, что она родилась на венгерской земле; и он проводит свою собственную политику» [21, р. 66, 67; 22]. Как и в Румынии, сопротивление традиционно правых партий помешало Гёмбёшу реализовать планы. После его смерти в октябре 1936 г., Ференц Салаши и организация «Скрещенные стрелы» стали доминировать в борьбе за власть и плотнее использовали связи с двумя основными фашистскими державами, создававшими ось Рим — Берлин. Воньо отмечает: «Без детального сравнения мы можем говорить о родстве взглядов Гёмбёша с другими праворадикальными диктатурами. [...] Самая большая разница в том, что большинство идей Гёмбёша остались на уровне проекта, в то время как Муссолини и Гитлер реализовали свои тоталитарные режимы. Мы видим причину провала Гёмбёша в масштабном сопротивлении венгерского общества. Наиболее значительное сопротивление оказывали сами государственные органы» [21, р. 66, 67].

Представляет интерес случай лидера экстерриториального движения хорватских усташей Анте Павелича, который был преследуем югославской властью, строившей последовательные связи с Римом и с другими авторитарными правительствами и движениями.

Как справедливо утверждает современный специалист по истории усташского движения Александр Корб, «усташам так и не удалось достигнуть масштабов массового движения» [23, р. 163; 24]. И поэтому успех убийства короля Югославии Александра Карагеоргиевича и Луи Барту в Марселе в октябре 1934 г. был также пирровой победой, которая заставила усташей скрываться в подполье еще в течение семи лет: «Убийством короля Александра в Марселе в 1934 году усташа добились известности, однако их пространство для дипломатического и политического маневра оказалось кардинально сужено, поскольку власти Югославии обрушили жесткие репрессии на это движение. Легальная активность усташей была запрещена,

в том числе в Третьем Рейхе и Италии, где усташские беглецы были переправлены на остров Липари, традиционное место ссылки. Деятельность усташей за границей свелась только к их базам в Северной и Южной Америке» [23, р. 161, 162].

Геополитическое переопределение Центральной Европы. Подход к рассмотрению периода 1933—1937 гг. заключается в изучении организации безопасности в пространстве Восток — Запад, поскольку ось Париж — Москва казалась универсальным способом укрепить мир под эгидой Лиги Наций, или же, по более проницательному определению, заложенному в плане Барту, системой коллективной безопасности, как союз, основанный на натянутых отношениях между странами, желающими сохранить свои границы перед лицом восстановленной мощи Германии в центре Европы и ее итальянской тени на Балканах.

Начавшаяся в середине 1930-х гг. кардинальная переориентация центральноевропейских государств изменила геополитическую ситуацию в регионе, для раскрытия которой нужно обратиться к анализу связей по типу «центр — периферия». Эти новые стратегические направления имеют большое влияние на геополитическое определение Центральной и Восточной Европы, будучи включенными в типы зональных систем, которые следовали друг за другом с конца Первой Мировой войны:

Французская попытка единоличного господства над Центральной Европой в 1919—1922 гг.: это классическая конфигурация, где Румыния играет роль смычки между оборонительным флангом по отношению к России (польско-румынский союз 1921 г.) и наступательным флангом в Центральной Европе (имея общие границы с Польшей и Чехословакией, враждебно настроенными по отношению друг к другу). Скорый провал этой модели уступает место эре кондоминиумов, где Франция выбирает — или обязывается — разделять влияние с одной или множеством других Великих держав.

«Конфликтные кондоминиумы» свидетельствуют о постепенном уходе Парижа после 1922 г. от курирования вопросов безопасности, в сочетании со стремлением по-прежнему контролировать страны Центральной и Юго-Восточной Европы, которые пытались включить в свои антифранцузские союзы другие Великие державы: так, конкуренцию Парижу в 1923 г. пыталась составить Англия, затем в период 1926—1928 гг. возникло соперничество с Италией, в 1929 г. Париж испытал ревность по отношению к СССР, ангажировавшему центральноевропейские страны подписать протокол Литвинова об отказе войны как средства политики, в период 1931—1933 гг. вес в регионе начала набирать сама Германия.

«Признанные кондоминиумы» представляли собой раздел сфер влияния между Францией и дружественными ей державами, заинтересовать которые Париж пытался, используя фактор общей угрозы, и стремясь создать цепь граничащих друг с другом союзных государств: так было в 1925 г. в отношении Италии, в обмен на ее участие в рейнском гарантийном пакте, но эта попытка была прервана по причине эксклюзивизма и недоверия Муссолини; в 1933 г., Кэ д'Орсэ повторил маневр с дуче под видом Пакта четырех, который потерпел неудачу в пользу румыно-чехословацкого моста, подкрепленного союзом с СССР, который предпочел его окружению франко-итальянского союза, подписанного несколькими месяцами раньше.

Многополярная система последней трети 1930-х гг., в которой доминирующей становится самый мощный и самый быстрорастущий европейский центр, Германия, и ее южный партнер, Италия. Поэтому стремление сохранить нейтралитет, определявшее внешнюю политику Румынии с 1934 г., также уступило вмешательству других факторов центральноевропейской геополитики. К несчастью для малых европейских стран, они оказались на оси большого континентального набора, на оси Москва — Варшава — Берлин — Париж — Лондон.

Перевод с французского языка старшего преподавателя кафедры истории южных и западных славян БГУ В. В. Репина

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Gentile Emilio*. Qu'est-ce que le fascisme? Histoire et interprétation. Paris : Gallimard, 2002. 528 p.
2. *Gentile Emilio*. La religion fasciste. Paris : Perrin, 2002. 354 p.
3. *Griffin Roger*. Modernism and Fascism. London : Palgrave Macmillan, 2007. 352 p.
4. *Griffin Roger*. The Nature of Fascism. London : Pinter, 1991. 249 p.
5. *Duroselle Jean-Baptiste*. Politique étrangère de la France. La décadence, 1932—1939. Paris : Seuil, 1983. 568 p.
6. *Sandu Traian*. Le système de sécurité français en Europe centre-orientale, l'exemple roumain (1919 à 1933). Paris : L'Harmattan, 1999. 495 p.
7. Aristide Briand, la Société des Nations et l'Europe, 1919—1932. Strasbourg : Presses Universitaires de Strasbourg, 2007. 542 p.
8. *Burgwyn James H.* La sfida di Mussolini alle grandi potenze nei Balcani e sul Danubio, 1925—1933. Milano : Feltrinelli, 1979. 298 p.
9. *Hiden John*. Germany and Europe 1919—1939. London and New York : Longman, 1993 (2nd edition). 227 p.
10. *Bloch Charles*. Le III^e Reich et le monde. Paris : Imprimerie nationale, 1986. 545 p.
11. *Sandu Traian*. La Roumanie sur l'axe Paris Moscou, 1933—1937 : sécurité européenne et coopération militaire // Sécurité et coopération militaire en Europe, 1919—1955 / ed. Bonneville-de Gayffier, Anne-Claire. Paris : L'Harmattan, Cahiers d'Histoire de Saint Cyr-Coëtquidan, n°1, 2004. P. 249—267.
12. Archives du ministère des Affaires étrangères français, série Z Europe, sous-série Roumanie ; exemple : volume 171, folio 199—205, télégramme n°83—88 du ministre de France d'Ormesson au ministre français des Affaires étrangères Louis Barthou du 22 février 1934 (далее: T. n°83—88 d'Ormesson du 22 février 1934, Z Roumanie 171, f. 199—205).
13. *Talpeș Ioan*. Diplomație și apărare, 1933—1939. Bucarest : Ed. științifică și pedagogică, 1988, 355 p.
14. *Duroselle Jean-Baptiste*. Histoire diplomatique de 1919 à nos jours, 10^e édition. Paris : Dalloz, 1990. 962 p.
15. *Titulescu Nicolae*. Documente confidențiale / Publiés par Grecescu, Ion. Bucarest : Ed. Academiei, 1992. 175 p.
16. Chiper, Ioan et Constantiniu, Florin. Din nou despre cauzele înlăturării din guvern a lui Nicolae Titulescu, la 29 august 1936 (Retour sur la mise à l'écart du gouvernement de Nicolae Titulescu le 29 août 1936) // Revista Română de relații internaționale, n°6, 1969. P. 37—53.
17. *Motza Ion*. Corrispondenza col Welt-Dienst [1934—1936], Parma, All'insegna del Veltro, 1996; nous utilisons ici la traduction roumaine : Corespondența cu Welt-Dienst. München : Ed. «Ion Mării», 2000, 95 p.
18. *Guida Francesco*. La droite radicale roumaine et l'Italie dans les années 1930 // La Périphérie du fascisme, spécification d'un modèle fasciste au sein de sociétés agraires ; le cas de l'Europe centrale entre les deux guerres / Catherine Horel, Traian Sandu et Fritz Taubert. Paris : L'Harmattan, coll. Cahiers de la Nouvelle Europe, 2006. P. 79—90.
19. *Codreanu Corneliu Zelea*. Circulări și manifeste 1927—1938 [Circulaires et manifestes, 1927—1938], 5^e édition, München : coll. Europa, 1981. 294 p.
20. Carol II. Între datorie și pasiune, însemnări zilnice, 1904—1939 (Entre devoir et passion, journal, 1904—1939), Bucarest : Ed. Silex, 1995. 546 p.
21. *Vonyó József*. Tentative de l'organisation totale de la société hongroise sous le gouvernement de Gyula Gömbös // La Périphérie du fascisme, ... op. cit. P. 57—67.
22. *Fornaro Pasquale*. Due aspetti della svolta autoritaria tra le due guerre : fascismo e horthysmo // Italia e Ungheria dagli anni trenta agli anni ottanta / dirigé par Péter Sárközy. Budapest : Universitas, 1998. P. 39—57.
23. *Korb Alexander*. Le fascisme de l'Oustacha // La Périphérie du fascisme. P. 159—175.
24. *Korb Alexander*. Im Schatten des Weltkriegs : Massengewalt der Ustaša gegen Serben, Juden und Roma in Kroatien 1941—1945. Hamburg : Hamburger Edition HIS, 2013. 510 p.

А. И. Буча

ПРИЗНАНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИЕЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В 1934 г. В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ИДЕИ «ВОСТОЧНОГО ПАКТА»

Статья сфокусирована на советско-чехословацких отношениях в контексте реализации идеи «Восточного Локарно». Показана роль Парижа в сближении Парижа и Москвы. Определено влияние польско-германского сближения на потепление отношений между ЧСР и СССР. Выявлено, что процесс нормализации был затянут в связи с наличием советско-румынских вопросов по поводу Бессарабии.

The article is focused on Czechoslovak-Soviet relations in the context of the realization of «Eastern Locarno». The role of Paris in the process of closer relations between Paris and Moscow is revealed. The influence of Polish-German improvement of relations on contact harmonization between Czechoslovakia and the USSR is defined. It turns out that the process of normalization was dragged out due to Soviet-Romanian conflict about Bessarabia.

Ключевые слова: Чехословацко-советские отношения, Малая Антанта, «Восточный пакт», Эдвард Бенеш, Луи Барту, Максим Литвинов.

Keywords: Czechoslovak-Soviet relations, Little Entente, «Eastern pact», Edvard Beneš, Louis Barthou, Maxim Litvinov.

Чехословакия (ЧСР) признала Советский Союз лишь в 1934 г., т. е. после 16 лет существования советского государства. В чем же причины столь запоздалого признания? В данной статье будет сделана попытка найти ответ на этот непростой вопрос.

Чехословацко-советские отношения в 1920-е — начале 1930-х гг. Заинтересованной стороной в советско-чехословацких отношениях выступал Кремль, который стремился вырваться из изоляции и возвратиться в европейскую политику. Прага, постоянно заявляя о необходимости юридического признания СССР, не делала конкретных шагов на пути к нормализации отношений с Москвой. В условиях прочности версальской системы и политического могущества одного из ее создателей — Франции — Чехословакия чувствовала себя отлично.

ЧСР являлась центральным звеном Малой Антанты — антиревизионистского (по сути антивенгерского) военно-политического альянса профранцузской ориентации, призванного сохранять статус-кво в Центральной и Юго-Восточной Европе. Однако Прага все же не видела Европу без российского присутствия. Еще в 1922 г. глава чехословацкого МИД Эдвард Бенеш высказал мысль о том, что в будущем должна оформиться политическая конфигурация, включающая Францию, Малую Антанту и Россию. Правда, он имел в виду «завтрашнюю», т. е. постбольшевистскую Россию [3, р. 697—700]. Вероятно, чехословацкие политики не разыгрывали «русскую карту», что могло привести к ухудшению отношений с Парижем.

В меньшей степени Чехословакия ориентировалась на Великобританию. Последняя ради ограничения французского влияния в Европе была склонна идти на компромисс с проигравшими в Первой мировой войне государствами, что противоречило интересам молодого центральноевропейского государства. Кроме того, Прага возлагала большие надежды на Лигу Наций, в работе которой принимала активное участие. Франко-чехословацкий союз был закреплен в 1924 г. подписанием в Париже двустороннего договора. Во время переговоров о заключении данного договора поднимался и «русский вопрос». Так, в начале 1923 г. Бенеш передал французам позицию президента ЧСР Томаша Гаррига Масарика, по мнению кото-

Буча Андрей Иванович — доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин ГУО «Институт пограничной службы Республики Беларусь», кандидат исторических наук. Email: buchaandrei@yandex.by

рого чехословацко-французский союз должен включать место и для России. Чехословацкий лидер не видел свою страну врагом России (большевистской либо другой) [5, р. 21–24]. Новый франко-чехословацкий пакт (о взаимных гарантиях) был подписан в 1925 г. в Локарно. Французы тем самым подтвердили верность своему прежнему политическому курсу в Центральной Европе и успокоили Прагу, которая достаточно нервно отреагировала на Рейский гарантийный пакт.

В начале июня 1922 г. Чехословакия признала советское правительство де-факто (был заключен временный договор). Однако на протяжении 1920-х гг. это не привело ни к значительному расширению экономических, ни к полной нормализации двусторонних отношений. Подписание временного договора между ЧСР и РСФСР вызвало критику в Париже. Французам не понравилось, что во временном договоре было закреплено обязательство по нейтралитету (сохранение нейтралитета в конфликте с третьей стороной) [4, р. 105, 106]. Отвечая на критику, Бенеш заверил своих французских коллег, что если Россия нападет на Румынию, то Прага будет освобождена от обязательств и предоставит Бухаресту помощь (передача вооружений и транзит) [4, р. 140, 141].

Наиболее благоприятная ситуация для нормализации чехословацко-советских отношений сложилась в 1924 г. (полоса юридического признания СССР). Однако инициатива чехословацкого МИД натолкнулась на противодействие влиятельной внутриполитической силы — национально-демократической партии Чехословакии, возглавляемой прежним чехословацким премьер-министром Карелом Крамаржем, противником любых разговоров с большевиками [7, s. 13]. Также закончились неудачей советско-чехословацкие переговоры, имевшие место в 1926 и 1928 г. Кроме антисоветской позиции аграрной и национально-демократической партий Чехословакии нормализацию отношений с СССР тормозило отсутствие единства Малой Антанты (прежде всего позиция Румынии) в данном вопросе [7, s. 13]. Во многом опасения Праги и ее нежелание форсировать переговорный процесс были обусловлены «фактором Рапалло».

Первоначально политическая элита ЧСР была уверена в скором падении советской власти, затем развивала мысль об эволюционировании большевистского режима вправо. Москва же, через полпредство в Праге и структуры Коминтерна, экспортировала в ЧСР идеи мировой революции и социализма. Безусловно, идеологические разногласия наносили ощутимый вред советско-чехословацкому диалогу.

Болевой точкой двусторонних отношений являлась проблема русской эмиграции. Одной из вероятных целей Праги в «русской акции» была поддержка контрсоветских элит, которые могли вернуться к власти в России при падении власти большевиков. По масштабам поддержки, оказанной эмигрантам из бывшей Российской империи, с Чехословакией не могло сравниться ни одно европейское государство. До 1934 г. советское представительство в Праге регулярно направляло в МИД ЧСР ноты с протестом против поддержки официальными властями антисоветски настроенной русской эмиграции.

Проблемным моментом в отношениях между ЧСР и СССР являлся и так называемый «вопрос о претензиях». Прага настаивала на компенсации и возвращении собственности чехов и словаков, национализированной большевиками после октября 1917 г. Москва же, со своей стороны, выдвигала контрпретензии, требуя возвращения ей так называемого «легионерского золота», захваченного частями чехословацкого корпуса в 1918 г. [14, с. 85].

В 1920-е гг. Прага, заинтересованная в новых рынках сбыта, стремилась к налаживанию тесного экономического сотрудничества с Москвой. Главной задачей Чернинского дворца стало заключение торгового договора с СССР. Кремль же постоянно подчеркивал прямую зависимость между подписанием торгового договора и установлением дипломатических отношений. В 1929 г. возможность нормализации отношений между ЧСР и СССР еще более усложнилась, так как в этом году Малая Антанта приняла решение о том, что ни один из ее

членов не признает СССР де-юре без одобрения другими участниками данного блока [6, р. 679—682]. Наличие острых советско-румынских противоречий ставило вопрос о будущем юридическом признании СССР странами Малой Антанты в прямую зависимость от разрешения «бессарабской проблемы». Не стал прологом советско-чехословацкого сближения и визит в Москву в августе 1931 г. одного из лидеров партии национальных социалистов ЧСР, членами которой были Масарик и Бенеш, Йозефа Шебы. Отношения двух стран продолжали оставаться напряженными и сложными. Начало следующего, 1932 г., ознаменовалось новым обострением чехословацко-советских отношений (дело Карла Ванека) [15, с. 55].

Изменения геополитической ситуации в Европе в начале 1930-х гг., вызванные последствиями экономического кризиса, сделали версальскую систему менее устойчивой. Рост ревизионизма в Европе, приход Гитлера к власти, уступчивость Англии и Франции нанесли значительный удар по позициям Чехословакии. Односторонняя ориентация на Францию была не в состоянии обеспечить независимость Чехословакии и оградить её от германского и венгерского реваншизма. Прагматичный и опытный Эдвард Бенеш прекрасно понимал, что для его страны жизненно важным становится вопрос поиска новых союзников.

Начало предметных советско-чехословацких переговоров по вопросу нормализации отношений (конец декабря 1932 г. — февраль 1934 г.). 1932 год ознаменовался началом глубокой перестройки европейской политики СССР, что привело к подписанию пактов о ненападении с Францией, Польшей, Финляндией, Латвией и Эстонией. Значительная активность советской дипломатии на европейской политической сцене в 1932 г. никоим образом не изменила характер двусторонних советско-чехословацких отношений, которые продолжали находиться в состоянии «летаргического сна». Что касается Чехословакии, то она в 1932 г. первоочередное внимание уделила сплочению Малой Антанты. В декабре 1932 г. Эдвард Бенеш предложил своим коллегам из Румынии и Югославии создать постоянный орган Малой Антанты, который усилил бы сотрудничество между членами данного союза [8, с. 120]. Чехословацкая инициатива явилась своеобразной защитной реакцией на озвученную ранее Бенито Муссолини идею создания Пакта четырех, а также на подписание СССР пактов о ненападении с Польшей и Францией [6, р. 298, 299].

Инициатива шефа чехословацкого внешнеполитического ведомства была воспринята положительно. 16 февраля 1933 г. Эдвард Бенеш, Николае Титулеску и Боголюб Ефтич подписали в Женеве Организационный пакт Малой Антанты, в соответствии с которым принятие какого-либо политического решения одним из членов Малой Антанты требовало единогласия всего альянса [1, с. 199]. В Париже весьма негативно отреагировали на сплочение Малой Антанты. Так, на Ке д'Орсэ рекомендовали странам Малой Антанты в будущем вести переговоры с Австрией и Венгрией на индивидуальной, а не коллективной основе и отказаться от амбиций выступления единым политическим организмом [6, р. 831, 832].

Попытка укрепления Малой Антанты вызвала обеспокоенность и у Москвы, основополагающим принципом политики которой было предотвращение образования единого блока капиталистических государств [15, с. 64]. Иницируя подписание Организационного пакта, Бенеш надеялся, что новая конструкция Малой Антанты увеличит для Праги шансы подписания договора с Польшей, который бы создал реальный противовес росту германского влияния в центральном европейском регионе. Встречаясь в феврале 1933 г. с министром иностранных дел Польши Юзефом Беком, Бенеш предложил полякам заключить пакт «вечной дружбы». Однако Варшава категорически проигнорировала пражское предложение [2, с. 20; 8, с. 121]. Вместо этого Польша, понимая пагубность односторонней ориентации на Францию, выбрала иной путь и в мае 1933 г. начала постепенное сближение с Германией.

Провал чехословацко-польского сближения все более склонял Прагу в сторону Москвы, которая, со своей стороны, также обеспокоенная возможностью появления «европейского концерта четырех», была заинтересована в укреплении своих позиций в Центральной Евро-

пе. В конце 1932 г. Москва через свое полпредство в ЧСР начала переговоры о правовом статусе торгпредства в Праге. Чехословацкая сторона была весьма заинтересована в расширении экономических связей с СССР и выступала за заключение торгового договора. Кремль же, ввиду наличия активного сальдо в двусторонней торговле, всячески затягивал переговорный процесс по согласованию условий заключения торгового договора [15, с. 59—61]. СССР в первую очередь интересовал вопрос возобновления дипломатических отношений.

В январе 1933 г. по инициативе Бенеша, который в данном случае представлял в том числе и Малую Антанту, Чехословакия и СССР снова сели за стол переговоров. Бенеш, беседуя 16 января 1933 г. с советскими коллегами в Праге, отметил, что в случае подписания пакта о ненападении между Румынией и СССР Бухарест, а после и Прага, незамедлительно признают Советское государство де-юре. Бенеш также поинтересовался у советского полпреда А. Аросеева, готова ли Москва пойти на уступки в ее формулировке по бессарабскому вопросу. Тот ответил, что советская позиция и так достаточно уступчива [13, с. 540].

В начале марта 1933 г. Бенеш еще раз заверил Аросеева о намерении Малой Антанты подписать с СССР пакт о ненападении и установить нормальные дипломатические отношения [13, с. 542, 543]. Бенеш возлагал большие надежды на Советский Союз и был убежден в необходимости использования Кремля как «замиряющего фактора» в центральноевропейском регионе. Однако 18 марта 1933 г. Бенеш, «в виду невозможности для Румынии принять формулу Кадер», вынужден был сообщить полпреду СССР во Франции В. Довгалеvскому об окончании переговоров [13, с. 547].

Таким образом, румыно-советские разногласия вокруг Бессарабии, а именно неизменное требование Москвы, чтобы в пакте о ненападении между СССР и Румынией обязательно были упомянуты советские притязания на Бессарабию, воспрепятствовали подписанию весной 1933 г. пакта о ненападении между СССР и странами Малой Антанты [15, с. 65]. По независящим от Праги причинам вопрос о нормализации советско-чехословацких отношений был очередной раз отсрочен. Кроме того, были приостановлены и переговоры о заключении торгового договора между ЧСР и СССР, так как Москва отказывалась до юридического признания заключать торговый договор с Прагой.

В июне 1933 г. на Лондонской экономической конференции Бенеш снова предложил СССР в лице наркома иностранных дел М. М. Литвинова заключить пакт с Малой Антантой о ненападении. Литвинов соглашался подписать пакт о ненападении лишь «при условии включения в него известной оговорки о наличии спорных вопросов (намек на Бессарабию. — А. Б.), а также в случае одновременного возобновления дипломатических отношений со всеми тремя странами» [12, с. 351, 352, 355—357]. Выход из ситуации был найден в принятии румынского предложения «ограничиться подписанием протокола об определении нападающей стороны» между СССР и странами Малой Антанты [15, с. 66]. 4 июля 1933 г. СССР и страны Малой Антанты подписали конвенцию об определении агрессии [13, с. 553]. Подписание Лондонской конвенции положительно оценили в Париже. Министр иностранных дел Франции Жозеф Поль-Бонкур 6 июля 1933 г. передал Литвинову, что Париж приветствует сближение Москвы с Малой Антантой и выразил готовность содействовать признанию Малой Антантой СССР [12, с. 416, 417]. О наибольшей заинтересованности Праги, в сравнении со своими коллегами по альянсу, в потеплении отношений с Москвой свидетельствует то, что Масарик ратифицировал конвенцию об определении агрессии на 1,5 месяца раньше, чем румыны и на 4,5 месяца — чем югославы.

В целом в 1933 г. чехословацкий истеблишмент благоприятно относился к идее юридического признания Советского Союза. Встречаясь в ноябре 1933 г. с Довгалеvским, Бенеш подчеркнул, что «в Чехословакии вопрос назрел настолько, что возобновление отношений не представляет серьезных трудностей», а также заявил, что внесет на ближайшем заседании Малой Антанты вопрос о нормализации отношений с СССР [13, с. 565].

Очевидно, что в деле склонения Румынии и Югославии «к признанию Советов» политической воли одного Бенеша было явно недостаточно. Единственным государством, способным повлиять на партнеров Чехословакии по Малой Антанте, являлась Франция, которая все более склонялась к розыгрышу «русской карты». На помощь французам в восстановлении отношений между СССР и Малой Антантой надеялись и в Москве [12, с. 554, 555].

В декабре 1933 г. Бенеш отправился на переговоры в Париж. На Ке д'Орсэ подчеркнули необходимость продолжения сближения ЧСР и всей Малой Антанты с Советским Союзом. Кроме того, Поль-Бонкур, отмечая необходимость построения сильного политического объединения для поддержания мира в Европе, просил Прагу быть готовой к «всевозможному развитию событий в следующем году» [1, с. 209, 210].

От Загреба к Женеве (январь — июнь 1934 г.): установление дипломатических отношений между Чехословакией и Советским Союзом. Курс на признание СССР был взят на Загребской конференции Малой Антанты, которая проходила 22—23 января 1934 г. На данном форуме постоянный совет Малой Антанты постановил, что наступил благоприятный момент для нормализации отношений с СССР. Однако Бенеш не питал особых иллюзий относительно того, что признание произойдет скоро [1, с. 210, 211]. Тем временем ЧСР продолжала стремительно терять свои позиции в Центральной Европе. Серьезными ударами для Праги стали заключение польско-германской декларации о неиспользовании силы (26 января 1934 г.), а также подписание Италией, Австрией и Венгрией Римских протоколов (17 марта 1934 г.). Неблагоприятное развитие международной ситуации все более склоняло Град в сторону Москвы.

Бенеш, понимая важность возвращения России в Центральную Европу, старался ускорить процесс сближения Советского Союза с Малой Антантой. 11 апреля 1934 г. в Женеве прошли очередные переговоры министров иностранных дел Чехословакии и Румынии [13, с. 588]. После встречи с Титулеску, уже возвратившись из Женевы, Бенеш заявил, что в связи с тяжелым положением в Румынии (конфликт офицеров с королем Каролом II) нельзя ожидать, что вопрос о признании Советов де-юре странами Малой Антанты будет решен в скором времени [13, с. 589]. В тот момент Прага была не готова к одностороннему признанию Советов, так как имела обязательства в рамках Малой Антанты и действительно дорожила этим союзом, в котором считала себя лидером.

В Праге понимали, что вопрос нормализации отношений между Малой Антантой и СССР во многом зависит от состояния франко-советских отношений. Поэтому в Чернинском дворце с особым вниманием следили за развитием контактов между Парижем и Москвой. В апреле 1934 г. Бенеш заявил, что «государству, которое находится к югу от Германии, не остается ничего, кроме как договориться с Германией или с двумя ее соседями — Францией и Россией, если нет возможности договориться с Польшей» [14, с. 84].

Советско-французское сближение началось в 1932 г. подписанием пакта о ненападении между двумя государствами. В конце 1933 г. Советский Союз принял предложение Франции об организации в Европе безопасности путем заключения соглашения о взаимной помощи, а во второй половине апреля 1934 г. между Москвой и Парижем начались предметные переговоры по поводу выработки и согласования проекта Восточного пакта (региональное соглашение с участием СССР, дополненное франко-советским пактом о взаимопомощи). В Чернинском дворце ухватились за французскую инициативу как за спасательный круг.

Предварительным условием участия в Восточном Локарно являлась нормализация отношений с СССР. Поэтому Чехословакия всячески «подгоняла» своих партнеров по Малой Антанте к юридическому признанию страны Советов. Однако Югославия и Румыния не спешили с признанием. Титулеску намеревался использовать очередной раунд переговоров с Москвой для того, чтобы добиться от кремлевских политиков отказа от претензий на Бессарабию [8, с. 126]. Рассчитывать на конструктивную позицию Белграда в вопросе нормализации отношений с СССР, по причине наметившегося югославо-германского сближения (зак-

лючение торгового договора между двумя странами в мае 1934 г.) приходилось еще меньше [8, s. 127]. Таким образом, среди государств Малой Антанты наметились серьезные разногласия, что проявилось в различном отношении к вопросу о юридическом признании СССР.

При отсутствии общей границы между СССР и Германией участие Польши и Чехословакии в новой системе взаимопомощи являлось условием возобновления франко-русского союза и лучшим залогом его действенности. Поэтому в конце апреля 1934 г. глава французского внешнеполитического ведомства Луи Барту с целью зондажа позиций совершил поездку в Варшаву и Прагу. Поляки отрицательно отнеслись к французскому проекту, а чехи, наоборот, полностью поддержали Восточный пакт [8, s. 125, 126; 9, p. 347—351].

После отказа поляков поддержка Чехословакией планов Франции и СССР приобретала чрезвычайно важное значение. 31 мая 1934 г. Прага официально заявила, что целиком принимает Восточный пакт и готова участвовать в нем даже в случае отрицательного отношения со стороны Германии [10, с. 156]. По мере разработки проекта Восточного Локарно становилось очевидным, что более медлить со взаимным признанием ни для Чехословакии, ни для СССР было нельзя. Удобным случаем для встреч представителей всех государств, заинтересованных в Восточном пакте, а главным образом для встречи Барту с Литвиновым, были заседания конференции по разоружению, происходившие в мае — начале июня 1934 г. в Женеве.

Во время пребывания в Женеве представители Франции и СССР неоднократно встречались с представителями стран Малой Антанты. Так, после 7-часовых переговоров с представителями Чехословакии, Румынии и Югославии, которые имели место 7 июня 1934 г., М. М. Литвинов оценил позицию Бенеша и Титулеску по вопросу нормализации отношений с СССР «как весьма лояльную» [13, с. 593]. На следующий день, беседуя с Литвиновым с глазу на глаз, Бенеш заявил, что он «хочет быть с СССР также интимным, как с Францией» [13, с. 592]. В тот же день, 8 июня 1934 г., Бенеш обратился к Титулеску с письменным заявлением, в котором, ссылаясь на переговоры о Восточном пакте, указывал, что «чехословацкое правительство не может более откладывать нормализацию отношений с Россией» и «при любых условиях урегулирует этот вопрос во время пребывания в Женеве» [11, с. 329].

9 июня 1934 г. постоянный совет Малой Антанты дал согласие на признание СССР де-юре его членами поодиночке. Титулеску в качестве председателя Малой Антанты сообщил о данном решении Литвинову в письменном порядке. В тот же день Литвинов и Бенеш обменялись письмами и нотами об установлении дипломатических отношений [11, с. 329]. В аналогичной с ЧСР форме, 9 июня 1934 г., признала СССР и Румыния. Белград же отсрочил нормализацию отношений с Москвой на неопределенный срок. Бенеш считал, что в результате подписания Восточного пакта в Европе наступит новое равновесие. Чехословацкий политик рассуждал следующим образом: «Франция не должна будет при каждом своем конфликте с Германией являться перед лицом двух арбитров — Англии и Италии, — которые всегда толкают ее на компромисс. Наряду с Малой Антантой, наряду со ставшими самостоятельными Балканами (Балканской Антантой. — А. Б.), Франция будет иметь еще и Россию, с которой можно договориться и маневрировать» [1, s. 222].

Глава МИД ЧСР учитывал и возможность провала Восточного пакта. В таком случае, по его мнению, сближение с Советским Союзом необходимо продолжить, так как участие Москвы в европейской политике выгодно Чехословакии и будет способствовать укреплению ее позиций в Центральной Европе [1, s. 221—224]. Закономерным результатом наметившегося советско-чехословацкого сближения стало заключение Договора о взаимопомощи между Чехословакией и СССР (16 мая 1935 г.).

Выводы. Во-первых, главной задачей чехословацкого МИД в межвоенный период являлось сохранение статус-кво в Европе. Когда, благодаря действиям реваншистски настроенных государств, благополучие и стабильность Праги были поставлены под угрозу, Бенеш решился на нормализацию отношений с СССР. Причем Чехословакия рассматривала юри-

дическое признание Советов исключительно как шаг, способствующий поддержанию версальского миропорядка. Во-вторых, советско-чехословацкой нормализации во многом способствовал польский фактор. Несомненно, признание между ЧСР и СССР было ускорено польско-германским сближением. Прага и Москва могли более всего дружить против Варшавы, с которой и у первых, и у вторых имелись территориальные споры (Тешинская Силезия и Западная Украина с Западной Беларусью соответственно). В-третьих, огромную роль в сближении Праги и Москвы сыграла Франция. Прага была значительно вовлечена в фарватер французской внешней политики. Более того, можно говорить о существовании прямой зависимости между советско-французскими и советско-чехословацкими отношениями. Неслучайно урегулирование дипломатических отношений между ЧСР и СССР совпало с франко-советскими переговорами о Восточном пакте. В-четвертых, Прага могла установить дипломатические отношения с СССР как минимум на полтора года ранее (весной 1933 г.). Процесс нормализации был затянут в связи с наличием советско-румынских противоречий по поводу Бессарабии. Признание Чехословакией Советского Союза в одностороннем порядке, без санкции Бухареста и Белграда, привело бы к падению престижа Малой Антанты. Пойти на такой шаг Бенеш не решился, так как сильно дорожил политическим союзом с Румынией и Югославией.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Beneš E. Cirkulární telegramy, 1920—1935. Praha : Společnost Edvarda Beneše, 2002. 277 s.
2. Dejíněk J. Československo, jeho sousedé a velmoci ve XX století (1918 až 1992): vybrané kapitoly z dějin československé zahraniční politiky. Praha : Centrum pro ekonomiku a politiku, 2002. 384 s.
3. Documents diplomatiques français. 1920—1932. 1922, Tome I, 1er janvier-30 juin / Rédigé par Christian Baeschler. Bruxelles ; Bern ; Berlin : PIE-P. Lang, 2007. 838 p.
4. Documents diplomatiques français. 1920—1932. 1922, Tome II, 1er juillet-31 décembre / Rédigé par Anne Hogenhuis-Seliverstoff. Bruxelles ; Bern ; Berlin : PIE-P. Lang, 2008. 659 p.
5. Documents diplomatiques français. 1920—1932. 1923, Tome II, 1er juillet-31 décembre / Rédigé par Anne Hogenhuis-Seliverstoff. Bruxelles ; Bern ; Berlin : PIE-P. Lang, 2013. 823 p.
6. Documents diplomatiques français. 1932—1939. 1re série, 1932—1935. Tome 2, 15 novembre 1932 — 17 mars 1933. Paris : Impr. Nationale, 1966. 876 p.
7. Kvaček R. Nad Evropou zataženo: Československo a Evropa, 1933—1937. Praha : Svoboda, 1966. 450 s.
8. Sládek Z. Malá dohoda 1918—1938. Jej hospodářské, politické a vojenské komponenty. Praha : Karolinum, 2000. 298 s.
9. Wandycz P. S. The Twilight of French Eastern Alliances, 1926—1936: French-Czechoslovak-Polish Relations from Locarno to the Remilitarization of the Rhineland. Princeton N. J.: Princeton University Press, 1988. 560 p.
10. Борьба СССР за коллективную безопасность в Европе в 1933—1935 гг. // Международная жизнь. 1963. № 6. С. 149—159.
11. Внешняя политика Чехословакии, 1918—1939 гг. / под ред. В. Сояка; пер. с чешского М. Хазанова и Н. Сорокина. М. : Изд-во иностр. лит., 1959. 660 с.
12. Документы внешней политики СССР / редкол. : Ф. П. Доля [и др.]. М. : Политиздат, 1970. Т. 16: 1 января — 31 декабря 1933 г. 920 с.
13. Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений / отв. ред. : П. Н. Поспелов (советская часть) и В. Краль (чехосл. часть). М. : Наука, 1977. Т. 2: Август 1922 г. — июнь 1934 г. 636 с.
14. Кен О. Чехословакия в политике Москвы (1932—1936) // Россия XXI. 1996. № 11—12. С. 82—112.
15. Кен О. Чехословакия в политике Москвы (1932—1936) // Россия XXI. 1996. № 7—8. С. 52—71.

Статья поступила в редакцию 10 сентября 2013 г.

ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ И ИСТОРИОГРАФИЯ





ВЯЛІКАЕ Ў МАЛЫМ, АЛЬБО КРЫНІЦАЗНАЎЧЫЯ АСПЕКТЫ РЭЦЭНЗІЙ У. І. ПІЧЭТЫ (1907—1929 гг.)

Падвергнуты аналізу шматлікія рэцэнзіі крыніцазнаўчага характару, апублікаваныя гісторыкам, першым рэктарам Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта У. І. Пічэтам у навуковых выданнях і прэсе Расіі, БССР і СССР на працягу двух перыядаў яго творчай дзейнасці — дарэвалюцыйнага і «рэктарскага». Гэта дазволіла не толькі ўдакладніць напрамкі даследчых інтарэсаў вучонага напярэдадні і ў гады Першай сусветнай вайны, у першыя паслярэвалюцыйныя гады і ў перыяд разгортвання «беларускага адраджэння», але і на новай інфармацыйнай базе ацаніць глыбіню і маштабнасць Пічэты-гісторыка. Адначасова, праз даследаванні гэтай «малой» формы навуковай спадчыны выдатнага гісторыка, стала магчымым паказаць яго шчырае жаданне шляхам навуковага асэнсавання ўнесці свой уклад у вырашэнне самых актуальных на тыя гады грамадска-палітычных пытанняў («украінскага», «польскага», «беларускага», «яўрэйскага»), даць ацэнку прычын і наступстваў імперскага характару расійскай гісторыі.

In the following paper, numerous, source related reviews published by the historian V. Picheta, the first Rector of the Belarusian State University, in scientific journals and media in Russia, BSSR and USSR during the pre-revolutionary phase and while being rector are analyzed. It made possible not only to specify his research interests before and during the First World War, during the first years after the revolution as well as during the «Belarusian Revival», but also to estimate the intensity and profoundness of Picheta's historical writing. Besides, the analysis of this short writing form in this remarkable historian's scientific heritage enabled to show his genuine desire to contribute to the solution of the most urgent social and political issues at that times, i.e. «the Ukrainian issue», «the Polish issue», «the Belarusian issue», «the Jewish issue» through their scientific understanding and to esteem the reasons and consequences of the imperial character of the Russian history.

Ключавыя словы: гістарычная крыніца, рэцэнзаванне, навуковы круггляд, публікацыі дакументаў, архіўная справа, «украінскае», «польскае», «беларускае», «яўрэйскае» пытанні.

Keywords: historical source, reviewing, research scope, document publishing, archiving, Ukrainian issue, Polish issue, Belarusian issue, Jewish issue.

Закаторы раз дакранаючыся да творчай спадчыны выдатнага гісторыка, першага рэктара Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта Уладзіміра Іванавіча Пічэты, неабходна канстатаваць надзвычай шырокае кола яго навуковых інтарэсаў. І сярод шматлікіх прац па расійскай, беларускай, украінскай, агульнаславянскай гісторыі, па гістарыяграфіі самых розных кірункаў і перыядаў знайшлося месца для ўдумлівага, глыбокага, крытычнага аналізу гісторыкам розных бакоў тых крыніц, якія ён сам выкарыстоўваў у сваіх даследах і на якіх

* Стаття выполнена в рамках подпрограммы научных исследований на 2011—2015 гг. «История и культура» ГПНИ «История, культура, общество и государство».

засноўвалі свае даследаванні яго калегі. У апошнім выпадку, калі праглядаеш толькі спіс прац У. І. Пічэты, кідаетца ў вочы тое, што ён з самага пачатку сваёй навуковай дзейнасці ўзяў за правіла рэгулярна звяртацца якраз да вызначэння даставернасці выскоў тых прац калег, якія яго цікавілі ў рэчышчы асабістых распрацовак той ці іншай праблемы. І што адметна: з самага пачатку ўключэння ў інтэлектуальную сферу малады навуковец не палыхаўся выносіць свае разважанні і ацэнкі на суд аўтараў, працы якіх ён аналізаваў пад крыніцзнаўчым вуглом гледжання, а таксама для ацэнкі ўсіх зацікаўленых у аб'ектыўнасці спазнання гістарычнага мінулага ўсходніх славян, усяго славянскага свету. А калі прыйшла сталасць і быў завабаны аўтарытэт, то падобныя характарыстыкі творчасці У. І. Пічэты толькі ўзмацніліся.

У дадзеным выпадку засяродзімся на разглядзе крыніцзнаўчых аспектаў навуковых рэцэнзій, якія У. І. Пічэта рэгулярна друкаваў у розных выданнях. Гэтыя рэцэнзіі можна падзяліць на дзве часткі: у адным выпадку даваўся аналіз крыніц, якія выкарыстоўваў той ці іншы аўтар у сваёй працы па дакладнай праблеме, для сцвярджэння навуковай вартасці праведзенага ім даследавання; у другім жа — выключная ўвага была звернута на саму крыніцу, на карэктнасць іх збораў у тым ці іншым выданні. Калі проста падлічыць падобныя працы рознага аб'ёму і рознай глыбіні, якія Уладзімір Іванавіч змог надрукаваць, то толькі за два перыяды яго навуковай дзейнасці (а гэта, умоўна, — дарэвалюцыйны і «рэктарскі») свет пабачылі некалькі дзесяткаў рэцэнзій крыніцзнаўчага характару.

Сёння пакуль што няма больш сістэмнага і дасведчанага выдання бібліяграфіі прац У. І. Пічэты, чым тое, што яшчэ ў 1978 г. змаглі надрукаваць гісторыкі і бібліёграфы БДУ [1]. Маецца таксама некалькі варыянтаў бібліяграфічнага спіса, якія складалі вучні і калегі з гістфака МДУ. Ва ўсіх варыянтах творчы час дзейнасці Уладзіміра Іванавіча пазначаны 1903—1947 гг. і рэалізаваны праз амаль што 500 рознага кшталту прац. Потым пералік быў прадоўжаны да 1978 г.: ён завяршаецца нумарам 515. Зразумела, на сённяшні дзень гэта няпоўная бібліяграфія вучонага: ужо ў азначаных спісах маюцца пэўныя недакладнасці, а даследчыкі творчасці У. І. Пічэты не раз спасылаліся і на іншыя яго працы, і на тыя матэрыялы, якія знаходзяцца ў рукапісах у яго асабістым фондзе № 1548 архіва РАН. Але калі кіравацца толькі бібліяграфічным указальнікам, выдадзеным у БДУ, можна ў цэлым асэнсаваць маштабнасць, навуковы круггляд і дасведчанасць у розных кірунках гістарычнай праблематыкі неардынарнага даследчыка.

У рэчышчы тэмы ўзнікла жаданне больш дэталёва разгледзець навуковую спадчыну У. І. Пічэты з пункта гледжання яго крыніцзнаўчай зацікаўленасці. Таму ёсць сэнс распавесці і пра Пічэту-архівіста, і Пічэту-краязнаўца, і вытанчанага знаўцу самых розных крыніц па расійскай, украінскай, а перш за ўсё беларускай гісторыі. Нават не гаворачы пра яго дасведчанасць у крыніцах па гісторыі славянскага свету ўвогуле. Але гэта тэма для вялікай і карпатлівай працы. Засяродзім увагу на разглядзе толькі крыніцзнаўчых аспектаў рэцэнзій, якія Уладзімір Іванавіч з выдавочнай рэгулярнай зададзенасцю друкаваў спачатку ў выданнях імперскага, а потым савецкага часу. Тут неабходна акцэнтаваць увагу на тым, што 1929 год стаў для яго не толькі рубяжом жыццёвых выпрабаванняў, але і нейкім пэўным «рубіконам» у творчасці. Тыя ж рэцэнзіі да гэтага часу друкаваліся амаль штогод. Ужо з 1903 г. малады даследчык стаў выступаць з артыкуламі, дзе спрабаваў даць характарыстыку дакументаў, якія ўмоўна можна аднесці да «екатэрынослаўскай старіны», бо яны на той час былі «пад рукой» выпускніка Маскоўскага ўніверсітэта, накіраванага на выкладчыцкую працу ў гэтыя мясціны. Але толькі ў 1907 г. з'явілася першая невялікая рэцэнзія Пічэты на конт навуковай вартасці выдання дакументаў па палітычнай гісторыі Расіі: запісак удзельнікаў знакамітага, але і на пачатак XX ст. замоўчанага ў навуцы і ў грамадстве царазбойства Паўла І. Праз год была напісана рэцэнзія на вельмі падобны па сэнсе зборнік дакументаў аб падзеях 1762 г., калі быў скінуты з прастола і забіты імператар Пётр III, бацька

Паўла І. Такая зацікаўленасць і складальнікаў абодвух зборнікаў крыніц, і Пічэты-рэцэнзента была праяўленнем новых абставін у дзейнасці гісторыкаў — першая расійская рэвалюцыя хоць і не змагла звергнуць царызм, але адчыніла дзверы для гэтага ў бліжэйшым будучым. У тым ліку і за кошт аб'ектыўнага і пацверджанага дакладнымі крыніцамі асэнсавання расійскага мінулага.

Спачатку Уладзімір Іванавіч на старонках часопіса «Критическое обозрѣние» адгукнуўся на выданне «Цареубійство 11 марта 1801 г. Записки участников и современников», якое выйшла ў выдавецтве Суворына [2, с. 52, 53]. Рэцэнзент адразу папракнуў складальнікаў зборніка за няздольнасць належным чынам прадставіць чытачу сэнс і характар крыніц, хаця адзначыў пэўную эксклюзіўнасць дакументаў. Было выказана здзіўленне спробай ананімнага аўтара ўводзін ажыццявіць услед за некаторымі даследчыкамі «реабилитацию личности и правления Павла I». І што самае дрэннае — спроба выбраць з крыніц тыя звесткі, якія «говорят в пользу» імператара, і ігнараваць іншыя. Тым не менш, на думку У. І. Пічэты, у рэшце рэшт пазбавіцца ад даказальнасці крыніц складальніку не ўдалося. Гэта адлюстравалі высновы ўводзін: маўляў, калі манарх «не опирается на свободный и сознательный народ», а кіруе «при помощи интриги», то ён «гибнет» [2, с. 54]. Такім чынам, Уладзімір Іванавіч не палічыў неабходным самому звярнуцца хаця б да кароткага агляду надрукаваных крыніц, а засяродзіўся на папроках у аднас аўтара ўводзін.

Зусім іншы падыход ён прадэманстраваў у рэцэнзіі, надрукаванай у тым жа часопісе «Критическое обозрѣние», на маскоўскае выданне 1908 г. зборніка дакументаў «Переворотъ 1762 г. Сочинения и переписка участниковъ и современниковъ» [3, с. 48—50]. Спачатку была звернута ўвага на тое, што складальнікі «заглавием наобещали очень много, а дали маловато». Пасля У. І. Пічэта каратка, але па магчымасці даказальна даў характарыстыку найбольш важных, на яго думку, крыніц, якія ўвайшлі ў зборнік (пісьмы Кацярыны II да С. Панятоўскага, звергнутага імператара Пятра III, А. Арлова і інш.), але асаблівае значэнне надаў сведчанням сакратара французскага пасольства пры царскім двары Рюльера. Аб іх распавядаецца амаль на 1/3 аб'ёму рэцэнзіі з канчатковай дастаткова жорсткай высновай: зборнік карысны, але не ўтрымлівае важных сведчанняў, якія маглі б даць чытачу адказ на пытанне «как отнеслись современники к перевороту?» [3, с. 50]. Відавочна, што ў абедзвюх сваіх рэцэнзіях захоплены бягучымі грамадскімі працэсамі малады гісторык імкнуўся спалучыць асэнсаванне дакументальнага суправаджэння «лэсавызначальных» мінулых і сучасных яму падзей.

З гэтага часу і да 1913 г. Уладзімір Іванавіч стане актыўным распрацоўшчыкам дакладных праблем расійскай гісторыі, адным з твораў шматтомнікаў аб падзеях 1812 г., 300-гадовага праўлення ў Расіі дынастыі Раманавых, гісторыі Масквы і Масковіі, Смуты і інш. А зварот да рэцэнзавання будзе амаль што толькі ў сувязі з публікацыямі найбольш цікавых для яго прац, напісаных аўтарытэтнымі на той час гісторыкамі: Р. Р. Пісарэўскім — аб «замежнай каланізацыі» ў Расіі XVIII ст. па невядомых архіўных дакументах; прадстаўніком польскай гістарычнай школы Уладзіславам Грабеньскім (Смаленьскім) — аўтарам папулярнай гісторыі Польшчы, надрукаванай у 1910 г. на рускай мове; прафесарам рускай гісторыі Юр'еўскага ўніверсітэта І. І. Лаппо — аб некаторых старонках гісторыі ВКЛ і інш. І толькі ў 1913 г. ён у пяці нумарах новага расійскага навуковага выдання — часопіса «Голос Минувшаго» — нібы раптам надрукуе аж 7 рэцэнзій, сярод якіх змесціцца і адна крыніцазнаўчага кшталту. Чамусьці гісторыка, які ўжо два гады пасля свайго па-грамадзянску смелага сыходу з Маскоўскага імператарскага ўніверсітэта перабіваўся амаль што выпадковымі заробкамі, зацікавіла перапіска «высочайших особ» [4, с. 287, 288]. Мабыць, перапоўнены эмацыянальнымі ўспрыняццямі рэчаіснасці У. І. Пічэта не знойдзе ніводнай пазітыўнай ноткі для характарыстыкі і самога выдання, і змешчаных у ім крыніц: «Переписка не представляет ни малейшего исторического значения. Это обыкновенные шаблонные светские письма <...> О России нет даже упоминания» [4, с. 287].

У гады Першай сусветнай вайны кола навуковых пошукаў Уладзіміра Іванавіча пашырылася. Таму і яго ўсё больш уважлівыя адносіны да тэм па расійскай, украінскай, беларускай, славянскай гісторыі суправаджаліся азнаямленнем з літаратурнымі навінкамі, сярод якіх друкавалася шмат зборнікаў крыніц. Але крыніцазнаўчы аналіз штотраз даваўся рэцэнзентам-Пічэтам і ў сувязі з разглядам дакладных навуковых прац калег. Напрыклад, такая навуковая пазіцыя яскрава бачна ў рэцэнзіях на доследы па гісторыі Сербіі, Балгарыі, Украіны і інш., аб чым аўтар распавядаў на канферэнцыі ў Бярдзянску [5, с. 104—108]. 1123

Вылучаюцца невялікія падсумаванні У. І. Пічэты аб навуковай вартасці крыніц па украінскай гісторыі, што падаваліся ім у часопісе «Украинская жизнь». Спачатку, у 1914 г., ён у цэлым разгледзеў найбольш цікавыя і каштоўныя для навукі крыніцы па гісторыі Украіны, якія былі выяўлены даследчыкамі за апошні час [6, с. 106—108]. Распавяданне пра іх рэцэнзент пачаў з кароткай анатацыі аб новым выпуску дакументаў, падрыхтаваным так добра вядомай яму Екацярынаслаўскай архіўнай камісіяй. Гісторык звярнуў увагу чытача на каштоўнасць дакументаў аб каланізацыі ўрадам Кацярыны II уладанняў запарожскіх казакаў, якіх імператрыца імкнулася зрабіць «надёжнымі гражданами» і пазбавіцца ад іх «дикости и своенравия» [6, с. 106]. Падобныя заўвагі Уладзімір Іванавіч затым прадоўжыў аналізам навуковага суправаджэння некаторых навейшых прац па украінскай гісторыі і нават не ўтрымаўся папракнуць «почтенного изследователя» Д. І. Эварніцкага, які ў сваім таленавіта напісаным вялікім артыкуле аб П. Канашэвічу-Сагайдачным падмяніў метады навуковага даследавання «восторгом» у адносінах да асобы і дзейнасці гетмана [6, с. 107]. Такая ж крытычная пазіцыя была выказана і пры характарыстыцы зборніка крыніц аб нямецкіх калоніях XIX ст. на Палтаўшчыне. Але ў дадзеным выпадку рэцэнзент не проста абмежаваўся адмоўнай рэплікай, а стаў падрабязна, на падставе сваёй навуковай кампетэнтнасці, распавядаць аб сутнасці каланізацыі, яе выніках для краю, чаго так не хапала абгрунтаваннем складальніка зборніка, які, на думку У. І. Пічэты, не змог належным чынам прадставіць сэнс і маштабнасць гэтага працэсу.

Праз год Уладзімір Іванавіч зноў звярнуўся да навуковай вартасці матэрыялаў, якія мелі непасрэдныя адносіны да украінскай гісторыі [7, с. 169, 170; 8, с. 101—104]. Ён разгледзіў адну з глаў вядомай працы «проектёра» пятоўскага часу Фёдора Салтыкова «Изъясления, прибыточные государству». Зразумела, што гэтая глава датычылася непасрэдна гісторыі Украіны — «О содержании Украины Черкасской». Для пачатку XX ст. погляды і прапановы 200-гадовай даўнасці сталі каштоўнай крыніцай, якая ва ўмовах абстрагнення сацыяльнага напружання дазваляла па-новаму ўсвядоміць першапрычыны эвалюцыі ўрадавай палітыкі і інтарэсаў расійскага дваранства ў дачыненні «плодоносных полей Украины». Пры гэтым У. І. Пічэта наўмысна засяродзіўся на прадстаўленні прапаноў Салтыкова аб неабходнасці правядзення паступовай, але настойлівай русіфікацыі, бо толькі яна нібы магла пазбавіць абодва народы «от разорения и убытков», а ўкраінскі — дык яшчэ і ад «измен» [8, с. 103, 104]. Якраз на гэтым і акцэнтую ўвагу рэцэнзент. Уважлівасць да праблематыкі «ўкраінскага пытання» бачная і ў праведзеным аналізе наказаў украінскіх гарадоў 1767 г. Для гэтага прадстаўлення крыніц Уладзіміру Іванавічу спатрэбілася двойчы запар выступіць на старонках «Украинской жизни» з вялікімі артыкуламі [9, с. 43—54; 10, с. 77—100]. Адначасова рэцэнзаваўся чарговы зборнік імператарскага Гістарычнага Таварыства (т. 144 за 1914 г.) таксама з пункта гледжання перш за ўсё матэрыялаў па украінскай гісторыі — надрукаваных у зборніку ўсё тых жа «наказаў», але не толькі Маларасійскай, а і Варонежскай і Белгарадскай губерній. Гэтыя крыніцы былі расцэнены як аднабаковыя ў палітычным сэнсе («наказы 1767 г. не есть свободное выражение мнѣній украинского народа»), але ўсё ж «первостепенной важности» на падставе таго, што ўтрымлівалі рознабаковыя звесткі эканамічнага кшталту [11, с. 99, 100].

Пад вуглом крыніцазнаўчай вартасці ў дачыненні перш за ўсё украінскай гісторыі У. І. Пічэта прарэцэнзаваў кнігу вядомага знаўца гісторыі Левабярэжнай Украіны і публікатара крыніц

па ўкраінскай гісторыі Міколы Васіленкі «Очерки по истории Западной Руси и Украины», пабачыўшай свет у кіеўскім выдавецтве [12, с. 160–162], а таксама кнігу Аляксандра Краскоўскага (выхадныя даныя ў часопісе даюць прозвішча «Красоўскі». — А. Я.) «Борьба против унии в Западной России и единство русского народа в 1648—1668 гг. Историческое исследование». Гэта віцебскае выданне, якое спачатку пабачыла свет у «Полоцких епархиальных ведомостях», У. І. Пічэта літаральна растружыў як ілжэнавуковае, бо аўтар не прадставіў ні новых крыніц, ні слушных высноў. Свае жорсткія ацэнкі рэцэнзент зрабіў на падставе асабістага разумення палітычнай і рэлігійнай сітуацыі ва Украіне [13, с. 100–102]. Такі падыход, магчыма, праявіўся ў сувязі з тым, што У. І. Пічэта быў асабліва ўважлівы да матэрыялаў, якія так ці інакш былі звязаны з Віцебскам і згаданымі епархіяльнымі ведамасцямі: як-ніjak, а там прайшлі яго першыя асэнсаваныя дзіцячыя гады, калі беларускі этнограф М. Я. Нікіфароўскі прывіў хлопцу з Палтаўшчыны любоў да Беларусі, а царкоўны часопіс з лістапада 1888 г. па верасень 1890 г. рэдагаваў яго бацька [14, с. 166; 15, с. 314].

Дарэчы, аб навуковай каштоўнасці працы Краскоўскага ва ўспрыняцці сучасных беларускіх гісторыкаў цяжка даведацца, калі паспрабаваць звярнуцца да іх спецыяльных манаграфій аб уніяцтве, у якіх, між тым, пазіцыя па гэтай вострай праблеме самога У. І. Пічэты пазначаецца «супярэчлівай» [16, с. 13, 17]. Аднак нават у згаданай невялікай рэцэнзіі яна, гэтая пазіцыя, выказана яшчэ ў 1915 г. дастаткова дакладна. Гаворачы пра адназначнае «сочувствие» Краскоўскага барацьбе праваслаўных з уніятамі, якую той разумеў толькі як барацьбу «за единую вѣру народность», У. І. Пічэта падмеціў, што той «мало ее понимает». Як мала разумею прычыны няўдач на гэтым кірунку ўнутранай палітыкі расійскага ўрада [13, с. 101]. А чаго каштуе яго сцвярджэнне аб неабходнасці мець «историческое чутьё, умение ориентироваться в исторической обстановке», не імкнуча «бросать никаких упреков в исторической работе», а карыстацца шырокім колам крыніц і валодаць гістарыяграфічным круглядамі. Так, у апошнім выпадку Уладзімір Іванавіч проста кінуў рэпліку-пытанне напрыканцы сваёй рэцэнзіі: а ці вядома «знаўцу» ўніяцкай праблематыкі работа В. Беднава «Православная церковь въ Литвѣ и Польше по «Volumnia legum», якая была надрукавана ў 1910 г. у Кіеве? [13, с. 102]. Можна меркаваць, што і сёння гэтае пытанне з’яўляецца актуальным, бо дадзеная кніга застаецца па-за ўвагай даследчыкаў.

Не мог не заўважыць Уладзімір Іванавіч і дакументальнага суправаджэння навуковага разумення неслабеючага ў сваёй грамадскай успрымальнасці «польскага пытання». І ён даў кароткі, але абсалютна дасведчаны аналіз гістарычных дакументаў, якія былі надрукаваныя ў Варшаве на польскай мове. Для публікацыі рэцэнзіі былі выкарыстаны старонкі часопіса «Голос минувшаго», які выдаваўся ў Маскве з 1913 г. і пазіцыяніраваў сябе як «журнал истории и истории литературы», прызначаны для шырокіх колаў інтэлігенцыі, а таму з відавочнай ліберальнай і нават народніцкай палітычнай скіраванасцю. Натуральна, што гісторык з актыўнай грамадска-палітычнай пазіцыяй ужо з другога нумара часопіса стаў яго аўтарам. Удадзенай рэцэнзіі ён у храналагічна-сістэмным парадку, з невялікімі каментарыямі проста прадставіў чытачу найважнейшыя дакументы, якія характарызуюць «государственно-правовые отношения Царства Польскаго къ Россійской Имперіи». На яго думку, складальнікі (князь М. Радзівіл і Б. Вінярскі) і выдаўцы выпусцілі вельмі цікавы і своечасовы зборнік, бо для большасці расійскага грамадства заўсёды прававыя і палітычныя ўзаемаадносіны «Польшы и Россіи были своего рода terra incognita», а тым больш «в настоящее критическое время польско-русских и вообще польскихъ отношений». І толькі адзін недахоп выдання адзначыў Пічэта — тое, што тэксты выйшлі без перакладу на рускую мову [17, с. 249, 250].

Потым былі чарговыя расійскія рэвалюцыі, Грамадзянская вайна, клопаты ўзрушаных інтэлектуалаў аб знаходжанні магчымасцей проста выжыць. Для Уладзіміра Іванавіча гэта быў час уваходжання ў савецкую рэчаіснасць, прыстасоўвання да новых навуковых і адукацыйных парадыгм, якія прыходзілася самому і выпрацоўваць. Але творчага запалу гэтыя

цяжкія абставіны не знізілі. Толькі 1918—1919 гг. вымусілі гісторыка працаваць «у стол». Затое потым, ужо праз савецкія выдавецтвы, ён прадэманстраваў, што творчыя здабыткі не толькі не паменшыліся, але сталі больш разнастайнымі і адкрыліся зусім новыя кірункі доследаў. Напрыклад, даследчыка зацікавіла крыніцазнаўчае выданне на нямецкай мове, у якім складальнікі змясцілі вытрымкі з газеты 10-й арміі. У. І. Пічэта даў аб ім невялікую рэцэнзію — аналітычныя роздумы ў часопісе «Печать и революция» за 1921 г. (кніга 2). І зусім на іншым аналітычным узроўні ў 1922 г. былі прадстаўлены крыніцы па «рускай гісторыі» ў не страціўшай і сёння сваёй навуковай вартасці кнізе «Введение в русскую историю: (Источники и историография)», якую надрукаваў маскоўскі «Госиздат». Адначасова малады беларускі рэктар у двух першых нумарах універсітэцкага навуковага выдання «Працы Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта» разгледзеў сутнасныя параметры крыніц, якія ўтрымлівалі інфармацыю аб пазямельных адносінах на беларускіх землях у XVI ст. (валочная ўстава каралевы Боны і інш.).

У 1923 г. універсітэцкі рэктар-гісторык зноў прадэманстраваў, што цікавіцца не толькі «непаханным» полем беларускай гісторыі, а па-ранейшаму трымае ў полі свайго навуковага гледжання менавіта рускую-расійскую гісторыю і яе забеспячэнне крыніцамі. Яго 7 рэцэнзій у савецкіх спецыяльных часопісах («Красный Архив», «Архивное дело», «Печать и революция») на кнігазборы-апісанні дакументаў яшчэ існуючых і зніклых архіваў Расійскай імперыі (Міністэрства народнай асветы, Міністэрства юстыцыі), на выдзены зборнік краязнаўчых крыніц, а таксама закранутыя крыніцазнаўчыя аспекты доследаў спецыяліста па гісторыі сялянства XVIII—XIX стст. Антонія Васільевіча Фралоўскага (аб аграрных хваляваннях першай паловы XIX ст. у Наваросіі), нарысаў Мікалая Янчука па гісторыі старажытнабеларускай літаратуры, 3-га тома «Беларусы» Яўхіма Карскага і нават перакладу з англійскай мовы працы А. Геддона аб перасяленні народаў (ён толькі-толькі выйшаў у выдавецтве «Книга») можна лічыць пэўным водгукам таго, што Уладзімір Іванавіч працягваў актыўныя стасункі з Галоўным архіўным упраўленнем РСФСР, і асабіста з С. Ф. Платонавым, і пастаянна адсочваў кніжныя навінкі.

Ён, адзін з арганізатараў і напачатку член рэдакцыі часопіса «Красный Архив» (выходзіў у 1922—1941 гг.), ужо ў 1922 г. накіраваў свой матэрыял для друку ў гэтым часопісе (даў агляд матэрыялаў першага выпуску за 1921 г. «Воронежского Историко-археологического вестника» [18, с. 431, 432]. Потым у 3-м нумары за 1923 г. прадставіў «Завещание Николая I сыну» 1835 г., якое падаў у сваёй прадмове ў святле сведчанняў аб рэакцыйных прынцыпах імператара, якіх той трымаўся ў сваёй унутранай і знешняй палітыцы. Галоўны сэнс завяшчання У. І. Пічэта ўгледзеў у 19-м яго пункце, дзе бацька-імператар наказваў пераемніку-сыну: «Не давай никогда воли полякамъ; упрочь начатое и старайся довершить трудное дѣло *обрусеванія* (курсіў выдання. — А. Я.) сего края...». І наконт «безумно жестоких мер, применяемых по отношению к Польше» царызмам рэцэнзент падае шмат гістарычных сведчанняў з відавочнай эмацыянальнай афарбоўкай, хаця гэта не акцэнтавалася ў настаўленнях імператара свайму сыну [19, с. 291, 292].

У наступным нумары рэктар БДУ даў прадмову да публікацыі лістоў К. П. Пабежаносава да Аляксандра III з 3 сакавіка па 4 мая 1881 г., у якіх адзначыў супраціў ліберальнаму курсу графа М. Т. Лорыс-Мелікава. Але ў якасці прэамбулы ён раскажаў чытачам у цэлым аб перапісцы, якую вёў царадворац са сваім выхаванцам з 1865 г., у якой штораз гучала крытыка ліберальнага ўрадавага курсу і прасоўваліся думкі, што толькі «твёрдая власть будет общенародной, и не какая другая власть не будет пользоваться доверием русского народа» [20, с. 317]. Дакладна ж кантэкст пісьмаў вясны 1881 г. гісторык падае як увасабленне наступаючай «эпохи мракобесия Победоносцевщины...» [20, с. 319].

Пасля гэтай публікацыі крыніц па расійскай гісторыі ў дадзеным часопісе наступны зварот да яго У. І. Пічэта зрабіў у 1924 г. толькі для таго, каб сумесна з В. В. Адарацкім, М. М. Па-

кроўскім і яшчэ некалькімі расійскімі калегамі прадставіць публікацыі 1922—1924 гг. «Исторического журнала». А вось апошнія яго з’яўленне на старонках «Красного Архива» адбылося толькі ў першым нумары за 1940 г.: гісторык зрабіў падборку дакументаў аб становішчы сялян Заходняй Беларусі ў XIX ст. і напісаў да яе ўступны артыкул. У той жа час, асабліва да 1929 г., ён дастаткова рэгулярна прадстаўляў свае навуковыя нататкі аб крыніцах, архіўных зборах СССР і замежных краін, пераключыўшыся на часопіс «Архивное дело». Можна, таму, што «Красный Архив» да 1932 г. фактычна ўзначальваў М. М. Пакроўскі (фігура, якая вельмі неадназначна ўспрымалася гісторыкамі, сфармаванымі ў сваіх навуковых і палітычных поглядах да «рэвалюцыйнага абнаўлення») і У. І. Пічэта не хацеў апынуцца ў жорсткім процістаянні паміж Пакроўскім і Платонавым (апошні нават называў свайго апанента «гадзінай») [21, л. 148 адв. — 184; 22, с. 289]? Ці існавалі іншыя, асабістыя погляды на тое, дзе і што друкаваць? Напрыклад, з-за таго, што «Красный Архив» увабляў сабой дачыненне да Галоўнага архіўнага ўпраўлення спецорганаў СССР? Пакуль няма на гэтае пытанне адказу.

Але У. І. Пічэта працягваў заставацца актыўным рэцэнзентам рознага кшталту публікацый, дзеля гэтага выкарыстоўваючы магчымасці іншых савецкіх выданняў. Ён аналізаваў у тым ліку і крыніцы, і крыніцазнаўчыя працы калег. Так, акрамя ўжо згаданага часопіса «Печать и революция» Уладзімір Іванавіч друкаваўся на старонках беларускага «Польмя», агульнасавецкага «Каторга и ссылка» і, канешне, у «Працах БДУ». Напрыклад, відавочным вынікам яго працы ў Галоўным архіўным упраўленні РСФСР яшчэ да рэктарскай пасады ў Мінску можна лічыць 4 рэцэнзіі, якія адна за адной былі надрукаваныя ў першым выпуску часопіса «Архивное дело» за 1923 г. [23, с. 162, 163; 24, с. 163—165; 25, с. 165—169; 26, с. 170, 171]. Тут ужо ў поўнай меры ўніверсітэцкі рэктар скарыстаў свой даследчыцкі «багаж», які склаўся падчас ранейшай працы: рэцэнзуемыя выданні дастаткова не новыя і, мабыць, іх ацэнка была зроблена раней, а палітычныя і асабістыя абставіны не дазволілі апэратыўна данесці да чытача тое, што было цікавым для гісторыка. Цяпер жа гэтыя ацэнкі прачытанага У. І. Пічэта надрукаваў запар, але амаль што ў кожную з рэцэнзій унёс «беларускі» погляд. І, як заўсёды, не проста прадставіў нейкі пералік тэкставай «фактуры», а даў свой глыбокі аналіз агульнага прадмета і важнейшых падрабязнасцей рэцэнзуемых друкаў. Так, дакументы імперскага Міністэрства народнай асветы ён разглядае як найважнейшую падставу для паўнаўартасных навуковых даследаванняў, хаця ў рэчышчы тагачасных рэвалюцыйных ператрусаў адукацыйнай сістэмы мімаходзь заўважыў, што дзейнасць школ царскай Расіі «потеряла своё актуальное значение» [23, с. 162]. Рэктар БДУ не змог не адзначыць даследчыцкую важнасць крыніц зборніка для гісторыі адукацыі на беларускіх тэрыторыях імперыі, а ўводны артыкул І. І. Лаппо да гэтага комплексу дакументаў — «блестящим этюдом по истории образования в литовско-белорусском государстве со второй половины XVI века» [23, с. 163].

Другі зварот да крыніц, якія былі сабраныя ў дадзеным архіве (тут у сваёй рэцэнзіі У. І. Пічэта не забыўся пазначыць яго як «бывший». — А. Я.), аказаўся незвычайным для гісторыка: у такім памеры (амаль што 4 старонкі часопіса) ён яшчэ не друкаваў свае агляды прачытанага. Можна меркаваць, што яго разважанні аб антыяўрэйскай палітыцы ўрадаў Аляксандра І і Мікалая ІІ у галіне адукацыі, скіраванай на «коренное преобразование евреев в России» [25, с. 167], і абсалютна пазітыўная ацэнка «Описания...» («...образец настоящего научного описания документов» [25, с. 169]) былі звязаны з тым, што БДУ быў у значнай ступені напоўнены яўрэйскімі студэнтамі і выкладчыкамі, а адзін з складальнікаў зборніка архіўных дакументаў — Самуіл Лазінскі — ужо ў сакавіку 1921 г. заявіў аб сваім жаданні выкладаць новую гісторыю і гісторыю яўрэйства ў БДУ і быў ахарактарызаваны калегамі як «историк и популяризатор быстрого пера и достаточно широкого охвата» [27, л. 3].

Своеасаблівай одай краязнаўству можна лічыць рэцэнзію Уладзіміра Іванавіча на кнігу Міхаіла Іванавіча Смірнова аб крыніцах і матэрыялах па Пераслаўшчыне — радзіме аўтара, які толькі пасля 40 гадоў свайго жыцця змог надрукаваць першую навуковую кнігу. Адчува-

еще імкненне ўжо беларускага гісторыка глыбока спасцігнуць новы кірунак у дзейнасці даследчыкаў, які стаў пашырацца ў савецкі час. У. І. Пічэта спачатку падрабязна і даказальна распавёў гаворку аб накопленым вопыце і новых магчымасцях для развіцця краязнаўства. Было адзначана, што яму спрыяе адкрыццё новых абласных універсітэтаў, выкладчыкі якіх абавязаны займацца вывучэннем мясцовых асаблівасцей «в силу оторванности от центра». У гэтай канстатацыі відавочна праявіліся турботы рэктара БДУ аб наладжванні паўнавартаснай краязнаўчай дзейнасці ва ўніверсітэце і ў Беларусі ў цэлым. На прыкладзе пазітыўных характарыстык зместу рэцэнзуемай кнігі У. І. Пічэта робіць выснову, што «В настоящее время изучение своего края должно быть поставлено по-иному», што патрэбна «отказаться от всякого кустарничества и дилетантизма в этой области» [24, с. 164].

Адметнай падаецца і рэцэнзія-прадстаўленне выдання кнігі Літоўскай метрыкі, што была ажыццёўлена яшчэ ў 1916 г. Тут У. І. Пічэта праявіў свае дасканалыя пазнанні тэмы, матэрыялаў, сутнасці і своеасаблівасці крыніц па беларускай гісторыі Сярэднявечча: некалькі гадоў таму ён абараніў доктарскую дысертацыю па аграрнай рэформе Сігізмунда-Аўгуста. У невялікай публікацыі Уладзімір Іванавіч некалькімі штрыхамі акрэсліў сутнасць працы археографа, архівіста, гісторыка-даследчыка, якія павінны кіравацца ў сваёй справе і навуцы «внутренним составом и содержанием» крыніцы. Па-за ўвагай не засталася і сучасная для Пічэты-рэктара грамадска-палітычная важнасць дакументаў, якія ўбачылі свет у 1916 г.: «настоящий повышенный интерес к историческим судьбам Украины и Белоруссии как со стороны украинских, белорусских и великорусских ученых, так и со стороны польских» [26, с. 171].

А на конт польскіх (і не толькі) кірункаў асэнсавання становішча з вывучэннем і выкарыстаннем крыніц, арганізацыі архіўнай справы ўвогуле У. І. Пічэта заўсёды быў у курсе: у часопісах «Архивное дело» і «Печать и революция» распавядаў аб «архіўнай справе» ў Польшчы, «архіўным жыцці» ў Чэхаславакіі, рэцэнзаваў кнігу Івана Рабініна (супрацоўніка заснаванага летам 1917 г. у Любліне Дзяржаўнага архіва) аб стане Дзяржаўнага архіва ў Любліне. У гэтым яму дапамагала магчымасць праз валютныя датацыі беларускага ўрада браць навуковыя камандзіроўкі для павышэння сваёй даследчыцкай вартасці і наладжвання творчых сувязей з заходнімі суседзямі БССР. У 1920-я гг. гэта было яшчэ магчымым. Больш за тое — лічылася неабходным для ўніверсітэцкага выкладчыцкага корпуса. І ўрад рэспублікі штогод выдзяляў немалыя сродкі ў валюце, каб некалькі дзясяткаў выкладчыкаў (ад асістэнта да прафесара і рэктара) маглі папрацаваць у еўрапейскіх ВУН, лабараторыях, клініках, архівах і бібліятэках [28, с. 5—8]. Таму ў згаданым часопісе «Архивное дело» дасканалы навуковец змог на падставе непасрэднага ўспрыняцця падаць у 1926 г. агляд архіўнай справы ў Чэхаславакіі і Польшчы [29, с. 135—137; 30, с. 130, 131]. Адначасова была адрэцэнзавана праца І. Рабініна, у якой падавалася не толькі характарыстыка архіўных фондаў і праведзенай іх сістэматызацыі, але і апісанне некаторых іншых архіваў, па словах У. І. Пічэты, «возрожденной Польши» [31, с. 154]. Рэцэнзент коратка, але грунтоўна падаў зацікаўленаму даследчыку той «большой научный интерес», які прадстаўляе і кніга, і апісання ў ёй архіўных рарытэты. Як звычайна, ён не ўтрымаўся, каб не суправадзіць простае апісанне сваімі поглядамі на навуковую вартасць розных крыніц: і па царкоўнай гісторыі, і па сацыяльнай праблематыцы, і па гісторыі дваранства, і інш. Была звернута ўвага на каштоўнасць матэрыялаў уключанага ў Люблінскі архіў «Губернатарскага расійскага архіва», якія дазваляюць зразумець «политику русского правительства в крае» [31, с. 155]. Не мог не адзначыць Уладзімір Іванавіч, адзін з экспертаў на падпісанні Рыжскай дамовы 1921 г., і той факт, што Люблінскі архіў папоўніўся каштоўнымі крыніцамі за кошт вярнутых Расіяй архіўных фондаў па ўмовах гэтай зневажальнай для яе дамовы.

Не дзіўна, што ў 1920-я гг. У. І. Пічэта ўсё больш і больш захапляўся праблемамі, якія датычыліся менавіта беларускай гісторыі. І, напэўна, лічыў сваім абавязкам не толькі самому

яе распрацоўваць, але і ўступаць у дыскусіі па шырокім коле праблем са сваімі блізкімі і далёкімі калегамі. Гэта рабілася і падчас дыспутаў на пасяджэннях Навуковага таварыства БДУ ці Таварыства гісторыі і старажытнасцей, на пасяджэннях краязнаўчага гуртка, а потым і на шматлікіх канферэнцыях. Але не страчвала сваёй ролі і магчымасць выказацца з нагоды той ці іншай публікацыі, якая не толькі проста падавалася чытачу для азнаямлення, але суправаджалася аўтарскім навуковым поглядам рэцэнзента. Так, пэўную цікавасць прадстаўляюць два каротчкіх агляды сямі навуковых і навукова-вучэбных прац па беларускай гісторыі і шасці выданняў па гісторыі ўкраінскага кнігадрукарства, якія Уладзімір Іванавіч даў для «саюзнага» чытача ў часопісе «Печать и революция» ў 1926 г. [32, с. 147, 148, 168—170]. Трэба сказаць, што гэты савецкі часопіс менавіта крытыкі і бібліяграфіі з ухілам у бок літаратуры і мастацтвазнаўства выдаваўся ў 1921—1930 гг. Аўтарамі вельмі розных прац аб мінулым і сучасным жыцці Савецкай і Заходняй Беларусі, якія зацікавілі Пічэту-рэцэнзента, былі У. Ігнатоўскі, А. Смоліч, М. Лучанін, Л. Паляк. Не ўтрымаўся ён і ад спакусы прадставіць у гэтым аналітычным рэчышчы і сваю працу. Рэцэнзент рэкамендуе чытачу ўсе працы для азнаямлення, бо яны напісаны «вполне научно» — гэта значыць заснаваныя на добрай базе крыніц. Тым не менш, згодна з ацэнкай У. І. Пічэты, стан выяўленых крыніц не заўсёды дае магчымасць для правядзення глыбокага даследавання. Так, на яго думку, гісторыя Беларусі да 1569 г. больш распрацаваная ў выніку «состояния науки и источников», аб чым сведчаць працы Ігнатоўскага і Пічэты.

Свае ж адносіны да прац па «ўкраінскім кнігадрукарстве» У. І. Пічэта выказвае адразу: ён не пагаджаецца з фармулёўкай «беларуска-ўкраінскае» кнігадрукарства там, дзе ідзе гаворка якраз аб «беларускім»: кнігадрукі Ф. Скарыны, В. Цяпінскага, дзейнасць друкарняў — віленскай, нясвіжскай, магілёўскай і інш. Але адзначаецца «собрание громадного материала, всесторонне обработанного» [32, с. 169]. Увогуле, можна бачыць, што зварот гісторыка да дадзенага комплексу навукова-дакументальных выданняў па кнігадрукарстве быў звязаны з юбілейнымі мерапрыемствамі, якія праходзілі і ва Украіне, і ў Беларусі з нагоды 350-годдзя выхаду ў Львове першай друкаванай кнігі і 400-годдзя надрукавання Ф. Скарынам першай кнігі на беларускай зямлі. У апошнім выпадку У. І. Пічэта быў адным з самых актыўных арганізатараў навуковых мерапрыемстваў, друкаваў у беларускай прэсе свае артыкулы, рыхтаваў канферэнцыю і грунтоўны навуковы зборнік (ён выйшаў у 1927 г. — «Четырехсотлетие белорусского друка: 1525—1925»). Яго адносіны да феномену кнігі прагучалі ў 1925 г. у канцэптуальным артыкуле «Беларускае адраджэнне XVI ст. і сучаснае беларускае нацыянальна-культурнае адраджэнне», які ў трох нумарах друкавала афіцыйная газета «Савецкая Беларусь» [33]. Такім чынам, расійскі інтэлектуал у дадзеным аглядзе мог дастаткова ўцямліва падаць ролю продкаў беларусаў і ўкраінцаў у развіцці адной з важнейшых цывілізаваных сфер дзейнасці.

У. І. Пічэта як навуковец і рэктар універсітэта праз засвоены ім стыль рэцэнзавання прачытанага дэманстраваў сваю «ўключанасць» у грамадска-палітычныя працэсы, якія разварочваліся ў Савецкай Беларусі. А яны патрабавалі ад «старой» інтэлігенцыі праяўленняў імплэту да нядаўніх і бягучых рэвалюцыйных зрухаў. Дзеля гэтага ў 1926 г. у часопісе «Каторга и ссылка» быў накіраваны агляд зборніка архіўных матэрыялаў аб падзеях 1905 г. на Беларусі, які ўбачыў свет у 1925 г. і стаў праявай дзейнасці Мінскага інстытута гісторыі партыі [34, с. 270—272]. Уважлівы навуковец не ўтрымаўся ад даволі рэзкіх папрокаў і ў адносінах сістэматызацыі крыніц, і за наяўнасць агрэхаў тэхнічнага характару. Ён выказаў відавочны для сябе прыныцп, што пры выданні архіўных дакументаў неабходна кіравацца «точностью и аккуратностью». Як заўсёды, Уладзімір Іванавіч прадэманстраваў свае веды рознабаковага даследчыка — у дадзеным выпадку адносна рэвалюцыйных падзей 1905 г. Якраз на фоне такой дасведчанасці і быў зроблены агляд некаторых найбольш важных дакументаў, ацэнена іх вартасць для асэнсавання неадназначнасці тагачасных падзей і звернута ўвага чытача на тое,

што выкарыстанне пры доследах толькі аднаго віду дакументаў (матэрыялы дэпартамента паліцыі), якія змешчаны ў зборніку, патрабуе «весьма осторожного с собой обращения» і дапаўнення «сведениями мемуарного характера» [34, с. 271, 272].

Не толькі лагічным працягам звароту У. І. Пічэты да падзей 1905 г. на Беларусі, але і пэўнай завяршальнай кропкай «рэктарскага» перыяду навуковай творчасці гісторыка можна лічыць яго невялікую рэцэнзію ў часопісе «Полымя». Гэтая рэцэнзія, мабыць, павінна была прадэманстраваць савецкім уладам марксісцкія погляды і той рэвалюцыйны піетэт, з якімі ўжо ганімы прафесар ішоў і надалей збіраўся рухацца ў навуцы. Але ў змардаванага рэчаіснасцю даследчыка не хапіла ні моцы, ні жадання, каб належным чынам, як гэта рабілася ім раней, даць чытачу кароткую, але глыбокую па сэнсе характарыстыку прачытанага ім матэрыялу. Пасля пазначэння, што рэцэнзуецца зборнік пракламацый агітацыйна-прапагандысцкага характару сацыялістычных партый, якія дзейнічалі ў Беларусі, У. І. Пічэта даў просты пералік гэтых партый (РСДРП, БСГ, «Сацыялісцкая партыя Беларускай Русі», Бунд) і зрабіў выснову, што дадзеныя крыніцы павінны стаць для кожнага даследчыка «настольным зборам дакументаў, без якіх нельга вывучаць 1905 год» [35, с. 218]. У гэтым відавочна імкненне яшчэ раз прадэманстраваць сваю лаяльнасць перад і той рэвалюцыяй, і той, якая працягвалася ў савецкім беларускім грамадстве.

Крыху раней, незадоўга да сваёй трагічнай па жыццёвых і творчых наступствах адстаўкі з пасады рэктара БДУ, У. І. Пічэта зноў праз часопіс «Печать и революция» праінфармаваў савецкага чытача пра магчымасць спазнаць старонкі складанай беларускай гісторыі. На гэты раз была прадстаўлена рэцэнзія на зборнік дакументаў аб сацыяльна-палітычнай сітуацыі ў Заходняй Беларусі. Зборнік выйшаў у Белдзяржвыдавецтве ў 1927 г. вялікім тыражом пад доўгай і характэрнай назвай, якая адлюстравала тагачасныя напружаныя адносіны паміж суседнімі краінамі: «Запросы белорусских послов в польский сейм. 1922—1926 гг. Сб. документов о панских насилиях, мучениях и издевательствах над крестьянами и рабочими в Западной Белоруссии». Тут гісторык не змог утрымаць раней дасягнутую вышыню навуковай аргументацыі і неперадужатасці. Яго захапілі тыя палітычныя эмоцыі, якія штогод мацнелі ўсялякі раз, калі перасякаліся польскія і савецкія рэаліі. Агульны рэфрэн рэцэнзіі — «Польское буржуазное правительство стало на путь царского правительства в отношении систематического угнетения национальных меньшинств» [36, с. 167]. Аб гэтым рэктар шмат разоў пісаў у беларускім друку, выступаў на студэнцкіх сходах і на ўсебеларускіх з'ездах Саветаў [37, 38]. Характарыстыка ж дакументаў, змешчаных у зборніку, абмежавалася толькі пералікам 18 сюжэтаў, аб якіх распавядалі дэпутаты польскага сейма ў сваіх «запросах». Ды і яны павінны былі яшчэ больш падкрэсліць трагізм усёй сітуацыі, бо гаворка ішла аб «насильственной аграрной политике», «военной колонизации», «полицейских убийствах, бандитизме и террорах», «запрещении и преследовании белорусского языка» і г. д. [36, с. 167, 168].

Можна было б больш грунтоўна і дэтальна разгледзець навуковую дзейнасць Уладзіміра Іванавіча на падставе аналізу ўсяго толькі яго невялікіх крыніцазнаўчых рэцэнзій-аглядаў. Нават праз іх вельмі шмат бачыцца «перасячэнняў» з яго непасрэднай навуковай і грамадска-палітычнай дзейнасцю. Але відавочна, што гэты аспект агульнага крэда гісторыка цяпер успрымаецца не толькі з павагай, але і некаторым здзіўленнем: як было магчымым працаваць у навуцы так сістэмна, дэтальна і прадуктыўна, што раз дэманструючы высокую кампетэнтнасць у самых розных галінах гістарычнай навукі? Для сучаснага пакалення гісторыкаў, многія з якіх «пагружаны» не столькі ў традыцыйныя масівы крыніц (кніжных, архіўных, рукапісных і інш.), а ў віртуальнасць інтэрнэт-рэсурсаў, усё больш і больш рэдкай з'явай становіцца праяўленне сваіх навуковых адносін да прачытанага, якое захапіла іх з навуковага пункта гледжання (а часам і з нагоды бягучых грамадска-палітычных працэсаў) праз вось такія лапідарныя, але па-прафесійнаму дасканалыя публікацыі. Сучасны даследчык-гісторык апынуўся ў палоне шырокіх інфармацыйных магчымасцей, што, на жаль,

выклікае нейкі інэрцыйны рух да ўсяго толькі хуткага, а таму павярхоўнага асэнсавання багацця дакладнага корпуса дакументаў ці асобнай крыніцы. Тым больш з прайвай сваёй шырокай кампетэнтнасці, ведання той ці іншай даследчыцкай праблемы, распрацоўка якой толькі і магчыма з улікам навуковай якаснасці крыніц.

Зварот да новага прачытання і разумення творчай спадчыны Уладзіміра Іванавіча Пічэты дае магчымасць скарэктаваць не толькі «тэхніку» даследчыка, але нават і некаторыя свае навуковыя прынцыпы, сярод якіх веданне і разуменне крыніцы павінны заўсёды ўспрымацца як першаснае крэда, а не пэўная спроба «повернуть историю вспять», як праз амаль што два дзесяцігоддзі а потым у каторы раз адзін з высокіх партыйных начальнікаў з «гістарычным ухілам» сваіх інтарэсаў паспрабуе ўвогуле прынізіць усё тое, што за гады сваёй адданай дзейнасці ў імя навукі здзейсніць высокапрафесійны інтэлектуал [39, с. 210]. Нам жа застаецца толькі не страціць імкнення глыбей спазнаваць навуковую спадчыну знакамітага гісторыка і вучыцца яе шанаваць.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Владимир Иванович Пичета. Библиографический указатель [сост. Е. Я. Дукор]. Минск : Изд-во БГУ, 1978. 112 с.
2. Критическое обозрѣніе. 1907. Вып. 2.
3. Критическое обозрѣніе. 1908. Вып. 2.
4. В. И. Пичета. Рецензия на книгу «Великий князь Николай Михайлович. Письма высочайших особ графине А. С. Протасовой. Спб., 1913 // Голос Минувшаго. 1913. № 10.
5. Яновский О. Болгария в исследованиях В. И. Пичеты: поиск равновесия между научным и общественно-политическим кредо // Матеріали II Міжнародного науково-методичного семінару з болгарської мови, літератури, культури та історії (16–17 травня 2013 р.): зб. тез. / упорядники : А. М. Сердюк, О. А. Сенічева, Д. С. Ніколова. Бердянськ : БДПУ, 2013. 118 с.
6. Пичета В. И. Новые материалы и работы по истории Украины // Украинская жизнь. 1914. № 4.
7. Пичета В. И. Юрий Крижанич о политике Москвы по отношению к Украине в XVII веке // Украинская жизнь. 1915. № 3–4. С. 169–170.
8. Пичета В. Фёдор Салтыковъ, современникъ Петра, о политикъ Россіи по отношенію къ Малороссіи // Украинская жизнь. 1915. № 8–9. С. 101–104.
9. Пичета В. И. Наказы украинских городов в 1767 году: города Малороссийской губернии // Украинская жизнь. 1915. № 10.
10. Пичета В. И. Наказы украинских городов в 1767 году: города Малороссийской губернии // Украинская жизнь. 1915. № 11–12.
11. В. Пичета. Сборникъ Императорскаго Историческаго Общества. Т. 144. Спб., 1914 г. // Украинская жизнь. 1915. № 2.
12. Украинская жизнь. 1915. № 11–12.
13. Пичета В. Александръ Красовскій. Борьба противъ уніи въ Западной Россіи и единство русскаго народа в 1640–1668. Историческое изслѣдованіе. Витебскъ. 1914 г. // Украинская жизнь. 1915. № 2.
14. Прот. І. Пичета. Факты и воспоминания из жизни герцеговинца на службе по духовно-учебному ведомству. Отдельные оттиски из журнала «Вера и Разум» за 1911–1912 год. Оттиск 2. Харьков, 1912.
15. Пичета В. И. Моя жизнь до 1905 года // Рос. и славян. исслед. 2003. Вып. IV.
16. Марозава С. В. Уніяцкая царква ў этнакультурным развіцці Беларусі (1596–1839 гады) ; пад наук. рэд. У. М. Конана. Гродна : ГрДУ, 2001. 352 с.
17. Пичета В. Matériały do sprawy polskiej. Krolewstwo Polskie. Dokumenty historyczne dotyczące prawno-politycznego stosunku Krolewstwa Polskiego do Cesarstwa Rosyjskiego, wydali Maciej ks. Radziwiłł e dr. Bohdan Winiarski. Warszawa. 1915 // Голос Минувшаго. 1916. № 4.
18. Красный Архив. 1922. Т. 1.

19. Пичета В. Завещание Николая I сыну // Красный Архив. 1923. Т. 3.
20. Пичета В. Письма К. П. Победоносцева к Александру III // Красный Архив. 1923. Т. 4.
21. Архіў УФСБ РФ па Санкт-Пецярбургу і Ленінградскай вобласці. Архіўна-крымінальная справа № П-65245. Т. 19.
22. Памяць і слава: Першы рэктар Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта — Уладзімір Іванавіч Пічэта / склад. : С. М. Ходзін, М. Ф. Шумейка, А. А. Яноўскі. Мінск : БДУ, 2011. 375 с.
23. Пичета В. Описание дел Архива Министерства Народного просвещения под редакцией заслуженного профессора Петроградского Университета С. Ф. Платонова и начальника Архива Министерства Народного Просвещения А. С. Николаева // Архивное дело. 1923. Т. 1 : Петроград, 1917. Вып. 1.
24. Пичета В. М. И. Смирнов Переславщина. Источники и материалы краеведения, их систематизация и обзор. Вып. 9. Переславль-Залесский, 1921 // Архивное дело. 1923. Вып. 1.
25. Пичета В. Описание дел бывшего Архива Министерства Народного Просвещения. Казенные Еврейские училища / под ред. С. Г. Лозинского, вступ. ст. С. М. Гинзбурга. Петербург, 1920 // Архивное дело. 1923. Т. 1. Вып. 1.
26. Пичета В. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском Архиве Министерства Юстиции. Книги Литовской Метрики VII—XXVIII. Москва, 1916 // Архивное дело. 1923. Кн. 21. Вып. 1.
27. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь. Ф. 205. Воп. 3. Спр. 4878.
28. Яноўскі А. Замежныя камандзіроўкі гісторыкаў БДУ: творчыя здабыткі і зломы лёсаў // XXI век: актуальныя праблемы гістарычнай навуцы : матэрыялы міжнароднага навучнага канф., прысв. 70-годдзю іст. фак. БГУ. Мінск, 15—16 апр. 2004 г. Мінск, 2004.
29. Архивное дело. 1926. Вып. 7.
30. Архивное дело. 1926. Вып. 8—9.
31. Пичета В. Иван Рябинин. Государственный Архив в Люблине. Варшава. 1926. С. 88. Jan Riabinin. Archiwum Ransztowe w Lublinie. P. 88. Warszawa. 1926 // Архивное дело. 1926. Вып. VII.
32. Печать и революция. 1926. Кн. 8.
33. Савецкая Беларусь. 1925. 5, 9, 12 жн.
34. В. Пичета. 1905 год у Беларусі : зб. архіўных дакументаў. Менск, 1925 // Каторга і ссылка. 1926. № 3.
35. Пічэта У. Сацыялістычны рух на Беларусі ў праклямацях 1905 году. Менск, 1927. 256 с. Выд. ІБК // Польша. 1929. Кн. 2.
36. Печать и революция. 1928. Кн. 8.
37. Савецкая Беларусь. 1924. 15 сак.
38. Звезда. 1927. 9 крас.
39. Шумейко М. Ф. В. И. Пичета и власть (источниковедческий аспект) // Проблемы славяноведения : сб. науч. ст. и материалов. Брянск, 2004. Вып. 6.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2013 г.

В. А. Фядосік

ПАЛЕМОН ПАНТЫЙСКІ І ЛЕГЕНДА АБ ПАЛЕМОНЕ Ў ЛЕТАПІСАННІ ВЯЛІКАГА КНЯСТВА ЛІТОЎСКАГА

У артыкуле даследуюцца антычныя першакрыніцы легенды аб Палемоне і рымскім паходжанні літоўцаў і вялікіх літоўскіх князёў. На думку аўтара, у XV—XVI стст. былі створаны дзве розныя версіі гэтай легенды: адна — польскіх хроністаў (Ян Длугаш, Мацей Стрыйкоўскі), другая — беларуска-літоўскіх хронік. Беларуска-літоўская версія грунтавалася на традыцыях старажытнарускага летапісання, візантыйскіх і познерымскіх крыніцах. Асноўнымі крыніцамі для беларуска-літоўскай версіі легенды аб Палемоне былі «Хроніка» Яна Малалы, «Брэвіярыў» Еўтропія, «Аб цэзарах» Аўрэлія Віктара. У беларуска-літоўскай версіі Палемон мае грэчаскае імя (не лацінскае «Лібон», як у польскай), паходзіць з Малой Азіі (а не Італіі), здзяйсняе ўцёкі пры імператары Нероне (а не падчас грамадзянскай вайны Цэзара з Пампеем).

The article investigates the antique sources of the legend of Polemon and Roman origin of Lithuanians and Lithuanian Grand Dukes. According to the author, two different versions of the legend were created in the XV—XVI centuries, one — by Polish chroniclers (Dlugosz, Strykowski), the other — in the Belarusian-Lithuanian chronicles. Belarusian-Lithuanian version was based on the traditions of ancient Russian chronicles, Byzantine and late Roman sources. The main sources for the Belarusian-Lithuanian version of the legend of Polemon were «Chronicle» of John Malala, «Breviarium» of Eutropius, «De caesaribus» of Aurelius Victor. In the Belarusian-Lithuanian version of Polemon has a Greek name (Latin «Libo» in Polish), he comes from Asia Minor (not Italy), he flees under the emperor Nero (not during the Civil War between Pompey and Caesar).

Ключавыя словы: Палемон, вялікія князі літоўскія, беларуска-літоўскія хронікі, Рымская імперыя, антычныя крыніцы, Іаан Малала, Еўтропій, Аўрэлій Віктар.

Keywords: Polemon, Grand Dukes of lithuanian, Belarusian-Lithuanian chronicles, Roman empire, antique sources, John Malala, Eutropius, Aurelius Victor.

Тра Палемона, знатнага рымскага ўцекача і заснавальніка велікакняжацкай літоўскай дынастыі, упершыню згадваецца ў другім зводзе беларуска-літоўскага летапісання — «Хроніцы Вялікага Княства Літоўскага і Жамойцкага», створанага ў 1520—30-я гг. Легенда аб яго ўцёках ад імператара Нерона разам з некалькімі сотнямі рымскай знаці, марскім падарожжы да вусця Нёмана, валадаранні яго і нашчадкаў на новых землях выкладзена ў летапісах Красінскага, Рачынскага, Альшэўскім, Румянцаўскім, Еўраінаўскім [1, с. 4; 2, с. 38]. Легенда аб Палемоне змешчана і ў больш позніх: «Хроніцы Быхаўца» і «Хроніцы літоўскай і жамойцкай». Даследчыкі разглядаюць гэтую легенду як штучны этнагенетычны міф аб паходжанні літоўцаў і як дынастычны міф аб паходжанні велікакняжацкай улады Гедзімінавічаў. Галоўная дыскусія паміж даследчыкамі ідзе аб ідэалагічным, палітычным (як знешнім, так і ўнутраным) сэнсе легенды, аб тым, у якіх колах грамадства яна стваралася і навошта. Асабліва ўвага надаецца палітычным інтарэсам правячых колаў ВКЛ.

Але, як ні дзіўна, доўгі час цікаваць даследчыкаў не выклікала персана самога легендарнага Палемона, а дакладней — яе антычны прататып. Чаму менавіта Палемон? Ці гэта цал-

* Стаття выполнена в рамках подпрограммы научных исследований на 2011—2015 гг. «История и культура» ГПНИ «История, культура, общество и государство».

кам фантастычная персона, ці персанаж старажытных міфаў, альбо нейкі малавядомы рэальны рымлянін? Толькі нядаўна беларуская даследчыца А. А. Любая слушна паставіла пытанне аб магчымасці выкарыстання рэальнага гістарычнага кантэксту пры стварэнні летапіснага міфа аб Палемоне [3, с. 217]. І можна пагадзіцца з ёю, што станючы адказ дасць новыя аргументы для асэнсавання ідэалагічнага, палітычнага прызначэння легенды аб Палемоне. Даследчыца прапанавала і ўласную гіпотэзу аб рэальным прататыпе летапіснага Палемона. На яе думку, найбольш верагодным прататыпам легендарнага Палемона мог быць Палемон I, цар Понта, які меў рымскае грамадзянства, быў прызначаны на сваю пасаду трыумвірам Маркам Антоніем, а пасля разгрому апошняга Актавіянам захаваў сваю пасаду «саюзнага цара». Другім шлюбом Палемон ажаніўся з ўнучкай Марка Антонія, якая і правіла Понтам пасля забойства Палемона паўстанцамі [3, с. 219, 220]. Гэты гістарычны кантэкст А. А. Любая даволі лагічна звязвае з падзеямі грамадзянскіх войнаў у Рымскай дзяржаве I ст. да н. э. (канфлікты паміж суланцамі і марыянцамі, Цэзарам і Пампеем і іх «наступнікамі»), пра якія распавядаў польскі храніст Ян Длугаш (1415—1480 гг.) і першым выводзіў паходжанне літоўцаў ад рымлян. Па Яну Длугашу, пасля разгрому і забойства Пампея частка яго родных і набліжаных уцяклі з Італіі ў 714 г. ад заснавання Рыма (значыць, у 39 г. да н. э.) і пасяліліся на землях, якія назвалі «Litali» (ад «Італія»). Прычым ад рымлян паходзяць толькі літоўцы (балты) [3, с. 213, 214].

Праўда, нідзе Ян Длугаш не ўзгадвае імені Палемона. Яно з'яўляецца толькі ў 1520-я гг. у «Хроніцы Вялікага Княства Літоўскага і Жамойцкага», але ў іншым гістарычным кантэксте — Палемон уцякае ад імператара Нерона. На думку А. А. Любай, не Ян Длугаш быў стваральнікам легенды аб паходжанні літоўцаў ад рымлян, а, хутчэй за ўсё, Калімах (Філіп Буонакорсі), які прыбыў з Італіі і выходзіў дзяцей Казіміра Ягелончыка. Калімах першым у Польшчы выказаў гуманістычныя ідэі і мог стварыць легенду, што адпавядала рэнесансным тэндэнцыям, якія набіралі моц у Заходняй Еўропе [3, с. 15, 220, 221]. Для беларускага ж летапісання, цесна звязанага «з агульнымі тэндэнцыямі ўсходнеславянскага летапісання», не былі характэрнымі антычныя сюжэты, калі яны не з Бібліі ці не з агіяграфічных твораў [3, с. 215].

З апошнім сцверджаннем можна часткова пагадзіцца, аднак трэба ўлічваць, што такія сюжэты (не звязаныя з хрысціянствам) усё ж выкарыстоўваліся і ў «Аповесці мінулых часоў», і ў іншых творах. Існавала шмат перакладной літаратуры (з пераробкамі-адаптацыямі да сучаснасці) аб падзеях антычнай гісторыі, сярод якой былі вельмі папулярныя (напрыклад, «Троя» і «Александрыя», узгаданыя Францыскам Скарынам у негатыўным святле з-за іх далёкасці ад рэальнай гісторыі). Самае ж галоўнае тое, што з прыняццем хрысціянства з Візантыі Старажытная Русь далучылася да антычнай культурнай спадчыны. Трэба разумець, што Візантыя — гэта ацалелая ўсходняя частка Рымскай імперыі, а 476 год — умоўная дата канца эпохі старажытнасці і антычнасці. Загінула Заходняя Рымская імперыя, на яе тэрыторыі стварылі свае дзяржавы варварскія народы (дарэчы, шэраг такіх дзяржаў быў створаны яшчэ да звяржэння апошняга заходнерымскага імператара Ромула Аўгуста ў Равене). Страшэнны культурны заняпад — гэта было ў Заходняй Еўропе, дзе пачала фарміравацца новая сярэдневяковая цывілізацыя. Усходняя ж Рымская імперыя праіснавала амаль усё Сярэдневякоўе, і ў Візантыі не трэба было адраджаць антычную спадчыну, якая сама была базісам візантыйскай культуры. Толькі саміх сябе візантыйцы называлі «рамеямі», але ніяк ні заходніх варвараў: «франкаў» ці «лацінян». На жаль, візантыйская культурная матрыца неўзабаве сама прыйшла ў заняпад (у XIII ст. Візантыя ледзь здолела аднавіць сваё існаванне, а ў сярэдзіне XV ст. канчаткова знікла). Аднак яе ўплыў на ўсходнеславянскую культуру ніяк нельга недацэньваць. І менавіта з Візантыі, з паўднёваславянскіх праваслаўных дзяржаў ішла плынь антычнай культурнай спадчыны ва ўсходнеславянскія землі, а ўплыў Адраджэння з захаду адбываўся значна пазней. Зразумела, у сярэднія вякі галоўным феноменам эпохі антычнасці

ў гісторыі чалавецтва выступала хрысціянства, а грэка-рымскія язычніцтва, міфалогія «адсякаліся» ці «перапрацоўваліся» для ўспрыняцця хрысціянамі.

Між тым не толькі гэта абумоўлівала неабходнасць «адаптацыі» антычных рэалій, падзей для чалавека Сярэднявекі, але і іншая ментальнасць, жыццёвыя каштоўнасці, іншыя адносіны паміж людзьмі ў грамадстве дзвюх розных гістарычных эпох. Таму і ў Візантыі з гісторыяй антычнасці знаёміліся пераважна па кароткіх ці зямальных творах познеантычных гісторыкаў, а ў большай ступені па кампіляцыях, створаных візантыйскімі гісторыкамі. Арыгіналы класікі (Геродот, Фукідід, Ксенафонт, Ціт Лівій, Тацыт і інш.) былі вялікай рэдкасцю і не цікавілі шырокія колы адукаваных людзей. За выключэннем, бадай што, «Іудзейскай вайны» Іосіфа Флавія, бо нідзе больш не было такіх падрабязных звестак аб людзях, падзеях, якія атачалі Ісуса, апосталаў, і толькі там можна было знайсці інфармацыю для разумення шмат чаго, аб чым у кнігах Новага Запавету толькі ўпаміналася.

З Візантыі на ўсходнеславянскія землі трапілі хронікі Іаана Малалы (VI ст., перакладзена на стараславянскую мову ў X ці XI ст.) і Георгія Амартола (IX ст., пераклад на стараславянскую мову ў XI ст.) [4, с. 246, 247; 5, с. 222; 6, с. 92—94; 7, с. 6]. Менавіта з іх і браліся антычныя сюжэты для «Аповесці мінулых гадоў» (прычым часта без хрысціянскага кантэксту і нават у сувязі з прарочтвам аб смерці князя Алега ад свайго каня). Змест абедзвюх хронік паказвае, што ў якасці крыніц для іх выкарыстоўваліся «Аўтары жыццяпісанняў Аўгустаў», Аўрэлій Віктар (і псеўда-Віктар), Еўтропій, Павел Арозій, Яўсевій Кесарыйскі і Лактанцый, магчыма, і Герадыян (хутчэй за ўсё, у позніх яго спісах). А гэта гісторыкі часоў позняй Рымскай імперыі. Іаан Малала і Георгій Амартол надвычай мала пісалі аб гісторыі грэчаскіх полісаў і рымскай цывітасі (рэспублікі), асноўную ўвагу яны надавалі гісторыі Рымскай імперыі. Гэта цалкам зразумела, бо ні ім, ні іх сярэднявечным чытачам ужо незразумелай была сістэма адносінаў паміж грамадзянамі грэчаскіх полісаў ці Рыма. Яны жылі ў прынцыпова іншай сістэме адносінаў панавання — падпарадкавання, якая паступова зацвярджалася ў Рымскай дзяржаве з часоў прынцыпата Актавіяна Аўгуста. Адсюль і ў грэчаскай гісторыі іх цікавілі вайна з Трояй, заваяванні Аляксандра Македонскага, а Іаана Малалу — яшчэ і эліністычныя царствы. З рымскай мінуўшчыны візантыйскіх храністаў і іх чытачоў цікавіла перш за ўсё гісторыя рымскіх імператараў.

З рымскіх гісторыкаў I ст. ва ўсходнеславянскіх землях у сярэднія вякі найбольш вядомым быў Іосіф Флавій. Пераклад яго «Іудзейскай вайны» на старажытнарускую мову быў адным з самых ранніх (не пазней за XII ст.). Прычым гэты пераклад дайшоў да нас у 30 спісах XV—XVII стст., а найбольш поўны з іх — у складзе так званага Віленскага спіса XVI ст., які ўключае таксама візантыйскія хронікі Малалы і Амартола, «Александрыю» [8, с. 188, 189]. Старажытнарускі пераклад быў зроблены з грэчаскага арыгінала, а не з лацінскага перекладу, што, дарэчы, яскрава ілюструе візантыйскую культурную традыцыю антычнасці ў Старажытнай Русі. І ў Іосіфа таксама галоўны змест — рымская гісторыя часоў імперыі, прычым не толькі блізкаўсходняга рэгіёна.

Вышэйназваныя крыніцы выкарыстоўваліся старажытнарускімі летапісцамі, яны былі добра вядомымі ў тагачасных інтэлектуальных колах. Беларуска-літоўскае летапісанне апіралася на традыцыі старажытнарускага летапісання. Таму лагічным будзе звярнуцца да пошукаў антычнага прататыпа легендарнага Палемона не толькі праз пошук звестак з антычных крыніц, якія былі вядомымі ў Італіі XV ст. (як з гіпотэзай пра Калімаха), а перш за ўсё ў коле антычных першакрыніц візантыйскай матрыцы, што ўплывала на ўсходнеславянскае летапісанне. Тым больш што Длугаш нідзе не ўзгадвае імя Палемона, а самае цікавае можна назіраць у творы Мацея Стрыйкоўскага «Пра пачатак, паходжанне, адвагу, рыцарскія і дамовыя дзеі слаўнага народу літоўскага, жамойцкага і рускага», дзе польскі гісторык ужо праз стагоддзе пасля Длугаша выкладае некалькі версій уцёкаў Палемона і паходжання літоўцаў ад рымлян [9].

М. Стрыйкоўскі адразу згадвае, што «італійскі народ» прыбыў «на чале з Палемонам, ці, дакладней, Публіем Лібонам». У першай версіі «рымскі князь Палемон Публіем названы» з 500 «італійцаў, кожны ў стане панскім ці сенатар, што мае стан патрыцыянскі» адплылі з Італіі, ратуючыся ад жудаснай засухі і голаду. Ніякай прывязкі да пэўнай даты няма. Месца адплыцця не пазначана, уцекачы пачалі плаванне адразу па Міжземным моры «з Айчыны» — відаць, з Італіі ў сярэднявечным разуменні яе аўтарам. У апісанні незвычайных прыгод падарожнікаў (з узгаданнем сярэднявечных геаграфічных тэрмінаў) на іх шляху ўздоўж берага лузітанскага, потым гішпанскага, фландрскага і потым да вусця Нёмана не раз даюцца спасылкі на падарожжа Энея з Троі да Рыма. У гэтай версіі выкарыстоўваецца кампіляцыя звестак з Длугаша (этымалогія назвы «Літва») і з беларуска-літоўскіх летапісаў (гербы шляхты ВКЛ, «астраном», які вёў уцекачоў). Аднак няма ніякіх спасылак на антычных аўтараў, якіх шмат дае М. Стрыйкоўскі раней, распавядаючы аб гісторыі насельніцтва Літвы з біблейскіх часоў (Л. Аней Флор, Арозій, Велей Патеркул, Плутарх, Пталемей). Няма іх і ў другой версіі, якую М. Стрыйкоўскі выкладае кантрастна сцёсла ў параўнанні з іншымі: а гэтая версія якраз з беларуска-літоўскага летапісання аб уцёках Палемона (яго тут М. Стрыйкоўскі называе «Лібонам, звычайна Палемонам званым») ад «тырана» Нерона. Прычым гаворыцца, што гэта магло адбыцца і пазней пры нашэсці Атылы. Трэцяя версія — якраз пра бегства Палямона з-за Атылы, якую без сур'ёзнага даверу М. Стрыйкоўскі выкладае па старых літоўскіх «байках-летапісах». Пятая версія — аб выгнанні рымлян з радзімы як кары за злачынствы (з вялікай храналогіяй прыкладаў — ад Каміла да Авідзія) — не падмацавана ніякімі «канкрэтнымі» спасылкамі. А шостая — аб тым, што Палямон атрымаў Літву як узнагароду палкаводцу і яго легіёнам, — выглядае спробай зразумець падзеі антычнасці ў катэгорыях феадальнага Сярэднявечжа.

А вось чацвёртая версія выкладзена М. Стрыйкоўскім вельмі падрабязна і аргументавана (спасылкамі на антычнага гісторыка Л. Анея Флора) і ўяўляе сабою развіццё версіі Яна Длугаша (аб чым піша і сам М. Стрыйкоўскі, спасылаючыся таксама на М. Кромера). У сваім паэтычным уступе да гэтай версіі («прычыны») М. Стрыйкоўскі распавядае аб грамадзянскай вайне ў Рыме паміж Цэзарам і Пампеем, аб забойстве першага ў сенате, наступнай барацьбе Актавіяна, Антонія, Лепіда, Брута, Касія (прычым гэта кароткі агляд Флора, аб чым гавораць дробныя дэталі нахштальт 23 ран, нанесеных Цэзару). І завяршаецца выказваннем аб тым, што «шмат з Італіі збегла спуджаных вайною аж сюды, аж на поўнач, сцежкаю лясною (заўважце, не марскім шляхам. — В. Ф.), дзе Жамойць сёння, Прусы, Латвія з Літваю». А ў прайзачным тэксце храніст піша, што падчас вайны паміж Цэзарам і Пампеем «зборшыча італійцаў» на чале з правадыром Лібонам пакінула «італійскую зямлю» і пасля доўгага плавання асела на берагах Прускага мора. Менавіта ад Лібона і пайшла назва «Лібонія» альбо «Літва-нія». Ніякі Палемон у гэтай версіі наогул не згадваецца. А Лібона М. Стрыйкоўскі знаходзіць у «Эпітомах» Л. Анея Флора, рымскага гісторыка першай паловы II ст., у кароткім выкладзе вайны Цэзара з Пампеем у другой кнізе гэтага твора. У цытаце, якую прыводзіць М. Стрыйкоўскі, гаворыцца аб тым, што Далабела і Антоній, якія ваявалі на баку Цэзара на ілірыйскім узбярэжжы і востраве Керкіра, былі блакіраваныя магутным флотам легата Пампея Актавіяна і Лібона. Цікава, што М. Стрыйкоўскі дае лацінскі тэкст Флора без традыцыйнай памылкі «*legatus Pompei Octavianus Libo*», якую перакладчык Флора А. І. Неміроўскі лічыў памылкай самога рымскага гісторыка, які «аб'яднаў» дзве асобы ў адну [10]. Пры гэтым польскі храніст не заўважае яўную недакладнасць: «*circumvenit*» («акружыў») у прымяненні да дзеянняў не адной, а дзвюх асоб. А. І. Неміроўскі спасылаўся на падобны тэкст у Паўла Арозія, рымскага гісторыка пачатку V ст., дзе Актавій і Лібон — дзве розныя персоны. Можна дадаць, што ў тэксце Арозія Лібон і Актавій называюцца па тры разы кожны, і збытаць іх немагчыма [11]. Аднак М. Стрыйкоўскі не спасылаўся на вядомага ў заходнееўрапейскім Сярэднявечжы (і ў Польшчы) [12, с. 13] Арозія. У Арозія, як і ў традыцыйным тэксце Флора, разам з Лібонам

назваецца Актавій, а не Актавіян (як у М. Стрыйкоўскага, які дапускае памылку па аналогіі з будучым усынаўленнем Актавія Юліем Цэзарам). У Флора імя Лібона сустракаецца яшчэ раз — крыху раней, дзе ўзгадваецца, што Цэзар прагнаў Лібона з Этрурыі. Аднак нідзе (ні ў Флора, ні ў Арозія) няма ніякага Публія Лібона, а менавіта так, па словах М. Стрыйкоўскага, называў яго Флор. Абодва антычныя аўтары даюць толькі адно імя гэтага палкаводца Пампея.

Чаму польскі храніст не назваў яго Актавіем Лібонам, як гэта было памылкова зроблена ў традыцыйным тэксе Флора? Можна меркаваць, што ён меў крыху іншы варыянт тэкста, але зноў жа ў яго цытатах Публія Лібона няма. Ёсць проста Лібон, які як флатаводзец потым, ужо пасля разгрому Пампея, здолеў уцячы. Магчыма, усё значна прасцей — М. Стрыйкоўскі імкнуўся хоць неяк падагнаць пэўную сугучнасць (хоць аддаленую і прымітыўна штучную) слоў «Палемон» і «Публій Лібон» і такім чынам неяк спалучыць канцэпцыі Длугаша і «Хронікі Вялікага Княства Літоўскага і Жамойцкага» з яе Палемонам часоў Нерона. Пісаў жа ён, выкладаючы другую з вядомых яму версій («прычын»), аб «Лібоне, звычайна Палемонам званым», што ўцёк ад «тырана» Нерона. А гістарычнай асобы з іменем Палемон часоў грамадзянскіх войн у Рыме I ст. да н. э. М. Стрыйкоўскі проста не знайшоў у даступных яму крыніцах.

Такой асобай якраз і мог стаць Палемон I, якога ўзгадвае А. А. Любая. Аднак Палемон I Яўсевій (Набожны) правіў у Понце (37—8 гг. да н. э.) [13, с. 303—319; 14, s. 46, 49] на далёкай чарнаморскай перыферыі пасля канфлікту Цэзара з Пампеем. Гэты рымскі стаўленік быў забіты на Тамані мясцовымі жыхарамі, якіх ён імкнуўся падпарадкаваць, у 8 г. да н. э. А з’явіўся ён у тых краях таму, што з 14 г. да н. э. па волі Актавіяна Аўгуста стаў яшчэ і баспорскім царом. Больш за ўсё аб Палемоне I і тагачаснай гісторыі Пантыйскага і Баспорскага царстваў з антычных аўтараў пісалі Дыён Касій і Страбон. Некаторыя звесткі аб ім як саюзніку Антонія маюцца ў Плутарха (біяграфіі Антонія). Аднак сучасныя даследчыкі не менш важнымі матэрыяламі па тагачаснай гісторыі гэтых рэгіёнаў лічаць эпиграфічныя і нумізматычныя крыніцы, невядомыя гісторыкам Сярэднявекі і пачатку Новага часу. Праца рымскага гісторыка Дыёна Касія (прыкладна 155—229 гг. н. э.) па рымскай гісторыі была напісана на грэчаскай мове, значная частка яе вядома толькі ў пераказах сярэднявечных візантыйскіх гісторыкаў. Фактычна невядомай была ў Заходняй Еўропе ў сярэднія вякі і «Геаграфія» Страбона, напісаная гэтым рымскім гісторыкам (64 г. да н. э. — 24 г. н. э.) таксама на грэчаскай мове. Але яна была вядомая ў сярэднявечнай Візантыі. Звесткі ж Плутарха аб Палемоне — фрагментарныя, і сярод іншых каларытных персон у біяграфіі Антонія маглі прыцягнуць увагу чытача, бадай што, толькі ў выпадку, калі ён шукаў іх мэтанакіравана. Калі нават і ўявіць сабе, што храністам Польшчы ці ВКЛ у XV—XVI стст. былі даступныя звесткі з вышэй узгаданых антычных крыніц, то гэта азначала, што яны павінны былі ведаць аб забойстве Палемона на чарнаморскім узбярэжжы. Як жа тады яго «адпраўляць» у далёкую Прыбалтыку?

Такім чынам, можна канстатаваць, што ў версіі Длугаша, развітай Стрыйкоўскім, імя Палемона наогул адсутнічае. Яна абапіраецца зусім не на часы імператара Нерона, а на падзеі ўсталявання пажыццёвай дыктатуры Юлія Цэзара ў рэспубліканскім Рыме, што адбываліся прыкладна за стагоддзе да праўлення Нерона. І заўважым пры гэтым, што якраз гісторыя рымскай цывітас (ці перыяду рымскай рэспублікі, як умоўна пазначаюць гэты час сёння) непараўнальна менш, чым гісторыя імператараў, цікавіла візантыйскіх храністаў, чые працы па антычнай гісторыі былі асноўнымі крыніцамі ведаў па антычнасці на ўсходнеславянскіх землях. Цікаваць да грэчаскага поліса, рымскай цывітас — гэта галоўная рыса заходнееўрапейскага Адраджэння, калі мысліцелі ва ўмовах разрыву феадальных сувязей усучасным ім грамадстве шукалі іншыя мадэлі адносін паміж людзьмі і знаходзілі іх у антычных супольнасцях грамадзян поліса і цывітас. Але для гэтага феадальныя сувязі павінны былі

паступова знікаць, што і адбывалася ў XIV—XV стст. Позняе Сярэдневякоўе ў Заходняй Еўропе — час ліквідацыі асабістай залежнасці сялян ад феодалаў, феадальнай іерархіі (адзін сеньёр для ўсіх — кароль). На ўсходзе ж Еўропы такія працэсы ў грамадстве адбываліся нашмат пазней за XIV—XV стст. На нашу думку, версія Длугаша — Стрыйкоўскага аб паходжанні літоўскіх князёў ад уцекачоў з Рыма з-за грамадзянскіх войнаў I ст. да н. э. не стала ў беларуска-літоўскім летапісанні асновай для легенды аб Палемоне як уцекачы ад Нерона. Яна існавала, але паралельна, як створаная ў Польшчы. А ў Вялікім Княстве Літоўскім была створана прынцыпова іншая «гісторыя» на базе ўласнай традыцыі летапісання і ўласнай спадчыны антычнасці, атрыманай ад Візантыі. Карані легенды аб Палемоне трэба шукаць праз візантыйскія крыніцы.

І мы іх знаходзім. Візантыйская спадчына, тэрытарыяльны рост Вялікага Княства Літоўскага на пачатку XV ст. павялічваюць цікавасць да чарнаморскага рэгіёна. Можна дадаць і праваслаўную традыцыю — з паўночнага ўзбярэжжа Малой Азіі, па паданні ў «Аповесці мінулых часоў», здзейсніў сваё падарожжа ва ўсходнеславянскія землі апостал Андрэй: фактычна маршрутам «з грэкаў у варагі». Менавіта «неронаўскага» Палемона (а не «пампееўскага») можна знайсці ў стараславянскім перакладзе хронікі Іаана Малалы (8-я глава X кнігі), рэканструйраваным В. М. Истрыным: «Приял же си Нерон царь в царство свое страну иную на Понте послав Полемона, стратига своего. И сотвори ю епархию прозва ю Понтъ Полемонский» [15, с. 280]. Гэты тэкст з’яўляецца дакладным перакладам з грэчаскай мовы (адтуль і *στρατηγός*, і *ἐπαρχία* — правінцыя) [16, р. 257]. Інфармацыя аб стварэнні новай рымскай правінцыі, названай па імені Палемона «Понтам Палемонскім», даволі прыметная ў апавяданні Малалы аб праўленні Нерона, бо яна адна з нямногіх, што не належаць да асноўнага сюжэта візантыйскага храніста аб Нероне і хрысціянах (дзе галоўнае месца займае спаборніцтва ў чудатворстве паміж апосталам Пятром і магам Сімонам).

Зразумела, чаму Іаан Малала адабраў менавіта звесткі аб Понце (і Палемоне) з вялікай колькасці інфармацыі аб дзейнасці Нерона ў антычных першакрыніцах (у Тацыта, Святонія, Іосіфа Флавія). Па-першае, як візантыйца, яго асабліва цікавіла гісторыя ўсходняй часткі Рымскай імперыі (можна звярнуць увагу на тое, як ён многа піша аб роднай яму Антыёхіі). Па-другое, гэта было абумоўлена зместам тых першакрыніц, якімі ён карыстаўся. Да яго апавядання пра Нерона такімі былі «Царкоўная гісторыя» Яўсевія Кесарыйскага і рымскія гісторыкі перыяду Позняй імперыі. Прынамсі, «слядоў» звестак з Тацыта ці Святонія няма, за адным выключэннем. І гэта якраз фраза Святонія з біяграфіі Нерона (18-ы раздзел): «Толькі Пантыйскае царства са згоды Палемона ды Альпійскае пасля смерці Котыя ён ператварыў у правінцыю» [17, с. 157]. Тацыт жа і Іосіф Флавій аб гэтай падзеі не паведамляюць нічога.

Аднак ці можна лічыць, што Малала мог скарыстацца менавіта звесткамі Святонія, які нарадзіўся ўсяго праз некалькі гадоў пасля смерці Нерона? Наўрад ці, бо для візантыйскіх хранографістаў было тыповым выкарыстанне прац рымскіх гісторыкаў перыяду Позняй імперыі, таго перыяду, калі можна з упэўненасцю гаварыць аб крызісе антычнай гістарычнай навукі. Лягчэй за ўсё было карыстацца брэвіярыямі, эпітэмамі з іх надзвычай кароткім канспектывым асвятленнем падзей мінуўшчыны і вытрымкамі з аўтарытэтных гісторыкаў больш ранняга часу. І распаўсюджанне Святонія аб Палемоне і новай рымскай пантыйскай правінцыі пры Нероне мы сустракаем у рымскіх гісторыкаў IV ст.: Еўтропія, Аўрэлія Віктара і псеўда-Аўрэлія Віктара. У «Брэвіярыі» (VII, 14) Еўтропія: «Аднак пры ім з’явіліся дзве новыя правінцыі: Понт Палеманійскі (*Pontus Polemoniacus*), саступлены царом Палемонам (*rege Polemone*), і Котыйскія Альпы, па смерці цара Котыя» [18, с. 47; 19, р. 73, 74]. У творы Аўрэлія Віктара «Аб цэзарах»: «За гэты час ён ператварыў у правінцыі Понт са згоды Палемона, з-за чаго пачаў называцца Палемонавым Понтам (*Polemaniacus Pontus appellatur*), а таксама і Котыйскія Альпы пасля смерці цара Котыя» [20, с. 82; 21, р. 7]. Падобны сказ ёсць і ў «Вытрымках аб жыцці і норах рымскіх імператараў», што прыпісваюцца Аўрэлію Віктару [22, с. 129].

Можна адзначыць, што Іаан Малала яўна наблытаў з персонай Палемона, пазначыўшы яго «стратэгам» Нерона, які далучыў да Рыма Понт, а не царом Понта, у якога імператар Нерон адабраў дзяржаву, ператварыўшы яе ў рымскую правінцыю. Прынамсі, Палемон вымушаны быў яе аддаць, бо гэта адбылося не пасля яго смерці, як з Котыем. Справа ў тым, што Палемон для рымлян быў гех *socius* (саюзны цар), а такі цар не меў права на знешнюю палітыку без згоды Рыма, не меў права самавольна перадаваць сваю ўладу, бо гэтае пытанне вырашалася ў Рыме. Такімі ж царамі, напрыклад, былі рымскія марыянеткі ва Іўдзеі з дынастыі Ірадаў (Ірад I, Агрыпа I, Агрыпа II). Палемон, які быў царом Понта пры Нероне і быў імператарам пазбаўлены свайго царства, даводзіўся ўнукам Палемону I часоў Юлія Цэзара і Марка Антонія. Палемона II часта называюць сынам Палемона I (бо так яго называў Дыён Касій), але дзякуючы працы шэрагу даследчыкаў з шырокім колам разнастайных першакрыніц (эпіграфічных, нумізматycznych, заканадаўчых) можна лічыць даказаным, што ён — менавіта ўнук.

Цар Понта Палемон II (з 38 па 63/64 г. н. э) быў сынам дачкі Палемона I і фракійскага цара Котыса III [13, с. 328; 23, с. 132]. Найбольш істотныя звесткі аб Палемоне II дае рымскі гісторык Дыён Касій, цікавая інфармацыя маецца ў Іосіфа Флавія, патрэбны і даныя Тацыта, каб разабрацца ў адносінах шматлікіх «саюзных цароў», дакладней — у знешняй палітыцы Рыма на ўсходзе. Але дакладна аднавіць тагачасны падзеі магчыма зноў жа толькі з шырокім колам іншых разнастайных крыніц. Палемон II атрымаў Понт па волі імператара Калігулы (з якім разам выходзіў у Рыме), але спачатку правіў разам з маці Антоніей Трыфенай (праўнучкай Марка Антонія). Пасля яго смерці ў 49 г. ён стаў аднаўладцам у Понце, а таксама ў частцы Кілікіі, якую атрымаў ужо ад імператара Клаўдзія замест Баспора, аддадзенага яму Калігулам (Палемон II аднак не здолеў усталяваць сваю ўладу на Баспоры). Палемон II афіцыйна называўся Юліем Палемоном да 49 г., а потым Маркам Антоніем Палемоном. Ён праводзіў (як, дарэчы, і ўся яго радня) прарымскую палітыку, інтарэсы якой на ўсходзе прывялі пры Нероне да стварэння ў Понце рымскай правінцыі, а Палемон адправіўся дажываць свой век у Кілікію. І больш аб ім нічога невядома (нават калі і дзе памёр) [13, с. 330—339; 23, с. 130—139; 24, р. 294—296, 386].

Такім чынам, Палемон II куды больш прыдатная персона для легенд пра далёкія ўцёкі, чым Палемон I, аб смерці якога распавядалася ў першакрыніцах. Цікава, што яшчэ за 20 год да свайго адстаўкі Палемон II насцярожыў свету паводзінамі рымскія ўлады. Яго сумесны візіт разам з царамі Камагены, Эмеса, Халкіды да такога ж «саюзнага цара» Іўдзеі Агрыпы I выклікаў сур'ёзныя падазрэнні легата Аўгуста Сірыі Г. Вібія Марса ў змове гэтых марыянетаў супраць Рыма. Легат загадаў усім царам раз'ехацца па сваіх уладаннях, а арганізатар сустрэчы ўнук Ірада Вялікага Агрыпа I неўзабаве раптам памёр яўна ад атруты. Аб гэтым паведамляе Іосіф Флавій [25, с. 524—526]. Ён жа паведамляе і аб тым, што Палемон (ён яго тытуле «цар кілікійскі») узяў шлюб з Беранікай, праўнучкай Ірада Вялікага, прыгажуняй, якая ўжо тады мела скандальную рэпутацыю: хадзілі плёткі, што яна пасля смерці свайго мужа жыве са сваім родным братам царом Іўдзеі Агрыпам II (дарэчы яны абое ўдзельнічалі ў допыце апостала Паўла ў Кесарыі Палесцінскай пракуратарам Порцыем Фестам, аб чым падрабязна распавядаецца ў «Дзеяннях святых апосталаў»). Іосіф Флавій дадае, што Бераніка шлюбам хацела спыніць плёткі, а Палемон спакусіўся не столькі на яе прыгажосць (як потым сам імператар Ціт), колькі на багацце і нават прыняў іўдзейскую рэлігію. Аднак і ў шлюбе Бераніка паводзіла сябе вельмі вольна, і неўзабаве Палемон з ёю развёўся і адмовіўся ад іўдаізму [25, с. 545].

Зразумела, што такіх падрабязнасцей аб Палемоне II аўтары летапіснай легенды Вялікага Княства Літоўскага не ведалі. Але ж адкуль яны ўзялі звесткі аб ім? Паспрабуем параўнаць вельмі кароткія летапісныя апавяданні аб асобе Палемона і аб невыноснай для яго сітуацыі пры Нероне са звесткамі ўжо ўзгаданых антычных пісьмовых першакрыніц. Пакінем убакі

пакуль летапісны пастулат аб «кроўным» радстве Палемона з Неронам. Ніякія антычныя крыніцы тут не маглi даць нiводнага аргумента, хiба толькi на падставе сучасных даследаванняў недаступных летапісцам спецыфічных крынiц нехта можа паспрабаваць вывесцi радавод Палемона II па жаночай лiнii ад сястры Актавіяна, выдадзенай за Марка Антонія (але факты не даюць падстаў для гэтага).

У летапісах Красінскага, Рачынскага, Альшэўскім, Румянцаўскім, Еўраінаўскім тэкст амаль аднолькавы. Першы з iх дае такi варыянт: «...По Клавдии царствовал сын его Нерон, который же Нерон был пан окрутный и невъставичный, власную матку свою и доктора своего навъышшого своею рукою забил без каждое причины о смерть приправил и неколко крот место римское казал запаливати, а ни для чего, толко для того, иж бы ся тому дивовал, а потеху с того мевал. И княжатам, и панятом рымским, и шляхтам, и всему посполитству кривды и втиснения великия чинил, для чего ж всяким подданным его, для великого окрутенства его и невъставичности, не был ниhto певен а ни безпечен не толко именеи альбо скарбов, але и здоровья своего. А так многие, опускаючи имена и скарбы свои втекали до rozmaитых земель, наследуючи справедливости покоя. Где ж одно княже римское именем Полемон, который же цесару Нерону был кровный, забрался з жоною и детми, и з скарбы своими, и подъданными своими, з которым жо князем собралось пьтсот шляхты з жонами и з детми и з многими людьми. И взявши з собою одного остронома, и пошли в кораблех морем по заходу слонца... А так они не малыи час по морю ходечи, пришли Межиземского моря и дошли до реки Шума и тою рекою Шумою в море окиян, и морем окияном дошли до устья, игде река Немон впадывает в море окиян» [26, с. 178]. Апошнiя радкi з апiсаннем маршрута ўцёкачоў адразу выклiкаюць пытанне: «А па якiм жа моры яны такi доўгi час плылі, пакуль не дабралiся да Мiжземнага мора? Можа, з Чорнага мора, з Понта?»

Падобныя тэксты ў летапісах Рачынскага, Альшэўскім, Румянцаўскім, Еўраінаўскім адрозніваюцца толькi некаторымi дэталямi. Ва ўсiх iх названа iмя «доктара» Нерона Сенеки [27, с. 202; 28, с. 232; 29, с. 281; 30, с. 323].

А вось больш позняя «Хронiка Лiтоўская i Жамойцкая» мае больш адрозненняў, а таксама значны матэрыял аб Нероне, якога няма ў iншых летапісах. Сенека тут названы не доктарам, а «научителем» Нерона. Палемон ахарактарызаваны як «Неронов повинный» [31, с. 405]. Дададзена, што «другие теж летописцы о пристю влохов» распавядаюць як аб уцёках Палемона («княжа з сенату римского») ад войска Атылы, «короля венгерского». Аднак хранiст не лiчыць гэта верагодным, бо: «...але то наиболее уходячи строгости Нероновой и тиранства, которого тиранство над иншие было плюгавое, же матку свою власную распорол, хотячи ведати, где лежал, Сенеку, учителя своего, у ванне зарезал, вся речь посполитая Римская пред ним дрижала. Скарбы свои спросными збытками потративши, удался на драпезство, мордуючи богатых, где о них чул, сеть з едвабу одну, а другую з злота тягненого казал уробити и, егда где до болота пришедши, ловил риби, хоть их там болото тое николи не видало, бы ся тылко воли тиранской досыць стало. Рим казал палити, абы глядячи тешилися, приятелей своих и кровных вытратил, Петра и Павла, святых апостолов христовых стратил, верных преследовал, палацы коштовные римские ламал и знову будовал».

I гэты больш познi дадатак дае важкiя падставы лiчыць, што пры стварэннi легенды аб Палемоне ў беларуска-лiтоўскім летапісаннi быў выкарыстаны «Брэвіярый» Еўтропія. Еўтропiй акцэнтаваў увагу на падабенстве дзiвосных i ганебных учынкаў Нерона з яго дзядзькам па мацi Калiгулам. Нерон «лавіў рыбу залатымi сеткамі i выцягваў яе затым пурпурнымi вяроўкамі». Нерон «забіў мноства сенатараў i ўсiм добрым людзям быў ворагам», «заплямiў сябе шматлікімi забойствамi родных: знішчыў брата, жонку, сястру i мацi». А таксама «падпалiў Рым, каб пабачыць вiдовiшча, падобнае на палаючую Трою». Адзiнай заслугай Нерона, па Еўтропiю, было стварэнне iм дзвюх новых правiнцый, адной з якіх i быў Понт Палеманiйскi [18, с. 47]. Iстотным аргументам на карысць выкарыстання Еўтропiя з'яўляецца

рэдкае ў першакрыніцах апавяданне аб лоўлі рыбы залатымі сеткамі (узятая ў Святонія: «Рыбу лавіў пазалочанай сеткай з пурпурных і чырвоных вяровак») [17, с. 162]. Канешне, беларускі храніст дадаў і мясцовы сакавіты каларыт (аб лоўлі ў балоце). З антычных першакрыніц, дзе ўпамінаецца Палемон II Пантыйскі, маецца некаторае падабенства з творам Аўрэлія Віктара: забойства маці, крывавае расправа са змоўшчыкамі з ліку «аптыматаў», падпал Рыма і будаўніцтва новага палаца. Аднак большая частка кароткага нарыса Аўрэлія Віктара аб Нероне прысвечана маральнай разбэшчанасці імператара, яго сексуальным вычварэнням. І хоць у гэтай крыніцы аб Нероне напісана значна больш, чым у Еўтропія, аднак фактаў прыведзена менш.

Ёсць і яшчэ адзін аргумент на карысць выкарыстання Еўтропія — яшчэ ў старажытнасці яго лацінскамоўны твор быў двойчы перакладзены на грэчаскую мову і выкарыстоўваўся як вучэбны дапаможнік па рымскай гісторыі на працягу ўсяго Сярэднявекі [32, с. 63]. Гэта дае нам «візантыйскі» след. Лацінскамоўны Аўрэлій Віктар ці Святоній (так бы мовіць, «арыгінал», бо з яго бралі асноўныя звесткі аб першых імператарах познеантычных гісторыкі) у Візантыі такога поспеху не мелі. Наўрад ці першакрыніцай (прынамсі, адзінай першакрыніцай) быў пераклад «Іўдзейскай вайны» Іосіфа Флавія, бо Іосіф пазбягае адмоўных характарыстык Нерона (маўляў, «рэчы ўсім вядомыя» і без яго) і піша толькі аб забойстве імператарам брата, жонкі і маці і рэпрэсіях супраць «высакароднейшых мужоў» [33, с. 166]. Нічога не дае і «Іасіпон» (праўда, гэта даступны мне стары лацінскі пераклад) [34] — гэтая сярэднявекавая перапрацаванне двух асноўных твораў Іосіфа Флавія, пераклад якой змешчаны, між іншым, як паведамляў М. М. Улашчык, у адным вялікім рукапісе разам з «Хронікай Літоўскай і Жамойцкай» [35, с. 30]. Малаверагодна і выкарыстанне беларускімі храністамі лацінскамоўнай «Гісторыі супраць язычнікаў» Паўла Арозія (V ст.), надзвычай папулярнай у сярэднявекавой Заходняй Еўропе і якой карысталіся ранневізантыйскія гісторыкі. Кароткае апісанне Арозіем праўлення Нерона (VII, 7) — гэта сціслы маралізатарскі пераказ Святонія, іншы раз даслоўны (аб тых жа каштоўных сетках для рыбы — *retibus aureis piscaretur, quae purpureis funibus extraherantur*, назіранне за пажарам Рыма з вежы Мецэната, наогул, дзеянні Нерона падчас пажару і г. д.), без акцэнта на масавых рэпрэсіях (апроч хрысціян). Але Арозій нічога не піша пра новыя правінцыі, у тым ліку і Понт. Наадварот, ён гаворыць толькі аб страчаных правінцыях (прычым *Armeniae provinciae*). Ну, і галоўнае — ніякага Палемона ён не ведае [36].

У «Хроніцы Літоўскай і Жамойцкай» нарэшце з'яўляецца і інфармацыя аб пераследу Неронам хрысціян. У ранейшых летапісах гэтага няма. Тут маглі быць дзве прычыны. Першая: Еўтропій, Аўрэлій Віктар (як і Святоній) не былі хрысціянскімі аўтарамі і не пісалі ні аб пераследу хрысціян з-за пажару ў Рыме, ні аб пакаранні смерцю апосталаў Пятра і Паўла Неронам. Між іншым хрысціянскія аўтары аж да Арозія, наадварот, пісалі аб ганенні Нерона на хрысціян, але пра пажар у Рыме не ўпаміналі. Аднак, як ужо гаварылася, падрабязная інфармацыя аб хрысціянах пры Нероне мелася ў старажытнарускіх перакладах візантыйцаў Іаана Малалы і Георгія Амартола. Другой прычынай магло быць нежаданне храністаў акцэнтаваць увагу на язычніцкім паходжанні літоўскай знаці з «італійцаў». Усё ж не так і шмат часу прайшло з хрышчэння Літвы. Крэўская ўнія, дынастыя Ягелонаў (і не толькі ў каталіцкай Польшчы), а тут непатрэбны напамін аб «апошніх язычніках Еўропы». З цягам жа часу сюжэт аб пераследу хрысціян Неронам быў дададзены, бо ў масавай свядомасці доўгія стагоддзі Нерон утрымліваўся толькі таму, што быў адным з галоўных ганіцеляў хрысціян, апосталаў Пятра і Паўла.

Зразумела, выкладзеныя вышэй аргументы не прэтэндуюць на вырашэнне праблемы антычнага прататыпа легендарнага Палемона. Гэта толькі гіпотэза. Важна, як падаецца, высветліць яшчэ паходжанне шэрагу істотных дэталей. У прыватнасці, адкуль узалося «матку свою власную распорол», бо толькі ў «Аналах» Тацыта ёсць падобнага кшталту падрабязнасці — выплыўшая пасля наўмыснага караблекрушэння Агрыпіна крычыць пасланаму яе

сынам забойцы з мячом: «Бі ў чэрава!» [37, с. 256]. Ці чаму так настойліва ва ўсіх варыянтах легенды ўпамінаецца пра смерць Сенекі, аб чым нічога не гаворыцца ні ў Еўтропія, ні ў Аўрэлія Віктара, ні ў Іосіфа Флавія, ні ў Іаана Малалы, ні ў Георгія Амартола? Ёсць пэўная спакуса знайсці паходжанне гэтых дэталей у Дыёна Касія, які яўна карыстаўся творамі Тацыта, тым больш, што кнігі 62 і 63, дзе распавядаецца пра праўленне Нерона, строга кажучы, не з'яўляюцца ўласным тэкстам самога Дыёна Касія, а эпітомамі, зробленымі з яго тэксту візантыйскімі гісторыкамі XI—XII ст. (хутчэй за ўсё Іаанам Ксіфілінам) [32, с. 103]. Гэта таксама мог бы быць «візантыйскі след». Там ёсць і адпаведная сцэна забойства маці Нерона Агрыпіны з яе апошнімі словамі свайму забойцу Анікету пасля таго, як яна падставіла пад меч свой жылот «παῖε ταύτην, Ανίκητε, παῖε, ὅτι Νέρωνα ἔτεκεν» («бі сюды, Анікет, бі, бо Нерона гэта нарадзіла»), што нашмат больш уражвае чытача, чым «трапляў у чэрава» «Аналаў» Тацыта [38, р.66]. Ёсць там і сцэна смерці Сенекі, калі ён ускрывае сабе вены, але ў ёй няма ніякай «ванны» альбо, як у Тацыта, лазні, басейна [38, р.130]. Прычым, зразумела, у Дыёна Касія Нерон зусім не ўласналучна «матку свою власную распорол» і «Сенеку, учителя своего, у ванне зарезал». Няма ў Дыёна Касія і залатых сетак для рыбы. А самае галоўнае — зноў жа няма ніякіх звестак аб Палемоне (хаця войны непадалёку ад Понта асвятляюцца).

Нарэшце, варта паразважаць, чаму беларускія храністы не «адпраўляюць» Палемона з Понта да Літвы бліжнім вядомым шляхам «з грэкаў у варагі», якім рухаўся апостал Андрэй (брат Пятра) у «Аповесці мінулых гадоў». Але тут ужо трэба разважаць аб ідэалагічным і палітычным сэнсе легенды ў тагачаснай знешнепалітычнай сітуацыі, што не з'яўляецца прадметам даследавання ў дадзеным артыкуле. Тым не менш магчыма даследчыкам гэтай праблемы будзе цікава звярнуць увагу і на такія складнікі легенды аб Палемоне. У польскай версіі (Длугаша — Стрыйкоўскага) зроблены яўны акцэнт на рымскае паходжанне Палемона (плыве з Італіі, пераробка грэчаскага імені Палемон у лацінскае Лібон, ад якога, да таго ж, выводзіцца і назва «Лівонія»), прататып узяты з рэспубліканскіх часоў Рыма. А вось у беларуска-літоўскай версіі дзейнічае іншы Палемон — ён мае грэчаскае імя (ваяўнічага сэнсу), паходзіць зусім не з Італіі (не лацін), а з той часткі Рымскай дзяржавы (паўночнае ўзбярэжжа Малой Азіі), якая потым складзе тэрыторыю Візантыі, жыве ў часы манархічнага рэжыму ў Рымскай дзяржаве. Прынамсі, ужо гэтыя моманты паказваюць на яўнае разыходжанне паміж заходнеўрапейскім і візантыйскім базісамі дзвюх варыянтаў легенды аб Палемоне.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Варонін В.* Прадмова // *Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час.* Мінск : ARCHE-Пачатак, 2010. С. 4—6.
2. *Семянчук А. А.* Беларуская-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гродна : ГрДУ, 2000. 163 с.
3. *Любая А. А.* Антычнасць у сістэме гістарычных і ідэалагічных уяўленняў Вялікага княства Літоўскага (сярэдня XV — першая палова XVI ст.) // *Studia Historica Europae Orientalis. Исследования по истории Восточной Европы.* Мінск : РИВШ, 2009. Вып. 2. С. 212—223.
4. *Удальцова З. В.* Развитие исторической мысли // *Культура Византии. IV — первая половина VII в. М. : Наука, 1984. С. 119—271.*
5. *Чернышева М. И.* О соотношении славянского перевода «Хроники Иоанна Малалы» и ее греческого текста // *Тр. отд. древнерусской лит. Акад. наук СССР; Ин-т русской лит. Л. : Наука, 1983. Т. 37. С. 222—228.*
6. *Бибиков М. В.* Развитие исторической мысли // *Культура Византии. Вторая половина VII — XII в. М. : Наука, 1989. С. 89—128.*
7. *Матвеев В., Щеголева Л.* Временник Георгия Монаха (Хроника Георгия Амартола). Русский текст, комментарии, указатели. М. : Изд-во Богородский печатник, 2000. 544 с.
8. *Фядосік В. А., Рэвяка К. А., Нічыпаровіч В. У.* Іосіф Флавій і ўсходнеславянская хрысціянская традыцыя // *Праблемы гісторыі старажытнага свету і сярэдніх вякоў.* Мінск : БДУ, 2000. С. 184—191.

9. *Стрыйкоўскі М.* Пра пачатак, паходжанне, адвагу, рыцарскія і дамовыя дзеі слаўнага народу літоўскага, жамойцкага і рускага / пер. А. Бразгунова // <http://www.prajdzisvet.org/text/1050-pra-pachatak-pakhodzhanne-advahu-rytsarskija-i-damovyja-dziei-slaunaha-narodu-litouskaha-zhamojtskaha-i-ruskaha.html>.

10. *Луций Аней Флор.* Эпитомы // <http://www.sulla.k21vek.com/litra/flor/flor2.htm#13>

11. Pauli Orosii Historia adversus paganos. Liber sextus, 15,8 // <http://www.attalus.org/latin/orosius6A.html>.

12. *Спесивцева В. А.* Начальные века истории человечества в исторических произведениях польских авторов конца XV—XVI вв. : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2010. 27 с.

13. *Сапрыкин С. Ю.* Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М. : Наука, 1996. 348 с.

14. *Ostrowski J. A.* Między Bosforem a Eufratem. Wrocław : Ossolineum. 2005. 258 s.

15. *Истрин В. М.* Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе. М. : Джон Уайли энд Санз, 1994. 473 с.

16. Ioannis Malala Chronographia // Corpus scriptorium historiae Byzantinae. Т. 32. Bonnae : Impensis Ed. Weberi, MDCCCXXXI. LXXVIII, 798 p.

17. *Светоний Г. Т.* Жизнь двенадцати цезарей. М. : Худ. лит., 1990. 255 с.

18. *Евтропий.* Краткая история от основания Города // Римские историки IV в. М. : РОССПЭН, 1997. С. 5—73.

19. Eutropii Breviarum historiae romanae f̄b Urbe condita ad annum ejusdem Urbis DCCCL. Londinium: Pote et Williams, 1809. 79 p.

20. *Секст Аврелий Виктор.* О цезарях // Римские историки IV в. М. : РОССПЭН, 1997. С. 77—123.

21. Sexti Aurelii Victoris De Caesaribus Liber. Monachium : F. Straub, 1892. VIII, 60 p.

22. *Секст Аврелий Виктор.* Извлечения о жизни и нравах римских императоров // Римские историки IV в. М. : РОССПЭН, 1997. С. 124—162.

23. *Виноградов Ю. Г.* Полемон, Херсонес и Рим // Вестн. древней истории. 1992. № 3. С. 130—139.

24. Dio's Roman History. V. VII. London : William Heinemann Ltd., MCMLV. 449 p.

25. *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. Минск : Беларусь, 1994. Т. 2. 606 с.

26. *Летапіс Красінскага // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час. Мінск : АРСНЕ-Пачатак, 2010. С. 178—201.*

27. *Альшэўскі летапіс // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час. Мінск : АРСНЕ-Пачатак, 2010. С. 202—231.*

28. *Румянцаўскі летапіс // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час. Мінск : АРСНЕ-Пачатак, 2010. С. 232—263.*

29. *Летапіс Рачынскага // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час. Мінск : АРСНЕ-Пачатак, 2010. С. 281—322.*

30. *Еўраінаўскі летапіс // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час. Мінск : АРСНЕ-Пачатак, 2010. С. 323—360.*

31. *Хроніка літоўская і жамойцкая // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час. Мінск : АРСНЕ-Пачатак, 2010. С. 405—571.*

32. *Бокшанин А. Г.* Источниковедение древнего Рима. М. : МГУ, 1981. 160 с.

33. *Иосиф Флавий.* Иудейская война. Минск : Беларусь, 1991. 512 с.

34. Josephus Gorionides sive Josephus Hebraicus. Gothae : Jacobum Mevium, MDCCVII. 942 p.

35. *Улашчык М.* Прадмова // Летапісы і хронікі Беларусі. Сярэднявечча і раннемадэрны час. Мінск : АРСНЕ-Пачатак, 2010. С. 7—46.

36. Pauli Orosii historia adversum paganos // <http://www.attalus.org/latin/orosius7A.html>

37. *Корнелий Тацит.* Сочинения : в 2 т. М. : Наука, 1969. Т. 1. 444 с.

38. Dio's Roman History. V. VIII. London : William Heinemann Ltd., MCMXXV. 482 p.

Статья поступила в редакцию 19 декабря 2013 г.

А. А. Максимович

СОВРЕМЕННЫЙ КЫРГЫЗСКИЙ ВЗГЛЯД НА АНТИСОВЕТСКИЕ ВЫСТУПЛЕНИЯ 1920—1930-х гг. В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Анализируются труды кыргызских исследователей по проблеме антисоветских выступлений в Центральной Азии в 1920—1930-х гг. Указываются главные направления кыргызской историографической школы в исследовании антисоветских выступлений в регионе; исследование участия политических и интеллектуальных элит в басмачестве; рассмотрение басмачества как части общего государственного развития; изучение непосредственно боевых действий басмачей. Работа содержит как позицию официальных властей по вопросу, так и мнение независимых исследователей страны. Содержится анализ достижений и трудностей историографической школы Кыргызстана по исследуемой проблеме.

The article is devoted to analyze of the works of Kyrgyzstan authors who wrote about the anti-Soviet movement in Central Asia of 1920—1930-s. The article indicates and briefly summarizes the major papers of researchers. It describes the basic tenets of Kyrgyz's historiographical school for anti-Soviet movement in the region: studying the involvement of political and intellectual elites to Basmachism; consideration Basmachism of as part of the overall national development; studying directly fighting of Basmach's troops. The work includes as the position of the authorities on the issue, as the opinion of independent researchers of the country. The article analyzes the achievements and difficulties of historiographical schools of Kyrgyzstan on the topic.

Ключевые слова: антисоветское движение, Кыргызстан, Центральная Азия, басмачество, историографический подход.

Keywords: anti-Soviet movement, Kyrgyzstan, Central Asia, basmachestvo, historiographical approach.

Становление независимых государств Центральной Азии в начале 1990-х гг. поставило на повестку дня проблему выбора дальнейшего пути развития молодых республик. Регион оказался под пристальным взглядом глобальных и региональных лидеров, международных финансово-экономических структур. В результате Центральная Азия стала полем все более широкого сотрудничества и одновременно ареной соперничества различных сил. Это было обусловлено ее геополитической значимостью, вытекавшей из наличия запасов сырьевых ресурсов, перспектив строительства мощной транспортной инфраструктуры.

Обретение независимости и развитие в новых геополитических реалиях стало первым серьезным испытанием для всех стран Центральной Азии. Их политические системы прошли период становления, неоднократно испытывались на прочность кризисными тенденциями в сфере социально-экономического развития, действиями различных радикальных и даже террористических группировок. Именно из этих обстоятельств и проистекала необходимость построения прочной идеологии для молодых государств, что потребовало переоценки их исторического наследия и утверждения собственных национально-государственных концепций.

Одним из ключевых моментов в новой идеологии государств стали отношения с Российской Федерацией, а значит, потребовался и пересмотр тех исторических событий, которые как-то связаны с Москвой. Одной из самых острых стала тема так называемого басмаческого движения — движения, развернувшегося в районах Центральной Азии в 20—30-х гг. XX в. и направленного против советской власти. Особую важность изучению указанного

Максимович Александр Александрович — аспирант кафедры истории России Белорусского государственного университета. E-mail: aljaksandr@rambler.ru

периода истории региона как для центральноазиатских, так и для российских исследователей придало стремление России вернуться и занять утраченные ранее позиции. Это привело к столкновению зачастую полярных подходов исследователей, все более активному и фактологически насыщенному обращению к этому историческому периоду.

Итогом подобных научных «противостояний» стало создание национальных подходов к изучению, оценке и переоценке антисоветских выступлений, зачастую противоположных в рамках даже одной страны. В значительной степени это было продиктовано объективными обстоятельствами: открытие новых данных в местных архивах, которые обогатили исследования неизвестными ранее фактами; общая переоценка исторического прошлого народов при смене исторической парадигмы с формационной на цивилизационную, где главная роль принадлежит истории отдельных этносов, а не классовым противоречиям и экономическому развитию общества. Однако нанесла свой отпечаток и новая идеология каждой из стран Центральной Азии, которая отразилась не только на аксиологическом восприятии антисоветских выступлений в регионе в 1920—1930-х гг., но и на фактологическом наполнении работ авторов, а также терминологических особенностях исследований. Одним из показательных примеров такой ситуации является развитие кыргызской историографии по данному вопросу.

Кыргызская модель изучения антисоветских выступлений начала складываться еще до распада Советского Союза. Первоначальной тенденцией стало постепенное освобождение исследователей от рамок коммунистической идеологии, что было характерно не только для Кыргызстана, но и для подавляющего большинства республик региона. Так, уже с 1990 г. по проблеме антисоветских выступлений активно выходят научные статьи, защищаются докторские диссертации исследователями из Кыргызстана — Д. Д. Джунушалиевым [1] и З. К. Курмановым [2, 3]. Немалым подспорьем при разработке данной темы стал национальный проект «Происхождение, формирование и развитие кыргызского народа». Затем последовал период полного переосмысления проблемы, настало время для более фундаментальных работ. Этим занялись исследователи А. Д. Джуманалиев [4], У. Чотонов [5], чьи работы, посвященные историческому анализу «созиданий и массовых трагедий 20—30-х гг. XX века», вызвали живой интерес не только у научного сообщества Кыргызстана, но и получили широкий отклик всего региона в целом. Исследования базируются на широком круге изданных и не опубликованных ранее источников, многие из которых вводятся в научный оборот впервые с переоценкой истории Кыргызстана советского периода.

Отметим, что вопрос антисоветских выступлений рассматривался вкупе с общим социально-политическим развитием страны в то время. Так, Джунушалиев в качестве основных причин срыва водно-земельной реформы на юге Кыргызстана называет широкое распространение здесь басмаческого движения, отмечает бессилие советской власти перед влиянием религиозных порядков и устоев [6, с. 44]. Рассматривая эти проблемы с новых позиций, он вносит весомый вклад в изучение истории антисоветских движений начала XX в. Автор рассматривает проблематику развития басмаческого движения в контексте противостояния в Центральной Азии советской власти и широких слоев местного населения. Басмачество оценивается им исключительно как ответная реакция мусульманского общества на грубую советскую экспансию, на политику красного террора, а лидеры басмачества — как национальные герои [6, с. 157]. Стоит отметить, что автором не были затронуты вопросы противостояния внутри басмаческого движения, а также факты террора басмачей против мирного населения, что значительно повлияло в дальнейшем на все движение.

Особого внимания заслуживает коллективная работа историков Кыргызстана Э. Ж. Манаева, З. К. Курманова и Г. Курумбаевой, в которой исследуется история внутрипартийной оппозиции в Кыргызстане, ее борьбы за обретение государственности, суверенитета [7]. Особый акцент сделан на создании очень важного социального слоя для любого молодого

государства — национальной интеллигенции и ее роли в построении кыргызского государства на советской основе. Авторы утверждают, что интеллигенция не вела открытой антисоветской борьбы и выступала с реформистских позиций [7, с. 89]. Таким образом, тезис о широком участии интеллигенции в поддержке басмачества и вооруженных выступлениях, распространившийся в эмигрантской среде, является, на взгляд авторов, ошибочным.

Борьбу представителей кыргызской интеллигенции, а также политической элиты за возрождение национальной государственности и суверенитета кыргызского народа в 1920—1930-е гг. рассматривает в своих работах З. К. Курманов [3, с. 4]. Исследователь полагает, что «по своей психологической организации, социокультурному укладу жизни кыргызы начала столетия не были настроены на радикальные перемены» и даже более того, советские реформы «вызывали натуральный протест» [3, с. 5]. Поскольку автор останавливается преимущественно на роли элиты в формировании национальной государственности, то особое внимание уделено личности Абдыкерима Сыдыкова. Лидер кыргызской легальной оппозиции 1920-х гг., один из советских деятелей, идеологических основателей Кыргызской Республики, репрессирован в 1930-е гг. и посмертно реабилитирован еще в период «оттепели». З. К. Курманов уделяет серьезное внимание именно идеологической борьбе, подчеркивая, что выступления крестьян на севере Кыргызстана были показателем справедливости требований А. Сыдыкова о ликвидации политики «военного коммунизма» и о расширении внутрипартийной демократии [3, с. 30]. Таким образом, автор связывает басмаческие выступления и с поддержкой восставшими идей местной власти, тем самым отрицая антисоветский характер выступлений, делая упор на антибольшевистской их направленности.

Затронув проблему антисоветского движения и У. Чотонов в своей работе, посвященной теоретико-методологическому рассмотрению суверенитета Кыргызстана [5]. Он отметил, что именно «советский период подарил киргизам сначала автономию в составе РСФСР, а затем и собственное государство, пусть и в рамках республик СССР» [5, с. 58]. У. Чотонов утверждал, что киргизы активно участвовали в строительстве национального государства, а проявления недовольства советской властью, вылившиеся в басмаческое движение на юге и крестьянские восстания на севере, также связывал с успешной пропагандой кулацких элементов и ошибками центральных и местных властей [5, с. 124]. Однако получение хоть и урезанной, но собственной государственности исследователем оценено гораздо больше, нежели борьба против советской власти, потому что именно появление Кара-Киргизской автономной области РСФСР, на его взгляд, стало началом суверенного независимого Кыргызстана.

Для кыргызов вопросы государственности вообще являются приоритетными перед экономическими или культурными достижениями. С кыргызской государственностью связываются наиболее значимые события в жизни народа, будь то образование Кыргызской союзной республики в составе СССР или создание независимой Республики Кыргызстан [8].

Для изучения вопросов вооруженных выступлений в Кыргызстане особый интерес представляет статья Б. Бегалиева, в которой раскрыты причины возникновения басмачества, особенности установления советской власти [9]. Автор считает, что басмаческое движение начиналось как движение национально-освободительного характера, направленное на защиту мусульман от красного террора, однако уже спустя пару лет после установления советской власти в Средней Азии утратило эти черты, превратившись в обычный бандитизм [9, с. 139]. По мнению Бегалиева, басмачи стали привлекать новых дехкан в свои отряды исключительно силой оружия, а с теми, кто был не согласен, жестоко расправлялись. В то же время советская власть после 1922—1923 гг., создавая добровольческие отряды из числа местных жителей-мусульман, перевела конфликт в Центральной Азии из стадии национально-освободительного движения в стадию гражданской войны и смогла получить поддержку части дехкан, пострадавших от действий басмачей [9, с. 147]. Это одна из немногих работ по истории басмачества, опубликованных в Центральной Азии в постсоветский период, где

довольно подробно рассматривается деградация басмачества от движения сопротивления красному террору к движению антинародному, маргинальному.

Интересно, что с выводами Б. Бегалиева совпадает позиция МВД Кыргызстана, а значит, вероятнее всего, и официального Бишкека. На сайте кыргызской милиции в разделе «История» борьбе с басмаческими отрядами посвящен отдельный подраздел «Милиция Кыргызстана в период иностранной интервенции и гражданской войны (1918—1920 гг.)», где сказано что «сопротивление советской власти приняло форму кулацких мятежей и басмаческого движения» [10]. Однако при этом уделяется внимание тому факту, что мероприятия советской власти и красный террор вызвали недовольство местного населения. Вкупе со «сложной военно-политической обстановкой, забитостью населения, религиозным фанатизмом духовенства главари басмачей сумели привлечь на свою сторону часть трудового населения, недовольного хозяйственными и политическими мероприятиями советской власти», что привело к широкой поддержке басмачей народными массами, считавшими, что они ведут борьбу за национальную независимость. По данным МВД Кыргызстана, «в результате решительных военно-оперативных мер советской власти, в сочетании с широкой разъяснительной работой среди коренного населения, стало расти отрицательное отношение местного населения к басмачеству», и вскоре басмачи стали переходить уже на сторону советской власти. Итогом стали жестокие расправы лидеров басмачества с местным населением, что заставило последних вступать в отряды милиции и самообороны и вести борьбу теперь уже против бандитских шайек [10]. Таким образом, официальные круги Кыргызстана также придерживались идеи об деградации движения от народного к маргинальному.

Исторические предпосылки организации, боевые события, а также последствия басмаческого движения в Ферганской области в 1918—1923 гг. рассмотрел в своей кандидатской диссертации Т. Ж. Жаркынбаев [11]. Исследователь считал, что движение басмачей явилось продолжением восстания 1916 г., когда народы Центральной Азии выступили против капиталистического и национального угнетения [11, с. 16]. Тем не менее автор акцентирует внимание на неоднозначности басмачества в глазах местного населения и постепенную его деградацию от национально-освободительного к маргинальному движению.

Одним из исследователей, посвятивших свои труды антисоветским выступлениям в Кыргызстане, стала Б. З. Бакеева. Она разделила антисоветские выступления на две группы. Волна первых прокатилась начиная со второй половины 1918 г. по северу Кыргызстана. Их отличительной чертой было противостояние внутри старых правящих классов, прежде всего за экономические интересы [12, с. 13]. Этим, на взгляд исследователя, и объясняется быстрое подавление мятежей, которые не нашли поддержки среди населения.

Самой активной и ожесточенной, а также значительной по количеству участников, территориальной протяженности, временным рамкам формой антисоветской борьбы стало басмаческое движение на юге страны [12, с. 14]. В работе Б. З. Бакеевой была сделана попытка разделить историю басмаческого движения на три этапа, каждому из которых присущи определенные формы и методы борьбы противоборствующих сторон. Первый из этапов характеризовался широким контролем басмачей за Ферганской долиной, а также партизанской борьбой; второй начинался с образования Туркестанского фронта и обозначился переходом к гражданской войне [12, с. 17]. Третий этап был наиболее продолжительным и, по данным Бакеевой, продолжался с 1921 г. до середины 1930-х гг., когда по Кыргызстану прокатилась волна крестьянских выступлений против коллективизации. Он характеризовался переходом басмачей к открытому террору против местных жителей, что окончательно дискредитировало их и лишило прочной социальной базы [12, с. 19]. Бакеева также отмечала, что исследование басмачества может помочь при разрешении современных проблем государства [12, с. 22], пытаясь не только максимально полно осветить историю страны, но и привнести практическую пользу, показать, что история все же может научить не повторять ошибок прошлого.

Исследователи истории Кыргызстана при определении участников антисоветских выступлений используют советский термин «басмачи», а хронологические рамки этих выступлений задают максимально широко — от 1918 г. вплоть до середины 1930-х гг., однако отмечают, что это касалось лишь южной части государства. Само же басмачество преимущественно оценивают как движение, регрессировавшее от широкого, национального к бандитскому.

Таким образом, в исследовании антисоветских выступлений с большой долей условности можно выделить следующие направления: исследование участия политических и интеллектуальных элит в басмачестве (Э. Ж. Маанаев, З. К. Курманов), рассмотрение выступлений как части общего государственного развития в то время (Дж. Дж. Джунушалиев, У. Чотонов) и, наконец, изучение непосредственно боевых действий басмачей (Б. Бегалиев, Т. Ж. Жаркынбаев, Б. З. Бакеева). Необходимо подчеркнуть, что практически все исследователи независимого Кыргызстана при рассмотрении антисоветских выступлений 1920—1930-х гг. сходятся во мнении, что движение басмачей деградировало от национально-освободительного — с широкой социальной поддержкой — до бандитского, скатившегося до террора против местных жителей. Широкое поле для исследования данного вопроса остается в таких направлениях, как крестьянские выступления на севере Кыргызстана, личности местных лидеров басмачей, а также причины регресса движения. В то же время историки Кыргызстана успешно преодолели догмы советской идеологии и смогли не опуститься до узких националистических оценок антисоветских выступлений 1918—1930-х гг. в регионе, что, безусловно, положительно характеризует кыргызскую историографию в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Джунушалиев Д. Д. Кыргызстан: преобразовательные процессы 20—30-х годов (исторический анализ проблем созиданий и трагедий) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Бишкек, 1993. 56 с.
2. Курманов З. К. Политическая борьба в Кыргызстане: 20-е годы. Бишкек, 1997. 344 с.
3. Курманов З. К. Борьба политических элит Кыргызстана в период возрождения национальной государственности кыргызского народа (1917—1927) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02. Бишкек, 1997. 42 с.
4. Джуманалиев А. Д. Политическое развитие Кыргызстана (Становление политической системы кыргызского общества в 1920—30-е гг.). Бишкек, 2002. 329 с.
5. Чотонов У. Кыргызстан по пути суверенитета (историко-политологический анализ). Бишкек, 2007. 384 с.
6. Джунушалиев Дж. Дж. Время созидания и трагедии: 20—30-е гг. XX века. Бишкек, 2003. 256 с.
7. Маанаев Э. Ж., Курманов З. К. Национальная интеллигенция периода своего становления: общественно-политическая роль, судьба / под ред. Э. Ж. Маанаева. Бишкек, 2001. 126 с.
8. Богатырёв В. Кыргыз: восстановление истории // Национальные истории на постсоветском пространстве — II / О. Буховец [и др.] ; под ред. Ф. Бомсдорфа, Г. Бордюгова. М., 2009. С. 296—326.
9. Бегалиев Б. Басмачество: новый взгляд // Кыргыз и Кыргызстан: опыт нового исторического осмысления. Бишкек, 1994. С. 135—152.
10. История кыргызской милиции // Официальный сайт МВД Кыргызстана [Электронный ресурс]. 2009. URL: http://www.mvd.kg/index.php?option=com_blog_calendar&year=2009&month=09&modid=92&lang=ru (дата обращения: 19.02.2011).
11. Жаркынбаев Т. Ж. Основной этап басмаческого движения в Ферганской долине (1917—1924 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Бишкек, 2005. 26 с.
12. Бакеева Б. З. Антисоветские выступления в начале XX века : автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Бишкек, 2007. 23 с.

ПУБЛИКАЦИИ





ПОЛЬША, ЛИТВА И КРЕСТОНОСЦЫ В КОНЦЕ XIV — НАЧАЛЕ XV в. НА СТРАНИЦАХ ХРОНИКИ БЕРНАРДА ВАПОВСКОГО

Сложным периодом в истории Прибалтийского региона стал XIII в., когда начала резко меняться геополитическая ситуация. Несколько разновекторных факторов влияли на эти перемены. Важнейшим из них были крестовые походы, предпринимавшиеся европейским рыцарством с санкции папства с целью христианизации славяно-балтского населения Восточной Прибалтики. Одной из форм крестоносной экспансии стало основание в Ливонии в 1202 г. «Братства воинов Христа» (ордена Меченосцев или Ливонского).

Другим фактором являлась польская феодально-католическая экспансия в земли Балтийского поморья и Пруссии. Именно она спровоцировала переселение на польские земли (Добжинскую, Хелминскую и Куявскую) рыцарей Тевтонского ордена и его дальнейшие территориальные захваты. Подчинив Пруссию (1283) и аннексировав Гданьское Поморье (1308—1309), Орден приобрел важный геополитический плацдарм и стал доминирующей силой в Балтийском регионе. Не менее значительным фактором, прямо связанным с первыми, было формирование самостоятельного Литовско-Русского государства на территории восточной Литвы (Аукшайтии) и Черной Руси (Западной Белоруси). Агрессия меченосцев стала мощным катализатором этого процесса и в конечном счете привела к упадку Ливонского ордена и его инкорпорации в состав Тевтонского (1237). С этого времени важнейшим геополитическим приоритетом Ордена стал захват Жемайтии, который мог обеспечить территориальную целостность двух частей Орденского государства — Прусской и Ливонской, и дальнейшее продвижение в Балтийском ареале — в земли Польши и Руси.

Отношения между Польским королевством, Великим княжеством Литовским (ВКЛ) и Тевтонским орденом имели стратегический характер, поскольку от их развития во многом зависело будущее Центральной Европы. В эти трехсторонние контакты были втянуты и другие европейские государства — Священная Римская империя, Чехия, Венгрия, Русь¹.

Экспансия Тевтонского ордена, которая осуществлялась во всех формах (военная, политическая, религиозная), оказывала значительное влияние на внутреннее развитие Польши и Литвы. Она стала катализатором объединительного процесса в польских землях, не случайно начавшегося в Великой Польше, которая особенно остро ощущала орденскую угрозу, а также явилась одной из причин заключения Кревской унии (1385). Роль Тевтонского ордена в жизни обоих государств и развитии международных отношений в Центральной Европе в XV—XVI вв. с разной степенью полноты отражена в польских хрониках XV—XVI в.² Они являются довольно известными, но мало публикуемыми источниками. Отсутствие переводов на русский язык ограничивает их использование. При этом особого внимания заслуживают хроники первой половины XVI в., поскольку от этого периода до нас дошло ограниченное количество актового материала, а нарративные известия скудны и фрагментарны.

Среди целого ряда польских хронистов (Я. Длугоша, М. Меховского, М. Бельского, М. Кромера) — Бернард Ваповский (1450—1535), известный деятель польской науки. Круг его интересов был очень широк. Современники знали его как дипломата, юриста, астролога, историка, географа, картографа. С его именем связывают «золотой век» в развитии польской картографии, хотя его исторические труды не менее интересны³.

Бернард Ваповский принадлежал к шляхетскому роду, имевшему крупные земельные владения в Перемышле (Радохоньце и Ваповце) и делавшему карьеру на духовном поприще⁴. В 1493 г. Бернард, сын Станислава, поступил в Краковский университет и окончил его как «*doctor decretorum*», а затем учился в Болонском университете (1503—1505). Через год по поручению короля Сигизмунда I Старого (1506—1548) он направился в Ватикан, принял сан священника и стал камердинером папы Юлия II (1506—1515). Важной дипломатической миссией Б. Ваповского было содействие в получении согласия папы на немедленное подчинение Тевтонского ордена Польше, о чем свидетельствует письмо короля Ваповскому в Рим от 25 января 1513 г.⁵ В это время польско-тевтонские отношения были обострены, поскольку орденская дипломатия предпринимала усилия для возвращения территорий, утраченных по Торуньскому миру 1466 г. и даже требовала выплатить компенсацию за «пятидесятилетнюю польскую оккупацию» этих земель. Великие магистры как вассалы императора Максимилиана I (1508—1519) отказывались от оммажа польскому королю и по существу саботировали Торуньский договор. Кроме того, Максимилиан I начал создавать коалицию, направленную против Ягеллонов. В нее должны были войти сам император, великий магистр Тевтонского ордена, прусские города, Ливонский магистр и великий князь Московский.

В Риме Ваповский сблизился с польским послом Я. Ласким⁶ и оказывал ему значительную помощь в переговорах с папой. Заслуги Ваповского Я. Лаский подробно описывает в письме королю⁷. Дружеские отношения Ваповского и Лаского имели характер политического сотрудничества. Я. Лаский при польском дворе возглавлял шляхетскую партию, интересы которой Б. Ваповский отражал в своих произведениях⁸. В Риме он участвовал в издании труда Птолемея, заново обработал карту Центральной Европы, написал несколько литературных произведений, посвященных военным успехам Сигизмунда I, в их числе и знаменитую оду, прославляющую победу короля под Оршей в 1514 г.⁹

В 1515 г., вернувшись в Польшу, Б. Ваповский не без поддержки Я. Лаского был назначен на должность королевского секретаря, а в 1523 г. — краковского каноника¹⁰. Уже в преклонном возрасте, удалившись от двора (около 1533 г.), он по распоряжению Сигизмунда I начал работу над хроникой, но закончить ее не успел. 21 октября 1526 г. Б. Ваповский умер. Незавершенная латинская рукопись не была издана и исчезла при неизвестных обстоятельствах.

Уже в середине XVI в. сочинение Б. Ваповского знали польские хронисты М. Кроммер и М. Бельский. Последний во всех трех изданиях своей хроники (1551, 1554, 1564) указывал, что включил в свой труд если не всю, то значительный фрагмент хроники. Перед разделом, повествующим о происхождении польского и других славянских народов, он пишет: «*Począyna si Kronika Bernata Wapowskiego*». В примечаниях к тексту (в издании 1564 г.) Бельский отмечает, что «сам от себя я здесь ничего не пишу, только то, что в латинской рукописи». Видимо, как считают польские исследователи, имелась в виду рукопись Б. Ваповского¹¹. Если верить Бельскому, это и была первая (пусть опосредованная) публикация хроники Ваповского. Признать это можно лишь условно, так как невозможно определить, где у Бельского заканчивается компиляция из Ваповского и начинается самостоятельное изложение.

Следы рукописи Б. Ваповского обрываются на М. Кроммере, который также ознакомился с ее текстом при создании собственного труда. Польские историки¹² предполагают¹³, что используя рукопись, Кроммер уничтожил ее¹⁴. Доказательства того, что М. Кроммер знал сочинение Б. Ваповского, встречаются в самом тексте хроники М. Кроммера. Он упрекает Ваповского в том, что тот путает Днепр (у греческих и римских географов «Бористенес») с Березиной. В предисловии к изданию хроники М. Кроммера Р. Мархвинский отмечает, что «Сведения по исторической географии Польши почерпнуты Кроммером у Б. Ваповского»¹⁵.

Впервые на это обратил внимание виленский каноник, историк и известный издатель Томаш Плаза в 1587 г. Собираясь опубликовать обе хроники (Б. Ваповского и М. Кроммера), Т. Плаза, несмотря на все старания, не смог отыскать рукопись Ваповского и получил только

ее фрагмент, присланный ему тем же Кромером. Этот фрагмент, охватывающий события с 1380 по 1535 г. и был издан Плазой как приложение к «Истории Польши» Кромера¹⁶.

Это была вторая публикация хроники Б. Ваповского. Она включала фрагмент, на котором, видимо, заканчивал свое заимствование М. Бельский. Т. Плаза снабдил издание предисловием, в котором с негодованием писал, что начало хроники Б. Ваповского вряд ли будет найдено. Прозрачно намекая на Кромера, он отмечал, как «бессовестно списывают историки друг у друга». Поэтому публикация Плазы, объединявшая оба текста (Кромера и Ваповского), вряд ли была случайной. Первая часть сочинения Ваповского, посвященная славянскому этногенезу и легендарному периоду славянской истории, до сих пор не найдена.

В 1846 г. польский историк М. Малиновский обнаружил часть хроники Б. Ваповского, охватывающую события с 1380 по 1528 г. Фрагмент найденного текста он перевел с латинского на польский язык и издал в Вильно под названием «История Польского королевства и Великого княжества Литовского»¹⁷. Качество перевода и само издание высоко оценивалось современниками¹⁸. Текст хроники был разделен по хронологическому принципу на 3 тома, включающих 9 книг, а разделы и сюжетные части были обозначены заголовками.

Перевод был осуществлен М. Малиновским с рукописи, на титульном листе которой в XVI в. стояло имя Бернарда Ваповского. Эта рукопись, по имени ее бывшего владельца, получила условное название «Рукопись Баворовского»¹⁹. Текст был написан *in folio* и насчитывал 1080 листов. Титульный лист не сохранился. Бумагу по водяным знакам можно разделить на два вида. С первого по 409-й лист на ней отчетливо просматривается топор, с 409 по 411 — крест, а дальше снова топор. Текст написан одним твердым почерком, который различается мелким и крупным написанием букв. Имеются сокращения, исправления и дополнения на полях. Кроме того, над текстом работала и другая рука, очевидно, редакторская, оставившая след в виде замечаний на полях. В основном редакция была политической и касалась изложения событий начала XVI в. Почерк редактора — остроконечный, наклонный, с характерными хвостами в заглавных буквах. Несколько страниц текста не сохранилось²⁰. Ныне «Рукопись Баворовского» хранится в Народной библиотеке Варшавы. В качестве приложения она издана вместе с исследованием Б. Беньковской²¹.

Сопоставление текста Б. Ваповского в издании Т. Плазы с «Рукописью Баворовского» позволяет заметить некоторые расхождения, на что и обращает внимание Б. Беньковская. Эти расхождения, а также различные хронологические рамки обоих текстов дают основание полагать, что в XVI в. существовало несколько списков хроники Б. Ваповского. Один из них известен как «Рукопись Баворовского», а по другому осуществил свое издание Т. Плаза. По всей вероятности, их можно считать вариантами сочинения самого Б. Ваповского²².

Хотя на титульном листе издания М. Малиновского отмечено, что в его переводе изложены события с 1380 по 1535 г., текст публикации завершается 1463 г. Остальная часть хроники осталась непереведенной. Ее в латинском подлиннике издал в 1874 г. польский историк И. Шуйский, сопоставив издание Т. Плазы с «Рукописью Баворовского»²³. Публикация И. Шуйского охватывает период с 1480 по 1535 г. При этом следует учесть, что текст с 1528 по 1535 г. является лишь переизданием Т. Плазы, поскольку поврежденная рукопись не сохранила соответствующего фрагмента. В то же время часть хроники, содержащая события с 1463 по 1480 г., не опубликована и сохранилась только в рукописи.

Публикуя хронику Б. Ваповского, И. Шуйский стремился сохранить максимальную близость к оригиналу. Поэтому он не разделял текст ни по хронологическому, ни по сюжетному принципу, а собственные редкие заголовки вынес на поля. Достоинством издания И. Шуйского являются приложенные к хронике Б. Ваповского извлечения из хронографов и летописей, освещающих события того же периода. В качестве приложения к изданию хроники польский историк опубликовал и другие произведения Б. Ваповского — стихи об Оршанской победе 1514 г. и приветственную речь, посвященную Сигизмунду I Старому.

Итак, к концу XIX в. историками была проделана значительная работа по публикации отдельных фрагментов хроники Б. Ваповского. Она могла стать основой для сводной научной публикации, но этого не случилось. Интерес к хронике иссяк, и ученые обратились к ней снова лишь через сто лет. В 1964 г. польский историк С. Грыгель предпринял попытку реконструкции утраченной части хроники, основываясь на сопоставлении заимствований из Б. Ваповского М. Бельским и М. Кромером²⁴. Однако аргументация автора, как и археографическая значимость публикации, во многом спорны. Лишь небольшие фрагменты из хроник названных авторов можно считать безусловно принадлежащими Б. Ваповскому. Наконец, в 1966 г. был издан еще один небольшой отрывок из хроники, содержащий события с 1516 по 1528 г. Ценность этой публикации, осуществленной Б. Беньковской, состоит в синхронном расположении текста Б. Ваповского и одного из его источников — хроники Эмерика Венгра²⁵.

Такова общая археографическая панорама изучения хроники Б. Ваповского. Ее история не имеет конца, поскольку не найдено начало повествования о доисторических временах славянства. Польские историки не прекращают поисков утраченной части хроники, высказывая предположение, что она может находиться в остатках библиотеки Варминьского епископства, разбросанных частью в Польше, частью в Швеции. Эти обстоятельства в значительной степени затрудняют использование хроники в качестве самостоятельного исторического источника, особенно важного для изучения всего правления Сигизмунда Старого.

Сводной публикации и полного перевода хроники до настоящего времени нет, что затрудняет ее использование. Кроме того, еще по оценке первых издателей труда (Б. М. Малиновского и Й. Шуйского) в историографии господствует мнение о том, что хроника Б. Ваповского имеет исключительно компилятивный характер, и ее значение как самостоятельного источника крайне ограничено. Так, описание событий 1380—1480 гг. основано в хронике Ваповского на «Анналах» Я. Длугоша²⁶; 1480—1506 гг. — на хронике Мацея Меховского²⁷; 1505—1516 гг. — на хронике Иоста Деция²⁸; 1516—1528 гг. — на хронике Эмерика Венгра²⁹.

Подобный подход породил довольно условное текстуально-хронологическое деление хроники Б. Ваповского на «длугошовую» и поддлугошовую» части. Из последней части наиболее ценным является фрагмент о событиях 1528—1535 гг., современником которых был сам хронист. Оно основано на документах королевской канцелярии, к которым Ваповский как королевский секретарь имел свободный доступ, и часть которых не сохранилась до наших дней, дипломатической переписке, свидетельствах очевидцев и участников событий.

Оценивая хронику Б. Ваповского в целом, следует заметить, что свойственная ей компилятивность являлась необходимым принципом создания исторических произведений в средние века, своего рода традицией, подчеркивающей широту осведомленности автора. В то же время степень и характер заимствований Б. Ваповского окончательно не выявлены. Тематическое построение хроники, отбор фактов и оценки событий, характеристики исторических деятелей нельзя понять, не учитывая идейной и политической позиции Б. Ваповского, его предназначения как первого в Польше королевского историографа.

Появление в Польше официального историографа и назначение на эту должность образованного дипломата и ученого, государственного секретаря, было закономерным и востребованным. После возвращения Гданьского Поморья (1466) Польша вступила в период экономического процветания и политического подъема. Под властью Ягеллонов находился крупнейший территориально-политический комплекс. Кроме Польши и ВКЛ представители дома Ягеллонов владели Чешским и Венгерским королевствами (1471—1526). Династические амбиции Ягеллонов находились в противоречии с геополитическими интересами Габсбургов.

Внешняя политика Сигизмунда I на западе была в целом успешной. Ему удалось противостоять антиягеллонской коалиции (Габсбурги, Дания, Москва), одержать победу в последней войне с Тевтонским Орденом (1519—1521) и после его секуляризации стать сюзереном Прусского герцогства (1525). Эти события вызвали изменение векторов и приоритетов внеш-

ней политики Польского королевства. Во многом оно было связано и с тем, что польский король одновременно являлся великим князем литовским. Внешнеполитическое положение Литвы осложнялось территориальными притязаниями Российского государства. Иван III многократно давал понять, что считает западные земли, входящие в состав Великого княжества Литовского (далее ВКЛ. — Л. М.), своей «отчиной» и «дединой». С конца XV в. тянулись почти непрерывные московско-литовские войны. После потери такого важного стратегического пункта как Смоленск Польша, обеспокоенная продвижением московских границ на запад, начинает активно помогать Литве, и в битве под Оршей (8 сентября 1514) русские войска были разбиты. Б. Ваповский не случайно отметил: «Я пишу историю королевства, искалеченного, обиженного, притесненного с восточной его стороны»³⁰. На южных границах Литвы темнели орды крымского хана. Таким образом, идея унии Польского королевства и ВКЛ в первой трети XVI в. приобретала новые обоснования в сфере внешней политики обоих государств. Эту идею, сознательно или неосознанно, развивал Ваповский в своей хронике.

Если Я. Длугош очень сдержанно оценивает Кревский договор и выступает противником унии, считая, что за нее «...справедливый бог покарал поляков королями, которые более заботились о Литве, чем о Польше», а Ягайло — «человек неглубокого ума и небольших способностей», то Б. Ваповский оценивает унию иначе. Он преподносит ее как событие, предопределенное свыше, «пересечением двух далеких блуждающих светил» и заключенное «к огромной радости и веселью народов»³¹. В его трактовке уния выглядит не как династический акт, а как межгосударственный политический союз, в котором ВКЛ нуждалось гораздо больше, чем Польша. Были и другие факторы, влиявшие на формирование направленности сочинения Б. Ваповского. В XVI в. в польской литературе и культуре развивается идеология «сарматизма» как основы идейной общности государства Ягеллонов. Этому способствовала и общая система образования, и участие представителей литовских и русских элит в институтах шляхетской демократии. Культурное и идейное сближение позиций правящих слоев в Короне и Княжестве на основе идей «сарматизма» и общих культурных ценностей стало концептуальной основой изложения материала Б. Ваповским³².

Информация, собранная и систематизированная Б. Ваповским, способствовала формированию общей идентичности различных по языку, вере и традициям народов Польши и ВКЛ. Подобная тенденция хроники наложила отпечаток и на оценку событий, которые рассматриваются сквозь призму польско-литовского государственного союза. Отсюда — те ощутимые различия в отборе и направленности изложения фактического материала, которые мы находим в произведениях Б. Ваповского и его предшественников.

Подчеркнем, что в то время, когда Ваповский начинал работу над хроникой, унитарные отношения Княжества и Короны были далеки от первоначальной программы инкорпорации Литвы, обозначенной в 1385 г. в Крево. Соглашение 1532 г. было в сущности военно-политическим союзом двух государств. Поэтому хронист стремился подобрать факты, которые доказывали необходимость и неизбежность политического объединения Польши и ВКЛ. Такую информацию предоставляла общая борьба Польши и ВКЛ с агрессией Тевтонского ордена. Она давала материал для рассуждений о пользе польско-литовского государственного союза. Поэтому две темы — уния Польши и Литвы и борьба с крестоносцами проходят через все сочинение Ваповского, а их изложение взаимосвязано и взаимообусловлено.

Уже после первого издания хроники Б. Ваповского историки понимали, что она является важным источником по истории польско-литовско-орденских отношений³³. Сам издатель хроники, Й. Шуйский в предисловии отмечал, что в изложении сведений об Ордене Ваповский не был простым компилятором Я. Длугоша и «корректировал его по «Хронике конфликта»³⁴. Такого же мнения придерживаются и современные историки³⁵. Таким образом, хроника Ваповского не получила исчерпывающей оценки ни как исторический источник, ни как памятник польской историографии. В отечественной историографии хронике Ваповского

посвящено несколько исследований, которые имеют довольно общий характер ³⁶, а другие во многом устарели как в историографическом, так и в методологическом контексте ³⁷.

Учитывая пристальное внимание Б. Ваповского к взаимоотношениям Польского королевства, ВКЛ и Тевтонского ордена, мы предлагаем вниманию исследователей фрагменты хроники, которые им посвящены, пропуская другие сюжеты. Данная публикация начинается изложением событий гражданской войны в ВКЛ, в которую активно вмешивались крестоносцы, и заканчивается известиями об отношениях Польши и Литвы с Орденом в 1408 г., накануне Великой войны 1409—1411 гг. Фрагменты хроники Б. Ваповского в переводе на русский язык публикуются впервые. Перевод выполнен с издания М. Малиновского с сохранением его заголовков, ремарок и нумерации страниц. Сохранившаяся часть хроники начинается 1380 г., и уже на первых страницах мы встречаем известия об Ордене. Хронист сообщает о династической борьбе в ВКЛ, развернувшейся после смерти Ольгерда.

Л. Л. Михайловская, доцент кафедры истории южных и западных славян Белорусского государственного университета, кандидат исторических наук

ИСТОРИЯ ПОЛЬСКОГО КОРОЛЕВСТВА И ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО

Т. 1. КНИГА ПЕРВАЯ

<С этой фразы без заголовка начинается текст летописи>*

С. 1. Год 1380. Ольгерд умер. Кейстут сдержал данное слово, и Ягайло после смерти отца вступил на великое княжение ³⁸.

Раздоры Ягайло с Кейстутом (1380) ³⁹

С. 2. Дядя Кейстут сохранил по отношению к нему такое же почтение и уважение, какое он привык оказывать его отцу Ольгерду. Он часто бывал в его столице, заседал в раде и искренним словом помогал подобающему управлению государством. Однако его безупречная верность была вознаграждена черной неблагодарностью. Еще при Ольгерде был некий человек по имени Войдылло, низкого и незнатного происхождения, который раньше был пекарем, потом камердинером и дошел, наконец, до чина чашника. Своими услугами и ухаживаниями он так угодил Ольгерду, что среди дворян по отношению к Ольгерду он занимал первое место. После его смерти он подался ко двору Ягайло, у которого пользовался такой же, или даже большей, чем у отца популярностью, так что [Ягайло] ни в общественных, ни в домашних делах без его одобрения ничего не предпринимал. Наконец, собственную сестру Марию отдал ему в супруги.

Возмутило Кейстута такая привязанность племянника к отцовскому невольнику, он ведь порицал этот поступок. По этой причине Войдылло был ужасно обижен на Кейстута. Ягайло тайно подстрекал против него и, пробудив между ними взаимное недоверие, склонил его к

* *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego*, od roku 1380 do roku 1535, przez Bernarda z Rachtałowicz Wapowskiego, ze świeżo odkrytego społecznego rękopisu, z języka Łacińskiego na ojczysty przetłumaczył, przypiskami objaśnił, poczet rzeczy i osób dodał Mikołaj Malinowski. W Wilnie, nakładem i czcionkami T. Glücksberga, księgarnia i typografia szkół Białoruskiego naukowego okręgu. Wilno, T. I—III. 1847—1848. T. I — 1847. 491 s.

намерению любыми способами избавиться от своего дяди, а также упредить происки и козни против себя.

Соглашение Ягайло с крестоносцами (1380)

С. 3. Чтобы это легче осуществилось, Ягайло через тайных послов заключил мир с прусским и ливонским магистрами⁴⁰. Чтобы лучше скрыть ведущиеся приготовления к войне, он посылает своего брата Скиргайло⁴¹ против полочан, вышедших из повиновения, производит набор в войско русских и литовцев и просит о помощи ливонского магистра. Полоцк осадили так, чтобы сразу после его взятия повернуть оружие против Кейстута, троцкого князя. Но Суденштейн, командор Острода, из-за духовного родства между ним и князем Кейстутом (он был крестным отцом его дочки, выданной позже за Януша, князя мазовецкого), открыл перед ним все намерения Ягайло, предупредил о грозящей опасности и для доказательства прислал письма, написанные Ягайло магистру Ордена.

Кейстут берет Вильно (1381)

С. 4. Князь Кейстут, возмущенный задуманным покушением на свою жизнь и власть, как можно быстрее собирает войско и направляет гонца к Витовту, находящемуся в Дрогичине, чтобы тот собрал побольше сил и сейчас же направился к нему, а сам столицу Вильно и замок захватил неожиданным нападением. Великого князя Ягайло захватил в плен, но по просьбе Витовта, который вскоре подоспел, сохранил ему жизнь, отдал ему Витебск и Крево, а Войдылу, швагра Ягайло, как причину этих злодейств, приказал повесить. К войску, которое находилось под Полоцком, послал гонца [с приказом] прекратить осаду и соединиться с ним. Узнав об этом, командующий Скиргайло хотел с магистром удрать в Ливонию на добровольное изгнание. Кейстут, взяв верховную власть в Литве, изгнав Ягайло из столицы, взяв под свое подчинение Вильно и Троки, два крупнейших города в Литве, решил подчинить себе других строптивых литовских князей.

Ягайло возвращает власть (1382)

С. 5. Своего сына Витовта поставил с гарнизоном около Вильно и Троков, а сам с главным войском пошел за Днепр и стал тревожить войной Новгород-Северский и князя Корибута⁴². Этот город лежит на восток от Вильно около 125 миль. В то время как здесь борьба идет с переменным успехом, а Корибут, опираясь на помощь татар и собственную смелость, выдержал нападение Кейстута, Ягайло в другой части Литвы, показывая мнимое желание прибыть с военными подкреплениями в лагерь Кейстута, через тайных посредников великими обещаниями склоняет на свою сторону жителей Вильно и с их помощью овладевает не только городом, но и замком⁴³.

Тем временем, согласно договору, от прусского и ливонского магистров на помощь Ягайло прибыли вооруженные отряды⁴⁴. Воодушевленный этими подкреплениями, Ягайло решил взять Троцкий замок. Решившись с этими подкреплениями взять Троцкий замок, расположил лагерь на расстоянии одного дня пути до Вильно.

Мнимое соглашение в[еликих] князей (1382)

С. 6. В этой крепости с мощным гарнизоном находился Витовт. Узнав, что неприятель силен и приближается, Витовт, оставив достаточно сил для обороны, сам с одним полком двинулся к Гродно и выслал вперед гонцов к отцу с известием обо всем, что произошло. Ягайло после недолгой осады взял Троцкий замок, а Кейстут, получив тревожную весть, оставил северскую землю и спешно направился в Гродно с войском, которое находилось при нем. Убедившись, что силы противника увеличены немецкими подкреплениями, отослал жену в Брест, на границу с Польшей, а сам поехал на Жмудь, чтобы собрать силы. Витовт же

призвал к оружию население по Нареву и Бугу и вместе с ними под Ковно, где Вилия впадает в Неман, соединился с отцом. Тем временем Януш, мазовецкий князь, пользуясь взаимными распрями между литовскими князьями, захватил замки Дрогичин и Мельник, расположенные над Бугом, опустошил всю местность между Бугом и Нарвой около Сурожа, Бельска, Каменца и Бреста, где находилась тогда его свекровь, и обогащенный большой добычей, вернулся назад.

Когда Кейстут, соединив свое войско с Витовтом, подступил под Троки и расположил лагерь против неприятеля, Ягайло, собираясь уже отдать приказ к бою, пожалел проливать литовскую кровь, которая разлилась бы широко, если бы дошло до битвы, в случае поражения любой из сторон.

С. 7. Он вызвал через посла Кейстута на переговоры, ведь можно прекратить вражду на выгодных условиях. В память о старой дружбе и приятельских отношениях он просил Витовта склонить отца к миру и пригласил в свой лагерь, где в совместной беседе можно прийти к справедливому соглашению. Витовт после длительного совещания с отцом ответил Ягайло через посла, что если он пришлет своего брата Скиргайло в качестве заложника, то он прибудет в лагерь для заключения мира. Ягайло, достаточно подумав, для спокойствия Кейстута отправляет Скиргайло, в это же время и Витовт прибывает в шатер к Ягайло.

Убийство Кейстута (1382)

После напряженных переговоров пришли к следующему: Кейстут оставляет Скиргайло в своем лагере в качестве заложника для подтверждения уже почти заключенного соглашения под свое торжественно данное честное слово и отправляется в лагерь Ягайло. Кейстут желал мира и не надеялся решить все вопросы в сомнительной борьбе. Подстрекаемый просьбами Скиргайло и Витовта, не думая о малейшей измене, он прибыл вместе с сыном Витовтом в лагерь Ягайло. Но как только предстал перед ним, Ягайло, изощренный в изменах крестоносцев, которые являлись его основной силой, приказал страже окружить Кейстута и Витовта и, несмотря на их призывы к богу и к людям как свидетелям оскорбления, заковать в цепи. Витовт под усиленной стражей был отправлен в Вильно, а князь Кейстут, скованный цепями, был отвезен в Крево.

Витовт бежит из заключения (1382)

С. 8. Там, брошенный в темницу, через пять дней был задушен подосланными палачами, точнее Прокшей⁴⁵, чашником Ягайло. Его войско, утратив предводителя, разошлось по домам.

Останки Кейстута князь Скиргайло привез в Вильно, на место погребения предков, где они были сожжены по языческому обычаю с великими почестями при большом количестве народа. Оружие, коней, собак, богатую одежду — все, что было в его жизни наилучшего — все бросили в костер. Прусский магистр, князья и знатные литвины никакими просьбами не могли склонить Ягайло вернуть Витовту свободу, ведь он был человеком незаурядного ума и выдающихся способностей. Ягайло же, распространив свою власть на новые области Литвы, приказал покарать виновников смерти Войдылы. По этому приказу Видемунт, дядя Виганда и Бутрым, муж сестры Войдылы, были привязаны к колесам и растоптаны конями, а других покарали горлом⁴⁶.

Витовт со своей женой Анной был осужден на заточение в Кревском замке. Витовт — в комнате, а Анна жила в замке свободно. Каждый вечер она в сопровождении двух служанок могла входить к мужу и каждое утро, когда вставало солнце, могла выходить.

«Объединяется с крестоносцами»

С. 9. Эти частые посещения привели к тому что стражники у дверей без всякого сомнения позволяли Анне входить и выходить со служанками. Анна, беспокоясь о жизни и свободе

мужа, уговаривает его, чтобы он, взяв одежду одной из служанок, оставшейся в комнате, вышел с княгиней из комнаты. Следуя этому замыслу, Витовт в заброшенной и скрытой от глаз людей части замка по веревке спустился со стен и окольными путями добрался до Мазовша, к мужу своей сестры князю Янушу. Однако он не осмеливался там долго гостить, чтобы Ягайло не успел опомниться и потребовать его выдачи, он укрылся у прусского магистра Конрада⁴⁷. Радужно принятый, хотя и мягко отчитанный, Витовт не рассчитывает на помощь Конрада и отправляется на Жмудь.

Своим народом он был встречен с невыразимой доброжелательностью, большим почетом и радостью — к чести памяти отца и в блеске собственного имени. Здесь Витовт решил немного задержаться, а затем снова начал собирать войско, в чем магистр Прусского ордена не только всемерно ему помогал, но и решил поддержать его всей мощью Ордена, так как был обижен на Ягайло за то, что он никак не мог или не хотел выполнить свои обещания, данные Ордену за военные подкрепления⁴⁸.

С. 10. Анна, жена Витовта, редкий образец женщины, заслуживает того, чтобы память о ней сохранилась в потомстве, освобожденная из заключения, направилась сначала в Пруссию, где в то время находился ее муж, а позднее на Жмудь. Однако подробный рассказ о событиях в Литве занимает нас уже долгое время, пора обратить перо к польским делам <...>

Далее Б. Ваповский сообщает о борьбе за трон в Польше после смерти короля Людовика Венгерского (1382) и гражданской войне между Наленчами и Гжималитами. В эти события вмешивается и Ягайло.

Литвины осаждают Дрогичин (1383)

С. 41. Ягайло, великий князь литовский, видя польское королевство охваченное гражданской войной и взаимными раздорами, собрав войско, осадил замок Дрогичин, расположенный над берегом реки Буг, в то время находящийся во владении мазовецкого князя. Управлял там Сасин, маршалок мазовецкого князя⁴⁹, который, видя, какой слабый оставлен гарнизон, тревожась о безопасности крепости, с тремястами копийников и шестьюдесятью стрелками, узнанный своими издали, устроил резню в самом центре неприятельского лагеря, смело вернулся к замку и стойко его защищал частыми вылазками, такими далекими, что великий князь литовский Ягайло, утратив надежду взять замок, уже планировал отход, когда неожиданно появилась возможность взятия этой крепости. В замке находились невольники литовцы, которые темной ночью одного из своих спустили на веревке с крепостных стен к Ягайло, советуя, чтобы он начал упорно штурмовать замок, они же обещают, что когда битва начнется около рвов, они тотчас же подожгут противоположную сторону замка, чтобы Сасин, подвергнутый двойной опасности, быстрее сдался.

С. 42. Похвалив и одарив невольника, Ягайло на рассвете со страшным шумом подступил под стены и с с величайшим натиском ударил. Огонь, увиденный с тыла, испугал осажденных, а Сасин, послав часть сражавшихся на тушение пожара, обессиленный, когда отсюда напирал неприятель, а оттуда близился огонь, когда многие погибли от оружия и от огня, отправил к Ягайло посла и засвидетельствовал готовность к сдаче. Князь литовский, овладев замком и погасив пожар, приказал восстановить замок⁵⁰.

Крестоносцы занимают и теряют Троки (1383)

С. 42. Когда Ягайло был занят осадой Дрогичина, Конрад Цёлльнер, прусский магистр, вторгся с войском в Литву и взял Троки, добровольно сложившие оружие, так как эта крепость много раз подвергалась осаде и была так сильно повреждена, что в скором времени должна была быть взята.

Дрогичин был уже взят, когда к великому литовскому князю прибыл гонец с вестью об этом поражении. В это время прусский магистр, совершивший тяжелые опустошения, оста-

вил в Троках часть войск для ремонта замка и его обороны, а сам вернулся домой. Ягайло, предупреждая укрепление этой крепости, не давал неприятелю ни минуты отдыха и неустанно осаждал Троки, не взирая на свои огромные потери. Поэтому упорство крестоносцев было сломлено⁵¹. Так великий князь Ягайло, прославив свое имя и среди своего народа, и среди других, стал знаменитым <...>

Далее следует подробный рассказ о подготовке и заключении Кревской унии. Дальнейшие известия об Ордене генетически связаны с этими событиями.

Нападение крестоносцев на Литву (1386)

С. 69. Вскоре (после заключения унии. — *Л. М.*) пришла неожиданная весть, что Конрад Цёльнер с двумя армиями вторгся как неприятель в Литву и Жмудь и опустошил все огнем и мечом. Кроме того, брат короля Владислава Андрей, пользуясь его отсутствием, задумал сменить власть и, войдя в соглашение с Конрадом, с его помощью надеялся захватить Великое княжество Литовское⁵². Уже крестоносцы взяли штурмом замок Лукомль, а Полоцк, занятый в результате сдачи, отдали князю Андрею. Встревоженный этими неприятностями, Владислав быстро отправляет в Литву своих братьев — Скиргайло и Витовта, дав им несколько польских конных полков с приказом литвинов, жмудинов и русских призвать к оружию, дать неприятелю отпор и вернуть потерянные замки. Прибыв в Литву, они нашли, что крестоносцы уже с трофеями возвратились.

С. 70. Все же они взяли Полоцк и другие замки, занятые Андреем, в которых он поставил свои гарнизоны. Князя Андрея, который осмелился вступить с ними в битву, они победили, и захваченный в плен, он заплатил за свое выступление тремя годами заключения в Хенцимском замке <...>

Бегство Витовта в Пруссию (1390)

С. 89—90. В то время как король Владислав был занят улаживанием польских дел, Литву начали сотрясать внутренние конфликты. Были в этом крае две группировки, которые создали разницу в вере и обрядах. Литвины держались римского исповедания, русины сохранили греческий обряд. В единодушии с ними был и Витовт. Князь Скиргайло, который по распоряжению короля был назначен наместником в Литве, по его воле принял римскую веру. Отсюда начала расти взаимная ненависть⁵³. Скиргайло начал тайно плести интриги против Витовта, чтобы его каким-либо средством извести. Вскоре Витовт понял, что открытыми действиями он не может избежать опасности и при этом видел, что король Владислав относится к нему не очень доброжелательно по причине различных подозрений. Замки Брест, Каменец и Гродно он усилил своими гарнизонами и, уклоняясь от неизбежной опасности, покинул Литву и подался к мазовецким князьям. А когда они, опасаясь короля, приняли его очень холодно, он направился к прусским крестоносцам. Великий магистр принял его радушно. А когда рассказал о причине своих скитаний и просил о помощи в овладении Литвой, магистр и Орден дали ему добрую надежду. Однако, опасаясь королевского могущества, и не смея причинить ему ничего плохого, долго держали его у себя. Витовт тем временем научился немецкому языку. Однако после долгого ожидания помощи, поняв, что его только обманывают обещаниями, через тайных послов объединился с королем Владиславом, получил от него надежду на управление Литвой и намек на то, что Скиргайло будет лишен наместничества.

Мгновенное возвращение в Литву (1390)

С. 91. Тем временем Владислав, опасаясь, чтобы из-за этих распрей между литвинами и русинами Великое княжество Литовское не постигло какое-либо несчастье, послал Миколая Москожовского, подканцлера коронного с [пешими] отрядами и несколькими конными

полками для управления замком и городом Вильно после лишения власти Скиргайло. Витовт, ободренный королевской милостью, узнав, что его противник пострадал, сжег и разрушил Юрбург и два других замка, в которые доверчивость крестоносцев ему открыла свободный доступ (стража гарнизонов была убита или сброшена с крепостных стен).

После опустошения этой части Пруссии, которая тянется от Рагнеты, прибыл в Литву с пленными и добычей. Однако он был принят здесь не так мило, как ожидал. Король Владислав, который обещал ему высшую власть, обещания не сдержал. Тогда Витовт решил действовать силой и изменой взять Виленский замок. Была зимняя пора, в замке должна была состояться свадьба сестры Витовта. Используя эту возможность для захвата замка, он приготовил множество возов, в которых укрыл вооруженных людей. Сверху он прикрыл их звериными шкурами и послал якобы в подарок сестре, проживающей в замке. Несомненно, этой хитростью он бы добился своего, но когда возы остановились перед воротами, хитрость была раскрыта. Из-за этого Витовт навлек на себя еще больший гнев короля Владислава.

С. 92. Спасаясь от него, он со своей женой и приближенными снова бежал в Пруссию, где принял в дар от магистра Ордена замки Биттерведер, Нойгарде и Меттембург. Отсюда он постоянными нападениями в течение двух лет тревожил Литву и с помощью магистра Прусского ордена нанес литвинам много поражений. Витовт громил Литву не только из Пруссии, но и из Бреста, Каменца, и Гродно — замков в Литве, где он держал свои гарнизоны.

Поход Ягайло в Литву (1390)

С. 92. Обеспокоенный этими поражениями Литвы, король Владислав, собрав войско из поляков и литвинов, осадил Брест и взял на десятый день от начала осады. Вскоре большую часть польского войска отослал домой из-за нехватки еды и пастбищ, дело было в месяце феврале. Хотя все еще было покрыто снегом и льдом, однако с оставшимися отрядами он подступил к Каменцу и взял замок с первого штурма. Подойдя к Гродно, он вынужден был потратить больше сил и труда, потому что подступы к замку защищала река Неман, а приближающаяся весна растопила снега и льды и затрудняла переправу. Все же Владислав перешел реку под самым замком и расположил свой обоз. Витовт также не тратил времени даром. Обеспокоенный опасностью, угрожавшей этой основной и значительной крепости, он понимал, что с ее утратой ему уже ничего не останется в родной Литве. С большим войском крестоносцев он расположил лагерь на противоположном берегу реки и старался пробиться к замку, чтобы помочь его защитникам. От своих шатров до самого замка он протянул железную цепь и, привязав к ней лодки, хотел соорудить наплавной мост, но усилия были напрасны.

С. 93. Королевские солдаты пускали по реке большие деревья и другие тяжелые предметы, которые разрывали и цепь, и мост. Много витольдовых стражников, охранявших переправу, погибло. Король начал так настойчиво осаждать замок, что Витовт, потеряв уверенность в себе, отступил с войском в Пруссию. Владислав же взял замок после сдачи гарнизона, почти полностью истребленного <...>

Великое нападение на Литву (1390)

С. 94. Король Владислав, кое-как устроив дела, вернулся вскоре в Польшу. Как только он уехал из Литвы, Витовт снова начал помышлять о войне. Великий магистр Прусского ордена, видя, как сильно он оскорбил могущественного короля, не уверенный в собственных силах, разослал послов в Германию, Англию, Францию, чтобы склонить эти могущественные королевства к войне против литвинов. Ливонскому магистру приказал в назначенное время явиться на помощь со всеми силами. Из Франции и Германии прибыли большие войска под предлогом защиты Прусского ордена и заботы о распространении веры. Из Англии в гданьский порт на судах прибыла многочисленная пехота под предводительством графа Ланкастера, старшего сына короля Генриха.

Осада Вильно (1390)

С. 95. Вся Пруссия была занята приготовлениями к войне, а когда уже все, как казалось, было готово к выступлению и когда западные солдаты не могли далее терпеть промедления, магистр Прусского ордена с тремя армиями вступил в Литву. Одним соединением, состоящим из англичан, французов, немцев командовал сам, другим — ливонский магистр, третье было под командованием Витовта. В последних днях июня неприятель стал под Ковно, где войскам, измученным долгой дорогой, было дано несколько дней для отдыха. Они прошли в пышных празднествах, за веселыми кубками. Вскоре обоз двинулся к Трокам. Замок был взят первым же приступом и вместе с городом разрушен и сожжен. Затем они направились в столицу княжества — Вильно. Во-первых, начали штурмовать замок, названный Кривым, который по приказу короля защищал гарнизон из литвинов и русских. Среди них находилось много и таких, которые приняли решение помочь Витовту и подожгли замок. В нем было 14 000 человек. Они метали дротики и камни и отлично защищались. Но увидев, что подожженный замок горит, охваченные страхом, что могут погибнуть в пожаре, выбрались из замка и через неприятельские заграждения пробились на открытое поле, где много их погибло от вражеского меча, а многих поглотил огонь.

Мужество поляков при обороне Вильно (1390)

С. 96. В это время брат короля Казимир⁵⁴ попал в руки осаждающих замок. Они отрубили ему голову и, насадив ее на копье, выставили на видное место для устрашения гарнизона, находившегося в Верхнем замке, принуждая его к добровольной сдаче. Если же сдаваться не хотят, взятые штурмом, познают ужасные мученья. В замке с Миколоем Москожовским, коронным подканцлером, был сильный гарнизон, который не поддался угрозам крестоносцев и был готов к отпору. Когда магистр Прусского ордена убедился в полной невозможности переговоров, и когда его подстрекали оскорблениями и пренебрежением, он впал в бешенство и начал беспрерывно штурмовать замок. Он приказал пустить в ход все орудия и все снаряды. Ими он крошил мощные стены замка, так что на расстоянии полета стрелы все было в руинах, все сравнялось с землей. Поляки, находившиеся в замке, хотя и были опечалены, придавали друг другу мужества и решили держаться до последнего. С неслыханной скоростью из толстых бревен они возводят стены и зубцы крепостных стен. Из-за них защищают замок и дают отпор крестоносцам. Битва была не на жизнь, а на смерть, много poleglo с обеих сторон. В ней проявилось мужество Миколая Москожовского. Князь Скиргайло со своим отрядом защищал Нижний замок, расположенный там, где сливаются Вилия и Вильна и где находится главный костел Святого Станислава.

С. 97. Он оборонял его с большим мужеством, осуществлял частые набеги на неприятельские позиции и, залитый вражеской кровью, всегда возвращался с победой.

Отход крестоносцев из-под Вильно (1390)

С. 97. Князь Наримунт, схваченный в одной из вылазок Витовтом, был повешен за ноги на дереве и расстрелян из лука⁵⁵. Три месяца длилась эта осада и закончилась великим поражением прусского войска. Наконец магистр Ордена, который начал осаду замков, свернул лагерь, опустошив значительную часть Литвы, учинив кровавые злодеяния среди литовских крестьян, убивая без разбора и детей, и взрослых, вернулся обратно в Пруссию. После его ухода возле обоих замков были такие горы мертвых тел, что псы и волки привыкли к поеданию трупов и потом нападали на путников и раздирали их.

Во время этой осады погиб граф Альгард фон Гогенштейн и много других знаменитых рыцарей французских, немецких и английских и военачальников прусских. Из литовских — брат Витовта Товтивилл⁵⁶ был убит снарядом. Такие дела происходили в этом году в Литве.

Прибытие Ягайло в Литву (1390)

С. 98. В это время король Владислав, желая поправить состояние дел в своем родном краю, приготовив в большом количестве оружие, и припасы, метательные машины, сукна направился с этим в Литву. Прибыв в Вильно, он раздал награды солдатам, которые мужественно защищали город, отдал приказ чинить замки. Миколай Москожовский добровольно сложил с себя командование гарнизоном и на его место был назначен Ян Олесницкий из благородного польского рода Дембно⁵⁷. Князя Скиргайло послал править в Киеве, столице Руси. Так, уладив дела в Литве, Владислав Ягайло вернулся в Польшу, а в Великое княжество послал еще несколько конных полков в помощь.

Крестоносцы снова терзают Литву (1391)

С. 99. Когда закончилась зима, ранней весной прусский магистр⁵⁸ вместе с Витовтом снова нападают на Литву в надежде, что в результате какого-либо предательства захватят Виленский замок. Для них не было тайной, что свои сильно ненавидели Скиргайло⁵⁹.

Вильно защищено поляками (1391)

С. 100. Королевский староста Ясь Олесницкий перед приближением неприятеля сделал все, что мог, чтобы выдержать осаду. Город Вильно намеренно сжег, чтобы он не стал укреплением для врага. Замок окружил стенами с подпорками и рвом, чтобы создать врагу больше трудностей. При первом появлении неприятеля Ясь с двумя конными полками выезжает из замка и мужественно сходит с ними. Однако при численном превосходстве [врага] он отходит со своими на более безопасное место у стен и смело защищается.

Витовт с магистром Ордена в надежде овладеть замком, узнав от пленников об отсутствии Скиргайло, у которого отобрали власть, уже не мог рассчитывать на его предательство и, потратив несколько дней на осаду замка, повернул к Вилькомиру и Новогрудку, небольшим замкам Скиргайло. И хотя в них были польские гарнизоны, хотя они защищались с большим мужеством, они были взяты неприятелем, превосходящим в численности, людях и артиллерии.

Многие из поляков, взятых в тех замках, семь лет провели в прусском Элблёнге в тяжелой неволе. Замки эти разграбили и подожгли, откуда войско вернулось назад в Пруссию. Но Витовт, упросивший великого магистра Конрада оставить в его распоряжении войска, которые были в подчинении Маркварта⁶⁰, великого командора Ордена, в этом же году два раза нападал на Жмудь, сжег Медники и Вельшу, опустошил далекие окрестности и с пленниками и добычей, не встречая сопротивления, со всем войском двинулся в Пруссию.

Крестоносцы возобновляют нападение (1391)

С. 101. Уже наступила зима и литвины надеялись, что в это тяжелое время их покой не нарушат, тем временем великий магистр Ордена Конрад и князь Витовт, подготовив войско, вступили с оружием в Литву, осадили Ковно, где был королевский гарнизон. Но сомневаясь, что в скором времени возьмут эту крепость, так как солдаты гибли от морозов, соорудили над рекой Неманом три замка — Нойгарде, Меттембург, Риттерведер. Этот последний был отдан Витовту и его солдатам, два других Конрад укрепил своим гарнизоном.

Из этих мест Витовт частыми нападениями тревожил литвинов. Не стерпел этого своевольства Витовта Ясь Олесницкий, королевский староста, который наскоро собрал войско из поляков, русинов и литвы и отдав его под управление князя Вигунда⁶¹, брата короля, начал штурмовать Риттерведер и едва не взял эту крепость, к Ковно направил несколько полков конницы, чтобы прекратить своевольные наезды Витовта. Таково было положение дел в Литве⁶².

Витовт сближается с Ягайло (1392)

Когда в Мазовии умер плоцкий епископ Сцибор, на его место был назначен плоцкий приходской священник Генрих, который до этого был диаконом, побочный сын мазовецкого князя. Он, возгордившись саном, два года управлял костелом. В то же время названный Генрих заключил мир между королем Владиславом и князем Витовтом, к которому часто ездил, и от Витовта получил в супруги сестру Рингаллу, с которой, недолго пожив, был отравлен, о чем его бесстыдная супруга была осведомлена

С. 102. Король Владислав, когда еще продолжалась война с Витовтом, послал из Польши на помощь солдат, одежду, зерно, соленое мясо. Такая нехватка всего была в Литве, что польские солдаты все до одного сбежали бы из этой земли, если бы король своевременно не подкрепил пропитанием. Из-за частых нападений Витовта и крестоносцев все поля лежали заброшенные, повсюду недостаток упряжи и скота.

Смерть Вигунта (1392)

С. 103. В Литве князь Вигунд, брат короля, вследствие родственной измены, погиб, как говорили повсюду, из-за яда по вине Витовта. Он был похоронен в том же склепе, что и брат его, которого Витовт, повесив, расстрелял из лука⁶³. Из всех братьев Владислав сильнее любил Вигунда и дал ему владение в королевстве — Быдгош и Иновроцлав.

Витовт возвращается в Литву (1392)

С. 104. Король Владислав, осиротев после смерти любимого брата Вигунда, начал подумывать об объединении с Витовтом. Это дело он передал плоцкому епископу Генриху, который в это время добивался руки Рингалы, сестры Витовта и под предлогом желанного супружества без малейшего препятствия со стороны крестоносцев часто ездил к Витовту. Поверив в искренность стремления короля к соглашению и его милость, Витовт ограбил и поубивал крестоносцев и немецких купцов, находившихся с ним в замке Риттерведер, а затем неожиданно поджег замок. Военачальники двух других ближайших замков, догадываясь о вероломстве и о бегстве Витовта, собрав сколько могли солдат преградили дорогу оружием. Однако Витовт в короткой речи воодушевил своих и напал на неприятеля, разбил наголову и, наступая бегущим на пятки, врвался в замки, крестоносцев всех до одного поубивал, замки ограбил сжег.

С. 105. После этой победы Витовт прибыл в Вильно и был с почетом принят Яськом Олесническим, который был предупрежден королем о его прибытии.

Ягайло прощает Витовта (1392)

С. 105. Король Владислав, осведомленный о возвращении Витовта, в середине лета выехал в Литву вместе с Ядвигой. Витовт встретил их у Острова с виноватым видом, с запущенной бородой, в неопрятной одежде и упав ничком на дорогу, молил о прощении, которое сразу же получил. А король, уволив Ясько Олесницкого от власти и отстранив своих четырех оставшихся братьев, отдал всю Литву Витовту с условием: чтобы ему и Польскому королевству всегда подчинялся и помогал против любого врага. Витовт, принеся желанную для короля присягу, до конца жизни нерушимо ее соблюдал и по мере своих сил старался отблагодарить найяснейшего короля предупреждением о любой опасности, грозившей королю, так неожиданно оказавшему милость⁶⁴.

Правление [Витовта] отданным ему краем было счастливым. Неустанным старанием он укрепил его военную мощь и так далеко и широко продвинул литовские границы на Русь, что ни один из князей не превзошел своими победами его славу, никто из потомков даже и в наше время не оставил такой цветущий и могучий край.

Эта милость короля Владислава по отношению к Витовту, который столько раз был назван врагом отчизны, который принес ей столько несчастий, до такой степени разъярила других королевских братьев, что **Болеслав** Свидригайло, став врагом короля, пошел на Литву войной⁶⁵.

Книга 2. Нападение крестоносцев (1392)

С. 106. Король Владислав, поручив Витовту, литовскому князю управление Литвой, в 1392 г. некоторое время провел в Вильне, а потом уехал с королевой в Польшу. Крестоносцы же, вскоре узнав об отъезде короля, собрав войско под предводительством **Энгельхарда**⁶⁶ прусского маршалка, намереваясь вторгнуться в этот край, прибыв под замок **Иоганнисбург**, накрыли там рыцарские столы и после обильного застолья вошли в границы Литвы.

Свидригайло бунтует Литву (1392)

С. 107. Вскоре осадили Сураж. Гарнизон, заметив неприятеля, предпринял вылазки, но из-за численного превосходства после сильного поражения и людских потерь отошел обратно в замок. В Сураже случайно находился князь мазовецкий **Генрих**, свояк Витовта, который увидев свои уменьшившиеся отряды, спасаясь бегством, взял путь на Мазовию. Солдаты, оставшиеся в гарнизоне, схоронились в замке и упав духом, добровольно сдались. Крестоносцы, разорив эту часть Литвы, отошли назад. Вскоре **Вернер Теттинген**⁶⁷, командор Ордена, собрав новое войско, взял замки **Бартен** и **Страмель**, опустошил окрестностные волости, 3000 пленных увел в Пруссию.

В следующем году новые волнения начали сотрясать Литву, а именно **Скиргайло**, брат короля, обиженный на то, что Витовт превысил его и в княжеской власти и в королевской милости, перешел с ним к открытым столкновениям, и Литва, как бы разделенная на две части, раздиралась губительными распрями. Чтобы это зло усмирить, король вместе с королевой **Ядвигой** направился в Литву с решительным намерением примирить братьев. Вызвав их к себе при деятельной помощи королевы **Ядвиги**, которая хотела быть примирительницей высказанных обид, установил мир между ними и постановил: чтобы в случае возникших в будущем споров, не берясь за оружие, дальнейшее их разрешение предоставили королеве.

Мгновенно успокоенный Ягайло (1393)

С. 108. [Ягайло], желая это единство сделать длительным и вразумить **Скиргайло**, к Киевскому княжеству, которое он держал по воле короля, [решил] добавить еще **Стародуб**, **Кременец** и **Старые Троки**, а также замки, расположенные на обоих берегах **Днепра**. Таким способом, разрешив литовские дела, король с королевой **Ядвигой** возвратился в **Корону**.

Примерно в это время **Елизавета**, мать **Вацлава**⁶⁸ и **Сигизмунда**⁶⁹, из которых один был королем римским и чешским, а другой королем венгерским, умерла. Ее матерью была дочь **Казимира Великого**.

Вацлав, король римский и чешский, крестоносец **Прусского ордена**, который владел в Чешском королевстве замками и обширными волостями, своим указом выселил из своих краев как малополезных в его христианской державе⁷⁰.

В то время как все это где-то происходит, Витовт послал ремесленников в крепость **Бартен**, год назад разрушенную крестоносцами, и приказал восстановить ее в прежнем состоянии.

С. 109. Узнав об этом, прусский магистр собрал войско и, поручив командование маршалу **Вернеру Теттингену**, отправил в Литву. Тот, переправляясь через **Неман**, потерял значительную часть солдат, но все же замок, недавно отремонтированный Витовтом, снова взял штурмом, ограбил и сжег. Выполнив свое намерение, вернулся обратно в Пруссию. Этим же летом снова под командованием **Вернера** войско, усиленное подкреплениями французов и немцев (между этими последними находился граф **Вюртембергский**, вторглось в Литву и на лодках

переправившись через Неман, огнем и мечом опустошило Жмудь и более 400 литвинов захватило в неволю⁷¹. Конрад Валленрод удачно воевал в этом году, однако сам погиб ужасной смертью. После него камандором был избран Конрад Юнгинген⁷².

В Польше король Владислав жил спокойно. Чтобы и в этом году сделать что-нибудь памятное, он приказал стены краковского замка, которые были очень низкими, поднять выше. Для улучшения охраны назначил людей рыцарского звания, названных бурграфами, дал каждому из них коня и увеличил жалование <...>

Великий поход крестоносцев на Литву (1394)

С. 110. В то время как Владислав вершит богоугодные дела, Конрад Юнгинген, великий магистр крестоносцев, собрав мощное войско, вызвав на помощь многочисленные отряды французов, англичан и немцев, потрясающем воображение образом приготовился к войне и вторгся в Литву. Поводом явилось возвращение Свидригайло на родину. Действительной же целью было подчинение Литвы с помощью оружия.

Осада Вильно (1394)

С. 111. Виленские замки, снабженные сильным гарнизоном, Конрад обогнул спереди и настойчиво осаждал. Князь Витовт занял окрестные поля, призвал к оружию литовцев, жмудинов и русских. Король Владислав также прислал из Польши большие подкрепления, нанятые за большое жалование. Кроме того, множество знатных мужей своими силами прибыли на войну, желая угодить королю. То вместе с одними, то с другими Витовт днем и ночью нападениями не давал покоя крестоносцам. Посланных из обоза за продуктами или какими-то другими потребностями хватал, уничтожал все вокруг неприятеля настолько, что великий магистр Конрад со своим войском выглядел более осажденным, чем Витовт. Неприятельский лагерь испытывал острую нехватку хлеба и корма для коней. Наконец Конрад выслал большую часть своей конницы в поле добывать продовольствие. Командующий конницей Витовта начал с ним сражение, однако, возможно сложенный своими небольшими потерями, был вынужден отступить. А крестоносцы после этой победы доставили в лагерь немного продовольствия. Это привело к тому, что виленские замки осаждали еще два месяца. А когда Конрад понял, что взять их не сможет, князь Витовт каждый день нападал на его лагерь, он был вынужден свернуть обоз, и ничего не сделав, вернуться в Пруссию.

С. 112. Однако же, когда он увидел, что все дороги перекрыты войсками Витовта, мосты сняты, леса завалены засеками, что Витовт и спереди, и с боков с отборной конницей на каждом шагу наступал на него, то подвергаясь стольким опасностям, вынужден был окольными путями искать для себя дорогу, но угодил в болота. Ужасной была борьба среди топей. Солдаты и кони тонули в глубокой трясине. Наведение мостов обрекало на длительную и опасную задержку, к тому же Витовт тут же на них напирал, так что прусские солдаты не могли себя подкрепить ни едой, ни дать во сне отдых измученному телу, окапывание в лесах также было слишком тяжким. Такое отчаяние охватило прусский обоз, что магистр Конрад в отчаянии рвал на себе бороду и проклинал тот день, когда он вторгся в Литву⁷³.

Сигизмунд, король Венгрии, навещает Ядвигу (1393)

В то время как в Литве пылала война, Сигизмунд, венгерский король, супруг Марии, родной сестры королевы Ядвиги, прибыл в Карпатские горы, отделяющие Польшу от Венгрии, чтобы навестить [дочь].

С. 113. Королева Ядвига приехала в замок Ритер, чтобы встретить его, и оттуда проводила в [замок] Сондеч, где принимала его гостеприимно и с радостью. Венгерский король после долгих переговоров о положении дел в обоих государствах, заключив множество милостивых постановлений, достойно одаренный ею, вернулся в Венгрию.

В Мазовии князь Януш недалеко от границ с Пруссией строил замок над рекой Нарвой. При нем было несколько вооруженных отрядов для обороны, чтобы крестоносцы не помешали работам. Они уже близились к концу, когда Рудольф и Валленрод, командоры Балги и Рагнеты, неожиданно напав, схватили князя Януша, как пленника посадили на коня, завязав ему ноги под [конским] брюхом, и привезли к великому магистру Конраду.

Вскоре весть об этом пленении дошла до короля Владислава, он немедленно отправил послов к великому магистру Конраду с требованием, чтобы [он] ленного князя Польской короны освободил, если не хочет обречь Пруссию на самую губительную войну без прощения. Великий магистр, пораженный этим грозным приказом, князя Януша и вместе с ним всех пленных, собрав их в дорогу, дав коней, отпустил <...>

Отряды крестоносцев под Лидой (1395)⁷⁴

С. 115. Конрад, великий прусский магистр, которому опротивели его походы в Литву из-за поражений, понесенных летом прошлого года, в середине зимы, когда озера и болота покрыты льдом, и позволяют свободно через них переправляться, направляет маршала Вернера Теттингена⁷⁵ с отборным войском на опустошение этого края. Редко до этого крестоносцы с этой стороны так глубоко вступали в Литву. Теттинген же от замка Нойгарда, который нашел разрушенным литвинами, и от реки Немана начал поход и, повернув направо, делая большие круги, дошел до Лиды. Испугавшись его появления, лидяне сами подожгли замок и убежали. А маршал Вернер⁷⁵ с богатой добычей повернул назад в Пруссию. Вскоре после этого Ульрих Юнгинген, брат магистра Ордена, правитель Самбии, собрав свежие силы, намеревался вторгнуться в Литву. Но когда он прибыл в местность под названием Россита, узнал от шпионов, что князь Витовт под Инстербургом огнем и мечом ужасным образом опустошает Пруссию. Перепуганный, отказался от похода, а Витовт, опустошив большую часть Пруссии, с богатой добычей и не пострадавшим войском вернулся домой. В его отсутствие Конрад, командор Балги, вторгшийся в литовские границы, опустошил дрогичинскую землю, 300 пленных и другую добычу, стада загнал в Пруссию. Так проводились эти войны.

Начало споров о Добжине (1396)

С. 123—124. В следующем году Владислав, польский король, направил посольство к Владиславу, опольскому князю⁷⁶, напоминая ему, чтобы вернул земли Добжинскую, Велюньскую и Острешовскую, которые когда-то Людовик, король польский и венгерский⁷⁷ дал ему в держание в Польском королевстве.

Поход Ягайло в Куявию (1396)

С. 124. Владислав опасался, что если чужой князь будет и дольше держать эти земли, не окажутся ли ни оторванными, так же, как Шленск, который был частью Королевства. В этом смысле любую проволочку он считал опасной. А войны со стороны Вацлава, римского и чешского короля, от которого князь Владислав Опольский зависел⁷⁸ несколько не желал, и не без зрелых размышлений это предпринял. Он ведь предпочитал подвергнуться любой опасности войны, чем далее выносить обиду и утрату своего королевства. Он отправил Кристину Островского, каштеляна сandomирского с войском в Добжинскую землю, объявив, что вскоре и сам поспешит с большими силами. Тот по королевскому приказу призвал к оружию шляхту Куявского воеводства, умножил свои отряды и с ними перешел Вислу. Крепость Бобровники, в которой Шарый руководил виленским гарнизоном, окружил, и когда Кристин из пушек и стенобитных орудий бил по замку, король Владислав, призвав новые пополнения, двинулся, якобы, под Добжин, как обещал Кристину, а в сущности, применил прием, чтобы неприятеля неожиданным нападением легче разбить. Короткой дорогой он направился на Велюнь.

Взятие замков в Опольском княжестве (1396)

С. 125. Олыштын, укрепленный замок, расположенный на высокой горе, быстро взял, позднее, подступив под Кшепицу, также с легкостью овладел. Наконец [замки] Велюнь, Острешув, Бжезнице, Боболице и Грабув сами их предводители, пораженные неожиданной войной, добровольно поотдавали. Под Болеславцем война несколько затянулась, так как река Просьна затрудняет взятие крепости, и князь Владислав перед этим недостаточно обеспечил ее продовольствием, зато достаточно усилил введением гарнизона. Когда он осаждал Болеславец, магистр Прусского ордена, собрав войско, двинулся на помощь Владиславу Опольскому, против Кристина, королевского гетмана, осаждающего Бобровники. Он находился уже вблизи королевского обоза, когда Кристин Островский, усомнившийся в своих силах как несравненно меньших, отступил от осады и вернулся в глубь края. Владислав, видя, что с помощью королевских сил он не справится с удержанием Добжинской земли, оставил эту землю прусскому магистру за 40 000 червонных злотых. Крестоносцы, овладев Добжином, Бобровниками, Рыпином, Рыпно и Золоторей, эти небольшие замки снабдили своими гарнизонами и лучше вооружили. Это было поводом великих войн, которые произошли позже между Польшей и орденом крестоносцев.

Вторжение Ягайло в Силезию (1396)

С. 126. Скоро Владислав убедился во враждебных намерениях великого магистра Конрада Юнгингена. Оставив часть войска в осаде Болеславца, сам вернулся в Краков, чтобы собрать силы для войны с крестоносцами. Во время этих затруднений короля Владислав Опольский, [который] не мог доказать превосходство в ответном бою, собрав шпионов и разбойников, тайными нападениями вторгается в границы Королевства, захватывает множество шляхты, проживающей в своих вотчинах, и как пленников загнав в Силезию, тяжкими узами, острейшими муками выжимает из них высокий выкуп. Также краковских купцов, которые по обычаю прибыли на краковскую ярмарку, при их возвращении, устроив засады на гостинцах, ограбил и требовал с них большие деньги. Король Владислав, отказавшийся от прусской войны, неожиданно вторгся в Силезию и там замки самого [князя Опольского] Владислава и его племянников: Любленич, Стрельце, а также много других городов и крепостей взял, княжество Опольское страшно опустошил огнем и мечом, наконец, перейдя реку Одру, окружил Ополе плотной осадой и с величайшей настойчивостью штурмовал его разнообразными разрушительными орудиями. Владислав [Опольский] все надежды возлагал на Вацлава, римского императора и чешского короля, вассалом которого он был.

Война завершена соглашениями (1396)

С. 127. Но когда тот, казалось, медленнее, чем требовала безопасность опольского князя, направил войско, упал сердцем и не внял просьбам. Князей Олесницкого Конрада и Намысловского Бернарда к обозу короля Владислава высылает, чтобы добились прощения, а также именем его пообещали удовлетворить все, что непобедимого короля вынудило к войне. Долго король Владислав противился просьбам умоляющих князей, наконец, дал себя смягчить с условием, чтобы князь Владислав замок Болеславец вернул Короне, пленных, отобранные товары и деньги купцам вернул, возвратил города и замки Ядвиги, дочери Спытка из Мельштына⁷⁹, который в то время был на первом месте в отношениях с королем, и которые [замки] как часть приданого занял племянник Владислава Бернард. Таким способом Силезская война закончилась соответственно воле короля...

Переговоры с крестоносцами (1397)

С. 128. Когда король Владислав Ягайло уже был вполне готов к войне с Пруссией, паны-рада Королевства посчитали нужным перед началом враждебных шагов через посольство

вызвать великого магистра Конрада и потребовать возвращения Добжинской земли. Для них не было тайной, что король Владислав был обижен на крестоносцев, и скорее для защиты Литвы, чем для возвращения Добжинской земли, в удержании которой и свою личную, и своей короны обиду видел, намеревался начать войну. Затем было решено использовать переговорные средства и вызвать Конрада на разговор, о котором он сам управшивал, встревоженный приготовлениями короля к войне. Местом съезда был избран Иновроцлав.

Ядвига договаривается с великим магистром (1397)

С. 129. Когда великий магистр прибыл, никаким способом нельзя было склонить Владислава, чтобы он разговаривал со своим главным врагом. Ведь он знал, что все основывалось на измене и коварстве, что [магистр] добровольно не сделает ничего, что было бы полезно для Речи Посполитой, что захочет делать все для собственной пользы, до той поры, пока не будет принужден оружием. Однако все-таки чтобы угодить панам-раде в Иновроцлав [он] выслал королеву в сопровождении блестящей свиты первых лиц для переговоров о мире с прусским магистром. Когда она прибыла на место, после длительных и безрезультатных переговоров, ничего не решив, обе стороны разъехались. Все же Конрад согласился отдать Добжинскую землю за заклад в 40 000 червонных злотых, на что ни король, ни королева согласиться не могли, чтобы землю, которая являлась несомненной собственностью Польского королевства, должны были покупать за деньги. Война становилась неизбежной.

Дела ливонские (1397)

С. 130. Конрад, чтобы присоединить к своим владениям Ливонию, пограничный край, лежащей над берегами Балтийского моря, начал посылать своих послов к папе Бенедикту IX и просить отстранить от власти Рижского архиепископа, которому подчинялась вся Ливония с городом Ригой, расположенным над устьем Двины, и допустить в эту страну крестоносцев Прусского ордена, обозначенных черным крестом.

Крестоносцы жаждут захватить этот край (1398)

С. 131. Он доказывал, что нигде христианское рыцарство не может быть лучше устроено, чем в этой части света, граничащей с неверными язычниками. Если же эта страна с разрешения апостольской столицы будет отдана крестоносцам, они докажут, что вскоре весь Север будет почитать богом Христа и примет истинную веру. Папа Бонифаций был склонен этими аргументами, а говоря открыто — 15 000 червонных злотых, которые ему дали за это прусские крестоносцы. Он приказал Рижскому архиепископу сложить полномочия и отдать эту землю во владение рыцарей черного креста. Получив это пожалование, сломив сопротивление рыцарей красного креста, которых называют меченосцами, они установили там свое владычество и поставили нового магистра, который подчинился прусскому⁸⁰.

Описание Ливонии (1398)

С. 132. Очевидно, по этой причине Конрад возгордился и начал равняться могуществом с польским королем. Ведь Ливония — край обширный, около 120 миль, простирающийся вдоль берегов Балтийского моря, в два раза длиннее, чем Пруссия, как месяц, связанный рогами. В этой ширине лежит Дерптское епископство, отодвинутое далеко от моря к русинам, которых называют псковитянами и к южной затоке озера Пейпус длиною в половину девятнадцати миль. Сегодня Ливония покрыта замками и городами, укрепленными по немецкому образцу. Река Свента отделяет ее от Жмуди, которая граничит с Ливонией на юге; в этой части находится курляндское епископство; есть еще два других — озельское и ревельское на берегу моря, однако те расположены дальше за Ригу и больше на север. Река Нарва, вытекающая из озера Пейпус, и впадающая в море недалеко от замка с таким же названием,

отделяет всю Ливонию от севера. За ней на противоположном берегу находится русская крепость Ивангород, основанная на памяти наших отцов Иваном, великим московским князем из опасения, чтобы крестоносцы, перейдя реку, не расширяли своих границ вглубь Руси.

С. 133. От Нарвы на восход солнца лежит Новгород Великий. Это обширнейший русский порт, расположенный в 40 милях от Нарвы, от Дерпта же через озеро Пейпус, когда оно покрыто льдом, и через Псков, также богатый и укрепленный русский город, не более чем 52 мили. Это достоверное положение Ливонии, напротив которой с запада через морской залив лежит Шведское королевство и Стокгольм, шведская столица, лежит напротив города Риги. Делит ее морской залив шириной в этом месте в 62 мили, в других — уже, по мере того, как глубоко берега заходят в море или отступают. Этого о положении Ливонии вполне достаточно, следует обратить перо к литовским делам.

Свидригайло объединяется с Витовтом (1398)

С. 133. Свидригайло, который при крещении получил имя Болеслав, и который из-за ненависти к своему двоюродному брату Витовту сбежал в Пруссию, как мы писали об этом выше, вернулся на родину и объединился с Витовтом.

Нападение ливонских крестоносцев (1403)

С. 154. Литва была встревожена неожиданной войной, начатой ливонским магистром⁸¹, который, переправившись через Двину, вторгся с мощным войском и опустошил территорию Литвы вдоль и поперек. Когда Александр Витовт собирал силы против ливонцев, они с трофеями и с пленниками повернули назад. Витовт отправился в погоню и, перейдя с войском границу Ливонии, обратил в пепел множество сел и городов. Он взял город Динабург, расположенный над Двиной, другой замок, где находились литовские трофеи, добровольно ему сдался, но он все равно его разрушил и сжег, а сам с большой славой вернулся в Литву. В этом походе Петр Рыттерский герба «Топор» первый ринулся на укрепления Динабурга и хотя был тяжело ранен, своим мужеством и стойкостью добыл себе великую славу.

Не останавливаясь на этом походе, Витовт направился на восток. Смоленскую землю Руси, лежащую над Днепром, опустошил огнем и мечом и отягченный богатыми трофеями, с войском полным сил вернулся домой.

Нападение крестоносцев со Свидригайло (1404)

С. 158. На Литву снова начали нападать прусские и ливонские крестоносцы во главе с Болеславом Свидригайло, который, несправедливо изгнанный Витовтом из отчизны, подался, как бродяга, к магистру Прусского ордена. Конрад Юнгинген, великий магистр, собрав мощное войско, среди зимы, по покрытым льдом рекам и озерам вторгся в Литву. Перейдя Неман, весь край вокруг Мереча, Олавы, Трок, Сумелишек и Неровены опустошил огнем и мечом и с трофеями вернулся в Рагнету. Витовт находился в то время в Вильне, однако, не имея сил, не решался дразнить неприятеля, думал только пуститься за ним в погоню. Тем временем с другой стороны войско ливонского магистра, перейдя Двину, начало грабить северную часть Литвы.

Примирение с крестоносцами (1404)

С. 159. Притесненный этими войнами, Витовт по совету короля Ягайло заключил мир с прусским магистром Конрадом и произвел обмен пленными. Король Владислав призвал из Пруссии Болеслава Свидригайло и дал ему во владение Подолию — край, принадлежащий Польской короне; к этому присоединил еще Жыдаховскую, Стрыйскую землю, а также Шидлов, Стобницы, Другню и Уйсце. А кроме того, назначил ему ежегодно 1400 гривен со

своих соляных копей. Свидригайло, разместив в Подолии своиж солдат, некоторое время выдержал в Королевстве, но подстрекаемый обещаниями крестоносцев захватить Литву, снова удрал в Пруссию. Подолия оказалась оторванной от короля Владислава, и было еще много забот, чтобы снова привести к повиновению эту землю. Гораздо больше беспокоила Владислава удержание крестоносцами Добжинской земли. Речь уже заходила о войне, однако прежде, чем предпринять враждебные шаги, направили посольство к Конраду с напоминанием о возврате Добжина, а если бы отказались, должны были бы вести войну. После исполнения королевского поручения магистр ответил, что этот предмет слишком важен, чтобы его можно было решать через послов. Если бы он сам имел возможность для переговоров с королем, не сомневается, что все удалось бы положительно согласовать, что он по этому поводу мог бы прибыть к королю в тот час и в то место, которые он бы ему указал. Когда послы сообщили это Владиславу, король назначил долгожданную встречу в Раценже — городке над Вислой вблизи Добжинской земли.

Соглашение в Рацёнке (1404)⁸²

С. 160. Скоро он прибыл туда. Магистр Конрад тоже приехал туда со своими командорами. Согласились выбрать посредников. Король Владислав назвал для этой цели восемь высших чиновников королевства, столько же и со своей стороны великий магистр.

С. 161. После долгих переговоров они постановили: чтобы Витовт, великий князь литовский, Жемайтию отдал крестоносцам, Добжин должен быть возвращен Короне, не иначе, как за сумму в 40 000 червонных злотых, за которую Владислав князь Опольский эту землю заложил. Хотя король Владислав считал это решение неправильным и обременительным, и долго воздерживался от принятия его как несправедливого, все же так как он доверился королевским советникам для поддержания любви, мира и покоя и сам его утвердил. Таким образом, мир с крестоносцами был заключен. После разрешения этого общего дела Конрад пригласил Ягайло в расположенный неподалеку Торунь, где после прибытия он был радушно и любезно принят великим магистром. Там [король] провел три дня, наблюдая за турнирами, на которых Добеслав Олесницкий превзошел всех ловкостью, даже самых сильных немцев сбрасывал с коней и, обращая на себя взгляды зрителей, в этих состязаниях заслужил всеобщее поощрение. Когда король выезжал из Торуня, какая-то женщина, неизвестно, то ли нечаянно, то ли умышленно облила его кухонными помоями; сейчас же схваченная она неизбежно заплатила бы смертью, если бы Владислав не выпросил у Конрада прощения для нее.

Однако едва король вернулся в Краков, крестоносцы, зная, что Януш, князь черский и варшавский, проводил время в имении, пробравшись обходными дорогами в Мазовию, схватили его со всеми дворянами, которые были с ним, и под стражей выпроводили в Пруссию.

С. 162. Короля Владислава возмутило это насилие, в тоже время он направил послов к Конраду с заявлением о том, что он поступил непорядочно, осмелившись на князя Короны Польской, который его ничем не оскорбил, тайно напасть и, захватив как врага, держать в плену. Подобного злодеяния не совершили бы даже самые дикие варвары, особенно по отношению к князю, предки которого первыми пригласили крестоносцев в Пруссию, дали им земли и замки, и весь Орден осыпали великими благодеяниями, за которые он должен быть благодарным. Затем король его предостерег, чтобы захваченного князя сейчас же освободил и возместил убытки, а если он в чем-то не послушается, не сойдет ему такой позорный поступок без мести, и вскоре увидит он всю Пруссию, охваченную пламенем страшной войны. Великий магистр Конрад, уstraшенный этим грозным предупреждением, свидетельствовал, что все это совершилось без его ведома, освободил князя Януша и весь его обоз без промедления. Король Владислав все лето провел в Великой Польше и на состоявшемся в этой земле сейме добился, чтобы с каждого лана поступало по четверти гривны на выкуп у крестоносцев Добжинской земли, соответственно заключенному с ними договору <...>

Раздоры Витовта с крестоносцами (1404)

С. 166. ...Магистр Прусского ордена, узнав, что Александр Витовт не хочет выполнять условий, принятых в Раценже и отдавать Жемайтию, издавна принадлежавшую Литве, вторгся с войском в этот край и жестоко опустошил его. Витовт не бездействовал в этой опасности, но все вокруг крестоносцев уничтожал, часто тревожил их лагерь неожиданными набегами, однако не мог сравниться с ними силами и не решился вступить с ними в битву. Тем временем через гонцов просил короля Владислава о помощи. Король, увидев, в какой опасности находится Литва, срочно послал на помощь Витовту несколько польских отрядов, которые вскоре были на месте и осмелев, уже намеревались всеми войском напасть на лагерь, но крестоносцы были предупреждены о прибытии подкрепления польских солдат; они быстро свернули лагерь и в спешном отступлении, похожем на бегство, покинули Литву⁸³.

Мнимые споры в Гневкове (1404)

С. 167. В начале 1405 г. на небе можно было видеть большое сближение двух далеких светил в созвездии Водолея, солнце занимало тогда двадцать третий градус; тяжелые несчастья охватили Европу в течение последующих 20 лет, как об этом расскажем ниже, шире и подробнее. В этом году для подтверждения решений, принятых прошлым летом в Раценже, король Владислав встретился с Конрадом Юнгенгином в Гневкове. Александр Витовт ведь не хотел выполнить возложенную на него королем обязанность отдать Жемайтию крестоносцам, для этого в Гневкове между королем и Прусским орденом должно было состояться повторное соглашение. Все, казалось, склонялось к миру, когда великий магистр ордена Конрад вбросил новый повод для споров, потому что хотел вычеркнуть титул Поморья из королевских писем и желал, чтобы с этого времени король польский не употреблял в титуле Поморье, ссылаясь на то, что Казимир Великий отдал его крестоносцам⁸⁴.

Жемайтия не хочет подчиниться крестоносцам (1405)

С. 168. Король Владислав утверждал обратное: что Поморье — это неотъемлемая часть государства, что он не хочет оскорблять свой титул и права королевства, которые распространяются на все Поморье, исключением титула. Из-за этих споров из Гневкова обе стороны разъехались раздраженные.

Затем другой съезд провел великий магистр Конрад с великим князем Витовтом над Неманом в местности, названной Салин, где о владении Жемайтией шли такие жаркие споры, что Марквард, командор бранденбургский и командор шёнбергский, надутые немецкой спесью, Александра Витовта унизили ложью. Один назвал его сыном нечестной матери, а другой — клевтвопреступником. Эти оскорбления Витовт терпеливо снес, уступая времени⁸⁵.

С. 169. Позднее Прусский орден тревожил Витовта большими войнами; обе стороны несли тяжелые потери, которые затрагивали крестоносцев меньше, так как из Германии все время прибывали новые подкрепления и наемные солдаты, а литвины и жмудины потеряли своих самых храбрых воинов. Эти несчастья заставили Витовта заключить мир с крестоносцами с условием, что он уйдет из Жемайтии и отдаст этот край во владение магистру Прусского ордена. Как только жемайты получили верное известие об этом неожиданном договоре, весь край охватила великая тоска, всеобщий горький ропот и жалобы. Каждый оплакивал свою долю и хотел подвергнуть опасности свое имущество и жизнь, лишь бы не подчиниться высокомерной власти крестоносцев. К Витовту направляют послов, умоляя его, чтобы их, которые всегда были верны Витовту, и являются одним с литвой народом, не отдавали в неволю жестокому врагу. Ведь они мужественно помогали ему во всех войнах и в будущем готовы ради спасения его и его власти пролить кровь, свою имущество и жизнь подвергнуть опасности. Так молили они, упав ничком, проливая слезы. Витовт сам едва мог удержаться от

слез, однако после торжественно заключенного примирения должен был выполнять его условия; приказал жемайтам, чтобы с этого времени подчинялись крестоносцам, подчинялись их законам и в качестве заложников отдали им своих знатнейших молодых людей.

С. 170. Когда жемайты, принужденные приказом Витовта, выполнили это, крестоносцы, чтобы укрепить свое господство на этой земле, построили два замка в прилегающей к этой местности, один над рекой Невяжей, другой над Дубисой, при впадении ее в Неман. Так был водворен мир в этом краю <...>

Съезд Ягайло с магистром в Ковно (1408)

С. 173. Владислав Ягайло, должным образом уладив дела в государстве, выехал в Литву, и с Ульрихом Юнгингеном⁸⁶, магистром Прусского ордена, в Ковно, у слияния рек Вилии и Немана, чтобы разобрать жалобы крестоносцев на пограничные обиды. Жаловались они, что границы их постоянно нарушаются, или сами [жемайты] их далеко отодвинули. Эти споры живо поддерживались, так как было очевидно, что магистр не так хочет предотвратить будущую опасность, как ищет повода к войне, съезд закончился безрезультатно <...>

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Михайловская Л. Л. Тевтонский орден в европейских политических отношениях (XIV — первая четверть XVI в.) // Российские и славянские исследования. Вып. VIII. Минск : БГУ. 2013. С. 9—28.

² Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T. I—V. Kraków : Wydzał Aleksandr Przezdziecki w Drukarni Czasu W. Kirchmayera, 1867—1870. T. III / ks. IX—X/, 1868. 558, XXIII s. T. IV / ks. XI—XII/, 1869, 678, XIII s. T. V / ks. XIII /, 1870, 368, XI s.; Mattiae de Miechovia. Chronica Polonorum // Scriptores Rerum Polonicarum, t. II. Cracoviae: Typis universitatis, 1874. Supplementum I. S. 256—286; Marcin Kromer. Polska. Olsztyn: Pojezerze, 1984 ; Bielski Marcin. Kronika Polska. T. I—II. Sanok: Druk K. Polaka, 1856.

³ Buczek K. Dzieje Kartografii Polskiej od XV do XVIII wieku. Wrocław-Warszawa-Kraków : Państwowe wydawnictwo naukowe, Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1963. S. 23.

⁴ Słownik geograficzny Królestwa Polskiego i innych krajów słowiańskich. T. XII. Warszawa : Druk Wieku, 1892. S. 291.

⁵ Такое предположение высказал С. Лукас. См.: Lukas S. Rozbór pódzugoszowej części kroniki Bernarda Wapowskiego // Rozprawy i spawozdania z posiedzeń wydziału historyczno-filozoficznego Akademii Umiejętności, t. 10—12. Kraków, 1879—1880. S. 9—11; Acta Tomicianiana, t. I—III. Academia Scientiarum Polonia. Biblioteka Kornienis. Wratislaviae-Cracoviae-Posnaniae: Sumptibus institute nationalis ossoliani, T. II, 1852, № CLIV. S. 156.

⁶ Ян Лаский (1456—1531). Архиепископ Гнезненский и примас Польши (1510—1531). Имел большое влияние на государственные дела, сторонник объединения Восточного Поморья с Польшей. Был направлен Сигизмундом I на Латеранский собор (1513), чтобы склонить папу на сторону польского короля по делу о принесении ему вассальной присяги магистром Тевтонского ордена.

⁷ Дипломатическая корреспонденция содержится в приложении к исследованию: Ossoliński J. Wiadomości Historyczno-krytyczne do Dziejów Literatury Polskiej. Kraków : W drukarni Gröblowskiej Jozefa Mateckiego. 1819. S. 479.

⁸ *Pociecha W.* Królowa Bona (1494—1557), czasy i ludzie odrodzenia. T. I—IV. Nakładem. Poznańskiego Tow. Przyjacio ł Nauk; skł. gł.: Państwowe Zakłady Wydawnictw Szkolnych, 1949. S. 143—145.

⁹ *Wapowski B.* De bello a Sigismundo I Rege Poloniae, contra Moscov gesta. Romae, 1508; Carnina de memorabili coede Moscovitarum per Serenissimum et infictissimum D. Sigismundum Regem Poloniae M. D. Lithuaniae apud aras Aleksandri Magni peracta b. n. dr. i r. Romae, 1515. Полную библиографию трудов Б. Ваповского см.: Estreicher K. Bibliografia Polska. T. XXXII. Kraków : Wydanie Akademii Umiejętności staraniem Komisji bibliograficznej, 1938. S. 192—195.

¹⁰ Обстоятельства назначения Ваповского на должность королевского историографа. См.: Serwański M, Malecki A. Le premier historiographe royal de Pologne: Bernard Wapowski (vers 1450—1535) // Les Historiographes en Europe de la fin du Moyen Âge a la Révolution. Paris, 2006. S. 251—262.

¹¹ *Bieńkowska B.* Z kręgu Miechowity i Wapowskiego // Studia i materiały z Dziejów nauki Polskiej. Ser. A. Z. 10. Warszawa, 1966. S. 13—32.

¹² *Bartoszewicz J.* Historia literatury Polskiej. Warszawa. Nakładem Księgarni i Składu nut Michała Glücksberga, 1861 — XII. S. 345—346.

¹³ *Bieńkowska B.* Z kręgu Miechowity i Wapowskiego... S. 32.

¹⁴ *Grygiel S.* Proba rekonstrukcji zaginionej części Kroniki Bernarda Wapowskiego. *Studia Źródłoznawcze*. T. IX, 1964. S. 113.

¹⁵ *Marchwiński R.* Wstęp // M. Kromer. Polska. Czyli o położeniu, obyczajach, urządach i sprawach publicznicy Królestwa Polskiego księgi dwie. Olsztyn : Pojezierze, 1984. S. XXXVIII.

¹⁶ Bernardi Vapovii fragmenum Sigismundi Regis Poloniae res gestas, Cromeri descriptione posteriores continuans nunc primum i lucem editum Coloniae Agrippina, 1589.

¹⁷ Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego, od roku 1380 do roku 1535, przez Bernarda z Rachtamowiec Wapowskiego, ze świeżo odkrytego spólczesnego rękopiśmu, z języka Łacińskiego na ojczysty przetłumaczył, przypiskami objaśnił, poczet rzeczy i osób dodał Mikołaj Malinowski. W Wilnie, nakładem i czcionkami T. Glücksberga, księgarnia i typografia szkół Białoruskiego naukowego okręgu. Wilno, T. I—III. 1847—1848. T. I — 1847. 491 s. T. II — 1847, 518 s. T. III — 1848, 511 s.

¹⁸ *Baliński M.* Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego // Biblioteka Warszawska. T. I. Warszawa, 1847. S. 379.

¹⁹ Виктор Баворовский 1826—1894) — польский граф, известный коллекционер, библиофил, писатель и переводчик. Собрал ценную коллекцию редких рукописей и книг, которая получила условное название «Библиотека Баворовского». С 1877 г. хранилась во Львове, во дворце Баворовских. Ныне — в Народной библиотеке Варшавы.

²⁰ Палеографическое описание рукописи см. : J. Szujski J. Bernard Wapowski i jego Kronika // *Scriptores Rerum Polonicarum*, t. II, Cracoviae, 1874. S. XXX.

²¹ *Bieńkowska B.* Z kręgu Miechowity i Wapowskiego... S. 13—32.

²² *Михайловская Л. Л.* Судьба «Хроники» Бернарда Ваповского // Беларус. археаграфічны штогоднік. Вып. 4. Мінск, 2004. С. 31—35.

²³ Kroniki Bernarda Wapowskiego z Radochoniec, kantora katedralnego krakowskiego, wydał, życiorysem Wapowskiego i wyjątkami z spólczesnych historyków objaśnił Dr. Szujski e. H. prof. Hist. Pol. Na Univers. Jag. Gen. Akademii Umiejetności. Część ostatnia IV — Czasy podługoszowe obejmu ca (1480—1535) // *Scriptores Rerum Polonicarum*, t. II. Cracoviae : Typis universitatis, 1874. S. XXX, 256.

²⁴ *Grygiel S.* Proba rekonstrukcji zaginionej części Kroniki Bernarda Wapowskiego. *Studia Źródłoznawcze*. T. IX, 1964. S. 105—116.

²⁵ *Bieńkowska B.* Kronika Emeryka Wi gra (1516—1531) jako źródło Wapowskiego // Emeryk Wiengier i jego Kronika. Wrocław-Warszawa-Kraków : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo PAN, 1969. s. 291.

²⁶ Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów... См. также: Михаловская Л., Длугош Я. и Ваповский Б. Сравнительная характеристика // Науч. тр. Ягеллонского ун-та. Сер. История. Краков, 1985. № 76. С. 85—93.

²⁷ Matthiae de Miechov. Chronicae Polonirum. Cracoviae, 1521 // *Scriptores Rerum Polonicarum*. T. II. Cracoviae : Typis universitatis. 1874. — Supplementum I, s. 256—286.

²⁸ *Decjusz J.* Księga za czasy Króla Zygmunta. Przekład T. Bieńkowski. Warszawa, PWN, 1960, 11, s. 146.

²⁹ *Bieńkowska B.* Kronika Emeryka Wi gra (1516—1531) jako źródło Wapowskiego // Emeryk Wiengier i jego Kronika. Wrocław-Warszawa-Kraków : Zakład Narodowy imienia Ossolińskich. Wydawnictwo PAN, 1969. S. 291.

³⁰ Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego... t. II, ks. IV, s. 38.

³¹ Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów... T. III. S. 433; Cp. : Dzieje Korony Polskiej... T. I, s. 56.

³² *Serwacki M., Malecki A.* Le premier historiographe royal de Pologne: Bernard Wapowski (vers 1450—1535) ... S. 251—262.

³³ *Шайноха К.* Ядвига и Ягайло. Т. I—II. СПб-М. : В. О. Вольф, 1880—1882. Т. I. С. 581, 613.

³⁴ Kroniki Bernarda Wapowskiego..., s. 24. «Хроника конфликта Владислава короля Польши с крестоносцами в год Христов 1410» была написана вскоре после Грюнвальдской битвы и подробно освещает ход сражения. Написана на латыни неизвестным автором. Предположительно им мог быть секретарь и личный советник Ягайло Николай Тронба. См.: Kronika konfliktu Władysława króla polskiego z Krzyżakami w roku pańskim 1410, przekład Jolanta Danek, Andrzej Nadolski. Olsztyn : wyd. Muzeum Warmii i Mazur w Olsztynie, 1984; См. также: Гагуа, Р. Б. Грюнвальд в источниках: «Хроника конфликта Владислава, короля Польши, с крестоносцами в год Христов 1410». Пинск, 2009. 208 с..

³⁵ *Kuczyński S. M.* Wielka Wojna z zakonem krzyżackim w latach 1409—1411, Warszawa : Wydawnictwo Ministerstwa obrony narodowej, 1980, s. 51, 619.

³⁶ Семянчук А. А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гродна : ГрДУ, 2000. 163 с.

³⁷ Михайловская Л. Л. Белоруссия и Литва конца XIV — первой трети XVI в. в хронике Бернарда Ваповского : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск, 1981. 20 с.

³⁸ Текст начинается с неверной даты смерти Ольгерда. Он умер не в 1380, как сообщает Ваповский, а в 1377 году. С 1380 г. в ВКЛ начинается ожесточенная династическая борьба. Б. Ваповский неоднократно подчеркивает, что Ольгерд оставил верховную власть Ягайле как старшему сыну. См. Dzieje Kogony Polskiej... Т. I. S. 2, 79. Однако Ягайло был старшим сыном Ольгерда от второго брака с тверской княжной Ульяной Александровной, а старшим сыном Ягайло от первого брака с витебской княжной Марией Ярославной был Андрей Ольгердович (ок. 1320—1399). Князь псковский (1341—1348, 1377—1385, 1394—1399), полоцкий (1342—1377, 1381—1387, 1393—1399), трубчевский (с 1360, совместно с братом Дмитрием Ольгердовичем), лукомский (1386—1399). Как старший сын и легитимный наследник Ольгерда находился в непримиримой оппозиции по отношению к Ягайло, захватившему великокняжескую власть.

³⁹ Сведения о ходе династической войны 1381—1383 гг. в ВКЛ почерпнуты Б. Ваповским в основном из «Истории» Длугоша, который, в свою очередь, взял их из летописей. Как отмечает А. Прохаска, по заказу Длугоша был сделан латинский перевод одной из летописей или ее части, известной как «Origo Regis Jagello et Vitholdi ducum Linhuania», который был использован Длугошем при написании X книги [36, s. 196—201, 31, С. 115 — 117]. См.: Prochaska A. Przekład ruskiego latopisa ks. Litewskiego na język łaciński // Kwartalnik historyczny. Lwów, 1888, R. 2, z. 2. S. 196—201; см. также: ПСРЛ. Т. 35. С. 115—117.

⁴⁰ Ваповский упоминает Довидишковский договор, тайное соглашение между великим князем литовским Ягайло, великим магистром Тевтонского ордена Винрихом фон Книпрое (1352—1382) и ливонским магистром Вильгельмом фон Фримерсхаймом (1364—1385), подписанное 31 мая 1380 г. и направленное против князя Кейстута и его сыновей. Способствовало развязыванию династической борьбы в ВКЛ. Текст договора см.: Ліцкевіч А. Дагаворы паміж князямі ВКЛ, нобілямі Жамойціі і прадстаўнікамі Тэўтонскага ордэна ў Прусіі і Лівоніі (1367—1398 гг.) // ARCHE пачатак. Грунвальд: 1410—2010. Менск, 2010. С. 50; См. также: Prochaska A. Codex epistolaris Vitoldi, Magnus Ducis Lithuaniae. 1376—1430. Collectus Opera Antoni Prochaska. Monumenta medii aevi historica res gestas Poloniae Illustrantia, T. VI. Cracoviae: Komitet Historyczny Akademii, 1882, № 3.

⁴¹ Скиргайло Ольгердович (в православном крещении Иван, в католическом — Казимир, около 1354—1397). Сын великого князя литовского Ольгерда от второго брака с тверской княжной Ульяной Александровной, брат Ягайло. Князь трокий (1382—1392), полоцкий (1387—1397), киевский (1395—1397), наместник Ягайло в ВКЛ (1386—1392).

⁴² Корибут Ольгердович (в православии Дмитрий, ум. после 1404). Сын великого князя литовского Ольгерда от второго брака с тверской княжной Ульяной Александровной. Князь новгород-северский до 1393 г., затем збаражский, брацлавский и винницкий. В ходе династической борьбы в 1382 г. вместе с Ягайло и Скиргайло выступал против Кейстута.

⁴³ Сообщение Ваповского о том, что на стороне князя Корибута сражались несколько отрядов татар, существенно дополняет текст Длугоша. Ср.: Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów..., т. III, s. 382.

⁴⁴ Ваповский упоминает договор, заключенный 31 октября 1382 г. великим князем литовским Ягайло, его братом Скиргайло и великим магистром Тевтонского ордена Конрадом Цёльнером фон Ротенштайном (1382—1390) на р. Дубисе. Крестоносцы оказывали поддержку Ягайло и Скиргайло в борьбе с Кейстутом и Витовтом. Ягайло обязывался креститься по католическому обряду, крестить население ВКЛ и передать Ордену Жемайтию (границей была р. Дубиса). Кроме того, обе стороны заключали военный союз на 4 года [33, с. 52—53]. Договор не был ратифицирован и не вступил в силу. Поэтому когда военные действия между Витовтом и Ягайло возобновились, Орден выступил на стороне Витовта. См. Ліцкевіч А. Дагаворы. С. 53.

⁴⁵ Ваповский называет имя непосредственного убийцы Кейстута — Прокши, в то время как у Длугоша, во всех списках белорусско-литовских летописей, а также в хронике Быховца отмечена целая группа заговорщиков. Ср.: Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów..., т. III, s. 398; ПСРЛ, т. 35, М. : Наука, 1980. С. 63, 69, 87, 112, 13, 156, 183, 204, 225; Хроника Быховца / под ред., с предисловием и комментариями Н. Н. Улащика. М. : Наука, 1966. С. 64.

⁴⁶ Казнь путем заливания в горло расплавленного металла.

⁴⁷ Конрад Цёльнер фон Ротенштейн — великий магистр Тевтонского ордена в 1382—1390 гг.

⁴⁸ По условиям договора на р. Дубисе (1382).

⁴⁹ М. Малиновский отмечает, что управляющего в то время не было в замке.

⁵⁰ Изложение хода осады Дрогичина и причин ее сдачи войску Ягайло у Длугоша и Ваповского существенно отличаются. Длугош объясняет удачу Ягайло предательством русских, находившихся в дрогичинском замке, а Ваповский — мужеством литовцев. Ср.: Jana Długosza, *Kanonika Krakowskiego Dziejów...* Т. III. S. 414.

⁵¹ М. Ючас считает, что этот период (от смерти Ольгерда до заключения Кревской унии) был отмечен наибольшей активностью крестоносцев. См.: Ючас. Грунвальдская битва. Вильня, Беласток. Беларускае гістарычнае таварыства. 2010. С. 9.

⁵² Б. Ваповский не приводит условий договора Андрея Ольгердовича с крестоносцами, но из документов следует, что в случае возвращения своего удела Андрей обязывался владеть им на правах ленника ордена. См.: *Skarbiec dyplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i dziejów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych krajów. Zebrał i w treści opisał Ignacy Daniłowicz. Z pozgonnych rękohisów znajdujących się w bibliotece muzeum Wileńskiego wydał Jan Sidorowicz.* Т. I—II. Wilno : Drukarnia A. N. Kirkora, 1860—1862. Т. I. № 509. С. 256.

⁵³ Отмечая существование противоборствующих группировок в ВКЛ, Ваповский ошибается. Витовт, опиравшийся на православную знать, владевшую значительными имениями на Украине и в Беларуси (Федор Луцкий, Михаил Заславский и др.), оставался католиком, хотя принимал крещение три раза. По католическому обряду в 1382 и 1386 гг. и в 1384 г. по православному. В числе князей, принявших католичество, Ваповский называет Скиргайло, вероятно, спутав его с Коригайло (у Длугоша вместо Скиргайло назван Коригайло. Ср.: Jana Długosza, *Kanonika Krakowskiego Dziejów...* Т. III. S. 432. Скиргайло оставался православным. Великий магистр в письме называет его «отступником» и «схизматиком». Текст приведен М. Малиновским в примечаниях к хронике Б. Ваповского (Т. I. S. 63).

⁵⁴ Казимир (в православии Василий, в язычестве Коригайло, 1370—1390) — сын Ольгерда от второго брака с Ульяной Александровной Тверской, младший брат Ягайло, князь мстиславский. Прославился при защите Вильно, осажденного крестоносцами и войсками Витовта, защищая Кривой замок в 1390 г. В летописях высказано несколько версий его смерти. См.: ПСРЛ. Т. 35. С. 65, 89, 114.

⁵⁵ Наримунт (в православии Глеб, около 1294—1390). Второй сын великого князя литовского Гедимина, князь полоцкий, позже пинский. Сведения о его смерти и ее дата, приведенная Б. Ваповским (1390), подтверждается договором Смоленска с Ригой от 1390 г., в котором Наримунт упоминается как «полоцкий король». См.: Полоцкие грамоты XIII — начала XIV в. / сост. А. Хорошкевич. Вып. 1. М., 1977. С. 39—41; Вып. 3. М., 1980. С. 127—132.

⁵⁶ Товтивилл (в крещении Конрад, около 1355—1390). Сын великого князя литовского Кейстута, князь новогрудский, активно поддерживал своего брата Витовта во время гражданской войны в ВКЛ (1381—1384).

⁵⁷ Ян Олесницкий (ок. 1400—1460) — коронный маршалок (1430—1440), каштелян и староста сандомирский (с 1440), воевода Сандомирский (с 1442), староста краковский (с 1439), каштелян Жарновский (с 1425). Отец Збингева Олесницкого, первого кардинала польского происхождения, влиятельного политического деятеля.

⁵⁸ Конрад фон Валленроде. Великий магистр Тевтонского ордена в 1391—1393 гг.

⁵⁹ Если Ваповский относится к православному Скиргайло с явной неприязнью, то белорусско-литовские летописи называют его «добрым и чудным князем». См.: ПСРЛ... С. 73; 31. С. 138, 159.

⁶⁰ Маркварт фон Залыбах, рыцарь Тевтонского ордена, не был великим командором, как ошибочно отмечает Ваповский. Он занимал сравнительно невысокие должности командора Рагнеты (1396—1401), командора Бранденбурга (1402—1410), но играл заметную роль в отношениях между Орденом и Великим княжеством Литовским. Участвовал в переговорах на о-ве Салин (1398) и в Раценже (1404). Закончил жизнь на Грунвальдском поле (1410).

⁶¹ Вигунд (Виганд, в православии Федор, в католичестве Александр, около 1372—1392). Князь керновский, сын великого князя литовского Ольгерда от второго брака с Ульяной Александровной Тверской, младший брат и преданный сподвижник Ягайло.

⁶² Сообщения Ваповского о нападении рыцарей на Литву в 1391 г. и неудачной осаде Ковно отсутствуют у Длугоша и является существенным фактическим дополнением его труда, как и данные о плацдарме, который Орден предоставил Витовту. Ср.: Jana Długosza, *Kanonika Krakowskiego Dziejów...* Т. III. S. 459.

⁶³ Ваповский напоминает о гибели Наримунта при обороне Вильно в 1390 г.

⁶⁴ В Острове, имении под Лидой, в августе 1392 г. было подписано соглашение между королём польским Ягайло и Витовтом, завершавшее гражданскую войну в ВКЛ. Если Ваповский оценивает соглашение как «милость со стороны короля Владислава», то в хронике Быховца и других белорусских

летописях отмечено: «Ягайло понял, что ему уже невозможно удержать литовскую землю против великого князя Витовта». См.: Хроника Быховца... С. 70; ПСРЛ. Т. 35. С. 64—65, 70—71, 114, 136.

Текст договора не сохранился, поэтому вопрос о том, стал ли Витовт в 1392 г. великим князем Литовским, Русским и Жамойтским, считается до конца не решенным. Акты о присяге Витовта Ягайло от 1392 г. подписаны «...князь Троцкий и Луцкий». См.: *Codex epistolaris Vitoldi, Magni Ducis Lithuaniae...*, № 92. С. 30. Утверждение Ваповского, что «... всю Литву Ягайло отдал Витовту» согласуется с сообщениями белорусско-литовских летописей, где от имени Ягайло указано: «Пойди, брат, с нами на мир и будь с нами в великой братской любви и возьми себе великое княжение в Вильне, престол великого дяди твоего Ольгерда и отца твоего великого князя Кейстута». См.: Хроника Быховца... С. 72; ПСРЛ. Т. 35. С. 71, 101, 121, 137, 158, 185, 205, 227. Сведения Ваповского (с. 105) подтверждают установление вассальной зависимости ВКЛ от Польши. Большую роль в усилении позиций Витовта сыграл его союз с Тевтонским орденом, а также союз с Великим княжеством Московским, скрепленный браком великого князя Василия Дмитриевича с дочерью Витовта Софьей, которую и Длугош, и Ваповский ошибочно называют Анастасией. См.: *Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów...* т. III, s. 537; *Dzieje Korony Polskiej...* Т. I. S. 174.

⁶⁵ Свидригайло (в католическом крещении Болеслав, в православном Лев, около 1370—1452). Сын великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича от второго брака с Ульяной Александровной Тверской, младший брат Ягайло. Князь витебский (1393), подольский и жидачевский (1400—1402), новгород-северский, черниговский и Брянский (1404—1408, 1420—1430), великий князь литовский (1430—1432), князь волынский (1434—1452). Находился в постоянной оппозиции к великокняжеской власти, в 1432—1439 гг. возглавил восстание с целью захвата великокняжеского трона.

⁶⁶ Энгельхард Рабе — маршал Тевтонского ордена в 1387—1392 гг.

⁶⁷ Вернер фон Теттинген — великий командор Тевтонского ордена в 1392—1404 гг.

⁶⁸ Вацлав IV Люксембургский (1361—1419). Сын короля Чехии и императора Священной Римской империи Карла I (IV). Римский король (1376—1400), король Чехии с 1378 г. В 1400 г. был низложен с германского трона, но остался королем Чехии.

⁶⁹ Сигизмунд I Люксембургский (1368—1437). Курфюрст Бранденбурга (1378—1388 и 1411—1415), король Венгрии (с 1387), Римский король (с 1410), король Чехии (1419—1421) и (1436—1437), король Ломбардии (с 1431), император Священной Римской империи (с 1433). Как император являлся союзником Тевтонского ордена и оказывал ему политическую, финансовую и юридическую поддержку.

⁷⁰ Причиной изгнания тевтонских крестоносцев из Чехии являлось сочувствие Вацлава IV реформационным идеям, распространявшимся в Чехии и направленным против католической церкви.

⁷¹ Я. Длугош называет 500 человек. Ср.: *Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów...* Т. III. S. 473.

⁷² Конрад фон Юнгинген — великий магистр Тевтонского ордена в 1393—1407 гг.

⁷³ Этот фрагмент (с. 112) у Длугоша отсутствует. Ср.: *Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów...*, т. III, s. 475—476.

⁷⁴ Я. Длугош датирует этот поход 1394 г. Ср.: *Jana Długosza, Kanonika Krakowskiego Dziejów...* Т. III. s. 476.

⁷⁵ Владислав Опольский — силезский князь (1356—1401). Как родственник Людовика Венгерского служил при его дворе, был наместником в Галицкой Руси (1372—1376). Получил во владение Добжинскую и часть Куявской земли, расположенные на границе с владениями крестоносцев. В 1391 г. передал крестоносцам под залог замок в Золоторые, а в 1392 г. Добжинскую землю, куда Орден ввел войска. М. Малиновский, ссылаясь на документы, отмечает, что уже в 1392 г. Владислав вел переговоры с великим магистром и венгерским королем Сигизмундом Люксембургским о продаже этих земель Ордену.

⁷⁶ Владислав Опольский — силезский князь (1356—1401). Как родственник Людовика Венгерского служил при его дворе, был наместником в Галицкой Руси (1372—1376). Получил во владение Добжинскую и часть Куявской земли, расположенные на границе с владениями крестоносцев. В 1391 г. передал крестоносцам под залог замок в Золоторые, а в 1392 г. Добжинскую землю, куда Орден ввел войска. М. Малиновский, ссылаясь на документы, отмечает, что уже в 1392 г. Владислав вел переговоры с великим магистром и венгерским королем Сигизмундом Люксембургским о продаже этих земель Ордену.

⁷⁷ Людовик (Лайош) I Великий (1326—1382). Сын венгерского короля Карла Роберта Анжуйского и дочери Владислава Локетка Елизаветы. Король Венгрии (с 1342), король Польши (с 1370). Из-за отсутствия наследника мужского пола его дочь Ядвига (Хедвиг Анжуйская) в 1384 г. была избрана на польский трон.

⁷⁸ Силезские княжества перешли под сюзеренитет династии Люксембургов в обмен за отказ от претензий на польский трон со стороны Люксембургов по Вышеградскому договору (1335) на «съезде трех королей» (Казимир III польский, Иоганн Люксембургский чешский, Карл Роберт венгерский). Владислав Опольский владел княжеством на правах ленника чешского короля Вацлава IV Люксембургского.

⁷⁹ Спытко II из Мельштына (ум. 1399) — польский шляхтич, маршалок надворный коронный (1373—1384), воевода краковский (1384—1399), каштелян Краковский (1390—1399), наместник Подолии на правах ленника

⁸⁰ Ваповский ошибается в датах и именах. Акт инкорпорации ордена Меченосцев в состав Тевтонского был осуществлен не Бонифацием, а папой Григорием IX и великим магистром Германом фон Зальца в 1237 г. Орден Меченосцев прекратил существование, превратившись в филиал Тевтонского ордена в Ливонии, которым управлял наместник гроссмейстера ландмагистр. Первым наместником стал покоритель Пруссии Герман фон Балк (1237—1238). Этим актом была завершена консолидация Тевтонского ордена, значительно увеличилась его территория, военный и материальный потенциал. В 1398 г. ливонского магистра не смещали. В этой должности оставался Вальдемар фон Брюнгеней (1389—1401).

⁸¹ Ливонский магистр Конрад фон Фитингхоф (1401—1413).

⁸² Текст договора опубликован А. Даниловичем. См.: *Skarbiec dyplomatów papieżskich, cesarskich, królewskich, uchwał narodowych, postanowień różnych władz i dziejów posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych krajów. Zebrał i w treści opisał Ignacy Daniłowicz. Z pozgonnych rękohisów znajdujących się w bibliotece muzeum Wileńskiego wydał Jan Sidorowicz. T. I—II. Wilno : Drukarnia A. N. Kirkora, 1860—1862. T. I. № 791. S. 341. Основные условия приводит и Ваповский, опуская те статьи, которые предоставляли ливонским крестоносцам претендовать на Псков, а Ягайло и Витовту — на земли русских княжеств. В этом же году он совершил походы на Смоленск и Псков.*

⁸³ М. Малиновский отмечает, что Ваповский ошибся, следуя Длугошу. В этом году Витовт не только не воевал с крестоносцами, но вместе с ними и с Ягайло старался силой оружия выполнять условия Раценжского договора. Такие же данные приводит и А. Прохаска, отмечая, что собранное Витовтом огромное войско не понадобилось, так как Жемайтия покорилась Ордену. См.: *Dzieje Korony Polskiej i Wielkiego Księstwa Litewskiego*... S. 166; Prochaska A. *Szkice historyczne z XV w. Kraków-Warsawa : Nakładem Gebetnera i Wolffa, 1884. S. 60.*

⁸⁴ Казимир III Великий — король Польши (1333—1370), сын Владислава III Локетка, во время правления которого Тевтонский орден захватил Гданьское Поморье (1308—1309). Война с крестоносцами за Поморье, начатая Локетком в 1326 г., была завершена Казимиром III. По Калишскому миру (1343) Поморье оставалось во владении Ордена.

⁸⁵ О съезде на о-ве Салин (Залинверден) достоверной информации у Ваповского нет. Он состоялся в 1398 г., а не в 1405 г., как сообщают Длугош и Ваповский. В соответствии с договором, подписанным 12 октября, крестоносцы должны были помочь Витовту занять великокняжеский престол, а он обязывался владеть Литвой на правах ленника. См.: Prochaska A. *Szkice historyczne*... S. 52. В обмен на передачу Ордену Жемайтии князь обещал помощь крестоносцам в завоевании Пскова, а Орден — в подчинении Витовту Новгорода; ни одна из сторон не должна была пропускать через свою территорию войска, враждебные другой стороне. В последнем пункте договора подразумевался запрет пропуска польских войск на территорию Пруссии. В тексте договора Витовт называл себя «великим князем Литвы», без ведома Ягайло присваивая его титул. Кроме того, договор был заключен в такой форме, что не нуждался в утверждении его королем, сюзереном литовского князя. См.: Daniłowicz I. *Skarbiec dyplomatów. T. I. № 694. S. 314.* Таким образом, Салинский договор фиксировал самостоятельность политического курса ВКЛ и признание этого Ягайло «de facto».

Вслед за Длугошем Ваповский допустил еще одну ошибку. Споры о владении Жемайтией шли не в 1405 г. и не на Салинском съезде, а в 1404 г. в Раценже. См.: Prochaska A. *Szkice historyczne z XV w.*... S. 108. М. Малиновский отмечает, ссылаясь на прусские хроники, что оскорбления в адрес Витовта со стороны командора Рагеты Маркварта фон Зальцбаха и командора Острода Иоганна фон Шёнфельда также могли иметь место в Раценже или в Вильно в 1409 г.

⁸⁶ Ульрих фон Юнгинген — великий магистр Тевтонского ордена в 1407—1410 гг., брат великого магистра Конрада фон Юнгингена (1393—1407). Его политика привела к обострению отношений между Орденем и ВКЛ. В конфликт была втянута и Польша, что привело к Великой войне (1409—1411), и гибели великого магистра в Грюнвальдской битве (15 июля 1410 г.).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ





РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ

А. И. Курицын

ИДЕОЛОГИЯ РУССКОЙ МОНАРХИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ В ПРЕДСТАВЛЕНИИ Н. В. АНТОНЕНКО

Исследование взглядов и политических идеалов русской монархической эмиграции представляет значительный интерес, так как помимо уточнения причин формирования белого движения в годы Гражданской войны позволяет понять цели, которые ставили перед собой представители монархических организаций в эмиграции. Формирование новых подходов к изучению проблемы русского консерватизма также настоятельно требует изучения взглядов его идеологов не только до революции, но и в эмиграции. Вопреки сложившимся стереотипам, когда эта идеология рассматривается исключительно как реакционная, ее сущность заключалась не в «слепом» отстаивании традиционных устоев монархической власти, а в решении государственных проблем путем постепенного эволюционного реформирования государственной системы, опираясь на национальный опыт. Показательной в этом отношении является монография Н. В. Антоненко «Идеология и программатика русской монархической эмиграции» (Мичуринск, 2007) [1].

Изучение российской эмиграции встречало в СССР трудности идеологического и политического характера, что мешало перейти к научному исследованию проблемы. Существовали также проблемы, связанные с источниковой базой, не позволявшие исследователям в полной мере осветить те процессы, которые проходили в среде российской эмиграции. В то же время, несмотря на доминирование идеологизации и схематизации исторического знания, упрощенного и одностороннего изображения российской эмиграции как «белогвардейских банд и беженской накипи», занятых исключительно клеветой на СССР, многие аспекты культурной и общественной жизни российской диаспоры получили отражение в работах А. Л. Афанасьева, Г. З. Иоффе, Ю. В. Мухачева, Л. М. Спирина [6, 7, 19, 21, 30, 49, 51, 52].

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в условиях происходивших изменений в политической и духовной жизни общества значительно вырос общественный интерес к истории русского зарубежья, в том числе и к послереволюционной волне русской эмиграции. В это время расширилась источниковая база исследований, наметилась смена научных парадигм, методологических принципов исследований. Появились оригинальные исследования, стали публиковаться источники, сборники документов, связанные с изучением политических движений и организаций правового характера, в том числе и монархических. Были изданы программные произведения идеологов русского монархизма [14, 18, 23, 31, 4—48, 53].

На протяжении последующих десятилетий особым интересом у исследователей пользовались такие темы, как праворадикальные политические течения в среде русских эмигран-

Курицын Артем Игоревич — соискатель кафедры истории России Белорусского государственного университета.

тов [27, 28, 32, 34, 35], формирование и деятельность российской эмиграции в условиях поражения в Гражданской войне [12, 17, 41], особенности российских диаспор в различных странах Европы [4, 25, 37], военно-политическая деятельность эмиграции [15, 16, 24, 44]. Особую группу представляют работы, связанные с культурно-философским осмыслением наследия первой волны русской эмиграции [11, 13, 36]. Вышли работы, посвященные деятельности известных политиков, военных в условиях эмиграции [10, 26, 38, 42], эмиграции как культурно-исторической проблеме [3, 8, 29, 33, 39, 43, 50], вопросам историографии [9, 40], многим другим аспектам [2, 5, 20, 22, 45].

Источниковая база исследований характеризуется двумя ключевыми особенностями. Стали широко использоваться труды идеологов эмигрантского консерватизма — И. А. Ильина, П. Б. Струве, В. В. Шульгина, И. Л. Солоневича. Характерно, что, оказавшись в эмиграции, они смогли не только дать ответы на мучившие эмиграцию вопросы о причинах революции и Гражданской войны, но и сформировать целостные концепции, которые позволяли бы России динамично развиваться в будущем. Особую группу документов составили материалы эмигрантской периодической печати, которые важны при исследовании русских монархических организаций, оставивших мало официальных документов в архивных фондах.

События 1917 г. стали отправной точкой всех политических концепций послереволюционной монархической эмиграции. Так, пишет Н. В. Антоненко, многие эмигранты считали революцию исторически неизбежной, другие — смотрели на нее как на крушение Российского государства. Основная полемика среди эмиграции, касавшаяся причин и роли революций 1917 г., фактически являла собой продолжение дискуссий, возникших в ходе революции 1905—1907 гг. Для понимания места февраля и октября 1917 г. в российской и мировой истории многое сделали известные теоретики эмиграции И. Л. Солоневич, П. Б. Струве, И. А. Ильин. Анализ их теоретико-политических положений, по справедливому мнению Н. В. Антоненко, играет весьма важную роль при исследовании взглядов монархической эмиграции.

Становление движения сопровождалось перегруппировкой ранее существовавших политических партий на общей платформе антибольшевизма. По мнению автора, реальными выразителями «белой» идеологии стали монархисты. В этом же лагере выступали черносотенцы, бывшие октябристы, прогрессисты, правые кадеты. Социальный (как и партийный) состав участников белого движения был чрезвычайно широк: от бывших крупных земельных собственников и фабрикантов до простого крестьянина и рабочего, от высших военачальников и государственных чиновников до учащихся учебных заведений. Н. В. Антоненко выделяет несколько категорий белого движения. Первую группу представляли сторонники полного восстановления самодержавия, или представители консервативно-охранительного направления. В период революционных событий они были плохо организованы, в связи с чем их число постоянно сокращалось. Их политическим приоритетом была особая российская государственность, национализм, антисемитизм. Под лозунгами «Спасения России», «Возрождения Святой Руси» ими выдвигались идеи реставрации, верность православным ценностям, сохранение исторически сложившихся границ. Главной целью консерваторы считали сохранение единой и неделимой державы во главе с православным монархом.

Вторую группу сторонников белого лагеря представлял офицерский корпус. В условиях мировой войны он насчитывал около 300 тыс. человек, но значительно обновился — в особенности его средний и низший составы. Это сказалось на политических настроениях всей армии. Если в высших рангах по-прежнему преобладали дворяне, то среднее и низшее звено офицерства, разбавленное выходцами из мещан, крестьян, рабочих, заметно демократизировалось. Военные наиболее широко были задействованы в Гражданской войне. Высшее и среднее офицерство в большинстве своем составляло ядро антисоветских сил. Однако политические взгляды военных были различными: одни выступали за Учредительное собрание, другие — за восстановление Романовых, третьи — за военную диктатуру.

Третья группа белых сил — казачество. В 1917 г. в России было около 13 казачьих войсковых объединений общей численностью 4,5 млн человек. Традиционно формируемое как опора строя, в своей идеологии казачество соединяло приоритет российской государственности и автономное общинное существование. События Первой мировой войны значительно пошатнули идеалы казачества. Монархическая идея в их среде поблекла. В событиях 1917 г. казаки стремились к самостоятельному существованию на принципах казачьей общины. В белом движении казаки, демонстрируя общее единство, стояли особняком от других групп.

Последнюю, четвертую, группу белого движения представляли сторонники либеральной демократии и перехода России на западный тип развития. По социально-политическому составу в ней объединялись представители различных либеральных партий и организаций, предприниматели, финансисты, часть интеллигенции.

Ошибкой, сыгравшей роковую роль в истории белой борьбы, как установила Н. В. Антоненко, представители консервативной мысли называли отсутствие у «белых» четкой политической программы. Однако, как справедливо замечает автор, первые попытки государственного строительства были предприняты именно лидерами белой борьбы. Программа белого движения на первом этапе была изложена в документах Добровольческой армии — объединить разрозненные силы белых и привлечь «низы» (крестьян, рабочих), чтобы обеспечить выход из Гражданской войны и восстановление государства. В то же время вопрос о власти был сформулирован неопределенно, что имело смысл: программа белого движения носила общий декларативный характер, поскольку в ней необходимо было учесть слишком разные общественно-политические интересы. Поэтому руководство «белого лагеря», стремясь к созданию широкого антибольшевистского фронта, имело мало свободы для конкретных высказываний по поводу будущего образа правления. С момента зарождения белого движения его лидеры старались избегать четких заявлений о той форме правления, за которую они борются. Официально эта позиция уклонения от ответа на главный вопрос мотивировалась стремлением не предпрещать волеизъявления российского народа.

Впоследствии концепция «непредрешения» стала основой идеологии «белого дела». Как пишет автор, «непредрешение» государственного строя создало в рядах освободительных сил двойственную ситуацию: с одной стороны, вызвало недовольство той части белого движения, которая не представляла Россию без монархии, с другой — не устраивало тех, кто придерживался иных позиций. В ходе анализа Н. В. Антоненко приходит к выводу, что причины «непредрешенческой политики» были глубже, чем кажется на первый взгляд. Они состояли не столько в разнородном социально-политическом составе участников белой борьбы, сколько в давлении стран Антанты, которые желали видеть новую Россию республиканской.

Небезынтересным представляется вывод Н. В. Антоненко о том, что многие сторонники монархии в России осознали свои самодержавные политические взгляды только после революции: по мнению автора, потеряв монархическую Россию, они стали по-настоящему ее ценить лишь в изгнании. Однако монархическая эмиграция не спешила избавиться от старых системных пороков, и многие из перечисленных проблем по-прежнему стояли на пути монархического зарубежья. Острейшей из них была социальная, выражавшаяся в сложности взаимодействия лидеров правых организаций и монархически настроенного среднего слоя русских беженцев. Разрешение острой проблемы социально-политических противоречий, возникших в консервативно ориентированной среде зарубежной России, было подчинено осуществлению главной цели идейного единения всех течений русского монархизма.

Теоретическую базу проектов политических преобразований составили воззрения все тех же И. А. Ильина, П. Б. Струве, И. Л. Солоневича, В. В. Шульгина. Анализ представленных концепций, проведенный Н. В. Антоненко, позволяет выявить среди них некую общую идеологическую основу, выразившуюся в появлении идеи обновленного монархизма. Эта идея являлась свидетельством переоценки ценностей, происходившей в среде монархистов, их

стремления выжить, видоизмениться, приспособиться к новой обстановке. Именно с таких позиций монархическое движение в эмиграции объявило себя не классовым, а национальным, не реакционным, а глубоко прогрессивным. Надо признать, что при решении проблем внутреннего развития идея сильной власти была политической аксиомой для консерваторов. Самодержавие, в их представлении, являлось символом политической стабильности.

Если дореволюционная концепция монархической власти противопоставлялась правыми как буржуазно-капиталистической, так и революционно-социалистической альтернативам, то в эмиграции она несколько видоизменилась, вобрав в себя отдельные элементы и той и другой. Переживаемая Россией смена властных структур породила проблему адаптации предлагаемой ими модели монархической государственности к новым условиям. Идеологическая перестройка мировоззрения консерватизма наглядно продемонстрирована в политических проектах правоцентристского и левого направлений монархического движения.

Представители правого крыла зарубежного монархизма отстаивали восстановление основ государственного устройства России, в котором она пребывала до революции 1905 г. Однако, выступая за идеал неограниченной монархии, правые не исключали возможности существования представительных структур. Они упорно противостояли копированию западных политических институтов, поэтому связывали форму будущего народного представительства с исторически приемлемым Земским Собором, имевшим совещательные функции. Реставраторы были сторонниками жесткой централизации государственного аппарата.

Конституционное направление монархического движения, как удачно отмечает Антоненко, стало синтезом русской либеральной традиции на почве консервативных ценностей и представляло собой модель правового государства, защищающего политические права своих граждан, их равноправие перед законом. Его представители стремились к установлению в России конституционной монархии во главе с династией Романовых. В этой модели верховная власть принадлежала царю, исполнительная — правительству, законодательная разделялась между монархом и органом народного представительства, наделенным широкими правами. По справедливому замечанию автора, предлагаемая формула фактически демонстрировала откат к основам государственного устройства России, установленным Манифестом 17 октября 1905 г. Конституционалисты акцентировали особое внимание на выборной системе без цензовых ограничений, учитывающих религиозные и национальные интересы.

Левое крыло монархической эмиграции придерживалось «непредрешенческой позиции», выступало за созыв Учредительного собрания. Но надежды левой части правоконсервативного спектра связывались с выбором монархической формы правления. В случае установления монархии Учредительному собранию передавались законодательные функции.

Если указанные выше теоретические конструкции уже в той или иной степени апробировались на российской политической сцене, то модель, предлагавшаяся легитимистами, являлась воплощением нового подхода к системе будущей власти. По мнению сторонников легитимной монархии, она синтезировала в себе все лучшее из системы государственного управления императорской и советской России. Из «старой» модели легитимисты брали за основу сильную монархическую власть, из «новой» — советскую систему народного представительства. Их идеал государственности воплотился в теории «Царь и Советы». В цепи государственного управления Советы являлись связующим звеном между народом и властью. Высшим органом народного представительства объявлялся Всероссийский съезд Советов. Важная роль в порядке формирования представительских структур отводилась избирательной системе, основанной не на имущественном, а на профессиональном принципе.

Консерваторы понимали, что восстановление монархии — процесс долгий и болезненный. На этом этапе прогнозировались два варианта развития событий: первый намечался на случай благоприятной ситуации, когда все противоречия в установлении монархического правления могут быть сглажены в процессе работы Учредительного собрания; вторым вари-

антом была военная диктатура, призванная подготовить массы для укрепления самодержавной власти. Именно этот путь был наиболее популярен среди правоэмигрантских сил.

Консервативные идеологи обратили внимание на политическую структуру постбольшевистского общества. Их концепция сводилась к жесткой системе качественного отбора людей, идущих в политику. Монархисты не являлись противниками партий, выражающих интересы различных групп населения, но выступали за их количественное ограничение. Гарантом ограждения от политического произвола считалась самодержавная монархия.

Значительные изменения произошли и во внешнеполитических ориентирах правых. Оставаясь на великодержавных позициях, они произвели кардинальную перестройку на доктринальном уровне. Консерваторы прежде считали, что в области международных отношений Россия должна опираться на родственные ей монархические режимы, а не на правительства «буржуазной демократии». В эмиграции, трезво оценив реальную обстановку, монархисты сняли этот лозунг. Их стратегические планы сводились к поиску союзников в борьбе с большевистской Россией, независимо от их формы правления у возможных союзников. Была создана общая консервативная внешнеполитическая платформа. Она базировалась на принципе мирного сосуществования, восстановления мирными средствами внешнеполитического могущества России. Таким образом, идея «Великой России» легко перестраивала политические настроения монархистов в сторону стратегических интересов самой России.

В правоконсервативном крыле русской эмиграции сложился свой образ обновленной России. Как указывает Н. В. Антоненко, новые подходы отразились в проведении линии «сильной власти» при сохранении в структуре государственного управления элементов народного представительства; предусматривалась децентрализация системы управления с помощью областной автономии и расширения прав местного самоуправления. Кроме того, эмигрантский консерватизм пережил эволюцию взглядов на общественную иерархию. Правые партии отказались от сохранения сложившегося в стране сословного строя, который ранее, в их понимании, являлся краеугольным камнем Российского государства.

Продолжала обсуждаться в эмиграции и судьба российских национальных окраин. Противоречия в области политики национального самоопределения выявились на монархическом съезде в Рейхенгалле. Позиция крайнего течения русского монархического движения выражалась в непризнании за другими народами прав на национальное самоопределение. В то же время появилось мнение, что для величия России необходимо начать борьбу со всяким национализмом, в том числе и русским, перейти к политике национального примирения.

Особый интерес представляет взгляд автора о том, что многие монархисты были склонны к идеализации национальной политики в царской России. Так, И. Л. Солоневич считал, что до революции в государстве не было проблем в национальных отношениях, так как не существовало проблемы национального неравенства, она возникла только после революционных событий 1917 г. По его мнению, неравноправным было только еврейское население. В этом с ним был солидарен И. А. Ильин, отрицавший политику насильственной русификации в России. Однако, пишет Н. В. Антоненко, среди монархистов имелись и иные мнения. Так, многие считали, что именно насильственная русификация стала причиной всплеска национализма у народов империи. Поэтому в качестве решения проблемы П. Б. Струве предлагал взять за идеал русской государственности систему национальных отношений США.

В вопросе государственного устройства монархисты не изменили убеждения: стремясь сохранить унитарное государство, они подчеркивали первенствующую роль русской народности и языка. В проблеме национального самоопределения была сделана уступка. При определении политического статуса входивших в Россию национальных регионов рассматривались три варианта: неизменное сохранение модели национальных отношений царской России; возможность культурно-национальной автономии отдельных регионов; вплетение федеративного принципа в систему национально-государственного устройства.

Наряду с восстановлением единой и неделимой России, как справедливо отмечает Н. В. Антоненко, для правых принципиальным было сохранение первенства православной веры в многонациональном русском государстве. В своих программах сторонники монархии отстаивали тесное сотрудничество государственной и церковной властей. При этом они поразному представляли степень их взаимоотношений. Крайне правые стояли за исторически сложившийся союз Церкви и государства при главенстве последнего. В этой модели Церкви отводилась под контроль только духовно-нравственная сфера общества, она освобождалась от влияния светской власти лишь в вопросах догматических и канонических.

Для представителей русской монархической эмиграции вопросы государственно-политического устройства были неотделимы от решения социально-экономических проблем. Сравнительный анализ правоэмигрантских проектов экономического возрождения, проведенный Н. В. Антоненко, позволяет заключить, что они не были столь разнообразны, как намеченные преобразования в области политики. Как отмечает автор, создаваемая модель российской экономики базировалась на решении трех ключевых вопросов: стратегии экономического развития, механизме восстановления экономики, средствах и путях хозяйственного возрождения страны. Так как большинство представителей монархической эмиграции являлось сторонниками аграрного пути развития России, ведущее место в программах восстановления национальной экономики занял земельный вопрос, усложнившийся (для правых) в силу обстоятельств рядом дополнительных проблем. Характерно, что краеугольным камнем предстоящей реформы для правых стала не проблема малоземелья, а проблема перераспределения земельной собственности между бывшими и новыми владельцами. Опыт проведения аграрных преобразований в Советском государстве привел монархическую эмиграцию к поиску новых путей решения задачи. Как указывает автор, при анализе ситуации, сложившейся в российском сельском хозяйстве, предлагалось учесть три обстоятельства. Во-первых, необходимо было учитывать то, что в ходе революции в большинстве случаев в общий передел попали земли помещиков, зажиточных крестьян, крестьян-собственников, казаков, т. е. тех, в ком виделась опора будущей власти. Во-вторых, по мнению правых, вследствие хозяйственной разрухи, уменьшения численности сельскохозяйственного населения России естественная потребность у крестьян в земле снизилась. В-третьих, для подъема сельского хозяйства требовались огромные средства, источник которых виделся в частной инициативе и восстановлении прав собственности прежних владельцев земли.

Разрабатывая различные пути решения экономических вопросов, прежде всего аграрного, правые никогда не подвергали сомнению принцип частной собственности на недвижимость и землю. Однако, если до революции вопрос о перераспределении земельной собственности даже не ставился (за исключением предложений выкупа земли у некоторых выразивших желание это сделать помещиков с целью ее дальнейшей продажи крестьянам), то в эмиграции эта проблема постепенно вышла на первый план. Для максимальной эффективности сельского хозяйства, предусматривалась широкая государственная поддержка и регулирование. Как отмечает Н. В. Антоненко, обозначенная концепция была прогрессивной для монархической доктрины в целом и вместе с тем — значительно устаревшей в свете произошедших в России перемен.

Общие проблемы аграрного развития как бы оттеснили на второй план хозяйственную стратегию в целом, что объяснялось различными социально-классовыми приоритетами монархического спектра. Его правое крыло, представлявшее интересы крупных земельных собственников, не планировало каких-либо изменений в общей системе хозяйствования, по-прежнему отстаивало стратегию аграрного развития России. За пределами аграрного сектора их интересовало только свободное развитие промышленности и торговли. Конституционалисты, напротив, считали задачу моделирования российской экономики стратегически важной. Отстаивая интересы буржуазного предпринимательства, они выступали за свободу

торговли, промышленности, приобретения собственности и охрану ее законом. Отсюда их экономическая программа ориентировалась на незыблемость частной собственности, сведение к минимуму государственного вмешательства в экономическую жизнь.

В своих проектах экономического возрождения монархическая эмиграция не могла уйти от вопроса становления будущего финансового рынка страны. При этом она исходила из критических оценок финансовой системы дореволюционной России. И особо яростные нападки исходили со стороны правых монархических кругов, которые, связывали кризис бывшего российского капитала с двумя субъективными факторами: с его выходом на мировой рынок и контактами с иностранными финансовыми кругами, незаинтересованными в процветании России; с нерусским происхождением владельцев многих российских банков.

Монархисты не могли не понимать, что проблемой первостепенной важности являлся поиск средств и путей хозяйственного возрождения страны. Выход виделся в дилемме: использовать экономическую помощь Запада или изыскивать резервы внутри страны. Как отмечает Н. В. Антоненко, даже в наиболее реакционных кругах на этот вопрос не было однозначного ответа. Так, Н. Е. Марков, убежденный противник любого иностранного вмешательства, в конечном итоге вынужден был признать, что возрожденной монархии придется прибегать к широкому внешнему кредиту и привлечению иностранных капиталов. Но западная помощь допускалась монархистами только при условии отказа от влияния на внутриполитическую жизнь страны иностранными государствами и компаниями.

Социальные вопросы занимали важное место в дореволюционных политических программах монархистов. Проекты монархической эмиграции демонстрировали готовность к дальнейшим социальным уступкам. Если до революции планы сторонников монархии в своей основе сводились к политике «малых дел», реализация которых могла бы способствовать улучшению положения различных слоев населения (крестьян, рабочих, служащих, мещан), то в эмиграции они расширились с учетом накопленного политического опыта, а также изменений, произошедших в России. Будучи уверенными в неизбежном падении советского строя в эмиграции монархисты стремились создать конкурентоспособную модель общественного переустройства России: с одной стороны, альтернативную власти большевиков, с другой — адекватную изменившемуся российскому обществу. На волне постреволюционных событий из политических проектов правых исчез некогда яростно отстаиваемый ими постулат о сохранении сословного строя, социальная доктрина монархизма переориентировалась на принципы социальной справедливости и классового сотрудничества. Программы правых эмигрантов взяли установку на социальную защиту различных слоев населения.

Проблема выбора путей и механизмов воссоздания в России монархической государственности являлась одной из наиболее дискуссионных. Н. В. Антоненко отмечает, что в 1920—30-е гг. она воспринималась особенно остро, поскольку правая часть эмиграции находилась в ожидании начала во второй половине 1930-х гг. нового этапа антисоветской борьбы, который должен был завершиться свержением коммунистического режима. Ставя во главу политики возрождение национального государства, монархисты предлагали разные средства достижения этой цели. Крайне правые стремились не прибегать к иностранной помощи, надеялись на собственные силы в деле восстановления России. «Умеренные» ради победы над большевизмом допускали самые крайние меры, вплоть до территориальных и политических уступок, которые впоследствии предполагалось вернуть под военным или экономическим нажимом. Исходя из этого, как указывает автор, в монархическом лагере зарубежья обозначились четыре возможных варианта свержения большевизма: иностранная интервенция; внутренний переворот, организованный собственными силами эмиграции; свержение Советов в результате внешней войны; стихийное народное восстание в самой России.

В первые годы изгнания правые считали, что падение советской власти неизбежно произойдет в результате внутренних событий. Однако уже в конце 1920-х гг. крайне правые

разочаровались в идее всеобщего народного движения против большевизма, которое неизбежно закончиться победой восставших и утверждением монархии в России. Их позиция стала склоняться к мысли, что свержение советской власти произойдет в результате совместной деятельности внутренних сил России и эмиграции. Впоследствии популярная среди эмиграции идея «народного восстания» трансформировалась в идею «национальной революции». При этом сама «национальная революция» в различных кругах эмиграции понималась по-разному. Часть правомонархических организаций по-прежнему рассматривала ее как средство борьбы русского народа против «антирусской», по их мнению, власти большевиков. В таком варианте падение советской власти напрямую связывалось с формированием национального самосознания русского народа, которому отводилась решающая роль в деле освобождения страны. Сами же сторонники данной концепции занимали, скорее, выжидательную позицию.

За годы эмиграции тактика правых прошла значительную эволюцию. В первое время пребывания за границей она, как и прежде, отличалась пассивностью, монархисты фактически не прилагали усилий к осуществлению составленных ими проектов. Изначально линии пассивности придерживались реставраторы, надеясь при определенном стечении обстоятельств на перерождение социалистического строя в России в монархический. Однако со временем даже самые крайние вынуждены были признать, что для изменения хода исторического развития необходимо не только наличие соответствующих условий, но и активная деятельность. Пассивность эмиграции можно рассматривать как своего рода передышку после неудачного для монархических сил этапа антибольшевистской борьбы. Первые попытки реванша связывались с вооруженной интервенцией, подготовленной силами зарубежной России при военной поддержке иностранных держав. В начале 1920-х гг. с идеей организации и участия в интервенции связывала надежды большая часть зарубежного монархизма. Однако разобщенность эмигрантских сил, а также некоторая стабилизация внутриполитического и внешнеполитического положения в Советской России подтолкнули консервативную эмиграцию к поиску более эффективных форм борьбы с советским режимом. Теперь большевизм рассматривался как политическая сила, для уничтожения которой возможны любые средства и способы.

На протяжении 1920–30-х гг. правой эмиграцией был разработан целый комплекс военно-политических доктрин, направленных на свержение советской власти и восстановление монархии в России. Монархисты, ощущавшие себя неотъемлемой частью покинутой ими страны, по-разному представляли пути и средства своего возвращения на Родину, однако связующей линией их проектов являлось осознание освобождения России только при условии совместной борьбы эмиграции вместе со всем русским народом. Соответственно, центр тяжести подготовительного этапа предстоящей борьбы был направлен из зарубежья непосредственно в Россию.

В целом можно согласиться с Н. В. Антоненко в том, что правые создали некий идеальный образ государственности, в большей степени учитывавший желаемые и в меньшей — реальные условия. Любая политическая модель в целях ее реализации должна быть адекватна среде восприятия. Утопичность правоэмигрантских проектов состояла в их оторванности от самого российского общества, наивной вере в его приверженность монархическому идеалу. Вместе с тем не стоит отрицать, что отдельные элементы монархической идеологии (в частности, сильное государственное начало, национальное единство) впоследствии успешно реализовались в советском обществе. Поэтому рассматривая идейно-теоретические установки монархистов, нельзя говорить об их полной несостоятельности. Монархисты по своей природе не были реставраторами в чистом виде, однако традиционно отличались тем, что слишком долго перестраивались. Поэтому наиболее слабым звеном их политической деятельности было упущенное время и возможности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Антоненко Н. В. Идеология и программатика русской монархической эмиграции. Мичуринск : Изд-во Мичурин. гос. аграр. ун-та, 2007. 204 с.
2. Аблова Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.). М. : Рус. панорама, 2005. 430 с.
3. Азов А. В. Духовное самоопределение творческой личности в трагической ситуации: русская эмиграция «первой волны» : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 ; Ярослав. гос. пед. ун-т им. К. Д. Ушинского. Екатеринбург, 1999. 42 с.
4. Алексеева А. Ю. Российская эмиграция в Греции (1920-е — середина 1930-х гг.) // Новый историч. вестн. 2005. № 2. С. 203—221.
5. Антропов О. К. Российская эмиграция в поисках политического объединения (1921—1939 гг.). Астрахань : Изд. дом «Астраханский университет», 2008. 326 с.
6. Афанасьев А. Л. Полынь в чужих краях. М. : Мол. гвардия, 1987. 283 с.
7. Барихновский Г. Ф. Идеино-политический крах белоэмиграции и разгром внутренней контрреволюции в 1921—1925 гг. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 ; ЛГУ. Л., 1982. 39 с.
8. Бочарова З. С. Российское зарубежье 1920—1930-х гг. как феномен отечественной истории. М. : АИРО-XXI, 2011. 303 с.
9. Бочарова З. С. Современная историография российского зарубежья 1920—1930-х годов // Отеч. история. 1999. № 1. С. 91—102.
10. Войнаровский О. В. Военная и политическая деятельность Е. К. Миллера (1914—1937 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 ; Самарский гос. пед. ун-т. Самара, 2005. 22 с.
11. Вологонова О. Д. Образ России в философии русского зарубежья. М. : РОССПЭН, 1998. 324 с.
12. Ганелин Р. Ф. Белое движение и «Протоколы сионских мудрецов» // Национальная правая прежде и теперь / Ин-т социологии РАН, С.-Петербург. фил. ; отв. ред. Р. Ф. Ганелин. СПб., 1992. Ч. 1 : Россия и русское зарубежье. С. 124—129.
13. Доронченков А. И. Эмиграция «первой волны» о национальных проблемах и судьбе России. СПб. : Дмитрий Буланин, 2001. 214 с.
14. Евлогий (Георгиевский). Путь моей жизни: воспоминания митрополита Евлогия (Георгиевского), излож. по его рассказам Т. Манухиной. М. : Моск. рабочий : Всецерков. православ. молодеж. движение, 1994. 621 с.
15. Ершов В. Ф. Российское военно-политическое зарубежье в 1920—1945 гг. (организации, идеология, экстремизм) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 ; Моск. гос. ун-т сервиса. М., 2004. 52 с.
16. Захаров В. В., Колунтаев С. А. Русская эмиграция в антисоветском, антисталинском движении (1930—1945 гг.) // Материалы по истории русского освободительного движения / Архив РОА. М., 1998. Вып. 2. С. 28—135.
17. Зими́на В. Д. Белое дело взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны, 1917—1920 гг. М. : РГГУ, 2006. 465 с.
18. Ильин И. А. О грядущей России: избр. ст. / под ред. Н. П. Полторацкого. М. : Воениздат, 1993. 367 с.
19. Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М. : Наука, 1977. 320 с.
20. Квакин А. В. Между белыми и красными: русская интеллигенция 1920—1930 годов в поисках третьего пути. М. : Центрполиграф, 2006. 411 с.
21. Квакин А. В. Нововеховство как кризис белой эмиграции : автореф. дис. на ... канд. ист. наук : 01.00.02 ; Калинин. гос. ун-т. Калинин, 1981. 16 с.
22. Кононова М. М. Русские дипломатические представительства в эмиграции (1917—1925 гг.). М. : ИВИ РАН, 2004. 237 с.
23. Кости́ков В. В. Не будем проклинать изгнание. М. : Вагриус, 2004. 461 с.
24. Кривошеева Е. Г. Российская послереволюционная эмиграция накануне и в период Второй мировой войны : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 ; Моск. гор. пед. ун-т. М., 2003. 40 с.
25. Марченко О. В. Русская политическая эмиграция в Германии в 1920—1939 гг.: организационная структура и идеология : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.03 ; БГУ. Минск, 2010. 24 с.
26. Медве́цкий А. Ф. Военная и политическая деятельность Н. Н. Юденича (август 1914 — февраль 1920 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 ; Моск. гос. ун-т сервиса в г. Самаре. Самара, 2002. 22 с.

27. Митрохин С. В. Праворадикальные течения в российской эмиграции в конце 1930-х годов : обзор концепций // Вестн. гос. соц.-эконом. ун-та. 2008. № 1. С. 117–118.
28. Митрохин С. В. Правый лагерь. Российская эмиграция в начале 20-х годов XX века: идеи и практика // История государства и права. 2007. № 1. С. 31–34.
29. Митрохин С. В. Российская эмиграция: общественная мысль и политическая деятельность : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02; Саратов. гос. соц.-экон. ун-т. Саратов, 2009. 42 с.
30. Мухачев Ю. В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М. : Мысль, 1982. 270 с.
31. Назаров М. В. Миссия русской эмиграции. М. : Родник, 1994. 415 с.
32. Недбаевский В. М. Духовные и организационные проявления фашизма в среде российской эмиграции в Германии // Нов. ист. вестн. 2000. № 2. С. 31–41.
33. Обухова О. В. Русская эмиграция «первой волны» в Китае как политическое явление : автореф. дис. ... канд. пол. наук : 23.00.01 ; Уссур. гос. пед. ин-т. Уссурийск, 2007. 26 с.
34. Окорочков А. В. Фашизм и русская эмиграция (1920–1945 гг.). М. : Русаки, 2002. 595 с.
35. Онегина С. В. Пореволюционные политические движения российской эмиграции в 20–30-е гг. : (к истории идеологии) // Отеч. ист. 1998. № 4. С. 87–99.
36. Омельченко Н. А. В поисках России: общественно-политическая мысль русского зарубежья о революции 1917 г., большевизме и будущих судьбах российской государственности. СПб. : РХГИ, 1996. 549 с.
37. Протасова Е. Ю. Русская эмиграция в Чехословакии 1920–1930-х гг. в оценках современной российской историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 ; Воронеж. гос. ун-т. Воронеж, 2012. 25 с.
38. Пономарева М. А. П. Б. Струве в эмиграции: развитие концепции либерального консерватизма : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 ; Рост. гос. ун-т. Ростов н/Д, 2004. 26 с.
39. Пивовар Е. И. Российское зарубежье: социально-исторический феномен, роль и место в культурно-историческом наследии. М. : РГГУ, 2008. 546 с.
40. Пронин А. А. Российская эмиграция в современной историографии : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.09 ; Урал. гос. юрид. акад. Екатеринбург, 2001. 25 с.
41. Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отеч. ист. 1996. № 1. С. 53–69.
42. Ряховская И. С. Эмиграция русской армии генерала П. Н. Врангеля (1920–1923 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 ; Воронеж. гос. пед. ун-т. Тамбов, 2009. 23 с.
43. Сабенникова И. В. Российская эмиграция (1917–1939): сравнительно-типологическое исследование : автореф. дис. ... д-ра ист. наук : 07.00.02 ; Всерос. науч.-исслед. ин-т документоведения и арх. дела. М., 2003. 46 с.
44. Свириденко Ю. П., Ершов В. Ф. Белый террор? Политический экстремизм российской эмиграции в 1920–1945 гг. М. : Моск. гос. ун-т. сервиса, 2000. 198 с.
45. Соколов А. Г. Судьбы русской литературной эмиграции 1919–1920-х гг. М. : Изд-во МГУ, 1991. 180 с.
46. Солоневич И. Л. Великая фальшивка февраля. М. : 2007. 302 с.
47. Солоневич И. Л. Народная монархия. М. : ЭКСМО, 2003. 606 с.
48. Солоневич И. Л. Россия в концлагере : автобиограф. очерки. М. : РИМИС, 2005. 534 с.
49. Спирин Л. М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М. : Мысль, 1977. 366 с.
50. Сумская М. Ю. Русская эмиграция в 20–30-х годах XX века: социальная, правовая и экономическая адаптация. Пятигорск : Рекламно-информ. агентство на Кавминводах, 2011. 200 с.
51. Шкаренков Л. К. Агония белой эмиграции. М. : Мысль, 1987. 236 с.
52. Шкаренков Л. К. Белая эмиграция: агония контрреволюции // Вопр. ист. 1976. № 5. С. 100–120.
53. Шульгин В. В. Что нам в них не нравится... М. : Рус. кн., 1994. 446 с.

Статья поступила в редакцию 19 марта 2013 г.

РЕЦЕНЗИИ

ГЛУШКОВСКИЙ П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб. : Алетейя, 2013. 232 с.

Монография П. Глушковского посвящена эволюции идентичности и политических воззрений Фаддея (Тадеуша) Булгарина (1789—1859), ведущего русскоязычного писателя и журналиста второй четверти XIX в. Избранная автором проблематика, безусловна, интересна белорусскому читателю. Личность Ф. Булгарина — продукт той эпохи, когда миллионы жителей Речи Посполитой стали подданными Российской империи и искали свое место в новой системе координат. Рецензируемая работа интересна как самой постановкой проблемы, так и личностью ее автора — молодого польского историка, пытающегося найти новые подходы к освещению жизни и деятельности своего героя. Фигура Ф. Булгарина — выпускника российского кадетского корпуса, награжденного орденом Св. Анны за храбрость на российской военной службе, затем участника наполеоновских военных кампаний, награжденного орденом Почетного легиона, активно писавшего как на польском, так и на русском языках, — неоднократно привлекала внимание российских и польских исследователей. На рубеже XX—XXI вв. произошел всплеск интереса к этой личности среди российских авторов, которые даже ввели в оборот понятие «булгариноведение». Тем более весомым представляется появление работы польского исследователя, голос которого позволяет восстановить незримый русско-польский диалог, касающийся не только редактора «Северной пчелы», но и проблем идентичности, способов интеграции уроженцев Речи Посполитой в российское общество.

Работа польского историка не является переводным изданием. Редактор монографии,

профессор Л. Е. Горизонтов, раскрывает в предисловии секрет дебюта книги в русскоязычной версии: именно в России, в стенах Российского государственного гуманитарного университета, в мае 2012 г. Петр Глушковский защитил кандидатскую диссертацию. Заметим, что поэтому было бы интересно узнать мнение польского исследователя о причинах появления феномена «булгариноведения» в российской историографии, выяснить целый ряд аспектов варшавского и виленского периодов жизнедеятельности Ф. Булгарина, малоизученных российскими коллегами. Однако на страницах монографии перечисленные вопросы не освещены или затронуты незначительно. Тем не менее не будем судить об издании по тому, чего в нем нет, и обратимся к содержанию работы.

Монография традиционно включает «Введение», три главы («Эволюция идентичности Ф. В. Булгарина», «Польские аспекты культурной и политической деятельности Ф. В. Булгарина в Российской империи», «Восприятие Ф. В. Булгарина поляками и русскими») и «Заключение». Во введении представлен серьезный обзор историографии и источников по рассматриваемой проблематике. В первой главе автор анализирует эволюцию воззрений Булгарина в период службы в российской и французской армиях (1798—1814 гг.), его попытки реализоваться в качестве польского (1814—1830 гг.) и российского литератора (1830—1850-е гг.). Предложенная периодизация представляется весьма спорной. На наш взгляд, необоснованно расширены хронологические рамки параграфа «Ф. В. Булгарин как польский литератор (1814—1830 гг.)». Включив 1820-е гг. в поль-

ский период деятельности Фаддея Венедиктовича, автор противоречит содержанию собственной монографии. В тексте справедливо отмечается: «1820-е гг. — полоса успехов в литературно-издательской деятельности Булгарина. Начав простым сотрудником Н. И. Греча в «Сыне Отечества», уже через два года он сам издавал «Северный архив» — журнал, посвященный истории и статистике, читательскую аудиторию которого составляло большинство тогдашней элиты. Одновременно он занимался подготовкой литературных приложений к журналам, которые также продавались весьма успешно. Благодаря «Северной пчеле», начавшей выходить в 1825 г., его популярность вышла далеко за пределы узкого круга интеллектуалов и сделалась общероссийской» (с. 62–63). Даже если П. Глушковский во главу угла ставит не язык, на котором писал его герой, место издания журналов, не публику, наконец, у которой он имел успех, а установленную автором идентичность — это не вносит целесообразность в предложенную периодизацию. На наш взгляд, 1830 г. стал поворотным в оценке Булгарина польским обществом, а не в трансформации его идентичности.

П. Глушковский утверждает: несмотря на то что для многих поляков после восстания имперская и польская идентичность стали взаимоисключающими, «Булгарин подобной метаморфозы не испытывал» (с. 70). Мы полностью разделяем это мнение. В тексте монографии исследователь приводит многочисленные примеры помощи Булгарина уроженцам Речи Посполитой, его интереса к польской тематике в литературной деятельности в 1830—50-е гг. Наконец, в отличие от О. Сеньковского, с которым Булгарина часто сравнивают, последний «говорил и писал на польском практически ежедневно до конца жизни» (с. 71). Другой вопрос, что Булгарин отказался от веры в идею возрождения независимости Речи Посполитой, за которую храбро сражался в 1810-е гг., считал, что у поляков нет шансов в борьбе против империи, стремился к расширению возможностей Польши и поляков в составе России. Когда произошел названный поворот в сознании

Булгарина, мы не знаем. П. Глушковский также не дает ясного ответа на этот вопрос. На страницах книги он рассуждает о том, что, возможно, утрата его героем надежд на независимость родины связана с опытом войны 1812 г. (с. 65). Во второй половине 1810-х гг. Булгарин осознал необходимость дальнейшего развития Польши в рамках империи (с. 91). В свете вышесказанного авторская периодизация не выглядит логичной.

Сложно согласиться с названием третьего параграфа первой главы «Ф. В. Булгарин — как российский публицист (1830—50-е гг.)». Кроме спорности выбора 1830 г. в качестве рубежной даты вызывает сомнение формулировка «публицист». Во второй четверти XIX в. Булгарин раскрывается как литератор весьма многоплановый: по успеху у публики роман «Иван Выжигин» конкурировал лишь с «Бахчисарайским фонтаном» А. С. Пушкина, оставив далеко позади творческие усилия других современников. В 1830-е гг. также были опубликованы исторические романы «Дмитрий Самозванец» и «Мазепа». Булгарин зарекомендовал себя в качестве яркого мемуариста и автора фантастических очерков. В частности, в «Правдоподобных небывицах, или Странствовании по свету в двадцать девятом веке» он предсказал появление парашюта, воздушных десантников, подводных лодок, пассажирского авиасообщения, зенитных ракет, домов из стекла, множительной техники и др. По Булгарину, основным языком международного общения в XXIX в. будет арабский, а в моде — экологически чистые продукты и материалы [2]. Перед нами полет фантазии на уровне произведений Ж. Верна. Даже если публицистическая деятельность Булгарина стала для П. Глушковского основной в русле раскрытия поставленных задач, на наш взгляд, автору стоило хотя бы сжато очертить широту литературного таланта своего героя. В первую очередь для тех читателей, которые познакомятся с личностью Фаддея Венедиктовича впервые.

Во второй главе монографии раскрываются следующие аспекты: Булгарин как популяризатор и пропагандист польской куль-

туры в России; Речь Посполитая и поляки в литературных и публицистических текстах Булгарина; и, наконец, польский вопрос в сотрудничестве Булгарина с III Отделением Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. П. Глушковский приходит к выводу, что Польша оставалась одной из главных тем творчества Булгарина и его разноплановой деятельности вплоть до последних месяцев жизни. Много сил он посвятил распространению информации о польской литературе, культуре и истории. В целом его деятельность была нацелена на всемерное укрепление русско-польских связей (с. 151). В главе приведены примеры неустанной борьбы Булгарина с негативными представлениями русских о поляках, которые становятся господствующими в русском обществе после 1830 г.

В третьей главе раскрывается отношение к Булгарину поляков (параграф первый) и мнение о нем русских современников (параграф второй), оказавшее влияние на формирование стереотипа поляка в российском обществе. Содержание обоих параграфов вызывает большой интерес и заслуживает пристального внимания всех, интересующихся историей российско-польских взаимоотношений. Вместе с тем, опираясь на собственные признания Булгарина, П. Глушковский пишет о литвинской идентичности своего героя. Поэтому было бы логично дополнить третью главу параграфом об отношении к Булгарину литвинов. Отметим, что различия между литвинами и выходцами из коронной Польши жители российской метрополии, как правило, не ощущали. Не удивительно, что часто не ощущали ее и российские исследователи, упрощая, таким образом, историческую картину первой половины XIX в. Монография Глушковского лишена подобного недостатка. Основываясь в значительной мере на польскоязычных мемуарах, ее автор на протяжении всего исследования отличает взгляды литвинов от «короняжей» (с. 63).

Под «литвинами» он понимает «жителей бывшего Великого княжества Литовского, т. е. исторической Литвы (в XIX в. — Северо-Западного края Российской империи) —

одной из двух частей Речи Посполитой» (с. 23). И отмечает, что виленская атмосфера была намного ближе Булгарину, чем дух польской столицы. Жители двух городов выросли на разных традициях, у них был разный взгляд на литературу. После поражения Наполеона попытка Булгарина состояться в качестве литератора в Варшаве не удалась (литературная карьера Булгарина в Варшаве не сложилась). По своей идентичности он определенно являлся литвином, а не «короняжем» (с. 63). Вместе с тем П. Глушковский считает, что Булгарин попал в число тех спорных фигур, число которых умножается по мере развития национальных историографий Украины, Беларуси и Литвы (с. 88). Автор выступает против необоснованных попыток превращения его в белорусского национального героя. Такие попытки он усмотрел в утверждении А. Зимовского, что Булгарин «был первым белорусским писателем, предтечей и основателем белорусской журналистики» (с. 88). На наш взгляд, во-первых, некорректно выдавать статью Зимовского за мнение историка. Во-вторых, хотя автору этих строк весьма приятна мысль о возможности появления в белорусской историографии работ, творящих новых героев, однако в настоящее время она более схожа с булгаринскими утопиями. Можно утверждать, что П. Глушковский неглубоко знаком с процессами, характерными для современной белорусской исторической науки. Если в ней и прослеживается некая новая тенденция относительно национальных героев, то это тенденция их развенчания, сведения с «незаслуженно» занятого пьедестала. Наиболее характерна в этом смысле трансформация образа К. Калиновского: от романтической фигуры борца за народное счастье, чьи мысли и проникновенные слова накануне казни стали символом веры в будущую победу, до польского шляхтича, использовавшего антикрепостнические мотивы исключительно в демагогических целях.

П. Глушковский признает, что люди из окружения героя книги «порой называли его литвином или белорусом». Однако убеждает читателя, что называть Булгарина белорусом

не следует, так как в XIX в. это понятие имело другой смысл, обозначая не национальность, а территорию (с. 88). Безусловно, нации белорусов в то время не существовало. Но будем последовательны. Не существовало и нации литвинов или поляков. Понятие «нации» в XVIII — первой половине XIX в. было тесно связано с понятием государства и носило политический характер. В этом смысле Булгарина не следует называть и поляком. Что касается понятия «белорус», то на протяжении XIX в. медленно расширялась сфера его применения — от обозначения уроженцев Витебской и Могилевской губерний до жителей центральной и западной Беларуси. Именно этот феномен зафиксировали мемуаристы в 1830—40-е гг., высказываясь о Булгарине как о литвине, а в 1870-е гг. — как о белорусе. Последнее мнение принадлежит О. Пржещавскому [5, с. 219]. Оно весьма ценно, так как автор являлся уроженцем Слонимского уезда Гродненской губернии и хорошо разбирался в особенностях местного восприятия «своих» и «чужих». Кроме того, Пржещавский зарекомендовал себя как мемуарист чрезвычайно аккуратный, тщательно выверявший печатное слово [7, с. 22].

В стремлении обосновать несовместимость понятия «белорус» с личностью Булгарина П. Глушковский вступает на путь цитирования своего героя. Однако содержание цитат часто противоречит выводам автора монографии, который, в частности, пишет: «В рецензии на польскую книгу «Шляхтич Завальня, или Белоруссия в фантастических рассказах Яна Баршевского» Булгарин подчеркивал, что нельзя называть белорусскими писателями польских и русских авторов» (с. 89). Да, подчеркивал. Но при этом утверждал: «Белорусы имеют свое собственное наречие, которое некогда называлось *руським* (здесь и далее слова выделены Булгариным. — С. Л.) языком, и этим языком говорили по всей западной Руси и князья, и бояре, и шляхта, и крестьяне, и этот язык был письменный. Этим языком написаны Литовский статут и все акты В. Княжества Литовского (см. Белорусский архив, изд. Г. Григоровичем), на этом языке писали и стихами, и про-

зою, этим языком белорусские крестьяне, мещане и однодворцы говорят и поныне, распевают на нем свои народные песни. Польский язык водворился в Белоруссии только в XVII в. вместе с католицизмом и унией, при покорном слуге иезуитов польском короле Сигизмунде III, и все, что белорусские уроженцы написали по-польски, принадлежит не белорусской, но польской литературе» [3]. Разве эта цитата противоречит мнению о «белорусскости» Булгарина? Добавим, что в той же статье Фаддей Венедиктович демонстрирует прекрасное знание языка белорусов, считая «белорусизмы» неприемлемыми для русского литературного стиля: «Вы хотите знать, откуда взялось нововведение заменять *родительный падеж дательным*? Из белорусского языка! Белорусин не скажет: возле моего *дома*, но говорит: возле моего *дому*. Вместо: по опушке *леса*, белорусин говорит: по опушке *лесу*» [3].

П. Глушковский считает, что Булгарин весьма негативно отзывался о белорусском языке. И в подтверждение своих слов приводит очередную цитату: «Ужели суждено прекрасному, звучному, богатому языку снизойти на степень провинциального наречия, как язык белорусский!» (с. 90) Цитата взята из статьи, в которой Булгарин резко критикует как чрезмерные заимствования из французского языка — галлицизмы, так и искусственно созданные «русские» выражения. Например, Библиотека для чтения О. Сеньковского использовала слова *видопись* вместо *ландшафт* или *светопись* вместо *дагерротипа*. Публицист призывает к соблюдению правил грамматики, «вопиет» о недопустимости выражений «упал с мосту, вышел из лесу, купил часы (вместо часы)» [4]. Сравнение с языком белорусским, на наш взгляд, необходимо ему лишь для демонстрации того, что русский язык может превратиться из языка правительственных актов в провинциальное наречие, как это произошло в Великом Княжестве Литовском.

Вопрос же об идентичности шляхты ВКЛ в XIX в. в исторической науке не новый. В целом он решен обозначением этой идентичности как многоуровневой. В первую очередь

сошлемся на авторитетное мнение Ю. Бардаха [1], работы которого неоднократно цитирует П. Глушковский. Вместе с тем последний считает неприемлемой точку зрения А. Федуты, назвавшего Булгарина белорусом, «на том основании, что тот сам в переписке несколько раз называл себя литвином и литовцем, при этом (возможно, в тексте пропущено «не отрицая» или «не исключая». — С. Л.) польской и имперской идентичности Булгарина» (с. 89). К каким же выводам относительно идентичности своего героя приходит сам П. Глушковский? Представим его мнение без купюр: «Итак, можно говорить о многоуровневой идентичности Булгарина: польско-литвинской и имперской, которая в свою очередь включала элементы лифляндской, славянской и русской. Его «идеальное отчество» — Петербург, лифляндское Карлово, Литва, Царство Польское. Лифляндские немцы были ему намного ближе, чем москвичи. Булгарину не свойственна белорусская идентичность, которая в то время даже не начала формироваться» (с. 90). Вам удалось прояснить для себя, что имел в виду автор? Нам нет. Тем более, что его выводы противоречат тексту монографии.

На страницах книги П. Глушковский отмечает, что Булгарин с течением времени все больше привязывался к приобретенному им имению Карлово, называл его «своей норой», а Дерпт «своим городом» (с. 86). Вместе с тем, автор утверждает: для местного остзейского дворянства Булгарин оставался чужаком (с. 88). Нет на страницах монографии и доказательств того, что Булгарин считал дерптских дворян «своими». На наш взгляд, П. Глушковскому не удалось раскрыть «элементы» лифляндской идентичности своего героя.

Включение в идентичность Булгарина «элементов славянских и русских» (с. 90) нам представляется неким мудрствованием, которое скорее затемняет, а не проясняет сущность вопроса. Многочисленные тексты литератора свидетельствуют, что он считал себя славянином. Обозначенная автором польско-литвинская идентичность Булгарина, на наш взгляд, эту позицию включает и даже подра-

зумевает. Развивать мысль о «русских элементах» не позволяет содержание монографии, где говорится, что Булгарин «не желал жить на этнически русских землях», Москва и ее жители не вызывали у него интереса и симпатии, а быть русским «для него означало писать нравственно полезные книги на русском языке, прославлять царя, помогать расширять территорию Российской империи и улучшать в ней жизнь» (с. 69, 74).

Итак, вернемся к выводам П. Глушковского, касающихся идентичности его героя. Если очистить их от малоубедительных «элементов», то идентичность Булгарина определяется автором как польско-литвинская и имперская, что, на наш взгляд, не вызывает сомнений. Не ясно лишь, что в этом взгляде нового относительно точки зрения, десятилетием ранее высказанной А. Федуты. Лишь то, что последний представляет Булгарина современному белорусскому читателю в качестве земляка? [6, с. 7].

Таким образом, в выводах автора нам не хватило ясности и последовательности. И еще об одном. Личность Ф. В. Булгарина незаурядна. Он был талантлив, смел, независим, при этом резок и самолюбив. Обладал прекрасным навыком подстраиваться под обстоятельства и одновременно подстраивать их под себя. Несомненный успех редактора «Северной пчелы» сочетался со скандальной славой доносчика III-го Отделения. Своей жизнью Фаддей Венедиктович дал высокий образец мужской дружбы, сохранив преданность товарищу даже после его смерти. На протяжении десятков (!) лет он столь часто цитировал «Горе от ума» А. С. Грибоедова, что буквально «заставил» публику полюбить автора пьесы, исключив саму возможность существования в российском обществе образованного человека без знания грибоедовских строк. Вместе с тем Булгарин нажил такое количество врагов, что по этому «показателю», возможно, лидировал среди современников. Его любили и ненавидели, ценили и презирали. Им откровенно брезговали. При жизни, да и после смерти, Булгарин вызывал самые противоречивые эмоции, никого не оставляя равнодушным.

В работе П. Глушковского нам не хватило отражения той напряженной обстановки, буквально накала страстей, которые бушевали вокруг его героя. Автор столь спокойно и размеренно ведет свое повествование, что нам остается лишь восхититься проявленной им выдержкой. Способствует ли это спокойствие пониманию личности героя? На этот вопрос каждый ответит по-своему, раскрыв монографию польского исследователя. Над ее страницами белорусский читатель сможет задуматься о том, близко ли мировоззрение Фаддея Булгарина белорусской культуре, легко ли было «проклонуться» белорусской идентичности в XIX в., каким образом безызвестному шляхтичу удалось возглавить издание, ставшее рупором российской правительственной политики. Большое спасибо автору, что такая возможность у нас появилась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Бардах Ю. Шматузроўнёвая нацыянальная свядомасць на літоўска-беларускіх землях Рэчы Паспалітай ў XVII—XX ст. // Штудыі з гісто-

рыі Вялікага Княства Літоўскага / пер. з польск. М. Раманоўскага, пер. з фр. А. Істоміна; уклад. Г. Сагановіч. 2-е выд. Мінск : Медыясонт, 2010. С. 289—308.

2. Булгарин Ф. В. Правдоподобные небылицы, или Странствование по свету в XXIX веке (1824). URL: <http://lib.rus.ec/b/189159/read> (дата обращения 25.09.2013).

3. Булгарин Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1844. № 280.

4. Булгарин Ф. В. Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1846. № 10.

5. Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прад., камент. і імён. паказ. Аляксандр Фядута ; навук. рэд. камент. Абрам Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 2. 368 с.

6. Фядута А. Перамога і паразы здаровага сэнсу, або Вяртанне Булгарына / Булгарын Ф. Выбранае / уклад., прадм., камент. А. Фядуты. Мінск : Бел. кнігазбор, 2003. С. 5—42.

7. Фядута А. Восіп Пшацлаўскі і яго ўспаміны / Пшацлаўскі В. Калейдаскоп успамінаў : у 2 т. / уклад., прад., камент. і імён. паказ. А. Фядута ; навук. рэд. камент. А. Рэйтблат. Мінск : Лімарыус, 2012. Т. 1. С. 5—24.

С. Л. Луговцова, доцент кафедры истории России БГУ, кандидат исторических наук

ЕРШОВА Э. Б. (Москва). **Белорусская историческая наука об элите российского общества IX—XXI вв.** (по материалам биографического справочника «Кортеж российской власти. IX—XXI века» : в 3 ч. / под ред. О. А. Яновского. Минск : РИВШ. 2013—2014.).

Невозможно без чувства глубокой благодарности и восхищения читать три части биографического справочника «Кортеж российской власти», изданного под редакцией заведующего кафедрой истории России Белорусского государственного университета профессора О. А. Яновского.

Некоторые товарищи могут сказать, что у нас есть энциклопедии, различные справочники, чего мы и не отрицаем. Но, во-первых, такую огромную работу проделали ученые Беларуси, которая уже двадцать с лишним лет является независимым, суверенным государством; во-вторых, в трех книгах собраны именно именно российской элиты с IX по первое десятилетие XXI в.; в-третьих, это уникальное издание материалов о российских деятелях,

которые влияли на всю политическую, экономическую, культурную жизнь России начиная с древних веков и по сегодняшний день. Я не могу назвать ни одной другой страны, которая бы с таким уважением рассказала о заслугах деятелей другого государства, хотя бы даже и соседнего, не говоря о дальних.

Интересным представляется обоснование названия справочника в Предисловии к 1-й части, где изложены: причины, цель, определение понятий «кортеж», «элита». В Предисловии раскрыт подход к подбору имен, который более чем оправдан: с одной стороны, лучше воспринимать в целом сложную взаимосвязь знаковых субъектов определенного исторического периода, а во-вторых, в случае составителей справочника, —

«...воспринимать связь между властителями и многочисленными представителями разных социальных групп», понять то влияние, которое они оказывали на все развитие России (ч. 1, с. 5).

Обращает на себя внимание тезис авторов о нравственной стороне взаимоотношений власти и ее приближенных во все времена. Этот аспект очень важен, так как несет в себе суть того, что должно лежать в основе этих отношений — культура.

В Предисловии дана характеристика структуры издания, построенной на авторском «кредо» — «...попытку осмысления самооценности сущностных параметров в жизнедеятельности то ли смерда, то ли высокой сановной особы, то ли бесталанного проходимца, то ли гения» (ч. 1, с. 11). Исходя из того, что власть должна опираться на общество, которое состоит из огромного числа разным личностей с их большими или маленькими особенностями, происхождением, культурой и т. д., структура издания весьма условна, по утверждению авторов. Это важный аспект, который предвещает подготовленность читателя к знакомству с трехтомником.

В **первой части** трехтомника даны 6 разделов. В разделе «Власти предрежащие» размещены разные по объему данные о жизни и деятельности 89 правителей Древней Руси, Московского государства, России, первых руководителей СССР и Российской Федерации. Все они даны по алфавиту (либо от имени, либо по фамилии), и это представляет собой большое удобство в поисках того деятеля, который интересует читателя. Сведения обо всех правителях дореволюционного периода даны на основании известных письменных источников и исторических работ ученых.

Нельзя не отметить, что составители приводят интересные примеры самого различного характера. Например, в рубрике «АЛЕКСАНДР I» дана не только характеристика императора и процесс формирования его личных качеств, увлечений, времени прихода на престол в результате дворцового переворота, его действий во время войны с Наполеоном, но и таких особенностей, как ув-

лечение мистицизмом, что породило распространение в России разных религиозных и мистических организаций (ч. 1, с. 16, 17).

Среди лидеров революционной России начала XX в., Советского Союза и постсоветской России названы все: от В. И. Ленина до В. В. Путина. Считаю, что эти очерки дают основание для понимания многих процессов и событий, произошедших в стране за все время ее развития. Правители были разные по своим характерам, готовности к управлению, своим целям и действиям в пользу или не в пользу России, которая то усиливалась, то слабела во многом в зависимости от способности лидера управлять этой уникальной территорией и народом. Но, как показала история, народ и его страна преодолели всякие тяготы. И есть надежда, что они выстоят и в более сложных обстоятельствах глобального мира.

Второй раздел этой части — «Венценосное семейство» — посвящен тем, кто своим рождением был обязан «венценосным особам» или являлся близким им родственником. В разделе названы 59 имен и 2 фамилии: Рюриковичи и Романовы. Объяснение составителями выбора личностей, думается, вполне обосновано. Среди них некоторые имели прямое отношение к власти, другие были просто марионетками, третьи ничем особым не отличались.

В советское время, если говорить честно, было не принято выводить на авансцену своих жен и детей. К тому же огромное количество нелицеприятных материалов расходится по всему свету после ухода лидеров, что лучше о них не говорить ни хорошего, ни плохого. Такой корректный и, думается, уважительный подход к лидерам советской эпохи, заслуживает признательности к авторам этой большой работы.

«Ближнее окружение» — **третий раздел 1-й части**, в котором названы более 200 имен. Читая, возникает ощущение, что сделана попытка соединить несоединимое, так разнолики были те, кто окружал венценосцев и партийных лидеров страны XX в. Однако без них не могло быть единого представления о власти предрежащих, ибо они олицет-

воряли их силу. Судьбы этих спутников «кортежа власти» были разными, жизнь строилась на конкурентной основе. В их числе и Александр Меньшиков — петровский любимец, не раз битый царем, и С. М. Киров, убитый в 1934 г. Но какой бы ни была их судьба, все они связаны одной цепочкой — принадлежностью к высшей иерархии власти.

Следующий 4-й раздел «Идеологическое обеспечение» дает представление о той важнейшей составляющей основе власти — идее и идеологии, без которой она существовать просто не могла. И ее обеспечивали люди, служившие по долгу и чести, верности своим правителям. Это люди не обязательно сановитые. В разделе 37 имен, но каждый из них по своему влиял на идеологическое освещение времени и власти. Представлен летописец Нестор (с. 223), писатель и историк начала XIX в. Н. М. Карамзин (с. 216), партийный и государственный чиновник М. А. Суслов (*в народе его называли «серым кардиналом»*), занимавшимся до конца своей жизни идеологическим обеспечением советской власти, цензурой и определением политики по отношению к инакомыслящим (с. 229). Раздел очень интересен своим подходом к выбору личностей по их роли в обеспечении идеологии курса правителей России.

Своеобразное определение дано составителями **пятому разделу** — «Чиновные клеветы» (с. 239). В Предисловии к нему говорится, что это были люди, обязанностью которых было своего рода «обслуживание» власти, т. е. выполнение главных ее постулатов: государственные служащие, чиновники высшего разряда. Их было великое множество, но рассказать обо всех действительно невозможно, о чем совершенно справедливо сказано в предисловии к разделу. И все-таки среди этого великого множества были те, кто был на виду, выполнял важные функции и поручения как при княжеской, царской, императорской власти, так и советской. Функции, деятельность и результаты, судьбы их были различными, что хорошо видно по справочнику. Но все они занимались важными государственными делами и так или иначе служили России. В раздел вошло свыше 130 имен жив-

ших и поныне здравствующих российских чиновников, которые волей или неволей (это как судьба складывалась) сопровождали своими делами власть имущих, имея при этом и сами немалую власть по отношению к нижестоящим по служебной лестнице. Все имена знакомы историкам, и понятны основания их выбора в справочнике.

Однако при этом не очень понятно нахождение среди весьма достойных имя Азефа, хотя и одного из лидеров эсеров. Но не самого главного, но провокатора, предававшего всех — своих и чужих, и не столько ради денег, сколько ради «искусства», ради «игры». Поэтому и конец оказался предсказуем: был расстрелян в 1918 г. Можно понять это лишь с той точки зрения, что в «кортеже власти» были и такие «паршивые овцы», как Азеф. Безусловно, решение, кого включать в справочник, — право авторов, а мы высказали свою точку зрения, ибо этот человек вызывает неприязненное отношение к нему самому и его деятельности: предатель он и есть предатель, кем бы он ни был. Остальные имена с обозначением их роли во власти совершенно справедливы: те, кто ушли, старались честно сопровождать власть и выполнять то, что было необходимо, а те, кто жив, но уже не в кортеже власти, будем надеяться, что оставят потомкам свое понимание их времени и деятельности.

Очень интересен, на наш взгляд, **последний, 6-й раздел 1-й части**, названный «Иностранные визави» (с. 314). В нем составители под понятием «визави» подразумевают иностранных соперников или партнеров российских властей, которые воздействовали на нее извне на международной арене. Названо более 130 имен за более чем тысячелетнюю историю нашей страны. По алфавиту соседствуют рядом лидеры саксонские, литовские, польские, ордынские, американские и другие, что вызывает интерес для сопоставления по годам властвования их в своих странах, по отношению к Русскому государству, России императорской, советской и современной. И на основании этого сравнения вырисовывается интереснейший алгоритм их политики по отношению как к руководите-

лям всех форм власти в России, так и к стране в целом. Видимость хороших личных отношений не означала справедливых действий по отношению к России. За исключением некоторых из этих визави, отношения строились исходя из интересов своих «кортежей власти», что приносило то потепление, то похолодание вплоть до военных действий, как это было в перед началом Второй мировой войны и затем нашей Великой Отечественной войны с фашизмом.

В целом первая часть справочника «Кортеж российской власти IX—XXI века», дающая представление о высших слоях властных структур России, представляет большой интерес, так как подходы авторов объективны, корректны и доброжелательны.

Вторая часть не менее интересна, так как в ее пяти разделах раскрыты личности по соответствию их значимости в той или иной области государственного управления (о чем можно судить по названиям. — Э. Е.).

В первом разделе это представители силовых структур: военные, полицейские, милиционеры, тайные и явные агенты, но всегда следовавшие одному понятию «Честь имею!», даже погибая «За Отечество и Императора», «За Родину и Сталина», и т. д. (1-й раздел, с. 3—66).

Само название второго раздела «...Кесарю — Кесарево» (с. 67—101) говорит о том, что речь идет о представителях русской церкви, о Митрополитах и Патриархах со времени принятия православия и до наших дней. Они на протяжении всей истории страны сопровождали власть, обосновывали ее действия, а нередко и инициировали ее решения. По представленному подбору имен в разделе напрашивается вывод, что особенно влиятельными для светской власти были высокие сановные церковные лица примерно с XII по XIX век. И это оправдано всеми событиями, происходившими в России. В предисловии ко 2-й части приведено определение Ричарда Пайпса российской церкви как «служанки государства» (с. 67), которая формировала послушание и безропотность общества. С этим можно согласиться, но лишь частично, ибо основой деятельности православной

церкви было духовное воспитание, в котором соединялись все самые лучшие черты человека: благотворительность, всемерная любовь к ближним и дальним людям, оказание всемерной помощи, поддержка в горе и в сложные времена. Даже горькие события в XVII в., когда произошел раскол, православная церковь не была так жестока, как католическая, имея в виду ужасы инквизиции. Интересно, что авторы называли и еретиков Схария (с. 95) и Феодосия Косого (с. 97), отличившихся неверием в постулаты христианской церкви.

Все вместе дает представление о роли личностей русской православной церкви в истории России.

В остальных **трех разделах 2-й части** дана информация о людях, которые сопровождали «кортеж российской власти» своими делами на пользу государства: укрепляли его территориальную целостность, стремились познать новые земли, речные и морские пути, умножали могущество и славу России.

Большую роль в развитии страны играли многие лица, занимавшиеся ее финансовым положением. Это люди по-своему уникальны, как пишут об этом авторы, и с ними нельзя не согласиться, ибо наряду с министром финансов Н. Х. Бунге (с. 150), способствовавшим обеспечению устойчивости власти, были и есть олигархи, финансовые воротилы, которые в погоне за прибылью рисковали многим, в том числе государственным благополучием (например, Б. А. Березовский) (с. 148). В этом разделе названы имена в основном последних нескольких столетий, кто либо умножал финансовую мощь России, развивал благотворительность, либо беззастенчиво обкрадывал и обманывал своих партнеров и государство.

Последний раздел 2-й части назван «Интеллектуальное сопровождение», в котором мы увидим имена наших великих и знаменитых ученых XVIII — начала XXI в. Им в России несть числа, и невозможно всех перечислить, но все-таки самые известные вошли в этот справочник. Мы насчитали 189 имен, в числе которых названы историки, физики, горные инженеры, философы,

математики, медики, астрономы и экономисты и многие-многие другие выдающиеся деятели науки и образования, те, кого сегодня называют «креативный слой», способствовавший и продолжающий способствовать развитию интеллектуальной мощи России. Но их заслуга не только в этом, но и в той смелости, с которой они выступали в разные времена и правлений разных лидеров страны против различного рода притеснений, выражали свою независимую позицию по отношению к текущим политическим событиям, а их поступки свидетельствовали об их чести и достоинстве.

В третьей части биографического справочника содержатся, скажем так, имена творческой интеллигенции (в трех разделах) и тех, кого можно определить в качестве оппонентов власти, оппозиционеров или людей, искушаемых властью.

Взяв слова из стихотворения А. С. Пушкина «Пророк», составители справочника очень точно определили основное назначение поэтов и писателей, в целом деятелей русской литературы — будить умы и устремления общества к действиям во имя лучшей, более справедливой жизни, раскрывая при этом недостатки и проблемы существующей власти. Понятно, что это мягко сказано, но именно в таком плане они могли сопровождать «кортеж власти», не давая ей успокоиться на достигнутом и подвигая к размышлениям о дальнейшем движении к лучшему будущему. Раздел интересен и тем, что в него вошли имена поэтов и писателей многочисленных народов, проживавших на территории России в дореволюционные и советские периоды: Беларуси, Средней Азии, Кавказа, Украины и др. Живя в одном государстве, они могли в XIX в., и особенно в годы советской власти, создавать свои произведения, которые публиковались и изучались в учебных заведениях по курсу «Литература народов СССР» (автор рецензии изучала в школе и в Институте культуры этот предмет. — Э. Е.). Это было интересно и важно, так как позволяло использовать знания при встречах с представителями народов СССР и способствовало их дружбе.

В разделах «Эстетическое обрамление» и «Услады для...» нашлось место для представителей творческой, художественной интеллигенции, не менее значимой для власти, чем те, кто занимал посты в структурах государственного или местного управления. Творцы культуры всегда были востребованы, а их судьбы — неординарны, а порой и трагичны. Главное в их творчестве — умение показать, что настоящее «...искусство имеет свойство не только утверждать власть, но если не разрушать ее, то хотя бы развенчать в исторической перспективе» (2-й раздел 3-й части справочника, с. 59.) Лучше не скажешь, и поэтому отдаем должное составителям.

Наверное, всех заинтересует название третьего раздела «Услады для...» с точки зрения имен, вошедших в него. Название готовит читателя к тому, что речь пойдет о представителях как бы изысканных жанров культуры и искусства: театра, музыки, кино. А таких деятелей, знаменитых и не очень известных, но талантливых, достаточно много. Можно только представить себе трудность составителей при выборе таких имен для биословаря. И все-таки им удалось показать плеяду самых-самых больших талантов в этих жанрах. Это драматурги, режиссеры и актеры театра и кино, композиторы и исполнители и даже знаменитые балерины М. М. Плисецкая и Г. С. Уланова. Появление этих имен в «кортеже власти» свидетельствует, что верховная власть была равнодушна к талантам и творческим людям, ей была не чужда красота и культура во всем ее многообразии. Но зачастую культура использовалась в личных интересах, а ее носителям сложно было отрешиться от властного внимания.

Особый интерес вызвали два последних раздела биосправочника: «Оппоненты» и «Оппозиционеры или искушаемые властью». Выбор такого направления довольно необычен, ибо четко показывает отношение представленных личностей к российской власти в различные времена. Анализируя выбор составителей словаря, понимаешь всю трудность избранного ими пути: кого считать только оппонентом, а кого оппозиционером или человеком, искушаемым властью? Очевид-

но, что разница состоит в том, что у тех и других (по определению составителей) слишком разная жизненная позиция и установка. Это доказывается больше всего на примерах общественных деятелей XIX в. и немногих первой половины XX в. Избранный авторами подход очень популярен и доступен дан в предисловии к этому разделу, на что хотели бы мы обратить внимание читателей перед тем, как они начнут изучать этот раздел. Это касается и последнего раздела «Оппозиционеры или искушаемые властью».

По оппонентам хотелось бы отметить то, что это были не враги власти, но те, кто не во всем и не всегда воспринимал деятельность ее структур и представителей с полным согласием и даже во многом был не согласен. А тем самым оппонировал власти, однако работая в ее системе и принося пользу обществу. Среди таких личностей в биословаре можно увидеть имена Л. Н. Андреева (ч. 3, с. 173), В. С. Высоцкого (ч. 3, с. 181—182), Янки Купалы (ч. 3, с. 193), Б. Ш. Окуджавы (ч. 3, с. 196—197) и др. Обращает на себя внимание то, что среди названных имен много представителей российских «национальных окраин», и это правомерно, ибо с дальнейшим развитием мирового сообщества создавались условия для наций, не во всем их устраивавшие, и потому они высказывали свое недовольство в выступлениях, литературных или песенных произведениях. Очень важно то, что все приведено правдиво и корректно.

Герои следующего раздела — оппозиционеры, т. е. те, кто стремится изменить существующий строй, существующее положение дел, взывая к массам и доказывая, что власть данного времени непригодна, необходимо ее заменить и тогда все заживут счастливо и богато. Это люди, искушаемые желанием быть во власти, и без разницы как ее добиться. Недаром составители и назвали раздел «Оппозиционеры или искушаемые властью». Таких немало было на Руси, в России, Советском государстве. Есть они и в нынешней России, хотя теперь зачастую живут за рубежом и оттуда пытаются создать оппозиционные блоки внутри России, провести та-

кие же оранжевые революции, как во многих странах конца XX — начала XXI в.

В данном разделе нет тех имен из ближайшего окружения монархов, претендовавших на трон по крови. Представлены имена, идейных противников существовавшей власти и стремившихся сменить, а затем и получить ее в свои руки. Среди 217 имен (в основном представителей XVII—XX вв.) можно найти как широко известных личностей, так и не совсем. Например, имена Веры Засулич, стрелявшей в петербургского градоначальника генерала Ф. Ф. Трепова (ч. 3, с. 238), декабристов, участников восстания в Польше под предводительством Тадеуша Костюшко. И большинство очерков интересны новой интерпретацией сведений, уточнением некоторых ранее мало известных данных. Из малоизвестных имен можно назвать, например, М. Шилова (Мишки), одного из атаманов восстания под предводительством С. Т. Разина, убивавшего помещиков и царских чиновников, или М. Р. Попова, революционера-народника, организатора стачек рабочих фабрик, участника «Земли и воли», а затем «Черного передела».

Издание имеет общий именной указатель, что позволяет легко найти искомого деятеля в одной из трех частей.

Завершая анализ биографического справочника, хочется отметить его непредвзятость к какой бы то ни было личности, тем или иным образом ставшей исторической. Материал подан объективно и даже во многом просто с любовью к российской истории. Очень хотелось бы, чтобы такой справочник был в библиотеке каждого российского учебного заведения, ибо он полезен как преподавателям, так и обучающимся в наших российских вузах.

Э. Б. Ершова, профессор Научно-исследовательского института управления Государственного университета управления, доктор исторических наук, профессор, действительный член Академии гуманитарных наук РФ

КОРОТКО О КНИГАХ

CABADA LADISLAV. Intellectuals and the Communist Idea. The Search for a New Way in Czech Land from 1890 to 1938. Lanham : Lexington Books, 2010. 209 p.

Пытанне аб прычынах захаплення камуністычнымі ідэямі ў краінах Цэнтральнай Еўропы ў XX ст. выклікае ўсё большы інтарэс даследчыкаў. Меркаванні на гэты конт выказваюцца самыя розныя. Некаторыя нават сцвярджаюць, што камуністычныя ідэі не мелі падтрымкі сярод мясцовага насельніцтва і былі навязаны толькі пасля Другой сусветнай вайны ў сувязі з тым, што шэраг дзяржаў патрапіў у савецкую сферу ўплыву. Аднак гісторыя даказвае зваротнае. Прыкладам з'яўляецца кніга Ладзіслава Цабады «Інтэлектуалы і камуністычная ідэя. Пошук новага шляху ў чэшскіх землях у 1890—1938 гг.». Першапачаткова гэта праца вытрымала два выданні на чэшскай мове (2000 і 2005 гг.), а ў 2010 г. выйшла на англійскай.

Пры разглядзе праблемы аўтар выкарыстаў храналагічны падыход, што прывяло да з'яўлення ў кнізе невялікіх па аб'ёме 16 глаў (з улікам уводзінаў і заключэння). Пры правядзенні даследавання Л. Цабада паставіў мэту вызначыць ступень узаемага ўплыву чэшскіх левых палітыкаў і прадстаўнікоў культуры. У гэтай сувязі ён сканцэнтраванна ўвагу на інтэлектуальных і ідэалагічных вытоках міжваеннага мастацкага авангарда, які, на яго думку, выцякаў з камунізму, утапічнага сацыялізму, марксізму і ленінізму. У якасці крыніц даследавання былі ўзяты архіўныя і апублікаваныя дакументы па гісторыі палітычных партый у чэшскіх землях, творы камуністычных інтэлектуалаў, міжваенная ле-

вая прэса, праца з якімі ажыццяўлялася з выкарыстаннем міждысцыплінарнага падыходу і метадаў з сацыялогіі культуры, паліталогіі, культуралогіі, гісторыі, літаратурнай крытыкі.

Свой аповед Л. Цабада пачынае з разгляду чэшскага левага руху на пачатку XX ст., выдзяляючы ў першую чаргу Чэхаславацкую сацыял-дэмакратычную партыю, рух анархістаў і яго цесныя сувязі з культурай нацыянальных сацыялістаў. Цабада заўважае, што пераломным момантам у дзейнасці палітычных партый стаў 1917 г., калі пад уплывам Лютаўскай рэвалюцыі ў Расіі ўрад Аўстра-Венгрыі пайшоў на скліканне Імперскага савета, у склад якога ўвайшлі і чэшскія прадстаўнікі. Аўтар адзначае, што ў 1917—1918 гг. у чэшскіх землях не ўдалося аб'яднаць левыя палітычныя сілы. Адной з прычын гэтага ён называе раскол у сацыял-дэмакратычнай партыі, які з цягам часу прывёў да стварэння Камуністычнай партыі Чэхаславакіі (КПЧ).

У кнізе паказана, што захапленне камуністычнымі ідэямі было характэрна як для старэйшага, так і для маладога пакалення левых чэшскіх інтэлектуалаў. Яны бачылі ў марксізме, а потым ленінізме новы філасофскі кірунак, які, з аднаго боку, мог разбурыць культурную традыцыю, якая склалася на рубяжы стагоддзяў, а з другога — дазваляў пазбавіцца ад расчаравання, выкліканага падзеямі Першай сусветнай вайны. Разам з тым, заўважае Цабада, калі старэйшае пакаленне разглядала камунізм з пункту гледжання індывідуальнага падыходу, шмат у чым пад уплывам анархізму, то моладзь больш захаплялася калектывісцкімі тэоры-

* Подраздел «Коротко о книгах» предназначен для ознакомления специалистов с новейшими зарубежными исследованиями и публикациями документов. Настоящий обзор книг по славистике подготовлен сотрудниками кафедры истории южных и западных славян БГУ.

ямі, ідэяй мастацкай і палітычнай рэвалюцыі, што прадугледжвала адмову ад існуючай культуры і стварэнне свабоднай мастацкай прадукцыі.

Творчыя і ідэйныя пошукі, дзейнасць левых культурных клубаў, спробы стварэння пралетарскага мастацтва, існаванне Пралеткульту і паэтызму аўтар паказвае на фоне палітычных працэсаў у КПЧ. З аднаго боку, гэта апраўдана, бо значная частка прадстаўнікоў творчага асяроддзя была звязана калі не з камуністамі, то з сацыял-дэмакратамі, а з другога — ускладняе разуменне ўзаемасувязі паміж імі і партыйным кіраўніцтвам, зводзячы ўсё да ўнутрыпартыйнай барацьбы.

Шмат увагі Цабада надае апісанню ўплыву палітычных працэсаў у СССР на развіццё камуністычнага руху ў Чэхаславакіі ў міжваенны перыяд. На гэтым фоне ён паказвае не толькі мастацкія, але і палітычныя ваганні левых дзеячаў культуры. Аўтар заўважае, што, нягледзячы на цесную сувязь з камуністычным рухам, іх мастацкія дыскусіі і творчыя пошукі адбываліся да 1929 г. практычна без уплыву з боку КПЧ, прычынай чаго была нізкая зацікаўленасць партыйнага кіраўніцтва. Кардынальныя перамены, якія адбыліся пасля V Кангрэса КПЧ, праявіліся ў тым, што ад дзеячаў культуры сталі патрабаваць актыўнага ўдзелу ў падрыхтоўцы забастовак, кампаніяў супраць сваіх калег — палітычных і мастацкіх апанентаў, прапагандзе палітыкі Камінтэрна, барацьбе з трацкізмам. Такая лінія кіраўніцтва КПЧ выклікала пратэст з боку часткі творцаў. Яго выражэннем сталі як публічная крытыка партыйнай палітыкі, так і выступленні супраць палітычных працэсаў у СССР.

Кніга Л. Цабады прысвечана дастаткова цікавай і складанай праблеме, але трэба заўважыць, што спосаб падачы матэрыялу, як дарэчы і не лепшы англамоўны пераклад, выклікае пэўныя цяжкасці ў адсочванні галоўнай ідэі. Акрамя таго, аўтар засяроджваецца на разглядзе падзей унутры левага (камуністычнага, анархісцкага) руху, а таму яго цікавяць не столькі мастацкія пошукі творцаў, колькі рэакцыя апошніх на эвалюцыю камуністычных ідэй. Тым не менш можна

з упэўненасцю сцвярджаць, што разглядаемае даследаванне будзе карысным шырокаму колу спецыялістаў як з пункту гледжання фактычнага матэрыялу, так і метадалагічнага падыходу пры разглядзе праблемы.

Л. А. Козік

ŠTVERÁK FRANTIŠEK. Schematismus k dějinám Komunistické strany Československa (1921—1992): základní informace o ústředních orgánech a biografické údaje o vedoucích představitelích strany. Vyd. 1. Praha: Národní archiv, 2010. 440 s.

На протязі 1948—1989 гг. Коммунистическая партия Чехословакии (КПЧ) определяла логику развития государства и общества, защищая свою монополию на власть. Опыт проживания в условиях «реального социализма» (totalita) наложил отпечаток на чешское общество. Не удивительно, что чешская историография уделяет столь пристальное внимание истории коммунистической власти, осмысливает то, как «реальный социализм» претворялся из мечты в жизнь.

Работа Франтишека Шверака — сотрудника Отдела фондов государственного управления (1945—1992 гг.) Национального архива ЧР и ведущего специалиста по архивным материалам по истории КПЧ — помогает разобраться в запутанных и постоянно изменяющихся организационных структурах КПЧ. Автору удалось свести под одну обложку информацию о центральных органах компартии и связанных с ней организациях (органы печати, молодежные и женские общества, институт истории партии, общества дружбы с СССР) со времен создания партии вплоть до прекращения ее существования в 1992 г.

Выделим разделы, посвященные истории Компартии Словакии, и алфавитный перечень членов руководящих органов КПЧ с их биографиями. Работа, которая на первый взгляд представляется как справочная, является продуктом колоссального эвристического труда. Автору пришлось не только разбираться в хитросплетениях партийной структуры, но и заниматься выявлением неточностей, связанных с процессами написания и «переписывания» истории партии, возвра-

шать полузабытые имена партийных функционеров, уточнять даты и места проведения партийных форумов. Ф. Швераку удалось создать исчерпывающее руководство для всех, кто хочет ориентироваться в тонкостях истории компартии Чехословакии.

И. В. Жигал, студент кафедры

ABDICAREA REGELUI MIHAI I: documente diplomatice inedite / Mark László-Herbert. București: Humanitas, 2010. 356 p.

Сборник документов «Отречение короля Михая I: неизданные дипломатические документы» освещает судьбу короля, оказавшегося в центре ключевых событий румынской истории XX в. Составителем сборника является румынский историк, доцент университета Торонто Марк Ласло-Герберт. Документы сборника связаны с историей второго правления и отречения от престола Михая I и охватывают период с 1944 по 1948 г. Они собраны из фондов американских, британских и французских архивов, а также разнообразных частных архивов.

Данный сборник разделен на четыре тематические части. Первая часть посвящена событиям 1945—1947 гг. и попыткам отца Михая, бывшего короля Кароля II, короля в период 1930—40 гг., вернуть себе власть. Вторая группа документов охватывает период путешествия Михая I в Лондон: 12 ноября — 21 декабря 1947 г. Третья группа представляет собой документы более известного в истории периода — отречение и отъезд Михая в фамильное имение в Синая. Заключительная часть («Первые недели изгнания») включает документы, рассказывающие о скитаниях Михая в странах Западной Европы в 1948 г. В сборник входит 257 документов как личного, так и официального характера. Уникальная коллекция особенно ярко прорисовывает легендарную фигуру последнего румынского короля Михая I, представителя династии Гогенцоллерн-Зигмаринген, ставшего королем в пятилетнем возрасте после смерти своего деда короля Фердинанда в 1927 г., однако свергнутого в 1930 г. своим отцом, ставшим королем Каролом II.

Михай второй раз взошел на трон в период укрепления профашистских и прогерманских сил в Румынии в 1940 г. Но фактически три года страной правил генерал И. Антонеску, сделавший Румынию сателлитом гитлеровской Германии. В 1944 г. в условиях неминуемой катастрофы румынской армии и вступления на территорию Румынии Красной Армии, Михай I разрывает отношения с Германией и возглавляет государственный переворот в Румынии против режима генерала Антонеску. За этот акт он был удостоен советского ордена «Победы». До отречения 30 декабря 1947 г. Михай представлял собой феномен, сочетавший институт монархии с просоветским режимом народной демократии, за что был прозван «король-комсомолец».

О. И. Кэрруш, студент кафедры

BRUHAN DANICŢE. Exils bessarabiens: entre Kichineff et Paris, itinéraires d'une association d'émigrés bessarabiens en France, 1925—1939. Paris: l'Harmattan, 2012. 265 p.

Исследование истории бессарабской эмиграции в межвоенной Франции, проведенное французским историком Даниэлем Брюхманом, предлагает особый взгляд на внешнеполитические и этно-социальные последствия инкорпорации Бессарабской губернии в состав Румынского королевства в 1918 г. Новый румынский режим встретил сопротивление революционно настроенных политических радикалов, представлявших часть бессарабской интеллигенции, исповедующих левые, прокоммунистические взгляды. В результате «пацификации» Бессарабии значительная ее часть эмигрировала главным образом в Париж, который стал центром бессарабского движения на Западе.

Главным объектом исследования автора стало создание «Ассоциации бессарабских эмигрантов во Франции» в 1925 г. Это знаменовало не столько попытку организационной консолидации, сколько отвечало новой задаче пропаганды советской позиции в бессарабском споре, актуализировавшейся после срыва советско-румынской конференции в Вене в 1924 г. Новая концепция была раз-

работана Х. Г. Раковским, отстоявшим ее в острой полемике с М. М. Литвиновым. Сам Раковский, став в октябре 1925 г. советским полпредом во Франции, принимал непосредственное участие в организации бессарабского эмигрантского движения, активно освещавшегося на страницах информационно-аналитического журнала «Красная Бессарабия», издававшегося с 1925 г. в Москве.

Д. Брюхман не ограничивается только событийно-организационным сюжетом. Отдельное внимание он уделяет проблеме формирования эмигрантской идентичности бессарабцев, дискуссиям об идейно-политических, этно-конфессиональных и культурных процессах в Бессарабии, терминологического и геополитического Пруто-Днестровского пограничья, которые влияли на отношение французской публики к спорному бессарабскому вопросу. В поле его исследовательской рефлексии оказался и сюжет о перцепции пограничного статуса Бессарабии современными французскими исследователями.

Уникальность исследования обеспечивается кропотливыми изысканиями автора в архивах парижской полиции, внимательно следившей за активностями пробольшевистского эмигрантского клуба, а также привлечением большого пласта источников личного характера и интервью.

В. В. Репин

DUPKA GYORGY. A mi Golgotánk. A kollektív bűnösség elvének alkalmazása a kárpátaljai magyarokkal és németekkel szemben (A 4. Ukran Front Katonai Tanácsa határozatainak végrehajtása az NKVD-jelentesek tükrében, 1944—1946). Ungvár ; Budapest : Intermix Kiado, 2012. 376 o.

Репрессии против венгров и немцев Подкарпатской Руси в 1944—1946 гг. привлекают незначительное внимание историков, в том числе и узких специалистов в области русинистики. Между тем события военных и первых послевоенных лет зачастую с подачи отдельных венгерских и украинских политиков, а также современных активистов русинского движения становятся объектом

открытой спекуляции и нагнетания атмосферы взаимной неприязни. В этой связи адекватный анализ положения Подкарпатской Руси в 1944—1946 гг., представленный в работе историка Дьердя Дупки, может стать существенным шагом на пути к пониманию неоднозначных процессов того времени.

Автору удалось найти оптимальное соотношение между исследованием событий на макро- и микроуровне. Основу источниковой базы составляют впервые введенные в научный оборот материалы из архивов России, Украины, Венгрии. Кроме того, Д. Дупка широко использовал воспоминания жертв послевоенных репрессий, интервью с этой категорией населения современной Закарпатской области Украины («устная история»). В работе освещены как ключевые тенденции общественно-политической жизни региона в период советизации, так и ее влияние на судьбы рядовых жителей края.

Дьердь Дупка ставил своей целью развенчать многие мифы и стереотипы, сложившиеся вокруг отдельных личностей и плотно укоренившиеся в исторической науке. В частности, автор приводит конкретные архивные данные, подтверждающие участие так называемых «советских партизанских формирований» В. Русина, А. Тканка, И. Прищепы в репрессиях (часто самовольных и никем не санкционированных) против венгерского и немецкого населения края.

Большое место в книге Д. Дупки отведено анализу деятельности квазинезависимого государственного образования «Закарпатская Украина» во главе с И. Турияницей. Он действовал под прикрытием Военного совета 4-го Украинского фронта (во главе с И. Петровым и Л. Мехлисом), войск НКВД и СМЕРШ, которые были истинными хозяевами в регионе. Сразу после прихода Красной Армии в Подкарпатскую Русь началась подготовка к проведению Съезда народных комитетов, дабы придать уже начавшейся советизации региона законный вид. И. Турияница, опасавшийся противодействия со стороны венгерского и немецкого населения, во многом ускорил процесс репрессий.

Д. Дупка детально описывает факты депортации венгров и немцев Подкарпатской Руси — членов жандармерии, чиновников венгерской администрации, обвиненных в коллаборационизме и «антисоветской деятельности». Данные 37 таблиц отражают число репрессированных венгров и немцев по различным категориям населения, месту проживания и депортации. Автор сопоставил информацию о числе жертв политики советизации из многих источников (около 20), предложил свою методику подсчета. По мнению исследователя, жертвами репрессий стали более 27 тыс. венгров и немцев Подкарпатской Руси, более семи тысяч погибли.

Автор привел много свидетельств выживших участников тех событий, судьбы которых иллюстрируют всю драматичность послевоенного положения Подкарпатской Руси. Описаны условия жизни заключенных крупнейшего в регионе фильтрационного лагеря в Сваляве (сегодня на его месте открыт мемориальный комплекс), где от холода, голода и особенно от инфекционных болезней погибли тысячи венгров.

Объективный и непредвзятый взгляд на события 1944—1946 гг. в Подкарпатской Руси, представленный в работе Дьердя Дупки, необходим для позитивного и приемлемого существования жителей этого традиционно многонационального региона.

О. Г. Казак

JUKL JAKUB Jiří. Adamité: Historie a vyhubení husitských náhářů. Praha : Dokořan, 2014. 168 s.

Чешский историк и теолог Якуб Йиржи Юкл в книге «Адамиты: история и уничтожение чешских голышей» рассматривает историю секты адамитов в период гуситских войн. Анализируется само понятие «адамиты» (в Чехии их называли «голышами», так как богослужения они совершали обнаженными). Юкл отмечает, что исследователи истории секты ограничены в информации, так как большинство материалов было потеряно или уничтожено еще в ходе гуситских войн. В связи с этим он подробно останавливается на обзоре имеющихся по проблеме научных работ и ана-

лизирует документальные источники по истории адамитов в Королевстве Чешском.

Автор показывает эволюцию понятия «адамиты», отраженную в средневековых источниках. Юкл считает, что учение адамитов проникло в чешские земли через Германию и Италию во времена правления Вацлава IV. Отмечая существование нескольких групп в рамках секты, он описывает историю самой большой — во главе с Мартином Гуской. Автор показывает причины ухода «голышей» из Тавора и характеризует их взгляды и деятельность (фактически разбойническую) после того, как секта обосновалась возле города Бернарнице в районе р. Нежарки. Юкл отмечает, что активную борьбу с сектой вел лидер гуситов Ян Жижка, потерпев поражение от которого возле крепости Остров у Хамру на р. Нежарке, адамиты прекратили свое существование в чешских землях.

Автор подробно останавливается на анализе и оценке источников по истории адамитов. Среди приводимых в книге 14 документов следует выделить Крумловский кодекс работы П. Хельчицкого, «Гуситскую хронику» М. Вавржинца из Бржезова, Хронику о Яне Жижке, старые чешские летописи.

Представляется, что знакомство с работой Я. Й. Юкла позволит читателю приблизиться к пониманию чешского Средневековья с его религиозными и светскими спорами в ходе гуситских войн.

Иржи Шмейкал (Чехия), стажер кафедры

TURKOWSKI R. Agraryści czechosłowaccy w latach 1899—1935. Część I: Od narodzin w czasach Cesarstwa Austro-Węgierskiego do rozkwitu I Republiki / Instytut Historyczny Uniwersytetu Warszawskiego, Muzeum Historii Polskiego Ruchu Ludowego. Warszawa : ASPRA-JR, 2012. 528 s. **Część II: Od schyłku działalności w I Republice do emigracyjnej egzystencji na Zachodzie / Instytut Historyczny Uniwersytetu Warszawskiego, Muzeum Historii Polskiego Ruchu Ludowego.** Warszawa : ASPRA-JR, 2013. 443 s.

Книга вядомага польскага даследчыка гісторыі сялянскага руху Р. Туркоўскага прысвечана гісторыі чэхаславацкай Аграрнай

партыі. Манаграфія складаецца з дзвюх частак: «Чэхаславацкія аграрыі ў 1899—1935 гг. Ад нараджэння ў часы Аўстра-Венгерскай імперыі да росквіту I Рэспублікі» і «Чэхаславацкія аграрыі ў 1935—1938—1989 гг. Ад скону дзейнасці ў I Рэспубліцы да існавання ў эміграцыі на Захадзе». Кожная дата ў назве мае абгрунтаванне: 1899 г. — год узнікнення партыі, 1935 г. — парламенцкія выбары, якія, з аднаго боку, сведчылі аб пасіленні пагрозы для дэмакратычнага развіцця Чэхаславакіі, а з другога — паставілі пераможцаў-аграрыяў перад неабходнасцю захаваць не толькі дэмакратыю, але і суверэнітэт краіны. У 1938 г. у складаных для ЧСР умовах лідары партыі былі вымушаны адмовіцца ад ідэалогіі аграрызму і яе дэмакратычных асноў. Фактычна з гэтага часу пачаўся заняпад Аграрнай партыі, якая не здолела стварыць моцнага эміграцыйнага асяроддзя ні ў гады вайны, ні пасля яе заканчэння. Не мелі поспеху і спробы часткі дзеячаў аднавіць партыю пасля «аксамітнай рэвалюцыі» 1989 г. У гэтай сувязі Туркоўскі спрабуе знайсці адказ на пытанне, чаму адна з найбольш уплывовых партый так хутка страціла свой патэнцыял і знікла з палітычнай сцэны краіны.

Праца напісана на падставе шырокага кола крыніц і даследаванняў, аналіз якіх прадстаўлены ва ўводзінах да абедзвюх частак. Для аповеду Р. Туркоўскі абраў храналагічна-праблемны падыход. У першай частцы ён апісвае ўзнікненне і генезіс Аграрнай партыі, яе палітычную, грамадска-культурную, асветніцкую дзейнасць, якая прывяла да ўзнікнення рознага кшталту арганізацый і як вынік узмацнення пазіцый аграрыяў, пакрэслівае рашучасць лідараў — А. Швэглы, М. Годжы, Р. Берана і інш. Акрамя таго, аўтар зазначае важную ролю аграрыяў у барацьбе за стварэнне незалежнай дзяржавы і ўмацаванне яе ўнутрыпалітычнага і міжнароднага становішча ў міжваенны перыяд.

Шмат увагі Р. Туркоўскі надае характарыстыцы і апісанню эканамічных мерапрыемстваў у сельскай гаспадарцы. Ён лічыць, што працяглае знаходжанне аграрыяў ва ўладзе істотным чынам паўплывала на рост агульнага ўзроўню жыцця вясковага насель-

ніцтва, а прапановы і мерапрыемствы падчас сусветнага эканамічнага крызісу вытавалі сотні тысяч чэшскіх і славацкіх сялянскіх гаспадарак ад банкруцтва.

На апісанні ўнутрыпартыйных працэсаў, барацьбы за захаванне цэласнасці ЧСР, супрацьстаяння сепаратысцкім памкненням судэцкіх немцаў і славакаў, даследчык спыняецца разглядаючы падзеі другой паловы 1930-х гг. Згадвае аўтар і пазіцыю Польшчы пад час Мюнхенскага крызісу, зазначаючы, што яе ўдзел у падзеле Чэхаславакіі меў негатыўныя наступствы ў польска-чэхаславацкіх адносінах.

На думку Р. Туркоўскага, істотным чынам на сітуацыю ў Аграрнай партыі паўплывала смерць яе лідара, прыхільніка дэмакратычных традыцый А. Швэглы (1933 г.). Новы кіраўнік — Р. Беран — праводзіў іншую палітыку: на збліжэнне аграрыяў з правымі сіламі, што выклікала незадаволенасць часткі дзеячаў, якія аб'ядналіся вакол М. Годжы. Наступствы гэтага расколу найбольш выразна паказаны ў апошнім раздзеле пад назвай «Пасля ліквідацыі Аграрнай партыі ў Чэхаславакіі (1938—1989)», дзе апісана не столькі сама партыя, распаўсючаная ў 1938 г., колькі дзейнасць яе былых прадстаўнікоў. Аўтар зазначае, што частка дзеячаў услед за Р. Беранам пайшла на супрацоўніцтва з Германіяй, іншыя ж уключыліся ў падпольную барацьбу з ворагамі ці далучыліся да эміграцыйнага ўрада. Менавіта факт супрацоўніцтва з нямецкімі акупацыйнымі ўладамі ў гады Другой сусветнай вайны стаў падставой для забароны дзейнасці Аграрнай партыі ў 1945 г., што азначала знікненне руху. Спробы аб'яднаць сілы ў эміграцыі, а потым у дэмакратычнай Чэхаславакіі поспеху не мелі. Такім чынам, заўважае аўтар, найбольш моцная і арганізаваная ў міжваенны перыяд Аграрная партыя, якая налічвала звыш 1,2 млн членаў і прыхільнікаў, фактычна ажыццявіла ў канцы 1930-х гг. «палітычнае самагубства». Следствам гэтага стала знікненне аграрыяў з чэшскай і славацкай палітычнай сцэны ў канцы XX ст.

Л. А. Козік

Jiří Knapík, Martin Franc a kol. **Průvodce kulturním děním a životním stylem v českých zemích. 1948—1967.** Praha: Academia, 2012. Ve 2 sv. 1297 s. Sv. 1.: A—O; Sv. 2.: P—Ž.

Двухтомны зборнік «Даведнік аб культурных падзеях і стылі жыцця ў Чэшскіх землях. 1948—1967» з'яўляецца вынікам працы вялікага калектыву чэшскіх даследчыкаў на чале з І. Кнапікам і М. Францам. Храналагічныя межы аўтары тлумачаць наступнымі падзеямі: у лютым 1948 г. адбыўся камуністычны пераварот, які пачаў новы этап у развіцці краіны і людзей. У сваю чаргу 1967 г. стаў апошнім годам «непахіснага» развіцця сацыялізму, на змену якому прыйшла Пражская вясна і спроба пабудаваць «сацыялізм з чалавечым тварам».

Даведнік пачынаецца ўводнымі артыкуламі, якія раскрываюць як метадыку працы чытача з кнігай, так і асаблівасці культурнага і паўсядзённага жыцця ў Чэхаславакіі ў 1948—1967 гг. У тэарэтычнай частцы даецца агульная характарыстыка перыяду і ў яго межах вылучаюцца этапы (1948—1950 гг. — фарміраванне сістэмы, 1951—1953 — крызіс рэжыму, 1954—1956 — змены прыярытэтаў рэжыму, 1957—1960 — «шызафрэнія сістэмы», 1961—1963 — гаспадарчыя праблемы, 1964—1967 гг. — пераход да спажывецкага грамадства з «чалавечым тварам»), апісваюць кіруючыя структуры і інстытуцыянальную базу культурнага і грамадскага жыцця, прадпрымаюць спробу выявіць асаблівасці «сацыялістычнага культурнага жыцця» краіны.

Аўтары адзначаюць, што развіццё культуры цесна было звязана з дзейнасцю такіх устаноў, як апарат КПЧ і падначаленыя яму органы, дзяржаўны апарат і міністэрствы. Не апошняю ролю ў фарміраванні сацыялістычнага стылю жыцця адыгрывалі ўсеагульныя выбары ў Нацыянальны сход краіны.

Аўтары характарызуюць «так званую дэмакратызацыю» ў культуры, падкрэсліваюць ролю атэістычнай прапаганды і навукова-тэхнічнай рэвалюцыі ў фарміраванні сацыялістычнага стылю жыцця, згадваюць барацьбу з «мяшчанскімі перажыткамі», асаблівасці арганізацыі культуры правядзення вольнага

часу, адзначаюць уплыў замежнай культуры на чэшскае грамадства.

Тэарэтычная частка выдання адыгрывае важную ролю ў разуменні разглядаемых працэсаў, але, як падаецца, спецыялісты-даследчыкі з большым інтарэсам пазнаёмяцца з асноўным зместам даведніка, які прадстаўлены ў алфавітным парадку. Дарэчы, трэба адзначыць, што аўтары прыводзяць у першым томе і тэматычны паказчык прыведзеных паняццяў, што значна аблягчае працу з кнігай. Даведнік прадстаўляе самыя разнастайныя бакі жыццядзейнасці грамадства ва ўмовах сацыялістычнага ладу, а таму будзе цікавым і карысным не толькі для спецыялістаў, але і для аматараў гісторыі.

Л. А. Козік

Igor Baka, František Cséfelvay, Peter Kralčák a kol. **Ferdinand Čatloš — vojak a politik (1895—1972).** Bratislava: Pro Militaria Historica v spolupráci s Vojenským historickým ústavom, 2011. 309 s.

Книга Игора Баки и коллектива авторов «Фердинанд Чатлош — военный и политик (1895—1972)», написанная в жанре политической биографии, посвящена видному словацкому политическому деятелю. Чатлош, участник Первой мировой войны на Восточном фронте, в сентябре 1915 г. попал в русский плен, в 1917 г. присоединился к Чехословацкому легиону. С 1918 г. на службе в чехословацкой армии. В 1926—1927 гг. — заместитель военного атташе в Будапеште.

В октябре 1938 г. возглавил военную канцелярию правительства автономной Словакии. Один из создателей словацких вооружённых сил. После провозглашения независимости Словакии 14 марта 1939 г. подполковник Чатлош занял пост министра обороны в правительстве И. Тисо и одновременно начальника Генштаба. В сентябре 1939 г. руководил словацкими войсками, участвовавшими в агрессии против Польши. Генерал (1939). Одно время имел сильные политические амбиции, первоначально поддерживал лидера националистической организации «Радобранна», премьер-министра и министра иностран-

ных дел Словакии Войтеха Туку, позже отдал предпочтение президенту Словакии Йозефу Тисо. В 1941 г., оставаясь министром обороны и начальником Генштаба, недолго командовал словацкой моторизованной дивизией на советско-германском фронте.

В 1944 г. готовил заговор против правительства, членом которого являлся. Стремился установить связь с советской стороной, но получил отказ. Во время Словацкого национального восстания остался в сентябре 1944 г. на территории, подконтрольной восставшим, вскоре был схвачен, отправлен в Москву, позже выдан Чехословакии. В 1947 г. был приговорен к 5 годам тюрьмы, но уже через год освобожден. До конца жизни жил в Мартине, работал клерком, не принимая никакого участия в общественной жизни.

Книга возвращает в круг словацкой истории противоречивую фигуру политика времен первой Словацкой республики, невольного участника событий Словацкого национального восстания.

А. П. Сальков

JAN RYCHLÍK. Češi a Slováci ve 20. století : spolupráce a konflikty 1914—1992. Praha : Ústav pro studium totalitních režimů : Vyšehrad, 2012. 677 s.

В очередном исследовании ведущего чешского историка Яна Рыхлика «Чехи и словаки в XX веке: сотрудничество и конфликты, 1914—1992» прослеживается развитие чешско-словацких отношений в Новейшей истории. Автор уделяет особое внимание политической сфере, усилению автономистских тенденций в словацкой политике. Подробно разбираются события и обстоятельства мюнхенского кризиса 1938 г., с которым было связано возникновение Словацкой автономии, а затем и создание в марте 1939 г. независимого Словацкого государства.

Автор намеренно уделяет достаточно много места самым известным фигурам словацкой политической авансцены, рисуя их яркие портреты. Среди них Милан Годжа (1878—1944), основатель Словацкой народной партии (1906), премьер-министр Чехо-

словакии (1935—1938), деятель словацкой эмиграции в США. Андрей Глинка (1864—1938), политик клерикально-националистического направления, лидер автономистского движения в рамках ЧСР, создатель Глинковой словацкой народной партии (1925). Йозеф Тисо (1887—1947), премьер-министр (март — октябрь 1939) и президент (1939—1945) Словакии. Фердинанд Дюрчанский (1906—1974), лидер словацких националистов, министр иностранных дел, коллаборационист. Александр Мах (1902—1980), министр внутренних дел, командир Глинковой гвардии.

Вторая половина книги посвящена словацкой политике в рамках народно-демократической Чехословакии. Прослеживается развитие государства от централистской концепции к созданию федерации (1969), анализируется роль Словакии в ЧССР в период «нормализации» во времена Густава Гусака. В заключительной главе рассматривается процесс распада Чехословакии, отслеживаются позиции фигурантов сложных переговоров по «бархатному разводу».

В. В. Пенин

JAN RYCHLÍK. Rozdělení Československa: 1989—1992. Praha : Vyšehrad, 2012. 428 s.

Монография чешского историка Яна Рыхлика «Раздел Чехословакии: 1989—1992» по своей проблематике является детализированным продолжением его исследования, охарактеризованного в предыдущей заметке. Автор рассматривает концептуальные проблемы существования и функционирования многонациональных федеративных государств, анализирует причины их распада. Особый интерес представляет самый широкий круг источников и новейших исследований по проблеме распада Чехословакии, введенный автором в научный анализ.

В отдельных главах книги прослеживается развитие взаимоотношений между чехами и словаками во время «нормализации» федеральной структуры ЧССР при Густаве Гусаке, показан процесс нарастания системного кризиса и падения коммунистического режима. Особое внимание уделено новым

чешско-словацким отношениям, показаны модернизационные и ментальные предпосылки дезинтеграционных течений.

Особо выделен процесс разделения Чехословакии, начавшийся с июня 1992 г. и приведший к появлению 1 января 1993 г. двух новых государств в Европе. Подробно анализируются политические, экономические и гуманитарные отношения двух стран после раскола. Показан их путь в евроструктуры, разнотемпное развитие рыночной экономики, финансовой системы и своеобразная амплитуда демократического процесса.

В. В. Репин

JÁN ČARNOGURSKÝ. Denník 1994—2007. Bratislava : Michal Vaška, 2013. 190 s.

Дневник легендарного словацкого политика Яна Чарногурского (род. в 1944 г. в Братиславе) за 1994—2007 гг. является документом переходной эпохи и историческим источником, принадлежащим перу известного словацкого диссидента и правозащитника, активного участника строительства суверенной Словацкой республики.

Ян Чарногурский с молодых лет активно защищал религиозных активистов и политических диссидентов в ЧССР. В 1981 г. ему была запрещена юридическая практика. С 1987 г. Ян Чарногурский консультирует религиозных и политических оппозиционных активистов, издает подпольный журнал «Братиславские листы». В августе 1989 г. был арестован за свою публицистическую деятельность и участие в подготовке мемориальных мероприятий в память о жертвах подавления Пражской весны. Вышел на свободу в ноябре 1989 г. в ходе Бархатной революции.

Сразу включившись в государственную деятельность, занимал ряд ответственных постов в правительстве ЧСФР — вице-премьер-министр (декабрь 1989 — июнь 1990 г.), председатель Правового совета правительства. После чего перешел на работу в правительство Словакии — первый заместитель главы кабинета (июнь 1990 — апрель 1991 г.), председатель Совета правительства Словакии по вопросам информационной полити-

ки и СМИ, председатель Совета по национальностям и этническим меньшинствам, глава правительства (апрель 1991 — июнь 1992 г.), министр юстиции (1998—2002).

С 1990 по 2000 г. — председатель Христианско-Демократического движения. Участвовал в миссиях Международной организации по наблюдению за выборами (создана в России в 2003 г. как неправительственная организация CIS-ЕМО) во время президентских и региональных выборов в Украине в 2010 г.

Дневниковые записи политика и правозащитника позволяют составить более полную картину демократического процесса в Словакии в период посткоммунистической трансформации.

А. П. Сальков

SLOVENSKO A CHORVÁTSKO: historické paralely a vzťahy (do roku 1780) / vedecká redakcia Martin Homza, Ján Lukačka, Neven Budak. Bratislava : Katedra slovenských dejín Filozofickej fakulty Univerzity Komenského ; Zagreb : PostScriptum, 2013. 446 s.

Коллективная монография (по существу масштабный сборник статей) «Словакия и Хорватия: исторические параллели и взаимоотношения (до 1780 г.)», созданная по инициативе словацких и хорватских историков, объединила исследовательские усилия огромного творческого коллектива 50 исследователей из разных стран Европы.

Книга посвящена политическому, экономическому и культурному развитию словаков и хорватов, а также их многомерным историческим связям с раннего Средневековья до окончания правления Марии Терезии (1740—1780). Она, имевшая среди прочих, и титулы королевы Венгрии, королевы Богемии, королевы Хорватии и Славонии, была поборницей просвещения и инициатором социальных реформ, в значительной мере повлиявших на хорватскую и словацкую историю.

Книга разбита на восемь проблемных тем: этногенез, историография и агиография; королевские династии; высшее общество; низшие сословия; история искусства; хорваты в Словакии и словаки в Хорватии; Новое вре-

мя; церковная история. Являет прекрасный пример успешного решения объединенными усилиями крупной научной проблемы.

В. Н. Кухаренко

SLAVOMÍR MICHÁLEK, MIROSLAV LONDÁK A KOL.
Gustáv Husák: moc politiky, politik moci.
Bratislava : Veda, 2013. 1067 s.

Огромный сборник большого творческого коллектива (более 35 авторов) «Густав Гусак: сила политики, политик силы» — обзорная подборка материалов о жизни и бурной деятельности крупнейшего фигуранта чехословацкого политического процесса. Густав Гусак (1913—1991) возглавлял КПЧ (апрель 1969 — декабрь 1987 г.), был последним президентом ЧССР (май 1975 — декабрь 1989 г.).

Сборник (всего 40 статей) разбит на девять тематическо-хронологических разделов, посвященных студенческим годам и периоду войны, подходам к большой политике, тернистому пути на политический Олимп.

Горячий сторонник Александра Дубчека, Гусак выступал против советского вмешательства. Однако на московских переговорах в августе 1968 г. «прагматично» сменил курс и стал сторонником Л. И. Брежнева. Поэтому три раздела сборника отведены 20 годам «нормализации» с выделением внутривнутриполитических аспектов, социокультурных процессов, внешнеполитических условий этого чехословацкого феномена. Заключительный раздел — материал о чешском и словацком взгляде на политика Гусака.

Сборник содержит масштабный именной указатель, перечень архивных источников и впечатляющий (на 25 страниц) список использованной литературы. Книга послужит хорошей базой для создания полноценной научной биографии Густава Гусака.

А. П. Сальков

JAN BENDA. **Útěky a vyhánění z pohraničí českých zemí 1938—1939.** Praha : Karolinum, 2013. 542 s.

Монография чешского исследователя Яна Бенды «Бегство и изгнание с пограничья чеш-

ских земель в 1938—1939 гг.» посвящена малоисследованному сюжету истории Чехо-Словацкой республики («Второй республики»), касающемуся миграции беженцев с территорий, отторгнутых по Мюнхенскому соглашению в пользу Германии, а также беженцев из восточного сектора чехословацкой части Тешинской Силезии, аннексированной Польшей.

Беженцами из немецкого пограничья в Чехии стали 250 тыс. чехов, евреев и немецких антифашистов, с территории Тешинской Силезии выехало 30 тыс. чехов и 5 тыс. немцев, что стало острой проблемой для оказавшейся в изоляции и раздираемой внутренними противоречиями Второй республики.

Во вводной части Ян Бенда отмечает, что беженство оказалось следствием установления нацистского режима и дискриминационно-репрессивного отношения нового режима к чехам, евреям и нелояльным немцам.

Основная часть исследования освещает политику чешского государства в отношении беженцев, попытки вернуть их и поставить под контроль их стихийный пропуск через границу, социальную и трудовую интеграцию мигрантов в чешское общество в кризисный постмюнхенский период, а также использование проблемы мигрантов в политико-идеологическом дискурсе Второй республики.

В заключительных главах книги анализируются вопросы истории повседневности чешских беженцев и переселенцев, взаимоотношения между мигрантами и местным населением. Масштаб и комплексность рассматриваемых проблем позволяет отметить фундаментальность исследования, а также отсутствие ресентиментных оценок в отношении сложных проблем исторической памяти о событиях Второй мировой войны.

В. В. Репин

MARTIN ŠESTAUBER. **Územní spory mezi Československem a Rakouskem v letech 1918—1920.** Ostrava : Key Publishing ; Brno : European Society for History of Law, 2013. 133 s.

Монография чешского исследователя Мартина Шестаубера «Территориальные

спору между Чехословакией и Австрией в 1918—1920 гг.» посвящена одному из аспектов болезненно актуальной и в наши дни проблемы. Это коллизия между фундаментальными и постоянно конфликтующими между собой принципами сохранения территориальной целостности государства и права народов на самоопределение.

Автор рассматривает предисторию территориальных споров в условиях чересполосного проживания населения в немецких регионах Богемии и четырех немецких территориальных единицах, вошедших в состав Чехословакии. Особое внимание уделено нормотворческой деятельности австрийской администрации, направленной на эти территориальные единицы.

Особое внимание автор уделяет ходу переговоров и дискуссий на Парижской мирной конференции (январь 1919 — январь 1920 г.), имевшей задачу установить новые границы в Европе.

На конференции была создана Комиссия по чехословацким делам во главе с французским дипломатом П. Камбоном, а также Подкомиссия по вопросам границ под руководством французского генерала Ле Ронда. После десяти заседаний комиссии и семи — подкомиссии Верховный совет конференции заявил о поддержке в целом территориальных претензий ЧСР.

10 сентября 1919 г. в Сен-Жермен-ан-Ле были подписаны два мирных договора — с Австрией и Чехословакией. В них содержался отказ Австрии в пользу Чехословакии от прав на ряд территорий бывшей Австро-Венгрии. Однако определение конкретной линии границы вызвало большие затруднения и вышло за рамки конференции.

Это объяснялось рядом обстоятельств: противоречивостью позиции Чехословакии, которая аргументировала чешские границы историческим правом, а словацкие — естественным; прохождением границы по территории со смешанным чешско-австрийским и словацко-венгерским населением; восприятием великими державами Чехословакии как союзного, а Австрии и Венгрии — как враждебных государств. Чехословацким дип-

ломатам в итоге удалось добиться почти всех своих требований.

Дополнением и продолжением проблематики монографии Мартина Шестаубера служит вышедшая в том же году обзорная книга словацкого исследователя Зузаны Полачковой «За завесой словацко-австрийских отношений XX столетия» (*Zuzana Poláčková. Za oponou slovensko-rakúskych vzťahov v 20. storočí*. Bratislava : Veda, 2013. 191 s.).

А. П. Сальков

MARTIN NEKOLA. Petr Zenkl: politik a člověk. Praha : Mladá fronta, 2014. 445 s.

Монография молодого чешского историка Мартина Неколы «Петр Зенкл: политик и человек», выполненная в жанре политической биографии, повествует о карьере влиятельного чехословацкого деятеля первой половины XX в.

Петр Зенкл (1884—1975) был восьмым сыном мелкого бизнесмена-портного в южно-богемском городе Таборе. С детства присоединился к движению «Сокол». Окончил философский факультет Карлова университета. С 1911 г. Зенкл принимал активное участие в местной политике в Праге, а точнее в Карлине, который до 1921 г. был отдельным городом до его включения в состав Праги. В 1919—1921 гг. — мэр Карлина. В 1937—1939 гг. — лорд-мэр Праги.

Вскоре после нацистской оккупации Праги в марте 1939 г. Зенкл был арестован и заключен в тюрьму Панкрац. Узник Дахау и Бухенвальда, откуда был освобожден американской армией.

В августе 1945 — мае 1946 г. вновь мэр Праги. Председатель Чехословацкой национально-социалистической партии (1945—1948). В этом качестве стал заместителем премьер-министра Чехословакии (май 1946), подав в отставку в ходе февральского кризиса 1948 г. Находился под наблюдением аппарата государственной безопасности, но в августе 1948 г. сумел бежать на Запад.

Стал главой чехословацкой политического движения в изгнании. В 1949—1974 гг. — председатель Совета Свободной Чехослова-

кии в Вашингтоне, где и умер. После падения коммунизма в 1989 г. был перезахоронен на Вышеградском кладбище в Праге.

В. Н. Кухаренко

VALERIÁN BYSTRICKÝ. Zahranícňopolitické súvislosti vzniku Slovenského štátu 14. marca 1939. Bratislava : Veda, 2014. 464 s.

Монография видного словацкого историка Валериана Быстрицкого «Внешнеполитические условия возникновения Словацкого государства, 14 марта 1939 г.» решает уже подвешенную в словацкой историографии научной разработке проблему на новой источниковой базе. После Мюнхенского соглашения 29 сентября 1938 г. изменилось отношение к Словакии со стороны Берлина. В начале 1939 г. в условиях растущих амбиций радикальных кругов Глинковской словацкой народной партии появляется общая платформа с позицией фашистской Германии.

В условиях вмешательства А. Гитлера в конфликт между центральной и автономной властью Праги и Братиславы, словацкий сейм под угрозой расчленения страны 14 марта 1939 г. провозгласил независимость. 15 марта Германия оккупировала Чехию, объявив создание Протектората Богемия и Моравия. Венгрия 15—18 марта оккупировала Карпатскую Украину. «Вторая республика» прекратила существование.

23 марта Берлин объявил до того считавшийся секретным немецко-словацкий Охранный договор (18—23 марта 1939 г.). Он узаконил германскую оккупацию Западной Словакии в виде огромной «охранной зоны», ограниченной на востоке горными грядками Малых Карпат, Белых Карпат и Яворника, а также маленького анклава в предместьях Братиславы — района Девина и Петржалки.

Глубокий научный анализ поставленной проблемы и доскональное исследование всех внешнеполитических обстоятельств образования Словацкого государства не удивительны, так как В. Быстрицкий был в числе создателей и редакторов двухтомного сборника документов по заявленной теме (*Vznik Slovenského štátu: 14. marec 1939. Spomienky*

aktérov historických udalostí / Valerián Bystrický, Róbert Letz, Ondrej Podolec (eds.). 1—2. diel. Bratislava : AEPress, 2007—2009. — 1. diel. 2007. 339 s.; 2. diel. 2009. 362 s.).

А. П. Сальков

SLOVENSKÉ NÁRODNÉ POVSTANIE: Slovensko a Európa v roku 1944 / Syrný Marek (ed.). Bratislava : Dolis, 2014. 751 s.

Капитальная коллективная монография «Словацкое национальное восстание: Словакия и Европа в 1944 г.» создана историками из Словакии, Чехии, Израиля, Германии, Польши, Словении, США, Сербии. В ней решается комплексная проблема изучения ключевого события новейшей истории Словакии — Словацкого национального восстания (август — октябрь 1944 г.) — в контексте европейских военно-политических событий. К их числу автору относят крупнейшие и наиболее успешные наступательные операции союзников (высадка в Нормандии и открытие второго фронта, операция «Багратион» Красной Армии и начало освобождения Центральной Европы и Балкан), впечатляющие акции антифашистского Сопротивления (Варшавское восстание, переворот в Румынии, переход Болгарии и Финляндии в сторону союзников).

На восточных и западных территориях, освобожденных от немецких войск, начала формироваться новая послевоенная жизнь, лишенная нацизма и фашизма. Вместе с тем, уже в 1944 г. были заложены первые основы для последующего разделения Европы на прозападный и просоветский блоки, вступившие в напряженное военно-политическое соперничество.

Коллектив авторов освещает наиболее важные политические, социальные, экономические, культурные явления в словацком обществе, которые проходили под влиянием процессов и личностей, продвигавших 70 лет назад европейскую историю. Читатель получает уникальную возможность проследить синхронное развитие событий в словацкой части Чехословакии с историческим процессом в соседних государствах, сравнить «свое»

восприятие «своей» национальной истории с трактовкой зарубежных историков.

Заинтересованный читатель может также обратить внимание на относительно свежую монографию Мирослава Пекника «Словацкое национальное восстание 1944 г.: Судьбы европейского сопротивления в период Второй мировой войны» (*Miroslav Pekník. Slovenské národné povstanie 1944. Súčas európskej rezistencie v rokoch druhej svetovej vojny. Bratislava : Veda, 2010. 454 s.*), а также книгу с DVD диском, подготовленную Музеем Словацкого национального восстания (*Stanislav Mičev a kol. Slovenské národné povstanie 1944. Banská Bystrica : Múzeum SNP v Banskej Bystrici. 2009. 208 s.*).

А. П. Сальков

IVAN ŠEDIVÝ. Češi, české země a Velká válka 1914—1918. 2., dopl. vyd. Praha : Nakladatelství Lidové noviny, 2014. 493 s.

Чешский историк Иван Шедивы в монографии «Чехи, чешские земли и Великая война, 1914—1918», вышедшей вторым дополненным изданием, на фоне общей характеристики глобального мирового конфликта исследует место и роль чехов в этой войне. Автор, подробно проанализировав этническую и политическую ситуацию в чешских землях накануне Первой мировой войны, досконально описывает имевшие здесь место военно-политические события, что позволило создать полноценный сюжет чешской военной истории. Особое внимание уделено политическому структурированию и партийно-политическому представительству, социальным движениям и трансформациям.

Предметом исследования стало также экономическое положение чешских земель в годы войны, их особая роль в экономике Цислейтании и всей Дунайской монархии, жизнь гражданского населения в тылу. Автор не обошел вниманием и такие актуальные сегодня сюжеты как повседневность в условиях войны, культура и война. В монографии показаны фундаментальные изменения, произошедшие в военные годы во всех слоях чешского общества, обозначены новые на-

правления в развитии политического процесса. Книга чрезвычайно богата ценными фактами, вытymi из множества разнообразных исторических источников. Это позволило создать образ чешского общества в годы Первой мировой войны, развернув картину событий и на полях сражений, и в тылу.

Восприятию обширного материала помогает подробная структура книги — пять глав, более 20 параграфов и около 40 подпараграфов. Монография богато иллюстрирована, имеется много карт, портретов, факсимильных документов и материалов.

В. Н. Кухаренко

JAN TESAŘ. Mnichovský komplex. Jeho příčiny a důsledky. Praha : Prostor, 2014. 280 s.

Ян Тусарж в монографии «Мюнхенский комплекс. Его причины и последствия» обращается к ментальным и социокультурным аспектам мюнхенского феномена в чешской истории. Мюнхенское Соглашение между Германией, Великобританией, Францией и Италией от 29 сентября 1938 г. повлекло потерю Чехословакией 1/3 своей территории с 5 млн чел. населения и 40 % промышленного потенциала. (Отметим, что на территории Судетской Богемии, занимавшей площадь в 26,9 тыс. кв. км, по данным 1919 г. проживало 3110 тыс. немцев и 170 тыс. чехов).

Сразу после Мюнхена развернулись бурные события первых чисел октября — вторжение венгерских войск на территорию Чехословакии; переворот автономистов-глинковцев в Словакии; Первый Венский арбитраж.

«Мюнхенский комплекс» в политической жизни послевоенной Чехословакии превратился хотя и в латентный, но постоянный фактор, оказывавший свое воздействие на властную элиту и все общество в переломные периоды его генезиса. Интересным дополнением к труду Я. Тусаржа станет сборник воспоминаний современников мюнхенской сделки (*Mnichov ve vzpomínkách pamětníků. Praha : Masarykův ústav AV ČR, 2012. 188 s.*).

А. П. Сальков

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ





ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

И. Р. Чикалова

ОЛЬГА АЛЕКСЕЕВНА НОВИКОВА (1840—1925): «НЕОФИЦИАЛЬНЫЙ АГЕНТ РУССКОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА» ИЛИ ТАЙНЫЙ АГЕНТ РОССИИ В ЛОНДОНЕ

В фокус статьи помещена личность незаурядной женщины — Ольги Алексеевны Новиковой (1840—1925), практически постоянно с 1875 г. проживавшей в Лондоне, имевшей там популярный в интеллектуальных кругах салон и быстро приобретшей репутацию у английской публики «негласной представительницы России», у политических оппонентов — «члена парламента от России» (Б. Дизраэли), у открытых недругов — «неофициального агента русского правительства в Лондоне» (К. Маркс) и даже — «платного агента русского царизма» (Ф.Энгельс). Показана роль О. А. Новиковой в противодействии русофобским настроениям в Лондоне, в нейтрализации угрозы для России со стороны одной из могущественных стран-соперниц и в улучшении имиджа самой России в Англии.

The focus of the research is centered on the personality of the extraordinary woman — Olga Alexeevna Novikova (1840—1925), who almost constantly since 1875 lived in London. She had a salon, popular in intellectual circles there, and among British public gained the reputation of the «unofficial representative of Russia», among the political opponents — of the «M. P. for Russia» (B. Disraeli), but among the open foes — of the “secret agent of the Russian government in London» (K. Marx) and even — of the «paid agent of the Russian tsarism» (F.Engels). The role of Novikova in counteracting the russophobic sentiment in London, in neutralizing the threat to Russia by one of the most powerful state-competitor and in improving the image of Russia in England is shown.

Ключевые слова: О. А. Новикова, славянофильство, Англия, русофобия, У. Гладстон, Б. Дизраэли.

Keywords: O. A. Novikova, slavianofilstvo, England, russophobia, W. Gladstone, B. Disraeli.

В 2015 г. исполняется 175 лет со дня рождения и 90 лет со дня смерти Ольги Алексеевны Новиковой (1840—1925). Еще при жизни часть воспоминаний и переписки О. А. Новиковой публиковались в журнале «Русская старина» [16], в Нью-Йорке вышли мемуары [47], в Лондоне и Петербурге был опубликован подготовленный У. Т. Стедом сборник ее воспоминаний и переписка [7; 8; 42]. Личные фонды О.А. Новиковой находятся в РГАЛИ (ф. 345) и ИРЛИ РАН (ф. 317), фонд Киреевых и Новиковых (Александра, Николая и Ольги, ф. 126) — в Научно-исследовательском отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

«Негласная представительница России», «неофициальный агент русского правительства», «член парламента от России», «величайшая разведчица», «русская Лорелея», мелодичный голос которой увлекал британских политиков [7, с. II], — такими эпитетами, окрашенными

Чикалова Ирина Ромуальдовна — профессор, профессор кафедры новой и новейшей истории Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, доктор исторических наук. E-mail: irina_chikalova@mail.ru

в диаметрально противоположные, от восторженных до уничижительных, тона, сопровождалось при жизни имя Ольги Алексеевны. «Для России, — писал составитель книги ее воспоминаний и переписки, знаменитый журналист У. Стед, — никто из зарубежных политиков не сделал столько в наше время и не будет помянут с такой благодарностью будущими поколениями. Защищать характер и оправдывать политику государства в самом лагере его непримиримых врагов редко приходится мужчине, и никогда не случалось, чтобы за это взялась женщина. Но Ольга Алексеевна взяла это на себя, и никогда высокий долг не исполнялся более блестяще, добросовестнее и совершеннее» [8, с. 220].

Уникальная личность, о которой при жизни слагались легенды и издавались книги, имя Новиковой оказалось на годы преданным забвению. В советское время лишь сухая заметка в «Дипломатическом словаре» напоминала об ее бурной деятельности на благо укрепления имиджа России в Англии [17, с. 251]. И только в последние годы в русле интереса к забытым именам забвение постепенно стало преодолеваться. В 2009 г. широкому читателю стала доступна пролежавшая много лет в архиве ИРЛИ РАН рукопись «В лондонском салоне О. А. Новиковой» крупных российских историков литературы М. П. Алексеева и Ю. Д. Левина [1].

Сложные переплетения политических связей и закулисных отношений Ольги Алексеевны нуждаются в восстановлении в полном объеме. Ее крестным отцом, как и ее братьев Александра и Николая, был Николай I. Она родилась в семье помещика, гвардейского офицера Алексея Николаевича Киреева, в детстве воспитывавшегося под руководством шотландца Бакстера — будущего депутата Палаты общин и младшего министра в первом правительстве Гладстона, и одной из первых московских красавиц, хозяйки салона Александры Васильевны Алябьевой, о которой известный философ и юрист Б. Н. Чичерин заметил: «Она любила в своей гостиной соединять ученых и литераторов и сама желала блистать своим образованием» [38, с. 56]. Их дом в Москве был любимым местом встреч славянофилов. И в то же время оба супруга были большими англофилами, что было органично присуще раннему славянофильству. Они прекрасно знали английский язык и использовали его в переписке.

Славяно- и англофильство родителей впитали в себя и дети. Известно, что Ольга получила блестящее домашнее образование, включившее знание иностранных языков — английского, французского, немецкого, с юности интересовалась литературой, историей, изобразительными искусствами. Все это наряду с неподдельным интересом ко всем сторонам политики, исключительной коммуникабельностью, тягой к обретению особого положения в литературном мире и знатным происхождением предопределило круг ее дружеского общения, включавший множество известных писателей, политиков, ученых, с которыми она поддерживала переписку [1, с. 552]. Одним из важных «приобретений» молодой Новиковой стало знакомство с британским послом в Петербурге лордом Непиром, беседы с которым по вопросам международной политики и, особенно, о возможных путях развития ситуации в Царстве Польском в связи с восстанием 1863—64 гг. оказали на нее довольно сильное влияние.

Страстная патриотка, она была совсем еще неопытна в политических вопросах, но оставаться равнодушной не могла, ведь ее старший брат Александр состоял при великом князе Константине — брате императора и наместнике в Царстве Польском. И именно тогда, впервые после окончания Крымской войны, Англия стала угрожать войной России. Британская пропаганда утверждала, что в Польше происходит демократическая революция, направленная против тирании русского царя, а правительство Великобритании обратилось к европейским державам с приглашением принять участие в давлении на Россию с целью вынудить ее пойти на уступки. С этого момента Новикова стала интересоваться политикой, а ее «наставник» в делах международной дипломатии лорд Непир после отъезда в Англию стал ее постоянным корреспондентом и близким другом, с которым впоследствии она регулярно виделась в Лондоне. Одно из писем Непира, адресованное Новиковой, содержало слова, которые сознательно или бессознательно повлияли на всю ее последующую деятельность: «Англича-

не вообще противники России. Англичане должны привыкнуть слышать хорошие отзывы о России постепенно. Англичане очень упорны в своей злобе. Это свойство нашей нации, и его надо признать и с ним надо сообразовываться. Лучший комплимент, который я могу сделать русским, это сказать им правду». Эти слова произвели на Новикову сильное впечатление. Ее возмущало упорное озлобление Англии к России, и «она поставила себе главной задачей приучить англичан постепенно слышать хорошие и правдивые отзывы о России» [7, с. 46].

В британском же обществе на протяжении большей части правления королевы Виктории господствовали русофобские настроения. Россия была конкурентом, и русофобия конструировалась искусственно. Образ врага из России создавался прессой, направляемой политической элитой, с единственной целью — добиться устранения экономического и политического конкурента в Европе. Одним из ярких ее идеологов в 1850–60-х гг. был публицист Дэвид Уркхарт, фанатично настроенный против всего связанного с Россией. Даже русских эмигрантов он обвинял в том, что они выполняют функции царских шпионов. Герцен, который, объективности ради отмечу, и сам не любил англичан («англичане просто низшая порода людей, они положительно глупы и удивительно дурно воспитаны» [3, с. 324]), писал в одном из своих писем: «когда появляются сбежавшие из Бедлама сумасшедшие, вроде Уркхарта, который утверждает, что все русские — царские агенты, <...> то нечего удивляться, если и вам бросают обвинения» [4, с. 177]. Черту под отношение англичан к русским в 1868 г. подвел беллетрист П. Д. Боборыкин: «англичане нас не любят вообще, то есть в массе» [2, с. 218].

Были в среде британской элиты и русофилы, и то, что их количество росло, во многом стало заслугой неумолимой энергии и усилий Ольги Алексеевны, быстро приобретшей у английской публики репутацию «негласной представительницы России». Впервые Новикова прибыла в Лондон в 1868 г. и сразу же получила приглашение посетить русское посольство, поскольку барон Ф. И. Бруннов — российский посол в Англии — был лично знаком с ее матерью. Приехав в Англию однажды, теперь зимние месяцы Новикова ежегодно проводила в Лондоне, а с 1873 г. уже практически постоянно жила там. В Лондоне ее круг знакомств, включавший бывшего посла Англии в России лорда Непира, австро-венгерского посланника в Англии графа Бейста, депутата парламента Ч. Вильерса и других видных личностей, расширился. Так в январе 1873 г. Бруннов на приеме в русском посольстве в честь принца Уэльского, будущего короля Эдуарда, познакомил Новикову с Б. Дизраэли и У. Гладстоном.

Апартаменты Новиковой располагались в аристократическом квартале Лондона, поблизости от редакций главных газет и в определенные дни недели были открыты для приемов. Завсегдатаями ее гостиной стали военный историк А.-В. Кинглек, философ Т. Карлейль, физик Дж. Тиндаль, лорд Кларендон, публицист М. Арнольд, журналист Уильям Томас Стед, ставший ее ближайшим другом, и многие другие знаменитые ученые, политики, публицисты. С 1876 г. ее салон становится на какое-то время блестящим политическим центром, обретшим европейскую известность, местом встреч многих знаменитостей политического, церковного и литературного мира. Совпало это с очередным обострением «восточного вопроса». К салону Новиковой тяготели силы, «сочувствующие славянскому освободительному движению против османского ига, и представители возглавляемой Гладстоном либеральной оппозиции», оппонировавшей туркофильской политике кабинета Дизраэли, «чей отзыв “член парламента от России” (“M. P. for Russia”)» [1, с. 550], учитывающий политическую позицию и деятельность Новиковой в этот период, стал едва ли не комплиментом ей.

Тем временем в самой России росла волна сочувствия национально-освободительной борьбе сербов и черногорцев против османского ига. Создавались Славянские комитеты, собирались денежные пожертвования, на Балканы отправлялись добровольцы. Брат Ольги Алексеевны Николай Киреев под именем Хаджи Гирей втайне от своей семьи стал первым из них и героически погиб 6 июля 1876 г. при штурме турецких укреплений. Помещенная в газетах лаконичная телеграмма: «Хаджи Гирей убит! Это был Николай Киреев», — сразила

ее. «Эффект от смерти моего брата, — писала она в своих мемуарах, — был мгновенным и электрическим. Он был первым русским добровольцем, павшим по причине свободы — причину, которую люди в Великой Британии не могут и не могли бы понять» [47, р. 38]. По собственному признанию Новиковой, смерть брата побудила ее взяться за перо и таким образом служить «славянскому делу», за которое погиб Н. А. Киреев.

Так началась общественная и публицистическая деятельность Новиковой, а официальная Россия получила важный инструмент трансляции своих интересов. Трагические события, в которые Ольга против своей воли оказалась вовлечена, невольно способствовали росту ее популярности и успеху политической карьеры. Именно Англию она называла ответственной за гибель брата, ведь Англия в преддверии Русско-турецкой войны поддерживала Турцию, считая, что Сербия и Черногория являются марионетками русского правительства, специально спровоцировавшего мятеж для укрепления влияния России на Балканах. «Если бы она не поддерживала турок, то не было бы войны и брат, возможно, был бы жив. Если бы Гладстон был у власти, то брат никогда бы не погиб. Как горько я бранила Англию в душе» [1, с. 550], — писала в одном из писем Новикова. Ее английские знакомые сопереживали ее горю и отвечали ей с сочувствием на подобные письма. Действительно, если бы Ольга Алексеевна не жила в Лондоне, действие, произведенное смертью ее брата, могло бы даже показаться более или менее мифическим. Но ее присутствие уничтожало всякий скептицизм.

Представительница русских консерваторов, славянофилов и охранительного лагеря, взявшая на себя ответственность играть роль культурного посредника между двумя странами, нашла общий язык с британскими либералами. Дружба Новиковой с Гладстоном во многом определила его прославянские симпатии, позицию защитника балканских славян и обличителя турок. «Может быть, — замечал известный публицист П. Д. Боборыкин, — этой представительнице русского охранительного патриотизма мы обязаны тем, что “великий старец” заинтересовался многими сторонами русской жизни и во внешней политике держал нашу руку больше, чем его предшественники» [2, с. 317]. В своих воспоминаниях молодой тогда, будущий знаменитый историк М. М. Ковалевский, познакомившийся с ней в 1877 г. благодаря посетителю салона Новиковой философу В. С. Соловьеву, вспоминал: «Весьма популярная уже в это время среди высшего лондонского общества <...> Ольга Алексеевна направила свою дальнейшую деятельность на ознакомление англичан с действительным характером русского славянофильства. Она в значительной мере рассеяла предубеждение, будто под славянофильством скрывается желание России объединить под своей державой все родственные ей по крови и языку народу. Такие деятели, как Гладстон, перестали видеть в славянофильстве нечто тождественное с панславизмом. <...> Гладстон открыто выступил сторонником поддержки английской дипломатией заступничества России за угнетенных братьев-славян» [11, с. 182, 183]. Некоторые издания иронизировали над Гладстоном, называя его «Гладстонофф», и даже намекали на то, что и он был оплачиваемым агентом России.

Русско-турецкая война вызвала новый всплеск русофобии в Англии — именно тогда английский поэт Альфред Теннисон, никогда не бывавший в России, заявил: «Я ненавижу Россию с самого своего рождения и буду ненавидеть, пока не умру» [15]. Новикова с сожалением отмечала присутствие «безотчётной антипатии к русским», которую демонстрировали англичане, об их «привычке обвинять нас в грехах прошлых, настоящих и будущих». Новикова пыталась бороться с русофобией англичан, она писала в статье «Английские предрасудки»: «Мы знаем, что Англия непобедима на море, и что ее финансовые ресурсы в полном порядке <...> Мы в России никак не можем понять, почему англичане позволяют этому страху перед военной мощью России проникать в речи консервативных политиков и вносить элемент предубеждения во взгляды министров» [19, с. 302—305].

И во время, и после окончания Русско-турецкой войны Новикова вела «русскую агитацию» в Лондоне. Новикова, как вспоминал о ней У. Стед, «не только была *une grande dame*,

она была журналистом, памфлетистом, автором, лондонским корреспондентом Московской газеты и славянофильской прессы» [7, с. 7]. Она переводила произведения русских литераторов на английский язык. В разгар Русско-турецкой войны по совету К. П. Победоносцева познакомила англичан с «Дневником писателя» Ф. М. Достоевского, знавшего Н. А. Киреева лично и писавшего о нем в «Дневнике» как о человеке, «положившем жизнь свою за народное дело», и чья смерть стала «высочайшим самоотвержением в пользу ближнего». В свою очередь и в России, постоянно печатаясь в московских и петербургских изданиях под криптонимом «О. К.», Новикова выступала своеобразным культурным гидом по Англии: так появился цикл ее очерков «Вести из Англии» в «Московских ведомостях» (1870—1880), статьи и заметки в газетах «Русь», «Новое время», «Свет», вышедшие также отдельными оттисками [21—27]. Она, сглаживая в своих выступлениях разногласия между различными представителями русского «патриотического консерватизма», являлась в Лондоне проводником взглядов К. П. Победоносцева, И. С. Аксакова, М. Н. Каткова, одновременно содействуя появлению в английской прессе статей К. П. Победоносцева и И. С. Аксакова.

Ее собственные книги, составленные из ранее опубликованных статей и очерков, «Винновна ли Россия?» [43], «Друзья или враги?» [44], «Россия и Англия» [45] и посвященные проблемам русско-британских отношений и восприятия всего русского в Британии, вышли в Лондоне. Все книги Новиковой были объединены общей мыслью — оградить Россию от нападок английской прессы, оправдать «традиционную политику России». В Лондоне появилась и написанная ею биография недавно ушедшего из жизни генерала М. Д. Скобелева, которого она считала своим другом [46]. Ее вторую часть она посвящает разъяснению идей славянской политики. Книги Новиковой были благосклонно встречены либеральной прессой в Англии. В то же время оппоненты в лице джингоистской партии набросились на «русскую разведчицу» и ее книгу «Винновна ли Россия?» с упреками. Газета «World» писала: «автор, платный агент русского правительства, занятие которого состоит в возбуждении интереса к этой стране, одурачивая влиятельных политических стариков и выведывая от них полезные сведения» [7, с. 240, 241]. В своем отношении к Новиковой с правой прессой солидаризовался живший в Лондоне К. Маркс, называвший ее «неофициальным агентом русского правительства» [13, с. 229] и тоже осуждавший её политические связи.

Книга «Россия и Англия» с предисловием, предпосланным Фрудом и Гладстоном, была посвящена памяти Николая Киреева и знакомила англичан с государственностью и культурой России, но не только. Кроме того, она касалась весьма злободневного вопроса — отношений России и Англии. Препятствием к взаимопониманию между двумя странами являлось, по ее мнению, недостаточное знание политических институтов и взглядов друг друга. Новикова утверждала, что надо считаться с особенностями каждой страны и заявляла: «будь я англичанкой, я, вероятно, была бы либералкой, будь я американкой, я несомненно была бы республиканкой, но как русская <...> я верю в самодержавие» [45, р. 223]. Книга появилась накануне всеобщих выборов и содержала резкую критику в адрес политики лидера консерваторов Б. Дизраэли, что дало возможность либералам использовать ее как своеобразный документ предвыборной кампании. Несмотря на опасения Новиковой, что книга останется в Англии незамеченной, она имела большой успех и вызвала много откликов, в том числе известного историка Кинглека в «Quarterly Review». Гладстон считал, что полезно привлечь внимание английской публики к талантливой работе русской публицистки, которая оказала «услугу миру и справедливости» [5, с. 35, 36], о чем писал в письме к Новиковой. Он поместил сочувственный, развернутый отзыв на нее в журнале «The Nineteenth Century», опубликованный следом в переводе на русский язык «Русской мыслью» [6].

Гладстон обращал внимание на то, что книга написана «женщиной, обладающей большим политическим дарованием или, по крайней мере, умением удачно вести политическую полемику», что ее автор «желает возникновения горячей симпатии между Англией и Росси-

ей» и не видит причины, почему миллионы англичан и русских должны ненавидеть или бояться друг друга, а также отмечал и главное, с его точки зрения, достоинство книги — строгость критических замечаний, ибо «будь она сдержанна, дипломатична и сладкоречива, ее стрелы были бы не так метки» [6, с. 81, 82]. Гладстон отмечал, что «ее горячий патриотизм дает ей право на особенное уважение со стороны английских тори, считающих это свойство краеугольным камнем “мира и всех добродетелей”, и потому оно не может служить упреком О. К.: божество, которому они поклоняются на берегах Темзы, также священо и на берегах Невы» [6, с. 81]. Статья Гладстона была больше, чем критика на книгу, это была публичная демонстрация. Месяца через два, вернувшись на пост главы партии, Гладстон объявил о принятии самых значительных предложений Новиковой, которыми следует руководствоваться европейским политикам в «восточном вопросе».

Без какой-либо симпатии к своему политическому антиподу другая знаменитая женщина — Вера Фигнер — в контексте воспоминаний о своем пребывании в Лондоне писала: «Там в это время царила Новикова, вращавшаяся в кругах высшего лондонского общества и служившая тайным дипломатическим агентом русского правительства. Красивая, чрезвычайно умная и ловкая, она была своим человеком у Гладстона и играла большую роль в англо-русских отношениях, действуя в интересах самодержавной власти» [37, с. 237].

Новикова регулярно в 1870-е гг. печаталась в либеральной газете «The Northern Echo», а также в следующем десятилетии — в «The Pall Mall Gazette» (1883—89), ее совместные со Стедом статьи, разъяснявшие внешнюю политику России, появлялись на страницах газеты «Times». Среди изданий, с которыми Новикова также сотрудничала, были журналы «Fraser's Magazine», «Contemporary Review», «The Nineteenth Century». Интенсивно сотрудничая с английской прессой, где ее мнение служило отголоском проправительственных изданий в России, она оказывала влияние на понимание русских событий в английском обществе, в этом оппонирова, в частности, П. А. Кропоткину, который, приехав в Лондон, получил приглашение писать о российских делах в еженедельной газете «Weekly Chronicle». Новикова находилась в состоянии постоянной полемики со своими оппонентами. Естественно, она не скрывала своего недовольства тем, что английское правительство «предоставляет убежище русским динамитчикам», и, как она с горечью замечала в статье «Русский взгляд на “Правительство журналистов”», «некоторые из них <...> формируют общественное мнение» [9, с. 14]. Новикову возмущало, что некоторые местные издания слишком легкомысленно предоставляют свои страницы русским террористам. На это обвинение Новиковой, прозвучавшее в статье «Русификация Англии» в «The Pall Mall Gazette», последовала крайне негативная реакция Ф. Энгельса, назвавшего ее «платным агентом русского царизма» в газете «Социал-демократ» [39, с. 195—197].

Оба издания, в которых печаталась Новикова, — «The Northern Echo» и «The Pall Mall Gazette» — редактировал и сам выступал на их страницах с легко считываемой симпатией к России статьями ее друг У. Стед. В знак признательности за свою деятельность не без усилий Новиковой он был удостоен аудиенции у самого императора Александра III во время посещения им в 1888 г. России. Александр III произвел на английского журналиста чрезвычайно благоприятное впечатление. Из всех русских он более всего напомнил ему английского джентльмена, о чем было сообщено в «The Pall Mall Gazette» и в вышедшей вскоре книге с претенциозным названием «Правда о России» [49]. Это же название было выбрано Новиковой для очерка, в котором давалась характеристика национально-религиозной политике России. Он был опубликован в одном из лондонских изданий, а «Московские ведомости» напечатали его сокращенный перевод. «В Англии и Америке, — объясняла Новикова, — где христианская вера расколота на сотни различных сект, не только возможно, но необходимо допустить свободу религиозной конкуренции или пропаганды. Иное дело у нас. Единство церкви составляло во все времена существенную силу России. Всякий раскол представляется нам

злом, от коего нужно освободиться» [20]. Довольный обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев писал ей в 1889 г.: «...вы делаете доброе и патриотическое дело, употребляя ваш талант на защиту русской правды в Англии». В свою очередь Стед на страницах своего журнала «Review of Reviews» опубликовал развернутый материал, посвященный русскому императору [40].

Общественная активность Новиковой пользовалась поддержкой официальных кругов на родине, в том числе Александра III. Она активно содействовала контактам между государственными деятелями двух стран, переправляла в Россию А. М. Горчакову и Н. К. Гирсу неофициальные письма Гладстона, способствовала завязавшейся переписке между Гладстоном и Победоносцевым [17, 251]. Конечно, ее успех в представительстве российских интересов в Англии во многом был предопределен ее личным влиянием на Гладстона.

В России же Новикова состояла постоянной корреспонденткой катковских «Московских ведомостей», где помещала свои «Письма из Англии», в начале 1890-х годов она активно сотрудничала с новым московским ежемесячным литературно-политическим журналом консервативно-охранительного направления «Русское обозрение» (1890—1898). Его фактическим издателем был фабрикант Д. И. Морозов. Журнал поддерживался личными пожертвованиями, в том числе Александра III, пользовался покровительством К. П. Победоносцева который и сам опубликовал в нем статью-размышление «Гладстон об основах веры и неверия» [32], впоследствии вошедшую в составленный из его собственных сочинений «Московский сборник» — признанный идеологический манифест российского консерватизма [33]. Новикова опубликовала в «Русском обозрении» заметки, посвященные своим лондонским друзьям, — Гладстону [28] и уже ушедшему из жизни автору 8-томного сочинения о Крымской войне А.-В. Кинглеку [29], а также ряд очерков под общим названием «Письма из Англии» [30].

С началом правления Николая II друг Новиковой Стед на страницах своего журнала «Review of Reviews» начал публиковать выдержанные в доброжелательном тоне статьи, способствуя формированию образа русского императора-миротворца. В 1898 г. собственное издательство Стеда инициировало серию книг под общим названием «Русская библиотека», в ней при содействии Новиковой и с ее предисловием вышла книга К. П. Победоносцева «Размышления русского государственного деятеля» [48]. В этом же году Стед был удостоен аудиенции у Николая II. Сам журналист не без оснований заявлял: «Мы с Ольгой Алексеевной Новиковой единодушно работали в пользу мира». До подписания русско-английского соглашения 1907 г., положившего конец полувековой враждебности в отношениях двух стран, оставалось несколько сложных лет. Усилия Ольги Алексеевны в нейтрализации угрозы со стороны одной из могущественных стран-соперниц бурно развивающейся империи и в улучшении имиджа России в Англии были не напрасны. После заключения русско-английского соглашения Стед убедил «русскую Лорелею» согласиться на опубликование части ее переписки с Гладстоном и некоторыми другими ее друзьями отдельной книгой, которую сам был готов составить. Выход ее состоялся. «Издавая эту книгу, — писал в предисловии к ней Стед, — я хотя бы в малой части могу уплатить тот долг, который мы в Англии, по крайней мере, имеем перед г-жой Новиковой» [34, с. IV].

Тем временем постепенно уходили близкие люди, в том числе Стед: он погиб при крушении «Титаника», превратившись в легенду британской журналистики. Вскоре Новикова потеряла и своего сына, к огорчению матери в последние годы своей жизни примкнувшего к социалистам-революционерам. Теперь образовавшуюся пустоту в ее жизни заполнял новый друг и последователь, молодой писатель С. Грэхем, который также был активным пропагандистом дружбы между двумя странами. Из его воспоминаний возникает образ женщины-легенды, несмотря на преклонный возраст, еще деятельной. Лозунгом ее жизни было «все для России» [41, р. 73]. Лондон же стал ее последним пристанищем, где в возрасте 84 лет она ушла из жизни.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. *Алексеев М. П., Левин Ю. Д.* В лондонском салоне О. А. Новиковой (Публикация Н. Д. Кочетковой) // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2005—2006 годы. СПб. : Дмитрий Буланин, 2009. С. 517—579.
2. *Боборыкин П. Д.* Столицы мира: Тридцать лет воспоминаний // Боборыкин П. Д. Воспоминания : в 2 т. М., 1965. Т. 2. С. 231—234.
3. Герцен А. И. — Рейхель М. К. Лондон, 31 декабря 1855 г. // Герцен А. И. Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 25: Письма 1853—1856 годов. С. 324—325.
4. Герцен А. И. — Пьянчани Л. Лондон, 4 мая 1854 г. // Герцен А. И. Полн. собр. соч. : в 30 т. М. : Изд-во АН СССР, 1961. Т. 25: Письма 1853—1856 годов. С. 177—178.
5. Гладстон У. — Новиковой О. А., Ховарден, 22 февраля 1880 // Депутат от России: (Воспом. и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / сост. г-м W. T. Stead ; пер. Е. С. Мосоловой. [Т. 1]. СПб. : Тип. т-ва п/ф «Электро-тип. Н. Я. Стойковой», 1909. С. 35—36.
6. *Гладстон У.* Россия и Англия (Russia and England. By O. K. London. Longmans. 1880) // Рус. мысль. 1880. № 11. С. 81—95.
7. Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / сост. г-м W. T. Stead ; пер. Е. С. Мосоловой. СПб. : Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1909. [Т. 1]. 312 с.
8. Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / сост. W. T. Stead; пер. Е. С. Мосоловой. Пг. : Тип. П. Усова, 1915. Т. 2. 220 с.
9. *Казнина, О.* Англия глазами русских // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии 1646—1945 / сост. О. А. Казнина, А. Н. Николюкин. М. : РОССПЭН, 2001. С. 3—23.
10. *Климкова М. А.* «Просветите народ, дайте ему закон...»: Об известном в свое время земском деятеле, учредителе школ для крестьянских детей, публицисте Александре Ивановиче Новикове (1861—1913) // Московский журн. История государства российского. 2011. № 6 . С. 17—25.
11. *Ковалевский М. М.* Московский университет в конце 70-х и начале 80-х годов прошлого века (Личные воспоминания) // Вестн. Европы. 1910. № 5. С. 178—221.
12. *Кропоткин П. А.* Записки революционера. М. : Мысль, 1990. 526 с.
13. Маркс К. — Зорге Ф. А., 27 сентября 1877 г. // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 31. С. 229.
14. Московский университет в воспоминаниях современников (1755—1917): сб. / сост. Ю. Н. Емельянов. М. : Современник, 1989. 734 с.
15. *Нарочницкая Н. А.* К вопросу о литературных стереотипах и предрассудках: Альфред Теннисон и Россия [Электронный ресурс] // Информ.-аналитический портал «Нарочницкая ру.»: Официальная страница политика и общественного деятеля Натальи Алексеевны Нарочницкой. URL: <http://www.narochnitskaia.ru/in-archive>
16. *Новикова О. А.* Депутат от России. (Воспом. и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / сообщ. Е. С. М. // Рус. старина. 1910. Т. 141. № 2. С. 405—422; № 3. С. 555—565.
17. *Новикова Ольга Алексеевна* // Дипломатический словарь : в 2 т. / глав. ред. А. Я. Вышинский и С. А. Лозовский. М. : Гос. изд. полит. лит.-ры, 1948—1950. Т. 2. 1950. С. 251.
18. Новикова Ольга Алексеевна. Письма к Ф. М. Достоевскому. Комментарии // Достоевский. Материалы и исследования. Т. 13. К 175-летию со дня рождения Ф. М. Достоевского. СПб. : Наука, 1996.
19. *Новикова О. А.* Английские предрассудки // «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии 1646—1945 / сост. О. А. Казнина, А. Н. Николюкин. М. : РОССПЭН, 2001. С. 302—305.
20. *Новикова О. А.* Правда о России // Московские ведомости. 6 февраля 1889. № 35.
21. *Новикова О. А.* Вести из Англии: О гуманном элементе воспитания. М. : Унив. тип., ценз. 1872. 10 с.
22. *Новикова О. А.* Вести из Англии: Earl of Beaconsfield. М. : Унив. тип., 1881. 14 с.
23. *Новикова О. А.* Вести из Англии. Политическое марево. М. : Унив. тип., 1881. 10 с.
24. *Новикова О. А.* Вести из Англии. Томас Карлейль: [Биогр. очерк]. М. : Унив. тип., 1881. 14 с.
25. *Новикова О. А.* Конституционные оковы [Ирландский вопрос]. [М.] : Тип. М. Н. Лаврова и К°, 1881. 9 с.
26. *Новикова О. А.* Несколько слов о Карлейле. [М.] : Тип. «Соврем. изв.», 1881. 8 с.

27. Новикова О. А. Кризис в Сербии. М. : Тип. «Соврем. изв.», 1882. 32 с.
28. Новикова О. А. Детство и отрочество Гладстона // Рус. обозрение. 1891. Август. С. 908–913.
29. Новикова О. А. Из воспоминаний о Кинглеке // Рус. обозрение. 1894. Август. С. 776–787.
30. Новикова О. А. Письма из Англии // Русское обозрение. 1892. Август. С. 804–809; Ноябрь. С. 257–268; Декабрь. С. 887–894; 1893. Январь. С. 330–337; Февраль. С. 785–794; Март. С. 366–389; Май. С. 293–304; Ноябрь. С. 346–360.
31. Парtridge М. Александр Герцен и его английские связи // Проблемы изучения Герцена. М. : Изд-во АН СССР, 1963. С. 348–369.
32. Победоносцев К. П. Гладстон об основах веры и неверия // Рус. обозрение. 1894. Март. С. 32–41.
33. Победоносцев К. П. Гладстон об основах веры и неверия // Московский сб. М. : Синод. тип., 1896. С. 269–280.
34. Стед У. Т. Предисловие // Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / сост. г-м W. T. Stead ; пер. Е. С. Мосоловой. СПб. : Электро-тип. Н. Я. Стойковой, 1909. [Т. 1]. С. III–V.
35. Тарле Е. В. Рецензия: Депутат от России: (Воспоминания и переписка Ольги Алексеевны Новиковой) / сост. W. T. Stead ; пер. Е. С. Мосоловой. Т. 1–2. Пг. : Тип. П. Усова, 1915. 2 т. // Голос минувшего. 1915. № 10. С. 300–301.
36. Третьякова С. Н. О. А. Новикова — «Неофициальный посол России в Англии» // Вестн. РУДН. Серия «История России». 2010. №. 4. С. 103–118.
37. Фигнер В. Избранные произведения : в 3 т. М. : Изд-во Всес. общ-ва политкаторжан и ссыльн.-поселенцев, 1933. Т. 3: Запечатленный труд. 419 с.
38. Чичерин Б. Н. Воспоминания Бориса Николаевича Чичерина: Москва сороковых годов / вступ. статья и примеч. С. В. Бахрушина. [М.] : М. и С. Сабашниковы, 1929. XVI, 294 с.
39. Энгельс Ф. Императорские русские действительные тайные динамитные советники, 25 января 1885 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 195–197.
40. Alexander III, Tzar of all the Russias // Review of Reviews. 1892. № 5. P. 15–27.
41. Graham S. Part of the Wonderful Scene: an Autobiography. L. : Collins, 1964. 319 с.
42. The M. P. for Russia: Reminiscences & Correspondence of Madame Olga Novikoff. By: Stead W. T. London : A. Melrose, 1909. V. 1–2.
43. Novikoff Olga (O. K.) Is Russia Wrong?: A Series of Letters / by a Russian Lady; with a preface by J. A. Froude M. A. London : Hodder and Stoughton, 1878. 136 p.
44. Novikoff Olga (O. K.) Friends or Foes?: a sequel to «Is Russia wrong?» / by a Russian Lady. London : P. S. King, 1878. 85 p.
45. Novikoff O. (O. K.) Russia and England from 1876 to 1880, a Protest and an Appeal. London : Longmans, Green & Co., 1880. 396 p.
46. Novikoff O. (O. K.) Skobeleff and Slavonic Cause / by O.K., author of «Russia and England». London : Longmans, Green & Company, 1883. 421 p.
47. Novikoff O. Russian memories / An introd. by Stephen Graham. New York : E. P. Dutton & Company. 1916. 310 p.
48. Pobedonostsev K. Reflections of a Russian Statesman / Translated by Robert Crozier Long; Foreword by Olga Novikoff. London : Grant Richards, 1898. 288 p.
49. Stead W. T. Truth about Russia / W. T. Stead. L. : Cassell & Company, 1888. 464 p.

Статья поступила в редакцию 7 сентября 2013 г.

НАУЧНЫЕ ФОРУМЫ И ПРОГРАММЫ

II МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ СЕВЕРНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ: ПРИНУДИТЕЛЬНЫЙ ТРУД В ГУЛАГЕ» (Сыктывкар, Воркута, 15—19 октября 2013 г.)

Организаторами конференции выступили Коми республиканский благотворительный фонд жертв политических репрессий «Покаяние», Институт языка, литературы и истории Коми Научного центра Уральского отделения РАН, Сыктывкарский государственный университет при поддержке Правительства Республики Коми. Конференция открылась вступительным словом ректора Сыктывкарского государственного университета, председателя Фонда «Покаяние», председателя оргкомитета конференции М. Д. Истиховской и приветственным словом епископа Сыктывкарского и Воркутинского Питирима. Научные доклады сделали М. Б. Рогачев (Сыктывкар, Россия) — «ИТЛ в Коми АССР: развитие системы и результаты деятельности»; Т. С. Садыков (Астана, Казахстан) — «Вклад исследователей Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева в изучение истории политических репрессий»; Н. А. Морозов (Сыктывкар, Россия) — «Мобилизованные группы советских граждан на предприятиях Коми АССР (1942—1946 гг.)»; И. В. Шуйский (Харьков, Украина) — «Главный архитектор Сыктывкара, сын харьковского градостроителя (о В. П. Шишове)».

Затем работу продолжили «Молодежная секция» и круглые столы «Политический террор и социум. Человек в системе ГУЛАГа» и «История ГУЛАГа в издательском проекте “История сталинизма”». Следует отметить, что к началу работы конференции организаторами был подготовлен и издан целый ряд печатных работ. Среди них тексты докторов исторических наук: В. А. Бердинских — «ГУЛАГ в Советском Союзе: идеология и экономика подневольного труда»; Е. Ф. Кринко, С. А. Кропачев — «Отечественная историография политических репрессий в СССР: формы и практики изучения»; О. Л. Рябченко — «Сопротивление студентов советской Украины сталинской репрессивной политике (1920—1930-е годы)»; Т. П. Хлынина — «Адыгейское дело»: три версии одного события».

Обратим внимание на ключевые положения публикаций, которые стали предметом дальнейших дискуссий участников конференции. В. А. Бердинских отметил коренные недостатки лагерной экономики: повышенную секретность и бесконтрольность, хищническое использование природных ресурсов, отторжение технического прогресса, высокую себестоимость гулаговской продукции, торможение развития рынка труда и социальной инфраструктуры. Автор сделал вывод о том, что «подневольный труд превратился в своеобразный наркотик для советской системы хозяйствования и существенно сдерживал ее развитие».

В докладе Е. Ф. Кринко и С. А. Кропачева рассматривался институциональный аспект изучения в советской и российской историографии политических репрессий в СССР. Основное внимание было уделено научно-организационным формам и практикам исследования данной темы, усилению роли общественных организаций в формировании исторических знаний о прошлом и новым способам их представлений. Подчеркнуто, что лагеря ГУЛАГа «изначально создавались как органы подавления «классово враждебных» элементов, а отнюдь не как исправительно-трудовые учреждения с воспитательными целями».

О. Л. Рябченко отметила, что студенчество Украины отличалось активной жизненной позицией, вариативностью мышления, собственным взглядом на события, происходившие в 1920—1930-е гг. Исследователь привела свидетельства высокого протестного потенциала этой категории молодежи, осветила различные формы недовольства политикой режима. Проанализированные материалы позволили сделать вывод о наличии среди студенчества значительного количества несогласных с политикой партии на различных участках хозяйственной жизни и в идеологической сфере. В среде студенчества «постоянно фиксировались разнообразные формы противодействия режиму. Единичные и массовые, анонимные и открытые, они свидетельствуют о том, что центральная власть не оправдывала социальных ожиданий многих молодых людей».

Т. П. Хлынина на примере изучения «Адыгейского дела» рассмотрела процесс рождения конкретных историографических образов. Автор отметила, что современный историк сталкивается с многообразием «строительного материала» для событий прошлого. Оно включает в себя, помимо привычного исторического источника, и воображение исследователя, и уровень его общеобразовательной подготовки, и желание говорить с прошлым на языках современной ему науки. «Исследовательские привязанности и пристрастия довольно зримо присутствуют на страницах исторических сочинений, привнося в прочтение одних и тех же источников различные (а порой и взаимоисключающие) смысловые коннотации».

18 октября в г. Воркута участники конференции продолжили работу в рамках международного симпозиума «Роль ГУЛАГа в освоении циркумполярной зоны», посвященного 70-летию Воркуты.

Город Воркута (от ненецкого «медвежий угол») расположен на севере Республики Коми, на западных склонах Полярного Урала, на реке Воркута, в зоне вечной мерзлоты. Находится примерно в 150 километрах севернее Полярного круга и в 140 километрах от побережья Северного Ледовитого океана. Воркута относится к районам Крайнего Севера, где безморозный период составляет около 70 суток, а продолжительность зимы — около 8 месяцев.

В конце 1930-х — начале 1950-х гг. в Воркуте был расположен один из крупнейших лагерей ГУЛАГа — Воркутлаг, организованный в 1938 г.

Управление лагеря находилось в г. Воркуте. На пике его численности, в 1951 г., в лагере было до 73 000 заключенных, занятых на добыче угля и в шахтном строительстве. Они же построили здесь первую в мире железную дорогу за Полярным кругом. В 1955 г. Совет министров СССР принял постановление о переводе шахт комбината «Воркутауголь» на вольнонаемную рабочую силу. Этот перевод был закончен в 1960 г. Воркутауголь до сегодняшнего дня является градообразующим предприятием.

В настоящее время администрация города разработала программу строительства историко-мемориального комплекса «Воркутлаг». На месте бывшего лагеря заключенных в поселке Северный планируется воссоздать место под названием «голгофа ГУЛАГа» со зданиями барачного типа, остатками шахты Аяч-Яга. В музейное пространство войдут мемориальное кладбище и «город-призрак» Юр-шор, в полутора километрах от которого находится место расстрела заключенных, мемориал трудоармейцам Воркуты и комплекс памятников «Терновый венец России», олицетворяющих страны, граждане которых пострадали в годы сталинизма.

Основными темами международного симпозиума в Воркуте стали: ГУЛАГовский и пост-ГУЛАГовский этапы истории Заполярья и Приполярья, роль городов в освоении и развитии Крайнего Севера, градообразующие факторы. На симпозиуме также были рассмотрены проблемы противостояния власти и общества в различные исторические периоды, формирования репрессивной политики тоталитарных государств, государственного террора, сопротивления населения репрессиям, положения и судьбы репрессированных. Основное внимание было уделено событиям первой половины XX в., происходившим на территории Советского

Союза и сопредельных государств и оказывавшим непосредственное или опосредованное влияние на процессы освоения циркумполярной зоны.

Заместитель руководителя администрации г. Воркуты Анатолий Замедянский подчеркнул на открытии симпозиума, что ГУЛАГ был и остается неотъемлемой частью истории Воркуты, через которую прошло около 2 млн заключенных из более чем 20 стран мира.

В работе симпозиума приняли участие представители разных стран мира. С докладами на пленарном заседании, наряду с российскими исследователями, выступили Генеральный консул Республики Польша в Санкт-Петербурге Петр Марциняк, профессор делейского университета Джавахарлала Неру Аджай Патнайк, профессор Белорусского государственного университета Вячеслав Меньковский. Международный симпозиум предоставил всем участникам возможность конструктивного обмена мнениями в созидательной и творческой атмосфере.

Во время конференции особенно подчеркивался тезис о том, что все более глубокое знание о системе рабского труда в сталинское время не должно привести к банализации этой системы или же ее принятию. Участники конференции возложили цветы у памятника жертвам политических репрессий и на кладбище, где похоронены участники воркутинского восстания 1953 г.

И. Л. Жеребцов, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН;
В. И. Меньковский, профессор кафедры истории России БГУ

МАТЕРИАЛЫ НАУЧНОГО КРУГЛОГО СТОЛА «ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ, БЕЛАРУСИ И УКРАИНЫ XIX — НАЧАЛА XX в.» (Минск, 28 октября 2013 г.)

На историческом факультете Белорусского государственного университета с 2011 г. была возобновлена традиция прежних лет проведения специализированных научных «круглых столов» как по случаю важных исторических событий или юбилейных дат, так и в связи с возможностью выразить свое почтение к именам, без которых был бы немислим БГУ в его современной данности. Первым масштабным подобным мероприятием стало обсуждение значительного спектра вопросов, связанных с практикой подготовки, проведения и последствий Великой реформы 1861 г., с последующей публикацией в «Российских и славянских исследованиях» (Вып. VI за 2011 г.) тезисов прозвучавших на заседании выступлений.

Организованное 28 октября 2013 г. кафедрой истории России заседание научного «круглого стола» совместило в себе все прежние предвещающие поводы. Естественным стало рассмотрение обширной тематики истории восточнославянских народов и государств под знаком двух знаменательных для факультета и кафедры событий: 135-летия со дня рождения В. И. Пичеты и 80-летия со дня рождения И. В. Оржеховского.

Было бы излишним пространно излагать жизненные и творческие пути этих двух историков. Они по-настоящему знаковые фигуры. Хотя их научное и педагогическое творчество протекало в разные периоды XX века, обоим был присущ высокий профессионализм, свободное владение многими аспектами деятельности ученого-историка. И оба были специалистами в истории России XIX — начала XX в., а значит — и в истории Беларуси и Украины. Конечно, фигура Владимира Ивановича Пичеты как бы возвышается над представителями всех поколений белорусских университетских (и не только) историков. По многогранности

своей научной подготовки и научных интересов вряд ли возможно кого либо поставить рядом с ним. Однако и Игорь Ващлавович был историком, который интересовался буквально всеми аспектами, относящимися к его профессиональной деятельности. И тот, и другой исследователи для БГУ олицетворяют «русскую» историю в ее прежнем и современном понимании. Они, к тому же, безоговорочно считаются в БГУ организаторами различных направлений исследований в области россиеведения.

Поэтому заседание научного «круглого стола», проведенное в 2013 г. в честь «круглых дат» этого года в биографиях двух историков БГУ, нацеливало его участников на обсуждение проблем истории России, Беларуси и Украины XIX — начала XX в. Естественным прологом научных выступлений и дискуссий стали несколько сообщений именно о роли и месте В. И. Пичеты и И. В. Оржеховского в развитии исторической науки и образования в Беларуси. Это значение двух историков разных эпох в развитии исторического факультета БГУ, его научных и образовательных составляющих как раз и было подчеркнуто в приветственном слове, обращенном к участникам заседания, декана факультета С. Н. Ходина.

Редколлегия посчитала необходимым предоставить страницы журнала для тезисного изложения прозвучавших на заседании выступлений. Они подаются в том порядке, который был обозначен в программе заседания и который в ходе его был почти абсолютно выдержан. Для краткости не опубликован ход дискуссий, которые почти всегда сопровождали выступления участников. Как было заранее оговорено организаторами заседания, полные варианты выступлений будут систематизированы и опубликованы через электронную библиотеку Белорусского государственного университета.

ТЕЗИСЫ ВЫСТУПЛЕНИЙ

Русистика и украинистика в БГУ (1921—2013 гг.). — *О. А. Яновский*, заведующий кафедрой истории России БГУ, профессор.

Сегодня в БГУ развернулась кампания по формально-административному оформлению «научных школ» в разных областях знаний. Без всякого сомнения, в действительности вузу есть кем гордиться: все более чем 90 лет деятельности в его стенах постоянно бурлила мысль исследователей разных поколений, объединенных схожими научными интересами и устремлениями. Нам — университетским историкам — отрадno констатировать тот факт, что именно гуманитарии стояли у истоков и активно развивали первый белорусский университет. А среди них — выдающиеся россиеведы: В. И. Пичета, А. А. Савич, Д. А. Жаринов, А. П. Пьянков, П. З. Савочкин, И. В. Оржеховский и многие другие. Примечательно, что почти все они наряду с исследованием проблем собственно российской истории активно занимались разработкой вопросов украинской истории. В этом нельзя не видеть роль первого ректора БГУ В. И. Пичеты, который не без гордости констатировал, что он поставил изучение украинской истории на настоящий научный «грунт», о чем свидетельствовали его многие работы по вопросам украинской истории [НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6335. Л. 16]. По данным сюжетам мною опубликовано много статей и книг. Обратим внимание на то, что нынешнее поколение историков, объединенных кафедрой истории России БГУ, как представляется, плодотворно занимается продолжением исследований в русле исторической русистики и украинистики. Они, таким образом, поддерживают традиции предшественников, развивая и укрепляя их в научных парадигмах той школы, которая рождена в далеком 1921 г. Для высшего учебного заведения, которое готовит профессиональных историков, подобное акцентированное исследовательское направление обеспечивает необходимый уровень преподавания и общего курса «история России и Украины», и ряда специальных курсов по широкому спектру проблем российской и украинской истории, и надлежащее научное сопровождение под-

готовки кадров высшей квалификации по специальности «всеобщая история» в магистратуре и аспирантуре.

Игорь Вацлавович Оржеховский: этапы пути и рождение в вечность. — *В. В. Сергеевкова*, доцент кафедры истории России БГУ.

И. В. Оржеховский (1933—2002) — доктор исторических наук, профессор, известный советский и белорусский историк, занимавшийся исследованием истории России XIX — начала XX в. Его становление как ученого и педагога проходило под влиянием и руководством известного советского историка П. А. Зайончковского. В 1956—1961 гг. Игорь Вацлавович учился на историко-филологическом факультете Горьковского госуниверситета, а в 1964 г. успешно защитил в МГУ кандидатскую диссертацию по проблеме реализации реформы 1861 г. в Нижегородской губернии. В 1975 г. в Ленинградском отделении Института истории АН СССР он защитил докторскую диссертацию — «Внутренняя политика российского самодержавия в 1866—1878 гг. (Усиление реакционно-охранительных начал)». С 1976 г. работал в Минске, возглавив в БГУ кафедру истории СССР досоветского периода. В эти годы он написал и издал в Москве монографию — комплексное исследование деятельности III отделения всех лет его деятельности (с 1826 и до 1880 г.), а также его исполнительного органа — корпуса жандармов [Самодержавие против революционной России. М.: Мысль, 1982]. Историк подготовил 11 кандидатов наук и тем самым создал в Беларуси школу историков-русистов, специалистов по истории России XIX — начала XX в. И. В. Оржеховский внес свою лепту и в подготовку историков-профессионалов: он являлся членом экспертного совета ВАК Республики Беларусь, членом ряда специализированных советов по защите докторских и кандидатских диссертаций. В последние годы он увлекся изучением истории церкви и военного духовенства. Его талант исследователя и руководителя органично совмещался с неординарностью внутреннего мира, коммуникабельностью, что так привлекали к нему коллег и студентов, чем навечно вошел в анналы университетской истории.

История Древней Руси в научном творчестве В. И. Пичеты. — *С. Н. Темушев*, доцент кафедры истории России БГУ.

История восточных славян древнерусского периода входила в круг профессиональных интересов Владимира Ивановича Пичеты, и в своих работах ученый неоднократно обращался к различным ее аспектам [Пичета В. И. Введение в русскую историю: (источники и историография). М., 1922]. Проблему этногенеза восточных славян он решал в духе теории «триединства русского народа» [Юсова Н. А. Академік Володимир Пічета та генезис концепції давньоруської народності // Рос. и славян. исследования. 2007. Вып. 2. С. 19—32; Юсова Н. «Давньоруська народність»: зародження і становлення концепції в радянській історичній науці (1930-ті — перша половина 1940-х рр.). Київ, 2006. С. 240—241]. Однако к идее о формировании в домонгольский период восточнославянской общности и ее «расколе» после монгольского нашествия [Пичета В. И. Западная Украина и Западная Белоруссия // Сов. наука. 1939. № 12. С. 160] пришел не в результате заимствования у своего учителя В. О. Ключевского или воздействия современных ему событий (присоединение Западной Украины и Западной Беларуси), а вследствие глубокого изучения источников. В осмыслении проблемы формирования восточнославянской государственности В. И. Пичета во многом предвосхитил современное представление о восточнославянском политогенезе (роль скандинавов, борьба «Севера» и «Юга»). В ряду причин раздробления древнерусского («династического») государства ученый главную роль отводил нормам «общеславянского семейного права» [Пичета У. І. Гісторія України. Київ, 2005. С. 43—46, 66]. Тезис о росте крупного феодального землевладения, как причине раздробления государства, появляется в его поздних работах [Пичета В. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1940.

С. 6; Пичета В. И. Исторические судьбы Западной Украины и Западной Белоруссии. М., 1939]. Оценивая общественно-политический строй древнерусских княжеств-земель, историк создал картину сложной системы согласования интересов различных центров силы (или групп населения, что уже близко к марксистскому подходу в объяснении исторических явлений) [Пічэта У. І. Гісторыя Беларусі. Мінск, 2005. С. 89—91; Пичета В. И. История белорусского народа. Минск, 2003. С. 22]. Такое понимание было более объективным в сравнении с упрощенной схемой в духе теории земско-вечевого строя, характерной для историографии второй половины XIX — начала XX в. [Цемушаў С. М. Веча ці князь: праблема арганізацыі кіравання ў Полацкай зямлі X — пачатку XIII ст. у дарэвалюцыйнай і савецкай гісторыяграфіі // Бел. гіст. часопіс. 2012. № 12. С. 17].

Проблемы взаимодействия светской и духовной властей в сфере межконфессиональных отношений в середине XIX — начале XX в. (на примере Иркутской губернии и Забайкальской области). — С. Ю. Царегородцева, аспирантка кафедры истории Русской православной церкви Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, г. Москва.

Вопрос взаимодействия церковной и государственной власти в настоящее время активно обсуждается в научной литературе. Небезынтересно его рассмотреть на примере сотрудничества церковных иерархов Иркутской и Забайкальской епархий и светских чиновников в середине XIX — начале XX в. Специфика религиозной ситуации в Восточно-Сибирском регионе обуславливалась соседством православной общины с коренным населением, исповедующим буддизм и шаманизм. Обращение части бурят-монгольского населения в результате деятельности духовных миссий Иркутской и Забайкальской епархий в православие породило ряд вопросов, связанных с проблемами взаимоотношений крещеных и некрещеных коренных жителей. Они требовали неотлагательных, но весьма тонких решений местной власти. Работа духовных миссий осложнялась тем, что изменение вероисповедания бурятского населения вносило серьезные коррективы в дальнейшее устройство гражданского быта крещеных инородцев, что находилось в ведении светских властей. Тесное взаимодействие местной губернской власти и епархиального начальства, проведение осторожной правительственной политики веротерпимости в Восточно-Сибирском регионе не только позволяло решать ряд актуальных миссионерских задач, но и корректно регулировать религиозную политику в сфере межконфессиональных отношений, позволяло избегать масштабных религиозных конфликтов. [Доклад подготовлен на основе: Государственный архив Иркутской области. Ф. 24. Оп. 9. Д. 34. К. 2030; Дамешек И. Л. Сибирь в составе Российской империи. М., 2007; Дамешек Л. М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX — начало XX века. Иркутск, 1986; Матханова Н. П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века. Новосибирск, 1998; Цыремпилов Н. В. Буддизм и империя. Бурятская буддийская община в России (XVIII — начала XX в.). Улан-Удэ, 2011].

Переполюх в администрации Минской губернии как следствие частного письма М. Ходько. — С. Л. Луговцова, доцент кафедры истории России БГУ.

В 1839 г. российские чиновники очень болезненно отреагировали на получение помещиком Минской губернии В. Корсаком письма от участника восстания 1830—1831 гг., эмигранта М. Ходько [Литовский государственный исторический архив в г. Вильнюсе. Ф. 378. Политический отдел. 1839 г. Д. 95. О письмах, получаемых в Вилейской почтовой конторе на имя помещика В. Корсака от находящегося за границей М. Ходько на 70 л.]. Письмо вызвало настоящий переполюх в российской администрации. В его содержание вникали Минский губернатор, Виленский военный губернатор, жандармские офицеры — вплоть до самого А. Х. Бенкендорфа. В результате их распоряжений были допрошены четверо представителей высшего сословия, а В. Корсак оказался под тайным надзором полиции. Произведения

Я. Ходько были повторно подвергнуты цензуре. Анализируя архивные документы по этому «делу», можно сделать несколько выводов: о снижении роли гражданских губернаторов в системе местного управления Российской империи в 30-е гг. XIX в.; о высокой централизации управления, когда решение по делу о письме личного характера принимал лично шеф жандармов. Содержание документа позволило дополнить портрет «идеалиста» (по его собственному определению) М. Ходько. Ко всему — письмо вызывает раздумья о вечных вопросах человеческих взаимоотношений: дружбе и предательстве, любви и верности, нежности к близким и ответственности за их благополучие.

Особенности деятельности дворянских собраний в Западных губерниях России в первой четверти XIX в. — Е. В. Шило, аспирант кафедры истории России БГУ.

Функционирование дворянских собраний в Российской империи в первой четверти XIX в. имело ряд региональных отличий. Главными особенностями их деятельности в Западных губерниях в этот период были: инициатива и активное участие местного дворянства в дворянских собраниях, полномерная реализация всех функций, данных им законом. Факт самостоятельного внесения поправок в правила на дворянские выборы дворянским собранием Виленской губернии в 1817 г., избрание Виленским дворянским собранием должностей по делам дворянской корпорации, не предусмотренных законом (например, вице-маршала), изменение самой процедуры выборов путем отказа от баллотировки при избрании предводителей — все это свидетельствовало о такой особенности функционирования дворянских собраний в Западных губерниях России, как превышение дворянскими собраниями своих полномочий [Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1274 — Указ Сената по жалобе шляхтича Станевича на Виленское губернское правление, нарушившее правила дворянских выборов. Л. 5; Там же. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1863 — Дело о дворянских выборах. Л. 238—240]. Кроме того, подачи коллективных жалоб на местных губернаторов могилевским дворянством в 1777 и 1792 гг. продемонстрировали высокий уровень корпоративного сознания у участников дворянских собраний Западных губерний, в отличие от Центральных губерний империи, где подавление генерал-губернаторской властью органов дворянского самоуправления было «как бы обычным на Руси явлением» [Шымукенус М. У. Иван Галынскі і яго нашчадкі // *Архіварыус*. Серія: Гісторыя, архівазнаўства, крыніцазнаўства. Вып. 6. Мінск, 2008. С. 243—244; Анішчанка Я. К. Беларусь у часы Кацярыны II (1772—1796). Мінск, 1998. С. 106—107; Жукович П. Н. Управление и суд в Западной России в царствование Екатерины // *Журнал Министерства народного просвещения*. СПб., 1914. С. 350—351]. Ввиду имевшейся практики участия в подобных институциях здешнее дворянство на протяжении последней четверти XVIII — первой четверти XIX в. пыталось превратить дворянские собрания в реально действующий орган. Оно стояло на активной гражданской позиции, пытаясь через деятельность дворянских собраний сохранить свое привилегированное положение и тем самым продолжить политические традиции. Однако строгий контроль со стороны государственной власти, подкрепленный «разбором шляхты», пресекал все попытки вывести деятельность данного органа за рамки дозволенного.

Резервный корпус: пример межнациональных взаимоотношений в российской армии. — Ф. А. Некрашевич, аспирант кафедры истории Беларуси нового и новейшего времени БГУ.

Резервный корпус был создан в 1824 г. Он являлся попыткой правительства консолидировать военные элиты различных национальностей Российской империи: его солдаты и офицеры были представлены различными национальностями — поляками, русскими, белорусами, украинцами и литовцами. Чтобы сделать это соединение боеспособным, нужно было попытаться устранить антагонизм между польско-литвинской шляхтой и русскими дворянами. Для этого военное командование предприняло серию мероприятий, направленных на

распространение толерантности среди военнослужащих. В частях корпуса присутствовали как православные, так и католические священники. Несмотря на то, что корпус числился в составе российской армии, в повседневной службе в нем использовалось два официальных языка: русский и польский. Тем не менее главной причиной терпимого отношения местного населения к российским войскам были экономические интересы: присутствие в Варшаве богатых гвардейских офицеров давало стабильное поступление серебряной монеты в экономику Королевства Польского. Однако это не могло устранить противоречия между военнослужащими и гражданскими лицами. Причинами конфликтов были культурные различия, задержка в выплате жалованья гвардейцам, историческое прошлое. Восстание 1830—1831 г. привело к ликвидации Резервного корпуса.

Политика российского правительства по польскому вопросу и ее освещение в периодической печати (середина 1860-х — 1870-е гг.). — *Е. Г. Луферчик*, аспирант кафедры истории России БГУ.

После подавления восстания 1863—1864 гг. российское правительство консолидированными усилиями различных государственных институтов проводило в Царстве Польском специфичную национальную политику, направленную на недопущение возникновения новых «мятежей». Такая политика заключалась в централизации и унификации административного управления Царством Польским, ограничении сферы употребления польского языка и его выведении из образовательной, административной и судебной практик, распространении общеимперского законодательства [Об обязательном употреблении русского языка в делопроизводстве гминных судов, семейных советов и конкурсных управлений, а также при совершении нотариальных актов в губерниях Царства Польского. 17 июня 1876 г. // Полн. собр. законов Рос. империи (ПСЗ). 2-е собр.: в 55 т. СПб., 1825—1881. Т. 51. Отд. 1. 1876. № 56105. С. 658; Об упразднении Правительственной комиссии внутренних дел в Царстве Польском и дополнительные правила к высочайше утвержденному 19 (31) декабря 1866 г. положению о губернском и уездном управлении в губерниях Царства Польского. 29 февраля 1868 г. // ПСЗ. Т. 43. Отд. 1. 1868. № 45544. С. 173; Правила о преимуществах чиновников русского происхождения, служащих в губерниях Царства Польского. 30 июля 1867 г. // ПСЗ. Т. 42. Отд. 1. 1871. № 44887. С. 1195—1198]. Кроме того, правительство способствовало, путем установления особого покровительства, переселению чиновников русского происхождения в польские губернии, что отвечало целям кадровой политики в регионе. Проводимая в Царстве Польском политика нашла поддержку со стороны консервативно-монархической печати. Либеральные издания сдержанно оценивали применяемые меры, иногда считая их слишком жесткими или непоследовательными [Ежемесячная хроника. 1 января 1868 г. // Вестн. Европы. 1868. Т. 1. Кн. 1. С. 380—400; Павлович Б. Польская пресса в 1871 г. // Вестн. Европы. 1872. Т. 6. Кн. 11: Ноябрь. С. 420—427; Полонский Л. А. Внутреннее обозрение. 1 мая 1872 г. // Вестн. Европы. 1872. Т. 3. Кн. 5—6: Май — июнь. С. 363—390].

Система Приказов общественного призрения в Российской империи. — *О. И. Ершова*, доцент кафедры социальной работы и социального права Филиала Российского государственного социального университета в г. Минске.

В XVIII в. в России возникла потребность создать государственное учреждение, которое реализовывало бы на местах социальную политику властей. Им стал Приказ общественного призрения, открывшийся в каждой губернии согласно «Учреждения для управления губерний» 1775 г. [Учреждения для управления губерний 7 ноября 1775 г. // Материалы по истории СССР для семинарских и практических занятий. Вып. 5. М., 1989. С. 43—107]. Во второй четверти XVIII — первой половине XIX в. Приказы решали проблемы бедности, бездомности, боролись с профессиональным нищенством. Приказ представлял собой совокупность социальных учреждений в границах одной губернии: больниц, богаделен, работных и смири-

тельных домов, сиротских приютов и др. [Сведения о Приказах общественного призрения // Антология социальной работы : в 3 т. М., 1995. Т. 3. С. 49—55]. Из казны каждый Приказ получил одновременно сумму в 15 000 руб., пополнявшуюся за счет банковских процентов, пожертвований. После отмены крепостного права в европейской части России Приказы были ликвидированы. Правительство больше не устраивало их бюрократическая система управления, чрезмерная зависимость от МВД, отсутствие профессионализма в управлении социальными учреждениями, слабая материальная база [Устройство общественного призрения в России // Антология социальной работы. Т. 3. С. 56—72]. Все учреждения Приказов и денежные счета были переданы земствам. Пореформенный период — время сосуществования Приказов в неземских губерниях и земств в Европейской России. К концу XIX в. земства достигли гораздо больших успехов в сфере призрения. На территории белорусских губерний Приказы действовали до начала XX в. [Шимукович С. Ф. Благотворительность в Беларуси в конце XIX — начале XX в. Минск, 2006. 188 с.].

Новое крепостничество» в современной российской историографии аграрной истории России XIX в. — Кохнович В. А., доцент кафедры истории России БГУ.

Современные исследователи пересмотрели ряд устоявшихся положений исторической науки. Так, в 1989 г. как бы вызовом в отношении принятого в советской историографии тезиса о «кризисе крепостничества» в первой половине XIX ст. стала позиция Б. Н. Миронова, который возродил точку зрения П. Б. Струве 1913 г. о том, что крепостное хозяйство было упразднено в России в период своего расцвета. В диссертационных работах современных российских авторов — Р. Л. Рянского, Н. Б. Кремера, О. Г. Фирсовой, Д. А. Быкова — находим выводы, совпадающие с позицией Струве. Заметим, что речь идет не только о коррекции категоричных положений советской историографии 1950—80-х гг., но часть авторов предлагает новый, идеализированный, взгляд на «вотчинный патернализм»: что крепостничество практически являлось единственным средством социальной защиты в условиях аграрной России (Д. А. Быков, с. 246), что оно «не было в тягость крестьянам» [О. Г. Фирсова, с. 47], что в 1861 г. были сокрушены «вековые традиции благотворительности помещиков», и «крестьяне входили в тяжелую пору испытания бременем свободы» [Н. Б. Кремер, с. 207]. При этом сохраняет свой вес ряд сведений, накопленных в историографии, что опровергают такое видение крепостнического патернализма. Так, упомянутые авторы в ряде нюансов приводят обратные доказательства: повсеместное распространение злоупотреблений приказчиков при обычном удалении от поместий их владельцев [О. Г. Фирсова, с. 158; Д. А. Быков, с. 238], а свобода крестьян была «в решающей степени ограничена барским произволом», так как «труд крепостных был выгоднее, чем вольнонаемный» [Р. Л. Рянский, с. 144, 148].

Отношение общественности США к войне 1812 года в России. — С. Б. Жарко, доцент кафедры истории России БГУ.

Для понимания оценки общественным мнением США российско-французской войны следует учитывать влияние различных сложных факторов. Надо иметь в виду, что с лета 1812 г. США находились в состоянии войны с Англией, основной союзницы России в борьбе с Францией. Однако отношения между Россией и США, развивавшиеся до того времени весьма успешно, не были прерваны, а российское правительство выступило осенью 1812 г. с предложением своего посредничества для прекращения англо-американской войны. Осенью 1812 г. в США, где население мало знало о России, приходило множество самых различных сообщений из далекой страны: отступление российской армии, сражение на Бородинском поле, оставление Москвы и пожар в ней и др. Оценки этих событий были различными, изобиловали всякого рода небылицами и предрассудками из-за недостаточной информированности населения. В начале 1813 г. в США пришли известия о победах российской армии

над Наполеоном и его отступлении из России. Это произвело на американцев огромное впечатление. Российский посланник А. Я. Дашков писал: «Действие, какое произвели на американцев сии новости, почти невероятно... Я получил письма из Бостона, из Нью-Йорка, из Филадельфии, в которых радостно меня уведомляют, что жители поздравляют друг друга с российскими победами, как будто бы со своими собственными, — если не более!» [Россия и США: становление отношений. 1765—1815 : сб. док. М., 1980. С. 94]. В течение первой половины 1813 г. в ряде городов США состоялись специальные торжества, на которых присутствовали многие видные представители американской общественности, члены конгресса и др. Тот же А. Я. Дашков отметил, что «Самым разительным было празднование победы в Бостоне... Целый город выражал свой энтузиазм». Один из ораторов, анализируя причины поражения Наполеона, подчеркнул: «Таким образом, он был уничтожен не преждевременной зимой, не суровостью климата, а умением и отвагой своих противников... Они воевали за самое святое право... право на самоуправление» [Болховитинов Н. Н. Россия и США: архивные документы и исторические исследования. М., 1984. С. 214, 216].

Восстание 1863—1864 гг. в работах художников XIX в. — Ю. С. Литвинчук, магистрант кафедры истории России БГУ.

Восстание 1863 г. отражено в работах многих живописцев. Назовем И. Г. Горавского, Т. Айдукевича, М. Э. Андриолли, Я. А. Матейко, В. Элиаш-Радзиковского, Л. Бенедиктовича и др. Некоторые из художников сами являлись повстанцами. Одной из ярких работ И. Г. Горавского является картина «Ля крыжа. Смерць паўстанца» 1863 г. [Лазука Б. А. Гісторыя беларускага мастацтва. Минск, 2007. Т. 2. С. 167]. Художник Т. Айдукевич воплотил в своей работе «Сцена восстания 1863 г.» один из сюжетов восстания. Итальянский художник М. Э. Андриолли с самого начала активно участвовал в восстании. В Государственном художественном музее Литвы хранится графический лист художника «Смерть Людовика Нарбута около Дубичей» 1864—1865 гг., где достоверно отображены обстоятельства гибели руководителя повстанческих отрядов в Лидском уезде Гродненской губернии. Воссоздают конкретику событий и другие работы этого художника: «Вылазка повстанцев» [Дробов Л. Н. Живопись Белоруссии XIX — начала XX в. Минск, 1974. С. 167, 164], «Сераковский перед судом Муравьева», «Марш повстанцев», рисунок 1865 года «Повстанец на коне». Польский художник Ян Матейко передал свое видение восстания в работе «Канонический образ восстания 1863 года». К теме тех событий обращались В. Элиаш-Радзиковский (особый интерес представляют его проекты повстанческой униформы [Матвейчук Д. Ч. Паўстанне 1863—1864 гадоў у Беларусі: нарыс баявых дзеянняў. Мінск, 2013. С. 40, 44, 46, 85, 86], польский художник Л. Бенедиктович, принимавший участие в восстании. Можно говорить о том, что отражение событий 1863—1864 гг. в работах художников XIX в. оказало воздействие на развитие исторической живописи Северо-Западных губерний Российской империи.

Электронное учебное издание «Внутренняя политика Николая I». — В. В. Сергеевкова, доцент кафедры истории России БГУ; Е. Н. Балыкина, старший преподаватель кафедры источниковедения БГУ.

На кафедрах истории России и источниковедения исторического факультета БГУ разрабатываются и внедряются в учебный процесс моноцелевые и многоцелевые электронные учебные издания (ЭУИ). Одним из примеров многоцелевых (ЭУИ) является «Внутренняя политика Николая I». Структурно-логическая схема ЭУИ включает в себя главную страницу, от которой идет переход на основной текст — «Содержание» — и «Дополнительный материал». «Содержание» включает в себя 140 тематических слайдов по основным направлениям внутренней политики Николая I. В разделе «Дополнительные материалы» находятся: «Глоссарий», «Источники», «Тематика семинарских занятий», «Список источников и литерату-

ры». ЭУИ имеет также тест, работающий в автономном режиме. В целом в ЭУИ имеются мультимедийные *E*-лекции (140 слайдов) по внутренней политике Николая I, 23 персоналии виднейших государственных деятелей той эпохи, 29 анимированных схем, 9 таблиц, 2 аудио- и 4 видеофайлов. В «Глоссарий» вошли 46 понятий, а в раздел «Источники» — тексты документальных материалов, необходимых для работы на семинарских занятиях. В нем также имеется в режиме PDF первый том «Полного собрания законов Российской империи», что позволяет наглядно и глубоко изучить вопрос о кодификации законов. Тест содержит 60 заданий четырех форм. Навигация по ЭУИ осуществляется с помощью кнопок. ЭУИ может работать в качестве самостоятельного учебного пособия для студентов, обучающихся по специальности «История», особенно заочной формы обучения. Оно активно используется на лекциях в целях демонстрационной поддержки излагаемого преподавателем материала.

Законодательное обеспечение введения суда присяжных на белорусской территории во второй половине XIX века. — *А. А. Загорнов*, доцент кафедры теории и истории государства и права Брестского государственного университета имени А. С. Пушкина.

Судебные уставы, принятые 20 ноября 1864 г. создали в Российской империи новую судебную систему, соответствовавшую уже капиталистическим условиям развития. Одним из важнейших звеньев этой системы стал суд присяжных. Институт присяжных заседателей для пространства империи, в том числе и белорусской ее составляющей, был совершенно новым явлением. Он обеспечивал участие населения в отправлении правосудия и таким образом повышал общественное доверие к судебным решениям. Один из судебных уставов — «Учреждение судебных установлений» — среди вопросов организации деятельности новых судебных органов важное место отводил суду присяжных (Раздел 2, Глава 2, ст. 81—109) [Российское законодательство X—XX веков: в 9 т. Т. 8: Судебная реформа. М., 1991]. Выборные присяжные заседатели вводились на уровне окружных судов. Данный институт в уголовном процессе должен был определять вину подсудимых и служить дополнительным средством обеспечения непредвзятости судебного решения. Император Александр II 19 июня 1877 г. утвердил мнение Государственного Совета о введении в действие судебных уставов 20 ноября 1864 г. в полном объеме в 9 западных губерниях, к которым относилась и белорусская территория [Певзнер Б. В. Сборник узаконений и решений Сената по введению Судебной реформы в Западном крае. Житомир, 1880. С. 1—7]. Этот институт стимулировал состоятельность процесса, совершенствовал создание доказательной базы, повышал профессиональный уровень юристов, положительно влиял на рост правового сознания населения.

Стратегии интерпретации данных статистических источников в изучении этнической истории Беларуси XIX в.: случай белорусско-литовского пограничья. — *Р. Ю. Урбанович*, студент исторического факультета БГУ.

В этнологической науке существует два основных подхода к пониманию понятия «этнос»: примордиалистский и конструктивистский. Первый исходит из того, что этнос является объективной данностью органического характера. Представители второго направления фиксируют внимание на субъективности этнических феноменов, делая акцент на понятии «этническая идентичность», которая определяется сообразно социально релевантным факторам [Барт Ф. Введение // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий : сб. ст. М., 2006. С. 9—48]. Авторы статистических источников XIX в. определяли этническую принадлежность исходя из собственных соображений. Сведения большей части источников весьма различны, а методики сбора информации и определения этнической принадлежности слабо разработаны. Осложняет интерпретацию смешанное население, а также культурная близость белорусского и литовского населения [Gaučas P. Lietuvių-gudu kalbu paribio etnolingvistinė situacija 1795—1914 m. // Lietuvos rytai. Vilnius, 1993.

Р. 42—100]. Интерес представляет перепись населения 1897 г., при проведении которой этно-определяющим критерием считался родной язык, и поэтому почти на всей территории региона как бы доминировало белорусское население. Но эти данные расходятся как с отмечаемым более ранними источниками широким литовским присутствием, так и с позднейшим преобладанием в регионе польского населения. Примордиалистский дискурс не располагает необходимым категориальным аппаратом для понимания ситуации. С конструктивистских позиций подобные изменения объясняются как нерелевантностью фактора родного языка для определения этнической принадлежности, так и процессами славянизации литовскоязычного населения и распространения польской этнической идентичности [Турска Г. О происхождении польскоязычных ареалов в Вильнюсском крае = O powstaniu polskich obszarów j zekowych na Wileńszczyźnie. Вильнюс, 1995]. Можно сказать, что примордиалистский подход к статистическим источникам не отражает всю специфику этнических процессов. В данных этих источников стоит видеть подборку сведений этнографического характера, которые дают лишь часть мозаики распределения культурных переменных, не определяющих этнической принадлежности их носителей, поскольку систематизация культурных различий в отдельные этнические статусы является сложным процессом, во многом зависящим от политического и социального контекста [Блум Я.-П. Этническая и культурная дифференциация // Этнические группы и социальные границы: социальная организация культурных различий : сб. ст. М., 2006. С. 91—103].

Борьба политических партий и общественных организаций за изменение выборного законодательства в Государственную думу и Государственный совет на территории Беларуси (1906—1911 гг.). — Д. С. Лавринович, доктор исторических наук, декан факультета иностранных языков Могилевского государственного университета имени А. А. Кулешова.

По-прежнему актуально продолжение исследования деятельности политических партий и общественных объединений Северо-Западного края по одному из важнейших вопросов общественно-политической жизни Российской империи — выборам законодательных палат. Начало борьбе за изменение условий выборов членов Государственной думы было положено на съезде «Союза 17 октября» 8—12 февраля 1906 г. в Москве [Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК : в 2 т. М., 1996—2000. Т. 1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905—1907 гг. 1996. С. 157]. Затем вокруг идеи введения принципа пропорционального избрания выборщиков и депутатов по национальностям, обеспечения выборов, по крайней мере одного русского члена Государственной Думы от каждой окраинной губернии происходит консолидация местных октябристов с крайне правыми и региональными монархическими организациями в Русский окраинный союз. Путем направления ходатайств и депутатий к Николаю II, переговоров с П. А. Столыпиным, октябристам Северо-Западного края и их союзникам удалось добиться изменения избирательного закона в Государственную думу 3 июня 1907 г., что позволило им увеличить количество депутатов-монархистов в нижней палате. После этого главной целью октябристов, РОС и других монархических партий западных губерний стало изменение системы выборов в Госсовет, так как избрание членов верхней палаты от губерний Северо-Западного края по закону 1906 г. проводилось на съездах землевладельцев, что при наличии сплоченной и экономически влиятельной группы помещиков римско-католического вероисповедания обеспечивало именно их представителям места в Госсовете. Инициатива Витебского отдела «Союза 17 октября» по отдельному избранию русских членов верхней палаты от окраинных губерний была поддержана монархическими организациями, создавшими в 1909 г. Союз русских общественных деятелей западных губерний для обсуждения мер к изменению избирательного закона о выборах в Государственный совет. Делегации представителей союза удалось заручиться поддержкой императора [Никонович Ф. И. Из дневника члена Государственной Думы от Витеб-

ской губернии протоирея о. Федора Никоновича. Витебск, 1912. 272 с. С. 96, 118]. В результате монархисты добились изменения избирательного закона, решив в свою пользу и вопрос о «русском» представительстве в Госсовете в Витебской, Минской и Могилевской губерниях.

Создание уездной полицейской стражи в Виленской и Гродненской губерниях в начале XX в. — А. А. Киселёв, доцент кафедры социальных наук Военной академии Республики Беларусь.

Создание полицейской стражи в 1903 г. изначально преследовало не столько борьбу с политическим протестом [Мулукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е. История отечественных органов внутренних дел. М., 2005. С. 120], сколько необходимость усиления крайне слабого полицейского контроля над крестьянским населением для обеспечения правопорядка в сельской местности. Отсутствие действенного контроля хорошо иллюстрируют материалы местных Комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Создание уездной полицейской стражи на профессиональной основе вместо существовавших выборных крестьянскими общинами десятских и сотских показывает, что до начала XX в. российское государство не имело механизма для повседневного разветвленного контроля над крестьянской средой. В сельской местности уездные полицейские управления, несмотря на введение в 1879 г. должности урядников, были вынуждены по-прежнему опираться на выборных крестьянами «нижних чинов». Если привести пример из истории советских органов внутренних дел, это равносильно тому, что обязанности рядовых патрульно-постовой службы исполняли бы исключительно дружинники. В условиях политического кризиса 1905—1907 гг. на стражу легла политическая задача по пресечению силой аграрных беспорядков, что усилило ее военно-полицейскую компоненту. Однако по мере прекращения крестьянских волнений на первый план выдвигались задачи, ради которых полицейская стража была создана. В белорусских губерниях полицейская стража первоначально была сформирована в Виленской и Гродненской губерниях, и только к концу 1905 г. она появилась в остальных белорусских губерниях. В 1906 г. с учетом возможности подавления аграрных беспорядков стража получила деление на конные и пешие отряды, распределенные по уезду с налаженной системой взаимодействия на случай массовых волнений. Передача стражи под контроль начальников ГЖУ придала ей военизированный характер, но в основном подготовкой стражников занимались чины общей полиции и офицеры стражи. Состав стражников комплектовался преимущественно из местных уроженцев, отслуживших в российской армии срочную службу.

Стекольная промышленность Западных губерний Российской империи первой половины XIX в.: возможность источниковой базы. — Ю. В. Карабухин, аспирант кафедры истории России БГУ.

Развитие стекольной промышленности в России первой половины XIX в. можно проследить, изучая огромное количество статистических материалов: от ведомостей по губерниям и уездам о количестве стекольных мануфактур, фабрик и заводов до цифровых выкладок по конкретной мануфактуре конкретного помещика [Ведомость о мануфактурах в России за 1813 и 1814 годы. СПб., 1816 г.; Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по Высочайшему повелению при 1-ом отделении Департамента Генерального Штаба. Т. IX. Ч. 3: Гродненская губерния. СПб., 1849 г.; Матэрыялы да гісторыі мануфактуры Беларусі ў часы распаду феадалізму / Бел. акад. наук, Ін-т гісторыі імя М. М. Пакроўскага. 1934. IX. № 1. 1796—1840; НАРБ. Ф. 299. Оп. 2. Д. 1460 — Ведомости о фабриках и заводах по Минской губернии за 1832 г.; Состояние фабрик и заводов в Витебской губернии в 1828 г. // Журнал мануфактур и торговли. № 4. СПб., 1830. С. 84—90; Хозяйственная статистика России, составленная Василием Андроссовым. М., 1827]. Если первые ведомости, за небольшим исключением, чаще всего дают только сведения о количестве предприятий в губернии или уезде, их владельце, количестве и сумме выпускаемой продукции, то вторые — об изготавливаемом товаре, его количестве, ассортименте, сумме затрат на изготовление; об остатках

с прошлого и настоящего года; о характере и назначении зданий, материале, который используется для приготовления и откуда берется, а также количестве рабочих и их профессии. Помимо ведомостей данные такого характера содержатся в рапортах и записках губернаторов или губернского правления, регистрах фабрик и изделий в уездах. Такие статистические источники и составляют основной пласт архивного фонда, а также опубликованы в различных сборниках и журналах или отдельными изданиями. Также данные о количестве фабрик по губерниям и отдельным уездам и их владельцах содержатся в памятных книгах и военно-статистических обозрениях губерний. Кроме статистики важным источником являются и законодательные акты, касающиеся как мануфактур в целом, так и отдельных отраслей промышленности (в данном случае стекольной). Благодаря изучению законодательства можно проследить, что не только спрос населения и его финансовые возможности влияли на ассортимент и количество выпускаемой продукции, но немалую роль в этом играла и протекционистская политика государства. Когда в 1850-е гг. был отменен ряд законов, дававших определенные льготы российским промышленникам (то есть они были поставлены в условия конкуренции с иностранными производителями), немногие смогли ее выдержать.

О. А. Яновский, профессор кафедры истории России БГУ

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СТАЖИРОВКА СТУДЕНТОВ КАФЕДРЫ ИСТОРИИ ЮЖНЫХ И ЗАПАДНЫХ СЛАВЯН БГУ В ЗАПАДНО-ЧЕШСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (г. Пльзень, Чешская Республика, 1—31 марта 2014 г.)

В марте 2014 г. в Западно-Чешском университете была осуществлена научно-образовательная стажировка группы студентов из 14 человек, специализирующихся на кафедре истории южных и западных славян исторического факультета БГУ. Руководитель — старший преподаватель кафедры, кандидат исторических наук В. В. Репина. Стажировка проводилась в соответствии с Договором о сотрудничестве между Западно-Чешским университетом в г. Пльзень и Белорусским государственным университетом, подписанным 28 января 2013 г. Именно инициирование и разработка концепции данной стажировки выступили катализатором подписания договора. Приглашающей стороной выступила кафедра антропологии философского факультета Западно-Чешского университета (заведующий кафедрой — доктор наук, профессор Пётр Лозовюк). В рамках стажировки была выполнена обширная научно-образовательная и культурно-познавательная программа.

Стажеры посещали специально подготовленный для них курс лекций на русском языке «Этническая идентичность малых славянских народов в методологическом аспекте чешской антропологии». Лекции вели ведущие специалисты кафедры антропологии — профессора П. Лозовюк, Фр. Багиньский, а также К. И. Шевченко, который выступал и в роли приглашенного лектора Западно-Чешского университета, и в роли сотрудника кафедры истории южных и западных славян БГУ. Стажеры смогли посетить открытые лекции других ведущих чешских историков, в том числе профессора факультета гуманитарных наук и свободных искусств Карлова университета в Праге Мирослава Гроха — наиболее известного и признанного автора оригинальной концепции развития национальных движений малых народов в Центральной и Восточной Европе.

Ряд минских студентов смогли получить консультации ведущих специалистов в области богемистики и истории этнических процессов в Центральной Европе. Среди них были профессор Мирослав Грох; профессор кафедры истории Чехии Карлова университета в Праге

Ян Рыхлик (выступавший с лекцией для студентов кафедры истории южных и западных славян БГУ еще в 2008 г., многолетний член редакционного совета белорусского ежегодника «Российские и славянские исследования»); заведующий отделом по изучению Восточной и Центральной Европы Академии наук Чехии доктор политических наук, профессор Эмиль Ворачек — ведущий специалист по истории чешско-российских отношений; эксперт кафедры исторической социологии факультета гуманитарных наук Карлова университета Алёна Маркова.

В ходе стажировки была предпринята масштабная и системная работа по изучению фондов Национальной и Славянской библиотек в Праге. Это позволило студентам собрать достаточный материал для успешного написания курсовых, дипломных и магистерских работ, значительно продвинуться в научно-исследовательской деятельности.

Группа студентов из числа стажеров приняла участие в этнографическом исследовании по опросу русскоязычного населения города Плзень на степень их интеграции в чешские реалии и культуру. Опрос проводился кафедра антропологии под руководством П. Лозовюка. Чешские коллеги оказались удовлетворены собранными результатами и высоко оценили мотивацию и профессионализм студентов кафедральной специализации исторического факультета БГУ.

Студентками Ольгой Кэрэруш Евгенией Зыблюк была проведена масштабная работа по созданию копий научных изданий из фондов пражской Национальной библиотеки по темам «История повседневности и культурная политика в Чехословакии в период социализма», «История Румынии в XX веке».

Все стажеры посещали курсы чешского языка на базе Западно-Чешского университета. Они смогли приобрести необходимую учебно-методическую литературу для дальнейшей работы в рамках факультатива «Чешский язык», который осуществляется на историческом факультете БГУ с сентября 2013 г.

В ходе стажировки были определены перспективы дальнейшего сотрудничества двух кафедр, запланированы академические обмены и проведение круглого стола, позитивно рассмотрена возможность организации новой стажировки.

В. В. Репин, старший преподаватель кафедры истории южных и западных славян БГУ

**XI ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПРОГРАММА
ДЛЯ СООТЕЧЕСТВЕННИКОВ, ПРОЖИВАЮЩИХ ЗА РУБЕЖОМ,
«ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО»
(Санкт-Петербург, 31 августа — 11 сентября 2014 г.):
новые методические и методологические подходы
к преподаванию и изучению истории Первой мировой войны**

Комитет по внешним связям Санкт-Петербурга провел очередную, XI образовательную программу Культурно-исторического университета, посвященную 100-летию начала Первой мировой войны.

Каждая из двадцати лекций, предложенных слушателям университета, являлась новой авторской разработкой, специально подготовленной ведущими специалистами Санкт-Петербургского государственного университета, Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена, Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, Санкт-Петербургского государственного университета техноло-

гии и дизайна. В образовательном проекте приняли участие 57 историков из двух десятков государств.

Торжественное открытие XI программы проходило в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи одновременно с открытием в музее экспозиции «Русская армия в Первой мировой войне», которая познакомила посетителей с основными этапами войны, боевой подготовкой и традициями русской армии перед ее началом. Председатель Комитета по внешним связям Санкт-Петербурга Е. Д. Григорьев в приветственном обращении отметил историческое значение Первой мировой войны, ставшей прологом для дальнейших событий в Европе и мире в XX в.

Научным руководителем XI программы стал доктор исторических наук, президент Петербургского военно-исторического общества А. В. Аранович. Учитывая высокий профессиональный уровень слушателей, главным принципом в подборе тематики лекций он избрал углубленное знакомство с отдельными аспектами истории Великой. Поэтому обзорный характер из всей программы носила лишь вводная лекция Б. Г. Кипниса «Современный взгляд русского историка на участие России в Первой мировой войне». Причины неудачного исхода войны для России историк усматривал в социальных и политических проблемах, низком уровне образования и просвещения, нерешенности аграрного и национального вопросов.

Следуя теме конференции, большинство докладов были посвящены узкоспециальным аспектам военной истории. Среди них высоким уровнем проработки темы выделялись лекции Д. Ю. Алексеева «Русская императорская гвардия в годы Первой мировой войны» и А. В. Арановича «Интендантское снабжение русской армии накануне и в годы Первой мировой войны». Алексеев отметил, что гвардии в годы войны были присущи общие тенденции, характерные для всей русской армии. Аранович подчеркнул, что при всей развитости системы интендантских служб, они оказались не в полной мере готовы к столь масштабной войне. Это заставило чиновников Главного интендантского управления перестраивать свою работу уже в процессе войны, что отрицательно сказалось на функционировании интендантства. Кроме того, деятельность интендантства не всегда была скоординирована с деятельностью других управлений Военного ведомства. Из совокупности фактов историк сделал вывод об общей неготовности также и военно-санитарной службы. В этом же блоке больший интерес слушателей вызвал доклад О. А. Хорошиловой «Русские отряды специального назначения Великой войны». Лектор раскрыла причины формирования отрядов особого назначения, определила боевой путь наиболее крупных частей, доказала генетическую связь данных отрядов не только с частями диверсионного характера русской армии XIX в., но и с охотничьими командами. Особое внимание было уделено одному из самых крупных формирований — Отряду особой важности атамана Леонида Пунина.

Две лекции программы были посвящены дипломатическим аспектам периода войны: С. Н. Полторак сосредоточился на проблеме Брестского мира, а Д. Ю. Алексеев — на месте России в Версальской системе миропорядка.

Невозможно было обойти вниманием и революционную тематику, которая нашла отражение в лекции доктора исторических наук А. Б. Николаева «Решающие дни Февральской революции в Петрограде (23 февраля — 3 марта 1917 г.)». Основная часть лекции была посвящена роли IV Государственной думы в Февральской революции. Косвенно эта тема присутствовала и в лекции Д. Ю. Алексеева «Петроград в годы Первой мировой войны».

Картина Первой мировой войны была бы неполной без блока лекций, посвященного культурной и духовной жизни в годы войны: «Духовенство в годы Первой мировой войны» (В. А. Безродин), «Что успели сочинить в 1914 г.?» и «Русское искусство о Первой мировой» (А. В. Барановский).

Все лекции XI образовательной программы Университета, вне зависимости от тематики, сопровождались презентациями. Они включали изобразительный материал (кинофильмы,

фотоматериалы, карты), диаграммы, таблицы. Важной составляющей программы 2014 г., стало проведение интерактивных занятий: участие стажеров Университета в военно-исторической реконструкции и замечательной авторской исторической экскурсии «Военный Петербург — Петроград накануне и в годы Великой войны», подготовленных А. В. Арановичем.

Культурная программа для участников имела образовательный оттенок. Все лекции и мероприятия проходили в трех музеях: Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи, Государственном музее политической истории России (располагается в историческом особняке Матильды Кшесинской), Центральном военно-морском музее. В каждом из музеев в дополнение к научной программе были организованы специальные тематические экскурсии для участников Культурно-исторического университета.

В. Н. Кухаренко, доцент кафедры истории южных и западных славян БГУ

ДВЕ БЕЛОРУССКО-ФРУНЦУЗСКИЕ НАУЧНЫЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПО ОБЩЕЙ ПРОБЛЕМЕ «СРЕДНЯЯ ЕВРОПА МЕЖДУ ФРАНЦИЕЙ И СССР» (Париж, ноябрь 2013 г.; Минск, октябрь 2014 г.)

Процесс международного признания большевистской России и СССР остается одним из малораскрытых сюжетов современной европейской историографии. При этом тема нормализации советско-среднеевропейских политических контактов является одним из ее наименее разработанных участков. Научной реакцией на подобное положение вещей стали две франко-белорусские конференции под общим названием «Средняя Европа между Францией и СССР». Они состоялись в ноябре 2013 г. в Париже и октябре 2014 г. в Минске, имея целью попытаться прояснить ряд вопросов становления взаимоотношений между Москвой, Парижем и столицами дунайских государств в межвоенный период.

Обрамляющая тема проекта — борьба великих держав, прежде всего Франции и СССР, за контроль над Средней Европой в период «второй тридцатилетней войны» 1914—1945 гг., как сейчас принято фигурально именовать хронологический отрезок, включающий две мировые войны и время латентного развития мирового международного конфликта между этими войнами. Тема, однако, была ограничена главным образом анализом дипломатической истории. К началу 1920-х гг. вся Европа, кроме стран южного и восточного побережья Балтики, официально не признавала Советскую Россию. В данном контексте процесс дипломатического признания СССР был отмечен двумя яркими моментами: 1924 г. — установление дипломатических отношений с правительствами трех европейских великих держав (Великобритании, Италии и Франции); 1934 г. — возобновление прямых контактов Москвы с большинством государств Средней Европы. Исходя из этого была предпринята попытка выявить среднеевропейский контекст в рамках первой и второй «волн» международного признания СССР в 1924 г. и 1933—1934 гг. Кроме того, участники научных форумов стремились отследить взаимосвязь между изменениями глубины франко-советских отношений и скоростью советского политико-дипломатического проникновения в Балкано-Дунайский регион.

Первая — парижская конференция — фокусировалась на центрально-европейском резонансе политического сближения Кремля с Елисейским дворцом в 1933—1935 гг. Наибольший интерес представляла связь этого процесса с нормализацией Советским Союзом в 1934 г. отношений с дунайскими государствами. Вторая — минская конференция — проанализировала перипетии неудачных попыток большевиков добиться в 1924 г. признания своего режи-

ма де-юре со стороны Средней Европы. Провал планов СССР нормализовать отношения со странами региона, многие из которых поддерживали тесные контакты с Третьей Французской республикой, выделялся на фоне благоприятной конъюнктуры первой полосы юридического признания СССР и установления советско-французских отношений в 1924 г.

Две конференции включили 19 докладов, впервые создав общую дискуссионную площадку французских и белорусских историков-«центральноевропейцев». Предусмотрена публикация докладов конференции на русском и французском языках в Минске и Париже. «Моторами» данного франко-белорусского проекта выступили сотрудники кафедры истории южных и западных славян исторического факультета БГУ и Лаборатория «Идентичность — Территория — Культура» сорбоннского Университета Дени Дидро (Париж 7). Большая поддержка была оказана со стороны Университета Новая Сорбонна (Париж 3), Университета Пантеон-Сорбонна (Париж 1), Французского дома наук о человеке, посольства Беларуси во Франции, Венгерского института в Париже, Франко-белорусского центра в Минске. Инициатором и автором концепции проекта выступил аспирант кафедры истории южных и западных славян БГУ, ассоциированный исследователь Университета Париж 7 А. О. Пеганов. Организационными руководителями первой конференции были профессор Софи Кёре (Париж 7) и А. О. Пеганов, второй конференции — А. О. Пеганов и кандидат исторических наук В. В. Репин (БГУ).

Первая франко-белорусская конференция «Центральная Европа в советско-французских отношениях в межвоенный период и дипломатическое признание центрально-европейскими государствами Советского Союза в 1934 г.» (29 ноября 2013 г., Париж, Университет Дени Дидро — Париж 7). Целью форума стало рассмотрение франко-советского сближения в первой половине 1930-х гг. в контексте проводимой Парижем и Москвой политики в Средней Европе. Отдельно ставилась задача проанализировать признание СССР в 1934 г. Венгрией, Румынией, Чехословакией и Болгарией.

Утреннее заседание, прошедшее под председательством директора Венгерского института в Париже Балажа Аблонци, было посвящено идеологическим и политико-экономическим отношениям Франции и СССР. Первый докладчик профессор университета Париж 7 Дени Дидро Софи Кёре сделала доклад «Наследство Первой мировой войны и Октябрьской революции: присутствие и отсутствие СССР в геополитике Центральной Европы». Подчеркивая слабость ранней советской дипломатии, она интерпретировала внешнюю политику СССР в контексте более широкой матрицы отношений «Восток — Запад» в XX в. В докладе была описана французская и большевистская «ментальные карты» Средней Европы в 1917—1924 гг. Именно они во многом предопределили развитие двухсторонних контактов между Парижем и Москвой в последующие десятилетия.

Далее выступил профессор университета Париж 3 Новая Сорбонна Траян Санду с докладом «Рост фашизма в Европе: новые стратегические и геополитические цели и задачи первой половины 1930-х гг.». Рассматривая вопросы системы безопасности Европы в 1930-х гг., он подробно остановился на препятствиях данных проектам, чинимых блоком ревизионистских государств, которые также не были едины в приоритетах и целях. Третий доклад «Экономические интересы Франции и СССР в Центральной Европе в 1930-х гг.» прочитал магистрант университета Париж 7 Деди Дидро С. С. Леденев. Его тема была посвящена перекрещивающимся в Средней Европе экономическим интересам Франции и СССР, их двухсторонней торговле нефтью, а также сотрудничеству в сферах железнодорожного и воздушного транспорта.

Вечернее заседание, где модератором выступила директор Французского центра венгерских и финских исследований Юдит Маар, было сориентировано на проблему признания СССР Бухарестом, Прагой и Будапештом в 1934 г. Старший преподаватель кафедры истории

южных и западных славян БГУ В. В. Репин (Минск) в докладе «Установление советско-румынских дипломатических отношений в 1934 г. и Франция в контексте проектов коллективной безопасности в Европе в 1930-х гг.: цели, ожидания и результаты» раскрыл подоплеку установления советско-румынских отношений, придав особую важность временному компромиссу 1933 г. Москвы и Бухареста (так называемое «джентльменское соглашение Литвина — Титулеску») в их споре за Бессарабию. Случай Чехословакии, другой союзницы Франции, был охарактеризован в докладе «Признание СССР Чехословакией в 1934 г. в контексте осуществления идеи «Восточного пакта» преподавателем кафедры истории южных и западных славян БГУ А. И. Бучей (Минск). Затронутый аспект отразил многолетнее стремление Праги сблизиться с Москвой. Глава дипломатии ЧСР Э. Бенеш параллельно подталкивал Малую Антанту и Францию в том же направлении. А. О. Пеганов сделал доклад на тему «Венгрия и сближение между Францией и СССР в 1930-е гг.: интересы, этапы и международный контекст дипломатического признания между Будапештом и Москвой в 1934 г.». В нем было показано, что дипломатическая нормализация между Будапештом (первой среди региональных столиц признавшей Советский Союз в 1934 г.) и Москвой стала плодом итальянского и турецкого посредничества. Наряду с этим опасения хортистов, что Малая Антанта опередит их с признанием СССР, сыграли роль катализатора. В отличие от Румынии и Чехословакии на венгерское решение установить нормальные отношения с СССР Франция не оказала прямого влияния. Презентация руководителя Центра французской цивилизации и французских исследований Университета Варшавы, профессора Университета Лотарингии Поля Градволя «Региональные и двусторонние цели и задачи с точки зрения истории Венгрии и Польши» подвела итоги конференции. Докладчик представил эволюцию советской и французской роли в Средней Европе в общей логике распада Версальской системы, а также подъема этноцентристских идеологий.

Вторая франко-белорусская конференция «Средняя Европа между Францией и СССР: Признание Западом Советского Союза в 1924 г. и позиция стран Средней Европы (к 90-летию установления советско-французских дипломатических отношений)» (23 октября 2014 г., исторический факультет и факультет международных отношений БГУ). Проведенная в Минске вторая встреча белорусских и французских историков, приуроченная к 90-летию установления советско-французских отношений, одновременно была вписана в программу празднования 80-летия образования исторического факультета БГУ. Целью конференции была задача раскрыть обстоятельства «первой волны» дипломатического признания СССР странами Запада, в первую очередь Францией (28 октября 1924 г.), а также проанализировать «эхо» этого процесса в Средней Европе, особенно в ее южной части. Форум открывали информационными сообщениями заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета БГУ доцент А. П. Сальков, декан факультета международных отношений БГУ профессор В. Г. Шадурский, декан исторического факультета БГУ доцент С. Н. Ходин.

Утреннее заседание было озаглавлено «Парадоксальное соседство? Признание СССР в Западной Европе и непризнание в Средней». Вступительный доклад профессора университета Париж 7 Дени Дидро Софи Кёре «Механизмы советско-французского признания в 1924 г. и разработка «ментальной карты» Европы. Роль путешественников в Среднюю Европу и Россию» был посвящен французским путешественникам в Среднюю Европу и Россию в первые послевоенные годы и их роли в установлении советско-французских отношений в 1924 г. Далее выступил А. П. Сальков с докладом «Советско-албанская дипломатическая интрига декабря 1924 г. и дальнейшее столкновение советских и западноевропейских интересов в Албании в 1920-х — 1930-х гг.». Была представлена детальная оценка обстоятельств создания НКВД СССР дипломатического представительства в Тиране в декабре 1924 г. Это событие было особенно примечательно краткостью прямого советско-албанского диалога —

полпредство пробыло в Тиране только сутки, после чего, ввиду нажима европейских великих держав и угрозы югославского военного вторжения, было отозвано. Третий доклад «Французы на дипломатической службе Советской России» прочитала доцент кафедры дипломатической и консульской службы факультета международных отношений БГУ Л. В. Слуцкая. Его основная тема — судьба трех французов (П. Паскаль, Ж. Садуль, М. Боди), покинувших в 1917 г. военную миссию Третьей Французской республики в Петрограде и перешедших на сторону большевиков. Впоследствии они активно ангажировались в структурах советской пропаганды и дипломатии.

Далее профессор Университета Париж 1 Пантеон Фредерик Дессберг в докладе «Польша перед лицом советского признания: проблемы безопасности и поиск компенсаций» раскрыл составляющие реакции Польши на признание Советского Союза Францией. По его мнению, Варшава не имела иного выбора, как принять решение Елисейского дворца. Однако поляки потребовали компенсации у французов за свою лояльность: увеличить дипломатическую, военную и финансовую помощь, признать границы Рижского мира 1921 г. Кэ д'Орсэ не было готово принять все эти пункты и согласилось лишь придать своей и польской дипломатии в Варшаве и Париже статус посольств. Преподаватель кафедры истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД РФ Искандэр Магадеев в докладе «Советские стратегические оценки в отношении Франции в 1920—1924 гг.» сделал набросок советских стратегических оценок французского фактора в первой половине 1920-х гг. Он отметил, что в Кремле преобладало видение Франции как военной угрозы, в первую очередь в связи с противоположным восприятием роли Германии и Польши. Для Москвы Польша была наиболее вероятным будущим военным противником, а Германия — союзником. Для Парижа ситуация выглядела в зеркальном отражении. В материале доцента кафедры истории южных и западных славян В. Н. Кухаренко «Попытка установления советско-хорватского альянса на фоне стабильного югославско-французского сотрудничества: Визит С. Радича в СССР и членство Хорватской республиканской крестьянской партии в Крестьянском Интернационале (начало 1924 — начало 1925 г.)» был раскрыт сюжет интриги, разыгранной советской «подпольной» дипломатией в ожидании второй волны революции на Балканах.

Вечернее заседание было озаглавлено «Неравноправное соседство? Франция и ее система союзов в Средней Европе». Вступительный доклад «Методы французского влияния в Средней и Восточной Европе, 1920—1932» сделал Густав Кечкиш, старший научный сотрудник Исследовательского центра по изучению гуманитарных наук, Института истории Венгерской академии наук. Он очертил французский инструментарий оказания влияния на страны Центральной и Восточной Европы в 1920—1932 гг. Сравнивая региональную политическую, экономическую и культурную политику Франции, венгерский историк отметил, что наиболее длительным и глубоким эффектом обладала именно культурная дипломатия. Следом с докладом «Чехословацко-венгерское «примирение» в 1923—1924 гг. и позиция Франции» выступил А. О. Пеганов, который раскрыл тему позиции Франции в отношении чехословацко-венгерских комплексных переговоров в 1923—1924 гг. Указывая на заинтересованность Парижа в привлечении Праги на свою сторону против Германии на фоне начавшейся в 1923 г. оккупации Рура, он показал, что Третья республика последовательно поддерживала ЧСР против Венгрии (в вопросе границ, военных ограничений, репараций, обращения с национальными меньшинствами). Доклад докторанта университета Париж 7 Дени Дидро С. С. Леденёва (Париж 7) затрагивал «нефтяной аспект проблемы территориального статуса Восточной Галиции в 1918—1924 гг. во внешней политике Франции». Докладчик отметил, что нефтяной фактор, наряду с политическим (ориентация Польши на Париж), был одним из решающих в определении государственной принадлежности Восточной Галиции. Несмотря на то, что украинцы преобладали среди местного населения, по условиям Рижского договора 1921 г. в соответствии с решением послов Антанты в 1923 г. край был присоединен к Польше.

На завершающей части конференции с докладом «Этнополитические эксперименты советской дипломатии в бессарабском вопросе в 1924 г.» выступил В. В. Репин, уделив большое внимание советским этнополитическим экспериментам в бессарабском вопросе в первой половине 1920-х гг. Приведя в качестве примера провал советско-румынских переговоров в Вене в марте — апреле 1924 г., докладчик подчеркнул значение создания Молдавской автономии на левом берегу Днестра — потенциального Пьемонта красной Бессарабии. С завершающим докладом «Признание СССР: катализатор системы французских союзов» выступила профессор Университета Париж 3 Новая Сорбонна Изабель Давион. Она подчеркнула, что несмотря на традиционную союзническую позицию Варшавы и Праги во всех инициативах Парижа к востоку от Германии, двухсторонние отношения Польши и Чехословакии были отягощены рядом политических проблем. Среди них особо выделялся спор о чешском Тешене и словацкой Яворине. И. Давион выставила тезис, что французское признание СССР в 1924 г. оказалось ускорителем польско-чехословацкой разрядки, которая все же была лишена надежной опоры и сменилась в 1930-е гг. новым кризисом.

Работа двух сессий сопровождалась живой дискуссией и большим количеством вопросов к докладчикам. Благодаря переводческой помощи преподавателей кафедры романских языков ФМО БГУ конференция прошла в двуязычном формате — белорусские участники зачитали свои доклады на русском, а зарубежные гости на французском языке.

Визит французской делегации был наполнен и культурными событиями. По просьбе французских коллег 25 октября было организовано посещение Национальной библиотеки Республики Беларусь, где состоялась встреча с заместителем директора по научной работе и издательской деятельности А. А. Сушей. Он провел для коллег из Сорбонны экскурсию по библиотеке, включая Музей книги, а также показал коллекцию французских изданий Тургеневской библиотеки Парижа, часть которой после Второй мировой войны в качестве трофеев была включена в состав фондов Ленинской библиотеки в Минске. Участники встречи наметили дальнейшие шаги по сотрудничеству в сфере библиографического обмена и выставочных активностей, так как обе стороны весьма заинтересовались судьбой других частей коллекций Тургеневской библиотеки, а также некоторых именных архивных фондов деятелей французской истории и культуры. Гостям был подарено электронное издание «Французские автографы в фонде Национальной библиотеки Беларуси», составленный на основании уникальной коллекции изданий, с автографами французских писателей, философов, политиков, деятелей искусства из фондов Национальной библиотеки.

Подводя итог обоим конференциям, следует отметить и некоторые упущения. Во-первых, задача реализации комплексного и цельного анализа процесса советского признания государствами Средней Европы оказалась слишком амбициозной и, как результат, трудно выполнимой. Некоторые существенные вопросы (как, например, случаи Австрии, Югославии, Болгарии) не были представлены. Представленные темы не всегда имели проблемную и логическую связь. В итоге сумма докладов двух конференций скорее оказалась набором «кейс-стадис», нежели результатом коллективной работы. Большинство аргументов участников опиралось на источники из Франции или России, что, естественно, не могло не сказаться на уровне понимания внутренней логики дипломатических акций стран Средней Европы. Тем не менее, несмотря на эти замечания, две конференции отметили положительную динамику развития франко-белорусских научных контактов, а исследовательский фокус «Средняя Европа между Францией и Россией» обрел право на полноценное существование.

А. О. Пеганов, аспирант кафедры истории южных и западных славян БГУ, **В. В. Репин**, старший преподаватель кафедры истории южных и западных славян БГУ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ ГОСТЬ

ИНТЕРВЬЮ ПРОФЕССОРА В. И. МЕНЬКОВСКОГО С ВЕДУЩИМ СПЕЦИАЛИСТОМ В ОБЛАСТИ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕМОГРАФИИ И ИСТОРИИ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ ИГОРЕМ ЛЮБОМИРОВИЧЕМ ЖЕРЕБЦОВЫМ

Жеребцов Игорь Любомирович, директор Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Коми научного центра Уральского отделения РАН, доктор исторических наук.

Родился 24.11.1960 в г. Сыктывкаре (Коми республика, Российская Федерация). Окончил исторический факультет Сыктывкарского госуниверситета. С 1983 г. работает в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН: занимал должности от старшего лаборанта до ученого секретаря института, заместителя директора по научным вопросам. С 2011 г. — директор института.

Один из ведущих российских ученых, специализирующихся в области исторической демографии, истории финно-угорских народов и истории европейского севера России. Опубликовал в России, Беларуси, Финляндии, Великобритании, Венгрии, Эстонии, Индии, Казахстане, Туркмении более 400 научных и научно-популярных работ и учебных пособий (в том числе более 30 книг), выступал с докладами на многих международных и всероссийских конференциях. Организатор ряда международных и всероссийских конференций по исторической демографии, истории политических репрессий. Главный редактор научного журнала «Историческая демография», член редколлегии ряда научных журналов.

Председатель Ученого совета Национального музея РК, член Президиума Коми НЦ УрО РАН, Объединенного ученого совета Уральского отделения РАН по гуманитарным наукам, правления международного общества историков «Фенно-угрика», Российского комитета финно-угорских историков, коллегии Министерства культуры Республики Коми, правления Коми республиканского благотворительного общественного фонда жертв политических репрессий «Покаяние», организатор и руководитель ряда научных обществ.

Заслуженный работник Республики Коми. Трижды лауреат Государственной премии Республики Коми и Премии Правительства Республики Коми в области науки и образования. Удостаивался Государственной научной стипендии для выдающихся ученых России. Награжден медалями «За укрепление авторитета российской науки», «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения 2002 г.», «За заслуги в проведении Всероссийской переписи населения 2010 г.» и др., Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, Почетными грамотами Республики Коми, Государственного Совета Республики Коми, Президиума Уральского отделения РАН.

— *Игорь Любомирович, Ваша научная специализация касается области исторической демографии и исторической географии. Чем вызван Ваш научный интерес?*

А разве это может быть неинтересно? Наверняка в детстве и юности все увлеченно читали книжки про путешествия, про разные дикие земли и их удивительных обитателей. А отсюда один шаг до исторической демографии и исторической географии. Ведь до жути хочется узнать, когда и откуда на наши земли (на территорию республики, своего района, в

родное село) пришли люди, что вынудило их отправиться в это многотрудное путешествие. Как они добирались сюда через леса, реки и горы, что они увидели здесь, почему остались или, наоборот, ушли прочь, чтобы потом, спустя годы, десятилетия или даже века на смену им пришли новые путешественники, огляделись вокруг и поняли — их место здесь...

Историческая демография и историческая география — самые романтичные из «кабинетных» наук — ты, сидя за столом, обложившись старинными и современными картами, выписками из старинных манускриптов и мемуаров давно ушедших из жизни людей, мысленно по их следам путешествуешь по миру, пытаешься увидеть его таким, каким он был задолго до рождения твоих прадедов, и, если это удастся, поведать об этом удивительном зрелище другим людям... Об этом можно писать не только монографии, но и поэмы!

Когда я начинал работать, исторической демографией у нас никто специально не занимался. Так что поле деятельности открылось обширнейшее. Долгое время эти проблемы я исследовал практически в одиночку, но в 90-х гг. появились и другие специалисты. Так что постепенно историческая демография в республике сложилась в самостоятельное и весьма серьезное направление научных исследований. Анализировать историко-демографические процессы в регионе невозможно, не имея достаточно полного представления об историко-географических реалиях прошлых веков, в первую очередь — об истории административно-территориального деления. Поэтому и эти сюжеты потребовалось изучать. Сегодня Сыктывкар — один из признанных центров историко-демографических исследований. Наши издания, проводящиеся у нас научные форумы неизменно вызывают живой интерес исследователей из разных стран. Лышу себя надеждой, что мне удалось внести в это свою скромную лепту.

— *В Сыктывкаре Вас называют «историком вдвойне: историком и сыном историка». Ваш отец Любомир Николаевич был одним из основоположников коми этнографии, занимался историей Коми. Как становятся потомственным историком?*

Не знаю, как другие, а у меня было так. В далеком детстве отец дал почитать книжку, которая оказалась исторической повестью. Вскоре я уже с увлечением, а зачастую в ущерб урокам читал про нашу и «не нашу» историю — благо, библиотеку родители собрали отменную. Так был, видимо, сделан первый шаг к исторической науке.

Кроме того, в семье историков всегда присутствует своеобразная атмосфера, дух истории, который проявляется и в разговорах, и в подборе книг в домашней библиотеке, в выборе телепередач и даже компьютерных игр, и который незаметно впитывается детьми. Помню, когда к отцу приходили в гости коллеги, между ними часто вспыхивали острейшие споры вокруг тех или иных проблем истории и культуры коми. Слушать их, даже не всё понимая, было чрезвычайно интересно. (Хочется верить, что хотя бы отчасти столь любопытно приобщаться к «воздуху истории» было моим дочерям, у которых и папа и мама — историки. Обе они закончили тот же исторический факультет, что и мы с супругой. Старшая защитила диссертацию по истории Европейского севера России и теперь преподает в Сыктывкарском университете. Младшая решила, что ученых в доме уже с избытком и ищет свой творческий путь, связанный с литературой. Впрочем, и ей есть с кого брать «семейный» пример, поскольку мои мама и сестра — филологи, люди очень творческие, и из-под их пера вышло немало, на мой взгляд, весьма интересных поэтических строк...).

Будучи студентом, я, как и положено, «примерялся» при написании курсовых работ и к российской, и к зарубежной истории, но в конечном итоге выбрал проблему, лежавшую в сфере интересов моего отца — расселение коми, история освоения европейского Севера. Разумеется, наработки отца оказали мне огромную помощь: я был знаком с примерным кругом исторических источников, на основании которых можно было вести исследования, с методикой работы, всегда под рукой была собиравшаяся десятилетиями необходимая научная литература, да, наконец, просто в любой момент можно было обратиться к отцу за советом. Без всего этого мне не удалось бы освоиться в науке так быстро.

— *Вы издали более 400 работ, не считая многочисленных публикаций в различных энциклопедиях и справочниках, газетных статей и проч. Что Вы считаете главным в своих исследованиях по исторической демографии?*

Думаю, основное — то, что в них поставлена и проанализирована чрезвычайно важная проблема воздействия естественно-географических условий и, в частности, климата и его изменений на демографические процессы, степени этого влияния на различных этапах истории. Изучив на основе разнообразного комплекса исторических источников историко-демографическое развитие обширного и многонационального северо-восточного региона европейской России за длительный (почти тысячелетний) период, удалось доказать несомненную связь между происходившими в демографических процессах переменами и изменениями климата, сформулировать концептуальные основы подхода к анализу климатических изменений как важного фактора истории народонаселения, предложить в рамках теории демографических циклов рассматривать именно изменения климата как фактор, определяющий эти циклы. Проведенное сравнительное исследование историко-демографического развития всех финно-угорских народов показало весьма существенную (а на отдельных этапах — ключевую) роль климатического фактора в демографической истории венгров, эстонцев, коми и других финно-угров; в частности, формирование коми народа стало следствием потепления климата (климатического оптимума) и переселения части финно-пермских народов на Север. Массовые миграции выходцев из европейской России в Приуралье и далее за Урал, имевшие огромное значение в освоении и закреплении в составе Российского государства Сибири и Дальнего Востока, также стали следствием климатических сдвигов (климатического минимума), неблагоприятные последствия которых вынудили значительную часть населения Московского государства оставлять старожильческие районы и уходить на колонизировавшиеся территории. Немаловажным было показать, что процесс освоения Сибири и Дальнего Востока носил интернациональный по составу первопроходцев характер — наряду с русскими активнейшую роль в колонизации зауральских земель изначально играли финские народы, и в частности, коми-зыряне и коми-пермяки.

— *В серии Ваших монографий и статей предложена новая концепция политической истории Европейского Северо-Востока периода революций и Гражданской войны, выявлены основные этапы становления и развития гуманитарной науки в Коми. Почему Вы занялись этими далекими от исторической демографии проблемами?*

Занимаясь изучением демографических процессов в регионе, я должен был, естественно, составить представление о том, что уже было сделано другими исследователями. Наткнувшись на несколько любопытных публикаций в краеведческих изданиях 1920-х гг., я постарался побольше узнать об их авторах, о самих этих изданиях. Так я стал заниматься заодно и историей краеведения, историей гуманитарной науки в регионе. А когда выяснилось, что многие краеведы активнейшим образом участвовали в политической борьбе 1917—1921 гг., то стал изучать их роль в событиях тех лет, а затем и сами события, и судьбы их участников (в большинстве своем весьма печальные). Тем более, что в конце 1980-х гг. появилась возможность найти в архивах и опубликовать гораздо больше разнообразнейших материалов, нежели было доступно моим предшественникам.

— *Вы 30 лет работаете в Институте языка, литературы и истории Коми научного центра, начинали старшим лаборантом, а в 2011 г. стали директором. ИЯЛИ является одним из крупнейших центров финно-угроведения, самым большим гуманитарным институтом Уральского отделения Российской академии наук, ведущим научным учреждением Европейского Северо-Востока России в области исторических и филологических наук и проводит фундаментальные исследования по исторической демографии, российской истории, археологии, этнографии, фольклористике, языкознанию и литературоведению. Что изменилось в работе института сегодня? Предполагается ли появление новых направлений?*

Наш Институт комплексный, объединяющий специалистов различных специальностей. И таковым он и должен оставаться. Все традиционно сложившиеся исследовательские направления должны сохраниться и динамично развиваться.

Основные направления работы Института предусматривают достаточно широкий исследовательский спектр как в тематическом, так и в хронологическом и территориальном плане: к сфере приложения наших научных интересов отнесены история и этнография народов Европейского Севера, археология Севера Евразии, язык, литература и фольклор коми, коми-пермяцкого и удмуртского народов и, наконец, взаимодействие культур на территории Евразии. Это, с одной стороны, позволяет удовлетворить самые пытливые исследовательские запросы и не замыкаться в узких региональных рамках, а с другой — накладывает на научный коллектив Института немалую ответственность за адекватное освещение столь разнообразных научных проблем. Отрадно заметить, что в научных трудах ведущих сотрудников нашего Института давно преодолен былой «узкий регионализм», который ранее время от времени ставился нам в упрек (порой не вполне справедливо). И эти исследования имеют, без преувеличения, общероссийское и международное научное значение.

Важно, что комплексность Института дает возможность проведения междисциплинарных исследований, являющихся в настоящее время весьма востребованными и к проведению которых мы все больше стремимся. Это позволяет получать весьма значимые в научном отношении результаты. Наши ученые успешно сотрудничают с геологами, биологами, физиологами. Благодаря успехам, достигнутым в области генетики человека, например, появился новый уникальный источник информации для исторической науки — этническая геномика. Изучение так называемых геномных маркеров ныне живущих людей дает возможность получить сведения об исторических событиях вплоть до глубокой древности.

Весьма перспективна и работа по интеграционным проектам, которые выполнялись бы учеными нашего Института в сотрудничестве с другими научными учреждениями России и иных стран.

Одно из относительно новых направлений, которое мы начали реализовывать в последние годы — изучение истории повседневности. Дело в том, что, исследуя течение истории в глобальном масштабе (будь то на уровне страны или региона), мы уделяли мало внимания частной жизни человека, конкретным деталям организации его труда и отдыха. Институт стал выпускать серию сборников статей «Повседневная жизнь Коми края», вызвавших большой интерес не только в нашей республике, но и за ее пределами. Теперь на этой базе мы планируем организовать издание межрегиональной серии «Повседневная жизнь российской провинции», а затем, возможно, и международного научного журнала.

Задумка, которую мы уже начинаем реализовывать — целенаправленное обращение к поиску и изданию новых источников об истории и культуре коми и других народов Европейского Северо-Востока: новых архивных документов (в первую очередь, писцовых и переписных книг и ревизских сказок XVII—XIX вв.), памятников фольклора, бесценного литературного и научного наследия выдающихся ученых и писателей Коми, материалов этнографических, археологических и других экспедиций...

— В Ваших руках, в руках ученых Вашего института спрессована информация о жизни, культуре и быте населения Севера на протяжении многих столетий. Быть может, и некоторые ответы на вопросы, поставленные жизнью, следует искать в толще веков? Понятно, что Вы ведете фундаментальные исследования, но можно ли говорить и о практической значимости их результатов для нужд сегодняшнего дня? Как развивается сотрудничество института с правительством Коми?

Безусловно, наши исторические и филологические исследования имеют не только большую научную, но и бесспорную общественную значимость. Практическая направленность гуманитарных исследований заметно усилилась. Институт пользуется поддержкой респуб-

ликанских властей, и это вполне объяснимо. Наши ученые выступают в роли экспертов, участвуют в подготовке законодательных актов, активно ведут образовательную, просветительскую и популяризаторскую работу.

Один из примеров — мероприятия, связанные с 630-летним юбилеем Усть-Вымской (Пермской) епархии и влиянием этого события на историю региона. Благодаря поддержке Правительства республики это стало явлением, значимым как для науки (состоялась крупная международная конференция), так и для общества. То же самое можно сказать, например, и о печальных страницах нашей истории, связанных с ГУЛАгом: в республике действует правительственная программа, направленная на увековечение памяти жертв массовых политических репрессий «Покаяние», издается одноименный многотомный мартиролог, проводятся научные форумы, в организации которых важнейшую роль играет наш Институт.

В наше время вопросы, связанные с демографическими и этническими процессами, часто вызывают обостренный интерес. Не секрет, что порой именно различные аспекты истории этнодемографического развития кладутся в основу поисков решения тех или иных существующих проблем. И в этом плане чрезвычайно важны строгие и взвешенные научные оценки специалистов, много сил отдавших их изучению. Исследовательский опыт, знания гуманитариев нашего Института чрезвычайно актуальны и значимы, востребованы не только научным миром, но и государственной властью, обществом в целом. В многонациональной Республике Коми, с ее многовековым опытом совместного (и, особо это подчеркну, бесконфликтного) проживания разных народов, особенно хорошо понятна важность этой работы. Мы активнейшим образом сотрудничаем и с общественными организациями, в первую очередь — с представителями национально-культурных автономий, объединяющих живущих в Республике Коми белорусов, немцев и представителей других народов.

В последние десятилетия в демографическом развитии Севера России наметились тревожные тенденции. Необходима разработка новых концептуальных подходов к демографическому развитию Севера, которые учитывали бы, помимо всего прочего, и многовековой опыт проживания человека в этом регионе. Анализ динамики роста народонаселения на протяжении длительного времени, процесса формирования исторически сложившейся структуры поселений, связей историко-демографического развития Коми республики с природно-климатическими и социально-экономическими факторами имеет сегодня важное значение не только для исторической науки, но и для поиска путей решения дальнейшей судьбы всего огромного Севера России.

Академическая наука сыграла крупнейшую роль в формировании современного регионального этнокультурного комплекса, в развитии системы образования, профессиональной культуры. Достаточно назвать серию самоучителей коми языка, разнообразных школьных словарей, справочников, учебников, хрестоматий и иных учебных пособий по коми языку и литературе, по этнографии, истории, археологии и фольклору Европейского Северо-Востока. Весьма значимо и создание комплекса научно-популярных книг, позволяющих пропагандировать гуманитарное научное знание, внедрять его в массовое общественное сознание. Все это позволяет раскрывать потенциал самобытной культуры коми и других народов региона, способствовать удовлетворению культурных потребностей жителей и, в конечном итоге, адекватной реализации социокультурного потенциала населения.

— *Раз уж зашла речь о научно-популярных работах... Вы опубликовали несколько научно-популярных книг, около трехсот статей, интервью и других материалов в СМИ, неизменно вызывавших огромный интерес едва ли не каждого, кто интересуется прошлым Коми республики — благодаря как разнообразию содержащегося в них материала, так и умению увлекательно и доступно рассказывать о самых разных страницах истории коми народа. А как Вы относитесь к идее о том, что истории тоже требуются «пиарщики», а исторические события надо использовать в PR-целях?*

Так ведь популяризация знаний о чем-либо, будь то история или математика, в сущности, и есть «пиар». Пиар — это ведь не только пропаганда, но и рассказ о событиях, Я думаю, это вполне нормально и нужно. Чем больше люди будут знать о нашем прошлом, о деятельности ученых, научных учреждений, тем лучше. Другое дело — выбор фактов, событий, явлений и то, как они преподносятся. Любой пиар должен быть разумным, иначе он вызовет реакцию отторжения, вот и все. Чувство такта должно быть. Умение совместить значимость событий с сегодняшним интересом людей, умение коротко и доступно рассказать о сложном.

— *А если бы Вас попросили сверхкратко рассказать о Республике Коми, «пропиарить» ее в двух-трех предложениях?*

Сказал бы, что расположенная на крайнем Северо-Востоке Европы, в уголке между Северным Ледовитым океаном и Уральскими горами, Республика Коми весьма обширна — на ее территории могли бы разместиться, скажем, 10 Швейцарских Конфедераций или две Республики Беларусь (но они, естественно, этого не хотят...). Она щедро наделена природными богатствами (нефть, газ, уголь, лес, бокситы, титан, марганец и проч., не говоря уже о грибах-ягодах, рыбе, оленине...) и, увы, мало населена — здесь осталось меньше 900 тыс. жителей, 250 тыс. из которых живут в столице, г. Сыктывкаре. Особо подчеркнул бы, что имя нашей многонациональной республики, в которой живут русские, белорусы, украинцы, немцы, татары и многие другие, дал народ коми, составляющий почти четверть населения и принадлежащий к финно-угорской семье, имеющий тысячелетнюю историю и обладающий богатейшей оригинальной духовной и материальной культурой. И что наряду с Сыктывкарским лесопромышленным комплексом (одним из крупнейших в Европе), шахтами, трубопроводами и другими промышленными предприятиями и объектами наша республика гордится своими театрами, вузами, научными учреждениями и, прежде всего, Коми научным центром Уральского отделения Российской академии наук, в составе которого шесть институтов и несколько самостоятельных научных отделов и лабораторий. Сотрудники Центра почитают за честь заниматься изучением неисчерпаемых природных и историко-культурных богатств края и живущих здесь людей.

— *Общезвестно, что руководящая научно-организационная работа занимает чрезвычайно много времени. Удивительно, что удается заниматься научной работой, выпускать новые книги. А остается ли у Вас сейчас время для поездок на конференции, на встречи с зарубежными коллегами, да и есть ли такая необходимость?*

Времени, конечно, не так много, как хотелось бы... Время и деньги — постоянный дефицит всех ученых. Но иногда удается выехать с докладами на международные и всероссийские научные форумы, пообщаться с коллегами из других стран, из далеких от Республики Коми российских регионов. Это, на мой взгляд, необходимо. Говорят, от межнациональных браков чаще рождаются красивые и умные дети. Для приготовления многих хороших вин используются разные сорта винограда. Точно так же разнообразные научные контакты позволяют обмениваться идеями, данными, и плоды совместных усилий разных ученых, научных коллективов, как правило, бывают гораздо крупнее и «слаше», чем результаты тех, кто «варится в собственном соку». Наши научные контакты долгое время ограничивались, в основном, Европейским Севером и Уралом. Пришла пора пристальнее посмотреть и в другие стороны, последовательно укреплять контакты с исследователями Беларуси, Украины, центральноевропейских стран, государств Центральной и Южной Азии... У нас есть общие научные интересы, а значит — есть база для долговременного плодотворного сотрудничества.

В. И. Меньковский, профессор кафедры истории России БГУ, доктор исторических наук

И. Л. Жеребцов

ОСТРОВ «АРХИПЕЛАГА ГУЛАГ» НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ РОССИИ

Анализируется исследование истории политических репрессий в Республике Коми, принятие республиканской программы «Покаяние» и создание благотворительного общественного фонда жертв массовых политических репрессий «Покаяние». Автор приходит к выводу, что изучение трагической составляющей советской истории необходимо. В 1920-е гг. Северо-Восток России был определен как регион для проживания административно высланных. В соответствии с решением ЦК ВКП(б) часть кулачества «подлежала высылке в отдаленные местности Союза ССР». Одним из таких «отдаленных» регионов стала Республика Коми. В 1931 г. был образован Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь («Ухтпечлаг»), задачей которого являлись геологоразведка, строительство дорог, шахт, заводов. Даже ликвидация ГУЛАГовской системы отнюдь не означала, что европейский Северо-Восток России перестал быть местом размещения политических противников советской власти.

Analyzed study of the history of political repression in the Komi Republic, the adoption of the republican program «Repentance» and the creation of Charity Foundation of victims of mass political repressions «Repentance». The author concludes that the study of the tragic part of Soviet history is necessary. In the 1920's North-East Russia was defined as the region to stay administrative deported. In accordance with the decision of the Central Committee of the VCP (b) part of the kulaks «to be expelled in remote areas of the USSR.» One of these «remote» regions became the Komi Republic. In 1931 was formed Ukhto-Pechora forced labor camp («Uhtpechlag»), whose purpose is the exploration, construction of roads, mines, factories. Even eliminating the Gulag system did not mean that the European North-East of Russia ceased to be a place of accommodation of political opponents of Soviet power.

Ключевые слова: ГУЛАГ, Россия, Республика Коми, политические репрессии, Ухтпечлаг, кулачество, интеллигенция, профессионализм историка.

Keywords: Gulag, Russia, Komi Republic, political repression, Uhtpechlag, kulaks, intellectuals, professionalism of historian.

Исследователи Республики Коми в течение длительного времени исследуют историю политических репрессий в России, на ее европейском Севере. Разумеется, в различные периоды времени изучение этой проблематики осуществлялось по-разному, ибо вполне понятно, что при советской системе такие темы, как, например, «красный террор» эпохи революции и Гражданской войны, политссылка советской эпохи, история лагерей и многие другие находились под запретом. Историки имели возможность анализировать «белый террор», политическую ссылку эпохи самодержавия, «борьбу с кулаками и подкулачниками» времен коллективизации, но все исследования проводились в жестко очерченных идеологических рамках, стеснявших свободу научного творчества исследователей и затруднявших возможности проведения ими объективного анализа исторических событий. Многие их выводы в значительной мере не соответствуют современным научным представлениям. Тем не менее ученым удалось собрать чрезвычайно ценный фактический материал, часть которого им удалось ввести в научный оборот. Сведения, опубликованные в монографиях и сборниках документов, по сей день сохраняют свою научную ценность и востребованы.

Только во второй половине 1980-х гг. стало возможным более свободно изучать истории политических репрессий — первоначально на уровне исследований биографий отдельных личностей, подвергавшихся репрессиям. В начале 1990-х гг. уже можно было изучить все

Жеребцов Игорь Любомирович — директор Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) Коми научного центра Уральского отделения РАН, доктор исторических наук.

аспекты истории политических репрессий, поскольку ученым впервые представилась возможность работать с ранее секретными архивными фондами. Огромное значение имели принятие в Республике Коми программы «Покаяние» и создание благотворительного общественного фонда жертв массовых политических репрессий «Покаяние», а также деятельность общества «Мемориал». В многотомном мартирологе «Покаяние», материалах ряда научных конференций, в публикациях Н. А. Морозова, М. Б. Рогачева, Г. Ф. Доброноженко, В. М. Полещикова, М. В. Таскаева, Л. А. Максимовой, Н. М. Игнатовой и многих других авторов проанализированы закрытые ранее темы, пересмотрены многие прежние выводы и обобщения, введен в научный оборот огромный фактический материал [1—12]. В данной статье показаны основные вехи истории политических репрессий на европейском Северо-Востоке, в середине XX в. являвшемся одним из островов «Архипелага ГУЛАГ».

Ссылка противников существовавшего политического режима на крайний северо-восток европейской части России отнюдь не была изобретением советской эпохи. Первые ссылки появились здесь еще в XVII в. Печальная участь открыть продолжавшуюся почти четыре столетия эпопею досталась боярину В. Н. Романову (дяде будущего царя Михаила), попавшему в опалу и отправленному в расположенный на р. Вычегде небольшой уездный городок Яренск. Во второй половине XVII в. в низовьях Печоры, в Пустозерске, появилась тюрьма, куда были заключены идеолог старообрядцев протопоп Аввакум и его сподвижники (они нашли здесь мученическую смерть), участники восстания на Соловках и др. Побывали в ссылке в обширном Печорско-Вычегодском крае видные российские государственные деятели боярин А. С. Матвеев и князь В. В. Голицын, декабрист Г. А. Перетц, ученый, журналист, просветитель Н. И. Надеждин, участники крестьянской войны 1707—1709 гг. (в их числе сын руководителя восставших Кондратия Булавина — Никифор) и восстания 1863 г. на польских и белорусских землях Российской империи, народники, организаторы первых рабочих кружков и стачек, а в начале XX в. — социалисты-революционеры, социал-демократы (в том числе И. В. Сталин, отбывавший ссылку в городке Сольвычегодске в низовьях Вычегды, и, по некоторым данным, будущий глава Советского правительства А. И. Рыков, а также сценарист фильма «Броненосец «Потемкин» Н. Ф. Агаджанова-Шутко), кадеты, анархисты, бундовцы... [13—17]. Однако политическая борьба властей со своими противниками в те времена почти не затрагивала местное население и не слишком влияла на общественно-политическую ситуацию в регионе.

Положение изменилось в годы революции и Гражданской войны, когда события тех лет вызвали в обществе раскол, обострили до предела существовавшие социальные конфликты. Жителям региона довелось вкушать ужасы «красного» и «белого» террора. Советская власть осуществляла политические репрессии, главным образом через чрезвычайные комиссии (чека) и военно-революционные трибуналы; их противники использовали чрезвычайные следственные комиссии, военно-полевые суды и органы контрразведки. Для содержания массы арестованных и те, и другие создавали в регионе концентрационные лагеря и тюрьмы. Сторонникам советской власти были уготованы тюрьмы на острове Мудьюг и полуострове Иоканьга и Мурманский концлагерь. А большевики в 1919 г. организовали концлагерь («реформаториум») в Великом Устюге, в который попали многие жители региона, в том числе известный ученый П. А. Сорокин, ждавший там расстрела. Больше повезло супруге последнего премьера Временного правительства А. Ф. Керенского — О. Л. Керенской, которая в 1918 г. скрывалась в Усть-Сысольске (совр. Сыктывкар) с матерью и сыновьями. Ее арестовали, этапировали в Устюг, но заключения ей удалось избежать. А вот жителя г. Усть-Сысольска Л. А. Ленина чекисты расстреляли, хотя, по некоторым данным, вождь большевиков В. И. Ульянов обязан своим псевдонимом его дяде — Николаю Егоровичу Ленину, после смерти которого в 1902 г. Владимир Ильич воспользовался его паспортом для конспирации и стал подписываться «Николай Ленин» [14; 17—19].

Обе враждующие стороны практиковали массовые расстрелы, порой без суда и следствия. Репрессии часто сопровождалось избиениями. Местный самобытный писатель-крестьянин В. П. Кунгин так писал об увиденном: «Население было терроризовано... Друг друга душили и убивали, не разбирались в людях. Примерно: белые убивали людей, одетых в красную рубашку! Все красное приходилось уничтожать. Если власть переходила к красным, они действовали так же...» [20, с. 78, 79]. Командующий Северным фронтом белых генерал-майор В. В. Марушевский писал в своих мемуарах о ситуации на европейском Северо-Востоке: «В этих глухих местах ... революция потеряла уже давно свои политические признаки и обратилась в борьбу по сведению счетов... Одна часть населения зверски истребляла другую». Он упоминает проруби на глубокой Печоре, «заваленные трупами до такой степени, что руки и ноги торчали из воды. Разобрать на месте, кто из воюющих был красный или белый — было почти невозможно» [21, с. 332, 333].

С завершением Гражданской войны политические страсти в регионе приутихли, однако исторический (в том числе и самый недавний) опыт использования бескрайних лесных просторов с их бездорожьем будоражил умы новой власти, причем не только центральной. «Мы всех негодных, паразитов, саботажников как врагов рабоче-крестьянской власти целыми десятками направляли в наш губернский центр... или в Чека, или прямо на тыловые работы и в концентрационные лагеря», — рапортовал Усть-Сысольский уездный комитет большевиков Центральному комитету РКП(б) 6 апреля 1920 г. [19, с. 302]. А год спустя, в апреле 1921 г. зам. председателя Коми облревкома Д. А. Батиев предложил организовать на р. Ухте огромный концентрационный лагерь и направлять туда заключенных со всей России, дабы использовать их труд на нефтепромыслах и лесозаготовках. 20 апреля 1921 г. Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В. И. Ленина решило организовать такой лагерь на 10–20 тыс. чел. В конце апреля Политбюро заслушало доклад Председателя ВЧК Ф. Э. Держинского о плане «расселения кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на Ухте». Д. А. Батиев являлся членом комиссии по организации ухтинского концлагеря, образованной при ВЧК (создание лагеря, впрочем, началось лишь через восемь лет, когда сам Батиев стал одним из первых кандидатов в заключенные) [15, с. 105, 106].

Решением административной комиссии НКВД в 1923 г. Коми область была определена как регион для проживания административно-высланных. Сюда стали прибывать ссыльные эсеры, анархисты, кадеты и др. В 1927 г. началась ссылка троцкистов. В Коми области оказались экс-нарком внутренних дел РСФСР А. Г. Белобородов (в годы Гражданской войны — председатель Уралсовета, принявший решение о расстреле царской семьи), бывший главный редактор советской газеты «Труд» Г. Б. Валентинов. Первоначально планировалось, что в Усть-Сысольск будет выслан и ближайший сподвижник Троцкого Х. Г. Раковский, но его отправили в Астрахань. Троцкисты из Коми-области регулярно переписывались с Троцким и Раковским [9, с. 83–85; 21, с. 551–557]. Внимательно следили и за деятельностью представителей местной интеллигенции. На V Коми областной конференции коммунистов в 1924 г. отмечалось, что «большая часть коми интеллигенции... относится к советской власти враждебно» [19, с. 309]. Неоднократно арестовывались, например, видный политический деятель прошлых лет В. Ф. Попов и либеральный публицист И. А. Шергин, публикации которого пользовались большой известностью в предреволюционный период [20, с. 91, 92].

В 1929 г. был принят «ускоренный вариант» первого пятилетнего плана, для реализации которого требовалась, в частности, концентрация трудовых ресурсов на строительстве крупных промышленных и транспортных объектов, достигавшаяся благодаря использованию подневольного труда. В том же году Совнарком СССР принял постановление «Об использовании труда уголовно-заключенных». В отдаленных малонаселенных районах предписывалось создать крупные исправительно-трудовые лагеря для «эксплуатации природных богатств путем применения труда лишенных свободы». Тогда же ОГПУ организовало в Усть-Сысольске

Управление северных лагерей особого назначения (УСЕВЛОН). 1 октября 1929 г. в лагере находилось 9250 заключенных, а на исходе года — 20276, занятых, в частности, на строительстве железной дороги Пинюг — Усть-Сысольск (Сыктывкар) и автодороги Усть-Вымь — Ухта. В том же 1929 г. экспедиция ОГПУ прибыла на р. Ухту для поисков нефти и других полезных ископаемых. В 1931 г. экспедиция была реорганизована в Ухто-Печорский исправительно-трудовой лагерь («Ухтпечлаг»), задачей которого являлись геологоразведка, строительство дорог, шахт, заводов и т.д. На 1932 г. в лагере содержалось 13186 тыс. заключенных, на 1938 г. — 54,8 тыс. [20, с.112—117].

В 1938 г. Ухтпечлаг был разделен на четыре самостоятельных лагеря: 1) Воркуто-Печорский с центром в Воркуте, специализировавшийся на шахтостроении и добыче угля; 2) Ухто-Ижемский с центром в Чибью (добыча нефти и радия); 3) Северный железнодорожный с центром в Княжпогосте (строительство железной дороги Котлас-Воркута); 4) Усть-Вымский с центром в Усть-Выми (лесозаготовки). К началу 1940 г. на европейском Северо-Востоке действовало шесть лагерей: Воркутлаг, Устьвымлаг, Ухтижемлаг, Локчимлаг, Севжелдорлаг, Севпечлаг, в которых находилось около 100 тыс. заключенных. В середине 1941 г. число заключенных достигло 260 тыс. чел. В годы Великой Отечественной войны в связи с призывами в армию количество заключенных значительно снизилось (в 1945 г. — около 130 тыс. чел.). Кроме названных, в регионе в разное время действовали Интинский, Верхне-Ижемский, Заполярный, Щугорский, Печорский, Пезмогский, Косланский и Водораздельный лагеря, Речной и Минеральный особые лагеря. Через лагеря европейского Северо-Востока прошли будущий руководитель Израиля М. Бегин, будущий маршал К. К. Рокоссовский, философ и историк Л. П. Карсавин, актер В. Я. Дворжецкий, писатели Р. А. Штильмарк, Л. Э. Разгон, Остап Вишня (П. М. Губенко), геологи А. Я. Кремс, Н. Н. Тихонович, Н. Н. Стрижов, один из первых советских кинорежиссеров К. В. Эггерт, брат первой жены Сталина ученый-ориенталист А. С. Сванидзе и первый муж дочери Сталина кинорежисер А. Я. Каплер, дочь Марины Цветаевой Ариадна Эфрос, муж Анны Ахматовой профессор Н. Н. Пунин и многие другие известные личности [22—24].

В феврале 1930 г. бюро Коми обкома ВКП(б) приняло постановление о подготовке к раскулачиванию, а ОГПУ провело операцию по «изъятию» «контрреволюционной верхушки кулачества». Исследователи (Г. Ф. Доброноженко, А. Ф. Сметанин и др.) отмечают, что некоторые сельсоветы были объявлены на военном положении, вооруженные отряды окружали «кулацкие» деревни, проводились обыски, в Шошке, Палевицах, Прокопьевке и других селах «допускались издевательства и насилия над лицами, подлежащими раскулачиванию», причем часть имущества отняли и у середняков. «Кулаков» направляли на лесозаготовки, и они должны были работать по повышенным нормам, а уклонявшихся от работы судили. Пользуясь тем, что отсутствовали четкие критерии определения «кулаков», местные власти нередко произвольно подводили под эту категорию середняков и даже бедняков [13, с. 212—214].

В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) «О мерах по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» часть кулачества «подлежала высылке в отдаленные местности Союза ССР». Одним из таких «отдаленных» регионов стал европейский Северо-Восток. Спецпереселенцев использовали как рабочую силу для развития лесной промышленности, которая стала «главным фронтом социалистической индустриализации Коми области». По договору между областным отделом ОГПУ и Государственным лесопромышленным трестом «Комилес» в распоряжение треста в 1930 г. передавались пять тысяч «кулацких семей». В 1930—1931 гг. в Коми области было расселено в спецпоселках 40 325 чел. из Украины, центральных черноземных областей, Нижневолжского края, Средней Азии, БССР и Крыма. По данным историков, спецпереселенцы вместе с административно высланными и «местным контрреволюционным элементом» в 1932 г. составляли в Коми области почти четверть населения. И это не считая заключенных! В некоторых районах местное «вольное»

население составляло чуть более половины, а то и меньшинство жителей. В последующие годы численность спецпереселенцев в регионе сократилась из-за высокого уровня смертности и бегства из спецпоселков. Но в начале 1940-х гг. в регионе появились новые категории спецпоселенцев — поляки, евреи и немцы, а во второй половине 1940-х гг. — члены семей ОУНовцев, «власовцы», литовцы и др. Всего в Коми в 1930—50-е гг. было переселено более 110 тыс. спецпереселенцев [20, 25, 26].

На состоявшемся в 1928 г. совещании по вопросам агитации, пропаганды и культурного строительства при ЦК ВКП(б) было сказано, что «в национально-культурном строительстве... проявляются попытки направить развитие национальной культуры по буржуазно-демократическому пути (ориентация на «культурный» запад, отрицание руководящей роли пролетариата в развитии национальной культуры, идеализация национальной «старины» и т. д.)». Было дано указание провести соответствующую разъяснительную работу и направить развитие национальной культуры туда, куда надо партии [27, с. 434].

По меткому выражению видного российского историка С. О. Шмидта, тридцать седьмой год для краеведения начался в двадцать девятом. Это суждение применимо и к судьбе всей интеллигенции, да и к населению страны в целом. По мнению А. Ф. Сметанина, для Коми автономной области начальным рубежом ужесточения политического курса стал 1929 г., когда Коми АО вошла в состав Северного края, прекратились дискуссии о возможных вариантах развития коми национальной государственности, а попытки отстаивания ее интересов стали расцениваться как проявление национализма и национал-шовинизма [13, с. 211]. Одной из первых жертв репрессий в Коми области стал упоминавшийся публицист И. А. Шергин. В 1929 г. его арестовали, нашли рукописи «Ленинско-коммунистическое самообользование» и др. На допросах Шергин сказал: «Построение социализма — это фантазия... Учение Ленина я не признаю, Ленина гением я не считаю. Деятельность Сталина считаю в корне неправильной...». Он был отправлен в ссылку и умер от истощения [24, с. 124].

Началась борьба с «кулацкой» идеологией в литературных и научных произведениях. Объединенный пленум Коми обкома и областной контрольной комиссии ВКП(б) в 1930 г. постановил, что «местный национал-шовинизм в момент обострения классовой борьбы является отображением сопротивления кулачества развернутому наступлению рабочего класса, выкорчевыванию корней капитализма». «Нацшовинизм» был провозглашен «главной политической опасностью для областной парторганизации». «Бороться надо было и с «примиренчеством к нему, представляющим главную политическую опасность» [27, с. 436, 437].

Было объявлено, что литература и наука являются «полем битвы» между «пролетарской» и «буржуазной» культурами. В 1930 г. в журнале «Ленин туйцд» («По ленинскому пути»), № 5—6 появилась статья Ф. Г. Тараканова «Из национал-шовинистического болота на ленинский путь», автор которой (позднее репрессированный за «национал-шовинизм») подверг грубой критике «махровых националистов» — бывших эсеров, земских деятелей и т.п., активно участвовавших в установлении советской власти, социокультурном развитии области, но имевших такие «пятна» в биографиях. К числу этой «белогвардейской националистической сволочи», как выразился Тараканов, принадлежали многие коми интеллигенты. В конце 1932 г. начались аресты среди коми интеллигенции. «Никто не гарантирован, что сегодня жив, а завтра поведут в тюрьму, а там или с голоду подохнешь или расстреляют» — записал 19 апреля 1933 г. в своем дневнике видный краевед А. А. Цембер [28].

Арестованный в 1933 г. Д. А. Батиев вынужден был «сознаться», что организовал экономо-географический кружок при Коми областном музее только как прикрытие для своей «контрреволюционной организации», готовившей вооруженное восстание в Коми области (!). Их конечной целью была будто бы «организация самостоятельной демократической республики» «под протекторатом Финляндии или Англии». По иронии судьбы, Батиева отправили в Ухтпечлаг, у истоков создания которого стоял он сам [29, с. 102]. Один из крупнейших коми

ученых и писателей В. И. Лыткин был арестован и осужден как член мифического Союза освобождения финских народностей, который будто бы ставил целью «отторжение путем вооруженного восстания Удмуртской автономной области и других автономий (Марийской, Мордовской, Карельской, Коми-Зырянской) от СССР и создание единой финно-угорской федерации с демократической формой правления под протекторатом Финляндии» [30].

Убийство С. М. Кирова в 1934 г. дало толчок новому витку репрессий. Кульминацией репрессий в отношении регионального руководства исследователи считают внеочередной пленум Коми обкома ВКП(б) 1—2 ноября 1937 г., созванный по указанию ЦК ВКП(б) и посвященный «неудовлетворительной работе областной парторганизации по выполнению указания тов. Сталина по разоблачению и выкорчевыванию врагов партии и народа». Начальник управления НКВД Д. Г. Ковалев объявил, что раскрыта контрреволюционная буржуазно-националистическая организация, будто бы действовавшая в Коми целых 20 лет и планировавшая объединение всех территорий с угрофинскими народами страны в буржуазную республику под протекторатом Финляндии. По этому делу были арестованы политические и хозяйственные деятели, работники науки, просвещения, культуры, медицины, в числе которых три бывших руководителя Коми обкома ВКП(б), шесть бывших председателей Коми облисполкома, три секретаря, семь бывших заведующих отделами и несколько других ответственных работников обкома компартии, 25 секретарей райкомов и горкома, председатель Сыктывкарского горисполкома и 20 председателей райисполкомов [21, с. 560, 561].

В 1940-х гг. количество арестов заметно уменьшилось. Однако вышедший на свободу Д. А. Батиев был снова арестован и расстрелян. Коми писатель Н. П. Попов, еще не отбывший заключение, был осужден на новый срок, после отбытия которого отправлен в ссылку. Выдающегося деятеля коми культуры В. А. Савина по истечении срока заключения отправили на поселение в Сибирь, где он и скончался. Экономиста А. И. Бабушкина, вернувшегося домой из лагеря, сослали на лесоповал в Красноярский край.

После смерти Сталина количество лагерных поселений в регионе значительно снизилось, сократилось общее число заключенных. В середине 1950-х гг. окончательно освободили (сняли с учета) всех спецпереселенцев — бывших «кулаков», большинство «власовцев». Началось частичное освобождение немцев-спецпоселенцев, хотя полностью их освободили из-под административного надзора в местах проживания только в 1964 г., а разрешение селиться в других районах страны и возвращаться в родные места дали лишь в 1972 г.

Но ликвидация ГУЛАговско-спецпоселенческой системы отнюдь не означала, что европейский Северо-Восток России перестал быть местом размещения политических противников советской власти. Во-первых, здесь остались многие бывшие заключенные и спецпереселенцы (большинству не разрешали выезжать). Во-вторых, политссылка в регион не прекратилась полностью. Так, Р. И. Пименов, правозащитник, ученый-математик, близкий друг А. Д. Сахарова, в середине 1950-х гг. отбывавший заключение под Воркутой, в 1970 г. был вновь осужден за свою диссидентскую деятельность и опять отправлен в ссылку в Сыктывкар, где и прожил два десятилетия. В 1983 г. в Коми АССР был сослан соредaktor журнала «Поиски» Глеб Павловский (позднее — видный политтехнолог). Перечень этот можно продолжить.

В заключение хотелось бы сказать несколько слов относительно время от времени возникающих в России дискуссий о том, надо ли сегодня обращаться к теме политических репрессий, происходивших когда-то в СССР. Накал этих дискуссий свидетельствует, с одной стороны, об очевидном интересе немалого числа людей к политической истории 1920—50-х гг. А с другой, о том, что, споря, оппоненты, в сущности, не стремятся понять друг друга. Каждый отстаивает свою позицию, не давая себе труда вслушаться в аргументы «противной стороны», кажущейся в результате гораздо более «противной», чем есть на самом деле. Обычные аргументы одних: «зачем ворошить прошлое», «долой очернительство»... Не менее стандартные аргументы других: «не позволим замалчивать», «не лакируйте минувшее»... Каза-

лось бы, антагонистическое противоречие. А в реальности никакого противоречия нет, по своему правы (и не правы) и те, и другие.

Да, правда, не надо «замалчивать» прошлое, но и «ворошить» его не надо. Слава Богу, ушел ажиотаж конца 1980-х — начала 1990-х гг. минувшего века, когда впервые стало возможным говорить об истории России без прикрас, откровенно выражая свои мысли. Многим (и мне в том числе) хотелось это сделать, и порой в азарте иные выражались так, что теперь и читать неловко. Вот тогда, действительно, хотелось «разворошить прошлое», и это получилось как нельзя лучше (может быть, кто-то сформулирует иначе — как нельзя хуже). Однако со временем интерес к поиску «жареных фактов» благополучно угас, их любители переключились на другую тематику, а изучение истории политических репрессий продолжил гораздо более узкий круг людей, среди которых, кстати, не только специалисты-ученые, но и непрофессиональные историки, занявшиеся этим по зову души.

И вот эти серьезные исследования, продолжающиеся и сегодня, представляются мне чрезвычайно важными — не менее важными, чем исследования любых других аспектов истории. Ибо как человеку очень дорог его личный опыт, помогающий принять правильное решение в трудной ситуации, так же и государству невероятно ценен исторический опыт, дающий возможность более точно выбрать направление дальнейшего развития.

Естественно, стремление во что бы то ни стало погромче крикнуть, заявить о себе, побольнее «укусить» «идеологического противника», «помяная» про репрессии при каждом удобном и неудобном случае, присущее некоторым, к сожалению, и сегодня, вызывает отторжение и ни к какому позитивному результату привести не может даже при самых благих намерениях (каковыми, как известно, вымощена дорога в ад).

Но любое серьезное исследование неполноценно без возможности сделать его результаты достоянием общественности — опубликовать, обсудить на различных форумах (естественно, обсудить в деловой, конструктивной обстановке, без ненужной экзальтации и «охоты на ведьм»). Поэтому можно только приветствовать издание солидных трудов и проведение научных конференций по истории политических репрессий, а сомнения в их целесообразности кажутся мне, мягко говоря, надуманными.

На память приходит старая мудрость: «Кто старое помянет, тому глаз вон. А кто старое забудет, тому оба долой». Всеу ничего, в том числе и «старое» (в данном случае — историю репрессий), помянуть не надо, ибо пустословие здесь неуместно. Но это не значит, что «старое», наше прошлое, включая и его трагические страницы, можно преспокойно вычеркнуть из памяти. Забыв «старое», наш опыт, в том числе и горький, мы сами себя лишим зрения, возможности вглядываться в будущее и, как слепцы, будем суетливо и жалко топтаться на месте, не зная, какой идти дорогой. Ибо если слепой поведет слепого...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Комитеты бедноты в Коми крае, 1918: сб. док. / Центральный государственный архив Коми АССР; науч. ред. П. Е. Куклев. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1958. 307 с.
2. Установление Советской власти и гражданская война в Коми крае: сб. док. и матер. / Центральный государственный архив Коми АССР; науч. ред. Н.Н. Рогачев. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1966. 354 с.
3. Королева Е. Г., Попов А. А. Гражданская война в Коми крае, 1918—1920 гг. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1957. 206 с.
4. Попов А. А. Коми край в период иностранной интервенции и гражданской войны. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1962. 362 с.
5. Доронин П. Г. Извайльские партизаны. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1957. 136 с.
6. Чупров В. И. Социально-политическая жизнь северной деревни (1895 — февраль 1917 г.). М. : Наука, 1991. 177 с.

7. Политические репрессии в России. XX век: материалы регион. науч. конф., Сыктывкар, 7—8 дек. 2000 г. / Инст. языка, лит. и ист. Коми науч. центра УрО РАН; под ред. И. Л. Жеребцова (отв. ред.) [и др.]. Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2001. 255 с.
8. Вклад репрессированных в освоение европейского Севера России и Приуралья: материалы регион. науч. симпозиума, Сыктывкар, 19 октября 2001 г. / Инст. языка, лит. и ист. Коми науч. центра УрО РАН; под ред. А.Ф. Сметанина. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. 191 с.
9. Политические репрессии и сопротивление несвободе: материалы Всерос. науч. конф., Сыктывкар, 29—31 октября 2007 г. / Ин-т. языка, лит. и ист. Коми науч. центра УрО РАН; под ред. И. Л. Жеребцова. Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2009. 264 с.
10. ГУЛАГ на Севере России: материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием, Ухта, 27—28 окт. 2009 г. / Инст. языка, лит. и ист. Коми науч. центра УрО РАН; под ред. И. Л. Жеребцова. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2011. 128 с.
11. *Жеребцов И. Л., Таскаев М. В.* Революция и гражданская война в Коми крае (итоги и задачи изучения) / Историография Коми: материалы по ист. Коми. Сыктывкар : Коми НЦ УрО РАН, 1999. С.48—57.
12. Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий / редкол.: М. Б. Рогачев (гл. ред.) [и др.]. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1998—2009. 9 т.
13. *Савельева Е. А., Жеребцов И. Л., Сметанин А. Ф.* История Республики Коми. Научно-популярные очерки. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1996. 286 с.
14. *Жеребцов И. Л., Курочкин М. И.* Связь времен. Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2000. 863 с.
15. Историческая хроника. Республика Коми с древнейших времен / И. Л. Жеребцов [и др.]; под общ. ред. И. Л. Жеребцова. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2002. 342 с.
16. История Коми с древнейших времен до конца XX в.: в 2 т. / В. И. Чупров [и др.]; под общ. ред. А.Ф. Сметанина. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004. Т. 2.
17. *Таскаев М. В.* Небольшевистские партии и Белая армия в Коми крае (1917—1920 гг.). Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2000. 116 с.
18. *Жеребцов И. Л., Таскаев М. В.* Коми край в годы гражданской войны: население и власть. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1994. 24 с.
19. *Жеребцов И. Л., Таскаев М. В.* Черные годы. (Революция и гражданская война в Коми крае. 1917—1921). Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2001. 319 с.
20. Очерки по истории политических репрессий в Коми: учеб. пособие для вузов / И. Л. Жеребцов [и др.]; под общ. ред. И. Л. Жеребцова. Сыктывкар : Фонд «Покаяние», 2006. 242 с.
21. *Таскаев М. В.* Социально-политические процессы на Европейском Северо-Востоке России (1901 — первая половина 1930-х гг.). Екатеринбург : УрО РАН, 2011. 610 с.
22. *Морозов Н. А.* ГУЛАГ в Коми крае. 1929—1956. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 1997. 189 с.
23. *Максимова Л. А.* Лагерная индустриализация в Коми: опыт анализа. Сыктывкар : Изд-во СыктГУ, 2005. 24 с.
24. *Полещиков В. М.* За семью печатями. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 1995. 270 с.
25. *Игнатова Н. М.* Спецпереселенцы в Республике Коми в 1930—1950-е гг. Сыктывкар : Коми кн. изд-во, 2009. 192 с.
26. Спецпоселки в Коми области: по материалам сплошного обследования, июнь 1933 г. : сб. документов / ред.-сост. Г. Ф. Доброноженко. Сыктывкар, 1998. 298 с.
27. *Жеребцов И. Л.* Клинком марксистско-ленинского анализа / Покаяние: Коми республиканский мартиролог жертв массовых политических репрессий / редкол. : М. Б. Рогачев (гл. ред.) [и др.]. Сыктывкар : Коми кн. Изд-во, 1998. Т. 1. С. 426—467.
28. *Макеева Е. А., Панчишина Н. Ф.* «Весь многолетний труд» (из дневников А. А. Цембера) / Родники пармы. Сыктывкар, 1990. Вып.2. С. 87—95
29. *Жеребцов И. Л.* Создатели Коми автономии. Сыктывкар : Изд-во «Кола», 2006. 125 с.
30. *Демин В. Н., Жеребцов И. Л., Некрасова Г. А.* В. И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар : ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 1997. 57 с.

Статья поступила в редакцию 12 декабря 2013 г.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Богдан Хальчак

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И СОДЕРЖАНИИ СИНДРОМА «КРЕСОВ ВСХОДНИХ» В ПОЛЬШЕ

В 1990-е гг. в польских публицистических и научных работах все чаще в отношении восточных земель II Речи Посполитой, отошедших после Второй мировой войны к СССР, а в настоящее время входящих в состав Украины, Беларуси и Литвы, стал использоваться термин «кресы восточные», что свидетельствовало о возрождении этого понятия.

Во времена шляхецкой Речи Посполитой понятие «кресы» использовалось для обозначения Дикого Поля и степей, простиравшихся до Крымского Ханства. С конца XVIII в. «кресами восточными» в польском обществе стали называть включенные в состав России земли, однако без Королевства Польского, которое, находясь под властью царя, сохраняло определенную самостоятельность. Синонимом в обозначении бывших восточных территорий Речи Посполитой выступало понятие «отнятые земли», которое, правда, не распространялось на входившую в состав Австрии Галицию.

В межвоенный период под «кресами восточными» подразумевались восточные земли многонациональной Польши. Использовали это понятие преимущественно польские националистические круги, в то время как их оппоненты, допускавшие возможность соглашения с непольским населением (например, пилсудчики), старались не употреблять этот термин. Не принимали его и национальные меньшинства — украинцы, белорусы, литовцы.

Понятие «кресы восточные» (немецкое Ostmark) использовали в XIX — начале XX в. немцы, когда говорили о землях, присоединенных в результате разделов Речи Посполитой к Пруссии (так называемая Великопольша). Употребление этого термина было характерно в первую очередь для представителей немецкой националистической организации «Немецкий союз кресов восточных» (Der Deutsche Ostmarkenverein), который поляки называли Nakata (по первым буквам фамилий его основателей. — *прим. переводчика*). Его главной целью было онемечивание местного населения. Очевидно, что проживавшие на данной территории поляки выступали категорически против употребления этого понятия в отношении своих земель.

В межвоенной Польше факт происхождения с «кресов восточных» не являлся поводом для гордости. Причиной этого было негативное отношение на польских землях к выходцам с «кресов», которых считали неудачниками, глупыми, примитивными, темными людьми. Такой же стереотип пропагандировали литература, радио и кино. Среди наиболее популярных радиопрограмм того времени был цикл сатирических передач, посвященных приключениям двух друзей — «Щепчо и Тоньчо», которые появлялись и в кинофильмах в исполнении актеров Х. Вогельфагера и К. Вайды.

Хальчак Богдан — заведующий Отделом исторической мысли и общественных движений Института политологии Зеленогурского университета (Польша), профессор, доктор habilitованы. E-mail: bohdan_halczak@wp.pl

Можно предположить, что для жителей центральной и западной Польши именно «Щепчо и Тоньчо» стали символом людей с «кресов». Друзья были неудачниками и бродягами, связанными с миром львовских улиц, занимались попрошайничеством и выполняли случайно подвернувшуюся работу. При этом «Щепчо и Тоньчо» были круглыми дураками. Канву передач составляли разговоры друзей, отражавшие их наивность и примитивизм. Велись эти беседы на польском языке, «обогащенном» украинскими, немецкими, венгерскими словами и украинским акцентом.

В такой ситуации неудивительно, что имевшие жизненные амбиции польские жители «кресов» старались не походить на «Щепчо и Тоньчо». Мне вспоминаются разговоры с представителями польской интеллигенции, выходцами из Львова. Собеседники признавались, что в детстве зачастую жили в «двойном» мире. На улице, с друзьями они общались на дворовом языке, а в семье от них требовали разговаривать на литературном польском языке.

Негативный стереотип людей с «кресов» сохранился и в годы Второй мировой войны. Он проявился, например, в фильме «Все свои» С. Хенчиньского (1967 г.), где главные герои Каргуль и Павляк после окончания войны прибывают откуда-то с «кресов» в Нижнюю Силезию. Фактически это были уже известные нам «Щепчо и Тоньчо», только постаревшие и деморализованные пережитыми потрясениями. Официальный жанр фильма комедия, но я бы назвал его фильмом ужасов. Оба героя чрезвычайно мстительные, примитивные и алчные. Их связывает странное чувство, основанное на смеси ненависти и привязанности.

Столкнуться с проявлением насмешек со стороны жителей других регионов Польши (особенно из Великопольши) в отношении выходцев с «кресов» можно было и без просмотра фильмов. В 1970-е гг. я поехал в составе группы на экскурсию по Западному Поморью. Мы проезжали через разные населенные пункты, выглядевшие в целом очень ухоженными. Однако среди деревень была одна похуже. Оставшиеся после немцев дома в ней были запущенными, а всюду чувствовалась бесхозяйственность. На вопрос одного из участников поездки о причинах такого положения экскурсовод ответил: «Потому что здесь живут все свои!» (в данной ситуации имеет место ассоциация с героями фильма «Все свои», а также с тем обстоятельством, что в результате проведенной в 1947 г. акции «Висла» на западные земли принудительно были выселены украинцы из юго-восточных районов Польши. — *прим. переводчика*). В автобусе разразились хохотом, хотя часть присутствовавших имела кислый вид. Со временем, однако, негативный стереотип людей с «кресов» несколько смягчился.

В современном польском обществе есть группа людей, которые называют себя «кресовяками» (выходцами с «кресов»). В межвоенной Польше так называли выходцев из восточных районов страны — поляков, украинцев, белорусов, литовцев. Современные же «кресовяки» украинцев своими не считают. В годы Второй Речи Посполитой «людей с кресов» легко узнавали, даже если они были поляками. Их отличал особый акцент, слова, одежда и поведение. Какие же современные факторы влияют на то, что человек становится «кресовяком»? Что следует понимать под современным понятием «кресы»?

В поисках ответа я обратился к работе международного признанного специалиста профессора Института социологии Жешувского университета З. Рикеля «Основы политической географии» (Rykiel Z. Podstawy geografii politycznej. Warszawa: Polskie Wydawnictwo Ekonomiczne, 2006. 263 s.). Эта книга является академическим учебным пособием, изданным при поддержке министерства образования и науки Республики Польша. Забегая вперед, отмечу высокий уровень рассматриваемой работы и напомним, что особенностью такого рода публикации является то, что она содержит признанную научным сообществом объективную информацию и не может содержать теорий, предлагаемых автором. Дальнейшие ссылки по тексту сделаны на эту книгу.

Проблеме «кресов» профессор Рикель посвятил целый подраздел. Он указал, что это понятие не является польской особенностью. Издавна оно использовалось как в Европе, так и

на других континентах. Рикель пишет: «Сущностью кресов выступает срединность между границей и территорией. Кресы связаны не столько с границей (англ. border), сколько с широко понимаемым пограничьем (англ. borderland) как переходным пространством между территориями с неустановленной линией границы» (s. 135). Далее автор замечает, что «характерной чертой кресов выступает относительная слабость государственной власти при видимости ее силы. На кресах слабая государственная власть часто выступает лишь номинально, не имея достаточной исполнительной силы. Видимость последней создают главным образом... военные структуры, которые зачастую действуют независимо от центральной власти» (s. 141).

Таким образом, «кресы» это своеобразный Дикий Запад. Именно такой пример приводит Рикель. Это территория, где нет четко обозначенной границы, не функционирует нормальная жизнь общества, а единственным представителем государства выступает армия, которая находится в хорошо укрепленных крепостях. На окраинах («кресах») господствует беззаконие. После знакомства с таким определением становится очевидным, что в межвоенной Польше не было явления, которое можно обозначить как «кресы восточные».

Восточная граница государства была четко определена в международных договорах, установлена и тщательно охранялась. В восточных воеводствах Польши действовала государственная администрация, полиция и суды, существовали органы местного самоуправления, общественные организации. В некоторых населенных пунктах (например, в Вильне, Львове) бурно развивалась культурная жизнь. Работали высшие учебные заведения, театры, издательства, художественные галереи. Разве можно эти земли назвать «кресами»?

Обозначение восточных воеводств межвоенной Польши термином «кресы» является в определенном смысле оскорблением в адрес руководства страны. «Кресовость» выступает временным явлением, которое каждая государственная власть стремится ликвидировать в кратчайшие сроки. Что ж получается, что за 20 лет Польская республика так и не смогла ликвидировать «окраинность» на своих восточных землях?

Использование термина «кресы восточные» является проявлением крайнего неуважения по отношению к украинским, белорусским, еврейским, литовским и польским жителям восточных земель межвоенной Польши. Оно фактически низводит их до положения дикарей, живших в примитивном мире постоянной войны и беззакония. Да, в этих районах наблюдались острые межнациональные конфликты, однако это было характерно для всей Польши. Кроме проблем с украинцами, белорусами или литовцами были польско-еврейские и польско-немецкие столкновения. Даже в Варшавском университете доходило до серьезных конфликтов между польскими и еврейскими студентами. Можем ли мы это учебное заведение назвать «кресами восточными»?

Понятие «кресы восточные» не может использоваться в научных работах, посвященных II Речи Посполитой. Его появление следует трактовать как серьёзную ошибку. Употребление же понятия «кресы» в общественной жизни никак не связано с действительностью, которая скрывается за ним, и несет в себе сильную идеологическую окраску. Рикель замечает: «Те, для кого кресы являются кресами, воспринимают их как цивилизационный вакуум, зачастую только предполагая его, что обычно неправильно. Ощущение цивилизационной пустоты несет в себе пионерский этос: жизнь в трудных условиях, борьба с природой и варварами, полагание на собственные силы и одновременно чувство цивилизационной миссии, которая приобретает образ исторического миссионерства либо необходимости насаждения культуры... Эти убеждения и идеология происходят из чувства осознания себя цивилизационно или культурно более развитыми. Однако это ощущение несет в себе безосновательность убеждения о цивилизационном вакууме. Превосходство всегда воспринимается в отношении чего-либо или кого-либо, что в свою очередь предполагает существование мультикультуральности или хотя бы двух культур. В данном контексте чувство собственного цивилизационного превосходства приводит, с одной стороны, к автоматическому признанию собственной принадлежности к

высшему этноклассу, которому позволена заносчивость, а с другой — к удовлетворению от получения [в качестве союзника] чужих, но верных проводников собственных устремлений. ...Односторонность и преобладание связаны с чувством собственного цивилизационного или культурного превосходства. Поддержание в себе этого ощущения приводит к ошибочному мнению об очевидности и односторонности культурного воздействия» (s. 141, 142).

Рикель отмечает, что «важным фактором создания мифической силы кресов выступает дополнительное оценивание пришельцев как господствующего этнокласса. На окраинах этническая культура прибывших ассоциируется с барственностью (панами), а местные жители в таком случае представляют крестьянский этнокласс. Активность в действиях определяет романтическую привлекательность кресов. Такое поведение можно рассматривать в категориях Фрейда, т. е. как садистское стремление к покорению, подчинению, получению, так и мазохистское сожаление, связанное с собственными усилиями, страданиями, потерями и обязательной защитой своей добычи перед реконкистой. Появляется миф «рыцарей из-под кресовых станиц», а также ментальность сахиба (пана), победителя для своей страны и одновременно защитника, обычно от тех, кого раньше завоевал» (s. 142).

По мнению Рикеля понятие «кресы» близко понятию колониальное поселение. В обоих случаях речь идет о завоевании страны этнически чуждыми захватчиками, которые со временем становятся доминирующим этноклассом. Однако в случае колонии и окраин выступает существенная разница в ментальности господствующего этнокласса: «Колониальная ментальность характеризуется отсутствием ощущения стабильности и укоренения, чувством временного пребывания, неуверенности и опасности, отождествлением отечества или родины с метрополией, а не с колонией, изоляцией в отношении аборигенов. ...Кресовая ментальность в свою очередь характеризуется отождествлением господствующего этнокласса с территорией проживания как с малой родиной и квинтэссенцией идеологической родины. Этот процесс подразумевает символическую аннексию территории путем освоения пространства с последующей трансформацией его в место или места. Место уже воспринимается как свое, а не чужое. В процессе освоения пространства важно обозначать его как место рождения своих детей, могил предков и святынь собственной религии, обрядов или идеологии» (s. 145, 146).

Таким образом, какую идеологическую составляющую несет в себе понятие «кресовяк» в свете рассматриваемой работы Рикеля? Это убежденность в собственном расовом превосходстве, прирожденном праве господствовать над этнически другими людьми. «Кресовяки» хорошо понимают, что являются потомками захватчиков и представляют собой незначительное меньшинство в государстве своего проживания. Несмотря на это они наделяют себя правом на исключительное господство в этой стране и над ее исконными жителями. В собственном понимании они являются чем-то вроде «сахибов», господствующих над толпой «варваров». «Кресовяки» по-своему любят страну своего пребывания, но эту любовь можно назвать извращенной. Они не принимают культуру местных жителей, которую, кстати, чаще всего не знают, и стремятся осуществить «символическую аннексию» территории, ранее завоеванную силой оружия.

Использование отдельными поляками понятия «кресовяк» является сильным оскорблением для украинцев, белорусов, литовцев и русских. Оно, как и понятие «антисемит» в отношении евреев, содержит выражение ненависти и расистского пренебрежения, а потому исключает возможность какого-либо согласия. Диалог между польским «кресовяком» и украинцем, белорусом, литовцем или русским также трудно представить, как и диалог между евреем и «антисемитом». Разница заключается только в том, что после Второй мировой войны понятие «антисемит» стало в Польше политически некорректным, чего нельзя сказать о «кресах восточных» и «кресовяках».

CONTENTS

PREFACE

ARTICLES: **E. V. Baranova**. The Role of Vladimir Ivanovich Picheta in the Maintaining of the Historical Science and Education at the Belarusian State University; **E. M. Zagorulsky**. The place of the bearers of the culture of long barrows in the Slavic ethnogenesis; **S. L. Lugovcova**. The staff policy of the Russian authorities in Belarus after the suppression of revolts 1830—1831 and 1863—1864 (attempt of the comparative analysis); **O. N. Karlina**. Customs control organization on the Western border of the Russian Empire at the end of 18-th — first half of the 20-th century (on the materials of the Volyn Gubernia); **V. A. Kohnovich**. Features and social services of the migrants from Minsk region late XIX century; **A. P. Salkov**. The USSR and the solution to the problem of Upper Hungary (Southern Slovakia) in the period of preparation for the Paris Peace Conference (May 1945 — July 1946).

CONTRIBUTIONS: **N. E. Orlova**. View of the West on perestroika in the USSR; **O. V. Brigadina**. The courts of honor over the Soviet nomenklature (1947—1949); **E. V. Shilo**. Forms and especially noble charity in the Belarusian lands of the Russian Empire in the first half of the XIX century; **N. N. Goncharov**. Orthodox Russian folk concept «revolution from the right» of the early twentieth century; **J. V. Sitkevich**. The Prussian Factor in the Relationships between the Grand Duchy of Moscow, the Grand Duchy of Lithuania and Polish Kingdom in the End of the 15th — the first quarter of the 16th Centuries; **P. A. Nekrashevich**. Independent Lithuanian corps in the plans of Decembrists.

PORTRAIT IN HISTORY: **S. N. Khodzin**. D.fpryshchepa: history of a person as a history of the country; **L. A. Kozik**. Mieczysław Frantyszek Rakowski — the last prime-minister of the Polish People's Republic.

HISTORICAL EVENT — A PERSON IN HISTORY: **Sophie Coeuré**. Soviet Russia in Central and Eastern European geopolitics (1917—1927): presence vs. absence: Politics, space building and representations; **V. V. Repin**. Establishment of Soviet-Romanian diplomatic relations in 1934 and France in the context of projects of European collective security: goals, expectations, results; **S. S. Ledenev**. Economic aspects of Franco-Soviet relations in the context of French and Soviet interests in Central and Eastern Europe (1930—1937); **A. O. Pihanau**. Soviet-French relations in the context of the projects, intended to reorganize central Europe, 1931—1934; **Traian Sandu**. Impact of the rise of fascism in Central-Eastern Europe in the mid-1930s; **A. I. Bucha**. The recognition of the Soviet Union by Czechoslovakia in 1934 in the context of realization of the idea of «Eastern pact»

SOURCE STUDIES AND HISTORIOGRAPHY: **O. R. Yanovsky**. Short reviews, large meaning, or Source studies related aspects of the reviews by V. Picheta in 1907—1929; **V. A. Fedosik**. Palemon Pontus and the legend of Palemon in the annals ON; **A. A. Maximovich**. Anti-Soviet movement of 1920-1930-s in Central Asia in the study of modern Kazakh and Tajik historians.

PUBLICATIONS: Poland, Lithuania and the Crusaders in the late XIV — early XV century. pages mhrioniki Bernard Wapowski / L. L. Mikhaylovskaya.

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY:

Reflection on the Book: **A. I. Kuritsyn**. Russian monarchist ideology of emigration introduction N. V. Antonenko.

Reviews: **S. L. Lugovcova**. — Глушковский П. Ф. В. Булгарин в русско-польских отношениях первой половины XIX века: эволюция идентичности и политических воззрений. СПб.: Алетея, 2013; **E. B. Yershova (SUM. Moscow)**. — Ершова Э. Б. (ГУУ. Москва). Белорусская историческая наука об элите российского общества IX—XXI вв. (по материалам биографического справочника «Кортеж российской власти IX—XXI века»: в 3 ч. / под ред. профессора О. А. Яновского. Минск: РИВШ. 2013—2014.).

The Books in Brief

ACADEMIC LIFE:

An Invitation to the Discussion: **I. R. Chikalova**. Olga Alexeevna Novikova (1840—1925): «Unofficial Agent of the Russian Government» in London.

Scientific Forums and Programs: II International Conference «History of the northern regions of Russia: Forced labor in the Gulag» (Sytykyar, Vorkuta, 15—19 October 2013); Materials Science roundtable «Problems of history Problems, Belarus and Ukraine XIX — early XX century». (Minsk, October 28, 2013); Abstracts of presentations; Two Belarusian-fruntsuzskie scientific conferences on the general problem «Central Europe between France and the Soviet Union» (Paris, November 2013.; Minsk, October 2014).

Special guest: Interview of Professor V. I. Menkovskogo with leading experts in the field of historical demography and history Highest European North of Russia Igor Lyubomirovich Zhrebtsov; Stallions IL Island "Gulag Archipelago" in the European North-East of Russia.

Letter to the editorial office: **Bohdan Halczak**. About the origin and content of the Syndrome «Kresy wschodnie» in Poland.

На первой стороне обложки:

Четыре девы. Фреска в Королевском дворце в Эстергоме (ок. 1490 г.). Неизвестный итальянский автор.

На четвертой стороне обложки:

Вид на город с Эгерской крепости. Эгер (Венгрия).

На шмуцтитулах:

1-м (Статьи) — святые братья Мефодий и Кирилл (икона XIX в.), 2-м (Сообщения) — В. Васнецов. Нестор-летописец, 3-м (Исторические портреты) — гравюрный портрет Франциска Скорины (1517) из Библии Скорины 1517—1519 гг., 4-м (Историческое событие — личность в истории) — ангел коронует короля Милутина Неманича. Фреска из церкви монастыря Грачаница (Сербия, ок. 1320), 5-м (Источниковедение и историография) — Мастер Теодорик. Св. Иероним Пражский (Чехия, до 1367 г.), 6-м (Портреты историков) — византийская монета солид с портретным изображением императора Константина Багрянородного (945—959), крупнейшего представителя и реформатора византийской историографии, 7-м (Публикации) — лист из печатного Апостола Ивана Федорова (Россия, 1654 г.), 8-м (Критика и библиография) — казнь Яна Гуса на костре. Иллюстрация из Йенского кодекса (Чехия, рубеж XV—XVI вв.), 9-м (Научная жизнь) — Писарь. Изображение из Сборника попа Пунчо (Болгария, XVIII в.).

Научное издание

РОССИЙСКИЕ И СЛАВЯНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

НАУЧНЫЙ СБОРНИК

Выпуск IX

Ответственный за выпуск *Е. А. Логвинович*

Дизайн обложки *С. Н. Егоровой*

Технический редактор *Т. К. Раманович*

Компьютерная верстка *Л. Н. Копач*

Корректор *А. В. Ефимов*

Подписано в печать 20.12.2014.

Формат 70×100/16. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,38.

Уч.-изд. л. 33,7. Тираж 100 экз. Заказ 16.

Белорусский государственный университет.

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, производителя, распространителя
печатных изданий № 1/270 от 03.04.2014.

Пр. Независимости, 4, 220030, Минск.

Республиканское унитарное предприятие

«Издательский центр Белорусского
государственного университета».

Свидетельство о государственной регистрации
издателя, производителя, распространителя
печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.

Ул. Красноармейская, 6,

220030, Минск.